

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
Педагогический институт
Историко-филологический факультет
Кафедра филологии

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА

Сборник научных трудов по итогам
Международной научной конференции,
приуроченной к юбилею Заслуженного деятеля науки
Российской Федерации, доктора филологических наук,
профессора Белгородского государственного
национального исследовательского университета
Николая Фёдоровича АЛЕФИРЕНКО

Белгород
2016

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус
К 48

Печатается по решению Ученого Совета
Педагогического института НИУ «БелГУ»

Рецензенты:

Аматов А.М., доктор филологических наук, профессор (г. Белгород);
Попова А.Р., доктор филологических наук, профессор (г. Орёл)

Редакционная коллегия:

Огнева Е.А., д.ф.н., доц., **Озерова Е.Г.**, д.ф.н., доц.,
Стебунова К.К., к.ф.н., **Чумак-Жунь И.И.**, д.ф.н., доц.

Составители:

Озерова Е.Г., д.ф.н., доц., **Стебунова К.К.**, к.ф.н.,
Чумак-Жунь И.И., д.ф.н., доц.

К 48

Когнитивно-дискурсивные стратегии развития языка:

Сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции, приуроченной к юбилею Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора филологических наук, профессора Белгородского государственного национального исследовательского университета Николая Фёдоровича Алефиренко (11-12 января 2016 г.) / Сост. д.ф.н., доц. Е.Г. Озерова, к.ф.н. К.К. Стебунова, д.ф.н., доц. И.И. Чумак-Жунь. – Белгород : ООО «Эпицентр», 2016. – 508 с.

ISBN 978-5-9907865-4-7

В юбилейный сборник научных работ в честь 70-летия доктора филологических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки РФ Николая Фёдоровича Алефиренко включены статьи, отражающие проблематику его научной школы «Когнитивная лингвокультурология». Авторы сборника – ученики, последователи и коллеги Н.Ф. Алефиренко из разных городов России, зарубежные учёные, преподаватели кафедры филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, где юбиляр работает с 2004 года. Представленные в сборнике исследования посвящены осмыслению динамики концептосферы языка, прямо- и косвенно-номинативным механизмам вербализации концепта, лингвокогнитивным и лингвокультурологическим приёмам сопоставительного анализа процессов номинации и синергетической архитектоники текста и дискурса.

Сборник адресуется лингвистам-исследователям, аспирантам и студентам.

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус

ISBN 978-5-9907865-4-7

© НИУ «БелГУ», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

МУДРОСТЬ ЛУЧШЕ ЖЕМЧУГА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА НАУЧНОЙ «ГОЛОГРАММЫ» Н.Ф. АЛЕФИРЕНКО <i>Харри Вальтер</i>	7
УЛОВИТЬ РАЗУМОМ ПРОСТУЮ КАРТИНУ ВОЗВЫШЕННОЙ СТРУКТУРЫ ВСЕГО СУЩЕГО <i>Л.К. Жаналина</i>	12
ЖИВОЕ СЛОВО	25
«РАССТАВАНИЕ С ЯЗЫКОМ»: МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ <i>В.Н. Базылев</i>	25
ЖИВОЕ СЛОВО ДОРОЖЕ МЁРТВОЙ БУКВЫ: ЯЗЫК В СВЕТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПОСТМОДЕРНИЗМА <i>Н.Ф. Алефиренко</i>	31
КОНТИНУАЛЬНОСТЬ СЕМАНТИКИ «ЖИВОГО» СЛОВА <i>Л.А. Лебедева</i>	38
КЛЮЧЕВЫЕ КОНЦЕПТЫ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ И СПОСОБЫ ИХ ВЕРБАЛИЗАЦИИ (фразеология) <i>А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко</i>	45
ЛИНГВОКРЕАТИВНАЯ ПРИРОДА НЕОЛОГИЗАЦИИ <i>Л.Ю. Касьянова</i>	58
ЛИНГВОКРЕАТИВНАЯ СПЕЦИФИКА ЛЕКСИЧЕСКИХ НОВООБРАЗОВАНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ БЕЛГОРОДСКИХ АВТОРОВ) <i>Л.И. Плотникова, И.И. Сидельникова</i>	64
ФАКТОРЫ ЯЗЫКОВОЙ ДИНАМИКИ: ТЕНДЕНЦИИ И НОРМА РУССКОГО ЯЗЫКА <i>Л.А. Шестак</i>	71
ЯЗЫКОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ГРУППЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ НАРОД <i>Г. М. Шипицына, Ю.О. Чавыкина</i>	78
РОЛЬ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ В ИЗМЕНЕНИИ СЛОВАРНОГО СОСТАВА РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА XIX В. (на материале женских <i>nomina</i> <i>professionalia</i>) <i>В.В. Демичева, О.И. Ерёмченко, Т.В. Яковлева</i>	85
ФРАЗЕОЛОГИЯ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ	92
НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА В ЗЕРКАЛЕ КОГНИТИВНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ <i>С. И. Георгиева</i>	92
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ДЕМОКРАТИЗАЦИЮ РУССКОГО И ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКОВ (СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ) <i>Е.В. Сенько</i>	96
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСЕМ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ОДЕЖДА» (ПО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА) <i>Т.К. Бардина</i>	103
ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ <i>Р.Х. Хайруллина</i>	109
МНОГОУРОВНЕВОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА <i>О.И. Авдеева</i>	116
РУССКИЙ ФРАЗЕОЛОГИЗМ: ГРАНИ МЕНТАЛЬНО-ЗНАКОВОЙ САМОБЫТНОСТИ <i>Л.Ю. Буянова</i>	123
АНТРОПОМОРФИЗАЦИЯ ОБРАЗА СУДЬБЫ В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ <i>С.А. Кошарная</i>	129
СЕМАНТИКО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ <i>Тянь Цзюнь</i>	136
СОМАТИЧЕСКАЯ ФРАЗЕМИКА, НОМИНИРУЮЩАЯ <i>ГНЕВ</i> (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АРАБСКОГО ЯЗЫКОВ) <i>С.А. Абдельхамид</i>	145
СЕМАНТИКА КОЛОРАТИВОВ «БЕЛЫЙ» И «ЧЁРНЫЙ» В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ) <i>М.А. Котышова, Лю Сини</i>	150
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ВРЕМЕНИ (на материале английского, французского и русского языков) <i>С.А. Моисеева, Е.А. Ухналёва</i>	156
ТИПОЛОГИЯ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ (ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ) <i>И.И. Жиленкова</i>	164
ФРАЗЕМИКА В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА И РЕЧИ	171
СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ ФРАЗЕОСОЧЕТАНИЙ С ЛЕКСЕМОЙ <i>ВРЕМЯ</i> <i>З.Д. Попова</i>	171

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА И ПРОБЛЕМА МОТИВИРОВАННОСТИ ФРАЗЕМЫ <i>О.А. Воронкова</i>	178
ДИСКУРСИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА КОННОТАТИВНОГО МАКРОКОМПОНЕНТА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ <i>Е.И. Симоненко</i>	183
СЛЕДЫ СТАРОСЛАВЯНСКИХ УСТОЙЧИВЫХ СЛОВЕСНЫХ КОМПЛЕКСОВ В РУССКОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ <i>С.Г. Шулежкова</i>	190
ОККАЗИОНАЛЬНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ <i>И.Ю. Третьякова</i>	197
АНГЛИЙСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ С КОМПОНЕНТОМ <i>МАКЕ</i> : ВИДЫ ВАРИАНТНОСТИ <i>Н.В. Клюжева, Т.Н. Федуленкова</i>	204
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ КОНЦЕПТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ <i>О.В. Куманок</i>	211
ДИАЛЕКТНЫЕ ФРАЗЕМЫ С СЕМОЙ 'РОСТ' В ТЕМАТИЧЕСКОМ ПОЛЕ «ЧЕЛОВЕК» <i>И. А. Аглеев</i>	218
СИНТАКСИЧЕСКИЕ ИДИОМЫ – ДИСКУРСНЫЕ МАРКЁРЫ ЭКСПРЕССИВНОЙ УСТНОЙ РЕЧИ <i>И.Н. Кайгородова</i>	223
ИЗОМОРФИЗМ И АЛЛОМОРФИЗМ ВАРИАНТА КАК КОМПОНЕНТА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ В ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО, НЕМЕЦКОГО И ШВЕДСКОГО ЯЗЫКОВ) <i>Т.Н. Федуленкова</i>	229
ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМА <i>ВЪЕХАТЬ НА БЕЛОМ КОНЕ</i> В ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ИНТЕРНЕТ-ПУБЛИЦИСТИКИ <i>Е.В. Кудрявцева</i>	236
ГОГОЛЕВСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДИСКУРС КАК ФРАЗЕМОПОРОЖДАЮЩЕЕ ПРОСТРАНСТВО <i>К.К. Стебунова</i>	240
ФРАЗЕОГРАФИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОГО ОПИСАНИЯ ЯЗЫКА <i>З.Р. Аглеева</i>	247
ПАРЕМИОЛОГИЯ	254
ЦЕННОСТЬ КАК КОГНИТИВНАЯ ДОМИНАНТА ПАРЕМИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ <i>Н.Н. Семенов</i>	254
ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПТА «ВЛАСТЬ» В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ <i>О.Н. Прохорова, И.В. Чекулай</i>	260
ЦЕННОСТЬ КАК ФАКТОР МЕНТАЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМА ОЦЕНОЧНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПАРЕМИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ <i>Г.А. Лисицына</i>	268
ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПОСЛОВИЦЫ <i>НА ВКУС И ЦВЕТ ТОВАРИЩЕЙ НЕТ</i> (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ИНТЕРНЕТ-ПУБЛИЦИСТИКИ) <i>К.С. Крюкова</i>	274
ДИСКУРС – КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНАЯ КАТЕГОРИЯ	279
ДИСКУРС КАК КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ ФЕНОМЕН И ЕГО СТРУКТУРА <i>Г.Н. Манаенко</i>	279
ДИСКУРС КАК ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ <i>С. В. Чернова</i>	286
ФАРМАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ДИСКУРСИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ <i>Г.П. Бурова, А.А. Буров</i>	292
О КОГНИТИВНОМ ОБОСНОВАНИИ КЛАССИФИКАЦИИ ДРАМАТУРГИЧЕСКИХ РЕМАРОК <i>М.А. Голованева</i>	299
ПОЛИМОРФНАЯ ПРИРОДА РОК-ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА <i>Ю.В. Маслова</i>	305
ТРЕХУРОВНЕВАЯ СТРУКТУРА ДИСКУРСА ТЕЛЕФОРМАТА (НА ПРИМЕРЕ БРИТАНСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ТЕЛЕСЕРИАЛА “DOWNTON ABBEY”) <i>А.А. Куценко</i>	313
СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ О. МАНДЕЛЬШТАМА) <i>М.Н. Осадчая</i>	319
К ВОПРОСУ О РОЛИ ФОНОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА В АВТОРСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЖУЛИАНА БАРНСА) <i>О.В. Дехнич, О.Н. Ярыгина</i>	327
СТОМАТОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ <i>А.В. Свиридова, М.М. Русакова</i>	332

ТЕКСТОВЫЕ ЕДИНИЦЫ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ <i>Д.С. Скарнев</i>	339
НОМИНАЦИЯ И СТРУКТУРА ТЕКСТА	347
К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАТЕЛЬНОМ АНАЛИЗЕ ТЕКСТА <i>Я. Галло</i>	347
КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ ТЕМНОТЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ В.Г. КОРОЛЕНКО «СЛЕПОЙ МУЗЫКАНТ») <i>И.И. Чумак-Жуль, Ж.А. Щербак</i>	353
АРХИТЕКТОНИКА ЦВЕТА В ЛИРИКОПРОЗАЧЕСКОМ ТЕКСТЕ <i>Е.Г. Озерова</i>	360
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК КОМПОНЕНТЫ ПОВТОРНОЙ НОМИНАЦИИ <i>К.И. Декатова, М.А. Курдыбайло</i>	367
ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ И ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ В КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОМ АСПЕКТЕ <i>Л.М. Болсуновская</i>	374
ТЕКСТОВАЯ ПЕЙЗАЖНАЯ МОДЕЛЬ КАК КОГНИТИВНЫЙ ФОРМАТ ЗНАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ А. ИРАСЕКА «ПСОГЛАВЦЫ») <i>Е.А. Огнева</i>	381
КОГНИТИВНАЯ ФУНКЦИЯ МЕТАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ В МУЛЬТФИЛЬМАХ <i>Н. М. Голева</i>	388
СПЕЦИФИКА МОЛЧАЩЕГО НАБЛЮДАТЕЛЯ В ДИСКУРСЕ РОМАНА «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО <i>В.В. Кичигина</i>	392
МЕДИАТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ <i>М.Ю. Казак</i>	401
СЕМАНТИЧЕСКИЕ РЕДУКЦИИ В МЕДИАТЕКСТЕ <i>Г.В. Бобровская</i>	408
ЛЕКСИКА ОГРАНИЧЕННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В АВТОРСКОМ МЕТАЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ <i>Л.А. Петрова</i>	415
МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО ВТОРИЧНОЙ НОМИНАЦИИ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ЭССЕ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА «КАК НАМ ОБУСТРОИТЬ РОССИЮ» <i>В.И. Трегубова</i>	422
ПРОБЛЕМЫ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА	428
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ В НАУКЕ О ЯЗЫКЕ И ЗАДАЧИ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ <i>Н.Б. Корина</i>	428
О СИНЕРГЕТИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К ИЗУЧЕНИЮ МЕНТАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ОЦЕНКИ <i>И.А. Куприева, С.Б. Смирнова, А.И. Бойко</i>	434
АКТИВИЗАЦИЯ ГЛАГОЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ОСОБЕННОСТЬ ЯЗЫКОВОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В НАШИ ДНИ <i>Е. М. Маркова</i>	441
НАУЧНЫЙ КОНЦЕПТ В ТЕКСТООБРАЗОВАНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РАБОТ В. И. ВЕРНАДСКОГО) <i>С.В. Ракитина</i>	448
МЕНТАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ТОПОНИМА В ЭТНОЛИНГВОСОЗНАНИИ <i>В.И. Супрун</i>	453
КОНЦЕПТ «ЦВЕТ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСЕМ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ КОЛОРОНИМОВ) <i>Л.П. Гашева, А.В. Свиридова</i>	460
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ МАЛОЙ ПРОЗЫ Л.Е.УЛИЦКОЙ) <i>У.У. Габитова</i>	466
КОНЦЕПТ «РОДИНА» В ПОЭМЕ И.А. ЧЕРНУХИНА «БЕЛ-ГОРОД» <i>Э.М. Левина</i>	473
ДИСКУРСИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА БИНАРНОГО КОНЦЕПТА <i>А. В. Магомедова</i>	479
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАССМОТРЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ВЕРБАЛИЗАТОРОВ КОНЦЕПТА “MUSLIM WORLD” <i>М.К. Козырева</i>	485
О НИКОЛАЕ ФЕДОРОВИЧЕ АЛЕФИРЕНКО.....	491
ОБАЯНИЕ ЛИЧНОСТИ	496
С ЮБИЛЕЕМ ПОЗДРАВЛЕНИЯ, ДОБРЫЕ БЛАГОСЛОВЕНИЯ.....	505

МУДРОСТЬ ЛУЧШЕ ЖЕМЧУГА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА НАУЧНОЙ «ГОЛОГРАММЫ» Н.Ф. АЛЕФИРЕНКО¹

Харри Вальтер

Германия, г. Грайфсвальд, университет им. Эрнста Морица Арндта
walter@uni-greifswald.de

Голограмма, как известно, – объемное трехмерное изображение объекта при помощи лазера. Именно в трехмерном единстве Фразеологии, Познания и Культуры работает наш юбиляр Николай Фёдорович Алефиренко. Лазером в его умелых руках становится метод когнитивно-семасиологического исследования, позволяющий рассматривать деривацию смысла в многообразии определяющих ее факторов – от генезиса до механизма вербализации ее результатов в форме знаков первичного и вторичного семиозиса, включенности знака в семиотическую систему национальной культуры. В многочисленных разработках ученого – именно «голограммное» видение объекта исследования, достижению которого способствует внимание к историческому вертикальному измерению словоупотребления и широкому горизонтальному дискурсивному контексту, синхронной стихии языка.

Далеко за пределами Белгородской научной школы пользуются разработанным Н.Ф. Алефиренко терминологическим аппаратом, когда выражения типа *заварить кашу* или *подложить свинью* начинают выстраиваться в *скрипты*, *гештальты*, *фреймы*, поражая всеми своими *слотами*, *этнодеймами* и *поэтической синегретикой*. И даже попадать во всякого рода *бленды*, т.е. ирреальные ситуации, когда в сознании объединяются несколько ментальных пространств, а в языке появляются сложные гибридные образования (Алефиренко, Аглеев 2013: 29). Для гуманитариев широкого профиля важно проведенное ученым разграничение, таких близких понятий, как языковая / фразеологическая картина мира, концептуальная система мира, модель мира, образ мира (Алефиренко 2010).

Именно Николаю Федоровичу удастся совместить в своей научно-педагогической деятельности заоблачные высоты трехмерного пространства, в моделировании которого, по мысли Н.Ф., состоит лингвокогнитивный эффект непрямой вербализации (Алефиренко, Аглеев 2013: 31), и глубину фразеосемиозиса в его когнитивно-метафорических кластерах с доступным, занимательным, таким полезным прежде всего в юношеской аудитории изложением истории отдельных фразеологизмов. Видимо, многим аспирантам уважаемого Юбиляра покорили сердца поражающие воображение истории фразеологизмов, когда запоминающийся увлекательный образ, доставляя

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Немецкого Научного Общества (DFG). Проект «Das publizistische Arsenal gesellschaftlicher Bewegungen in Russland und Deutschland. Verbale Mittel zur Konfliktlösung und zur Erreichung von Toleranz» (DFG: WA 1689 / 5-1).

чисто эстетическое удовольствие, предопределил их когнитологическое будущее. Ведь как устоять перед биологическими отступлениями авторов при характеристике всеми нами любимого выражения *как огурчик* (Алефиренко, Золотых 2008, 260). В то же время этот полезный когнитологический словарь русской фразеологии Н.Ф. Алефиренко и Л.Г. Золотых с показательным названием «Фразеологический словарь. Культурно-познавательное пространство русской идиоматики» еще и еще раз продемонстрировал герменевтическую ценность реконструируемой яркой своими страноведческими деталями внутренней формы фраземы. Кроме прочего, этот словарь – образец патриотических чувств уважаемого Юбилея как увлеченного пропагандиста славянского культурного наследия.

Достойное место в данном словаре занимают библеизмы. По справедливому замечанию автора-составителя, «особенно нуждаются в интерпретации выражения, которые не содержат прямых религиозных коннотаций» (Алефиренко, Золотых 2008: 8). К числу таких библеизмов-пословиц относится немецкое **Weisheit ist besser als Stärke (Gewalt)** (книжн.) (букв.: Мудрость лучше силы): *Лучше решать проблемы умом, чем насилем*; Ср. рус. **Разум силу победит; Воюй не числом, а умением; Мудрость лучше силы.**

Пословица восходит к переводу апокрифической части немецкой Библии Мартином Лютером. Вероятно, М. Лютер знал и скалькировал известную ему античную латинскую пословицу, которую употреблял Федр, древнеримский баснописец (Phaedrus, нем. Phaeder; ок. 20 дон. э. – 50 н. э.): *Multum ingenium valet virtute et semper praevalent sapientia* (Phaedrus, Liberfabularum 1. 13, 13-14) (букв.: Много может ум – и мудрость всегда непреодолима) (In medias res: 8570).

В немецком тексте издания Книги книг 1912 г. сообщается, как бедного мудреца, который спас город от войны, из-за его бедности не уважают: „Weisheit ist ja besser denn Stärke; doch wird des Armen Weisheit verachtet und seinen Worten nicht gehorcht. Der Weisen Worte, in Stille vernommen, sind besser denn der Herren Schreien unter den Narren. Weisheit ist besser denn Harnisch; aber ein einziger Sünder verdirbt viel Gutes“ (Sir 9, 16-18) – «... Мудрость лучше силы, и однако же мудрость бедняка пренебрегается, и слов его не слушают. Слова мудрых, высказанные спокойно, выслушиваются лучше, нежели крик властелина между глупыми. Мудрость лучше воинских орудий; но один погрешивший погубит много доброго» (Сир 9, 16-18) (Wander 5: 143; Gluski 1971: 56; Адамия 2005: 174). В некоторых сборниках немецких пословиц приводится следующая фраза: *Die Weisheit lässt ihre Stimme hören auf der Gasse, aber niemand achtet ihrer*, почти полностью повторяющая библейский сюжет.

Подобную идею о значимости мудрости находим и во многих других местах Библии, напр., „Denn Weisheit ist besser als Perlen; und alles, was man wünschen mag, kann ihr nicht gleichen“ (Spr 8, 11) –

«... Потому что мудрость лучше жемчуга, и ничто из желаемого не сравнится с нею» (Притч 8, 11). В русском переводе слово *Perle* переводится как *жемчуг*. Комментируя Библию, некоторые исследователи (Г. и Р. Кахане) связывают слово *жемчуг* со старой традицией византийской церкви, когда освящённый хлеб, раздробленный на маленькие крошки, назывался по греч. *margaritas*, букв.: жемчужинки. До сих пор в новогреч. языке то слово является обозначением как жемчуга, так и хлебных крошек (ср. *Perlen vor die Säue werfen*, рус. *метать бисер перед свиньями*). Следовательно, соответствующее место Библии можно буквально перевести: *Мудрость лучше хлеба, и ничто желаемое не может быть похожим на неё*.

Кроме того, масса европейских пословиц подчёркивает преимущество человеческого разума перед силой: нем. *Weisheit ist besser als Gold und Silber*; рус. *Ум говорит пора итти з двора а хмель говорит. Дождёмся побой да вместе домой* (Симони 1899: 147); *Ум говорит: посидим! а хмель говорит: пойдём попьём! а безумье говорит: дождёмся побой, да вместе пойдём домой!* (Снегирев 1848: 418); *Ум да разум – и денег не надо* (Рыбников 1961, 68); *Ум за деньги не купишь* (Спирин 1985: 96); итал. *Sapientia in ogni stato u un gran tesoro*; лат. *Doctrinam magis quam aurum eligit; Sapientiae acquisitio melior est auro primo* и мн. др.

Русские словари пословиц наш библеизм не фиксируют, Национальный корпус русского языка его не приводит. В интернете же его можно найти. С другой стороны, вышеназванное место в Библии стало основой еще одной пословицы: *Мудрость бедняка пренебрегается* – ‘Без денег ты не авторитет’, т.е. о человеке, увы, часто «судят не по уму, а по карману».

Библейская пословица известна многим другим европейским языкам, напр., англ. *Wisdom goes beyond strength*; фр. *La sagesse vaut mieux que la force*; исп. *Mejor es la sabiduría que la fuerza*; итал. *Meglio val la sapienza che la forza*.

Еще одна пословица, своим происхождением уходящая в Библию, – **Возлюби (люби) ближнего своего (как самого себя)**, нем. **Liebe deinen Nächsten wie dich selbst** (книжн.): *Призыв к гуманности, милосердию и человеколюбию*. Пословица – одна из двух основных заповедей ветхозаветного «закона и пророков». Любовь к ближнему, по Библии, является неотъемлемой частью любви к Богу, который сам есть любовь: „Du sollst nicht rachgierig sein noch Zorn halten gegen die Kinder deines Volkes. Du sollst deinen Nächsten lieben wie dich selbst; denn ich bin der Herr“ (Lev 19, 18) – «Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего, но люби ближнего твоего, как самого себя. Я Господь» (Лев 19, 18; см. также Мф 22, 37-40; Мк 12, 30-31; Лк 10, 27; Иак 2, 8) (БМШ 2014: 192; БМС 2005: 55). В Ветхом Завете «ближний» человек – это представитель лишь своего собственного народа, а в Новом Завете – человек вообще. В немецком языке это

различие сохраняется до сих пор (DZR 2007: 497; Büchmann 2007: 27). Об употребительности пословицы свидетельствует её активное трансформирование, ср. *Liebe deinen Feind, aber hüte dich vor ihm! Liebe deinen Nächsten, aber reiße den Zaun nicht nieder; Liebe deinen Nächsten, aber zuerst (nochmehr) dich selbst* (Wander 3: 167). Столь же употребительна она и в других европейских языках, хотя стилистическая её тональность может также не совпадать. Несмотря на высокую книжную окраску в немецком языке, её русский эквивалент более торжественен из-за церковнославянизма *возлюби*, входящего в её состав.

Афористичность и частая цитируемость заповеди способствовали её превращению в пословицу, которая известна всем христианским народам.

И еще последнее выражение, имеющее древние корни и в то же время ставшее в наше время слоганом и названием фильма и песни, – **Make love, not war** – призыв решать конфликты мирным путем. Это изречение (нем.: *Mach Liebe, nicht Krieg*) возникло в 1967 году как слоган хиппи и антивоенного движения в знак протеста против Холодной войны и войны во Вьетнаме. Выражение стало популярным, и в продажу поступили значки и футболки с этой надписью¹.

Вместе с тем сама идея достаточна стара, ведь уже в греческой комедии «Лисистрата» актуализировалась антиномия любви и войны. В XX столетии Вильгельм Райх подошел к идее свободной любви, проводя теоретический анализ сексуальной принудительной морали и сексуальной революции в целом. На авторство данного изречения претендует американский социальный критик Джордж Александр Легман (1917 – 1999), о чем он сообщил во время лекции в университете штата Огайо в 1963 г.²

В настоящее время выражение употребляется в разных контекстах и ситуациях: в 2011 г. была опубликована комедия Мишеля Леклеркса с английским заголовком «Make love not war». В немецких кинотеатрах транслировался фильм «Имя людей». По сообщениям газеты «Tagesspiegel», речь в нем шла «о сексе с хорошими намерениями. Левая активистка спит с консервативными мужчинами»³. «Ее жизненный девиз – это изречение хиппи „Make love – not war“». Она спит со своими политическими врагами лишь для

¹ http://de.wikipedia.org/wiki/Make_love,_not_war. 25.6.2011.

² http://de.wikipedia.org/wiki/Make_love,_not_war. 25.6.2011.

³ <http://www.tagesspiegel.de/kultur/kino/make-love-not-war/4058028.html>. 26.6.2011.

того, чтобы завербовать их, и использует свое тело как массивное оружие против фашизма»¹. Изречение *Make love not war* стало также названием фильма Вернера Клетта «*Make Love Not War – Die Liebesgeschichte unserer Zeit*» («Занимайтесь любовью, а не войной – Любовная история нашего времени») 1967 года. В фильме речь идет об одном американском солдате, который из-за войны во Вьетнаме дезертирует в Берлин и прячется у немецкой девушки, однако в результате ошибки его расстреливают (DZR 2007: 511).

Приведенный снимок² был сделан одним из журналистов в июне 2011 г. в Ванкувере во время протестов после финала североамериканской хоккейной лиги. Он быстро разлетелся по страницам газет во всем мире в сопровождении различных комментариев. Песня „*Make love not war*“ относится к одной из самых известных композиций Джона Леннона.

Выражение известно в русском: **Занимайтесь любовью, а не войной**; польском **Uprawiaj miłość, nie wojnę**; английском **Make love, not war**; французском языках **Faites l'amour, pas la guerre**, хотя и не вошло пока в активную обиходную речь.

Итак, перед нами три выражения, узловые концептуальные опоры которых – мудрость, милосердие и любовь – словно три измерения голограммы составляют незыблемую основу человеческого существования. Говоря словами Юбилера, «благодаря участию фраземики завершается косвенно-производное кодирование основных лингвокультурных парадигм, распределяющих когнитивно-дискурсивный опыт по архетипам культуры, упорядочивая тем самым на подкорковом уровне ценностно-смысловую структуру этноязыкового сознания» (Алефиренко 2010: 26). Именно эти концепты – мудрости, гуманности и любви – надежно и прочно стали краеугольными в научной и общественной деятельности Николая Фёдоровича. Ну а мы – его коллеги и ученики – набираясь его словами, желаем жизнерадостности и любви.

Литература

Алефиренко, Н.Ф. Фразеология и культура: поиск категориально-понятийных оснований // Фразеология, познание и культура. Т. 1. Фразеология и познание. – Белгород, 2010. С. 21-26.

Алефиренко, Н.Ф., Аглеев, И.А. Когнитивная метафора и фраземосемиозис // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии соседними дисциплинами. – Белгород, 2013. С. 29-32.

Алефиренко, Н.Ф., Золотых, Л.Г. Фразеологический словарь. Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. – М.: ООО Изд. ЭЛПИС, 2008. 472 с.

Адамия, Н. Л. Русско-англо-немецкий словарь пословиц, поговорок, крылатых слов и Библейских изречений. – М.: Флинта, Наука, 2005. 344 с.

БМС 2005: Бирих, А.К., Мокиенко, В.М., Степанова, Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. Около 6000 фразеологизмов. / СПбГУ:

¹vgl. <http://www.spiegel.de/video/video-1121359.html>. 25.6.2011.

² <http://sz-magazin.sueddeutsche.de/blogs/bueromaterial/3261/make-love-not-war/>. 25.6.2011.

Межкафедральный словарный кабинет им. Б. А. Ларина. – Под ред. В. М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель. АСТ. Люкс, 2005. 926. (2) с.

БМШ 2014: Берков, В.П., Мокиенко, В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: ок. 5000 ед. В 2-х т. 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск: МаГУ; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2014. Т. 1. А-М. 658 с.

Рыбников, М.А. Русские пословицы и поговорки. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. 230 с.

Симони, П. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий / Собрал и приготовил к печати Павел Симони. Вып. I, с приложением XIII-ти таблиц, снимков с рукописей. – СПб.: Изд. Отдел. русск. яз. и словесн. Императорской Академии Наук, 1899. I–XIX + 216 + 8 с.

Снегирев, И.М. Русские народные пословицы и притчи, изданные И.М. Снегиревым с предисловием и дополнениями. – М., 1848.

Спирин, А.С. Русские пословицы. Сборник русских народных пословиц и поговорок, присловиц, молвушек, приговорок, присказок, крылатых выражений литературного происхождения. – Ростов-на-Дону: издательство Ростовского университета, 1985. 204, (1) с.

Büchmann, G. Der Neue Büchmann – Geflügelte Worte. Der klassische Zitatenschatz. – Berlin: Ullstein, 2007. 618 S.

DZR 2007: DUDEN. Das große Buch der Zitate und Redewendungen. Hrsg. v. d. Dudenredaktion. 2., überarb. und aktualisierte Aufl. Hrsg. v.d. Dudenredaktion. – Mannheim: Dudenverlag, 2007. 895 S.

Gluski, J. Proverbs. A Comparative Book of English, French, German, Italian, Spanish and Russian Proverbs with a Latin Appendix. – Amsterdam. London. New York: Elsevier Publishing Company, 1971. 486 p.

In medias res. Lexikon lateinischer Zitate und Wendungen. Hrsg. v. E. Bury. 3., überarbeitete und erweiterte Ausg. Berlin 2003: Directmedia. Digitale Bibliothek Band 27.

Wander 1-5: Wander, Karl Friedrich, Wilhelm. Deutsches Sprichwörterlexikon. Ein Hausschatz für das deutsche Volk. Vol. I-V. – Leipzig: F.A. Brockhaus, 1867-1889. Ndr. Darmstadt, 1964; Ndr. Kettwig, 1987.

Summary. The methodology of scientific activity of N.F. Alefirenko is a three-dimensional unity of phraseology, cognition and culture. This article discusses biblical expressions that do not contain direct religious connotations and therefore need further interpretation. In the center of the analysis there are proverbs that reflect the idea of the superiority of wisdom, mercy, and love over power, conflict, and war.

Key words: phraseology, knowledge, cognition, culture, biblical expressions, proverb, interpretation.

УЛОВИТЬ РАЗУМОМ ПРОСТУЮ КАРТИНУ ВОЗВЫШЕННОЙ СТРУКТУРЫ ВСЕГО СУЩЕГО

Л.К. Жаналина

Казахстан, г. Алматы, Казахский национальный педагогический
университет им. Абая
zhanalina@gmail.com

Для современной лингвистики все более актуальной становится проблема определения ее объекта. Расширенное его понимание благодаря действию принципов экспансионизма и антропоцентризма раздвигает границы науки, размывает их, создавая угрозу языкознанию как самостоятельной науке, вследствие недостаточной структури-

рованности знаний о языке, которая проявляется в смешении, наложении понятий разных наук, в неоднозначности их трактовки. Выход из данного кризиса возможен, несмотря на интерпретационный характер и вариативность лингвистических представлений, при построении гносеологической структуры из «импульсов», распространяемых онтологическими элементами целостного объекта – языка. Правильное прочтение сигналов, подаваемых языковой реальностью, и приближение к ней, отражает абстрактное структурированное знание, сложность и многоуровневость которого обусловлена сложностью, многослойностью, полиаспектностью языка, находящегося в неразрывной связи со своим носителем и вследствие этого получающего теоретически бесконечную многомерность.

Степень адекватности науки языку складывается неравномерно из-за недоступности, непроявленности многих признаков его сущности. Поэтому метод приобретает роль главного гаранта познания и действует как структурирование познаваемой реальности. Способ движения мысли к ней сформулирован в метафоре А. Эйнштейна «уловить разумом простую картину возвышенной структуры всего сущего».

Этот путь при современном широком подходе требует аналитического вычленения языка из континуума не просто взаимосвязанных с ним, но и реально неотчужденных от него явлений.

Наиболее неоднозначно трактуется соотношение языковых и мыслительных единиц и процессов. Обращение к данной проблеме актуализируется массивным наступлением когнитивизма на лингвистику.

В когнитивной лингвистике разрабатываются разные точки зрения на связь языка и мышления. Первая точка зрения рассматривает только когнитивные явления, а язык квалифицирует как компонент когнитивной деятельности при ведущей роли когниций. В ее основе лежит холистический принцип.

Вторая утверждает приоритет самого языка как объекта и его самостоятельность, естественную отделенность от когниций. Третья, наиболее распространенная, точка зрения признает единство языка и мышления (паритетное или непаритетное). Рассмотренные подходы демонстрируют зыбкость знаний о сущности языка и нередко могут уживаться друг с другом, благодаря онтологическому единству языка и мышления. Приверженности лингвистики к подобному методологическому союзу способствует авторитет Е.С. Кубряковой, заложившей фундаментальные основы когнитивной лингвистики (КЛ), которая восходит к теории номинации: (1) «...разнообразные когнитивные способности образуют в его (человека) сознании единую инфраструктуру, куда составляющей входит язык», «язык представляет собой самую существенную часть человеческого сознания – его общей когнитивной системы: мозга, разума, интеллекта» (Кубрякова 2004: 47);

(2) цель когнитивного подхода к языку – исследование представления (репрезентации) знания языковыми формами (Кубрякова 2004: 59); (3) язык как «упаковка» когниций – расширенный объект, выходящий «за пределы собственно лингвистики и несколько расширяющий горизонты исследования» (Кубрякова 2004: 48). В данных рассуждениях (1) язык идентифицируется с когнитивными процессами, отнесен к ним как вид к роду, (2) язык квалифицируется с позиций физикализма как форма структур знания, концептов, которые к тому же ученый считает языковыми значениями (Кубрякова 2004: 52), т.е. язык и когниции разводятся по разные стороны, когда язык нельзя назвать когницией, что подчеркивается противопоставлением формы и значения-концепта; (3) язык, который традиционно требовал лингвистической методики изучения, при охвате его связи с когнициями нуждается в расширенном когнитивном подходе.

Данным мыслям созвучны высказывания Н.Н. Болдырева: «...когнитивная наука занимается когницией, а когнитивная лингвистика – когницией в ее непосредственной связи с языком, мы должны помнить, что язык является одной из важных составляющих инфраструктуры мозга, человеческого разума. *Язык – это центр когнитивной деятельности.* В нем находят свое выражение все когнитивные процессы и способности. В то же время язык – это особая система, которая в значительной степени обеспечивает осуществление этих процессов и способностей» (Болдырев 2014, 23) (выделения мои – Л.Ж.). В формулировках Н.Н. Болдырева звучат три подхода к объекту когнитивной лингвистики (КЛ): (1) когниция – основной объект КЛ, а язык своей нейрофизиологической составляющей является частью когнитивной деятельности; (2) когниция выступает как единственный объект когнитивной науки или отчуждается от языка (? – Л.Ж.); (3) язык – особая система, воплощающая когниции, т.е. язык и когниции связаны не как часть и целое, а как разные стороны целого. Язык как средство материализации не совпадает с когнитивными единицами, когнитивной деятельностью: «...формирование сознания и его овнешнение, что далеко не одно и то же. Сознание в онтогенезе и филогенезе формируется при участии языка, знаки которого служат материальными опорами обобщения в процессе образования концептов в сознании, однако само сознание в языке для функционирования не нуждается, осуществляется на универсальном предметном коде (Н.И. Жинкин, И.Н. Горелов)» (Стернин 2002: 44-51).

Рассмотренное умеренно «вербалистское» (по Б.С. Серебренникову) понимание языка в связи с мышлением (1-я формула) в когнитивной науке стыкуется с исключением из этой связи или языка (2-я формула), или мышления (3-я формула).

Реализация первой формулы эксплицирует единство языка и мышления (с выведением на первый план мышления): «Ее (КЛ) предмет – особенности усвоения и обработки информации, способы мен-

тальной репрезентации знаний с помощью языка» (Кубрякова 1996: 53). См. также: «Когниция – основное понятие когнитивной лингвистики, оно охватывает знание и мышление в их языковом воплощении, а потому когниция, когнитивизм оказались тесно связанными с лингвистикой» (Маслова 2, 2004: 9).

Вторая формула выводит на первый план психологический аспект объекта КЛ. Она получила широкое распространение в науке. Сравним точки зрения на объект когнитивной науки и когнитивной лингвистики. Вот что пишет Дж. Лакофф об установках в когнитивной науке: «Главная цель когнитивной науки – установить, что представляет собой мышление, и соответственно, что представляют собой категории» (Лакофф 2004: 26). Аналогичные сходные рассуждения находим у В.А. Масловой: «Когнитивизм – это направление в науке, объектом изучения которого является человеческий разум, мышление и тематальные процессы и состояния, которые с ними связаны. Это наука о знании и познании, о восприятии мира в процессе человеческой деятельности» (Маслова 1: 2004, 6). Подобные же дефиниции оказываются привлекательными для КЛ:

1. «Когнитивная лингвистика – одна из новых наук, объектом исследования которых является природа и сущность знания и познания, результаты восприятия действительности и познавательной деятельности человека, накопленных в виде осмысленной и приведенной в определенную систему информации» (Алефиренко 2009: 174).

2. «Когнитивная лингвистика исследует тематальные процессы, происходящие при восприятии, осмыслении и, следовательно, познании действительности сознанием, а также виды и формы их тематальных репрезентаций» (Попова, Стернин 2007: 8).

К приведенным формулировкам примыкают толкования, в которых в когнитивные процессы вводится язык: когнитивная лингвистика – это «лингвистическое направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент – система знаков, играющих роль в презентации (кодировании) и трансформации информации» (Кубрякова 1996: 53).

На ведущую роль тематальных образований в когнитивной науке указывает не только отнесение языка к когнициям, но и настойчивое утверждение их абстрактности, обусловленной их отделенностью от любых способов актуализации (биологического, технического, физического) в виде носителя языка, машины, языкового знака: «Согласно традиционному подходу, способность к значимому мышлению и рассуждению является абстрактной и не воплощена с необходимостью в каком-либо живом существе. Таким образом, имеющие значение понятия и разумность являются трансцендентальными в том смысле, что они выходят за пределы физических ограничений какого-либо организма. Значимые понятия и абстрактные рассуждения могут быть воплощены в человеческих существах, машинах или других материаль-

ных сущностях – но как таковые они существуют абстрактно, независимо от какого-либо конкретного воплощения. Согласно новому взгляду, значение – это то, что является значимым для мыслящего и функционирующего существа. Природа мыслящего организма и способ его функционирования в окружающей среде находятся в центре внимания науки о мышлении» (Лакофф 2004: 9).

Если вторая формула демонстрирует главенство когнитивного подхода и тем самым специфику КЛ, то третья формула порождена лингвистическим «мировосприятием». Ее умеренный вариант, приближенный к когнитивному подходу, разрабатывает Н.Ф. Алефиренко: «В отличие от других когнитивных наук предметом изучения когнитивной лингвистики является все-таки не само знание (познание), а язык как общий механизм приобретения, использования, хранения, передачи и выработки знания» (Алефиренко 2009: 179). В данной трактовке язык сближается с познанием (выработкой знания), в то же время он отличается от когниций как способ их доставки, приобретения. Шаткость позиции языка усиливает и следующее положение: «В центре внимания когнитивной лингвистики находятся же, конечно, языковые знания» (Там же). Языковые знания – знания о языке, лингвистические знания, представляют когниции, как и знания экстралингвистические. Таким образом, видно, как объект КЛ и при упоминании языка смещается в сторону когниций.

Синкретическая дефиниция объекта КЛ (язык как форма знания и знание) является переходной между второй и третьей формулами.

Твердую почву третья формула приобретает в функциональной грамматике А.В. Бондарко, которая предлагает определение структуры языка, а точнее грамматики, как естественной классификации, диктуемой природой, сущностью самой языковой действительности (Бондарко 2013: 9, 24).

Формулы объекта КЛ, представляющие результат анализа репрезентативных толкований, нуждаются в комментариях. В первой двухчленной формуле («1 + 1»: язык + мышление) мышление редуцировано на основе ориентации на границы языка, т.е. оно выступает как вербальное, а язык предстает обобщенно, отвлеченно от конкретных языков. Одночленные формулы («1»: мышление), («1»: язык) допускают разные варианты охвата когнитивных процессов и разных уровней и фрагментов языка.

Теория семантических примитивов в версии А. Вежбицкой, опирающаяся на гипотезу о наличии «языкоподобной концептуальной системы» (Вежбицкая 2011: 46), преобразует двухчленную формулу объекта, введя вместо первого члена в виде одного языка множество (теоретически) всех языков, а вторым членом отношения становится «универсальный Естественный Семантический Метаязык ЕСМ»: $(\{1, 1, 1...\} + \forall)$. В концепции по-новому объясняется соотношение чле-

нов формулы: ЕСМ «может быть найден в общем ядерном фонде естественных языков ... вырезан из них» (Вежбицкая 2011: 47).

Известно, что несмотря на постоянство, с которой КЛ обращается к обсуждению своего объекта, и ее объект, и ее границы остаются неопределенными. Внимание КЛ рассеяно и переключается то на язык, то на когниции. При этом язык дефинируется то как когниция, то как воплощение последней, когниция же наделяется психологическим (абстрактным) и физиологическим профилями.

Неоднозначность определений, присущий им высокий уровень обобщения и нерасчлененность («удаленность») стоящих за ними объектов свидетельствуют о неполноте знаний о языке с когнитивных позиций, проявляющейся в их неоднородном структурировании. Движение КЛ в сторону завершенной картины языка-когниции как познания, непосредственного и опосредованного, происходит путем выяснения его структуры.

Структура означивается терминами, означивающими проникновение в объект и фиксирующими это познание аналитическими знаниями. Одним из главных из них считается *категория*. Активная ее разработка не устраняет дискуссий, которые нередко приобретают характер неразрешимых, вследствие завесы тайны, окружающей и сам язык, и когниции.

Термин «категория» рассматривается в связи с категоризацией и оброс множеством дефиниций. Трактовка категории зависит от характеристики ее соотнесенности с мышлением. Как правило, признается единство категоризации как когнитивного и как языкового процесса: «обсуждение *категорий в языке* (здесь и далее выделено мной – Л.Ж.) невозможно вести в отрыве от *порождающих их познавательных процессов* и, прежде всего, процесса категоризации. *Категоризация* является одной из ведущих функций человеческого сознания, которая лежит в основе *речемыслительной деятельности и организации языка как системы*» (Болдырев 2014: 16). В единстве когниций и языка категория: (1) результат категоризации; (2) основа речемышления; (3) организует языковую систему Единство складывается с одной стороны, в виде перехода от когнитивной структуры к языковым категориям, а с другой – языковые категории диктуют направление развертывания речемышления, обработки полученной информации: «язык, призванный хранить, обрабатывать, передавать и интерпретировать эти концепты, по своей природе тоже категориален» (Болдырев 2014: 17).

Наряду с двойной активностью, которой категория обращена к языку и познанию, ученые отмечают ее внедренность в реальность и в знание, сознание.

Различение онтологического и гносеологического аспектов – новый шаг в разработке категории.

Н.Н. Болдырев предлагает разграничивать онтологические и гносеологические категории в языке, распределив между ними два

типа языковых значений: лексические и грамматические (Болдырев 2005: 21). Он пишет: «Лексическая категоризация представляет собой языковой аналог категоризации естественных объектов и объектов внутреннего мира человека. В ней реализуется гносеологическая функция языка. Грамматическая категоризация отражает онтологию самого языка, деление на естественные для языка категории, обеспечивающие его существование как определенной семиологической системы и выполнение возложенных на него функций» (Болдырев 2005: 22). Сказанное означает, что познание неязыковой действительности структурируется гносеологическими (лексическими) категориями, а соотносённость с языковой реальностью – онтологическими (грамматическими) категориями. Данное противопоставление перекликается с традицией, согласно которой лексическое значение квалифицируется как «вещественное», а грамматическое как реляционное. Но данный подход не охватывает с одной стороны, всю действительность, как неязыковую, так и языковую, а с другой – всю грамматическую семантику, соотносящуюся как с языковой, так и с неязыковой реальностью.

Языковые категории не могут не охватывать знания и о языковой, и о неязыковой реальности (материальной и идеальной) и в них сосуществует язык и не-язык, так что в онтологических и гносеологических могут быть категории о неязыковой и о языковой действительности.

Категории как структуры действительности и познания не только расчленяют исходную континуумность и бытия, и знания, которые предшествуют их освоению и/или формированию, но и сохраняют ее в виде целостности разделенных онтологических и гносеологических элементов. Аналитико-синтетический характер категории свидетельствует все-таки о ее психологической (логической) природе. Это подтверждает моделирование целостности категории как пропозиции.

Ведущая роль пропозиций в установлении связи между разными категориями при образовании производных слов была выявлена Е.С. Кубряковой в конце 70-х – начале 80-х годов прошлого века (Кубрякова 2004: 311). Такое же мнение несколько позже высказывает Дж. Лакофф. Он признает пропозициональное структурирование знания: «Большая часть структуры нашего знания имеет форму пропозициональных моделей, а их особенностью является то, что они вычленивают элементы, дают их характеристики и указывают связи между ними» (Лакофф 1988: 31).

Позиции пропозиции укрепляет признание ее универсальности: «Убежденность в универсальности пропозициональной структуры как элемента всех ментальных процессов и как формы репрезентации знаний разделяется многими авторами» (Караулов 1987: 194). Высказывание содержит также важное для понимания пропозиции замечание о ее участии в оформлении знаний.

Как видим, попытки проникнуть в структуру познания с позиций языка не укладываются в одну картину. Преодоление противоречий

сходно с прохождением лабиринта, в котором наука, стремясь к очень отдаленному выходу, ограничивается нахождением правильных ориентиров на него. Такие перспективные ориентиры удалось найти Н.Ф. Алефиренко. Среди сформулированных им положений, есть касающиеся некоторых структурных элементов объекта КЛ:

1. Разграничиваются когнитивная и языковая формы кодирования информации.

2. Когнитивные формы знаний моделируются как пропозиции, которые различаются, органически взаимосвязаны друг с другом и образуют «огромную сеть взаимопересекающихся пропозициональных деревьев».

3. Узлы пересечения в когнитивной сети представляют концепты.

4. Концепты связываются с языковыми знаками – так происходит стыковка когнитивных и языковых форм.

5. Языковые знаки организованы в систему, и каждый знак занимает в ней определенную позицию.

6. Система знаков естественного языка делает доступным ментальный (внутренний) лексикон человека – динамическую систему концептов как оперативных когнитивных структур, так как в ней есть запись их употребления.

7. Соотношение языковых и когнитивных единиц и структур диктует адекватный исследовательский метод – метод семантической реконструкции (Алефиренко 2009: 183).

Далее ученый останавливается на концепте, дает характеристику его способности участвовать в структурировании объекта КЛ непосредственно и открывает новые возможности структурирования:

1. Концепт имеет внутреннюю структуру, которая отражает его развитие: (а) на этапе зарождения концепт выступает как индивидуальный чувственно предметный образ, полученный в личном чувственном опыте; (б) в дальнейшем личностный «предметно-образный код» абстрагируется, отрывается от реального предмета и может социализироваться, формируясь под влиянием этнокультурных и других общественных взглядов; (в) динамичность и нечеткость ядра, нежестко детерминированные отношения между признаками не элиминируют упорядоченности концепта, проявляющейся в наличии наряду с предметно-образным ядром периферии (Алефиренко 2009: 184).

2. Концепт имеет два когнитивных проявления: концепт-1, или предметно-образный концепт, и концепт-2, который возникает в ходе лингвокреативного мышления, с одной стороны, как имя концепта, ключевое слово этнокультуры, а с другой – как один из базовых элементов этноязыкового сознания (Алефиренко 2009: 185).

3. Когнитивная природа концепта в двух его ипостасях обуславливается распределенностью их динамической стороны между двумя фазами когнитивной деятельности: начальной в виде формирования

знака и конечной в виде использования слова как средства передачи и интерпретации культуры (Алефиренко 2009: 186).

Рассмотренные положения раскрывают ядерные элементы, входящие в объект в лингвокультурологической концепции, разрабатываемой Н.Ф. Алефиренко. Это когнитивные и языковые формы, выступающие как результаты и как участники когнитивной деятельности. Ученому удалось выстроить «простую картину возвышенной структуры» когнитивной стороны языковой реальности, в которой улавливаются грани когнитивных форм – концептов и соответствующих им языковых форм – знаков. Первые высвечиваются как узлы пересечения сети пропозициональных деревьев ментального лексикона, а вторые как части знаковой системы. Языковые единицы воплощают когнитивные единицы, порождаются вместе с ними, обеспечивает их восприятие, передачу. И те и другие единицы вступают в связи, пронизывающие объект КЛ «снизу доверху» и образующие его структуру: 1) это структура концепта, состоящего из центра в виде предметно-образного кода и периферии, которые в свою очередь расчленены признаками, объединенными нежестко детерминированными отношениями; 2) это связи между концептами и языковыми знаками; 3) это отношения между концептами в ментальном лексиконе, или в сети пропозициональных деревьев; 4) это связи между языковыми знаками в их системе; 5) это отношения между ментальным лексиконом и системой языковых знаков. Разработанная Н.Ф. Алефиренко общая основа когнитивной лингвистики обладает «возвышенно простой» структурой, наделяющей ее не только большой силой притяжения, но и мощным движущим потенциалом, открывая новые горизонты развития для КЛ. И в этом немаловажную роль играют расставленные ученым акценты, среди которых основным является опора на когнитивную (внутреннюю) сторону ментальных процессов и единиц, интерпретация которых ученым способствует проникновению в когнитивное пространство, закрепленное за языком, устраняя нарушающие его структурирование условности. К допущениям, представляющим, с одной стороны, попытки углубления понимания когниций, с другой – искривляющим их структуру, относится классификация онтологических и гносеологических категорий. Их неоднозначная трактовка в КЛ и шире в лингвистике, осложняемая этимологией самих терминов и двойной отделенностью самого бытия (отражает трихотомия «язык – мышление – действительность») от человека изящно снимается выделением в концепте концепта-1 и концепта-2. Предложенная Н.Ф. Алефиренко классификация согласуется с дифференциацией языковых единиц, обладающих референцией и не обладающих референцией (см. известное разграничение предметных и предикатных имен, которым иллюстрируется известное высказывание Н.Д. Арутюновой, что язык одной стороной поворачивается к действительности, а другой к мышлению) (Арутюнова 1999: XI-XII). В любом случае

язык соотносится со знанием, которое может быть знанием о бытии (действительности) и знанием о знании (ср. например: изобразительный и генерализованный регистры текста у Г.А. Золотой) (Золотова 1988: 393. 395).

Концепт-1 и концепт-2 разводятся как элементы, когнитивная природа которых не зависит от степени их близости к реальности. При этом реальность может быть материальной и идеальной, что распространяется как на языковую, и так на неязыковую действительность. Ср.: *звук и фонема, человек и вера*. В создании концептов участвуют мыслительные операции сравнения, анализа, абстрагирования (отвлечения, отчуждения), синтеза и обобщения. Таким образом, оба концепта, концепт-1 и концепт-2, являются когнитивными и демонстрируют уровни познания эмпирический (онтологический) и теоретический (гносеологический). Эмпирический уровень подготавливает концепт-1, который содержит знания об одном классе имеющих сходство элементов материальной реальности («Звук», «Человек»). Концепт-2 образует типы знаний, объединяющие, обобщающие несколько классов материальных и / или идеальных предметов, на теоретическом уровне познания («Фонема», «Вера»).

Концепты-1 и концепты-2 составляют соответственно класс концептов-1 и класс концептов-2. Объединение определенного набора классов концептов-1, а также объединение определенного набора классов концептов-2 образуют соответственно категорию-1 и категорию-2: «У нас есть категории для биологических видов, физических субстанций, артефактов, разновидностей цвета, родственников, эмоций и даже категории предложений, слов и значений. У нас есть категории для всего, о чем мы можем думать» (Лакофф, 2004: 24). Категории-1 и категории-2 также группируются.

Группировка классов концептов-1 и классов концептов-2 образует первый уровень структурирования когнитивного пространства. Категории-1 и категории-2 составляют второй уровень когнитивного пространства. Данные уровни отличаются по степени структурированности отражения действительности и знания. Первый уровень более структурирован, более детально прорисовывает действительность и знания о ней. Первый уровень организуется элементными когнитивными единицами – концептами.

Второй уровень обобщенно представляет мир действительности и мир знаний. Каждый из уровней делится над подуровни, дифференцируемые способами добывания знаний. Это подуровни из концептов-1 и концептов-2 на первом уровне и подуровни из категорий-1 и категорий-2 на втором уровне.

Как видим, оперирование концептом-1 и концептом-2 позволяет не только приблизиться к раскрытию когнитивной стороны языка и утвердить когнитивный статус ее структурных элементов – концептов и

категорий, но и внести ясность в их соотношение как элементных и системных единиц, различающихся объемом вмещаемых в них знаний.

Признание когнитивной природы концептов и категорий вновь возвращает к понятию языковой категории, для которой предложена Н.Ф. Алефиренко методика анализа находит собственное место в соответствии с их природой. Языковые (лингвистические), в терминологии Е.С.Кубряковой, «вербально-ориентированные», категории организуют часть знаний – знания о языковой реальности, которые входят в когнитивные структуры, наряду с когнитивными категориями («отражательно-ориентированные») (Кубрякова, 2004: 514), упорядочивающими экстралингвистические знания. Лингвистические и экстралингвистические категории распределяются между эмпирическими (онтологическими) и теоретическими (гносеологическими) категориями. К первым (категориям-1) можно отнести категории гласных и согласных звуков, категории совершенного и несовершенного вида, так как они состоят из концептов, объединяющих языковые единицы, т.е. категории, коррелирующие с реальностью. Ко вторым (категориям-2) относятся морфологическая категория вида, синтаксическая категория предикативности, которые обобщают знания о языковых единицах. Таким образом, языковые категории (1, 2), как и образующие их языковые концепты (1, 2), наполнены языковыми знаниями эмпирического и теоретического уровней, т.е. по своей сущности являются когнитивными. В структуре когнитивного пространства они сосуществуют с когнитивными концептами и категориями, несущими неязыковые знания. Например, к экстралингвистическим категориям-1 относится категория «Дерево», в которую входят концепты-1 «Тополь», «Дуб», «Сосна», «Ива» и т.д., к категориям-2 – категория «Растение», объединяющая концепты-2 «Дерево», «Трава», «Кустарник», «Гриб» и т.д. Те и другие когнитивные единицы представляют формы знаний и приобретают языковые воплощения. В соответствии с источником языковые формы (знания о языке – концепты и категории) получают метаязыковые знаки, а когнитивные формы (знания о неязыковой реальности – концепты и категории) закрепляются собственно языковыми знаками. Отразим участие базовых структурных элементов в моделировании когнитивного пространства, в котором развернута идея Н.Ф. Алефиренко о дифференциации концепта-1 и концепта-2.

Таблица. **Элементы структуры когнитивного пространства (КП)**

Формы в КП	Языковые формы – знания о языке		Когнитивные формы – знания о внеязыковой реальности	
	Эмпирические	Теоретические	Эмпирические	Теоретические
Уровни КП				
1 уровень	Концепт-1	Концепт-2	Концепт-1	Концепт-2
2 уровень	Категория-1	Категория-2	Категория-1	Категория-2

Таким образом, рассмотрение идей Н.Ф. Алефиренко, касающихся объекта КЛ, демонстрирует образец движения к основной цели научного знания в формулировке А. Эйнштейна – «уловить простую картину возвышенной структуры сущего». Предложенное им структурирование когнитивных проливает свет на объект, рассеивая скрывающий его туман, позволяя упорядоченно представить его структуру в виде уровней и подуровней когнитивного пространства, состоящего из «языковых» и неязыковых концептов-1, концептов-2, «языковых» и неязыковых категорий-1 и категорий-2. КЛ изучает когнитивные единицы, имеющие языковую и когнитивную формы, которые передаются метаязыковыми и языковыми знаками.

Литература

Алефиренко, Н.Ф. Современные проблемы науки о языке : учебн. пособие / Н.Ф. Алефиренко. 2-е изд. – М: Флинта : Наука, 2009. 416 с.

Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. – М. : «Языки русской культуры», 1999. I-XV. 896 с.

Болдырев, Н.Н. Категории как форма репрезентации знаний в языке // Концептуальное пространство языка : Сб. науч. тр. Посвящается юбилею профессора Николая Николаевича Болдырева / Под ред. проф. Е.С. Кубряковой ; Федеральное агентство по образованию, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. 492 с.

Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций / Болдырев Н.Н.; МОН РФ, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. 4-е изд., испр. и доп. – Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. 236 с.

Вежбицкая, А. Семантические универсалии и базисные концепты. – М.: Языки славянской культуры, 2011. 568 с.

Золотова, Г.А., Н.К. Онипенко, Н.К. Сидорова. Коммуникативная грамматика русского языка / Под общей ред. Г.А. Золотовой. – М., 1988. 528 с.

Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. 364 с.

Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в понимании мира / Рос. Академия наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. КСКТ. 245 с.

Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов. – В сб.: Новое в зарубежной лингвистике, вып. XXIII. – М.: Прогресс, 1988. 320 с.

Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И.Б. Шатуновского. – М.: Языки славянской культуры, 2004. 752 с.

Маслова 1: Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учебн. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2004. 296 с.

Маслова 2: Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика : учебное пособие. – Минск : ТермаСистемс, 2004. 255 с.

Попова, З.Д., Стернин, И.А. Когнитивная лингвистика : учебник. М.: АСТ, Восток–Запад, 2007. 315 с.

Проблемы функциональной грамматики. Принцип естественной классификации / Отв. ред А.В. Бондарко, В.В. Казаковская. Институт лингвистических исследований РАН. – М.: Языки славянской культуры, 2013. 512 с.

Стернин, И. А. Коммуникативное и когнитивное сознание (С любовью к языку). – Москва-Воронеж, 2002. С. 44-51.

Summary. The article contains an analysis of the major terms and concepts that structure the understanding of language cognitive units as a subject of cognitive linguistics. Uncertainty of the latter are reflected in the various ideas, which the article reduces to three formulas, one of single operand type and two of dual operand type. A two operand formula “1+1” (language + reasoning) is presented as the most common one via examination of the important structural units of the cognitive linguistics subject – concept and category, and a refinement of their understanding facilitates Aliferenrko’s differentiation between concept-1 and concept-2. This idea, when applied, uncovers a high resolution focus which expands the knowledge about cognitive units that may be linguistic and none-linguistic, and also independently may have a dual implementation forms: cognitive and linguistic or cognitive only. The field of cognitive linguistics includes concepts and categories that define their boundaries and participate in structuring consciousness with cognitive and language forms.

Key words: cognitive linguistics, concept, concept-1, concept-2, category-1, category-2, cognitive form, linguistic form.

ЖИВОЕ СЛОВО

«РАССТАВАНИЕ С ЯЗЫКОМ»: МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

В.Н. Базылев

Россия, г. Москва, Московский педагогический государственный университет
vladimir@4unet.ru

...отказ от принципа конструктивной целостности и упорядоченности как конечного идеального состояния языка. К таким структурам эвристическая мысль, разумеется, будет стремиться всегда, пытаясь логически упорядочить «хаос» эмпирического опыта. Однако «живое слово» во всем спектре его эмоционального тона, нам дано только в дискурсивной деятельности, в движении, в процессе порождения самой мысли, в синергетике смыслообразования (Н.Ф. Алефиренко)

Одна из особенностей современной науки о языке – это интерес к основаниям и предпосылкам филологического знания, к диалектике рефлексивного и нерефлексивного в познавательной деятельности. Следствием становится обнаружение новых или не фиксируемых ранее компонентов этой деятельности и знания. Предметом внимания сегодня становятся именно те компоненты, которые не представлены в явном виде, существуют как подтекст, как скрытые основания и предпосылки знания о языке, образующие нерелефлексивный до поры до времени слой в структуре нашего знания.

Н.Ф. Алефиренко, выступая в Москве на юбилейной конференции, посвященной 15-летию работы научно-исследовательской группы «Сублогический анализ языка» в 2011 году, говорил о том, что анализ неявной компоненты познавательной деятельности, различных форм ее присутствия и функционирования в знании позволяет выявить и изучить скрытые, неосознаваемые способы введения в познание различного рода ценностных ориентаций субъекта, определить их когнитивную значимость. По его мнению, сама возможность возникновения и существования неявных компонентов есть объективный и необходимый момент познания, который тесно связан с социальной природой сознания субъекта, а также с его социальным бытием: включенностью в общественные отношения, профессиональные и иные коммуникации, культурно-исторические условия в целом (Сублогический... 2011: 44).

В современной лингвистической литературе широкое распространение получила концепция неявного знания, выступающая своего рода «парадигмой неявного знания».

Неявное знание может быть понято как некоторая невербализованная и дорефлексивная форма сознания и самосознания субъекта, как важная предпосылка и условие познания и понимания. Однако

полагать, что всякое невербализованное знание есть неявное, было бы ошибкой, поскольку знание может быть объективировано неязыковыми средствами. Сложность понимания природы неявного знания о языке и самого языка объясняется в значительной мере тем, что, существуя неявно, оно вместе с тем существует в сфере сознания. Будучи вспомогательным, оно не находится в фокусе сознания. Его применение и функционирование часто не вызывает дополнительных усилий, поэтому мы просто можем его не замечать, хотя оно не становится от этого бессознательным. Иные формы неявного знания могут быть выявлены при обращении к объективированному знанию, т.е. в случае, если само неявное знание рассматривается как логико-методологическая проблема.

Задача выявления и объяснения названных форм вновь встанет на повестку дня при пересмотре оснований, смене парадигмы, стиля мышления, что предполагает обязательный учет взаимосвязи явных и неявных компонентов знания о языке. При этом обнаруживается зависимость, как самого познания, так и истолкования неявных компонентов объективированного знания от личностного неявного знания субъекта – интерпретатора, что, по мнению В.К. Харченко, требует поиска адекватных логико-методологических средств фиксации этой стороны познания (Харченко 2008).

Все сказанное позволяет согласиться с мнением Б.М. Гаспарова: «Нам нужна не модель языка, а образ языка» (Гаспаров 1996: 220). В рамках решения сформулированной глобальной задачи Б.М. Гаспаров предлагает к рассмотрению следующие вопросы:

– почему то, что лингвистика склонна слишком легко и охотно принимать за стабильные языковые объекты, то есть все те «конечные продукты» языковой деятельности, который говорящий производит сам и которые он получает от других говорящих, являются таковыми лишь при самом поверхностном рассмотрении?

– как описать этот феномен в его собственных категориях, не впадая в уподобление его ни фабрике, ни рынку, ни шахматной игре, ни вообще каким бы то ни было действиям со стабильными, закрепленными в объективированном бытии предметами – все равно, материальными или идеальными, – условиями существования и функционирования которых кардинальным образом отличаются от условий и характера языковой деятельности?

– как конкретно, при восприятии образа языка как духовной энергии и признании непрерывности развертывания языковой среды, и в каких параметрах и категориях, с помощью каких приемов язык может быть описан в таком качестве?

– почему мир языковой мыслительной деятельности должен описываться на основаниях, действительных для предметов, на которые этот мир заведомо и очевидно не похож?

– может ли лингвистика XXI века отказаться от процесса механического переписывания из одних понятийных конвенций в другие?

– почему проблема идиосинкразии остается все еще маргинальной в лингвистике?

– почему самое естественное и обычное с точки зрения непосредственного опыта оказывается самым сложным и бесконечно эзотерическим с точки зрения представлений, господствующих в культуре; и напротив, искусственные формы, представляющие собой редкостное исключение в повседневно наблюдаемой действительности, оказываются основанием, на котором покоится и из которого выводится некое отображение бытия (языка)?

– почему человек адекватно реагирует на языковое бытие предмета, даже если его онтологическое бытие остается ему почти или совсем неизвестным? (Гаспаров 1996: 9-26).

Понятно, что поиск ответов на перечисленные вопросы – это долгосрочная перспектива. Сегодня, вслед за теми идеями, которыми так богаты работы Н.Ф. Алефиренко о поэтической энергии слова, о спорных проблемах семантики, можно обозначить новые направления в исследовании языка (Алефиренко 2002; Алефиренко 2005). Читая и перечитывая его труды, как в тигеле с фиалками из их отдельных фрагментов кристаллизуется нечто более или менее универсальное. Таковым на фоне изучения хаотических когнитивных процессов, измененных состояний сознания, мимесиса и мимикрии языка может выступать изучение феномена глоссий.

Этот феномен интересен тем, что по поводу его существования пока нет консенсуса у лингвистов и психологов, у социологов и психиатров. Речь идет об изучении глоссолалии, то есть изобретении языков в состоянии «бреда». Это явление в принципе отлично от случаев ксеноглоссии, или «чудесного обретения» уже существующих языков, которыми некий конкретный человек не владеет.

Чудо Троицына дня дало в свое время повод для двух толкований данного явления: арамейский язык, язык Апостолов, понимается всеми верующими вопреки национальным различиям между ними; или же следует предположить, что Апостолы говорят на некоем универсальном языке, прозрачном для каждого. Вдохновение, испытываемое в этих разных случаях ксеноглоссии, близко к побудительным мотивам глоссолалии. Мы до сих пор (я имею в виду европейскую культуру) мечтаем об адамическом языке, на котором говорили до Вавилонского столпотворения, испытывая ностальгию по потерянному раю. Наверное, это крайнее проявление порыва к выразимости, который пробивает себе дорогу различными способами. По словам В.П. Руднева, монологи шизофреника, самые безудержные спекуляции, самые лирические излияния в той же мере принадлежат к сфере сказываемости, что и самые рационалистические дискурсы или самые доступные для анализа тексты (Руднев 2005: 63).

Не менее интересен феномен каиноглоссии. Психолингвистика конца XX века постулировала наличие процесса филогенеза речи, то

есть ее развитие у человека, начиная с «истоков», а также процесса онтогенеза речи, то есть становление языковой способности у ребенка, овладевающего конкретным языком. Однако после этого сразу же стали очевидными и те методологические последствия, которые повлекло за собой механическое применение в лингвистике модели сокращенного повторения. Тем не менее, если бы удалось найти такое промежуточное звено, в котором сочетались бы особенности каждой из двух траекторий развития – филогенетической и онтогенетической, то, как полагают некоторые исследователи, проблема взаимосвязи между ними предстала бы в новом свете. Между филогенезом и онтогенезом может происходить третье событие – каиногlossия, то есть рождение нового языка после предполагаемой утраты последнего.

Еще одно направление исследований можно связать с такими феноменами как логофилия, подчеркнутая любовь к слову, и логофобия, страх перед той непредсказуемой силой, которая таится в произносимом слове, в массе сказанных вещей и самих высказываниях как событиях, нарушающих привычные формы мысли и бытия. Эти формы определяются социальными институтами – особыми практиками, системой педагогики, издательского дела, организацией библиотек, построения научного сообщества и пр.

Подчеркнем еще раз, что перечисленные направления поисков выкристаллизовываются из позитивных субпрограмм исследований языка таких ученых как Н.Ф. Алефиренко и Б.М. Гаспаров, И.Т. Касавин и А.В. Вдовиченко. Как видим, лингвистика нового тысячелетия открывает новые грани знания о языке. Однако новое видение, которое при этом возникает, само не является этим знанием. Оно меньше, чем знание, ибо оно есть догадка. Одновременно оно больше, чем знание, ибо оно есть предвидение вещей еще неизвестных, а быть может, и непостижимых в настоящее время. Наше видение общей природы вещей, в том числе и языка, – это наша путеводная нить для интерпретации всего будущего опыта. Такая путеводная нить является необходимой. Теории научного метода, пытающиеся объяснить формирование научной истины посредством какой бы то ни было чисто объективной и формальной процедуры, обречены на неудачу.

Об этом неоднократно будет писать и Н.Ф. Алефиренко (Алефиренко 2005а). Любой процесс исследования, не руководимый интеллектуальными эмоциями, неизбежно потонет в тривиальностях. Для того чтобы наше видение реальности, на которое откликается наше чувство научной красоты, могло стать рациональным и интересным для исследования, оно должно подсказывать нам определенную категорию вопросов. Оно должно рекомендовать нам группу понятий и эмпирических отношений, внутренне достоверных, а потому и подлежащих отстаиванию, даже если какие-нибудь свидетельства внешне им и противоречат. Оно должно, с другой стороны, говорить нам о том, какие эмпирические соотношения следует отвергнуть, как мнимо

наглядные, хотя бы в их пользу и можно было привести пока еще не объясняемые новыми допущениями данные. Как утверждает М. Полани: «По сути, не имея шкалы значимости и убедительности, основанной на определенном видении действительности, нельзя открыть ничего ценного для науки; и только наше понимание научной красоты, отвечающее свидетельству наших чувств, может вызвать в нас это видение» (Полани 1985: 197).

Дело в том, что сегодня традиционная эпистемология внешне предстает как бы исчерпавшей себя формой проблематизации познавательного процесса, в основе которой лежит принципиальная ограниченность подхода к познанию, состоящая в абсолютизации субъектно-объектного видения познания, в предельно суженной абстрактно-гносеологической проблематике. Эпистемология в ее традиционном понимании, по сути дела, утрачивает свое фундаментальное положение в структуре лингвофилософского знания. Сегодня вопрос ставится так: должна ли она быть реформированной, или же пришла пора отбросить подобный подход к познанию как устаревшую парадигму и заменить ее, по мысли И.Т. Касавина, некоторым спектром дисциплин и подходов, в качестве многообразных ипостасей познания (Заблуждающийся разум...1990). Традиционная эпистемология – это в значительной мере воплощение натуралистического подхода к познанию, менявшего свои формы, но не исчезнувшего и сегодня (Парадигмы... 2008).

По мнению А.В. Вдовиченко, сейчас происходит «расставание с языком». Две основные тенденции представления лингвистических фактов конкурируют друг с другом на поле современной лингвистики: объектная и субъектная модели. В рамках первой естественный вербальный процесс интерпретируется как высказывание мыслей с использованием «языка», понимаемого как системный механизм или живой организм. Однако, с точки зрения второй, так понимаемый «язык» на сегодняшний день утрачивает былую основательность ввиду того, что говорящие и пишущие не высказывают свои мысли языком, а производят действия в коммуникативном пространстве посредством известных им и сочтенных пригодными здесь и сейчас вербальных моделей. Поэтому любые попытки, по словам А.В. Вдовиченко, теоретизирования вербальных фактов в рамках предметной модели терпят неудачу, поскольку тождественным значением обладает лично мыслимое (когнитивно представленное) действие говорящего, в то время как в предметных изолированных элементах «языка» тождественные значения невозможны (Вдовиченко 2008: 15-19; 264-267). Он же указывает на невозможность логического представления лингвистического факта: «Предметно понимаемый язык имеет слишком неопределенные границы: временные, пространственные, терминологические и авторские. Попытки охватить весь узус на определенной территории, в определенном временном промежутке, т.е. найти об-

щий для всех инструмент выражения мыслей, ведет к разрастанию номенклатуры терминов и произвольному социально-территориальному дроблению, доходящему до последних «атомов» – отдельных коммуникантов в данном хронотопе. Так возникают «языки» рекламы, средств массовой информации, детей, социальных низов, молодежи, жителей села N., Поволжья, верхненемецкий или среднеанглийский «язык», поздняя латынь и пр., которые при ближайшем рассмотрении все равно оказываются индивидуальными «языками» отдельных говорящих (пишущих) – «языком» Гомера, Шекспира, Пушкина, Достоевского и пр.» (Вдовиченко 2008: 453-454).

Новые подходы к знанию и познавательной деятельности по отношению к языку предполагают поиск форм и приемов, фиксирующих культурно-исторические и антропологические смыслы. Разумеется, не все будет принято в философии и методологии познания языка, прежде всего потому, что формообразование происходит в прямой зависимости от познавательно-интерпретативной деятельности субъекта. Соответственно в новых единицах знания фиксируются глубинные, скрытые от непосредственного наблюдения связи и элементы ментальных явлений, которые лишь подразумеваются, существуют в знании как «формулы умолчания». Очевидно, что все эти и подобные им «человекообразные» элементы не представлены в традиционных гносеологических и эпистемологических структурах и единицах знания. Очевидно, они не столь значимы, как общепринятые логические формы.

В связи с многомерностью феномена знания одна из основных проблем становится проблема преодоления метафор, стереотипов и парадигм в познании языка. Это отсылает исследователя к методологическим основаниям скептицизма позднего Витгенштейна по поводу языка, что требует после появления работ Г.П. Бейкера и П.М.С. Хакера своей дальнейшей проработки (Бейкер, Хакер 2008).

Все эти сложные современные проблемы не только меняют представления о знании, познавательном процессе по отношению к языку, но, что особенно важно, по-новому представляют саму познаваемую реальность языка. Поясним лишь один из аспектов проблемы реальности, мало разработанный и в определенном смысле неожиданный для традиционной эпистемологической тематики лингвистики. Это – проблема виртуальной реальности, увиденная сквозь призму познания языка. Виртуальность предстает как интегральное качество, возникающее в процессах взаимодействия элементов целого. Она существует актуально в пространстве между субъектом и объектом, ее невозможно экспериментально обнаружить ни на стороне объекта, ни на стороне субъекта, взятого изолированно друг от друга. Виртуальные объекты продуцируются также актуальным взаимодействием человека с другими людьми, в коммуникации, в разных формах диалога – текстового, сценического, синергического. Поэтому и Н.Ф. Алефиренко не

смог избежать обращения в свое время к синергетическому пониманию языка (Алефиренко 2002). Ведь сложность и нетривиальность познания подобных объектов и процессов обусловлены тем, что возникновение виртуальной реальности, как правило, спонтанно, как появление вдруг в результате малейших изменений в состоянии хаоса.

Работы же Н.Ф. Алефиренко ценны именно тем, что они показывают новому поколению отечественных исследователей языка возможность преодоления хаоса его познания.

Литература

Алефиренко, Н.Ф. Поэтическая энергия слова: синергетика языка, сознания и культуры. – М.: Academia, 2002. 394 с.

Алефиренко, Н.Ф. Спорные проблемы семантики. – М.: Гнозис, 2005. 326 с.

Алефиренко, Н.Ф. Современные проблемы науки о языке. – М.: Флинта: Наука, 2005а. 412 с.

Вдовиченко, А.В. Расставание с языком. Критическая ретроспектива лингвистического знания. – М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2008. 512 с.

Гаспаров, Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.

Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания / под ред. И.Т. Касавина. – М.: Политиздат, 1990. 464 с.

Парадигмы научного знания в современной лингвистике / под ред. Е.С. Кубряковой. – М.: ИНИОН РАН, 2008. 184 с.

Полани, М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. – М.: Прогресс, 1985. 344 с.

Руднев, В.П. Диалог с безумием. – М.: Аграф, 2005. 320 с.

Сублогический анализ языка: Юбилейный сборник научных трудов / под ред. В.Н. Базылева. – М.: Изд-во СГУ, 2011. 397 с.

Харченко, В.К. Белые пятна на карте современной лингвистики. – М.: Литинститут им. Горького, 2008. 168 с.

Summary. The article is devoted to the ideas of the language in modern Russian linguistics and to the contribution of N. Alefirenko to the formation of the modern language episteme. The new objects for linguistic research are offered.

Key words: theory of language, a language model, the analysis of language, epistemology.

ЖИВОЕ СЛОВО ДОРОЖЕ МЁРТВОЙ БУКВЫ: ЯЗЫК В СВЕТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПОСТМОДЕРНИЗМА¹

Н.Ф. Алефиренко

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Alefirenko@bsu.edu.ru

Задача статьи – создать современный парадигмальный абрис (контурные очертания) живого слова. Пословица «*Живое слово дорожке мёртвой буквы*» была одной из самых любимых у В.И. Даля. Она указана в его книге «Пословицы русского народа» (1853 г.) в разделе «Язык – Речь». Мудрый народ вложил в неё глубокий смысл: живой

¹ Работа выполнена в рамках реализации госзадания БелГУ № 241 на 2016 год.

пристрастной и заинтересованной речью можно передать намного больше, чем равнодушно написанным текстом. Сингармония мысли, чувств и слова превращает художественный текст из мертвой буквы в живую речь, способную воздействовать на мысли, чувства и поведение людей. Объясняется это антропоцентрической архитектоникой живого слова, а) выстраиваемой личностным отношением автора к нарративизации дискурсивного события и б) воплощаемой в эстетике слова. Живое слово – естественный индикатор глубины мысли автора, средство выражения осознанного им переживаемого события – личностно или общественно значимого факта. Живое слово свидетельствует о лучезарной душе человека: через слово излучается его духовная энергия, истощение которой превращает слово в мертвую букву. Тонкий знаток слова, М.М. Пришвин писал: «В каждой душе слово живет, горит, светится, как звезда на небе, и, как звезда погасает. Тогда сила этого нового слова, как свет погасшей звезды, летит к человеку на его путях в пространстве и времени. Бывает, погасшая звезда на земле горит еще тысячи лет. Человека того нет, а слово остается и летит из поколения в поколение, как свет угасшей звезды во Вселенной» (Пришвин 1979).

Столь мощный заряд живого слова не мог не пробить искусно выстроенную Ф. де Соссюром оборону структуральной лингвистики. Её оплотом стал тезис швейцарского лингвиста о неразрывности связи означающего и означаемого. Именно он был подхвачен и превращен структуралистами в известную всем незыблемую догму.

Однако не все обращают внимание на то, что позже Ф. де Соссюр, в частности в своих «Анаграммах», произвольность означающего стал трактовать несколько расширенно. «Анаграмму» (и шире – поэтическую речь, – Н.А.), подчёркивал Соссюр, не следует определять не как преднамеренную путаницу, лишённую полноты смысла, а как **неопределяемую множественность, радикальную неразрешимость, разрушающую все коды**» (Соссюр 1977: 535). Обратили внимание на столь нехарактерные для Соссюра мысли только постструктуралисты и с этого времени стали искать код, который был бы ответственен за порождение живого, поэтического, смысла.

Такой подход к интерпретации соссюровских идей свидетельствует уже скорее о собственно постмодернистском понимании живого слова. Теоретики постструктурализма пытались объяснить **специфический характер анаграмматической коннотации**, нарушающей естественный ход обозначения и, что самое главное, ставящей под сомнение нерасторжимость связи означающего с означаемым. В этом смысле Ж. Лакан является предшественником постструктурализма: (1) он вскрыл в теории Соссюра о произвольности знака мысли, ведущие к отрыву означающего от означаемого; (2) пересмотрел традиционную теорию фрейдизма с позиций лингвистики и семиотики, отождествив бессознательное со структурой языка. «Бессознательное, – утверждал Ж. Лакан, – является целостной структурой языка», а «работа сновидений следует законам означающего» (Lacan 1977: 147, 161).

В тесте-сновидении Ж. Лакан вслед за Фрейдом выделяет два основных процесса: конденсацию и замещение. При этом он пытается перевести фрейдовские толкования в лингвистический план. Если у Фрейда **к о н д е н с а ц и я** понимается как совмещение в одном образе, слове, мысли, симптоме или акте *несколько бессознательных желаний или объектов*, то Ж. Лакан сущность **к о н д е н с а ц и и** видит *в наложении одних означающих на другие*, образующем механизм **м е т а ф о р и з а ц и и**. **З а м е щ е н и е**, по Фрейдю, **сдвиг ментальной энергии с одного явления в мозгу на другое**, у Ж. Лакана ассоциируется с **м е т о н и м и е й**.

(Конденсация → **метафоризация**, замещение
→ **метонимизация**)

Позже в работах Кристевой и Ж. Дерриды понятия *конденсации* и *замещения* станут **б а з о в ы м и** категориями в постструктуралистской теории образного слова. Данная теория опирается на идею Ж. Лакана о *независимости означающего от означаемого*, позволившей ввести понятие «скользящего», или «плавающего означающего».

Рассматривая мир исключительно через призму сознания, как феномен письменной культуры, постструктуралисты уподобляют самосознание личности некой сумме текстов различного характера, которая, по их мнению, и составляет мир культуры. Поскольку, как не устают повторять основной теоретик постструктурализма Ж. Деррида, «ничего не существует вне текста» (Derrida 1976). Весь мир, в конечном счете, воспринимается Ж. Дерридой как бесконечный, безграничный текст, или как «космическая библиотека» (Винсент Лейч), или, по словам Умберто Эко, как «словарь», «энциклопедия».

Специфика новейшей, постмодернистской трактовки языкового сознания состоит уже не столько в его текстуализации, сколько в его **нарративизации**, т. е. в способности человека описать себя и свой жизненный опыт в виде связного повествования, выстроенного по законам жанровой организации художественного текста. В такой интерпретации языковое сознание, словно неприступный склеп словесной повествовательности, напоминает гробницу пророка Мухаммеда, вынужденного вечно парить без точки опоры в тесных пределах своего узилища без права переписки с внешним миром.

Теоретическое обоснование **текстуализации сознания** своеобразно осуществил – предшественник Ж. Дерриды – Жак Лакан, выдвинувший идею *текстуализации бессознательного*, которое традиционно связывалось прежде всего со сновидением, более того, **с о н** в его понимании, уже есть *текст*. В этом плане Ж. Лакан был заинтересованным почитателем Фрейда.

Поскольку теоретические представления Ж. Лакана сложились в 30-50-е годы и несли на себе заметный отпечаток допостструктуралистских научных установок, он становится объектом критических

нападок Ж. Дерриды, выступавшего с позиций более последовательного постструктурализма.

В постструктурализме учение Ж. Лакана воспринималось не целиком, а в виде отдельных идей, приобретающих под лучами новой парадигмы безусловную оригинальность. Однако важно не забывать, что критика Ж. Дерриды не носила характера категорического отрицания. Скорее её можно назвать развитием и переосмыслением отдельных его идей.

Особую роль в этом сыграл тот фактор, что Ж. Лакан сочетал до сих пор нерасторжимым союзом психоанализ и лингвистику, создав тот лингвоориентированный вариант неофрейдизма, который и поныне властвует над умами западных гуманитариев. При всех взлётах и падениях интереса к Ж. Лакану сформулированная им проблематика динамического взаимодействия «воображаемого» и «символического» по-прежнему привлекает к себе внимание теоретиков литературы и искусства. Но основной вклад Ж. Лакана в создание общей теории постструктурализма – это его переосмысление сосюрровской концепции знака.

В нашей концепции живого слова лакановская теория знака органично вписывается в учение о языковой личности. «Органично» потому, что саму личность Ж. Лакан понимал как знаковое, языковое сознание, а структуру знака рассматривал с точки зрения психологической ориентации индивида, с точки зрения сложной диалектики взаимоотношения «потребности» и «желания».

Специфика лакановского понимания языкового сознания состоит в том, что она вытекает из его представления о структуре человеческой психики как сфере сложного и противоречивого взаимодействия трех составляющих: Воображаемого, Символического и Реального.

Воображаемое – это тот комплекс иллюзорных представлений, который человек создает сам о себе и воплощает в живом слове. **Символическое** – сфера передаваемых в лексической семантике социальных и культурных норм и представлений, которые человек усваивает в основном бессознательно, чтобы иметь возможность нормально существовать в данном этнокультурном сообществе. **Реальное** – та сфера биологически порождаемых и психически сублимируемых потребностей и импульсов, которые нашему языковому сознанию в осмысленном виде не даны. Определения, может быть и не бесспорные, однако для нас важно не столько выяснения истинности концепции Ж. Лакана, сколько постструктуралистское понимание социолингвистической детерминированности трёх составляющих языкового сознания механизмами которого, собственно, и порождается живое слово.

Понятие «живого» слова входит в разрабатываемую нами когнитивно-семиологическую теорию знака (Алефиренко 2006: 102) как коррелята «живому» понятию, введённого в науку Г.Г. Шпетом. Он не отрицал значимости понятия в речемыслительной деятельности. Однако он ратовал за так называемые живые понятия и возражал тем,

кто полагал, что образные описания могут заменить понятийные операции. Он пишет: «воображают, что образная фигуральная речь «богаче» логической. Разумеется, образов в ней больше, но ведь нам гораздо важнее значение, *смысл*, «а чтобы его извлечь нужно «перевести» образы в понятия» (Шпет 1994: 305). Сама постановка проблемы «живого» слова предполагает разработку методологических принципов данной теории, определение её категорий и поиск метода. Согласно нашей гипотезе, такой подход позволяет вскрыть синергетические истоки сопряженного кодирования культурно-исторического опыта системой языка и системой мышления в процессе речевой деятельности человека. Этой цели подчинён поиск дискурсивных истоков «живого» слова; разгадка его дискурсивной синергетики и дискурсивно-смыслового пространства.

Методологической основой нашей концепции служат принципы изучения слова, разработанные философом М.М. Бахтиным, психологом Г.Г. Шпетом, лингвистами А.А. Уфимцевой, Н.А. Слюсаревой, учёными пражской функциональной лингвистики. Благодаря деятельности Г.Г. Шпета, А.Н. Леонтьева и др. были открыты и структурно представлены основные грани «живого» слова: *внутренняя форма* слова (Г.Г. Шпет), *действие* (Н.А. Бернштейн), *образ* (Н.Н. Волков и А.В. Запорожец). Эти формы, несомненно, обладая качествами предметности, не редуцируемы к внешней, предметной, материальной и т.п. деятельности, имеют не одинаковое с ней, а свое собственное устройство. Исходя из бахтинской идеи, «*живое*» слово в устах человека превращает говорящего в заинтересованного и более того переживающего субъекта познания. Ведь живое слово не только называет предмет, но и выражает оценочное отношение говорящего к предмету мысли, видит в нем желательное и нежелательное. Это приводит живое слово в движение, вектор которого определяется внутренним программированием высказывания, делает моментом *живой* переживаемой событийности. Вот почему обозначаемый словом предмет переживания выступает в разных ипостасях – потребности, мотива, ценности, смысла, цели, задачи.

Не случайно, по данным современной психологии (Ф.Е. Василюк), *переживания* входят и в определение предмета, и в определение события, тем самым делая их живыми. Живое слово неповторимо, поскольку, по мнению А.А. Потебни, «всякое новое применение слова... есть созидание слова» (Потебня 1999: 223). Происходит это благодаря процессам интериоризации. Именно интериоризация оживляет слово. Действительно, слово оживает тогда, когда оживает в нашем сознании обозначаемый им предмет. Лингвисты, психологи и поэты, даже не будучи знакомы, одинаково воспринимают и интерпретируют живое слово. Так, ещё В. Гумбольдт писал, что «язык ни при каких условиях нельзя изучать как мертвое растение. «Язык и жизнь суть нераздельные понятия и процесс обучения в этой области всегда сводится к процессу воспроизведения» (Гумбольдт 1984: 112). Для вос-

приятия «живого» слова ведущую роль играют контекст, текст и дискурс. Именно контекст завязывает узел движений, превращая движения в действия, действия – в компоненты события.

Контекст: движение → действие → событие.

В этом глубокий дискурсивный (событийный) смысл «живого» слова. За «живым» словом стоит мир действия, мир поступка, мир события.

Интерес к изобразительно-выразительным возможностям родного слова в российском языковедении традиционен. Однако несмотря на устойчивый интерес русистов к проблемам образного слова лингвистическая поэтика как отрасль лингвистического знания требует методологического и методического обоснования, которое бы вывело ее из состояния описательно-иллюстративной дисциплины в перспективную отрасль когнитивно-функциональной семиологии. В настоящее время одни исследователи сосредотачивают свои усилия на анализе контекстуальных условий реализации лексикой своих изобразительных свойств, другие – констатируют, что осуществление такого рода анализа пока неэффективно, поскольку отсутствует такой лингвистический подход, который бы опирался одновременно на когнитивные механизмы речи-мышления и механизмы преобразования системно-консервативного языкового знака в «живое слово».

Само понятие «живое слово» стоит в одном ряду с такими понятиями, как **живое движение речи-мысли** и **живое знание**, пришедшие в нашу науку с выходом в свет в Берлине в 1923 году книги С.Л. Франка «Живое знание» (Франк 1995). Живое знание объективируется в живом слове, поскольку в нём слиты значения и укорененный в языковом сознании личностный, аффектно окрашенный смысл. Если, согласно Г.Г. Шпету, слово – это архетип культуры, то понимаемое **живое слово – это одновременно генотип и фенотип живого знания**. Живое слово требует к себе особого подхода, разработки специального исследовательского метода.

Одним из таких методов может быть предлагаемый нами метод семасиологической комбинаторики. Его назначение – определить (а) синергетические истоки сопряженного кодирования культурно-исторического опыта системой языка и системой мышления; (б) выявить дискурсивные истоки «живого» слова; (в) раскрыть сущность дискурсивной синергетики «живого» слова и его дискурсивные смыслы. Параллельно с этим раскрываются особенности дискурсивной стилистики «живого» слова, устанавливается взаимоотношение «живого» слова и речевых жанров.

Каковы же механизмы превращения обычного слова в «живое»? Психологи доказывают, что происходит столь сложная метаморфоза благодаря процессам интериоризации. Действительно, слово оживает тогда, когда оживает в нашем сознании обозначаемый им предмет.

Глубинный дискурсивный (событийный) смысл «живого» слова обуславливается тем, что за ним стоит *мир действия, мир поступка, мир события*. Именно они определяют семиологическую сущность

«живого» слова. Это обязывает нас установить рамки семиологического подхода к слову, поскольку российские и зарубежные исследователи видят его в разной проекции.

Для зарубежной лингвистики характерно предельно широкое понимание семиологии. Наиболее ярко его олицетворяет Ролан Барт. В его представлении семиология является семиотропией (Барт 1989). С позиций когнитивной семиологии, слово – речевой знак, который всегда дан человеку непосредственно. Он бросается в глаза, словно вспышка воображаемого. Именно по этой причине семиология, в понимании Р. Барта, не есть герменевтика: она не столько раскапывает смыслы, сколько зарисовывает реальность. В российской лингвистической традиции семиология соотносится с разными знаковыми системами.

В связи с этим отметим, что термин *семиология* в нашем понимании не синонимичен термину *семиотика*. Мы используем его для обозначения того пространства, той среды, в котором слово становится «живым», актуальным в поэтическом (образном, метафорическом) мышлении. Семиологический принцип предполагает не только тесную связь языка с мышлением, но и его сложные когнитивные отношения с действительностью (объективной и субъективной). При этом соотношение содержания и формы выражения интерпретируется А.А. Уфимцевой как процесс первичного и вторичного знакообразования, в результате осмысления которых создаются языковые единицы в системе языка и в речи (Уфимцева 2002), находящиеся в определенной взаимосвязи и иерархии.

Новым в когнитивно-семиологической парадигме слова является введение понятия «виртуальных» и «актуальных» знаков лингвокреативного мышления. Актуализация первых обусловливается лингвокогнитивной спецификой поэтического восприятия мира, объективируемого многоуровневыми механизмами взаимодействия системы языка и системы мышления. Общую стратегию взаимодействия первой и второй фазы речемыслительного процесса в свое время наметил А.А. Уфимцева. Прогрессивным в таком понимании лингвокогнитивной деятельности является выявление и описание промежуточного звена – той обширной языковой сферы между виртуальными словесными знаками и их абсолютной семантической актуализацией в конкретных актах поэтической речи. Эту промежуточную языковую сферу составляют свободные сочетания слов, словосочетания и фразы прямой, переносной и косвенной номинации в единстве их лексической и грамматической семантики. Вне такого подхода невозможно становление когнитивно-функциональной семиологии, укрепление её теоретических позиций и практическое применение для развития научного потенциала высшей школы.

Перспективой исследования является раскрытие особенностей дискурсивной стилистики «живого» слова, установление взаимоотношения «живого» слова и соответствующего ему речевого жанра.

Литература

Алефиренко, Н.Ф. Живое слово: Проблемы функциональной лексикологии. – М.: Флинта, Наука, 2009. 344с.

Алефиренко, Н.Ф. Когнитивно-семиологическая теория слова // Вестник Самарского государственного университета. 2006. 50 / 1 (45). С. 102-110.

Барт, Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. 616 с.

Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / Пер. Г.В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1984. 400 с.

Потебня, А.А. Мысль и язык. – М.: Лабиринт, 1999. 300 с.

Пришвин, М.М. Избранная проза: Рассказы. Повести. Отрывки из романов. Не забудки. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное, 1979. 528 с.

Соссюр, Ф. Анаграммы // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. Переводы с франц. яз. по ред. А.А. Холодовича. – М.: Прогресс, 1977. С. 535-649.

Уфимцева, А.А. Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики / Под. ред. Ю.С. Степанова, изд. 2. – М.: Едиториал УРСС, 2002. 240 с.

Франк, С.Л. Предмет знания. Душа человека. – СПб.: Наука, 1995. 656 с.

Шпет, Г.Г. Философские этюды. – М.: Прогресс, 1994. 376 с.

Derrida, J. *Randgange der Philosophic*. – Frankfurt a. M.; Berlin; Wien: Ullstein, 1976. S. 88.

Lacan, J. *Ecrits: A selection*. – London : Tavistock, 1977. – XIV. 338 с.

Summary. The article is aimed to create a modern paradigm contour of the living word. It is the sinharmony of thoughts, feelings, and words that converts literary text from the dead letters into a living speech. Specificity of interpretation of linguistic consciousness is its textualization and narrativization, as well as its consideration as the unity of the imaginary, the symbolic and the real. Context, text and discourse play the leading role in the perception of the living word. Deep discursive (eventive) meaning of the living word stems from the fact that it reveals the world of actions, the world of events.

Key words: living word, living knowledge, cognitive-semiological paradigm, methodology, discourse, linguistic consciousness, post-structuralism.

КОНТИНУАЛЬНОСТЬ СЕМАНТИКИ «ЖИВОГО» СЛОВА

Л.А. Лебедева

Россия, г. Краснодар, Кубанский государственный университет

leb48@mail.ru

«Живое» слово принципиально неисчерпаемо.

Н.Ф. Алефиренко

Когнитивно-дискурсивный подход к языку обусловил принципиально новый взгляд на основную единицу языка – слово, позволивший создать теорию «живого» слова. Эта теория получила первоначальное обоснование в работах Г.Г. Шпета и М.М. Бахтина и окончательно оформилась в работах Н.Ф. Алефиренко, в которых слово рассматривается в его дискурсивном пространстве, во взаимодействии языка, познания и культуры (Алефиренко 2002; 2009).

«Живое» слово определяется лингвистами как слово, обладающее порождающими способностями, т.е. способное формировать новое смысловое содержание, «отражать помыслы, намерения и мотивы

говорящих» (Алефиренко 2009: 19). Спецификой «живого» слова является синкретизм семантики, осознаваемая связь его значения «одновременно с двумя / несколькими денотатами и / или сигнификатами» (Пименова 2011: 102), что позволяет говорить о «живой» языковой метафоре, «живой» метонимии, на основе которых у слова может возникнуть «живое» символическое значение и могут измениться его коннотативно-прагматические характеристики.

Смыслопорождающее начало в «живом» слове, по утверждению А.Г. Лыкова, это «непрестанный спор его речевых, контекстуально-текучих значений с его стабильным, инвариантным, «словарным» значением», причем «этот спор постоянно провоцируется и поддерживается комбинаторной неистощимостью языка и беспредельным многообразием человеческого опыта, неизбежно находящего свое отражение в языке» (Лыков 2002: 7). Таким образом, семантика «словарного» слова дискретна, но семантика того же слова в его «живом», речевом воплощении континуальна, принципиально неисчерпаема, поскольку неисчерпаемы потенциальные значения слова, погруженного в речетворчество. Следует особо подчеркнуть, что семантический потенциал слова реализуется только в высказывании, причем для проявления нового смысла слову нужна смена привычных контекстов, включение его в новые, непривычные сочетания с другими словами. При этом объем контекста может быть разным – от одного слова до предложения и даже целого текста.

Чаще всего метафорические и метонимические преобразования семантики слова, выходящие за пределы, определенные языковой нормой и лексикографической традицией, обнаруживаются в художественном дискурсе и в дискурсе современных СМИ, оперативно отражающих «языковой вкус эпохи» (В.Г. Костомаров). Создание индивидуально-авторских образных смыслов в пространстве художественного текста – это постоянное столкновение языковой нормы «с живым процессом новообразования (метафорическими, метонимическими и прочими переносами), при котором продолжают действовать те же механизмы, что и в узаконенных словарных значениях слова» (Падучева 2004: 15). При этом как в художественном, так и в публицистическом тексте усложняются модели семантических преобразований, например, наблюдается совмещение метафорического и метонимического начала в переносе исходного значения, становится возможной семантическая аппликация, обусловленная сближением в дискурсивном пространстве нескольких метафорических полей, оживлением ассоциативных связей слов и словосочетаний, и т.д.

В художественном произведении устанавливается определенная иерархия образных употреблений слова. В образном пространстве художественного текста семантические (метафорические) преобразования слова имеют, как правило, ступенчатый характер. Н.С. Валгина, исследуя образную составляющую художественного текста, отмечает

определенную градацию в образной системе произведения и «последовательность в восхождении от конкретного смысла к отвлеченному и обобщенному» у конкретного слова, именуя эти ступени образом-индикатором (использование буквального, прямого значения слова), образом-тропом (переносное значение) и образом-символом (обобщенное значение на базе частных переносных) (Валгина 2003: 125). При этом дифференцируется характер информации, заключенной в триаде образ-индикатор – образ-троп – образ-символ: прямое значение – фактологическая информация; переносное значение (троп) – концептуальная информация; переосмысленное обобщающее значение (символ) – подтекстная, глубинная информация (Валгина 2003, 128). Подчеркнем здесь неразрывность всех компонентов триады, а также лингвокультурную составляющую у образа-символа.

Ступенчатость в формировании образных смыслов текста, наличие образных доминант, индивидуальные смысловые приращения слов, как и их отсутствие, – все это создает специфику идиостиля писателя. Однако подобные ступенчатые изменения семантики слова свойственны не только индивидуально-авторскому словоупотреблению, они отмечаются и в обиходно-бытовой коммуникации и становятся семантической приметой «живых» слов.

Примечательно, что в разговорной речи «оживление» семантики наблюдается даже у слов, имеющих прозрачную внутреннюю форму, т.е. предельно мотивированных связью с денотатом, а потому, казалось бы, обреченных быть однозначными. Так, например, слово *предбанник* в академическом толковом словаре представлено как однозначное с исходной мотивированной семантикой ‘помещение в бане, предназначенное для раздевания’ (МАС, т. 3: 362), т.е. некое помещение в бане перед помещением для мытья. Существование в русском языке фразеологизмов *намылить голову / шею кому-л., давать / задавать жару / пару кому-л.* со значением ‘сильно бранить, распекать кого-л.’ (ФСРЯ: 123, 162, 257), очевидно, определило использование слова *предбанник* в переносном значении ‘приемная перед кабинетом начальника’, который, как известно, может любому подчиненному и пару задать, и шею намылить. Ср.: *В предбаннике директорского кабинета секретарь-машинистка Любочка... готовилась к сессии.* Ю. Поляков. Работа над ошибками.

Дальнейшее развитие семантики слова связано с перемещением смыслового акцента с корневой его части на приставочную: *предбанник* – это помещение, которое расположено *перед* другим, основным помещением: *встретимся в предбаннике театра (в фойе), покурим в предбаннике вагона (в тамбуре)* и т.п. Ср. также: *Я буду лежать в предбаннике ординаторской...* М. Арбатова. Мне 40 лет. *...Все кошмары ее жизни уже закончились, ушли вместе с Линдтом, который сейчас, должно быть, уже стоял где-то в предбаннике небесной канцелярии...* М. Степнова. Женщины Лазаря. Сидела она

(Ева) в своем **предбаннике**, именующемся канцелярией, ... и разруливала вопросы почти мирового масштаба. М. Метлицкая. Ева Непотопляемая.

Новые семантические обертоны слово получило в связи с постановкой в театре им. Моссовета спектакля «Предбанник» (режиссер С. Юрский). На сайте театра читаем следующий комментарий: *В этой постановке С. Юрский представляет парадоксальную пьесу, действие которой разворачивается в **предбанниках**. Один – это актерская курилка, где «живут» перед выходом на сцену артисты, где говорят о главном и настоящем, а не произносят заученные тексты авторов пьес. Другой – некий офис, где ангажированные политехнологи разрабатывают сценарий будущих выборов. <...>. **Предбанник**, как объясняет сам С. Юрский, – это чистилище, в котором все разоблачаются, и становится понятно, кому – в рай, кому – в ад* (mossoveta.ru/performance/predbannik/). Таким образом, в тексте реализуются «привязанные» к разным денотатам смыслы слова *предбанник* с общей семой ‘помещение’ – это и актерская курилка, и офис, но при этом в слове формируется и образный смысл, вырастающий до символа: *предбанник* – это ‘чистилище, высший суд’.

В комментарии С. Юрского примечательно и «живое» слово *разоблачаются*, в котором, наряду с производным значением ‘обнаружиться, раскрыться, стать известным’, на фоне слова *предбанник*, восстанавливается исходная семантика – ‘раздеться, снять с себя одежду’ (МАС, т. 3: 623), т.е. ‘обнажиться’. И семантические ассоциации связывают слово *разоблачиться* со словом *обнажиться* не только по денотату, но и по сигнификату, т.к. в переносном значении *обнажиться* – ‘стать явным; раскрыться, обнаружиться’ (МАС, т. 2: 548). Как видим, актуализация, «оживление» исходного значения наряду с возможным изменением семантики – один из признаков «живого» слова.

«Живое» слово способно выходить за функционально-стилистические рамки, очерченные языковой традицией. Так, слово *сложносочиненный*, прочно укрепившееся в сознании многих поколений, изучавших школьный курс русского языка, только в сочетании со словом *предложение*, т.е. в составе лингвистического термина, и именно так отмеченное «Словарем русского языка» (МАС, т. 4: 142), в художественных текстах преодолевает подобное функционально-стилистическое ограничение, расширяет сочетаемость и приобретает новые оттенки смысла. Например, в произведениях М. Арбатовой прилагательное *сложносочиненный* – это и ‘сложно сконструированный’ (*Сложносочиненная система труб. Дегустация Индии*), и ‘намеренно запутанный’ (*Мне объяснили, что это **сложносочиненные** способы воровства электричества. Дегустация Индии*), и ‘сложный по расположению’ (*Внутренние помещения дворца **сложносочиненны** и бесконечны. Дегустация Индии*), и ‘интеллектуально насыщенный’ (*Она столько лет жила в этом информационном те-*

атре, что уже даже мыслила проблемными статьями и **сложносочиненными** интервью. Семилетка поиска), и 'приготовленный из разных компонентов' (Сыновья ... внесли в багажник чугуна со свиной и кастрюлю со **сложносочиненным** овощным гарниром. Любовь к американским автомобилям). Расширение лексико-семантической сочетаемости слова *сложносочиненный* и, соответственно, появление у него новых смысловых оттенков отмечается и у других современных авторов. Ср.: ...*быстрое и сноровистое движение мелкой воровки ...которое не вязалось ни с Норочкиным **сложносочиненным**, до вытачки и кокетки импортным нарядом, ни с ее протяжной небрежной повадкой ко всему привыкшей богатой дамы.* М. Степнова. Женщины Лазаря. *Обменные цепочки рвались, лопались, длинные пирамидки **сложносочиненных** обменов осыпались, как песочные домики.* М. Метлицкая. Дорога на две улицы.

Изменение значения «живого» слова часто сопровождается изменением его коннотативных составляющих. Например, у слова *зубрилка* словарь фиксирует следующее значение: 'тот, кто занимается зубрежкой, бессмысленным заучиванием' (МАС, т. 1: 624). Введение в толкование определения *бессмысленным* позволяет отметить отрицательную оценочную коннотацию в семантике слова. Реализацию этого значения находим в контексте: *Актриса Эмма Уотсон: Я такая же зубрилка, как Гермiona.* КП, 25.07.2007. Однако иная модально-оценочная окраска слова *зубрилка* появляется при таком его употреблении: *Сейчас занимаюсь одним очень любопытным проектом, связанным с обучением детей в младших классах. Он называется «Зубрилки».* АиФ, 22.12.2010. В данном контексте название дидактического проекта, направленного на развитие памяти у младших школьников, лишается коннотации неодобрения, воспринимается как фамильярно-ласковое.

Коннотативные изменения, в частности изменение оценочной коннотации – вплоть до противоположной, прослеживаются и в «живых» словах, и в дериватах «живых» слов. Так, просторечное бранное слово *балда* актуально в отрицательно-оценочном значении 'бестолковый, глупый человек' (МАС, т. 1: 57). В производном жаргонном *балдеть* 'получать, испытывать удовольствие, наслаждение (от безделья, приятного времяпрепровождения и т.п.)' (ТС: 103), получившем широкое распространение в речи молодежи, эта коннотативная окраска нейтрализована, а разговорное *обалденный*, образованное от видовой пары *обалдеть*, становится словом с положительной оценочной семантикой, используется для высокой оценки качества предмета – 'очень хороший' (СОШ: 424): *Обалденный парень. Обалденный фильм. Сапоги обалденные купила, да так дешево!*

Рассуждая о семантических приращениях «живого» слова, возникающих в когнитивно-дискурсивных сферах русского языка, о поступательном движении в его семантическом развитии, нельзя удер-

жаться от искушения проиллюстрировать все это на примере прилагательного *живой*. Это прилагательное подается в четырехтомном «Словаре русского языка» как многозначное, причем некоторые из его основных восьми значений имеют еще и оттеночные: 1) ‘такой, который живет, обладает жизнью’ (...*ловили тигров живыми*); 2) ‘относящийся к животному или растительному миру’ (*живая природа*); 3) ‘полный жизненных сил; подвижный, непоседливый’ (*живой ребенок*); 4) ‘подлинный, существующий в действительности’ (*живая жизнь*); 5) ‘деятельный, интенсивно проявляющийся’ (*живой интерес*); 6) ‘яркий, выразительный’ (*живой слог*); 7) *только кр. ф., чем.* ‘черпающий силу в чем-л.’ (*жив надеждой*); 8) *только кр. ф. (обычно со словами «в душе», «в сердце», «в памяти» и т.п.)* ‘такой, который не забывается’ (*пьесы до сих пор живы в моей памяти*). Кроме того, во фразеологическом разделе словарной статьи приводится внушительный список устойчивых выражений – 33 фраземы со словом *живой*: *живой вес, живая вода, живая газета, живой инвентарь, живые картины, живая летопись, живые мощи, живая очередь, живая память, живой портрет, живое предание, живая рана, живая связь, живая сила, живое слово, живой товар, живой укор, живой ум, живые цветы* и др. (МАС, т. 1: 481-482).

Однако каким бы детальным, полным ни казалось описание семантики слова *живой*, его нельзя считать исчерпанным, поскольку упомянутый словарь отражает то словоупотребление, которое сложилось в языке к 80-м годам прошлого века. В последующие годы семантическое развитие слова *живой* шло в нескольких направлениях, так как слово использовалось в разных функциональных сферах. В сфере современного шоу-бизнеса это слово стало музыкальным термином в значении ‘звучащий непосредственно, не записанный на фонограмму’, о чем свидетельствуют следующие словосочетания, получившие широкое распространение: *живая музыка, живое звучание, живой звук, живое исполнение, живой инструмент, живой рояль* и т.п. В сфере теле- и радиовещания *живой* используется в значении ‘транслируемый без предварительной записи непосредственно с места события или из студии’: *живой эфир, живой репортаж, живая беседа, живое интервью*. Последнее сочетание стало обычным в сфере интернет-коммуникации: это интервью, в ходе которого вопросы могут задавать не только ведущие, но и все участники интернет-общения. Интернет активно использует слово *живой* и в названиях онлайн-дневников (*живой журнал, Живая Кубань, Живой Красноярск* и т.п.). В современной лингводидактике слово *живой* в сочетании со словами *язык, речь* приобрело значение ‘непосредственно реализуемый, функционирующий, звучащий’: *живой английский язык, живой иврит* и т.д. В названиях учебных пособий и словарей типа «Живая математика», «Живой учебник геометрии», «Живой словарь бизнес-тренера» появляются оттенки предыдущего значения – ‘функциональный, актуальный’. В финансовой сфере закрепилось выражение

живые деньги – ‘наличные или реально существующие’. Эти новые сферы употребления и новые значения слова зафиксированы и современным «Толковым словарем русского языка начала XXI века: Актуальная лексика» (ТС: 345).

Семантика слова *живой* отмечена и приращением национально-культурных коннотаций. Так, родившееся в поэтической речи выражение *живая жизнь* (*Найду ли где поэзию трудов, Наш дивный быт и пламенное вече, Живую жизнь и мысли без оков?* Н. Языков. Прощальная песня) стало концептуальным в творчестве Ф.М. Достоевского, который, вслед за старшими славянофилами, употреблял слово *живой* в значении ‘истинно сущий’ (Кустовская 2009). Оксюморонное выражение *живой труп* вызывает устойчивые ассоциации с пьесой Л.Н. Толстого, с образом ложно утонувшего Феди Протасова, а современное *живые мертвецы* – с персонажами американского триллера. В названии фильма о В. Высоцком «Спасибо, что живой» можно отметить совмещение прямого и переносного значений слова *живой*, что обусловлено, с одной стороны, знанием о реальной ситуации в жизни поэта, а с другой – ассоциацией с клишированной формой в названиях книг мемуарного и биографического жанров типа «Живой Ленин», «Живой Дали» и т.п., где *живой* – это ‘живущий в памяти современников’. В воспоминаниях Е. Пастернак о доме знаменитого деда в Переделкине встречаем выражение *живой дом-музей*, в котором с помощью эпитета *живой* переосмысливается семантическое наполнение понятия «дом-музей» как мемориала, дома, из которого ушла жизнь, ушли люди, но хранится память о них. *Живой дом-музей* – это музей, фактически созданный поклонниками творчества Б. Пастернака еще при жизни поэта: «... дом был открыт для посетителей всегда. Со смерти деда... люди приходили в дом Пастернака как в музей. Идея создания **живого дома-музея** органически следовала из этой традиции, созданной совсем не семьей Пастернака, но теми, кому эти посещения были необходимы» (Порядок вещей).

Устойчивые выражения со словом *живой* все чаще становятся номенклатурными наименованиями, торговыми знаками: издательство «Живой язык», образовательные проекты «Живое слово» и «Живой словарь» в сети Интернет, цикл телевизионных передач «Еда живая и мертвая» и т.д. Любителей пива привлекает реклама с магическими словами *живое пиво* (т.е. ‘непастеризованное, без консервантов’).

Таким образом, чем активнее слово включается в новые контексты, чем разнообразнее его дискурсивные «пути-перепутья», приводящие к формированию новой семантики и ее коннотативных составляющих, тем более «живым» оно становится. Такому слову суждено языковое долголетие.

Литература

Алефиренко, Н.Ф. Поэтическая энергия слова: синергетика языка, сознания, культуры. – М.: Academia, 2002. 394 с.

Алефиренко, Н.Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2009. 344 с.

Валгина, Н.С. Теория текста: Учебное пособие. – М.: Логос, 2003. 280 с.

Кустовская, М.А. Концепция «живой жизни» в творчестве Ф.М. Достоевского: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Симферополь, 2009.

Лыков, А.Г., Лыкова, Н.А. Асимметризм русского слова. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2002. 194 с.

Падучева, Е.В. Динамические модели в семантике лексики. – М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.

Пименова, М.В. Виды значений «живого» слова // Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания: сб. науч. трудов / сост. И.Г. Паршина, Е.Г. Озерова. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. С. 101-107.

МАС – Словарь русского языка: В 4-х т. – М.: Русский язык, 1981-1984.

СОШ – Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 2006. 944 с.

ТС – Толковый словарь русского языка начала XXI века: Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Складчиковой. – М.: Эксмо, 2008. 1136 с.

ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – М.: Советская энциклопедия, 1967. 543 с.

Summary. A word included in different discourse spheres realizes its semantic potential and enriches itself with connotations of various kinds, which allows one to consider such a word to be “living”, and its semantics – to be continual. The semantics of a word is discreet only in its dictionary representation.

Key words: the “living” word, continuity and discreteness of semantics, semantic transformation.

КЛЮЧЕВЫЕ КОНЦЕПТЫ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ И СПОСОБЫ ИХ ВЕРБАЛИЗАЦИИ (фразеология)*

А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко

Россия, г. Кострома, Костромской государственный педагогический
университет им. Н. А. Некрасова

Россия, г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет
mokienko40@mail.ru

*Я вам расскажу про то, что будет,
Вам такие приоткрою дали!..
В. Высоцкий*

Концепт имеет множество научных толкований. С.А. Аскольдов определяет концепт как мысленное образование, «которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» (Аскольдов 1997: 91). Таким образом, утверждается субъективированная природа концептов. Особый вид концептов представляют художественные концепты; они образны, символичны, подчиняются прагматике художественной ассоциативности. Концепт выступает «мысленным субстратом значения, на котором лингвокреа-

*Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект «Ключевые концепты русских народных сравнений (опыт идеографического словаря)» (№ 14-04-00090 / 14; шифр ИАС 31.16.571.2014).

тивное мышление наращивает различные смыслы оценочного, эмоционального и экспрессивно-образного характера» (Алефиренко 2005: 58, 63). Исследователи выделяют отличительные свойства поэтического концепта как разновидности художественных концептов.

Поэтический концепт является основной единицей поэтического дискурса, обладающей специфической «размытой» структурой, обусловленной ассоциативно-смысловыми механизмами формирования его содержательной структуры. В структуре языкового сознания он является ритмо-метро-мелодическим воплощением создания и восприятия поэтических субъективных смыслов (Чумак-Жунь 2009: 92).

В поэзии широко используется разнообразная фразеология как средство вербализации поэтических концептов. Для поэтических произведений характерна собственно поэтическая фразеология с её специфическими особенностями (Алещенко 1998: 49).

Поэтические фразеологизмы представлены ограниченным количеством тематических групп: они служат обозначением лица (чаще всего – лирического героя), пейзажа, войны, поэтического творчества, жизни и смерти, чувств и состояний человека. Именно эти объекты воспроизведения актуальны для поэзии, так как они, по словам Л.Я. Гинзбург, «касаются коренных аспектов бытия человека и основных его ценностей» (Гинзбург 1981: 153). См., например, в поэзии А. Ахматовой следующую представленность основных концептов: «жизнь, земное бытие»: *земная отрада, сладость бытия, назначенный круг*; «смерть»: *последний сон, сладчайший сон, смертная истома*; «любовь»: *душевный жар, любовные сети, истома сладострастья* и под. (Кудрина 2008).

В основе поэтической фразеологии лежат метафорические универсалии – архетипы: жизнь – движение, смерть – сон, мир – театр, битва – пир и под. Поэтизируется то, что способно передать чувства, переживание поэта. Материальная репрезентация, языковая объективация концепта может осуществляться как системными средствами – лексемами, фразеологизмами, устойчивыми сочетаниями слов, перечислением синонимов, компонентов лексико-фразеологического поля, так и внесистемными – свободными сочетаниями слов, объяснительными дефинициями, целым текстом (Попова, Стернин 2001: 42). В художественном дискурсе различные единицы текста могут употребляться в качестве экспликаторов индивидуально-авторских концептов и индивидуальных признаков концептов.

К ключевым, базовым концептам поэзии принадлежит концепт «Поэзия». Многие ФЕ связаны с представлением поэта, поэтического творчества, поэтического вдохновения. Рассмотрим способы репрезентации данного концепта, его основных аспектов посредством фразеологии на материале стихотворений ряда поэтов XX века.

В стихотворении Ю. Левитанского «Тревожное отступление» авторские развернутые метафоры и ФЕ *тронулся лед* с повторяющимся компонентом *тронулся* знаменуют возврат творческого вдохновения:

И ветер охоты подул на листы,
и пороховницы мои не пусты, ...
Моих журавлей начинается лет!
И все-то мне на руку,
все мне с руки,
и все на мою только мельницу льет.
Так что же случилось? Пока ничего.
Но *тронулся, тронулся, тронулся лед*.

Троекратное повторение словоформы *тронулся* придает стиху динамичность, создает эмоциональную эмфазу, усиливая выражаемое ФЕ ощущение радости бытия, творчества.

В стихотворении Ю. Левитанского «Кровать и стол, и ничего не надо больше...» анафора «мой старый стол» является основным символом творчества поэта. ФЕ *земля обетованная* употреблена здесь в ряду образных перифраз, характеризующих значение для поэта творчества как самого важного, необходимого, как предмета заветных устремлений:

Мой старый стол, мой отчий край,
мой дальний берег,
моя *земля обетованная*, мой остров,
мой углый плот, моя спасительная шляпка.

Анафорический повтор здесь является основным средством выражения концептуального содержания поэтического произведения в динамике и важнейшим компонентом идиостиля.

Индивидуально-авторские концепты могут репрезентироваться сериями окказиональных ФЕ, образованных по моделям языковых ФЕ. В стихотворении Р. Рождественского «Будем горевать в стол...» градационный ряд окказиональных ФЕ, производных от ФЕ *писать в стол*, выполняет концептообразующую функцию:

Будем горевать *в стол*,
Душу открывать *в стол*,
Будем рисовать *в стол*,
Будем танцевать *в стол*,
Будем голосить *в стол!*
Злиться и грозить *в стол!*
Будем сочинять *в стол...*
И слышать из стола стон.

На основании целого ряда употреблений ФЕ *писать в стол* формулируем ее концептуальное содержание, порожденное недавним прошлым, отражающее знамение времени: «заниматься литературным творчеством, заведомо зная, что произведения будут восприняты властями как враждебные режиму, крамольные и потому результаты

труда нужно скрывать, не надеясь, что в ближайшем будущем или когда-либо они будут опубликованы». В стихотворении выделяются по содержанию два ряда окказиональных ФЕ. ФЕ *рисовать в стол, танцевать в стол, сочинять в стол* несколько расширительно представляют сформулированное окказиональное содержание: здесь речь идет о художественном творчестве вообще. ФЕ *горевать в стол, душу открывать в стол, голосить в стол, злиться и грозить в стол* репрезентируют индивидуально-авторский концепт, который может быть передан следующей дефиницией: «таить, хранить в своей душе заветные мысли и чувства, горести и обиду, не имея возможности поделиться с кем-либо, «открыть душу» перед тем, кто поймет, разделит эти переживания». В последней строке стихотворения «*стол, издающий стон*» – символ страдающего, замкнувшегося в своих страданиях человека.

Ключевые образы-символы, вычлененные из состава ФЕ, и актуализированные в тексте отношения между ними, репрезентируемые фразеологическими окказионализмами, служат базой многокомпонентных концептов, совмещающих чувственный и рациональный элементы.

Уникальность ПТ как функционально-эстетической системы определяется прежде всего тем, что функция смысловыражения выполняется в нем одновременно разноуровневыми единицами языка. При этом доминанта в ПТ может быть фоносемантической, словообразовательной, лексической, фразеологической и т.п. (Казарин 2002). Е.Г. Эткинд говорит о семантизации всех элементов поэтической речи как о важнейшем законе стиха: «В контексте стиха каждый элемент звуковой формы становится окказиональным носителем содержания» (Эткинд 1998: 272).

Основная единица языковой номинации – слово в поэзии приобретает особую смысловую и экспрессивную значимость. В поэтическом дискурсе актуализируются потенциальные ассоциативные смыслы слов, в других дискурсах приглушенные или не проявляющиеся: «в центре поэтического искусства в конечном счете стоит слово со всей совокупностью его прямых и косвенных смыслов» (Эткинд 1998: 86). Слова в поэтическом дискурсе (в том числе и словные компоненты ФЕ) стремятся к автономности, которая достигается посредством выделения их такими характерными или специфическими для стиха средствами, как ритм, рифма, звуковые и смысловые повторы, неожиданные звуковые ассоциации, поэтический синтаксис, трансформация ФЕ, семантизация всех элементов поэтической речи.

В.М. Жирмунский выделяет в качестве особого отдела поэтики семантику, исследующую проблему значения слова в поэтической речи. Семантика поэтики включает изучение слова как поэтической темы, рассмотрение различных сочетаний словесных тем – «явления повторения, параллелизма, контраста, сравнения, различные приемы

развертывания метафоры и т.п.» (2001, 44). Слова и ФЕ, именующие «поэтические темы», репрезентируют основные концепты поэзии, определенных поэтических направлений, а различные поэтические употребления, группировки слов и ФЕ создают номинативное поле концепта, поэтическую концептосферу, передают концептуальное содержание произведения. Показательно, что такие концепты не только «нащупываются» исследователями, но и поддаются статистическим обобщениям (Плотников 1992).

В процессе поэтической номинации возникают такие единицы ПТ, которые заполняют семантические и – в целом – знаковые лакуны в языке» (Казарин 2002: 41). Заполнение семантических, номинативных лакун в ПТ поэтическими номинациями сопряжено с восприятием и интерпретацией концептуального содержания данных номинаций в неразрывной связи с ПТ, в котором они возникли и функционируют. Так, в своем программном стихотворении «Быть знаменитым некрасиво...» Б. Пастернак говорит о высшем устремлении творчества поэта

... – так жить, чтобы в конце концов
привлечь к себе *любовь пространства*,
услышать *будущего зов*.

В этом контексте одухотворенное *пространство* – образ человечества в его космическом измерении. Это пространство раздвигается до бесконечности благодаря сообщению ему временной координаты – *будущего зов*.

Возникшие в тексте окказиональные номинации, обозначающие индивидуально-авторские концепты, могут функционировать за пределами текста, в котором они возникли, приобретая статус интертекстом. Интертекстуальность обуславливает семантическое преобразование слова или словосочетания, связанное с его одновременным абстрагированием от исходного текста и сохранением маркированности текстом источником. Это соотношение приводит к тому, что авторские лексические окказионализмы и индивидуально-авторские обороты в новом тексте приобретают смысловую многоплановость. Ср., например, употребление оборота *терновый венец* в стихотворении М.Ю. Лермонтова «Смерть поэта» и созданные другими поэтами на базе данного употребления ФЕ интертекстемы: И прежний сняв венок, Они *венец терновый*, *Увитый лаврами*, надели на него; Но иглы тайные сурово Язвили славное чело...

Здесь ФЕ *венец терновый* в сочетании с распространяющим его словосочетанием *увитый лаврами* образует развернутую метафору, символизирующую глумление, прикрываемое показным восхвалением, которому подвергался поэт. Созданный М.Ю.Лермонтовым образ амбивалентен: он основан на сочетании символов мученичества (*венец терновый*) и славы (*лавры*). У ряда поэтов XX века встречаются аллегорические образы, основанные на амбивалентном соотношении

символов страданий и славы, аллюзивно ассоциирующемся с лермонтовским *венцом терновым, увитым лаврами*. Так, И. Северянин в стихотворении «На смерть Фофанова» создаёт образ поэта-страстотерпца:

Не вам его винить: весь мир любить готовый
И видя только зло, – в отчаяньи, светло
Он *жаждал опьянеть, дабы **венец терновый,***
Как лавр, овил его чело!..

Последнее двустопишие передаёт стремление воспринимать муки как высшую награду.

Стихотворение В. Брюсова «Поэту» завершается афоризмом, обобщенно характеризующим судьбу Поэта:

В снах утра и в бездне вечерней
Лови, что шепнет тебе Рок,
И помни: *От века из терний*
Поэта заветный венок.

Авторский афоризм *От века из терний Поэта заветный венок* символизирует одновременно обреченность поэта на страдания и мечту о «заветном венке», о признании, славе.

Н. Гумилёв в стихотворении «В библиотеке» также создаёт афористический образ, ассоциирующийся с судьбой поэта:

Так много тайн хранит любовь,
Так мучат старые гробницы!
Мне ясно кажется, что кровь
Пятнает многие страницы.

И тёрн сопутствует венцу,
И время жизни – злое время...

Афоризм *Тёрн сопутствует венцу* базируется на амбивалентном сочетании двух образов-символов: **тёрн** – символ страдания, мученичества; **венец** одновременно символизирует славу и завершение жизненного пути.

См. также провидческие строки М. Цветаевой, обращённые по-смертно к А. Блоку:

Жемчужные зёрна,
Кисейная сонная сень,
Не лавром, а тёрном
Чепца острозубая тень.

<...>

Державная пажить,
Надёжная, ржавая тишь.
Мне сторож покажет,
В какой колыбели лежишь.

М. Цветаева. Без зова, без слова...(Из цикла «Стихи к Блоку»).

Некоторые поэтические контексты могут настолько далеко отклониться от образной оппозиции, заложенной в стихотворении М.Ю. Лермонтова, что кажутся самостоятельным поэтическим противопоставлением. Таково, например, стихотворение В. Венедиктова «Могила любви», где вместо лавра использован иной, «цветочный» символ:

И память, наконец, как хладный рудокоп,
Врываясь в глубину, среди тех развалин бродит,
Могилу шевелит, откапывает гроб
И мумию любви нетленную находит:
У мёртвой на челе оттенки грёз лежат;
Есть прелести ещё в чертах оцепенелых;
В очах угаснувших блещут
Остатки слёз окаменелых.
Из двух венков, ей брошенных в удел,
Один давно исчез, другой всё свеж, как новый:
Венок из роз давно истлел,
и лишь один венок терновый
На вечных язвах уцелел.

Однако, если внимательно вчитаться в это противопоставление, то оно все-таки будет узнаваемым именно на фоне лермонтовского контекста. Узнаваемо благодаря антонимическому столкновению символов славы и страданий, запрограммированному Текстом Библии. Ведь ФЕ *терновый венец* восходит к евангельскому сказанию о колючем терновом венце, надетом воинами на голову Иисуса перед казнью на кресте.

Таким образом, прослеживается интертекстуальная цепь – от образа *тернового венца* в Евангелии к *венцу терновому, увитому лаврами* в стихотворении Лермонтова и далее – к образам *тёрна, лавра, венца* и даже *розы* в поэзии XX века.

Поэзия как высшая форма духовного созидания объединяет *пространство и время*. Жизнь поэта-творца – жизнь для вечности и в вечности.

Тема поэтического подвига, дарующего поэту *вечность*, звучит в стихотворении Б. Окуджавы «О кузнечиках»:

Два кузнечика зеленых пишут белые стихи. <...>
Снег их бьет, жара их мучит, мелкий дождичек кропит,
шар земной на повороте отвратительно скрипит...
Но меж летом и зимою, между счастьем и бедой
прорастает неизменно вещей смысл работы той,
и сквозь всякие обиды прорываются в века
хлеб (поэма), жизнь (поэма), ветка тополя (строка)...

Здесь вдохновение противопоставлено повседневным тяготам и лишениям, представленным рядом параллельных фраз: *Снег их бьет, жара их мучит...*, замыкающихся ироническим обобщением: ***шар земной*** на повороте отвратительно скрипит... Поэтическое твор-

чество, явленное его земными символами – *Два кузнечика зеленых пишут белые стихи* – осмысливается как работа великой, «космической» важности, обладающая «вещим» смыслом, проникающим в тайны жизни, природы. Смысл ее «прорывается в века» – в вечность.

В стихотворении О. Мандельштама «Отравлен хлеб и воздух выпит» космическое пространство ассоциируется с поэтическим творчеством как непреходящим, извечным началом:

И если подлинно поется
И полной грудью – наконец
Все исчезает: остается
Пространство, звезды и певец!

Представление о высшем устремлении поэтического творчества передаёт аллегорический образ «седой, серебристый венец, взнесённый над тернием и лавром» в стихотворении И. Бродского «Сонет»:

Выбрасывая на берег словарь,
злоречьем торжествуя над удушьем,
пусть море осаждаёт календарь
со всех сторон: *минувшим и грядущим.*

<...>

Но, подступая к самому лицу,
оно уступит в блеске своенравном
седому, серебристому венцу,
взнесённому над тернием и лавром.

Рассматриваемый оборот восходит к ФЕ **терновый венец**. В составе развёрнутой метафоры, уподобляющей море стихиям жизни, языка и ещё не претворённой в слове поэзии, он аллегорически воплощает образ поэта, возвысившегося над суетностью мира, *над временем* «минувшим и грядущим», страданиями и славой.

В стихотворении «Чувство жизни» Б. Пастернак воспел вдохновенное творчество, приобщающее поэта к вечности, уничтожающее грань между жизнью и смертью, дающее ощущение сопричастности сотворению мира:

Со мной сегодня вечность вся.
Вся даль веков без покрывала.
Мир Божий только начался.
Его в помине не бывало.
Жизнь и бессмертие – одно.
Будь благодарен высшим силам
За приворотное вино,
Бегущее огнем по жилам.

Среди микросистем, организующих пространство русской поэтической картины мира, особое место принадлежит концептосфере, представляющей поэтический хронотоп. Данная концептосфера служит выражению космического мироощущения, идеи сопричастности человека космическому пространству и времени. Обратимся к ряду

поэтических произведений, в которых поэтический хронотоп получил наглядно-образное и философски обобщенное воплощение.

В поэтическом дискурсе ФЕ *во время оно*, отражая идею изначальности существования явлений, передаёт неразрывную связь времён. См. следующие употребления ФЕ *во время оно* в стихах Л. Миллер:

И сыплются, сыплются с тополя, с клена
Осенние листья *со времени она*,
И каждый по ветру летит, окрылён...
(«И лист, покружившись, летит с паутины...»)
Все эти времена лихие,
Все времена,
Как листья прощуршат сухие.
На письма
Похож узор на листьях клёна.
Роняет клён
И нынче, как *во время оно*,
Поток письмён.
(«Все эти времена лихие...»)

В представленном поэтическом контексте оборот **со времени оно** выражает концептуальное содержание «с незапамятных времён, ныне и навсегда». В стихотворении «Все эти времена лихие...» сравнение узора листьев клёна с «потокотом писем» глубоко символично: здесь образ «потокотом писем» создаёт аллюзию на изначальные смыслы-символы Мироздания. Ср. с употреблением ФЕ *во время оно* в стихотворении «Сказка» (роман Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго») в контексте фразеологической конфигурации, создающей сказочно-мифологический хронотоп:

Встарь, *во время оно*,
В сказочном краю
Пробирался конный
Степью, по репью.

Он спешил на сечу,
А в степной пыли
Тёмный лес навстречу
Вырастал вдали.

Здесь время и место действия – «неопределённо далёкое прошлое и некий “сказочный край”» (Власов 2008: 49).

В стихах современного поэта и философа А.И. Аргутинского-Долгорукого представлен вневременной хронотопический план *Вечности* как вбирающий в себя земное время и позволяющий «взглянуть на то, что происходит в истории, извне, т.е. с метаисторической точки зрения» (Волков, Поликарпов 1999: 190). Рассмотрим примеры употреблений ФЕ *альфа и омега*, играющей ключевую роль в создании вневременного, космического хронотопа в ряде стихотворений А.И. Аргутинского.

В темно-синей душе латимерий

Так безоблачен, юн океан...
И с улыбкою зрит капитан
Смутный образ отпавших империй.

<...>

Победитель над родом своим,
Где же *альфа* твоя и *омега*?
Думу думает он – нелюдим
И последним ступает с ковчега.

А.И. Аргутинский-Долгорукий. Победитель.

Здесь оборот *альфа твоя и омега* обозначает основы жизни человека, его индивидуального существования. Он употреблён в контексте, характеризующем вневременное существование «победителя над родом своим» – капитана, одиноко странствующего в бескрайнем космосе, живущего вне законов земного времени и пространства. Ср. со следующим употреблением данной ФЕ:

Что не спишь, мой товарищ пилот?
Кончился тяжкий удел ожидания –
вот и летит за предел обитания
смело влекомый тобой звездолёт!

<...>

Альфой, омегой нашего братства –
тот дорогой и единственный тост:
за небожителей этого царства –
воспоминание Солнца и звезд.

(«Что не спишь, мой товарищ пилот?..»)

Под «*альфой, омегой* нашего братства» подразумеваются основы духовного единения пилотов *звездолёта*, покидающего «предел обитания», свою галактику, пространство «небожителей этого царства», которое для пилотов исследователей Вселенной остаётся лишь «воспоминанием Солнца и звёзд».

В следующей фразеологической конфигурации оборот *меж альфой и омегой* обозначает межзвёздное пространство, начало и конец Вселенной, в «кругопространстве» которой вселенский хаос («Хаос-бог») «запер звездолёт»:

Напрасно мозг мой ищет снисхожденья
и мысль высокая волнуется вотще,
на дерзкий зов, на взлет стихотворенья
лишь ветхий миф откликнется в душе.

Сангвиник Ной командует ковчегом,
астрофилософ нить свою прядет,
но Хаос-бог *меж альфой и омегой*
в кругопространстве запер звездолет.

(«Напрасно мозг мой ищет снисхожденья...»)

Примечательно, что здесь обозначается не только пространство Вселенной, её начало и конец, но и форма – «кругопространство», а

космический, вневременной хронотоп проступает сквозь призму восприятия землян, в котором философско-гносеологический план сопоставляется с мифологическим – «сангвиник Ной командует ковчегом» и земной *астрофилософ* уподоблен персонажам древнегреческих мифов мойрам, прядущим нить человеческой жизни.

Во всех рассмотренных употреблениях присутствует архетипический хронотоп, обусловленный актуализацией внутренней формы ФЕ *альфа и омега*. Источник этого выражения – библейская новозаветная книга «Откровение Иоанна Богослова» (Апокалипсис): «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, – говорит Господь» (гл. 1, 8); «Я есмь Альфа и Омега, первый и последний» (гл. 1, 10). Символика оппозиции «первый: последний» связана с названием первой (α «альфа») и последней (ω «омега») букв греческого алфавита. Сочетаясь, *альфа и омега* символизируют единство, целостность пространства, времени и духа. При характеристике архетипического хронотопа мы опираемся на положение М. Бахтина, согласно которому «хронотопичен всякий художественно-литературный образ. Существенно хронотопичен язык как сокровищница образов. Хронотопична внутренняя форма слова, то есть тот опосредующий признак, с помощью которого первоначальные пространственные значения переносятся на временные отношения (в самом широком смысле)» (Бахтин 2000: 185). В рассмотренных употреблениях ФЕ *альфа и омега* такой перенос осуществляется в контексте фразеологических конфигураций.

Создание вневременного хронотопа осуществляется также посредством ФЕ *во время оно*. В стихотворении А.И. Аргутинского-Долгорукого «Год 1988-й» оборот *время оно* приобретает смысловое содержание «события, явления далёкого прошлого во вневременном измерении»:

Близится день воскресный,
буду Христа молить...
Символы – дар чудесный.
Было б кого учить!

Грезится *время оно*,
стану уже учён,
дядюшке Цицерону
свой преподам канон!

Здесь последние две строки первой строфы отражают идею изначального существования смыслов, лежащих в основе Мироздания и предуготовленных для своего раскрытия через человека (Маслова 2008: 10).

В поэзии находит отражение циклическое время, соответствующее космологическому сознанию. См., например, крылатую фразу *Всё возвращается на круги своя* («Всё в природе повторяется, возобновляется; происходит снова, заново; всё когда-то начнется вновь»), вос-

ходящую к Библии (Екклесиаст, 1: 6). В соответствующем месте Библии имеется в виду ветер, дующий сначала на юг, потом на север и затем – вновь возвращающийся на то место (свои круги'), с которого он начинал дуть. В стихотворении В. Высоцкого «Я вам расскажу про то, что будет...» воспроизведен архетипический образ данного выражения, служащий основой представления о далёком будущем Земли как о возвращении к её изначальному состоянию: *Я вам расскажу про то, что будет, / Вам такие приоткрою дали!.. / Пусть меня историки осудят / За непонимание спирали. / Возвратятся на свои на круги / Ураганы поздно или рано, / И, как сырмятные подруги, / Льды затянут брюхо океану.*

В контексте стихотворения Ю. Левитанского «Окрестности, пригород – как этот город зовется?..» оборот *нельзя возвращаться на круги* приобретает индивидуализированное концептуальное содержание, передавая одновременно невольное стремление возврата к прошлому и осознание тщетности этого стремления, его неосуществимости:

Чего мы тут ищем? У нас опускаются руки.

*Нельзя возвращаться, **нельзя возвращаться на круги...***

Мы с прошлым простились, и незачем дальше прощаться.

Нельзя возвращаться на круги, нельзя возвращаться.

Здесь оборот *нельзя возвращаться на круги* служит созданию философско-психологического хронотопа, абстрагированного от архетипического образного плана данного выражения.

В употреблении ряда фразеологизмов в поэзии наблюдаются трансформации, отражающие взаимозамену и совмещение в их смысловом содержании временных и пространственных понятий. Ср., например: *за тридцать земель и за тридцать лет* (В. Солоухин), *из-за тридцать буйных веков* (С. Городецкий), *за тридцать земель и двадцать лет* (М. Цветаева); *старый шар земной* (В. Луговской). На базе автономно осмысленных компонентов ФЕ *танцевать от печки*, внутренняя форма которой включает сему пространства, в стихотворении Б. Слуцкого «Танцы» создан оборот *танец новейший от печки, которую сложат в тридцатом столетии, быть может*, служащий символом обновленного мировосприятия, предвосхищающего будущее.

В поэтическом дискурсе употребление слов и фразеологизмов, репрезентирующих концепты времени и пространства, связано с философским осмыслением этих категорий, отражающемся в наделении данных языковых знаков определенными смыслами, коннотациями. Поэтический хронотоп, создаваемый языковыми номинациями пространства и времени, многоаспектен. Зачастую он совмещает архетипический, философско-гносеологический и психологический планы. В ПТ хронотопично не только актуальное смысловое содержание слов и ФЕ, но и их внутренняя форма; не только смыслы отдельных ФЕ и

слов, но и содержание поэтического контекста, представленное строфой, рядом строф, поэтическим произведением в целом.

Исследование языкового строя поэтических произведений в когнитивном и лингвокультурологическом аспектах выявляет особенности преломления различных фрагментов картины мира этноса, социума, индивида в семантическом пространстве поэзии, стремление художника слова к использованию языковых образов, наиболее рельефно отражающих поэтическую картину мира. Яркие, оригинальные речевые образы, представленные в поэтическом тексте словами, фразеологизмами, фрагментами текста, организованными как строфы, сверхфразовые единства, а часто – текстом в целом, вербализуют, создают концепты и концептосферы, насыщенные, актуализированные широкими жизненными обобщениями, заполняющие концептуальные лакуны как в индивидуальном сознании, так и в картине мира определенной социальной среды, этноса. Стремление к вербализации отдельных признаков концептов, индивидуальных концептов и концептосфер является изначальным, важнейшим стимулом речетворчества, слово- и фразеотворчества и наконец – художественного, поэтического творчества.

Литература

- Алефиренко, Н.Ф. Спорные проблемы семантики. – М.: Гнозис, 2005.
- Алещенко, Е. И. Русская поэтическая фразеология (на материале произведений В.М. Гаршина и Н.С. Лескова) : Дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1998.
- Аскольдов, С.А. Концепт и слово // Русская словесность. Антология. Под ред. В.П. Нерознака. – М., 1997.
- Бахтин, М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин, М.М. Эпос и роман. – Санкт– Петербург, 2000.
- Власов, А.С. «Стихотворения Юрия Живаго» Б.Л. Пастернака (сюжетная динамика поэтического цикла и «прозаический» контекст). – Кострома, 2008.
- Волков, Ю.Г., Поликарпов, В.С. Человек: Энциклопедический словарь. – Москва, 1999.
- Гинзбург, Л. Я. Частное и общее в лирическом стихотворении // Вопросы литературы. – 1981. № 10.
- Жирмунский, В.М. Поэтика русской поэзии. – СПб., 2001.
- Казарин, Ю.В. Поэтическое состояние языка (попытка осмысления). – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002.
- Кудрина, Н.В. Предметные фразеологизмы в поэзии Анны Ахматовой: Дисс. ... канд. филол. наук. – Курган, 2008.
- Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику. Москва, 2008.
- Плотников, Б.А. Семиотика текста. Параграфемика. – Минск: Вышэйшая школа, 1992. 190 с.
- Попова, З.Д., Стернин, И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Истоки, 2001.
- Чумак-Жунь, И.И. Поэтический текст в русском лирическом дискурсе конца ХУШ – начала Х1Х веков. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2009.
- Эткинд, Е.Г. Материя стиха. – СПб., 1998.
- Summary.** The article raises the question of the phraseological representation of poetic concepts. Thematic groups of poetic phraseology and underlying metaphorical archetypes-universals are defined. The semantic features of a word used in a poetic text

are actualized. The set of examples from literary texts is considered where concepts of time and space are presented by phraseological means.

Key words: phraseology, poetic text, poetic concepts, key concepts, universals, chronotope.

ЛИНГВОКРЕАТИВНАЯ ПРИРОДА НЕОЛОГИЗАЦИИ

Л.Ю. Касьянова

Россия, г. Астрахань, Астраханский государственный университет
kaslyudmila@yandex.ru

Креативная работа человеческого сознания, непрерывный познавательный процесс, детерминированный предметно-практической и интеллектуальной деятельностью человека обуславливает появление новых слов и значений в рамках неологизации, сущность которой заключается в обновлении лексико-семантической системы языка в соответствии с преобразованиями языкового сознания народа, изменениями его ценностных ориентиров в связи с возникающими когнитивно-прагматическими потребностями речемышления.

Лингвокреативный потенциал неологизации реализуется с помощью различных механизмов, обеспечивающих процесс появления лексико-семантических инноваций. Среди таких механизмов выделяются следующие: когнитивно-семантический, когнитивно-деривационный и когнитивно-коммуникативный, определяющие соответственно процессы семантической неологизации, словообразовательной неологизации, а также неологизации, детерминируемой межкультурной коммуникацией. В результате действия этих механизмов «высекаются первые искры лингвокреативного стимулирования» (Алефиренко 2011: 6) процесса неологизации.

Как один из видов неологизации, в полной мере реализующий лингвокреативный потенциал, выделяется словообразовательная неологизация, рассматриваемая нами как когнитивный процесс, в ходе которого с помощью ментальных операций на основе имеющихся знаний происходит категоризация нового знания и порождение новых слов в языке и речи. Словообразовательная неологизация базируется на таких принципах, как:

(1) принцип языковой репрезентации человеческого опыта сквозь призму деятельности человека;

(2) принцип, основывающийся на концепции ономаσιологической деривации Е.С. Кубряковой, согласно которой словообразовательная структура нового слова может быть соотнесена с пропозициональной структурой мотивирующего суждения и квалифицирована как особый тип репрезентации знаний;

(3) принцип, основывающийся на прототипическом характере категоризации опыта человека, знаний об окружающем мире и их языковой репрезентации; рассмотрение категоризации как процесса

включения в ту или иную категорию знаний о предыдущем опыте позволяет утверждать, что в неогермените происходит соотнесение двух концептуальных структур, одна из которых категоризирует, другая идентифицирует объект неогерминации.

Когнитивно-деривационный механизм, запускающий процессы словообразовательной неологизации, используется как средство моделирования новых производных единиц номинации, которые участвуют в перекраивании сформированной языковой картины мира.

С целью передачи новой информации человек как субъект коммуникативного процесса обращается к уже имеющимся в системе языка средствам и с помощью различной их комбинаторики достигает выражения новых смыслов. Создание неогерминации из готовых словарных форм или их значимых частей позволяет фиксировать знание об отдельных признаках и характеристиках предмета неологической номинации. При этом отмечается стремление дать предметам и их признакам мотивированное, обусловленное имеющимся опытом знакообозначение. Мотивированная неогерминация является предметом когнитивно-дискурсивной теории словообразовательной неологизации, в рамках которой акт неологической номинации понимается нами как динамический процесс, отражающий креативную работу языкового сознания.

Новые производные слова отчетливо отражают процесс классификационно-познавательной деятельности человека, являются результатом работы сознания по установлению связей и отношений между предметами и явлениями действительности с помощью языковых средств. Выбору языковой единицы, предназначенной для обозначения предмета, предшествует необходимость осмысления человеком данного предмета и формирование понятия о нем в процессе познавательной деятельности. Понятие формируется на основе суждения о предмете, его предикации и различными способами (в данном случае – новым производным словом) объективируется в языке. Так, новый интернетизированный вариант невротического расстройства, когда человек помимо собственной воли упорно совершает некоторые действия (в частности, делая *селфи*, фотографирование себя), получил название *селфизм*. Новое слово образовано с помощью продуктивного суффикса *-изм*, который обозначает направление мысли, характер действия, а также качества, склонности, действия или состояния, связанные с тем, что названо мотивирующим именем существительным. В данном случае мотивирующим стало слово *селфи*, заимствованное из английского языка, где неформальный оттенок словам зачастую придает суффикс *-ie*, в результате чего появилось *selfie* (от *self-portrait*, «self» – сам, себя).

При осмыслении процесса порождения нового слова релевантным представляется мнение Е.С. Кубряковой о том, что акт номинации включает две различные операции: с целью наименования чего-

либо следует идентифицировать референт, определить его место в когнитивной системе говорящего и отнести к определенной категории; затем идет операция сравнения референта с другими подобными ему в данной категории; в результате выделяются характеристики, позволяющие отличить данный референт от ему подобных. Сначала происходит общая категоризация, затем субкатегоризация (Кубрякова 1981: 200). Сам акт наименования основывается на закреплении определенных отношений между соответствующими фрагментами действительности путём их сопоставления (ср.: *селфи* и *вселфи* – ‘коллективное селфи с друзьями’). В этом и заключается роль когниции в порождении нового слова.

Словообразовательная неологизация обусловлена факторами, связанными с внутренней мотивацией процесса вербализации продуктов познания, а также факторами когнитивно-коммуникативного и дискурсивно-прагматического характера, которые и определяют рождение нового слова разными проявлениями интеллектуальной и эмоционально-оценочной активности носителей языка. Такого рода факторы, на наш взгляд, определили появление слова-символа *крымнаш*, изначально образованного от словосочетания, состоящего из имени собственного и притяжательного местоимения, но впоследствии получившего грамматический статус имени существительного. Слитное написание новообразования обусловлено широким распространением хештэга #КрымНаш после присоединения Крыма к России. В связи с этим небезосновательным представляется суждение М. Эпштейна о появлении новой тенденции превращения элемента «наш» в суффиксоид, о чем свидетельствуют новообразования «*Парижнаш*», «*космоснаш*». Подобные единицы способны изменять стереотипы восприятия и в структурном, и в семантическом плане, более полно и точно выражать мысли и чувства, оценивать происходящее, усиливать эмоционально-экспрессивную выразительность речи.

Лингвокреативная сущность словообразовательной неологизации отчетливо проявляет себя в нескольких направлениях:

– при образовании неодериватов для наименования познаваемых фрагментов действительности (*танDEMократия* – ‘сложившаяся в российской политической практике модель управления государством в период 2008–2012 г.г., власть премьер-президентского тандема, двоевластие’; *европейскость* – ‘рациональность, устремленность к успеху, выгоде’; *яблочник* – ‘тот, кто пользуется только продукцией Apple’);

– при создании неодериватов, обозначающих объект, предмет или результат деятельности, путем сокращения существующих номинативных единиц (*креакл* – ‘креативный класс’; *БАК* – ‘большой адронный коллайдер’, *ФАС* – ‘Федеральная антимонопольная служба’);

– при образовании неодериватов для выражения субъективного отношения к именуемому (*меркельтильность* – ‘политика Ангелы Меркель’; *нерукопожатный* – ‘ведущий свою деятельность с нарушением этических норм, принятых в обществе’; *тотальгия* – ‘носталь-

гия по тоталитарному строю»; *фармагеддон* – ‘катастрофическое состояние фармацевтической индустрии, угрожающее здоровью нации’; *школляпс* – ‘разрушение школьной системы образования’);

– при создании универбатов (*безлимитка* – ‘безлимитный Интернет’; *внешка* – ‘внешняя ссылка’; *демка* – ‘демонстрационная версия’; *кредитка* – ‘кредитная карта’; *личка* – ‘личные сообщения’; *ма-теринка* – ‘материнская плата’; *социалка* – ‘социальная сеть’);

– при образовании графодериватов различных видов (*БРИКСвалютная корзина*, *ГудБАЙер*, *ФАС-фуд*, *SPAcение*, *политVIPы*, *3Девятое царство*, *КиберПочт@*).

Будучи непосредственно связанной с экспликацией интенций и представлений об окружающем мире конкретной языковой личности, лингвокреативная способность наиболее ярко проявляется в создании графодериватов – новообразований, характеризующихся соединением вербальных и невербальных элементов, которые в целом создают структурно-смысловое и визуальное единство, предназначенное для комплексного воздействия на адресата. О таком воздействии может свидетельствовать практика употребления графодериватов, представляющих собой выразительные средства совмещения смыслов, в современных масс-медиа. Например: *Правительственная «реформа» – смертельная РАНа* (Русский репортер, 2013, 26 авг.). В данном случае при создании графодеривата в качестве словообразовательного оператора выступают графические средства, в частности, монографикация. Графодериват, созданный на основе синергии значений слов *рана* и *РАН* (Российская академия наук), в своей визуально-буквальной материальности выступает как порождающий значительное воздействие элемент: в словосочетании «*смертельная РАНа*» заложен глубокий смысл о тяжелом положении Российской академии наук, вызванном её реорганизацией. Такого рода словоупотребления, определяя состояние социума, позволяют осмыслить общий социокультурный фон и отразить динамику общественного сознания.

Использование графических способов создания новообразований с оценочной семантикой обусловлено реализацией воздействующей функции, социальной оценочности, что повышает её значимость в системе выразительных средств медиадискурса. Так, аббревиатура *РАН* стала смысловым центром многих графодериватов различных типов. Например: *No pasaРАН* – заголовок публикации в «Новой газете» от 5 июля 2013 года. Интерпретационный ход мысли позволяет соотнести приведенное образование текстоподобного типа с политическим лозунгом «*No pasaran*» (в переводе с испанского «Они не пройдут!»), выражающим твёрдое намерение защищать свою позицию. Осмысление приведенного в качестве примера словоупотребления позволяет заключить, что новообразование в данном случае представляет собой графическое единство, выраженное средствами разных языков и за счет обеспечения смысловой многоплановости воспринимаемое как минимальный текст со значительной социальной нагрузкой.

В современных социокультурных условиях лингвокреативные интенции русского человека ориентированы на активное использование англоязычных лексических единиц. Введение в русскую речь англоязычных вкраплений способом латинской графики является признаком адаптации к русской речевой среде в полной мере не освоенных иноязычных единиц. В результате полиграфиксации создаются многочисленные графодериваты типа *hard-rockовское настроение*, *rammsteinовец*, *ПРОдвинутый телефон*. Они имеют большой прагматический потенциал, выполняя аттрактивную, декоративную, экзотическую функции, которые наиболее ярко проявляются в современном медиадискурсе. Например: *Таблеток.net*. В России снова собираются закрыть все интернет-аптеки (Российская газета, 2014, 31 окт.); *Две войны: PR-асы, вперед!* (Новая газета, 2014, 5 февр.). Индивидуально-творческий подход журналистов к словообразованию, обращение к оценочным речевым средствам удовлетворяет потребностям в ярком, эффектном словоупотреблении, характеризующемся нестандартностью, неожиданностью, оригинальностью. Экспрессивный характер новообразования предопределен его лингвокреативной природой, формальная новизна графодеривата, вызывающая эффект неожиданности, создает напряженность восприятия, за счет чего происходит актуализация не только самого новообразования, но и текста в целом.

Появление графодериватов с использованием иноязычных значимых компонентов является одной из ведущих тенденций, обнаруживающихся в современном медиапространстве и способствующих «выявлению креативной силы коммуникативной среды» (Алефиренко 2011: 18). Активная позиция автора медиатекста неизбежно находит выражение в действенном слове, созданном в рамках полиграфиксации. Наиболее зримо это проявляется в заголовках публикаций, нацеленных на реализацию прагматических ожиданий массового адресата. Обратимся к примерам: *SPАсение волос: масла и маски* (Красота и здоровье, 2008, №4); *В 3Девятом царстве* (Московский комсомолец, 2010, 1 июля); *DDoSмалю*. Ранее DDoS-атаки неоднократно называл незаконными президент Дмитрий Медведев (Коммерсант, 2012, 10 февр.); *PRузраки войны* (Новая газета, 2014, 26 мая). Основной операционной характеристикой графодеривации является выделение / выдвижение / акцентирование отдельного значимого фрагмента в структуре общераспространенного слова, который И.А. Нефляшева справедливо называет поиском нового смысла в старой форме (Нефляшева 2013).

Необходимо отметить, что с целью экспрессивизации заголовков в медиатекстах активизировалось использование приёма «намеренной орфографической ошибки», в результате чего с помощью графических средств языка появляются новообразования, нарушающие общепринятое написание. Например: *ПАРАЗИТельное дело* (Новые

известия, 2008, 31 окт.); *УПАклонники* (Литературная газета, 2014, 1 окт.); *КАСКОдеры* (Деловой еженедельник КО.RU, 2015, 30 сент.). Подобные словоупотребления обусловлены коммуникативной свободой журналистов, выражающейся в предпочтении нестандартных форм выражения мысли, в сознательном нарушении языковых норм, а также в целом субъективизацией газетного текста, которая проявляется в усилении личностного начала, актуализации фигуры автора текста, оценочности, эмоциональности, экспрессивности (Кормилицына 2011: 304).

Активное использование в печатных масс-медиа графодериватов нацелено на визуализацию как релевантный признак современной речевой коммуникации, реализацию прагматических установок медиатекстов, обеспечивающих привлечение внимания читательской аудитории.

Когнитивно-прагматическое осмысление графодериватов сопряжено с креативной работой человеческого сознания, поскольку семантический объем такого рода новообразований не всегда полностью выводится из значений составляющих его компонентов, что создает необходимость постижения заложенного в графодеривате смысла, стимулирует когнитивный поиск и способствует реализации творческого потенциала носителя языка.

Итак, лингвокреативная природа неологизации в полной мере проявляет себя в результате действия когнитивно-деривационного механизма, непосредственно сопряженного с познавательным процессом и определяющего словообразовательную неологизацию. Сущность неологизации как лингвокреативного процесса наиболее зримо выражается в образовании графодериватов, которые появляются в соответствии с коммуникативно-прагматическими потребностями человека в процессе его дискурсивной деятельности, при этом в полной мере задействуются номинативно-репрезентативные возможности языка. Появление новообразований в рамках графодеривации знаменует собой значимый этап в познании объективной реальности, представляя вершину процесса обновления когнитивно-дискурсивного потенциала русского языка, важный этап дискурсивного освоения номинируемых предметов и явлений действительности. Возникновение неонеоминаций является своеобразным ответом на социальный запрос, результатом когнитивно-дискурсивного освоения и лингвокреативной интерпретации действительности.

Литература

Алефиренко, Н. Ф. Когнитивно-прагматическая субпарадигма науки о языке // Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания : сб. науч. трудов / сост. И.Г. Паршина, Е.Г. Озерова. – М.: ФЛИНТА : Наука, 2011. С. 16–27.

Алефиренко, Н. Ф. Имплицитно-дискурсивные смыслы слова в художественном тексте // Современная филология в международном пространстве языка и культуры : Материалы Международной научно-практической интернет-конференции. – Астрахань, 2011. С. 6–8. Кормилицына, М.А. Активные процессы в

языке современной российской прессы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. №6. С. 304–308.

Кубрякова, Е. С. Типы языковых значений : Семантика производного слова. – М. : Наука, 1981. 200 с.

Нефляшева, И.А. Операциональные средства производства графических окказионализмов в русском массмедийном дискурсе // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2013. №4 (128).

Summary. The article deals with the linguocreative essence of neologisation which consists in updating the system of a language according to transformations of valuable reference points of the people in connection with the emerging cognitive and pragmatical requirements. As a type of neologisation, fully realizing linguocreative potential, the word-formation neologisation is considered to be cognitive process during which the categorization of new knowledge and emergence of new words in a language and speech is carried out by means of mental operations on the basis of the available knowledge.

Key words: linguocreative essence, neologisation, cognitive and communicative factors, word-formation neologisation, graphic derivatives.

ЛИНГВОКРЕАТИВНАЯ СПЕЦИФИКА ЛЕКСИЧЕСКИХ НОВООБРАЗОВАНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ БЕЛГОРОДСКИХ АВТОРОВ)

Л.И. Плотникова, И.И. Сидельникова

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Plotnikova@bsu.edu.ru

Известно, что одним из специфических способов познания и отражения окружающего мира является поэзия. Интересным и справедливым является утверждение М.М. Бахтина о том, что «только в поэзии язык раскрывает все свои возможности, так как требования к нему в этой сфере максимальны: все стороны его напряжены до крайности, доходят до своих последних пределов, поэзия как бы выжимает все соки из языка, и язык превосходит здесь себя самого» (Бахтин 2003: 92). Языковая специфика поэтических текстов в разное время привлекала внимание исследователей (работы В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, М.Л. Гаспарова, В.П. Григорьева, Ю.Н. Тынянова, Б.В. Томашевского и др.). Исследователи поэтического языка сходятся во мнении, что поэтическое слово никогда не бывает чисто логическим знаком. Оно отличается многообразием смысловых оттенков, особой выразительностью и экспрессивностью. Именно этим оно и привлекает читателя, будит его воображение.

Согласно концепции Г.О. Винокура, поэтическая функция противостоит общекоммуникативному назначению языка, потому что она осложнена эстетическими коннотациями. «... Язык, употребляемый в поэтических произведениях, может представляться связанным с поэзией не одной только внешней традицией словоупотребления, но и внутренними своими качествами, как язык, действительно соответствующий

изображаемому поэтическому миру, выражаемому поэтическому настроению. В этом случае язык поэзии понимается нами как язык сам по себе поэтичный и речь уже идет о поэтичности как о особом экспрессивном качестве языка (Винокур 1991: 26).

Описывая поэтическую функцию языка, М.В. Титова определяет её как вид речевой деятельности, направленный на такое эстетически значимое творческое преобразование формы сообщения, которое нарушает автоматизм и стертость речи, обновляет ее на всех языковых уровнях, тем самым позволяет достигнуть наибольшей воздействующей силы на эмоции и интеллект читателя, обеспечивает путем отбора языковых средств и их художественной организации сообщению такую форму, которая воспринимается как единственно возможная для выражения именно этого содержания, наделяет сообщение содержательной многоплановостью, при этом сама форма сообщения становится содержательной и способной вызывать у читателя различные ассоциации» (Титова 2006: 109).

Общепризнанно, что поэтический текст является системой, организованной эстетически. Р. Якобсон утверждал, что «поэзия есть язык в его эстетической функции» (Якобсон 1987: 275). В.П. Григорьев определял поэтический язык как «язык с установкой на эстетически значимое творчество, хотя бы эта установка была самой минимальной и ограничивалась рамками только одного слова» (Григорьев 1979: 77). Отличительной особенностью поэтического языка и поэтической речевой деятельности, по мнению А.Е. Супруна, является то, что «поэтическая речевая деятельность обладает эстетической функцией, определяющей ее неповторимость и обращенность на совершенствование самого орудия речевой деятельности – поэтического языка, в том, что она неповторима, хотя и тиражируема; что как производство, так и восприятие поэтического текста суть творческие акты, что в поэтическом тексте в особой гармонии сопряжены план содержания и план выражения, эмоциональная и рациональная стороны речевой деятельности. Именно поэтому поэтическую речевую деятельность можно рассматривать как квинтэссенцию речевой деятельности, как высшее ее проявление, как одно из высших воплощений человеческого гения» (Супрун 1996: 232).

Именно в поэтических текстах наиболее ярко проявляется креативный аспект языка, который находит своё воплощение в первую очередь в разнообразных явлениях словотворчества, потому что по сути своей поэтический язык ориентирован на поиск, на творчество. По утверждению Л.П. Якубинского, именно в поэтическом языке языко-творчество становится сознательным и активным. Языковые средства вкупе со смыслом поэтического текста вызывают сопереживание такой силы, что «очищают» душу читателя (Якубинский 1986: 195).

Язык поэзии опирается на современный литературный язык во всем многообразии его стилистических и эмоциональных возможностей. «Поэзия, – пишет М.М. Бахтин, – технически использует язык

совершенно особым образом: язык нужен поэзии весь, всесторонне и во всех своих моментах, ни к одному нюансу лингвистического слова не остается равнодушной поэзия» (Бахтин 2003: 236). Лексические новообразования, созданные автором в поэтических текстах с определённой художественной целью, представляют особый интерес в силу их необычности, своеобразия и очевидной принадлежности к сильным средствам речевого воздействия на адресата высказывания. «Исследуя язык писателя или отдельного его произведения с целью выяснить, что представляет собой этот язык в отношении к господствующему языковому материалу, характер его совпадений и несовпадений с общими нормами языкового вкуса, – замечает Г. О. Винокур, – мы вступаем на мост, ведущий от языка, как чего-то внеличного, общего, надындивидуального, к самой личности пишущего» (Винокур 1991: 42). Исследователь отмечает наличие существующего в любую эпоху идеала пользования языком. В творчестве писателей этот «идеал», общий для всех носителей литературного языка, существует в его конкретных воплощениях. Он – необходимая основа следования его нормам или отступлениям от них, причем эти последние, будучи эстетически мотивированными, не стирают общественной значимости нормы.

Лингвокреативную специфику авторских слов можно исследовать на региональном материале, который непосредственно связан с традициями и обычаями родного края. Анализ произведений современных белгородских поэтов (Ж. Бондаренко, В. Волобуева, Н. Дроздовой, Л. Преображенской, В. Черкесова, И. Чернухина, Я. Ярового) свидетельствует о том, что язык – это способ выражения творческой индивидуальности поэта и его художественного метода. Необходимость сказать новое слово побуждает авторов искать необычные формы выражения. Особенность отбора лексических средств создаёт особую картину мира поэта. В этом случае речь идет «об особой, поэтической функции языка, которая не совпадает с функцией языка как средства обычного общения, а представляется ее своеобразным обосложнением» (Винокур 1991: 27). Нельзя сказать, что словотворчество является самоцелью белгородских авторов, однако созданные в поэтических текстах лексические новообразования отличаются необычностью, способствуют созданию более ярких и неповторимых образов, органично вплетены в ткань произведения.

Анализ отмеченных нами индивидуально-авторских слов позволяет говорить о разнообразии их словообразовательных моделей и деривационных аффиксов. Использование количественного приёма позволило заключить, что в количественном отношении среди всех анализируемых слов преобладают субстантивы, что в целом соответствует общей тенденции русского языка (известно, что самой «неогенной» частью речи является именно существительное). Среди них выделяется группа слов с отвлеченным значением, созданных суффиксальным способом, например: *Спасибо, снег, за радость обновленья, /*

За **перепутанность** начала и конца / в твоём великолепном приземленьи (Н. Дроздова); Как росток сквозь асфальт пробивается истина / сквозь **приличности** и благоденствия твердь и шумит молодыми зелеными листьями... (Н. Дроздова); **Неисполненность** размывая, / Бог дождем серебрит окно (Н. Дроздова). Особое состояние позволяют, на наш взгляд, передать слова на -анье/-енье, образованные от глаголов: **Последних цветов отцветанье**. / Дымы. Придорожный шалман (Н. Дроздова); **То ли отзвук копыт, то ль колёс / перестук по дороге ранней.** / Так легко – без тоски, без слёз – / пред-рассветное **умиранье** (Н. Дроздова); **И всю себя, до камешка, раздам – / скучающим детишкам на игру, / несчастным на счастливое бросанье,** / влюблённым на **стоянье** под часами... (Н. Дроздова); **Гром каблучков в переулке Озёрном.** / Света **царенье** в примёрзших цветах (Н. Дроздова).

В отдельную группу нами выделены композиты, сложная структура которых, как свидетельствуют приведённые ниже примеры, способствует созданию многогранных и ярких художественных образов: **Птица гордая кружит / в предзакатном оперенье.** / И о **сотосотворенье** / пчёлка нежная жуужжит (Н. Дроздова); **Сама себе пророк и тайнозритель,** / я свой роман безвыходно люблю... (Н. Дроздова). В подобного рода словах с подчинительным соотношением основ компонент, предшествующий опорному, уточняет значение существительного, выступающего в роли опорного компонента. В качестве предшествующего компонента при создании таких новообразований выступают основы узуальных существительных и прилагательных.

По аналогии с узуальным словом **четверостишье** Н. Дроздовой созданы новообразования, в которых количественный компонент заменяется цветовым обозначением: **Лови поэзию на слове / пока поэт для счастья жив / пока цветут карандаши / на черностишья бренном лоне / на белостишья смертном фоне / в больничном пасмурном плафоне...** (Н. Дроздова). В этом стихотворении автор намеренно отказывается от пунктуационных знаков, предоставляя читателю возможность самому расставить нужные акценты.

В анализируемых поэтических текстах отмечены примеры разнословных сложений, в которых в одно слово с дефисным написанием объединяются два узуальных слова, например: **Вздохнула радостно теперь / Земля, уставшая от грима, / Как грудь скитальца-пилигрима,** / Достигшего стремлений цель (Л. Преображенская); **Пока, скользя хвостом по родинкам-изъянам,** / мильёнголовый гад куражится в крови... (Н. Дроздова); **Стану неловким садовником / Или нежнейшим любовником / Колких кустов-недотрог** (В. Волобуев);...**Ещё всё те же стихотворцы-баламуты / трясут кудрями в соловьиных побрякушках...** (Н. Дроздова); **А жильё их нежилое. / А трава их зелена. / На мольберте-аналое / та же самая война** (Н. Дроздова). **Неведомые знаки подаёт. / Их горемыка-**

матушка поймёт (В. Черкесов); *Навек уснули здесь солдаты - / Мужья / И соколы-сыны* (И. Чернухин); *...И крест на берегу три плакальщицы-ивы берегут* (В. Черкесов); *В саду так много тем! / Вот зреет синий терн. / Да ягоды-картечины / Рассветом чуть подсвечены* (В. Черкесов); *Глазки Анюты, ромашки-сестрицы, / И колокольчики, и медуницы* (Л. Преображенская) и др.

Собранный языковой материал убеждает в том, что обилие составных наименований – одна из особенностей словотворчества белгородских поэтов. Подобные слова создаются способом чистого сложения, в результате которого возникает слово особого типа, объединяющее значения двух самостоятельных узувальных слов и характеризующееся компактной формой и особой смысловой наполненностью.

Многие из составных наименований дают не только развернутую характеристику, но и оценку определённого явления, являются яркими образными средствами, ср.: *Здравствуй, тихоня-речушка, / Мой вам привет, камыши...* (В. Волобуев); *Всё с детства русское любя, / Вхожу я в храм, глаза-колодцы...* (И. Чернухин); *Даже щука-бедолага / От жары раскрыла пасть* (В. Черкесов). В создании подобного рода слов проявляется неординарность автора, его языковое чутье и мастерство.

Интересно, что с особой художественной целью в отдельных случаях в разнословные сложения объединяются три и даже четыре узувальных слова: *И чучело тех дней – мольберт-гитара-чётки – / до сей поры влачит своё житьё-бытьё в заплёванном углу среди мебели ничейной; Время солнцем залить этот пепел и тлен, / как того б ни чурался твой волхв-конокрад-саладон-эскулап...* (Н. Дроздова).

В особую группу среди новообразований-субстантивов можно выделить отвлеченные имена существительные, образованные сложносuffixальным способом: *Оттого и доволен / Я грядкокопань-ем вполне. / Спасибо, что Бог / Дал не тупую лопату!* (В. Черкесов); *Что такое однодушие? / Мне осмыслить это трудно так* (Л. Преображенская); *Украина степная – далеко, далеко / С белохатьем, садами, разливом хлебов* (И. Чернухин). В стихотворении И.А Чернухина отмечено индивидуально-авторское слово *без-иванье*, созданное префиксально-суффиксальным способом от имени собственного, которое передает особое состояние, которое сложно передать одним узувальным словом. Для этого автор создает индивидуальное образование: *Всё было: / Чкаловы, Ягоды, но без-иванья – никогда!*

Сложносuffixальным способом создано слово *белохолмье*, которое можно считать регионально маркированным компонентом, учитывая специфику слова *белый* (белый город – Белгород) в производных словах: *Он плывёт ко мне на лодке, направляясь к белохолмью, / где когда-то родилась я...* (Н. Дроздова). Безусловно, малая родина дорога автору. Это особенно остро чувствуется в тех стихотворениях,

которые посвящены родным уголкам Белогорья. Так, при описании деревни Зимовенька Шебекинского района используются слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *Зимовенька*, *Зимовенька* – / *травы тучные в пыли* – / *золотая деревенька*, ***сердцевиночка*** земли (Н. Дроздова).

В количественном отношении **новообразования-прилагательные** несколько уступают субстантивам, хотя среди инноваций данной части речи представлены самые разнообразные словообразовательные модели. Среди отмеченных имён прилагательных преобладают сложные слова, что позволяет, на наш взгляд, многогранно характеризовать то или иное явление, например: *Иных племён добропобедный* люд, / *иных времён обещанные восходы* (Н. Дроздова); *А жёлуди – как маки – / как маковки – горят / в богохранимом* мраке / *который век подряд* (Н. Дроздова). В отдельных сложных прилагательных в качестве первого компонента выступает основа числительного: *Жди не дождётся* злой орды ***тысячехвостой*** (Н. Дроздова); ***Мильёнголовый*** гад куражится в крови (Н. Дроздова). Наибольшую группу составляют прилагательные с опорным компонентом, равным самостоятельному слову. Такие новообразования, как правило, передают сложную гамму цветовых и световых эффектов: *А над нами звёзды рассыпались*, / ***Неподвижно-яркие*** во мгле, / *Только мы смотрели, как рождались* / *Звёзды в развороченной земле* (В. Волобуев). Другие примеры новообразований-адъективов: *Пора самосожженья и распада* / *Травы и листьев* ***звонко-золотых*** (И. Чернухин); *Вокруг тальник стоит стеной* / ***Зелено-жёлто-сероютой***. / *И мечутся по-над водой* / *Разноголосые пернатые* (В. Черкесов); *Август забирается на балкон* / ***По багряно-лилово-фиолетовой*** лозе (В. Черкесов) и др. Отмечены созданные авторами прилагательные в краткой форме: *О, эта белая зима*, / *Души метельная подруга*, / ***Прозрачно-призрачна*** округа, / *И в светлом зареве дома* (В. Волобуев); *Как бывает* ***хрустально-ранима*** душа – / *Не выносит ударов, ломается* (Л. Преображенская) и др. В стихотворении Н. Дроздовой «Этот кот, грядущий осторожно...» представлена целая серия сложных прилагательных с дефисным написанием, которые позволяют автору передать замысловатое наложение в настроении и состоянии её героини: *Я уснула* ***горестно-ничтожной***. / *Я проснулась* ***радостно-великой***; *Я пришла* ***задумчиво-неверной***. / *Я уйду* ***доверчиво-счастливой***.

Отмечены лексические новообразования с препозитивным формантом недо-: *В этой Безлюдовке, в этой Москве, / в этом кино* ***недополноэкранном***... (Н. Дроздова); *Не оставь меня в напасти* / ***недовыплаканной*** страсти (Н. Дроздова); ... ***Недоиспепелённый*** / *и сладко одержим / мелодией, влюблённой / в космический режим* (Н. Дроздова).

Сложные и яркие поэтические образы создаются авторами с помощью сложносuffиксальных адъективов, например: *У дуба, где рюкзак я бросил, / Рыжеполосый бурундук / Исследует, кто это вдруг / Пожаловал, незванный, в гости* (В. Черкесов); *Уставшая от игры и себя / Солнцеволосая женщина* (И. Чернухин).

Особое место среди индивидуально-авторских слов занимают новообразования-глаголы. В основном это разнословные сложения, компоненты которых конкретизируют описываемые действия: *Что-то пригрезится-вспомнится / Очень далёкое мне* (Ж. Бондаренко); *Не умел ты меня / Полюбить-позабавить, / А теперь не сумел / Даже гордо оставить* (В. Волобуев); *Что, печальный мой стих? Где бывал-горевал...* (Н. Дроздова); *Колыбельно-карусельно зазвонила-завала* (Н. Дроздова). В последнем примере наряду с составным глаголом образовано и составное наречие.

Зафиксированы суффиксальные глагольные образования, например: *Замри и слушай, как вдали / Морзянят в море корабли* (И. Чернухин); *От ручек дверных / Вирусует ходячий портрет* (И. Чернухин) и др. Единичны префиксально-суффиксально-постфиксальные глаголы: *Раскровавился закат, / Будто ягоды рябин, / Расплескался по холмам / Серым...* (В. Черкесов).

Индивидуально-авторские новообразования-наречия занимают незначительное место в поэтических текстах белгородских авторов. Они созданы суффиксальным способом на базе узуальных прилагательных, например: *А жизни плотно / за тем окном всё проще, всё бледнее, / редее, рвётся, хлопьями парит, спадает мягкотело...* (Н. Дроздова); *Старого покроя роба / цвета майской новизны / и весёлые глаза, / и причёсанный лохмато...* (Н. Дроздова). *Вдруг повеяло ранней зимой / От цветущих венчально садов* (Ж. Бондаренко).

Среди новообразований-наречий также отмечены разнословные сложения, например: *Кровь сочилась темно-ало, / Потерялась мысли нить* (Я. Яровой). В целом созданные наречия метафоричны, содержат оценочную характеристику и отражают то особое видение мира, которое сложилось у автора и требует своего обозначения.

Таким образом, поэтический текст является одним из основных источников лингвокреативной деятельности художников слова. Данное положение связано с тем, что именно поэтический текст обуславливает появление индивидуально-авторских слов, наиболее ярко выражающих особенности мировоззрения автора и его художественно-методологическую установку. Анализ лексических новообразований позволяет представить, как картина мира пропущена через индивидуальное сознание поэта, определить творческий потенциал и специфику авторского использования тех или иных словообразовательных способов и деривационных средств.

Литература

Бахтин, М.М. Поэтический язык как предмет поэзии. – М.: Лабиринт, 2003. С. 80-113.

Винокур, Г.О. О языке художественной литературы. – М.: Высшая школа, 1991. 448 с.

Григорьев, В.П. Поэтика слова: на материале русской советской поэзии. – М.: Наука, 1979. 343 с.

Плотникова, Л.И. Словотворчество как феномен языковой личности. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2003. 332 с.

Супрун, Е.А. Лекции по теории речевой деятельности: пособие для студентов филол. фак-тов вузов. – Минск: Бел. Фонд Сороса, 1996. 287 с.

Титова, М.В. Семантика и поэтическая функция окказиональных слов: дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2006. 187 с.

Якобсон, Р. Работы по поэтике: Переводы / Сост. и общ. ред. М.Л. Гаспаров. – М.: Прогресс, 1987. 464 с.

Якубинский, Л.П. Избранные работы. Язык и его функционирование. – М.: Наука, 1986. 208 с.

Summary. The linguocreative specificity of new words is described in this article. Belgorod poetry serves as a basis for the linguocreative activity. The features of structure, value and the creative potential of lexical innovations are investigated.

Key words: linguocreative specificity, lexical innovations, derivation structure, texts of poems, Belgorod poetry.

ФАКТОРЫ ЯЗЫКОВОЙ ДИНАМИКИ: ТЕНДЕНЦИИ И НОРМА РУССКОГО ЯЗЫКА

Л.А. Шестак

Россия, г. Волгоград, Волгоградский государственный
социально-педагогический университет

l_shestak@mail.ru

Факторы и векторы языковой эволюции – центральная проблема как теории языка в целом (Алефиренко 2004: 57-85), так и частных лингвистик. Актуальной является эта проблема и в современной русистике.

На русский язык XXI в. действует множество факторов: переидеологизация и формирование новых ценностей (семантика); анализм, многократно усиленный воздействием международного английского языка (структура); тенденция к экономии речевых усилий (структура); потребность в информационном акцентировании (структура и семантика); тенденция к дистинктности (семантика и структура); синтаксическое слияние средств связи, субъектных сфер текста как отражение установки постмодернистского мышления «мир есть хаос» (структура); распространение разговорных конструкций (функционально-стилевой аспект). Действие многих факторов динамики русского языка (информационные войны, речевая и стилевая раскованность Интернета) усиливает также проблемность современного текста, требующую выделения предмета речи и резюме.

Динамика структуры языка описывается терминами **развитие, изменение, эволюция, тенденция** (Большой толковый словарь русского языка 2000: 382, 1063, 1512; Журавлев 2004: 32; Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 159-160; Новейший философский словарь 1998: 562, 830). Дифференциальные признаки этих

понятий составляют эквиполентные оппозиции (пересечения). **Развитие** есть процесс закономерного изменения, перехода из одного состояния в другое, более совершенное; переход от старого качественного состояния к новому, от простого к сложному, от низшего к высшему, **развитие языка** – последовательные преобразования, направленные на трансформацию отдельных его элементов и языковой системы в целом. Дифференциальными признаками развития являются его ‘однонаправленность’, ‘охват материальной и идеальной сферы’, ‘переход от старого к новому’, ‘от простого к сложному’. **Изменением** в языке считают качественную или количественную перемену какого-либо элемента (на любом уровне языковой системы), осуществляемую за счет внутренних возможностей языка и под воздействием определенных факторов в конкретный социально-исторический период развития общества. В отличие от развития, изменение не содержит присущего развитию имплицитно выраженного амелиоративного компонента: изменение – это и регресс, деградация, упадок. **Эволюция** есть форма развития природы и общества, состоящая в постепенном количественном изменении, подготавливающем качественное изменение. Дифференциальными признаками эволюции являются ‘необратимость’, ‘исторический характер’ изменения, ‘плавность’ изменения, ‘качественная определенность’, ‘качественно-количественное соотношение’ изменения. Таким образом, эволюция – это естественный переход одного состояния в другое в результате накопления количественных изменений и скачкообразного перехода их в новое качество (происхождение видов на Земле); развитие – и естественный, и направляемый, стимулируемый извне процесс перехода от старого к новому, от простого к сложному (развитие институтов демократического общества). При этом важным является разграничение понятий революционного слома системы (социальные революции) и качественного скачка вследствие накопления критической массы количественных признаков в теории эволюции (дарвиновская теория развития биологических видов).

Эволюция – это целая череда обусловленных преобразований, идущих в определенных направлениях (**тенденциях**). Изменения в языке оказываются возможными благодаря заложенным в нем потенциальным внутренним характеристикам, которые обнаруживаются под воздействием внешнего, социального импульса. Взаимодействие внешних и внутренних факторов – главный закон развития языка.

Основным терминологическим инструментарием исследований по эволюции языка являются **законы** развития языка и **тенденции**, определяющие это развитие. Под языковым **законом** понимают форму проявления всеобщей взаимосвязи, взаимозависимости и взаимообусловленности языковых явлений в их движении и развитии. Под **тенденцией** понимают направление, в котором совершается развитие какого-либо явления, под **языковой тенденцией** имеют в виду направ-

ление изменения языка, формирующееся из единонаправленных индивидуальных речевых вариаций его носителей (ЛЭС: 159-160).

К **внешним факторам языковой динамики** относят миграции населения, технический и социальный прогресс, появление новой государственности, распространение просвещения, изменение круга носителей языка, влияние средств массовой информации, международные контакты (Валгина 2003, Покровская 2001, Русский язык конца XX столетия 1996).

Так, исторически внешний фактор миграции населения в связи с основанием Москвы как новой столицы славянства вызвал формирование и закрепление в речи наших восточнославянских предков редукции некоторых гласных, превратив русскую орфоэпическую норму в «акающе-икающую» (Панов 1990).

Технический и социальный прогресс продуцирует появление терминологии (*спутник, экология, машинная память, черная дыра*), изменение значений общеязыковых слов (*работать* в значении ‘обстреливать’), их системных свойств – синтагматики (*Установки «Град» опять РАБОТАЛИ по городским кварталам Донецка – ТВ 13.08.2015, канал «Россия»*) и стилевых возможностей – детерминализации (*Гастроли цирка «Тропикана» создали в городе АЖИОТАЖ – Радио Волгограда, 15.08.1915*).

Появление новой государственности связано не только с проблемой выбора государственного языка, но и графики, номинации городов и улиц, грамматического употребления (*Алма-Аты, Бишкек вместо Фрунзе, Таллинн с двумя н, выбор предлога для сочетания в Украине*).

Распространение просвещения в молодой стране Советов (ликбез, программа Всеобуч) привела к ликвидации старшей орфоэпической нормы и замены ее на младшую: *умывалась* (с’), *высокий* (к’и), *ходят и просят* (ьт). Изменение круга носителей языка во власти после революции 1917 г имело следствием значительное влияние на русский язык диалектов и жаргонов матросских и солдатских депутатов в Советы.

Средства массовой информации определяют не только ключевые слова эпохи, но и орфоэпическую норму, а также формируют «медийный речевой портрет» типичных представителей общества: орфоэпические варианты *осУжденный* и *возбУжденный* маркируют речь полицейских, вариант *дОбыча* – представителя добывающей промышленности.

Развивающиеся международные контакты продуцируют номинативные инновации, включая варваризмы лексического и синтаксического характера (*В первую очередь имеются в виду такие ПАБЛИШЕРЫ, как «Просвещение», «Дрофа» и «Русское слово» – Завтра №26 июль 2015: 5; Стильные советы – новые летние MUST HAVES – Quelle Весна-лето 2012: 5; Козерог ценит подчеркнуто персонифици-*

рованные подарки, поэтому избегайте «МАСТХЭВА», а выбирайте дорогой эксклюзив. – Faberlic №17 2014: 44) и способствуют формированию морфологического аналитизма (*Я готова доверить стирку своего белья только «АРИЭЛЬ»* – TV 10.09.09 I канал).

К **внутренним факторам языковой динамики** относят системность, закон традиции, аналогии, экономии усилий, аналитизм, точность (дистинктность), логизацию, демократизацию, идиоматизацию и слияние (Акимова 1990, Валгина 2003, Покровская 2001, Русский язык конца XX столетия, 1996).

Системность проявляется в формировании новой парадигматики (появления у лексемы новых ЛСВ) в силу изменения сочетаемости. Так, слово *радикальный* '1. Решительный, коренной наиболее действенный; 2. Придерживающийся крайних, решительных взглядов' (Большой толковый словарь 2000: 1056) в современной речи стал употребляться в значении 'острый': *Тмин придает этому соусу РАДИКАЛЬНЫЙ характер* – TV 16.03.12, канал НТВ.

Тенденция к сохранению **традиционного** написания, произношения и употребления, обеспечивающая непрерывность прогресса, сохраняет старую форму при измененном содержании (*корабль* в средние века и в XXI в.), способствует деэтимологизации лексем (*бесталанный, шаромыжник*) и фразем (*лясы точить, шерочка с машерочкой*) – превращению фразеологических единств в сращения. Традиция охраняет словарные написания (*собака, капуста*), архаические формы в написании компонентов ФЕ (*ничтоже сумняшеся, притча во языцех, ищите и обряцете*), с целью фиксации приоритета в открытиях и типологиях сохраняет некоторые первоначальные термины: «морфологический принцип русской орфографии», «морфологический способ словообразования» (В.В. Виноградов), «ближайшее и дальнейшее значение слова» (А. Потебня), хотя современными терминологически наименованиями являются «морфемный (аффиксальный) способ словообразования», «морфофонематический (морфематический) принцип русской орфографии», «значение и понятие слова».

Аналогия, являющаяся формой проявления тенденции к экономии, способствует выравниванию акцентологической и морфологической нормы. Так, в рамках общей тенденции XX веке в языках с нефиксированным ударением к переносу ударений на корневую часть (Зиндер 1979) ударение в глаголах на *-ить* перемещается к началу слова: *Он вáрит кофе на кухне; Сейчас он вкл'ючит свет*. И хотя норма требует ударного окончания (*Земля манит* – рядом «Магнит», Реклама продажи земельного участка), практика устной речи свидетельствует об активности процесса перехода (*Вам подарок сразу вручат. А может быть вручат ...* – мультфильм «Пластилиновая ворона»). Выравниванием по аналогии являются также морфологические формы по продуктивным словообразовательным моделям: **Помахай дяде ручкой! Над нами не капает. Кошка мяукает*.

Ведущая среди внутренних факторов развития языка тенденция к **экономии** усилий проявляется на всех уровнях. В словообразовании – это универбы и превербы, нулевая аффиксация и усечение (безличный расчет – безналичка, безнал, оптовая продажа – опт; кинобалет, телебалет, видеобадает; рассыл, прикид, наив, интим, неформал, негабарит, конструктив, криминал; алик, опер, азер, калаш, фан, мерс). В лексике это обобщающие номинации (адаптогены ‘вещества, ускоряющие и облегчающие приспособление организма к условиям окружающей среды’; силовики ‘представители армии, МВД и спецслужб’). В морфологии это нарушающая норму вытеснение материального окончания нулевым (**пять килограмм апельсин, сто гектар пашни*), в синтаксисе это аналитизм (*Сапоги «ЗИМА», производство ТУРЦИЯ – УР*), компрессия («*Землю – крестьянам, деньги – водителю*», надпись в маршрутке) и редукция (*Летим мы туда, где посреди тайги возникает новое русское чудо – космодром «Восточный! Он – чудо потому, что возводится он решительно, стремительно и ВОПРОКИ.* – Завтра №26 июль 2015: 3).

Аналитизм, охватывающий «словоизменительные» уровни – морфологию и синтаксис – является формой проявления тенденции к экономии. В морфологии он вызывает увеличение числа несклоняемых лексем – сотен существительных и десятков прилагательных (*У современного молодого человека есть весь набор для практически неограниченного РЕАЛ-ТАЙМ ОБЩЕНИЯ со всем современным миром.* – Завтра №23 июнь 2015: 2), рост именных вербализаторов категории состояния (*Не ФАКТ, что это получится – УР*), вытеснение косвенных падежей прямыми (*В этом и заключается сила «ДОМЕСТОС» – TV 3.09.09 I канал*). В синтаксисе аналитизм проявляется как лексикализация синтаксических единиц (*Это не про мировую экспансию, не про подрыв устоев и не про ДЕТИЖЕСМОТРЯТ – Завтра №27 июль 2015: 2*) и бессоюзное присоединение в форме номинатива (*После Италии президент Медведев едет в Испанию – ТРАДИЦИОННО БЛИЗКАЯ НАМ СТРАНА – TV 11.03.09 канал «Россия»*).

Противоречивым явлением, объединяющим структурную экономию с точностью выражения смысла, является **предикативная осложненность** (Валгина 2003: 352-363): *Для чиновников это путинское повышение – не деньги, а НЕПОНЯТНО С ЧЕГО СДАЧА – Ведомости 9.10.03:7; Мне страшно надоела жизнь в режиме «РОТА, ПОДЪЕМ!» – УР 21.08.09.*

Экономии как тенденции, обеспечивающей удобство говорящего, противостоит тенденция к точности, в чем и заключается смысл речевого акта. Тенденция к **точности**, дистинктности в современной русской речи проявляется на уровне фонетики (прежде всего – суперсегментных единиц), лексики и синтаксиса.

В фонетике это использование ИК-3, восходяще-нисходящего интонирования лексем, долготы гласных и межсловной паузации

как тема- и рема-индикаторов: *Что касается / детЕй, то они прекрасно отдохнут в / дерЕвне; К школе готовы? Ро /дите \ли!* – TV 28.09.2015 канал Россия»; *Первое место на этом смотре получило хозяйство «ЗарЕ–Еченское» – Радио Волгограда; Такое| положение| дел| больше| немислимо||* (С.Иванов). В лексике это терминология и сложная, аспектно-характеризующая, номинация (бизнес-клуб, бизнес-план, бизнес-школа, бизнес-центр; имидж-центр, шейпинг-центр; арт-менеджер, топ-менеджер). В синтаксисе это семантическое согласование («Просто вещи» точно ЗНАЕТ, как сделать брускетту по-настоящему вкусной – Аэрофлот октябрь 2013:16, Модный «Таун»: нейтральная элегантность – Oriflame №13 2-13: 24).

Проявлением точности является тенденция к **логизации** – акцентированию топики и ремы высказывания (*Подытожим. Разрегулирование и дисбаланс экономик западных держав приближает развал НАТО. – Завтра № 35, август 2009: 5; Впечатление, что это какой-то свой замкнутый круг, внутри которого рождаются, вырастают, женятся... Каста. – НГ №106 23.09.2013: 14*), в том числе с помощью **вертикальной сегментации** и **вертикальной парцелляции** (термины наши – Л.Ш.) (включая парцелляцию служебных элементов – союзов, вводных слов, междометий):

ПОДИСКУТИРУЕМ.

Мой главный упрек медведевской мечте – полное отсутствие в ней того, что любую мечту и слагает: высшей цели, которая превосходила бы приземленную, обывательскую человеческую жизнь – Завтра № 5 2010: 3;

ВПРОЧЕМ.

Никаких оргвыводов в отношении дебатов не последовало. – Профиль №29, 2008: 27;

С Высоцким-то все уже в порядке – он сделал, что мог, и ушел духом к народу.

А кого вы убиваете сегодня?

Кого замалчиваете, кого преследуете, кого презираете и ненавидите? Еще живого, не прославленного?

Кто сегодня ищет петлю, кто сегодня «брedit бритвою»?

Кого вы хотите умертвить, чтоб потом выпускать о нем книги, снимать о нем фильмы и лить крокодиловы слезы?

А? – Аргументы недели №48 (289) 8 декабря 2011: 27;

Бодлер неоднократно повторяет: я думаю о тех-то и о тех-то.

Но «думать» не синоним сострадания и сочувствия. Можно ли упрекнуть его в отсутствии гуманизма? Но.

Во-первых, стихотворение написано в духе легенды об Андромахе – ни один историк не скажет, правдива она или нет. – Завтра №42 октябрь 2009: 7;

Набирает силу идущая со времен А.С. Пушкина тенденция к демократизации. В лексике это использование разговорных и просторечных элементов (*Ни одного африканца, который ЗАИМЕЛ бы свою фабрику, мне назвать не смогли – Изв. 24.1.1.88; Одно дело тайком*

размещать на Западе активы, создавать паутину совзагранбанков в обмен на уступки хозяевам Запада и отказ от прорывных технологий или даже сдачу их врагу с опаской, что ВОЗЬМУТ ЗА ЗАДНИЦУ, и совсем другое – легализоваться в прямом и переносном смысле. – Завтра №26 июль 2015: 3). В синтаксисе это использование неморфологизованных членов предложения (*Ни хлеба у вас, ни мяса, не говоря уж ПРО ВЫПИТЬ* – Куранты 4.1.1993), неоднородного сочинения (*Он любил и бывал в России* (о М.Дрюоне) – ТВ 19.04.09 канал «Россия») и синтаксических конструкций разговорной речи (*Такие пласты полностью, ну абсолютно лишены нефти* – Изв.13.03.1993).

Формой проявления экономии усилий является и тенденция к **идиоматизации**, обеспечивающая емкой формой также и мощный воздействующий эффект. В лексике это распространение метафор и фразеологизмов (*Не будем тогда тянуть РОССИЮ за БЕРЕЗУ – и обратимся к фундаментальным ценностям...* – Рус. жизнь № 2-3, февраль 2009: 51), в синтаксисе – использование в качестве членов предложения междометий (*Герои их ковали молотом, курили в небо, взламывали замки и пароли...Иногда нелепо погибали – А ТО; нельзя же каждый сценарий заканчивать стоящим враспор на своей земле хозяином – компаньоном заморских купцов да собирателем русских земель.* – Рус. жизнь № 2-3, февраль 2009: 112).

Сформированную под влиянием стиля постмодерн (Покровская 2001: 352-363) тенденцию к **слиянию** также можно рассматривать в рамках экономии. В лексике это упомянутая лексикализация словосочетаний и предложений (*И – «Владимирский централ» громкогромко, с выстраданным надрывом. Под водочку да со слезой. КАК ЛЮБИТ-НАРОД* – Завтра №24 июнь 2015: 5), в синтаксисе – гибридизация типов синтаксических единиц – членов предложения (например, однородных сказуемых и сказуемого с обстоятельством цели: *Утром он проснулся в обычное время и ПОШЕЛ ПОСТАВИЛ чайник на огонь* – Ю. Крелин), простых и сложных предложений («Дед» со «старухой» *ЧИТАЛИ – ПРОСЛЕЗИЛИСЬ* – Г. Владимов), типов сложных предложений (*Судя по всему, она ездит сюда чуть не каждый день, вот и велосипед купила специально для этого. ХОТЕЛА мотороллер, ПОБОЯЛАСЬ – ограбят...* – А.Битов).

Таким образом, корпус языкового материала последних двух десятилетий позволяет ответить на дискуссионный вопрос о ведущих тенденциях языка. Динамику структуры современного русского языка определяют экономия усилий и точность. Остальные тенденции являются формой выражения ведущих тенденций либо им сопутствуют.

Проблемным является также рассмотрение в рамках тенденций развития языка тенденций семиотических, в частности, замены графемного комплекса вербального обозначения пиктограммой, например, в вывеске швейного магазина, где графема *О* заменена изображением клубка со спицами или вывески солярия, где та же графема заменена пиктограммой солнца:

Данная тенденция к **идиоматизации** также тяготеет по своей прагматике к экономии выражения смысла, поскольку актуализирует (или коннотирует) многослойный ассоциативный ореол – комплекс потенциальных сем.

Литература

- Акимова, Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. – М., 1990.
Алефиренко, Н.Ф. Теория языка. Вводный курс. – М., 2004.
Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб., 2000.
Валгина, Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов. – М., 2003.
Журавлев, В.К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции / В.К. Журавлев. – Изд. 2. – М., 2004.
Зиндер, Л. Р. Общая фонетика: Учеб. пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1979.
Лингвистический энциклопедический словарь. / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М., 1990.
Новейший философский словарь. / Сост. А.А. Грицанов. – Мн., 1998.
Панов М.В. История русского литературного произношения. М., 1990.
Покровская, Е.А. Русский синтаксис в XX веке: Лингвокультурологический анализ. – Ростов н/Д., 2001.
Русский язык конца XX столетия (1985-1995) / Отв. ред. Е.А. Земская. М., 1996.

Summary. The article deals with the external and internal factors affecting the dynamics of the Russian language of the XXI century. Migration, media, technological and social progress, international contacts which affect the language are under consideration. The internal factors include systemacity, tradition, analogy, economy, accuracy, analytism, logization, democratization, idiomatization, merge.

Key words: linguistic dynamics, linguistic change, evolution of language, factors of linguistic dynamics, analytism, logization, democratization, idiomatization.

ЯЗЫКОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ГРУППЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ НАРОД

Г. М. Шипицына, Ю.О. Чавыкина

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Shipitsina@bsu.edu.ru

Поскольку язык в целом является динамической саморазвивающейся системой, все его подсистемы подвержены изменениям в исторической перспективе, что во многом обусловлено как социально-культурными преобразованиями в обществе носителей языка, так и развитием общественного сознания народа. Формой и следствием языковых изменений оказываются преобразования в структуре, семантике и прагматике языковых средств разного типа (прагматику мы

понимаем как комплекс-результат взаимодействия эмоциональных, экспрессивных и оценочных значимостей).

Для одного поколения людей оказываются наиболее очевидными изменения в языковых средствах, обеспечивающих прежде всего номинацию и оценку предметов и явлений действительности. Таковыми являются лексические единицы, а также, безусловно, и устойчивые сочетания слов разного типа – фразеологизмы и мини-тексты народной афористики.

Интерес лингвистов к проблеме языковых изменений не ослабевает и фокусируется, в частности, на таких проблемах: определение места и роли этих процессов в истории языка, определение того или иного лексико-семантического варианта или фразеологической единицы как уходящих из активного запаса языка, выявление социокультурной детерминированности изменения в статусе значения или прагматики анализируемой единицы. И это неслучайно. Исследование различных изменений в семантике и прагматике слов и их устойчивых сочетаний было, и остается наиболее актуальной задачей лингвистики. Это вызвано необходимостью изучения подвижного характера лексико-фразеологического запаса русского языка, обусловленного историко-культурными факторами, а именно, постепенным «стиранием» из генетической памяти народа многих слов и устойчивых сочетаний, отражающих реалии отечественной истории и культуры. Это может привести к образованию культурных лакун нации. Для интеллектуального развития личности такое явление крайне нежелательно, поскольку оно приводит к постепенному угасанию интереса к национальной истории и культуре недавнего прошлого, к появлению трудностей при восприятии художественных текстов предшествующих периодов жизни нашего общества. В результате этих процессов может произойти резкий разрыв ментальности поколений, разрушится тенденция их культурной преемственности.

Было бы хорошо, если бы каждому новому поколению лингвистов удавалось зафиксировать семантику и прагматику архаизирующихся на их глазах языковых средств, в том числе и современному поколению лингвистов, ставших свидетелями серьезной перестройки лексико-фразеологической системы языка под воздействием социально-экономических, духовных и политических преобразований в обществе. Поколение людей второй половины XX века – начала XXI века еще помнит семантический объем уходящих из активного словарного запаса слов и устойчивых конструкций. Сейчас еще понятно концептуальное, культурное и ментальное наполнение смыслов уходящих из активного употребления языковых средств. Но если мы, современники этих процессов, не опишем их, наши потомки (лексикологи и фразеологи будущего) разберутся ли в нюансах смыслов утраченных языковых единиц? Ведь семантика слов и устойчивых сочетаний проистекает из социокультурной среды исторических мгновений, а они

ускользают, уходят и не вернутся в том же самом виде. По прошествии же некоторого времени появляется опасность перенесения понимания семантики единицы новой эпохи на старую, поскольку она может восприниматься в изоляции от своей прошлой культурной и семантической среды и оказаться под влиянием уже иной лексико-семантической парадигмы для слова и фразеологизма, оборота речи или нового ореола их смыслов и прагматики. К сожалению, такая тенденция в описании семантики языковых единиц прошлых периодов развития языка скорее закономерна, чем случайна, о чем предупреждали выдающиеся лингвисты прошлого. В частности, академик В.В. Виноградов в своей гениальной статье «Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования» писал об этом так: «история чаще всего осмысливает действительность прошлого под влиянием господствующих идей современности» (Виноградов 1995: 27). Надеяться на успехи будущих этимологов тоже не приходится. Как писал академик В. В. Виноградов, «...этимология меньше всего способна раскрыть все разнообразие смысловых изменений, переживаемых словом в разной социальной среде и в разные эпохи» (Виноградов 1995: 11). Действительно, когда слово «продергивается через разные языковые слои», которые оставляют на его значении свои следы, и изучается в изоляции от своей исходной семантической и прагматической среды, возникает реальная опасность перенесения смыслов и прагматики этого слова с одной эпохи на другую в полном искажении его бывшей в прошлом семантики (Виноградов 1995).

Опираясь на предупреждение академика об опасности модернизации прошлого, мы полагаем, что изучение самых разных сторон лексических и фразеологических изменений сопряжено с внимательным отношением к синхронным срезам лексико-фразеологической подсистемы языка на каждом этапе состояния их семантики и прагматики в составе бывших семантических парадигм, соответствующих своей эпохе. Как отмечает В.М. Мокиенко, фразеологизм, с одной стороны, – единица ретроспективная, кумулятивная, поглотившая культурологическую и языковую информацию прошлого, поэтому многие поиски его когнитивного ядра диахроничны. «С другой же стороны, фразеологизм – единица синхронная, обладающая компликативной семантикой, относительно независимой и от значения ее компонентов, и от понятий того прошлого, которые ее породили» (Мокиенко 2006: 18).

В настоящее время в развитии фразеологического корпуса русского языка активизировалось две тенденции. С одной стороны – это **образование новых устойчивых сочетаний слов** с признаками фразеологизма путем фразеологизации свободных словосочетаний и отдельных предложных словоформ (например, *рассеянная практика* ('практика у студентов, прикрепленных по одному человеку к разным школам'), *якорное учреждение* ('базовое учреждение, координирую-

щее действие остальных'), в формате). Фразеологизация свободных словосочетаний сейчас происходит довольно быстро, во всяком случае без многовековой эволюции, поскольку современный русский язык мобилизовал свои ресурсы для оперативного решения возникающих проблем обновленной номинации и предикации. По мнению Н.Ф. Алефиренко, неологизация фразеологического корпуса языка – это результат лингвокреативной деятельности синергетически пере-страивающегося языкового сознания, «его лингвопрагматическая адаптация к новым ценностно-смысловым приоритетам, своеобразная ономаσιологическая реакция языка на стремительные изменения социокультурного пространства» (Алефиренко 2008: 208). В коммуникативной практике между отправителями и получателями подобных выражений единообразное понимание их смысла достигается за счет общности культурного и речевого опыта носителей языка, у них есть похожие представления о том, что бывает и чего не может быть (например, не может быть в действительности *жареных фактов*). Неявная когниция, отраженная в семантике оборота, расшифровывается уже на интуитивном уровне, поскольку очевидная невозможность сообщенной информации в ее прямом, буквальном смысле заставляет получателей сообщения искать в ней другие, скрытые смыслы. Контекст обычно раскрывает денотативную ситуацию, подсказывая получателю сообщения подлинную семантику фразы в местах закодированного смысла, то есть то, что в действительности хотел сообщить отправитель информации.

В противоположность тенденции к неологизации в сфере фразеологии обращает на себя внимание и противоположная ей **тенденция к деактуализации** функционировавших в недавнем прошлом фразеологизмов. Деактуализация представляет собой явление, отличное от процесса пассивизации лексики и фразеологии активного словарного состава русского языка. Её сущность выражается в постепенной утрате языковой единицей (или одним из её лексико-семантических вариантов) своей актуальности в данный исторический период с сопутствующими семантическими, стилистическими и оценочными изменениями, что обусловлено рядом внеязыковых факторов и, как правило, поддержано системными отношениями в соответствующих ячейках этой системы.

Для иллюстрации вышесказанного обратимся к динамике фразеологического гнезда с общим компонентом *народ*. Данная микросистема имеет многовековой период своего развития, что обусловлено местом слова *народ* в лексико-фразеологической системе русского языка и его ролью в концептосфере русской нации. По происхождению это исконно русское слово праславянского периода (*народъ* ← *народити* ← *родити* ← *родъ*) (Шапошников). Им номинирован базовый концепт национального сознания, являющийся выразителем его генетической и ментальной основы, что и отразилось в функциониру-

ющих до сих пор в современном русском языке наиболее древних фразеологизмах, например, *глас народа* (*Гласъ народа – гласъ Божій* (Даль); *при народе, на народе* (в значении ‘публично’; *во весь народ* (в значении ‘во всеуслышанье’), а также *идти в народ* (в период политического движения народников) и в афористических выражениях, например, *Народъ – тѣло, Царь – голова* (Даль). В дореволюционное время рядом синонимичных фразеологизмов обозначалась эксплуатируемая часть населения, простолюдины, люди низкого звания, не относящаяся к знати – *простой народ, черный народ, подлый народ* (*подлый* – в значении ‘незнатный’). Например, *Горький, как никто, знал жизнь простого народа – грузчиков, ремесленников, крестьян, батраков, железнодорожников, рабочих, безработных, бродивших по широким дорогам России в поисках заработка* (Н.С. Тихонов. Горький и советская литература). Или: *Государь, надлежит нам вспомнить о мужиках. Подлый народ также должен благословлять священное имя вашего величества* (В.Я. Шишков. Емельян Пугачев). Или: *(Пугачев) был встречен не только черным народом, но духовенством и купечеством* (А.С. Пушкин. История Пугачева).

Из этого синонимического ряда в советский период активно используется только словосочетание *простой народ*, но уже в обновленном значении. *Простой народ* – это уже народ, ‘принадлежащий к трудовой части общества, трудящийся’ (МАС-2). При этом его негативная прагматическая окраска утрачивается и коннотация меняется на противоположную: фразеологизм *простой народ* обозначает наиболее авторитетную часть населения, о которой говорят с уважением как о гегемоне всего общества, это класс рабочих и крестьян, передовой отряд правящей партии большевиков. Это устойчивое сочетание слов становится весьма частотным, его употребляют во всех случаях, когда говорят о населении СССР как цельной монолитной массе единомышленников, думающей и чувствующей одинаково. Например, *Друга нет и быть не может, но зато простой народ любит своего Вождя, готов жизнь и душу отдать* (А.И. Солженицын. В круге первом. Т.1). В советский же период появилось устойчивое сочетание *советский народ* и в варианте *простой советский народ* для обозначения населения великой державы. У этого словосочетания коннотативные значимости как правило положительные, даже с оттенком патетики, выражения некой гордости за создание новой общности электората – *единый советский народ*, для которого этнические, национальные признаки уже особого значения не имеют. *Советский народ* – это могучая сила, она всегда права, ее представляют как мерило правильности. Словосочетание приобретает силу номинанта ведущего концепта времени, к нему апеллируют для выражения оценки происходящего на предмет соответствия генеральной линии политического строя и духа времени. Например, *Вот Неудобовов и говорит, напрасно товарищ Новиков, которому советский народ и товарищ Сталин оказали высокое доверие, связывает свою жизнь с человеком неясной социально-политической сре-*

ды (Василий Гроссман. Жизнь и судьба). Или: *Тем большей неожиданностью стал жестокий разнос, учиненный ему в кабинете заместителя главного редактора, – ему, признанному специалисту по теории машин и механизмов. «Советский народ никогда не простит...», «Партия не позволит ...», «Это преступное легкомыслие ...», «Посягательство на самое святое ...», и еще какая-то белиберда, никакого научного значения не имеющая* (Анатолий Азольский. Лопушок. «Новый мир», 1998. (Пример цитируется по Национальному корпусу русского языка)).

В постсоветский период устойчивое сочетание *простой народ* продолжает употребляться, но в иной ипостаси. Прежнюю, бывшую в советский период, то есть уже вторичную, стилистическую окраску утрачивает. В наше время фразеологизмом *простой народ* обозначается основной состав населения, то есть, во-первых, не относящийся ни к каким властным структурам, а, во-вторых, не относящийся к новому сословию олигархов, например, *Кудрину в очередной раз пришлось разъяснять, что рост государственных расходов должен ограничиваться, в частности, скоростью обращения в ней денег. «Простому народу это не объяснить!» – вступил в спор и.о. первого вице-премьера Сергей Иванов, считающийся одним из кандидатов в преемники президента* (РБК Daily, 2007. 09. 24). В-третьих, *простой народ* – это народные массы, обычные наши граждане, не имеющие специальных льгот, особых привилегий в чем-либо перед остальными людьми, например, *Из-за обилия машин с мигалками простому народу не проехать* (Комсомольская правда, 2006. 11. 02).

В советский период появляются и другие новые фразеологизмы со словом *народ*: *трудовой народ, во благо народа, (человек, некто) из народа, слуга народа* (последний – ‘иронично: о депутатах верховной и местной власти’ (ТСРЯ ХХ), в том числе такие, которые стали настоящими символами своей эпохи: *опиум для народа* (о религии), *отец народов* (о Сталине), наконец, самое пронзительное словосочетание *враг народа* (‘о преследуемых законом в период репрессий по обвинению (обычно вымышленному) в антисоветской деятельности’ (ТСЯИ). *Враги народа* – это так называемые шпионы разных иностранных разведок (часто «разных» одновременно), вредители, расхитители социалистической собственности, оппозиционеры, контрреволюционеры, кулаки, либерально мыслящие люди, диссиденты и т. д. Если в советское время фразеологизм *враг народа* имел стилистическую маркировку *презрительное* (ТСЯИ) (фразеологизм и был создан для выражения яростно непримиримого отношения к тем, кто попал в разряд так называемых врагов народа), то в современном русском языке он воспринимается только как ключевое выражение ужасной эпохи советских репрессий. Фразеологизм ушел в прошлое, пассивизировался; толковые словари XXI века его уже не фиксируют в качестве современного языкового средства (как правило, толковые и фра-

зеологические словари современного русского языка последнего десятилетия его вообще не фиксируют).

Наблюдение за динамикой группы фразеологизмов с общим компонентом *народ* показывает, что во фразеологической подсистеме языка происходят живые процессы как неологизации, так и пассивизации отдельных устойчивых сочетаний. Их набор получает различную степень актуализации в тот или иной период времени, сопровождаемую изменением прагматического содержания фразеологизма и его коннотативного наполнения. Исторически сложившаяся роль регулятора этих процессов принадлежит различным экстралингвистическим факторам. Одним из важнейших таких факторов оказываются экстралингвистические причины развития языка, в частности, для перегруппировки набора устойчивых сочетаний с компонентом *народ* важнейшей движущей силой оказывается смена социально-политического устройства в обществе носителей языка, повлекшая за собой изменения в общественном сознании носителей языка, переоценку ценностей и ориентиров общества. В конечном счете непрерывное историческое развитие семантики и прагматики фразеологизма, как и отдельного слова, связано с прерывностью его активного употребления, с чередованием его пребывания в активном и пассивном словаре национального языка.

Литература

Алефиренко, Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: Монография. – М.: Элпис, 2008. 271 с.

Виноградов, В. В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // Вопросы языкознания. – 1995. № 1. С. 5–37.

Мокиенко, В.М. Когнитивное и адогнитивное во фразеологии // Фразеология и когнитивистика: Материалы 1-й Междунар. научн. конф. В 2-х томах. Т.1. Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. С. 13–26.

Словари и их условные обозначения

Даль – Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / Под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ (1903-1911); т. 1-4. М.: А/О Издат. группа «Прогресс», «Универс», 1994.

МАС-2 – Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. В 4-х т.; АН СССР, Институт русского языка. 2-е изд., исправл. и доп. М. 1984.

ТСЯИ – Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред Г.Н. Складервской. РАН, Институт лингвистических исследований. СПб. 1998.

Шапошников – Этимологический словарь русского языка / Сост. А.К. Шапошников. В 2-х томах. – М.: Флинта: Наука, 2010.

Summary. The article deals with the dynamics of historical changes in the pre-Soviet, Soviet and post-Soviet periods in a group of stable combinations with a common component “people”. It is argued that the language changes in this phraseology group were caused by socio-historical transformations of society, which provoked changes in the minds of speakers.

Key words: stable combination, active vocabulary, language change, archaism, passivation, deactualization, semantics, pragmatics, connotation.

РОЛЬ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ В ИЗМЕНЕНИИ СЛОВАРНОГО СОСТАВА РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА XIX В. (на материале женских *nomina professionalia*)

В.В. Демичева, О.И. Ерёмченко, Т.В. Яковлева

Россия, г. Белгород, Белгородский национальный исследовательский университет
Demicheva@bsu.edu.ru, Eremenko@bsu.edu.ru, Yakovleva@bsu.edu.ru

Антропологическая направленность современной лингвистики делает актуальным обращение к различным сторонам функционирования личных наименований. В лингвистической литературе до настоящего времени не представлено системное описание данного лексического пласта с учетом экстралингвистических факторов, в то время как именно феминативная лексика XIX в. в полной мере дает возможность проследить реакцию лексической системы на действие «внешних», неязыковых причин.

Предметом исследования современной лингвистики объявляется человек во всем богатстве его свойств и качеств, и поэтому изучение обозначений лица является, несомненно, актуальным. Антропологическая направленностью современной науки и лингвистики, в частности, обуславливает интерес лингвистов к различным сторонам функционирования личных номинаций. Именно класс наименований лица позволяет исследовать язык в связи с общими условиями его функционирования, а лингвистика, как справедливо отмечает Т.Г. Винокур, «не может не обращать внимания на язык в человеке, в обществе» (Винокур 1989: 36).

Среди имен лиц особое место занимают феминативы – номинации лиц женского пола. В отечественной лингвистике лексическая категория *nomina feminina*, несмотря на то, что она издавна привлекала внимание лингвистов, является одной из наиболее дискуссионных.

Объектом нашего исследования являются женские *nomina professionalia*, то есть личные наименования женского рода, называющие лицо по профессии, роду деятельности, выполняемым трудовым процессам, бытовавшие в языке XIX столетия. В работах, посвященных изучению словарного состава XIX столетия, отмечается, что категория агентивности в этот период была весьма актуальной лексической категорией. Новообразования со значением лица возникали как на русской почве, так и заимствовались. Однако изучению и описанию, как правило, подвергались только наименования лиц мужского пола. Наименования лиц женского пола остаются обычно вне поля зрения лингвистов или упоминание о них носит несистемный, эпизодический характер.

Обращение к тематической группе именно *nomina professionalia* вызвано тем, что она составляла в эту эпоху актуальную, активно пополняющуюся лексическую категорию, что обусловлено, прежде всего, фактами внеязыковой действительности – изменениями в социальной и культурной жизни общества. Движение феминативной лексики,

прослеженное на материале одной тематической группы, на протяжении XIX столетия представляют значительный интерес, поскольку динамика словарного состава отражает процесс становления культуры словоупотребления, развитие языковой личности членов общества.

В истории XIX века проблема предназначения женщины, ее роли в обществе занимает особое место, поскольку конец XVIII – начало XIX вв. – время активного осознания женского вопроса. На протяжении столетия происходит значительная эволюция во взглядах на роль женщины как в общественной, так и в семейной жизни. Именно в это время в стране зарождается женское движение, получает развитие высшее женское образование. Женский вопрос превратился в поле острой идеологической борьбы между различными общественными течениями и направлениями. Эмансипационные проблемы обсуждались на страницах журналов, газет, в спорах историков, юристов, философов, социологов.

Важной стороной общественной жизни того времени стала борьба женщин за профессиональный труд. Женщины начинают претендовать на мужские профессии и тем самым на равноправие. «Вся печать и авторитеты единодушно утверждали необходимость поднять женский труд и дать женщине возможность работать для общего блага наравне с мужчинами», – пишет один из современников тех событий (Щеголев 1884: 6). Работа для женщины стала в это время своеобразной модой, ибо ведущим принципом «новых людей» была трудовая жизнь. Многие, даже хорошо обеспеченные женщины, забрасывали дома, семьи, детей ради работы, часто неинтересной и малооплачиваемой.

Изменения в общественном сознании в отношении к женщине были подготовлены экономическим развитием страны. Отмена крепостного права вызвала перестройку в социальной, культурной, и прежде всего в экономической жизни общества. Существенные перемены в экономике России, развитие капиталистических отношений и крупной промышленности неизбежно повлекли за собой вовлечение женщин в различные сферы производственной деятельности. Круг профессий, доступных женщине, в это время значительно расширился. Так, в это время лиц женского пола начинают принимать на работу в правительственный телеграф. Высочайшее повеление от 20 ноября 1864 г., согласно которому женщинам было предоставлено право поступать на службу в правительственный телеграф в качестве телеграфистов для иностранной корреспонденции, стало важным шагом на пути женщин к профессиональному труду.

Развитие женского образования, в том числе и высшего, привело к тому, что женщины начинают работать в медицине, журналистике, литературе, причем не только стенографистками, корректорами, переводчицами, но и литературными критиками, журналистками, писательницами. По свидетельству историков, «к концу века женщины составляли почти половину преподавательского состава в начальной и

средней школе, значительным было их участие в искусстве, медицине, науке, литературе» (Петров-Эннкер 1993: 178).

Естественно, что все эти сдвиги в социальной и культурной жизни вызвали изменения в языке, в его номинативной системе, поскольку для обозначения новых реалий в языке появляются новые номинативные единицы. Лексикографическая практика и тексты этого периода содержат большое количество феминативов, называющих лицо по профессии, роду деятельности, многие из которых являются новообразованиями XIX в. Самое большое количество лексических инноваций XIX в. в кругу феминативной лексики относится именно к этой тематической группе.

Феминативы, называющие лицо по профессии, роду деятельности, извлекались нами из различных лексикографических источников и текстов XIX века. Наибольший интерес представлял для нас Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук, т.1-4. Спб., 1847 г. (далее СЦСРЯ), потому, что в нем произведено «отделение существительных имен, обозначающих женский пол от мужских» (СЦСРЯ 1, 13). Таким образом, данный словарь является единственным лексикографическим изданием, в котором наименования лиц женского пола помещены в отдельную словарную статью. В других словарях они входят в словарную статью агента, и толкование семантики женских наименований происходит через отнесение их соотносительному корреляту мужского рода.

Кроме того, использовались данные следующих словарей: Словарь Академии Российской 1806-1822 гг., (далее САР), Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля (Спб. Изд.2. 1880-1882. Т.1-4) (далее Сл. Даля), Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук (Спб. 1891-1916 г.г.) (далее СРЯ).

Словари как первой, так и второй половины XIX века являются убедительным доказательством того, что количество женских профессиональных обозначений, соотносительных с мужскими наименованиями, неуклонно возрастает. Уже в САР отмечаются новые наименования, не зафиксированные в XVIII в., например: *башмачник*, *башмачница* – ремесленник, который шьет башмаки, наипаче женские; *закройщик*, *закройщица* – тот, кто кроит платье; *конфетчик*, *конфетчица* – тот, кто делает или продает конфеты; *переплетчик*, *переплетчица* – тот, кто книги переплетает; *пахтальщик*, *пахтальщица* – пахтающий коровье молоко; *перчаточник*, *перчаточница* – ремесленник, делающий перчатки и торгующий ими.

Еще более последовательно отражены женские профессиональные обозначения, соответствующие мужским в СЦСРЯ. Так, впервые именно в этом словаре зарегистрированы следующие лексемы: *выдельщица*, *вязальщица*, *гардеробщица*, *гравировальщица*, *заготовщица*, *вывозщица*, *заводчица*, *зеленищица*, *игольщица*, *магазинщица*, *макаронищица*, *месильщица*, *мыльщица*, *настройщица*, *натурищица*,

низальщица, основщица, оценщица, перевозчица, переплетчица, полировщица, птичница, саечница и другие наименования.

Феминативы, называющие лицо по профессии, роду деятельности, остаются самой продуктивной группой и в языке второй половины XIX века, что также нашло отражение в лексикографической практике этого периода. Назовем лишь некоторые из таких наименований, впервые зафиксированных в словарях этого времени (Сл. Даля, СРЯ): *балаганищица, бубличница, булавочница, валяльщица, выкройщица, гравировщица, дегтярница, дольщица, доставщица, заливщица, заправщица, кожевница, корсажница, корсетница, корзинщица, мариновщица, мойщица, наждачница, наладчица, намотчица, обувщица, оладейница, селедочница, сигарочница, сверлильщица, сдельщица, счетчица, тюремщица, упаковщица, учетчица, фабричница, штучница, цыплятница*.

Особо следует назвать лексемы, называющие лицо женского пола по отношению к учебным занятиям. Практически все они являются новообразованиями этой эпохи, например: *смолянка, институтка, бестужевка, вольнослушательница, консерваторка, студентка, университетка, экстернка* и др. Появление подобных феминативов несомненно обусловлено экстралингвистическими причинами – развитием женского образования в XIX веке. В эту эпоху в России открылись женские гимназии, которых к 90-м годам насчитывалось около 200. Появились первые ростки высшего женского образования – высшие женские курсы, готовившие учителей и врачей. Именно в это время впервые в истории России женщины начали получать знания в университетском объеме.

Новообразованиями этого времени являются и такие феминативы, как *бенефициантка, живописица, композиторша, лингвистка, миниатюристка, писательница, портретистка, художница, эллинистка* и под. О таких наименованиях также следует сказать особо. Все они называют лиц женского пола, занятых творческой деятельностью, ранее, до XIX столетия, вообще недоступной женщинам. В XIX столетии бурное развитие науки, искусства обусловило появление новых феминативов, связанных с этими областями человеческой деятельности.

При образовании профессиональных наименований обычно использовались форманты *-ниц(а), -щиц(а) / -чиц(а), -льщиц(а)*, которые чередовались при словообразовании с суффиксами *-ник, -щик / -чик, -льщик*. Во второй половине столетия высокую словообразовательную активность в производстве женских профессиональных образований начинает проявлять суффикс *-к(а)*. Так, словообразовательным новшеством этого времени являются феминативы *акробатка, ассистентка, концертантка, лаборантка, математичка, консьержка*. Активизация таких словообразовательных дериватов, кроме социальных причин, имела и чисто языковые – расширение производящей базы за счет лексических заимствований – наименований лиц мужского пола. Большая часть подобных феминативов обра-

зована от иноязычных слов мужского рода на *-ант*, *-ент*, *-р* и др., активно проникавших в русский язык этого периода.

В второй половине столетия появляются наименования с суффиксом *-к(а)*, обозначающие лицо женского пола по отношению к машине, механизму, прибору: *телеграфистка*, *морзистка*, *юзистка*.

Инновациями этого времени являются словообразовательные дериваты с суффиксом *-к(а)* типа *медичка*, *педагогичка*. Женские корреляты в данном случае возникают от агентивных лексем, ранее не допускавших образования феминативов.

Актуальность в языке этого периода профессиональных наименований не только вызвала к жизни большое количество инноваций, но и обусловила изменение в семантике ряда лексем, относящихся к другим тематическим группам. Особый интерес в этом отношении представляют феминативы с формантом *-ш(а)*, которые обычно использовались для номинации лица женского пола по профессии, должности, званию мужа. С начала века данная группа переживает процесс разрушения былого семантического единства, который проявился в появлении у таких лексем двойного совмещенного значения и возникновении наименований с суффиксом *-ш(а)*, имеющих одно значение, соотносительное с однокоренным существительным мужского рода.

Данная тенденция получает дальнейшее развитие во второй половине столетия. В словарях второй половины века увеличивается количество наименований на *-ш(а)*, у которых отмечается два значения, например: *архитекторша* – жена зодчего, строительница; *банкирша* – жена банкира, женщина, состоящая во главе банковского учреждения; *кондитерша* – жена кондитера, владелица кондитерской мастерской; *касси́рша* – жена кассира, женщина, заведующая кассой.

Симптоматично то, что некоторые лексемы с суффиксом *-ш(а)*, называющие лицо женского пола «по мужу», впервые зарегистрированные в Сл. Даля, уже в СРЯ даются как многозначные, например, лексема *лекторша* в Сл. Даля толкуется как «жена лектора», а в СРЯ как «преподавательница иностранного языка в высшем учебном заведении, читающая лекции вообще» и «жена лектора». Нужно отметить также, что все феминативы с суффиксом *-ш(а)*, у которых в СРЯ регистрируется два значения, значение «жены по мужу» дается после значка //. Это свидетельствует о том, что данное значение к концу века отходит на задний план, становится неактуальным, вытесняется значением, соотносительным со значением мужского коррелята, чаще всего называющего лицо по профессии, роду деятельности.

Именно во второй половине столетия суффикс *-ш(а)* проявляет настойчивую экспансию в сферу действия других аффиксов. Данный формант *-ш(а)*, хотя и был закреплен в сознании носителей языка за именами определенной семантики, в некоторых случаях оказывался более продуктивным и употребительным, чем другие аффиксы, особенно при образовании номинаций от иноязычных основ. Данный формант легко присоединялся к иноязычным агентивам, которые ин-

тенсивно проникали в русский язык этого периода, например: *кухмистер*, *патрон* и др. Феминативы с другими суффиксами, за исключением суффикса *-к(а)*, возникали гораздо реже. Однако в первую очередь появление таких лексем было обусловлено социальными изменениями: рост профессионального женского труда обусловил актуализацию значения, соотносительного со значением мужского коррелята. К лексемам, называющим лицо женского пола по профессии, роду занятий, относятся следующие наименования: *авторша*, *распорядительша*, *редакторша*, *корректорша*, *кухмистерша*, *декламаторша*, *патронша*, *ораторша*, *репититорша*, *инициаторша*. Но словари второй половины XIX в. не отражают в полной мере новых наименований с суффиксом *-ш(а)*; большая часть вышеназванных дериватов фиксируется лишь словарями современного русского языка (Сл. Ушакова, БАС), однако они отмечены нами в текстах этой эпохи.

Наименований лиц женского пола по «мужу» с другими суффиксами *-ниц(а)*, *-их(а)* переживают ту же судьбу, что и феминативы на *-ш(а)*. Причем у целого ряда лексем, возникших в первой половине столетия, уже во второй половине столетия, отмечается новое значение, соотносительное со значением существительного мужского рода. Например, лексема *лавочница*, которая впервые фиксируется в СЦСРЯ в значении «жена лавочника», в Сл. Даля и СРЯ имеет два значения: та, что содержит лавку или торгует в лавке; жена лавочника.

Для именованя лица женского пола по роду занятий, занимаемой должности во второй половине столетия активно используются лексемы с суффиксом *-ниц(а)*, мотиватором (производящей базой) которых служили агентивы на *-тель*. Ранее такие номинации называли лицо по совершаемому действию. Например, лексема *предпринимательница*, впервые зафиксированная в Сл. Даля в значении «предпринявшая что-либо», в текстах используется в ином значении: называет лицо по профессии.

Текстовые иллюстрации свидетельствуют об использовании и других лексем на *-тельница(а)*, ранее обозначавших лицо по совершаемому действию, для именованя лица женского пола по роду деятельности, например: *надзирательница*, *слушательница*, *смотрительница*, *содержательница*, *руководительница*.

Семантическая эволюция наименований с суффиксом *-ниц(а)* способствовала закреплению таких номинаций в языке. Дело в том, что личные существительные женского рода на *-тельница* переживают ту же судьбу, что и однокоренные существительные мужского рода. «Начиная со второй половины XIX в. словообразовательная активность этой модели снижается, продуктивность словопроизводства личных имен существительных с суффиксом *-тель* прекращается» (Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. 1964: 36). Именно развитие новых значений, не опирающихся на семантику глагола, способствовало укреплению позиций некоторых наименований на *-тельница(а)* и сохранению их в словарном составе языка.

Результатом привлечения женщин к участию в общественной, культурной, производственной деятельности стало появление большого числа новых феминативов, называющих лицо по профессии, должности, выполняемым трудовым процессам. Кроме того, рост профессиональных образований вызвал изменение в семантике феминативов, которым ранее не было свойственно обозначение лица по профессии, роду занятия. Такими лексемами являются наименования лица женского пола по профессии, должности, званию мужа, которые легко приспособлялись для выражения нового значения. Таким образом, женские *nomina professionalia* XIX столетия являются доказательством, что «использование средств словообразования в истории языков вообще и, в частности, литературных зависит обыкновенно от роста потребности в производстве новых слов, потребности, обусловленной в первую очередь сменами в производстве и с ними культуры вообще» (Булаховский 1954: 93).

Тематическая группа *nomina professionalia* – это лишь часть феминативной лексики, бытовавшей в русском литературном языке XIX столетия. Думается, что не меньший интерес будет представлять анализ и других тематических групп феминативов этого периода. Так, например, именно в эту историческую эпоху формируется группа лексем, называющих лицо женского пола по взглядам, мировоззрению, принадлежности к учениям, партиям. Такие наименования также являются результатом социокультурных изменений, и поэтому обращение к экстралингвистическим факторам при анализе таких феминативных лексем представляется весьма перспективным.

Литература

- Булаховский, Л.А. Введение в языкознание: В 2-х ч. – М., 1954. Ч.1. 254 с.
Винокур, Т.Г. Речевой портрет современного человека // Человек в системе наук: сборник научных трудов. – М., 1989. С. 32-45.
Щеголев, В.Н. Женщина-телеграфист в России и за границей. – СПб., 1884. 34 с.
Петров-Эннкер, Б. Женщины наступают: об истоках женской эмансипации в России // Вопросы истории. – М. 993. № 3. С. 170-181.
Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного – М., 1964. 405 с.

Summary. The paper provides an analysis of the feminine *nomina professionalia* in use in the Russian literary language in the 19th century. The anthropological paradigm of modern linguistics actualizes the appeal to various sides of personal nominalizations. Current linguistic literature fails to provide systemic description of this lexical stratum with respect to extra linguistic factors, whereas it's the feminine lexicon of the 19th century that wholly allows to trail the response of the lexical system to the impact of certain non-linguistic causes.

Key words: feminatives, language history, feminine *nomina professionalia*, social and cultural factors.

ФРАЗЕОЛОГИЯ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА В ЗЕРКАЛЕ КОГНИТИВНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

С. И. Георгиева

Болгария, г. Пловдив, Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского
stefka3@abv.bg

Семантический статус фразеологических единиц (ФЕ) оценивается сейчас с самых различных точек зрения, исследуется самыми разными методами. Один из самых актуальных аспектов изучения фразеологической семантики – когнитивно-дискурсивный. Концентрируя в себе знаки вторичной и косвенно-производной номинации, фразеологическая система играет роль кумулятивного фонда как языка, так и культуры. Фразеологическая семантика способна выступать основным средством представления ценностно-смысловых отношений как основы национальной лингвокультуры – универсальной системы ценностей с точки зрения межнациональной логики познания и уникальной с точки зрения дискурсивного пространства конкретного этноса. Важное свойство фразеологической семантики – антропоцентричность. Нельзя не признать, что это свойство многое объясняет как в кумулятивных механизмах фразеологии, так и в ее дискурсивном функционировании и динамике. Человек – носитель культуры, определенной системы знаний, представлений, мнений об объективной действительности, и фраземы многослойно отражают результаты его культурной и интеллектуальной деятельности. На фундаменте антропоцентричности выстраивается так называемая «фразеологическая модель мира», тесно связанная с картиной мира концептуальной и имеющая собственное содержание, «где основной единицей выступает концепт – имя того или иного дискурсивного поля и тот речемыслительный эпицентр, вокруг которого порождается дискурс – деривационная база знаков косвенно-производной номинации» (Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 213). Фразеологическая модель мира как семантическая категория языковой системы тесно связана с процессом постоянного взаимодействия языка и культуры, константы которой сопоставимы, но не полностью тождественны константам лексическим. Культурологическая информация заключена во внутренней форме фразеологических единиц. Можно разграничить 2 типа ФЕ: 1. ФЕ с прозрачной внутренней формой, культурологическая адекватность которых полноценна и несомненна. При их комментарии достаточен прямолинейный показ культурологической информации, отраженной ФЕ или их компонентами. Ср.: *от а до я, буква в букву, играть в жмурки, кусать себе локти, держать руки по швам, слово в слову, развешивать/ развесить уши, хлебом не корми кого и др.*; 2. ФЕ с затемненной внутренней формой, культурологическая адекватность которых нуждается в собственно лингвистической экспертизе. Лишь после аргументированного историко-этимологи-

ческого анализа различных интерпретаций внутренней формы следует предлагать конкретные культурологические (resp. когнитивные) интерпретации. Ср.: *лезть/полезть в бутылку, бобы разводить, с бору по сосенке (да с сосенки), попадать/попасть впросак, после дождичка в четверг, хоть пруд пруди, семь пятниц на неделе у кого, как рукой сняло/снимет что, при царе Горохе, заморить/замаривать червячка (червяка), как на Маланьину свадьбу (наготовить, наварить чего)* и др.

У каждого народа веками складывался опыт познания мира, который затем передавался из поколения в поколение. Язык как форма познания и хранилище национальной культуры закрепляет данный опыт в семантике и структуре устойчивых словесных комплексов. Большой интерес с точки зрения способов закрепления такого когнитивного опыта во фразеологии представляют особенности вербализации стереотипов мышления народа.

При сопоставлении разных языков выявляются различия в избирательности «образного мировидения того или иного народа, которая проявляется и в различиях отбора образных оснований фразеологизмов, что и рассматривается как косвенное подтверждение их связи с окультуренным мировосприятием» (Телия 1999: 15). Этот параметр связан с определением видения картины мира носителями языка.

Наблюдения над фразеологическими фондами русского и болгарского языков позволяют сформулировать некоторые выводы относительно национально-культурного параметра устойчивых единиц.

1. Образы преобладающего числа фразеологизмов восходят к универсальным явлениям природы и человеческой жизни и строятся на переосмыслении. «Познание человеком действительности имеет интернациональный характер, в котором нет каких-либо национальных ограничений» (Алефиренко 2008: 74). Это дает возможность подбирать соответствия (а не перевод) в разных языках. Например, /р/ *водой не разольешь (кого) – /б/ не можем да дишаме един без друг* (букв. «не можем дышать друг без друга»); *залепнали сме един за друг като гербови марки* (букв. «прилипли как почтовые марки»); *залепнали сме като дупе и гащи* (букв. «прилипли как труссы к ягодице») – ‘о тесной дружбе между кем-либо’ и др. Редко встречаются устойчивые выражения, которым нельзя подобрать соответствия в другом языке, а нужен перевод, дополнительные объяснения и замечания. Например, ФЕ /р/ *что русскому хорошо, то немцу смерть* (выражение может относиться к погоде, еде, выпивке и т.п. разных народов; /б/ *дръж се, земльо, шоп те гази* (букв. «держись, земля, по тебе шоп ходит», *шопи* – этническое население Болгарии, проживающее недалеко от Софии, известное своим упрямым характером). Национальные культуры своеобразны, отдельные, не похожи одна на другую, есть разное восприятие у разных народов. Поведение представителей одной культуры соответствует определенным стереотипам, что закодировано в образных основах ФЕ.

2. Образ устойчивой единицы построен на конкретном опыте этноса и связан как с окружающей жизненной средой, так и с «повседневным мышлением» носителей языка. Способ представления значения, мотивированности сочетаний также указывает на культурный элемент и связан со специфическим видением картины мира носителями языка. Например, значение 'наказать' выражается русской ФЕ *дать по шапке* – /б/ *нарязвам/ нарежа някого като кисела краставица* – букв. «порезать кого-либо как кислый огурец»; *дам някому да разбере* – букв. «помочь кому-либо разобраться (в чем-либо)». «Шапка» для русских важная и нужная часть одежды, что продиктовано климатом России, а для болгар – «кислый огурец» – неотъемлемая и доступная часть закуски. Подобная семантическая мотивированность широко представлена в языке метафорическими и метонимическими переносами. Символьные значения также оказывают влияние на образ ФЕ и оформление актуального значения. Например, *воробей* как символ всего незначительного и мелкого объективируется во ФЕ русского языка: /р/ *воробьиная ночь* – /б/ *най-късата ноц в годината*, /р/ *короче воробьиного носа* – /б/ *много късичък, кратичък*, /р/ *с воробьиный нос* – /б/ *колкото просено зърно*, *съвсем малък*, /р/ *стрелять из пушки по воробью/ по воробьям* – /б/ *отивам с топ на лов за зайци; напразно си хабя барута/ патроните* и др. В болгарских соответствиях отсутствует компонент *воробей*, он встречается только в устойчивом сравнении *като врабче ям* (букв. «есть как воробей»), т.е. очень мало есть. Символом мелкого в болгарском языке является лексема *зерно* (ФЕ *колкото просено зърно*).

Фразеологизм /р/ *набрать воды в рот* – /б/ *(мълча) сякаш имам сливи в устата* (букв. «молчать, как будто во рту есть сливы») – 'хранить упорное молчание'; /р/ *как с гуся вода* – б. *не ми пука; ни лук ял, ни лук мирисал* (букв. «кто-либо не ел лук и не знает его запаха» – '1. кому совершенно безразлично, никак не действует на кого-либо, 2. с кого легко, быстро, бесследно исчезает, забывается и т.п. что-либо кем-либо' и др. Национально-культурные параметры касаются всех сфер материальной и духовной жизни народов, однако в образной основе устойчивых единиц остались следы из жизни народов, которые имели важное значение для людей, отличались яркими качествами, употреблялись часто в быту конкретного этноса и т.п., либо ситуация, в которой появилось исходное выражение, оказалась решающей для его закрепления (например, ФЕ /р/ *подпоручик /поручик/ Кижэ* (Словарь русской фразеологии 1998: 455), /б/ *Марко Тотев* (знач. 'человек, которому не везет') и др.

3. Специфика представлений образа сказывается не только на образной основе, но и на языковой сочетаемости, на синтаксической конструкции (модели), на базе которой происходит интеграция значений компонентов фразеологизма. Все словосочетания в данном языке порождаются по определенно заданной схеме. Их образная основа и значение тесно связаны с внеязыковыми факторами, его сопровождающими, а структура всего высказывания зависит от той кон-

кретной ситуации, в которой оно порождается. И здесь прежде всего следует иметь в виду возможность различной принципиальной стратегии порождения высказывания, связанную с особенностями языка (Леонтьев 1993: 16-21). Например, для русского языка характерны модели ФЕ с предлогами, которые нормативно употребляются с соответствующими падежами, например, модель с предлогом с служит для обозначения больших или малых размеров, а также большого или небольшого количества чего-либо, указание на рост (Мокиенко 1990: 74): *мужичок с ноготок, с мизинец, мальчик с пальчик, с булавочную головку, с гулькин нос* и т.п.; с предлогом в: *играть в бирюльки; играть в молчанку, играть в кошки-мышки, играть в струнах души* и т.п.; с предлогом под: *разделить под орех* и др. Модель «существительное + существительное» в болгарском языке для обозначения качества, например, *вятър работа* – «1. о чем-либо невозможным, неверным, недействительным»; 2. (ирон.) обычно как восклицание для выражения недоверия, сомнения или пренебрежительного отношения к чему-либо» и др.

Образные основы ФЕ закодировали культурные факты, связанные с жизнью народов. Изучение этимона устойчивой языковой единицы позволяет вскрыть ход познавательной мысли этноса и оценить философию трансформации, заданную этим импульсом. Исследование фразеологических фондов разных языков подтверждают факт, что различные языки различаются не только грамматической структурой, но и соотношением языковой структуры и ее конкретной реализации в контексте и ситуации. Основной целью контрастивного направления является выявление национально-культурной специфики фразеологизмов того или иного языка, извлекаемой на фоне «наивной» картины мира.

Литература

Алефиренко, Н.Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма. Белгород: Изд-во БелГУ, 2008.

Зализняк, А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сборник статей. М.: Языки русской культуры, 2005. С. 544.

Леонтьев, А.А. Языковое сознание и образ мира //Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. С. 16-21.

Мокиенко, В.М. Загадки русской фразеологии. М., 1990. С. 160.

Словарь русской фразеологии 1998: Историко-этимологический справочник (Сост. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.). СПб: ТОО „Фолио-Пресс“, 1998. С. 704.

Телия, В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава в контексте культуры //Фразеология в контексте культуры – М: Языки русской культуры, 1999. С. 13–24.

Summary. Phraseological units in the article are considered to be like accumulators of people's culture. The semantics of the steady units clearly represents national images in which a system of values, unique for each ethnos, is encrypted. The image basis of the phraseological units is connected with a specific act, and it is formed specifically. The mentality of the people as well as the structure of a specific language influences the formation.

Key words: phraseological unit, people's culture, image basis, anthropocentricity, ethnos, cognitive semantics.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ДЕМОКРАТИЗАЦИЮ РУССКОГО И ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКОВ (СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Е.В. Сенько

Россия, г. Владикавказ, Северо-Осетинский государственный университет
senkoelena@yandex.ru

Современная русская лексика, отражая разнообразные общественно-политические процессы России сегодняшнего дня, характеризуется множеством различных процессов; среди них наиболее актуальным является процесс неологизации, поскольку неогенез есть одно из важнейших проявлений сущности самого языка как средства мышления и познания.

Процесс познания с определенной долей обязательности включает в себя членение на свое и чужое, в том числе не характерное для литературного канона; данная оппозиция, несмотря на свой традиционный характер, актуальна и в настоящее время, когда вопросы сохранения национальных особенностей, несмотря на процесс глобализации, имеют важное значение.

С этой точки зрения интересно сопоставить в том или ином аспекте характер процесса неологизации, протекающий в современном русском и современном осетинском языках. Как перспектива научных исследований данный аспект изучения языкового обновления указывается лингвистами в ряде диссертационных работ: Гацалова Л.Б. (2005), Сенько Е.В. (2007), Тибилова М.И. (2011), Захватаева К.С. (2013) и др. Указанная задача сравнительно-сопоставительного изучения процесса неологизации дает возможность установить тенденции, общие для ряда языковых систем, с одной стороны, и тенденции, характерные для отдельного языка.

Несомненно, что лексические инновации, пополняющие литературный язык, носят различный характер. Одной из самых обсуждаемых особенностей современной языковой ситуации является проблема взаимодействия литературной и внелитературной сфер языка, тесно связанная с понятием «языкового вкуса», под которым понимается система идейных, психологических, эстетических и иных установок человека или общественной группы в отношении языка и речи на этом языке; эти установки определяют то или иное ценностное отношение человека к языку...» (Костомаров 1999: 29).

Важнейшая тенденция, формирующая современный языковой вкус, – демократизация и либерализация языка, приводящая к обновлению литературного канона: через речь, которая по сегодняшней моде наводняется просторечием, диалектизмами и жаргонизмами, в систему литературного языка приходит много новшеств разного качества.

Цель статьи – сопоставить нелитературные вхождения в современном русском языке и современном осетинском языковом стандарте и мотивировать сложившиеся полярные ситуации.

Периферийные средства языка, пополняющие общелитературный язык, составляют фонд так называемых относительных, или функциональных неологизмов, название которых подчеркивает следующие их особенности: новизна только по отношению к кодифицированной части словаря, изменение функционального предназначения подобных лексических единиц, перемещение последних в готовом виде из других сфер национального языка. Данные новации не создаются, не заимствуются из других языковых систем, а входят в общее употребление из иных сфер того же языка в готовом виде – из территориальных, временных, социальных периферийных зон. Таким образом, новизна как признак слова проявляется не столько в природе самой лексической единицы, сколько в изменении языкового пространства, которое характерно для той или иной единицы языка и которое обуславливает его системный статус.

Сказанное мотивируется связью понятия «новое» с философской категорией пространства, под которой понимается взаимное расположение систем или их элементов относительно друг друга. В связи со сказанным новые слова – это не только появившиеся в определенной сфере языка, но и те, которые переместились в эту сферу из другой, обычно периферийной языковой области.

«Интенсивность рассматриваемого процесса определяется выдвинутыми новыми центрами экспансии – низовой городской культуры, молодежной контркультуры и уголовной субкультуры. Слова типа «наехать», «прикол», «кинуть», «расколоться», «отстегнуть» в значениях далеко не литературных – это не просто слова, они отражают сущность реально существующих в обществе социальных, экономических и властных отношений» (Валгина 2003: 125): *Демократы вот-вот расколются, не определив свой выбор* (АиФ, 2009, № 40); *Конечно, у нас инфляция выше, чем в «продвинутых» странах* (Труд, 2000, 3 октября).

То, что раньше считалось принадлежностью социально непрестижной общественной среды (преступной, низкокультурной и т.п.), становится в один ряд с традиционными средствами кодифицированного литературного языка. По мнению В.В. Колесова, это есть «связанная с жизненными процессами система искажений и понижений в качестве, имеющая своей целью выделение (вымывание) личности или социально узкого коллектива из общей среды культуры и языка» (Колесов 2004: 197), хотя широко известно и другое мнение относительно данного явления, согласно которому можно говорить о формировании общего жаргона, занимаемого промежуточное положение между собственно жаргонами (воровским, компьютерным, жаргоном бизнесменов и др.) и литературным языком и активно используемым носителями кодифицированного языка (Крысин 2000: 32).

Набор выразительных средств современного русского языка значительно расширился, в частности за счет тюремно-лагерного жарго-

на. Живучесть жаргонных средств указанного типа обуславливается социальным составом его пользователей; это не только криминальные элементы, но и представители бизнеса, политические деятели и журналисты: *беспредел, приколы, тату, фенечка, халява, прайс «цена»*: *Некоторые крупные универсамы потихоньку уже переписывают и вывешивают новые прайсы* (Коммерсант 15.12.2014).

Очень популярен компьютерный жаргон: *клик, кликать, ник, юзер, хакер, чайник, ламер, повиснуть, зависнуть, матка* и др.

Ср. также: *бегучка* – бегущая строка; *струйник* – струйный принтер; *бутявка* (от англ. *boot*) – загрузочная дискета; *висюк* (или *висяк*) – программа, вызывающая зависание компьютера; *блинковать* (от англ. *blink*) – мигать (о световых индикаторах), *пентяшка* – процессор Pentium.

Причиной очень быстрого появления новых компьютерных слов является, конечно же, стремительное развитие самих компьютерных технологий. В условиях технологической революции каждое новое явление в этой области должно получить свое словесное обозначение, естественно, на английском языке. Зачастую компьютерные слова получают эмоциональную окраску: *утопанный* (сжатый программой архиватором), *босс* (самый главный враг в игре), *думер* (человек, играющий в игру “DOOM”), *квакать* (играть в игру “Quake”) и т.п.

Компьютерный жаргон – своеобразный символ нашего времени. Несмотря на относительную молодость компьютерной лексики, в ней можно выделить следующие основные тематические группы:

названия валюты: *бабки, юксы, баксы, гринь, зелень, зеленые, капуста*;

названия наиболее известных для широкого круга носителей русского языка понятий: *заколотить* ‘заработать деньги’, *качаться* ‘заниматься туризмом’, *попса* ‘поп-музыка’;

наименования с яркой эмоционально-экспрессивной окраской: *лоховоз* ‘об общественном виде транспорта’, *ментовоз* ‘полицейская машина’, *членовоз* ‘правительственная машина’.

В современном осетинском языке жаргонные вхождения в отличие от русского языка немногочисленны: *архуызта* ‘голубые’, *афтхарын* ‘жрать’, *бындзыта* ‘бабки, деньги’, *хацахорта* ‘воры’, *райын* ‘лаять’ в значении ‘говорить’, *цъахта* ‘доллары’, ‘зеленые’, *цасгоралдахаг* ‘жулик’.

Ср. также: *атыффнон кодтон* ‘уйти самовольно с учебных занятий’, *баксата* ‘баксы’, *хионизм* ‘блат’.

Можно сказать, что либерализация практически не влияет на словарный состав современного осетинского языка (ср. также: Гацалова 2005: 29).

Процесс демократизации обеспечивает также активность разговорно-просторечных слов, в том числе диалектных, пополняющих литературную речь и выступающих в качестве маркеров демократизма, открытости современной коммуникации.

Проникновение этой лексики в литературный язык происходит естественно, однако в этой естественности обнаруживаются мотивы предпочтения или, наоборот, отторжения, что не обусловлено языковым достоинством или несовершенством указанных источников. Известно, что очень легко проникают в стандартный лексикон заимствования и бдительность сопутствует литературному признанию диалектизмов. Тем не менее лексика говоров – одна из частей лексического потенциала. Множество диалектных слов проникло в литературный язык в 19 веке. Один из путей проникновения диалектизмов в общепотребительный язык – использование их писателями, изображающими жизнь народа, стремящимися передать местный колорит при описании русской деревни, создать яркие речевые характеристики деревенских жителей. Современные литераторы также охотно используют диалектизмы при описании деревенского быта, пейзажа, при передаче склада речи своих героев.

Новейшее время отмечено и научным интересом к диалектному богатству языка. Так, некоторые лингвисты отмечают возросший «престиж» диалектов: в частности, многие носители немецкого языка имеют привычку для придания эмоциональной окраски добавлять в свою речь на литературном языке диалектные слова или выражения; вообще в Германии принято литературно-диалектное двуязычие (Домашнев 2000: 51-62). Однако данная тема исследования представляется актуальной для иноязыковых систем, а не для системы современного русского языка.

Внутренние заимствования диалектного характера в современном русском языке немногочисленны. Приведем примеры: *близница* ‘женск. к близнец’, *драбына* ‘лестница’, *жалковать* ‘жалеть о чем-либо’, *заснежье* ‘большое количество снега’, *падь* ‘снег, идущий крупными хлопьями’, *полупинка* ‘небольшое транспортное судно’, *рушка* ‘действие по глаголу *рушатъ* – делить, кроить, резать (о пище)’, *чеплашка* ‘головной убор в виде шапочки или повязки, который надевали под платок, повойник, кокошник и т. п.’.

Иная картина в лексике современного литературного осетинского языка, куда много слов приходит из дигорского диалекта, и они, по мнению Л.Б. Гацаловой, неизбежны; использование лексем дигорского диалекта в литературном осетинском языке весьма значительно, оно способствует обогащению кодифицированной части языка, а также сближает два осетинских диалекта – иронский и дигорский, формируя их общий лексический фонд (Гацалова 2005: 23).

См., например: *имонау* ‘нежность’, *ируст* ‘эгоист’, *изазнсе* ‘рычаг, лом’, *изол* ‘далеко, далекий’, *келар* ‘циркуль’, *фыртон* ‘крупный рогатый скот’. Многозначные в дигорском диалекте слова, как правило, заимствуются только в одном значении. Например, нижеследующее слово вошло в осетинский только в первом значении: *кивдзу* – 1) низкорослый, карликовый; 2) облезлый.

Есть диалектные вхождения, заимствованные из кударского диалекта: *кери каньн* 'посиделовка с друзьями'.

Таким образом, можно сказать, что влияние демократизации и либерализации на словарный состав современного русского и осетинского языков носит разнонаправленный характер.

Закономерно возникает вопрос о том, чем объясняются столь полярные ситуации в русском и осетинском языках.

Во-первых, почему современный русский литературный язык столь «благосклонен» к жаргонным средствам номинации?

Бесспорно, что неологизм есть отражение национального менталитета, который включает в себя параметры, отражающие социально-духовный опыт каждого народа, в том числе систему ценностей, принятых у того или иного этноса. Известно также, что менталитет находит свое выражение в различных формах родного языка. В силу этого инновации являются предметом внимания этнолингвистики, психолингвистики и лингвокультурологии.

Для русского менталитета в его традиционном виде одно из главных предпочтений – приоритет нравственных категорий: Известный историк русского языка В.В. Колесов, говоря о характере предпочтений русского менталитета, утверждает, что для русского человека «всякое дело, мысль или слово ... окрашены нравственным идеалом»; отсюда «нет ничего, что не сопрягалось бы с моральным в поведении и мыслях ...; каждый результат деятельности, т.е. продукт, предмет, вещь и т.д., окрашен признаком красоты» (Колесов 2004: 123). Таким образом, жизнь русского человека всегда была нацелена на идеал хорошего жизненного начала.

К сожалению, в современных представлениях исконные предпочтения русского менталитета оказались вытесненными другими духовными установками, оказались «искривленными» под влиянием чужих ментальных категорий.

Конечно, каждой эпохе присущ свой строй языка, свой характер мышления. Своеобразие настоящего момента в состоянии русского языка можно объяснить влиянием социальных, психологических и собственно лингвистических факторов, то есть изменениями, которые произошли в нашем обществе за последние десятилетия, отсутствием в общественном сознании престижа мотивации, способствующей приобретению специальных знаний и навыков правильной, культурной речи, объективными тенденциями поступательного языкового развития. Тем не менее ненормально высокие темпы понижения литературного канона в современной русской речи свидетельствуют о том, что мы теряем наши интеллектуально-духовные гены, хранящиеся в языке. Из языка уходят доброта, ласковость, простое уважение к человеку; на первый план выдвинулись *амбициозность, брутальность, крутизна, олигархия, самодостаточность* и другие подобные нрав-

ственные «ценности». Что ж, мы, действительно, становимся беспмятными в своем историческом прошлом.

Почему современный осетинский язык, напротив, не протезирует сниженным лексическим средствам коммуникации? Отвечая на данный вопрос, отметим следующее.

На формирование менталитета влияют многие факторы, в том числе историческое прошлое народа. Как утверждает Р.Т. Кучиев, в отличие от других народов Северного Кавказа, приверженных старому, патриархальному укладу жизни, осетины смогли сохранить свой язык, культуру, религию, традиции почти в первозданном виде, чему во многом способствовала длительная изоляция народа в горах после опустошительных набегов монголо-татар и орд Тимура; и сегодня осетины, в пределах возможного, бережно хранят духовно-нравственное наследие предков (Кучиев 2010).

Это достояние включало в себя в числе прочих заповедей строго регламентированные правила речевой коммуникации: осуждалась торопливая громкая речь, считался недопустимым азартный разговор; беседа всегда протекала плавно, без резких оборотов, грубости или вульгарности.

Указанные отрицательные речевые характеристики как раз воплощают сниженные лексические единицы, и в первую очередь жаргонные средства коммуникации. В свое время еще Б.А. Ларин доказал, что, если слово доходит до предела эвфемизма, оно омертвляется; так происходит и в жаргоне, где перевернуты мораль и ценности. Таким образом, закрытость осетинского языка для жаргонной, тем более арготической лексики, объясняется этнокультурологическими факторами, исторически присущими осетинскому этносу.

Во-вторых, чем объясняется весьма сдержанное отношение современного русского языка к диалектному влиянию и явная благосклонность к данному участку лексической периферии со стороны современного осетинского языка?

Причины того, что русский литературный язык подчиняет себе диалекты, приводя их к нивелировке и постепенному отмиранию, – в идеологии тоталитарного государства, когда все проявления материальной и духовной жизни русской деревни объявлялись пережитками прошлого; в результате во многом была утрачена традиционная культура крестьянства, что коснулось и языка, для которого в настоящее время диалекты как его лексический потенциал не актуальны.

Традиционная основа жизнедеятельности, унаследованная от предков и в значительной степени сохранившая свое воздействие на сегодняшнее мировосприятие осетин, во многом определяет стереотипы сегодняшнего сознания и поведения, в том числе речевого поведения и языкового вкуса. В этом отношении именно дигорский диалект, влияние которого значительно, особенно благодатен, как аккумуля-

мулирующий в себе наиболее древние словарный фонд и языковые формы.

Таким образом, несмотря на протекающую в современном мире глобализацию языков, которая способствует исчезновению исконного своеобразия, не все языки поддаются в одинаковой степени негативному влиянию указанного процесса: если современный русский язык «благосклонен» к процессу либерализации, то современный осетинский язык, напротив, пытается сохранить традиционный языковой вкус. Несомненно, однако, что рассматриваемый вопрос связан с определенными ментальными характеристиками восприятия человеком окружающей действительности и своеобразным преломлением этой действительности в структуре языка.

Литература

Валгина, Н.С. Активные процессы в современном русском языке. – М.: Логос, 2003. 304 с.

Гацалова, Л.Б. Неология как наука в общей парадигме современного языкознания (на материале русского и осетинского языков) : Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Нальчик, 2005. 39 с.

Домашнев, А.И., Копчук, Л.Т. Особенности диалектно-литературного взаимодействия в национальных вариантах немецкого языка // Лексика и лексикография. – М., 2000. Вып. 11. С. 51-62.

Захватаева, К.С. Английские заимствования в современном русском языке: семантический аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / К. С. Захватаева; Южный Федеральный университет. – Ростов-на-Дону, 2013. 22 с.

Колесов, В.В. Язык и ментальность. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 240 с.

Костомаров, В.Г. Языковой вкус эпохи. – М.: Златоуст, 1999. 280 с.

Крысин, Л.П. Русский литературный язык на рубеже веков // Русская речь. 2000. №1. С. 28-40.

Кучиев, Р. Традиционные осетинские нормы поведения (Эл. ресурс): Режим доступа: ossetians.com>rus/news.php?newsid=684

Сенько, Е.В. Неологизация в современном русском языке: Монография. – СПб.: Наука, 2007. 355 с.

Тибилова, М.И. Аббревиатуры – инновации: структурно-описательный и лингвопрагматический аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Астрахань, 2011. 22 с.

Summary. The process of democratization and liberalization of the language is an important trend in modern linguistic situation. The aim of the article is to compare non-literary occurrences in modern Russian and modern Ossetian locale and to explain existing polar situation. In spite of modern globalization of languages, not all languages are affected to it to the same extent. If the modern Russian is more prone to the process of liberalization, the modern Ossetian language, on the contrary, is trying to keep the traditional language taste.

Key words: linguistic situation, democratization and liberalization of the language, Russian, Ossetian, criminal jargon, computer jargon, dialect.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСЕМ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ОДЕЖДА» (ПО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА)

Т.К. Бардина

Россия, г. Астрахань, Астраханский государственный университет
bardina-tatjana@mail.ru

Лексика любого языка – это ценнейшее лингвистическое и культурологическое наследие, в котором отражается национальное видение мира, национальная культура и быт, обычаи и верования, история народа. Именно поэтому в современной лингвистике не ослабевает интерес к исследованию определённых пластов лексики, к выявлению источников новых языковых единиц и их научному описанию с позиции истории формирования и эволюции, устойчивости и изменчивости, а также лингвокультурологической характеристики.

Одним из важнейших атрибутов существования социума является одежда, поэтому лексика, обслуживающая эту сферу жизни, находится в постоянной динамике и занимает центральное место в тезаурусе носителей языка, формируя функционально-семантическое поле «одежда» в русском языке.

Семантические поля – компоненты языковой картины мира, которые представляют собой лексико-семантические группировки слов (парадигмы) в русском языке с учетом его культурного и национального своеобразия. Вслед за профессором Н.Ф. Алефиренко под лексико-семантическим полем мы понимаем иерархически организованную систему лексических единиц, «объединенных общим (инвариантным) значением и представляющих в языке определенную понятийную сферу» (Алефиренко 1998: 290). Обоснованность данного положения подтверждается тем, что современную лексику сферы «одежда» можно рассмотреть лишь в комплексе ее функционально-семантических и лингвокультурологических характеристик.

Обратимся к фрагментам из золотого фонда русской классики XIX века и попытаемся выявить историко-культурный смысл, включённый в конкретное название одежды, помогающий глубже проникнуть в авторский замысел, понять особенности авторской стилистики и психологическую суть изображаемых персонажей.

Количество лексем, объединенных общей темой «одежда», достаточно велико, большинство из них вышло из активного употребления уже к началу XX века (а некоторые и раньше). Изучение этого пласта лексики важно не только для понимания многих художественных текстов русской литературы, но и для сохранения исторической языковой памяти современного человека.

Язык непрерывно развивается, при этом отдельные слова устаревают и становятся непонятными или малопонятными даже в контексте. Обращаясь к А.С. Пушкину или Н.В. Гоголю, Ф.М. Достоевскому или А.П. Чехову, мы, в сущности, не видим многого из того, что

было важным для писателя и было понятным его современниками без малейшего усилия. Сложны для понимания как особенности описываемой эпохи, ее законы и приметы, так и отдельные слова и понятия, исчезнувшие из обихода или изменившие свою семантику или функциональную нагрузку. Одежда – самый тонкий, верный и безошибочный показатель отличительных признаков общества, маленькая частица человека, страны, народа, образа жизни, мыслей, занятий, профессий. Многие, что связано с одеждой XIX столетия, ушло из нашей повседневной жизни. Исчезли из обихода даже слова, обозначавшие старинные одежды и ткани.

По сравнению с другими видами искусства одежда обладает ещё одним важным выразительным преимуществом – возможностью широко и мгновенно реагировать на все происходящие события. В литературных произведениях зафиксированы все изменения моды, все этапы развития текстильного производства XIX века. Разумеется, материал данной статьи не может охватить полноты всей сферы использования названий одежды в художественных текстах. Тем не менее, в ходе количественного анализа некоторых литературных произведений было установлено, что, например, А.С. Пушкин в романе «Евгений Онегин» использовал около тринадцати наименований одежды: *боа, боливар, жилет, корсет, панталоны, плащ, сорочка, телогрейка, тулуп, фрак, фуфайка, халат, шлафор*. М.Ю. Лермонтов в романе «Герой нашего времени» употребил около девятнадцати наименований одежды: *амазонки, бешмет, бурка, венгерка, жилет, кафтан, мундир, сюртук, фрак, чадра, шаль, шинель, юбка и т.д.* Н.В. Гоголь применил в текстах своего сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки» около двадцати шести наименований, среди которых: *балахон, жилет, жупан, кофта, кафтан, салоп, свитка, сорочка, тулуп, халат, шаровары и т.д.* Этот подсчёт даёт возможность говорить о том, что большее разнообразие видов одежды определяет локальность народного костюма тех областей, где происходят события произведений. Так, известно, что М.Ю. Лермонтов хорошо знал и любил Кавказ, поэтому большая часть его произведений посвящена ему. У Н.В. Гоголя – это колорит украинской темы, а поскольку народный костюм является непременным элементом художественной культуры, невозможно рассказывать о каком-либо народе, не затрагивая этот пласт культуры.

Изучив тексты классической литературы, мы пришли к выводу, что самая важная и заметная деталь мужского туалета героев произведений, надеваемая на плечи, именовалась *кафтаном*, а вовсе не *камзол*, как это можно прочесть у многих современных литераторов. *Камзол* надевался под *кафтан*, то была, как правило, безрукавка наподобие современного жилета, но длиннее; в камзоле без кафтана или фрака в свет не выезжали. Вспомним, что в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина Гринёв и Швабрин перед дуэлью «сняли мундиры,

остались в одних камзолах» (Пушкин 1986: 252). В камзолах драться на шпагах было гораздо удобнее.

Любопытно, что когда с Петром I из Западной Европы пришло верхнее одеяние, то, недолго думая, его назвали не на европейский манер (французским «роб» или немецким «рокк»), а привычным русским словом «кафтан», хотя это был кроенный в талию всё же европейский кафтан, расшитый и нарядный, из бархата или плотного шелка, сильно отличавшийся от русского кафтана – просторного, долгополого одеяния, которое до самого XX века можно было видеть на крестьянах, купцах, ямщиках. Таким образом, кафтан четко разделялся по виду, покрою и ткани на западноевропейский и русский.

Вообще русский костюм развивался по двум линиям: костюм народный, дошедший из глубины веков, который видоизменялся очень медленно, и костюм имущих классов общества.

Городская мода не только меняла фасоны, но и вводила в обиход новые предметы туалета, с непривычными на первых порах названиями. Чаще всего они приходили в Россию с Запада, реже – с Востока. Западноевропейский костюм влиял на народный, постепенно вытеснял национальную одежду, а к нашим дням почти совершенно вытеснил ее, даже в деревнях.

1800-е годы, словно считаясь с календарным началом века, быстро изменили городскую моду: парики, немецкие кафтаны и штаны с пряжками продолжали носить только старцы вроде князя Николая Болконского в «Войне и мире» или князя Тугоуховского в «Горе от ума». Правда, «екатерининские костюмы» долго еще оставались парадной форменной одеждой придворных, но смотрелись они уже как условный, театральный реквизит.

подавляющее большинство дворян облачилось во фраки, жилеты и длинные панталоны. Пушкин в «Евгении Онегине» отмечает:

Но панталоны, фрак, жилет,

Всех этих слов на русском нет (Пушкин 1986: 196).

Сами предметы и их названия пришли из Франции. *Фраки*, впоследствии ставшие только черными, в то время были разноцветными и до середины XIX века служили самым обычным одеянием имущих горожан. Чичиков предстает перед нами вначале «во фраке брусничного цвета с искрой», затем, во второй части романа, «во фраке наваринского пламени с дымом», то есть красновато-коричневом. У Собакевича, в соответствии с его внешностью, фрак «медвежьего цвета». Черный фрак был костюмом выходным – для визитов, посещения клуба или театра. Прийти в гости не во фраке значило оскорбить хозяев. Даже мундиры на офицерах, вицмундиры на чиновниках (непременная их форменная одежда), ливреи на лакеях шились фракного покроя.

В середине XIX века фрак постепенно стал вытесняться *сюртуком* (одно время писалось «сертук») – одеждой без выема спереди и длинных фалд сзади. Со временем сюртук становился все более про-

сторным и долгополым, напоминая современное пальто. Тургеневских и толстовских героев мы чаще всего видим в сюртуках, только в торжественных случаях они облачаются во фрак.

Разновидностью сюртука была *визитка* – некий гибрид сюртука и фрака, однобортный, с круглыми фалдами, черного или, во всяком случае, темного цвета. Молодые герои А.П. Чехова, нанося визиты, часто облачались в визитки. Иногда же визитка называлась жакеткой, хотя жакетку мы привыкли считать предметом женского туалета. В жакетке ходит Свидригайлов в «Преступлении и наказании» Ф.М. Достоевского.

С уверенностью можно сказать, что названия одежды имеют способность вызывать в сознании человека чувственные образы литературных героев, реализуя, таким образом не только номинативную функцию, но и когнитивную, то есть функцию познания художественной ценности текста и в целом окружающей действительности.

Попробуем проанализировать небольшой фрагмент из известного произведения Н.В. Гоголя «Мертвые души», чтобы понять, что может дать читателю знание об одежде XIX века для максимального приближения к авторскому замыслу, для наиболее полноценного восприятия художественного текста: *Ухватливый и ловкий детина лет семнадцати, в красивой рубашке из розовой ксандрейки, принес и поставил перед ними графины <...> В деревне их народ одевался особенно щеголевато; кички у женщин все были в золоте, а рукава на рубашках – точные коймы турецкой шали* (Гоголь 1987: 611-612).

Попробуем ответить на вопрос: могла ли рубашка из розовой ксандрейки быть названа красивой? Скорее всего, Гоголь знал, что александрейка, александрийка, александровка, ксандрейка, ксандровка – хлопчатобумажная ткань ярко-красного цвета. Розовый оттенок мог означать, что она была выгоревшей или застиранной, и определение «красивая» могло иметь только иронический смысл. Ирония заметна и в сочетаниях «*кички в золоте*» и «*коймы турецкой шали*» на крестьянских рубашках. Кичка, или кика, – старинный русский головной убор замужней женщины. Орнаментация кички, её цветовая гамма, давала представление о возрасте женщины и месте её рождения. Обычно её украшали вышивкой с добавлением блесток и бисера, использовали рубленый перламутр и речной жемчуг, цветной жемчуг и камни. Но такая кичка стоила необычайно дорого. Поэтому об особой щеголеватости народа в платоновской деревеньке Н.В. Гоголь говорит с сарказмом, так как при общей нищете «*кички все в золоте*» были невозможны. Конечно, праздничные и обрядовые уборы тщательно сохранялись и передавались по наследству, но гораздо чаще украшениями служили подвески из шерстяных ниток, ярко окрашенных перьев диких и домашних птиц. И это выражение могло вызвать у первых читателей поэмы только горький смех.

Важной частью русской одежды была *рубаха*, или *рубашка*. Как правило, рубаха имела красочный, изысканный орнамент, который у наших предков выполнял, в первую очередь, функцию защиты от злых духов, а уж потом эстетическую. Именно поэтому вышивка украшала края рукавов, ворот, подол, то есть те места, которые открывали доступ темных сил к человеку. Содержание орнамента, его колорит имели региональные различия, поэтому никаким образом не могли повторять «*коймы турецких шалей*».

Детали одежды во все времена – одно из важнейших средств характеристики литературных персонажей. У некоторых писателей существуют излюбленные детали одежды, которые мы встречаем на страницах их произведений и которые стали их визитной карточкой. Яркий пример использования в художественной литературе вида одежды, как символа – заячий тулуп в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина.

Заячий тулуп в тексте произведения упоминается неоднократно, и его наименование меняется в зависимости от ситуации, в которую попадает герой повести. В ситуации первой Гринев именуется вещь, которую дарит, нейтрально – «*заячий тулуп*», вожатый же социально окрашивает – «*шуба с барского плеча*». А Савельич – «*барский тулупчик мал*», обращаясь к Пугачёву, «*заячий тулуп совсем новешенький*» – к Гриневу. Все персонажи принадлежат к разным социальным слоям, и поэтому тулуп в их видении приобретает разную значимость.

Второй раз тулуп появляется, когда Савельич подает Пугачёву перечень украденных вещей, среди которых значится и заячий тулуп. Третий раз злополучный тулуп появляется, когда Гринев и Пугачёв готовятся отъезжать в Белогорскую крепость. Пушкин вводит в ход событий *тулуп* не случайно, а чтобы сблизить Гринева и Пугачёва, давая повод для их дальнейших отношений. Теперь необходимо выяснить, почему тулуп *заячий*, а не овчинный или беличий.

Заяц в русском фольклоре и мифологии – животное, наделяемое в народных представлениях демоническими свойствами. Заяц тесно связан с нечистой силой. Согласно некоторым поверьям, заяц создан чертом и служит ему. Известны былички о зайце-оборотне. Говорят, что часто заяц «оказывается оборотнем-посредником между миром человека и миром нечистой силы» (Гура 1979: 225). Эта заячья функция посредника странным образом переходит и к *заячьему тулупу*. Ведь именно тулуп (не в качестве одежды, конечно, и не как подарок, но как знак) открывает Гриневу путь к Пугачёву. «Зная все стороны человеческой природы, свой народ и русский фольклор, Пушкин и создал образ заячьего тулупа» (Оксман 1984: 193).

Попробуем рассмотреть, как писатель посредством одного и того же вида одежды, а именно, *платья*, может создавать разные по своей натуре характеры и судьбы своих героинь. Русская литература даёт различные ответы на вопрос о скрытом смысле платья.

Неповторимые женские литературные образы Л.Н. Толстого Анна Каренина, Наташа Ростова, Элен Безухова и др. носят эту одежду, следуя изменениям и капризам моды того времени. Эти героини очень разные, у каждой из них свой жизненный путь, своя судьба. Через описание одежды Толстой очень тонко и умело сумел передать их образы.

На свой первый бал Наташа Ростова едет в бело-розовом платье. Розовый – это необычайно жизненный цвет, свидетельствующий о потребности в любви и доброте. Те, кому он нравится, способны разволноваться от любой мелочи. Он вызывает неприятие только у тех, кто лишен сентиментальности. И неслучайно для платья Наташи Толстой выбрал именно его. Цвет платья раскрывает её характер. Выросшая в любящей семье, Наташа привыкла к обожанию, искреннему проявлению чувств, она не умеет сдерживать эмоции, прелесть её в том, что она естественна: огорчается и смеётся до слез, готова любить весь мир, не видя плохих черт в людях. Она наделена естественными природными качествами: интуитивным тяготением к «красоте, добру и правде».

Обратимся к другой героине Л.Н. Толстого – Анне Карениной из одноименного романа. Кити Щербацкая была уверена, что Анна Каренина придёт на бал в лиловом. Но Анна появляется на балу не в лиловом, а в черном, обшитом венецианском гипюром бархатном платье. Анна в черном на праздничном балу – не случайность. Платье – только рамка, из которой выступает греховное великолепие цветущей женственности Анны. И эти маленькие цветочки и кружева – красивое дополнение к платью. Если бы она была просто в чёрном платье, то выглядела бы прозаично и неинтересно. Но платье изысканно украшено, подчёркивая прелесть и красоту Анны. Но даже юная Кити чувствует что-то ужасное в ее прелести.

Платье было чёрного цвета, а не лиловое, как ждал читатель. Как у любого другого писателя, у Толстого имеются свои любимые эпитеты, часто неоднократно применяемые в произведениях на протяжении всего творчества. Чрезвычайно любопытным примером эпитета, преследовавшего Толстого в течение всей его жизни, был «лиловый». Этот цвет пленительно действовал на него, и почти в каждом своем произведении Толстой окрашивал им самые разнообразные предметы, начиная от людей и кончая полевыми цветами. В «Анне Карениной» этот эпитет мы тоже, конечно, встречаем. *«Во время бала Анна была не в лиловом, как того непременно хотела Кити, а в черном»* (ч. 1, гл. 22). *«Кити видела каждый день Анну, была влюблена в нее и представляла ее непременно в лиловом»* (там же, гл. 22). *«Что это Мари в лиловом, точно черное, на свадьбу», – говорила Корсунская»* (ч. 5, гл. 5).

Подобно Кити, и жена Л.Н. Толстого в первые годы после замужества любила носить лиловые платья, особенно нравившиеся ему. В письме к жене в декабре 1864г. Толстой вспоминал, как он делал предложение и как она тогда была одета: «...я ужинал перед столом на

том самом месте, на котором ты меня ждала, когда я сделал тебе предложение, и так живо я это вспомнил. Я так живо вспомнил и твое испуганное лицо, и твое платье лиловое» (Кирсанов 1989: 37).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что *лиловый* был у Толстого одним из любимых цветов, к тому же он отражает некую автобиографичность писателя. Для Толстого, обладающего тонким психологическим умением рисовать портреты своих героев, цвет играет особую роль, ибо он, как никакое другое изобразительное средство, способен точно и ёмко передать особенности характера, эмоции и переживания своих героинь.

Такое отношение к одежде характерно для Толстого. Писатель точно передаёт колорит эпохи, описание одежды в романе часто сопровождается словами «*одетый по моде*». Мастерство писателя проявилось в том числе и в том, что ему не было необходимости вводить в текст полное развёрнутое описание костюма, чтобы в полной мере изобразить личность того или иного героя. Внешняя характеристика оказывается более важной, поскольку большой объём романа и протяжённость во времени требовали ярких запоминающихся деталей, позволяющих читателю узнать, выделить тот или иной персонаж.

Литература

Алефиренко, Н.Ф. Теория языка. Введение в общее языкознание: учеб. пособие для студ. филол. спец. – Волгоград: Перемена, 1998. 440 с.

Гоголь, Н.В. Избранные сочинения. – М.: Худ. Литература, 1987. 703 с.

Гура, А.В. Символика зайца в славянском обрядовом и песенном фольклоре: Славянский и балканский фольклор. – М.: Просвещение, 1979. 442 с.

Кирсанов, Р.М. Розовая ксандрейка и драдедамовый платок: Костюм – вещь и образ в русской литературе 19 века. – М.: Книга, 1989. 358 с.

Оксман, Ю.Г. Пушкин в работе над романом «Капитанская дочка»: отв. ред. Г.П. Макагоненко – Л., 1984. 196 с.

Пушкин, А.С. Сочинения в 3-х томах. – М.: Худ. Литература, Т. 2, Т. 3. 527 с.

Толстой, Л.Н. Анна Каренина: роман в восьми частях. – Л.: Худ. Литература, 1967. 472 с.

Summary: The article considers functional, semantic and linguocultural characteristics of the lexical units combined by general topic “clothes”.

Key words: cultural linguistics, functional and semantic field, linguistic worldview, thesaurus, cognitive functions.

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Р.Х. Хайруллина

Россия, г. Уфа, Башкирский государственный педагогический университет
им. М.Акмуллы
rajhan@mail.ru

Выявление специфики языкового мировидения народа, как отмечается в современных исследованиях, посвященных разным аспектам изучения картины мира в языке, невозможно без сопоставления и

сравнения языковых картин мира разных народов. Как справедливо отмечает В.А. Маслова, «языковая картина мира отчасти универсальна, отчасти национально специфична. Поэтому осознать ее национальную специфику можно лишь при сопоставлении картин мира разных народов» (Маслова 2007: 225).

Сопоставительный аспект изучения языков связан с выявлением универсального и национально своеобразного в структуре и содержании языковых картин мира, с характеристикой их типологических особенностей. Причем, осознание и выявление различий в языковом сознании разных народов, по мнению Л.С. Выготского, предполагает более низкую степень развития способности к обобщению и концептуализации, нежели осознание и выявление сходства. Это связано с тем, что межэтнические различия лежат как бы на поверхности и легко осознаются на уровне обыденного сознания. Поэтому выявление различий по силам любому носителю языка, владеющему хотя бы одним иностранным языком. А сходство миропонимания, отражая глубокие процессы познания мира человеком, могут быть выявлены лишь в результате кросскультурного анализа языкового сознания разных народов.

Современные социокультурные условия коммуникативных процессов (дву- и многоязычие, взаимодействие языков в процессе межкультурной коммуникации) накладывают свой отпечаток и на тенденции развития компаративистики. В современной науке проблемы сопоставительного изучения языков рассматриваются, наряду с другими аспектами, в рамках лингвистики межкультурной коммуникации, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, философии языка. Изучение языка человека как универсального феномена и национальных языков как систем национального языкового миропонимания и миропонимания тесно связано с формированием у носителей языков толерантности, с пониманием равноценности родного и «чужих» языков в жизни мирового социума.

«Поиск новых путей исследования, – пишет Н.В. Уфимцева, – привел к формированию представлений о межкультурной онтологии анализа этнических сознаний, когда образы сознания одной этнической культуры анализируются в процессе контрастивного сопоставления с образами сознания другой культуры» (Уфимцева 2000: 5). В связи с этим большое значение в исследовании разных языковых единиц, и в первую очередь лексики и фразеологии, приобретают лингвокогнитивные и лингвокультурологические подходы.

В последние годы общие вопросы сопоставительного изучения языков (включая фразеологию) в указанных аспектах представлены в трудах Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, Н.Ф.Алефиренко, А. Вежбицкой, В.В. Воробьева, В.В. Красных, С.Г. Тер-Минасовой, Е.В. Урысон, Л.К. Байрамовой, З.К. Дербишевой, Р.Х.Хайруллиной и многих других. Большой интерес вызывают работы В.В. Мокиенко, В.Н. Телия,

Э.М. Солодухо, Ю.П. Солодуба, изучающих особенности русской фразеологической картины мира в сопоставлении с картиной мира других народов как системой национального миропонимания.

Сопоставительный анализ фразеологии разных языков ставит более сложную цель, чем анализ лексики, – это, прежде всего, выявление специфики фразообразования и системы национальных фразеологических образов. «Одним из наиболее эффективных приемов сопоставительного анализа фразеологических систем различных языков, – пишет Д.О. Добровольский, – является сегодня, по мнению большинства ведущих фразеологов, фразеобразовательное моделирование» (Добровольский 1990: 5).

Основой для формирования универсальных моделей во фразеологии выступает, в первую очередь, грамматический строй языка, отражающий логику осмысления объективного мира. Например, в русском и во многих других языках фразеологизмы по грамматической структуре – это предложения и разные типы сочинительных и подчинительных словосочетаний, реже – словоформы: *Бабушка надвое сказала; Было да былем поросло; Хоть караул кричи; Обжегшись на молоке, дуть на воду; По горло; Через пень-колоду* и др. Но типы связи слов в этих сочетаниях различаются, особенно в разноструктурных языках. И чем ближе родство языков, тем больше сходства в строении и грамматических типах связи между словами.

Изучение фразеологических образов в лингвокогнитивном и лингвокультурологическом аспектах связано, прежде всего, с компонентным составом устойчивых единиц. Выступая «строительным материалом» фразеологизмов в структурном отношении, лексемы определяют – прямо или опосредованно – его сначала буквальную, а затем образную семантику. Известно, что фразеологический и паремиологический фонды языка выступают интерпретационным полем для культурных концептов. В составе устойчивых оборотов может использоваться концептуально маркированная и концептуально немаркированная лексика. Важным является сам факт закрепления опыта практической жизнедеятельности народа во фразеологии, что обуславливает тематический отбор компонентов фразеологизмов. Так, часто в качестве компонентов фразеологизмов используются наименования бытовых реалий, видов продуктов, растительного и животного мира и т.д.

Фразеологический образ всегда, по нашему мнению, связан со словом как компонентом фразеологизма. Например, *Где был – там и наследил, Не осталось и следа, Замести следы, Запутывать следы, След в след, Оставить след* – в составе этих фразеологизмов нет культурно-маркированных компонентов, но они тем не менее имеют ярко выраженную национальную специфику. «Значение слова само по себе не есть «вместилище знаний», а лишь форма презентации и актуального удержания знания в индивидуальном сознании», – пишет Ю.А. Сорокин (Сорокин 1998: 27).

Сопоставительный лингвокультурологический анализ фразеологии достаточно детально разработан в отечественной фразеологии – в трудах В.М. Мокиенко, Д.О. Добровольского, Ю.П. Солодуба, Э.М. Солодухо, Р.Х. Хайруллиной и других. Для выявления системы национального миропонимания во фразеологии используются два приема: подбор фразеологических эквивалентов в разных языках и выявление их общей логико-семиотической формулы в ходе фразеологического моделирования. Особый анализ требуется для безэквивалентной фразеологии, поскольку в таких единицах отсутствует универсальная стереотипизация опыта познания и ярче отражается самобытность культуры народа, носителя языка.

Наиболее интересной для сопоставительного лингвокультурологического анализа фразеологии, на наш взгляд, является методика Ю.П.Солодуба, по которой универсальный характер и национальное своеобразие фразеологизмов выявляются в ходе определения межъязыковых фразеологических параллелей (МФП) (Солодуб, 1988). В данной методике фразеологизмы рассматриваются как сложные образные по смыслу и по морфологической структуре единицы.

Согласно концепции Ю.П. Солодуба, в результате анализа семантики и структуры устойчивых оборотов языков можно выделить четыре типа межъязыковых параллелей. Это межъязыковые фразеологические эквиваленты (МФЭ), которые отражают тождество формы и содержания и соответственно – системы образов, получивших закрепление во фразеологии сопоставляемых языков. Межъязыковые фразеосемантические соответствия (МФС) отражают лишь близость образной интерпретации действительности во фразеологии, они восходят к универсальной логико-семиотической формуле, или общему логическому основанию в описании ситуации, свойств, качеств и действий предметов и т.д. Общечеловеческие особенности миропонимания находят различное языковое выражение в силу специфики национального мировидения.

В МФЭ объединяются 4 типа фразеологизмов:

МФЭ-I – фразеологизмы с полным однозначным соответствием единиц лексического и грамматического плана;

МФЭ-II – фразеологизмы с отсутствием полного однозначного соответствия единиц лексического плана;

МФЭ-III – фразеологизмы с отсутствием однозначного соответствия единиц грамматического уровня;

МФЭ-IV – единицы смешанного типа.

В МФС объединяются 2 типа фразеологических оборотов:

1. МФС-I – фразеологизмы, характеризующиеся сходством образно-мотивационных основ, что обусловлено одинаковой образной интерпретацией реалий окружающего мира.

2. МФС-II – фразеологизмы, в основе семантики которых лежит общая логико-семиотическая формула, реализованная в значениях ФО посредством разных образов.

Если типы МФЭ отличается сопоставимостью как структурно-грамматической организации устойчивых оборотов, так и их семантики в разноструктурных языках, то МФС закрепляют лишь сходные или общие логические основания в семантической основе фразеологического образа.

Когнитивные подходы к изучению фразеологии разработаны в трудах крупного теоретика фразеологии в современной лингвистике Н.Ф. Алефиренко. Он рассматривает изучение фразеологии как результат познания мира и духовной активности человека и связывает его с понятиями *картина мира*, *глобальный образ мира*. Он пишет: «...субъективные образы окружающей человека действительности, оставаясь образом реального мира, непременно подвергаются косвенно-производной семиотизации, объективируя продукты метафорического мышления косвенно-производными языковыми знаками, семантика которых, не будучи зеркальным отражением реальности, творчески ее интерпретирует и после такой герменевтической обработки вводит уже в сложившуюся систему мировосприятия» (Алефиренко 2010: 21-22).

Таким образом, лингвокогнитивный и лингвокультурологический анализ фразеологизмов из разных языков содержит следующие исследовательские приемы:

- сопоставление буквального и образно-переносного значения устойчивых единиц;
- анализ источников мотивации образного значения (образ жизни, быт, промыслы, традиции и обычаи, животный и растительный мир, верования и т.д.);
- характеристика культурных концептов, для которых фразеологизм является частью интерпретационного поля;
- определение типа межъязыковых фразеологических параллелей;
- выявление общей (универсальной) логико-семиотической формулы в семантике устойчивых единиц.

Приведем примеры такого анализа фразеологизмов на материале русского, английского, турецкого и башкирского языков.

Фразеологизмы, полностью или частично эквивалентные по структуре и семантике, обычно отражают универсальный характер познания и закрепления этого опыта во фразеологии.

Например: *Капля в море* – англ. *A drop in the bucket* (букв. Капля в ведре), турецк. *Denizde bir dalma* (букв. В море одна капля); башк. *дингезе бер тамсы* (букв. в море одна капля); *Отложить на черный день* – англ. *To lay by for a rainy day* (букв. Отложить на дождливый день), *Как с гуся вода* – англ. *Like water off duck's back* (букв. Как вода со спины утки); *Не зная броду, не лезь в воду* – турецк. *Karviz kabudunu görmeden denize girme* (букв. не видевший даже корки арбуза не лезет в море), *Утопающий за соломинку хватается* –

Denize dusen yilana sarilir (букв. утопающий в море змеей будет извиваться, то есть стараться плыть).

Как видно из примеров, в таких фразеологизмах имеет место сходное осмысление реалий окружающего мира, стереотипизация одинаковых жизненных ситуаций, идентичная положительная или отрицательная оценка явлений и событий.

Наибольший интерес представляют для сопоставительного анализа фразеологизмы с разными образными основаниями, поскольку именно они отражают специфику национального мировидения.

Например: турецк. *Suyun yavas akanindan kork* (букв. Бойся спокойной воды) – *В тихом омуте черти водятся*; англ. *As welcome as water in one's shoes* (букв. Приветствуется как вода в чьих-л. туфлях) – *Как мертвому припарки*; *Between the devil and the deep sea* (букв. Между дьяволом и глубоким морем) – *Меж двух огней*; турецк. *Buyuk cesmeden su icme* (букв. Не пей воду из колодца для важных людей) – *Всяк сверчок знай свой шесток*; *Ucuz etin suyu tatsiz olur* (букв. Из дешевого мяса бульон бывает бесвкусным) – *Дорого да мило, дешево да гнило*; *Suyu gormeden rascalari sivamak* (букв. Не увидев воду, штанины подворачивать) – *Не кажи гоп, пока не перепрыгнул*; англ. *Follow the river and you'll get to the sea* (букв. Следуя по реке, до моря дойдешь) – *По нитке до клубка дойдешь*; турецк. *Denizden gecir cauda bogulmak* (букв. Переплыв море, в речушке утонуть) – *Собаку съел, а хвостом подавился*.

Из примеров наглядно видно, что фразеологизмы в разных языках отражают не только актуализацию определенных реалий, ситуаций, качеств, поступков и т.д. конкретным народом, но и передают опыт познания мира в типичной для этого народа жизненной обстановке. Несмотря на разные фразеологические образы, получившие выражение в составе фразеологизма, можно говорить об универсалиях познания, заложенных в глубинной семантической структуре оборота, или об общей логико-семиотической формуле (термин Ю.П. Солодуба), характеризующей фразеологизмы в разных языках. Так, общностью восприятия отмечаются *тихий омут* и *спокойная вода*, *дешевое мясо* и вообще *что-либо дешевое*, *река*, *впадающая в море* и *нитка клубка*. Когнитивный анализ такой глубинной семантики фразеологизмов с разными образными основаниями позволяет говорить об универсальности самого процесса познания окружающего мира и процесса вербализации этого опыта разными народами.

Специфику национального мировидения выражают так называемые лакунарные (или безэквивалентные) фразеологические единицы. Именно в их образной системе заключается уникальный опыт познания народа, который имеет свою историю и культуру, свою систему этических и духовных ценностей, свой менталитет. Такие фразеологизмы обычно передаются на другие языки описательно, с

использованием нефразеологических видов перевода. Но можно отметить, что даже такие фразеологизмы в отдельных случаях могут быть буквально переведены на другой язык и адекватно поняты носителями других языков. Это происходит благодаря тому, что ситуации, получившие закрепление в лакунарных фразеологизмах, известны им, но в силу культурных традиций народа не получили вербального выражения в собственном языке. Такие безэквивалентные фразеологизмы ярко отражают менталитет, образ жизни народа, носителя языка.

Например: в русском языке это фразеологизмы *Не плюй в колодец – пригодится воды напиться; Поводился кувшин по воду ходить – там ему и голову сложить; Ума за морем не купишь; Море ветром, народ слухом волнуется; Молва – что волна: расходится шумно, а утишится – нет ничего; Простор богатому, как щуке в воде; Мирская молва, что морская волна; В народе, что в туче: в грозу все наружу выйдет; Капля по капле и камень долбит; Решетом воду мерять – потерять время; Ума за морем не купишь, коли его дома нет; Краденое богатство исчезает, как лед тает; Покой пьет воду, а беспокойство – мед; Лакома кошка до рыбки, да в воду лезть не хочется; Чтобы рыбку съест, надо в воду лезть, Воды жалеть – кашу не сварить, Свадьба скорая – что вода полая, Утопший пить не просит, Под лежащий камень вода не бежит* и др.

В каждом конкретном языке безэквивалентные фразеологические единицы группируются в разные тематические группы, указывающие на актуальность той или иной сферы деятельности народа, ценностных установок. Так, для башкирского народа являются большой духовной ценностью правила гостеприимства и потому в башкирском языке большое количество безэквивалентных фразеологизмов, закрепивших сведения о правилах этикета, гостеприимства, ремеслах и промыслах башкир.

Например: *Ай колакланыуы* (месяц стал ушастым) – фаза луны, согласно которой велось хозяйство; *ала кар* (букв. Пятнистый снег) – проталины весной на снегу; *буран уйнай* (букв. буран играет) – шуметь, ругаться; *буран сызарыу* (букв. начался буран) – шуметь; *бәбәк ярыу* (букв. почки разбить) – начаться, видеть начало чего-л.; *Дөбөрзө биреу* (б. дать заднюю часть туши, дөбөр арабск. – круп, задняя часть туши) – увлечься чем-то с головой; *дуза менән бесән сабыу* (букв. косить сено дугой) – 1. Просить сено у людей зимой вместо того, чтобы летом его заготовливать самому. 2. Говорить неясно, невпопад; *егет корона кереу* (букв. войти/пополнить круг джигитов) – стать взрослым, возмужать, стать взрослым мужчиной; *Ат башынан алыу* (букв. брать за голову коня) – очень гостеприимно встречать гостей, встречать прямо с порога, на улице; *ашын биреп, кашын биреп* (букв. давая еду, давая бровь) – очень гостеприимно, приветливо (встречать кого-либо); *биле ер күрмәгән* (букв. его поясница не видела земли) – о непобедимым борце в состязаниях и др.

Таким образом, приемы сопоставительного лингвокультурологического и лингвокогнитивного анализа фразеологизмов могут быть различными, но все они преследуют цель выявить отраженную средствами фразеологии связь языка и культуры народа, способы интерпретации национальных культурных концептов, а также описать особенности духовного освоения окружающего мира как среды обитания и жизнедеятельности народа.

Литература

Алефиренко, Н.Ф. Фразеология и культура: поиск категориально-понятийных оснований // Фразеология и познание. Сб. докладов. В 2-х томах Т. 1. – Белгород, 2010. С. 21-22.

Добровольский, Д.О., Малыгин В.Т., Коканина Л.Б. Сопоставительная фразеология (на материале германских языков). – Владимир, 1990. С.5.

Маслова, В.А. Homo lingualis в культуре. – М., Гнозис, 2007. С. 225.

Сорокин, Ю.А. Этнопсихолингвистика. – М., 1998. С. 27.

Уфимцева, Н.В. Предисловие к кн. Языковое сознание и образ мира. – М., 2000. С. 5.

Summary. The article describes the methods of comparative analysis of phraseology as a way of reflecting cognitive processes in the cognition of the world. It analyzes cultural connotations in the semantics of idioms which lead to the formation of the phraseological image.

Key words: idiom, cognitive and cultural analysis, phraseological image.

МНОГОУРОВНЕВОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА

О.И. Авдеева

Россия, г. Москва, Московский педагогический государственный университет
ol_avd@rambler.ru

Основной различительной чертой таких близких категорий, как *концепт* и *понятие*, общепризнанно считается «наличие или отсутствие в них субъективного элемента» (Алефиренко 2009: 75). Иначе говоря, основными специфическими чертами концепта, отличающими его от понятия, можно считать: 1) наличие определенного уровня субъективности и 2) наличие многоярусной организации (Степанов 1997: 41). Как известно, концепт включает не только мыслительные операции, но и «человеческие эмоции, симпатии и антипатии...» (Степанов 1997: 41). О многоярусной организации концепта свидетельствует наличие в его структуре трех слоев: 1) «активного» (актуального) слоя концепта; 2) «пассивного» (исторического, фонового) слоя концепта; 3) внутренней формы, или этимологического признака, концепта (Алефиренко 2009: 75). «Активный» слой концепта образует его основной признак, который понятен всем владеющим данным языком; это позволяет обращаться к нему в любой ситуации, включая обыденную, бытовую. В «пассивный» слой концепта включены дополнительные признаки, составляющие своеобразную «кристаллизацию» важнейших толкований и осмыслений рассматриваемого кон-

цепта в различные историко-культурные периоды (Ю.С. Степанов). В свою очередь, внутреннюю форму концепта, или его этимологический признак, составляет его «смысловое первоначало», отраженное во внешней словесной форме (Алефиренко 2004: 70). Взаимообусловленность данных слоёв концепта создает основу для гармоничного сочетания в нем постоянных и изменяющихся компонентов.

Все определения концепта, используемые в современной лингвистике, отражают три основных подхода к его пониманию: 1) когнитивный и, как следствие, – психолингвистический, являющийся его продолжением; 2) синкретичный, совмещающий основные положения когнитивного и лингвокультурологического подходов; и 3) собственно лингвокультурологический (Токарев 2003: 6–16).

Лингвокультурологический подход к концепту нашел отражение в определении Ю.С. Степанова, понимающего концепты как «пучки представлений, знаний, переживаний, ассоциаций, которые сопровождают слово...», «сгустки культурной среды в сознании человека», «то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека», и, соответственно, через него – в семантику языка. И наоборот, концепт – это то, с помощью чего «рядовой обычный человек, не «творец духовных ценностей» входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё» (Степанов 1997: 40).

Следует отметить, что концепт в лингвокультурологическом понимании – это «не оперативная единица речемышления, а часть концептосферы, которая имеет свою историю» (Токарев 2003: 12–13). Культурно-семиотический подход к концепту позволяет выделить такие его основные признаки, как 1) культурно-историческую обусловленность, 2) структурированность более простыми в ментальном отношении смыслами: обыденными понятиями, представлениями, культурными установками и т.д., 3) неоднородность содержания, проявляющуюся в синтезе конкретного и абстрактного, рационального и эмоционального, объективного и субъективного, 4) широкий объем (экстенционал), 5) разнообразие типов знаковых репрезентаций (Токарев 2014: 17).

Среди языковых единиц, являющихся средствами вербализации концепта, одно из ведущих мест занимает фразема (Н.Ф. Алефиренко (Алефиренко 2003: 8), Л.Б. Савенкова (Савенкова 2003: 258) и мн. др.).

Являясь знаком непрямого именованья, она обладает особой «лингвокультурологической значимостью», что позволяет ей находиться «в эпицентре исследований метафорического речемышления» (Алефиренко 2002: 3). Благодаря именно этому качеству фраземы характеризуются способностью «опосредованно, образно, а, следовательно, и экспрессивно обозначать свойства социально-психической жизни человека, а также давать этим свойствам значимую положительную или отрицательную оценку» (Добрыднева 2003: 99). Другими словами, все культурно значимые явления действительности, находя

отражение в мышлении субъектов – носителей данной культуры, фиксируются в структуре и семантике языковых единиц, и особенно таких ярких и образных, как фраземы.

Отличительная черта фраземы – сочетание аналитической формы с семантической целостностью и синтаксической неделимостью – служит базой для формирования такой важной особенности фразеологической вербализации концепта, как её многоуровневость. Почти каждый компонент фраземы может вербализовывать отдельный концепт, условно называемый концептом первого уровня, внутренняя форма фраземы в целом вербализует концепт второго уровня, а сама фразема с её значением – концепт третьего уровня. Многоуровневость фразеологической вербализации концепта определяется особенностями внутренней синтагматики фраземы.

Синтагматикой в данной статье, вслед за Е.С. Кубряковой, называются отношения, возникающие между знаками языка «при их непосредственном сочетании друг с другом в реальном потоке речи или в тексте» (Кубрякова 2002: 447).

Фраземы подвергаются исследованию на двух уровнях: внутренней и внешней синтагматики. Внутреннюю синтагматику составляют связи между компонентами фраземы, а внешнюю синтагматику – взаимоотношения фраземы с окружающим контекстом. Ю.А. Гвоздарев определяет их как «два аспекта, тесно связанных между собой и в равной мере необходимых, поскольку эти стороны находятся в причинно-следственной связи» (Гвоздарев 2010: 16). Однако необходимо отметить, что именно внутренняя синтагматика фраземы играет ведущую роль в процессе фразеологической вербализации культурного концепта.

Фразему с точки зрения её структуры можно представить как синтагму, состоящую из двух компонентов M_1 и M_2 . На основании функционирования семы (а) в качестве синтагмемы (синтагмообразующей семы) В.Г. Гак выявил три вида отношений компонентов синтагмы: 1) семантическое согласование; 2) семантическое несогласование; 3) семантическое рассогласование (Гак 1998: 284–285), которые, с нашей точки зрения, правомернее было бы называть: 1) полное семантическое согласование; 2) неполное семантическое согласование; 3) семантическое рассогласование (см. об этом в статье О.И. Авдеевой (Авдеева 2012: 79–85).

Полное семантическое согласование характеризуется наличием семы (а) в двух членах синтагмы, это можно обозначить формулой: $M_1(a) + M_2(a)$. Для *неполного семантического согласования* характерно отсутствие общей конкретной семы (а) в одном из слагаемых (согласование происходит на основе абстрактной семы), что обозначается следующей структурной формулой: $M_1(a) + M_2$. *Рассогласование*, в свою очередь, появляется при соединении в синтагме компонентов, которые несовместимы с точки зрения реальных предметных отношений (Гак 1998: 285). Его можно выразить следующей структурной форму-

лой: $M_1(a) + M_2(\bar{a})$. При рассогласовании комбинация несовместимых компонентов приводит к тому, что или у компонента M_2 возникает сема (а), или у компонента M_1 угасает сема (а), что в обоих случаях приводит к появлению семантической совместимости компонентов.

При исследовании внутренней синтагматики фразем было выявлено, что в некоторых случаях культурно-ценностная информация передается всеми компонентами фраземы (например, *вавилонское столпотворение*, *бесплодная смоковница*, *между Сциллой и Харибдой*), в других случаях – с помощью одного из компонентов (например, *Америку открывать*, *бальзаковский возраст*, *прописать ижицу*).

Для первого типа фразем характерны отношения полного семантического согласования компонентов (оба компонента фраземы *вавилонское столпотворение* имеют общие семы конкретного характера ‘большое количество народа’, ‘суета’, ‘шум, гам’) и в результате этого возникает взаимозависимость компонентов: если *вавилонское*, то в сознании возникает компонент *столпотворение* и, наоборот, если *столпотворение*, то *вавилонское*; аналогично и в других фраземах: *бесплодная смоковница* (если *бесплодная*, то *смоковница*, и наоборот), *между Сциллой и Харибдой* (если *Сцилла*, то и *Харибда*, и наоборот).

Второй тип фразем характеризуется отношениями неполного семантического согласования: оба компонента фраземы *прописать ижицу* содержат общие семы абстрактного характера ‘делать, осуществлять’, ‘писать’, а согласование по конкретным семам отсутствует, вследствие этого возникает независимость компонентов. Например, в русском языке имеются две фраземы с близким значением – ‘наказать’ – *прописать ижицу* и *прописать пропорцию* (ФСРЯ: 348–349). Это говорит о том, что один компонент не предполагает четкого наличия другого, поэтому возможна замена второго компонента. Аналогичные отношения наблюдаются и в других фраземах этого типа, например, компонент *открывать* предполагает появление не только компонента *Америку*, но и *глаза*, *душу* и т.д., а компонент *возраст* предполагает появление не только компонента *бальзаковский*, но и компонентов *нежный*, *преклонный* и т.д.

Любые факты действительности, отражающиеся во внутренней форме фразем, приобретают культурно-ценностное значение только в результате их осмысления представителями конкретного этнокультурного социума, в результате чего формируется единый целостный образ фраземы.

Как отмечалось выше, концепт представляет собой многоуровневое образование, однако фразема, являясь средством вербализации концепта, также является сложным языковым знаком, который способен вербализовывать одновременно несколько концептов. Это становится возможным, потому что для фразеологических единств и фразеологических сочетаний характерна «двуденотативность» (В.М. Глу-

хов), т.е. соотнесенность с двумя планами значения. Когнитивный подход благодаря этому качеству фразем выявил, что, каждая фразема одновременно вербализует не менее двух концептов: концепт, вербализуемый внутренней формой фраземы, и концепт, вербализуемый фраземой в её основном значении. Однако следует отметить, что культурно значимый компонент фраземы может сам вербализовывать отдельный концепт. Это позволяет говорить не только о двухуровневой, но и о многоуровневой концептуализации во фразеологии.

Одним из наиболее ярких примеров многоуровневости фразеологической концептуализации являются фраземы, содержащие в своем составе онимы – компоненты, часто отличающиеся повышенной культурной значимостью. Однако следует заметить, что в большинстве случаев компонент-оним служит средством вербализации концепта, но в некоторых случаях он не вербализует концепта. Например, в составе фразем *Как Мамай прошел* и *в костюме Адама* компоненты *Мамай* и *Адам* вербализуют концепты, потому что в сознании коммуникантов они ассоциируются: первый – с конкретным историческим лицом, а второй – с библейским персонажем. Оба образа наделены совокупностью присущих именно им определённых качеств, реализованных в ряде фреймов, создающих культурный слой концепта. В составе первой фраземы компонент *Мамай* вербализует первичный концепт «Исторический деятель, жестокий завоеватель», который служит основой вербализации вторичного концепта «Разорение вследствие нашествия Мамаев», сформированного внутренней формой фраземы. Возникающая в этом случае ассоциация с личностью хана Мамаев, с его жестоким отношением к завоеванным народам реализуется посредством фреймов «Жестокость», «Разорение», «Смерть людей», «Уничтожение Руси». Вторичный концепт служит основой создания концепта третьего уровня – «Любой разгром, разорение, беспорядок», вербализованного фраземой в целом.

Во второй фраземе используется компонент *Адам*, обозначающий первого человека, не имеющего никакой собственности. Данный оним вербализует первичный концепт, который затем участвует в образовании внутренней формы фраземы, на её уровне образуется вторичный концепт: *в костюме Адама* – в сознании коммуникантов возникает концепт «Костюм, которого у Адама не было». Далее уровень фраземы в целом вербализует концепт третьего уровня «Вообще без одежды».

В некоторых случаях компонент-оним не вербализует концепта. Примерами являются компоненты-они́мы в составе фразем *мели*, *Емеля*, – *твоя неделя, как на Маланьину свадьбу*. В этом случае компоненты-они́мы *Емеля* и *Маланьина* не несут какой-либо культурно-исторической нагрузки, а используются исключительно для создания внутренней формы фраземы, причем, в первом случае еще и для создания внешней формы – рифмы. Рассматриваемые компоненты ха-

рактируются отсутствием символики, они передают крайне незначительную по сравнению с предыдущими примерами культурную информацию: они указывают лишь на принадлежность к русскому социуму и, в частности, к его простонародной части.

Примером многоуровневой фразеологической концептуализации служит фраза междометного характера **вот тебе, бабушка, и Юрьев день!**, имеющая значение 'восклицание по поводу несбывшихся надежд'. Компонент *Юрьев* в рассматриваемом примере вербализует концепт первого уровня – «Относящийся к святому Георгию, связанный с ним»; затем, составное наименование *Юрьев день* вербализует концепт второго уровня – «Религиозный праздник в честь святого Георгия»; далее внутренняя форма фраземы *вот тебе, бабушка, и Юрьев день!* вербализует концепт третьего уровня – «Историческое событие – отмена крепостного права, произошедшая в Юрьев день, на самом деле не оправдавшая надежд крестьян». Отсюда возникла вербализация фраземой *вот тебе, бабушка, и Юрьев день!* концепта четвертого уровня – «Несбывшиеся надежды, разочарование как результат обмана». Многоуровневая фразеологическая концептуализация встречается при интертекстуальности, когда в составе фраземы имеется составной термин, составное наименование или другая фраза, которые, в свою очередь, порождают промежуточные концепты.

Другим примером многоуровневой фразеологической концептуализации может служить фраза *Курживому (паршивому) поросенку и в Петровки (Петров день) холодно* со значениями – 1. 'плохому, никчемному человеку всё всегда плохо, не нравится', 2. 'слабый, больной человек мерзнет всегда, даже в середине лета'. Компонент *Петров* вербализует концепт первого уровня «Относящийся к апостолу Петру». *Петровки (Петров день)* вербализует концепт второго уровня «Христианский праздник в честь святых апостолов Петра и Павла», который празднуется 12 июля и символизирует собой середину лета. Внутренняя форма фраземы *Курживому (паршивому) поросенку и в Петровки (Петров день) холодно* вербализует концепт третьего уровня «Больное, хилое животное мерзнет и в середине лета». И, наконец, данная фраза в целом вербализует концепт четвертого уровня «Плохого (или больного, хилого) человека ничто не устраивает».

Итак, специфика фразеологической вербализации культурного концепта заключается в значительной культурно-ценностной нагрузке фразем и их компонентов, передающейся посредством их семантической структуры и формирующейся их внутренней синтагматикой. Фраземы как знаки непрямого именования отличаются сочетанием образности, экспрессивности и оценочности, что в значительной степени способствует их использованию в качестве важнейшего средства многоуровневой вербализации культурного концепта, природа которой объясняется внутренней синтагматикой фраземы. Именно одновременное сочетание в сознании коммуникантов концептов разных

уровней, вербализованных одной и той же фраземой, создает необыкновенную яркость, образность, а во многих случаях – и культурно-ценностную нагрузку, которые служат отличительной чертой единиц фразеологического корпуса языка.

Литература

Авдеева, О.И. Особенности синтагматических отношений глагольных фразем русского языка: семантический и грамматический аспекты / О.И. Авдеева // Вестник Адыгейского государственного университета», 2012. № 3 (105). С. 79–85.

Алефиренко, Н.Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии: монография / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2009. 344 с.

Алефиренко, Н.Ф. Когнитивно-дискурсивные аспекты косвенной номинации (на материале восточнославянских языков) // Slowo. Tekst.Czas. VII. Nowe Srodki nominacji jazykowej w nowej Europie. Red. prof, dr hab. Michail Aleksiejenko / Н.Ф. Алефиренко. – Szczecin, 2004.

Алефиренко, Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Academia, 2002. 394 с.

Алефиренко, Н.Ф. Проблемы вербализации концепта: Теоретическое исследование / Н.Ф. Алефиренко. – Волгоград: Перемена. 2003. 96 с.

Гак, В.Г. К проблеме семантической синтагматики // Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 272–297.

Гвоздарев, Ю.А. Основы русского фразеобразования / Ю.А. Гвоздарев. – Ростов н / Д: Изд-во Ростовского гос. ун-та, 2010. 246 с.

Добрыднева, Е.А. Коммуникативно-прагматическая парадигма русской фразеологии / Е.А. Добрыднева. – Волгоград: Перемена, 2000. 224 с.

Добрыднева, Е.А. Фразеологические средства и способы вербализации эмоциональных концептов в языке и речи // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Материалы Междунар. симпозиума. Волгоград, 22 – 24 мая 2003 г.: В 2 ч. – Ч. 1. Научные статьи / Е.А. Добрыднева. – Волгоград: Перемена, 2003. С. 97–108.

Кубрякова, Е.С. Синтагматика // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд., доп. / Е.С. Кубрякова. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. С.447–448.

Савенкова, Л.Б. Языковое воплощение концепта // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Материалы Междунар. симпозиума. Волгоград, 22 – 24 мая 2003 г.: В 2 ч. – Ч. 1. Научные статьи / Л.Б. Савенкова. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 258–264.

Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.

Токарев, Г.В. Введение в семиотику: учеб. пособие / Г.В. Токарев– 3-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – 160 с.

Токарев, Г.В. Концепт как объект лингвокультурологии (На материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке) / Г.В. Токарев – Волгоград: Перемена, 2003. 233 с.

Словари

ФСРЯ – Бирих, А.К. Словарь фразеологических синонимов русского языка / Под ред. В.М. Мокиенко / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. 448 с.

ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка (свыше 4000 единиц) / Сост. Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров; Под ред. А.И. Молоткова. 7-е изд., испр. – М.: АСТ: Астрель, 2006. 524 с.

СКВОИ – Шулежкова, С.Г. Словарь крылатых выражений из области искусства: Более 1000 крылатых выражений / С.Г. Шулежкова. – М.: Азбуковник, 2003. 430 с.

РФ – Яранцев, Р.И. Русская фразеология. Словарь-справочник: Ок. 1500 фразеологизмов. – 2-е изд., стереотип. / Р.И. Яранцев – М.: Русский язык, 2001. 845 с.

Summary. The article considers multilevel structure of phraseological verbalization of cultural concepts. This multilevel structure is based on the combination of analytical form with semantic integrity and syntactic inseparability. Multilevel structure of phraseological verbalization of the concept is determined by the characteristics of idiomatic internal syntagmatics. Semantic structure and internal syntagmatics of an idiom transmit its cultural and axiological content.

Key words: phraseology, concept, multi-level structure, internal syntagmatics, semantic coordination.

РУССКИЙ ФРАЗЕОЛОГИЗМ: ГРАНИ МЕНТАЛЬНО-ЗНАКОВОЙ САМОБЫТНОСТИ

Л.Ю. Буянова

Россия, г. Краснодар, Кубанский государственный университет
Lub_prof@mail.ru

В развитие отечественной фразеологической науки профессор Николай Фёдорович Алефиренко внёс неоценимый вклад. Широта и глубина его научных взглядов обусловили создание оригинальной цельной комплексной теории фраземы как этнокультурной, когнитивно-дискурсивной единицы языка, активно развиваемой многочисленными учениками его научной школы. Учёный выделяет следующие различные актуальные фразеологические парадигмы, требующие сегодня скрупулёзного исследования: 1) дискурсивно-когнитивную; 2) когнитивно-семантическую; 3) когнитивно-культурологическую; 4) когнитивно-прагматическую; 5) когнитивно-синергетическую; 6) фразеологическую неологию (Алефиренко 2008). Идеи учёного об этноязыковом кодировании смысла, о роли и функции фразем в становлении и эволюции национальной культуры, о семантических и прагматических аспектах формирования фразеологической картины мира и многие другие (Алефиренко 1993; 1999; 2006; 2008; 2010 и мн. др.) нашли своё подтверждение и легли в основу других научных разработок, посвящённых фразеологизму как уникальному языковому знаку, отражающему национальную душу в зеркале культуры народа.

Национальное своеобразие каждого этноса возможно выявить и охарактеризовать при сравнении с другими народами. Поскольку каждый этнос имеет свой национальный образ (Г. Гачев), то можно предположить, что каждая этнокультурная общность обладает своей национально-специфической средой обитания языка. Термин «среда обитания языка» ввел Э. Сепир (Сепир 1993: 270-284), который включал в это понятие физические (географические) и социальные факторы (религию, мораль, формы политической организации общества, искусство). Русский фразеологизм максимально ярко отражает менталитет русского народа как этнокультурного сообщества и менталь-

ность каждой языковой личности. «Менталитет есть наивно-целостная картина мира в его ценностных ориентирах, существующая длительное время независимо от конкретных экономических и политических условий, основанная на этнических предрасположениях и исторических традициях; проявляется в чувстве, разуме и воле каждого отдельного члена общества на основе общности языка и воспитания и представляет собой часть народной духовной культуры, которая создает этноментальное пространство народа на данной территории его существования» (Колесов 2006: 11). В процессе *фразеологической концептуализации* русской действительности эксплицируется феномен вторичной антропологизации языка, связанный с влиянием архетипической, наивно-бытовой, философской, религиозно-мифологической, научной, художественно-поэтической картин мира человека. В таком осмыслении возможно говорить о существовании русской **этнофразеологической картины мира**, формируемой на основе фраземного (в самом широком смысле этого понятия) арсенала национального языка (см. Буянова 2008).

Понятие *фразеоконцепта* дало возможность увидеть новые семантико-прагматические «границы» фразеологизма. Фразеоконцепты наиболее соотносимы с гештальтами – такими комплексными структурами, которые упорядочивают в сознании всё разнообразие и многообразие отдельных явлений и формируют внутреннее содержание абстрактных феноменов и сущностей. Разновидностями гештальтов выступают фреймы и сценарии. Во фразеоконцептах репрезентируется национальная специфика менталитета и мышления, его национальные стереотипы: лексические единицы, образующие фразеологизмы, обозначают и номинируют национально-специфические понятия и образы, представления и смыслы. Это обусловлено способностью языка присваивать имя всему, что выступает предметом обсуждения и оценки. Н.Ф. Алефиренко отмечает: «Имя, которое даёт образ сознания (а одна из функций культуры как раз в том и состоит, что культура даёт особое имя всем предметам и явлениям своего «культурного космоса»), есть живое имя, ибо оно вырастает из действия и несет в себе его скрытую энергию (потенциальную модель культурного действия)» (Алефиренко 2010: 155).

Введение понятия картины мира в антропологическую лингвистику позволяет, таким образом, различать два аспекта влияния человека на язык: феномен первичной антропологизации (влияние психофизических и других особенностей человека на конститутивные свойства языка) и феномен вторичной антропологизации (влияние на язык различных картин мира человека – религиозно-мифологической, философской, научной, художественной). Языковая концептуализация мира – это процесс духовно-вербального освоения и восприятия окружающей человека действительности; фразеологическая концептуализация дей-

ствительности выступает частью языковой и связана с формированием особой, фразеологической, картины мира.

Фразеологизмы и пословицы, поговорки отличаются между собой как знаки элементной и событийной аспектности, обладая различными смысловыми основами (понятийной и пропозитивной).

Фразеологические единицы представляют собой главное средство, с помощью которого осуществляются процессы фразеологической концептуализации мира. Русский фразеологизм выступает особым когнитивно-аксиологическим знаком, с помощью которого формируется и развивается русская языковая национальная картина мира. Русская концептосфера может рассматриваться в этой связи как символно-ассоциативная образная континуумность, конститuentами которой выступают фразеологизмы, выполняющие функцию концептуально-национальных доминант.

Концептуально-национальная **доминанта**, с нашей точки зрения, – это такая фразеологическая единица, которая максимально однозначно и семантически адекватно актуализирует тот или иной фрагмент русской концептосферы, репрезентируя всю совокупность смыслов, семантических оттенков, ассоциативных корреляций, релевантных для него (Буянова 2006: 209). Именно во ФЕ закрепляются и актуализируются результаты лингвокреативного мышления человека, продукты его отражательной мыслительной деятельности. Это позволяет рассматривать ФЕ как ментально-семиотические образы, как когнитивные знаки, содержащие несколько блоков информации, охватывающих денотацию, коннотацию и мотивацию.

Фразеология выступает величайшей сокровищницей и вечной, непреходящей ценностью любого языка, его наиболее самобытным в культурном и языковом отношении феноменом. Фразеологизмы в большей мере, чем единицы других языковых уровней, вбирают в себя национальную специфику и ценностную ориентацию их носителей. Именно во ФЕ «раскрывается действительная природа души народа, его подлинная жизненная ментальность, незамутненная искусственными преобразованиями сознательных усилий человеческого разума» (Лисицына 2000: 93).

Как и пословицы и поговорки, фразеологизмы часто выполняют функцию *вербальных поведенческих регулятивов*, отражающих в образно-экспрессивной форме квалификацию и оценку народом тех или иных лиц, явлений, событий, ситуаций, отношений, действий, поступков (см. Буянова 2005; 2010; 2011 и др.).

В семантике ФЕ отражается длительный процесс развития культуры народа, от поколения к поколению передаются культурные установки, стереотипы, эталоны и архетипы. При анализе специфики культурной коннотации ФЕ следует учитывать постулат о том, что система образов, закреплённых во фразеологическом составе национального языка, служит своего рода «хранилищем», особым когнитивно-семиотическим

вместилищем для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной и духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о её культурно-национальном опыте и традициях. Русская фразеологическая концептосфера может рассматриваться в этой связи как символично-ассоциативная образная континуумность, конститuentами которой выступают фразеологизмы, выполняющие функцию этнокультурных доминант. Фразеологическая картина мира (ФКМ) понимается как результат и способ вербального описания макро– и микрокосмоса народом – носителем языка, основанного на тематико-идеографической систематике фразеологических единиц, и ее отдельных национально и культурно значимых фрагментов, концептуальным центром которых выступает «человек» (см.: Буянова, Коваленко 2012: 4-5).

В целом интерпретация русской фразеологии как ментально-оценочной отражательной системы обусловлена её онтологическими и фенотипическими свойствами, которые также влияют на формирование семантической структуры фраземы и закрепление речевого смысла ФЕ. В этой динамической, постоянно развивающейся системе направление, механизмы, основные способы и средства фразеологической концептуализации мира определяются в том числе этнокультурной, ментальной, религиозной, духовно-нравственной, конфессионально-вероисповедальной, социально-исторической спецификой каждого из этапов общего цивилизационного процесса, а также национальными социокультурными установками и ценностями. Именно Н.Ф. Алефиренко в своих работах особенно акцентировал внимание на ценностной аспектности ФЕ, что даёт возможность признать: фразеологическая картина мира – это особый ментально-когнитивный пласт, вербальный «слепок» народной жизни и народного духа, национального мироосмысления, отражённый и зафиксированный в содержании языковых форм различных устойчивых единиц. Фразеологические единицы современного русского языка, интерпретируемые как ментально-когнитивные знаки, формируют фразеологическую картину мира посредством специфических мыслительных процедур – категоризации, метафоризации, объективации, структуризации, языковой концептуализации.

Проблема соотношения и репрезентации этнокогнитивного, ментального и игрового компонентов в семантико-ментальной структуре фразеологизма также является в настоящее время весьма актуальной и востребованной, так как многие её аспекты до конца ещё не исследованы с позиции междисциплинарного подхода. Й. Хейзинга ещё в 1992 году писал о том, что «этнология и родственные ей науки отводят слишком мало места понятию игры» (Хейзинга 2004: 11), хотя именно *игра* как специфический феномен выступает важнейшим системообразующим явлением Культуры. «Важнейшие виды первоначальной деятельности человеческого общества все уже переплетаются с игрой.

Возьмём язык, самый первый и самый высший инструмент, созданный человеком для того, чтобы сообщать, учить, повелевать. ... За каждым выражением абстрактного понятия прячется образ, метафора, а в каждой метафоре скрыта игра слов. Так человечество всё снова и снова творит своё выражение бытия, рядом с миром природы – свой второй, измышлённый мир» (Хейзинга 2004: 18-19). В то же время одной из важнейших задач современной лингвистики следует признать выявление и описание тех языковых механизмов и мыслительно-вербальных операций, которые детерминируют потенциал фразеологизма как специфического этнокогнитивного *игрового* знака, выступающего одновременно и средством, и результатом особой разновидности языковой игры – **игры фразеологической**.

Людическая функция фразеологизма обусловлена системной актуализацией реализующихся в языке и речи следующих свойственных ему функций: номинативной; коммуникативной; прагматической; экспрессивной; эмотивной; эстетической; стилистической (С.А. Гаврин); эмоциогенной (Л.Ю. Буянова); метаязыковой (Л.Ю. Буянова); функции «характеризующей предикации» (В.Н. Телия) и других, редко фиксируемых в дефинициях фразеологических единиц. В связи с этим целесообразно выделить как функциональный сегмент общенациональной языковой картины мира также и **фразеоигровую картину мира**, семиотико-ментальную основу которой составляют фраземы, репрезентирующие процессуальность фразеологической игры. При этом в основе денотативного аспекта значения ФЕ происходит смена денотата исходного сочетания и перенос его свойств на новый денотат, вызванные полным или частичным семантическим переосмыслением этого сочетания. Полное игровое переосмысление, сопровождающее образование ФЕ, основывается на каком-либо из видов тропа, на алогизме или широко известном в данной этнокультуре речении. Фразеологизмы, выполняющие роль этнокогнитивного оператора и воспринимаемые носителями языка как культурно значимые тропеические образцы свойств, явлений, событий, фактов, при актуализации **людической** функции могут мотивироваться метафорой (*тянуть одеяло на себя, вставлять палки в колеса, держать камень за пазухой*), метонимией (*распустить нюни, повернуться спиной*), сравнением (*нужен как собаке пятая нога, как рыбе зонтик*), могут строиться на гиперболе, литоте, перифразе, оксюмороне и т. п. Следует особо подчеркнуть, что в русской фраземике понятие **игры** зачастую соотносится с понятием **обмана, хитрости** (ср.: *водить за нос* – «обманывать кого-либо», *играть в кошки-мышки* – «хитрить, стараясь обмануть кого-либо» и др.). Игровое переосмысление одного из компонентов ФЕ приводит к образованию аналитического сочетания с расчлененной номинативной функцией и таким же характером значения (*завоевать авторитет, раб страстей, корень зла*).

Именно таким – искрящимся смыслами, ценностно-значимым,

отражающим душу народа и образ его жизни – выступает в русском национальном языковом пространстве сегодня эта уникальная во всех отношениях языковая единица – русский фразеологизм. В трудах Н.Ф. Алефиренко, в работах его учеников заложены такие актуальные для нашей лингвистической науки идеи, которые позволят увидеть красоту и самобытность фразеологизма в новых гранях его ментально-семантического «сверкания».

Литература

Алефиренко, Н. Ф. Фразеология в системе современного русского языка. – Волгоград, 1993.

Алефиренко, Н. Ф. Спорные проблемы семантики. – Волгоград, 1999.

Алефиренко, Н. Ф., Золотых, Л. Г. Проблемы фразеологического значения и смысла (в аспекте межуровневого взаимодействия языковых единиц). – Астрахань, 2004.

Алефиренко, Н.Ф. Язык, познание, культура: Когнитивно-семиологическая синергетика слова. – Волгоград, 2006.

Алефиренко, Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. – М., 2008.

Алефиренко, Н.Ф., Золотых, Л.Г. Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. – М., 2008.

Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие. – М.: Флинта; Наука, 2010.

Буянова, Л.Ю., Волошина, К.С. Русский фразеологизм как этнокультурная константа: функционально-категориальная специфика // Этнокультурные константы в русской языковой картине мира: генезис и функционирование: мат-лы Междунар. науч. конф. – Белгород: БГУ, 2005. С. 46-49.

Буянова, Л.Ю. Русский фразеологизм как концептуальная доминанта: когнитивно-аксиологический статус // Фразеологические чтения памяти профессора В. А. Лебединской: Вып. 3. – Курган, 2006. С. 209-211.

Буянова, Л.Ю. Фразема как лингвокогнитивный элемент русской словообразовательно-концептуальной картины мира // Фразеология и когнитивистика: мат-лы 1-й Международ. науч. конфер. (Белгород, 4-6 мая 2008 года): В 2-х т. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. Т. 1. Идиоматика и познание. С. 76-79.

Буянова, Л.Ю. Русская фразеология как ментально-оценочная отражательная система и культурный код познания // Фразеология и познание: сб. докл. 2-й Междунар. науч. конф. (Белгород, 7-9 сентября 2010 г.): В 2-х т. – Белгород: БелГУ, 2010. Том 1. Фразеология и познание. С. 142-146.

Буянова, Л.Ю. Русский фразеологизм как гендерный ключ // Фразеологические чтения памяти профессора В.А. Лебединской. К 70-летию со дня рождения. Выпуск 5: мат-лы Международ. науч. конфер. «Фразеологические чтения – 11», Курган, 2-3 марта 2011г. – Курган: КГУ, 2011. С. 45-49.

Буянова, Л.Ю., Коваленко Е.Г. Русский фразеологизм как ментально-когнитивное средство языковой концептуализации сферы моральных качеств личности. – М.: Флинта; Наука, 2012.

Колесов, В.В. Русская ментальность в языке и тексте. – СПб., 2006.

Лисицына, Т. А. Русские паремии сакрального круга (фрагменты лингвокультурологии) // Фразеология–2000. – Тула, 2000. С. 93-98.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993.

Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня / Пер. с нидерланд. В. Ошиса. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004.

Summary. The article deals with the problem of linguocultural versatility and originality of Russian phraseology. The author shows the huge role of N.F. Alefirenko's

researches in creation of complete and original concept of Russian phraseology and Russian phraseological worldview. The ludic function of phraseological unit as a representation of depth of its semantic potential is analyzed in the article.

Key words: phraseological unit, phraseoconcept, phraseological worldview, ludic function, conceptual and national dominant, cognitive and discursive language unit.

АНТРОПОМОРФИЗАЦИЯ ОБРАЗА СУДЬБЫ В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

С.А. Кошарная

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
kosharnaja@bsu.edu.ru

Номинанта *судьба* – от *суд* – восходит к и.-е. **somdhe*– (ср.: др.-инд. *samdhis*, *samdha* – «договор, связь, объединение»), от которого образованы также др.-рус. *судъ* – «сосуд» (аналоги – в украинском, белорусском), польск. *sąd* – «бочка, чан» (параллели имеются в чешском, словацком и других славянских языках) (Фасмер III: 794). Межъязыковые соответствия выявляют общую архетипическую сему «хранилище». Исходя из принципа производности абстрактного значения из конкретного («сосуд», «бочка»), можно гипотетически реконструировать протозначение лексемы *судьба* (с синонимическим рядом *участь*, *доля* – «то, чем наделен», ср. ст.-чеш. *dole*, *s dole* – «счастливо, успешно», польск. *dola* – «судьба, удел, доля, часть») как «сосуд жизни», вместилище уготованных человеку событий. В результате на метафорическом уровне устанавливается связь понятий «душа» – «судьба» – «сосуд».

В то же время русском языке яркой чертой лексики, входящей в семантическую группу «Посуда», является ее антропоморфизм: *носик чайника*, *ручка чашки*, *горлышко кувшина (горшка)* и т.д. При этом современная метафорика лишь продолжает архаичную мифологическую традицию. Таким образом, язык в силу своего консерватизма хранит следы прошлого, включая самые архаичные элементы. И такие «следы» свидетельствуют о том, что судьба может быть олицетворена как высшая – надчеловеческая – стихийная сила. Так, у восточных славян-язычников было известно божество под именем *Суд (Усуд)*, управляющее судьбой человека. *Суд* определял, «чертил» линию судьбы (ср.: *предначертанный* – «вперед, заранее начерченный» > «уготованный, неизбежный»). Возможно, к этому теониму восходит севернорусское диалектное существительное *судки (сутки)* со значением «божница, угол, в котором висят иконы». Думается, что мифоконцепт «Суд» актуализировал в сознании носителей мифологического сознания образ существа, предписывающего человеку *линию* судьбы, мифологически связанной с концептом «Вода» и возникшей как «проекционное отражение» *русла*, поскольку образ русла включает представление о заданном направлении.

В один семантический ряд словом *судьба* входит существительное *рок*, восходящее к праславянскому **rokъ* – «срок» и развившее в разных славянских языках значения «судьба» (рус.), «год» (укр.), «срок, рок, предзнаменование» (словен.) и т.п. Еще в древнерусском данное существительное проявляло полисемию: «срок, год, возраст, правило, судьба». Все эти значения оказываются соотносимыми с понятийным комплексом «Жизнь человека», «Время жизни», и могут быть репрезентированы через концепт «Судьба». В то же время судьба, рок – это некое предписание, непреодолимое и неизменное. Такое осмысление судьбы, по мнению А. Вежбицкой, характерно русскому человеку, чем объясняется его пассивность перед внешними факторами (Вежбицкая 1996: 397); ср. также *случай* – от исчезнувшего *лукый* – «назначенный судьбой» (Шанский 1971: 416, 249), поскольку, согласно мифологическим воззрениям, судьба определяется «извне».

Подытоживая данные рассуждения, можно заключить, что антропоморфизация образа судьбы во многом обусловила особенности современного концепта «Судьба» (подробный анализ современного концепта «Судьба» – в работах А. Вежбицкой, Н.Д. Арутюновой, Ю.С. Степанова, Т.В. Топоровой и др.), включающего представление о высших силах (провидение), управляющих судьбой; предопределенность судьбы (линия судьбы); частотность отрицательной коннотации (*злой рок* при недопустимости сочетания *добрый рок*), проистекающей из предопределенности, неизбежности событий, изменить ход которых может также только нечто внешнее, не зависящее от человека (ср. *ненароком, ненарочно*, то есть не по воле рока, но и не по воле человека), и в то же время обязательности наличия у человека судьбы (ср. практически тождественные *не осудите* и *не обессудьте*, где последнее прямо репрезентирует опасение остаться без *суда* в исходном значении «судьба»), невозможности субъективного влияния на их ход (*от судьбы не уйдешь*), финитности судьбы; связь со временем (ср.: *рок* и *срок* как отрезок между началом и концом).

В то же время универсальность использования воды в качестве атрибута гаданий о судьбе актуализирует понятийную связь образа с ведовством (ср.: *волхвы* – древнерусские языческие жрецы, предсказатели, способные предсказывать судьбу, – и новгородский гидроним *Волхов*).

Ведовство – это не просто знание, но сверхъестественное знание, которое может быть получено только из «иного мира», откуда *ведьма, ведьмак* – тот, кто приобрел это знание посредством магических действий, в результате чего он одновременно связан с двумя мирами – миром живых и миром мертвых, который соотносился прежде всего с водой.

Подытоживая наши предварительные рассуждения, можно заключить, что мифологическое сознание связывало объективные свойства воды с присутствием сверхъестественных сил и с возможностью контактов с этими силами в целях получения знаний о будущем, что обусловило возникновение концептуальной взаимосвязи «Вода» –

«Судьба / Рок», «Русло» – «Судьба» и «Вода» – «Знание» и в конечном итоге – «Судьба» – «Существо».

Данный смысл находит отражение в устойчивых сочетаниях с ключевым компонентом *судьба*. И здесь встаёт вопрос о характере возникающего в результате такого наложения образов концепта: возможно ли считать в данном случае концепт «Судьба», вербализуемый соответствующей номинацией, тождественным концепту, репрезентантами которых служат фразеологизмы, эксплицирующие антропоморфный образ судьбы. По-видимому, здесь следует исходить из положения Н.Ф. Алефиренко о так называемых «культурных фреймах», которые объединяют в одном общем представлении и устойчивые сочетания слов, и мифологемы, и ритуалы (Алефиренко 2011: 17).

Так, в контексте мифологической картины мира возникают «аналитические по форме, но семантически целостные и синтаксически неделимые языковые знаки, которые своим возникновением и функционированием обязаны комбинаторному взаимодействию смыслов лексических и грамматических компонентов» (Алефиренко, Золотых 2004: 14).

Сумма концептов «Судьба» + «Человек» (или «Антропоморфное существо») оказывается в итоге больше, нежели её отдельные составляющие. Это синергетический процесс, в ходе которого образуется новая сущность, которая оказывается больше своих непосредственных составляющих. Возникает новый образ со своими характерными качествами и атрибутами: судьба – женский образ (данный факт закрепляется на уровне грамматики); судьба сильна, сильнее человека; судьба обладает знаниями обо всем, психическими свойствами: *капризная, мстительная, обидчивая, благосклонная, терпеливая, радостная* и т.д., выполняет определенные функции: вредит, помогает, наказывает, спасает: *судьба губит, разрушает, ломает, разлучает, сводит, соединяет*.

Согласно фольклорным текстам, судьба проявляет себя как активное, живое, персонифицированное существо: *судьба владеет, управляет и распоряжается человеком: Связала нас судьба одной веревочкой, Судьба руки свяжет, Судьба меня к нему посылает, Видно, меня сюда судьбой пригнало, Тебя сама судьба мне вручила*. Господство судьбы нередко носит агрессивный, разрушительный характер; сила судьбы выступает, прежде всего, как насилие, воля – как своеволие, а власть является стихийной, или неразумной (ср.: *Не судьба, Судьба свела / не свела*).

Во фразеологических сочетаниях *судьба* как олицетворенная высшая сила предстает в двух ипостасях: это судьба как внешняя, надчеловеческая, сила и как властитель, своевольный и капризный; ср.: *Быть игрушкой в руках судьбы, Бросить все на произвол судьбы*; *судьба разлучает, гонит, наказывает: Смеяться в глаза судьбе, Бороться с судьбой* и т.п. При этом действия, осуществляемые субъек-

том *судьба*, являются действиями самостоятельными: *судьба решает, наказывает, казнит, судит, выбирает, готовит; судьбой предназначено / предсказано / предназначено / уготовано* и т.п. ФЕ *Приговор судьбы* отражает необратимые последствия действий судьбы как власти.

Данные представления сближают концепты «Судьба» и «Бог». Так, само теофорное имя *Усуд (Суд)* представляет собой наименование одной из древнейших персонификаций, что позволяет говорить об определенных пересечениях концептов «Судьба» и «Бог».

Как известно, существительное *бог* в ретроспекции не номинирует абстрактное понятие, а является признаковым, характеризующим именем, которое по происхождению является кратким прилагательным (возможно предположить табуированное наименование). Известная поговорка «На тебе, *боже*, что нам негоже» в своей исходной форме – «На тебе, *небоже* («*нищий*»), что нам негоже» выявляет для имени *бог* исходное значение 'богатый'. Типологически сходное наименование имеем в латинском: *deus*, родств. и.-е. **duo* – «два» (Маковский 1989: 27), что позволяет реконструировать индоевропейское протозначение «разделяющий» > «наделяющий». Возможно, слово *бог* у славян сначала являлось эпитетом при имени языческого бога (например, в ПВЛ под годом 6488 упоминается *Дажьд-богъ*). Славянское **bogъ* соотносится с авестийскими *baxta* – «определение судьбы», *baxs* – «делить, получать свою часть». По-видимому, более древним значением слова *бог* было «тот, кто распределяет судьбу» или «наделяющий богатством» (Маковский 1989: 39; Одинцов 1988: 27 и др.), ср.: *участь* (*участь*) – «то, что суждено, дано от рождения, доля», *счастье* (*счастье-е*) – буквально «хорошая часть, доля» (ср.: *недоля* – «несчастливая судьба»). *Доля* – восточнославянская персонификация судьбы, участи; ср. также новг. *жребь* – «часть, кусок чего-л.», родственное литературному *жребий*.

Следовательно, концепт «Бог» функционально соотносился с концептом «Дар» и концептуальными оппозициями «Счастье» – «Горе», «Добрый» – «Злой», «Хороший» – «Плохой», «Богатство» – «Бедность», посредством чего устанавливались причинно-следственные отношения между концептами «Бог» и «Судьба» (с точки зрения изоморфизма концептуальные поля «Бог» и «Судьба» анализируются в работе О.Ю. Печенкиной, 2001 г.).

Между тем мы также можем говорить о наличии аналогичных отношений в диаде «Род» – «Судьба» (ср.: *На роду написано* – «то, что суждено»). При этом в имени *Рода* мы видим то же наименование по функции. Являясь отглагольным существительным (*родить* > *Род*), данное имя собственное (оно не изменяется по числам, в отличие от рожаниц), вероятно, представляет собой табуированное (как и лексема *Бог*) название божества, обеспечивающего плодородие и неизбывность рода, и – как следствие – определяющего его движение из про-

шлого в будущее, то есть прочерчивающего линию судьбы. Здесь также следует упомянуть, что «деревянные идолы восточных славян, судя по описаниям, – столбы, наверху которых изображалась *человеческая голова*» (Седов 1982: 263).

При этом заслуживает внимания, что древнее мужское божество Усуд (грамматика в данном случае оказывается культурологически значимой и отражает патриархальные установки славянской культуры) трансформируется в персонаж женского пола. С одной стороны, суффикс *-ьб-* (*судьба*) образует абстрактные существительные (ср.: *дружба, ворожба*), с другой – данный персонаж известен в восточнославянском ареале под именем собственным именно женского рода – *Макошь (Мокошь)*. По версии Б.А. Рыбакова, *Макошь* – сложное образование, состоящее из *Ма-* «мать» и *кошь* «удел, судьба, доля». Элемент *кошь* представлен в древнерусском языке двумя словами: *кошь* – «жребий» и *къшь* – «корзина» (ср.: *кошель*). По Б.А. Рыбакову, это одно и то же слово на разных этапах развития языка и значения: «корзина» > «доля» (добычи или урожая) > «доля-судьба». Следовательно, *Макошь* в исходном значении могло означать «мать хорошего урожая» (См.: Рыбаков 1981: 384-392). С элементом *кошь* в значении «жребий, судьба» и соотносит Ю.С. Степанов имя *Кощей*, полагая, что в последнем объединились три разных слова со значениями «костосей», «пленник» и «распорядитель судьбы», и устанавливая концептуальную связь между значениями «костосей» и «распорядитель судьбы» (Степанов 1997: 86-87).

По-видимому, трансформация образа из мужского в женский имела свои когнитивные основания: женский характер образа судьбы в патриархально ориентированной культуре славян ассоциативно перекликается с представлением о разрушающем женском начале, о хаосе, свойственной судьбе как стихийной силе. Следовательно, возможно говорить о некоей «сниженности» образа по сравнению с направляющим разумным началом, божеством (мужская персоналия: *Усуд, Род, Бог*): судьба – как женское существо с характерными для женщины (по мнению носителей архаичного языкового сознания) спонтанными проявлениями: *переменчивая судьба*. В этой связи лексема *судьба* и *рок* не являются синонимами-дублетами. Рок в отличие от судьбы постоянен, что объективируется, в частности, неконгруэнтностью эпитетов: *трудная судьба* – *легкая судьба* (при невозможности сочетания *легкий рок*), *добрая судьба* – *злая судьба* (но только *злой рок*). Нетождественность образов находит отражение и во фразеологии: *Баловень судьбы, Ирония судьбы, Искушать судьбу, Пытать судьбу, Превратности судьбы* и т.д., где замена слова *судьба* лексемой *рок* невозможна. Русские пословицы, в которых рок и судьба представлены как антропоморфные персоналии, показывают судьбу судьей (*Судьба рассудит; Судила судьба киселем заговореться*), а рок –

палачом (*Рок головы ищет; Не помочь, коли рок пришел; Рок виноватого (или: обреченного) найдет; Рок как ножом в бок*).

В то же время можно предположить первичность женского персонажа по отношению к мужскому. По мнению исследователей, у славян судьбой управляла богиня Макошь, которая пряла нити судеб и, кроме всего прочего, покровительствовала женским рукоделиям (ср. образ Параскевы-пятницы в христианской концепции). Ей помогали две сестры – Доля и Недоля – небесные пряжи, которые пряли нить жизни каждого человека. Здесь мы видим параллель с античными мойрами и парками. Таким образом, судьба персонализируется как антропоморфный женский персонаж не только в славянском ареале, но и за его пределами, уводя нас, по-видимому, в период индоевропейской общности.

При этом антропоморфизм образа отражен в целом ряде фразеологизмов, в частности в ФЕ (*быть*) *В руках у судьбы*. Рука – это инструментальный орган человека, орудие познания окружающей действительности, причем орудие, отличающее, вычленяющее человека из мира прочих живых существ. Так, по результатам кластер-анализа семантической структуры образной репрезентации лексем В.Ф. Петренко (Петренко 1997: 156) делает вывод о том, что «человеческие руки <...> выступают устойчивым символом присутствия самого человека, наличия активного человеческого начала» (см. семантику образований *указывать, дать указание*, соотносимую с акциональными фреймами концепта «Рука», ср. *указательный палец*, хотя старшее значение слова *палец*, которое сохраняется в большинстве славянских языков, – «большой палец»); ср. также ФЕ *Перст судьбы*. Заметим, что конечности животных у славян получили наименование «*лапа*» (без дифференциации на задние и передние), то же в литовских диалектах: *lora* – «когтистая лапа», родственно лит. *lapas* – «лист (на ветке)», ср. рус. *лопух, лапа* – «ветвь хвойного дерева» (*еловая лапа*). Таким образом, наименование конечностей животного возникло в результате метафорического переноса по сходству: «*лист растения*» > «*лапа животного*», в то время как *рука* – отличительная принадлежность человека, репрезентирующая противопоставление «человек – животные, растения». И в этом ключе ФЕ *В руках у судьбы, Перст судьбы* как репрезентанты антропоморфизации образа судьбы, более чем показательны.

Как следствие, данный факт обнаруживает себя в акциональных фреймах, вербализованных посредством ФЕ *Судьба связывает, Судьба посылает, Судьба вручает, Судьба играет, Судьба забрасывает*, где человек выступает в качестве вещного объекта (например, игрушки), которую можно *взять в руки, бросить, вручить, передать, подарить, отдать, сломать*, что подтверждается семантикой глагольного окружения ключевой лексемы.

В то же время персонифицированный образ судьбы уподоблен человеку не только в отношении внешнего решения, но и в плане внутренних проявлений – эмоциональных: ФЕ *Улыбка судьбы*,

Насмешка судьбы, Гнев судьбы, Обижен судьбой, Судьбой не обижен репрезентируют эмоциональные свойства антропоморфного образа судьбы. Традиционные эпитеты также подтверждают антропоморфизм образа в русской картине мира: *всесильная, неумолимая, несправедливая, неразумная, капризная, добрая, милосердная, жестокая, жестокосердная, самовластная, своевольная, своенравная, слепая, непостоянная*.

Во всех этих представлениях ощутим мифологический след, по-видимому, еще индоевропейский. И фразеология позволяет реконструировать систему древнейших воззрений славян, в частности – восточных славян, что представляет несомненный интерес как для лингвокультурологии, так и для когнитивной семиологии.

Литература

Алефиренко, Н.Ф. Фразеологическое значение в свете фреймовой семантики / Н.Ф. Алефиренко // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. Выпуск № 2 . 2011. С. 11-17.

Алефиренко, Н.Ф., Золотых, Л.Г. Проблемы фразеологического значения и смысла (в аспекте межуровневого взаимодействия языковых единиц): монография. / Н.Ф. Алефиренко, Л.Г. Золотых. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Астрахань: Астраханский университет, 2004. 296 с.

Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари 1996. 416 с.

Маковский, М.М. Удивительный мир слов и значений. Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике / М.М. Маковский. – М.: Высшая школа, 1989. 200 с.

Одинцов, В.В. Лингвистические парадоксы / В.В. Одинцов. – М.: Просвещение, 1988. 172 с.

Петренко, В.Ф. Основы психосемантики / В.Ф. Петренко. – М: МГУ, 1997. 400 с.

Печенкина, О.Ю. Содержание концептов Бог и Судьба в текстах пословиц и поговорок, собранных В.И. Далем: дисс. ...кандидата филолог. наук / О.Ю. Печенкина. – Брянск, 2001. 277 с.

Рыбаков, Б.А. Язычество древних славян / Б.А. Рыбаков. – Москва: Наука, 1981. 406 с.

Седов, В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. / В.В. Седов. – М.: Наука, 1982. 328 с.

Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1997. 838 с.

Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. III / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва; под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. – Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Прогресс, 1987. 832 с.

Шанский, Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская. – М.: Просвещение, 1971. 542 с.

Summary. Linguo-cultural analysis of the Russian language worldview allows to conclude that the mythological concept «Fate» actualizes in the mythical consciousness the image of the creature, the man directing the line of destiny. This meaning is reflected in the stable combination with a key component *fate*. This leading tendency of anthropomorphical image is reflected in a number of idioms. Anthropomorphic images of fate largely determine the peculiarities of the modern concept «Fate».

Key words: linguo-cultural analysis, concept, phraseological unit, anthropomorphism, myth, fate.

СЕМАНТИКО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ¹

Тянь Цзюнь

КНР, г. Чанчунь, Цзилиньский университет
tianjun423@yandex.ru

Проблема межъязыкового сопоставления семантики фразеологических единиц (далее – ФЕ) стала одной из актуальных проблем современной фразеологии и семасиологии. Данная проблема интенсивно и разносторонне изучается на материале целого ряда языков. Обращение к ФЕ разных языков, как справедливо полагает Ю. П. Солодуб, позволит показать универсальность феномена фразеологической семантики. Поэтому сопоставление соматических ФЕ (далее – СФЕ) в русском и китайском языках направлено на выявление прежде всего их семантических особенностей в каждом из сопоставляемых языков.

Дело в том, что различие структуры СФЕ в русском и китайском языках обычно вызывает их семантическое различие. Это различие проявляется, в частности, в различной категоризации в них выражаемых понятий и дифференциации их смысловых признаков. С этим важным фактором – когнитивной категоризацией мира и её специфической вербализацией в разных по структурной типологии языках – связаны многоаспектные семантические соотношения СФЕ в русском и китайском языках.

Когнитивная категория включает два компонента – контенциональный и экстенциональный. Значения репрезентирующих знаков характеризуются по содержанию и объёму выражаемых ими понятий. Двусловные сочетания «содержание понятия» и «объём понятия» терминологически неудобны и вместо них используются однословные обозначения – контенционал и экстенционал. По его мнению, контенционал включает в себя денотативный, сигнификативный и интенциональный компоненты. В таком понимании когнитивные понятия могут быть использованы и в семантическом сопоставлении ФЕ разноструктурных языков.

Кроме этих компонентов, мы выделяем в семантической структуре ФЕ ещё два важных компонента – коннотацию и внутреннюю форму. Итак, с целью сопоставления семантических структур СФЕ в русском и китайском языках, нами выделяются следующие параметры сопоставления: денотативный, сигнификативный, коннотативный, номинативный (по внутренней форме), экстенциональный и интенциональный.

¹ Работа выполнена в рамках проекта по вопросам философии и общественных наук провинции Цзилинь, номер проекта: 2013WY06

1. Сопоставление семантики СФЕ по денотату

Денотатом называют предмет – тип, или обобщённый образ ряда однородных предметов, получивший словесное обозначение. В отличие от денотата, конкретный предмет номинации называется референтом (Алефиренко 1998: 241).

Вопросу о денотате в литературе о фразеологической семантике уделяется несравненно меньше внимания, чем в литературе о лексической семантике. Это объясняется двумя причинами: 1) стремлением к аналогии и 2) лингвистической традицией.

По аналогии со словом, денотатом ФЭ считается типовой предмет объективного мира, обозначаемый фразеологизмом. Так, денотатом СФЕ *протянуть ноги* является ‘умереть’, а денотатом СФЕ *xiu shou rang guan* [сю шоу пан гуань] – букв. ‘вобрать руки в рукава’, ‘смотреть в сторону’ – ‘бездействовать’. В русской лингвистической традиции денотат фразеологического значения не был объектом специального исследования, так как фразеологическая семантика изучается преимущественно не в аспекте отражения объективной действительности, а в аспекте взаимодействия языковых факторов (проблемы фразеологизации, семантической эволюции, устойчивости и т. п.) (Кириллова 1986: 83). Проблема денотата фразеологической семантики заслуживает пристального рассмотрения, потому что аналогии с денотатом слова здесь явно недостаточно.

Н. Ф. Алефиренко справедливо толкует денотат фразеологического значения как результат переосмысления свободносинтаксического типа ФЭ применительно к задачам вторичной номинации (Алефиренко 1998: 302). По степени такого переосмысления З. Д. Попова различает первичный и вторичный денотаты (D_1 и D_2). Развивая эту идею, под денотатом-1 (D_1) мы понимаем стереотипную предметную ситуацию, которая обозначается словосочетанием – прототипом ФЭ, а под D_1 – переосмысленную предметную ситуацию, т. е. её новое, образное представление предмета фразеологической номинации (Алефиренко 1998: 307). Напр., русская СФЕ *гнуть спину* и китайская СФЕ *bei gong qi xi* [бэй чун цюй си] – букв. ‘гнуть спину, опуститься на колени’ – ‘унижаться, заискивать, раболепствовать’. Их D_1 следует считать типовую предметную ситуацию, передаваемую словосочетаниями в буквальном значении, т. е. Действие ‘гнуть спину’ и ‘гнуть спину, опускаясь на колени’, а D_2 – уже переосмысленную ситуацию, представляя её не в конкретно предметном, а в абстрагированном виде, т. е.: «состояние униженности, подобострастия низшего высшему на социальной иерархической лестнице». Нетрудно заметить, что D_2 – обозначаемая ФЭ ситуация, объект фразеологической номинации; она производна, вторична по отношению к D_1 (Алефиренко 1998: 308).

Очень часто D_1 отличается от D_2 абстрактным характером: большинство ФЭ обозначает абстрактные ситуации и относится к нематериальной сфере объективного мира. Этим объясняются трудности раз-

граничения D_1 и сигнификата ФЕ (Кириллова 1986: 88). Но выяснение этого вопроса для нас очень важно, так как без них мы не можем сопоставить СФЕ в русском и китайском языках.

2. Сопоставление семантики СФЕ по сигнификату

Под сигнификатом языкового знака понимается вербализованное понятие. Фразеологический сигнификат и D_2 , хотя связаны друг с другом, принципиально отличаются. Н. Н. Кириллова в своей работе (1986) только затронула этот вопрос, не дав на него даже приближённого ответа. Разъяснения по этому важному аспекту семантической структуры ФЕ содержатся в работах Н. Ф. Алефиренко (1998).

«Фразеологический сигнификат представляет собой отражённую в сознании совокупность свойств соответствующей денотативной ситуации (D_2). В сигнификате фразеологического значения отражаются лишь некоторые субъективно выделяемые признаки (свойства) переосмысливаемой ситуации, на основании которых происходит «сближение двух картин» (т. е. первичной и вторичной денотативных ситуаций) и в конечном счёте их «совмещённое видение» (Алефиренко 1998: 309–310). Например, *держат язык за зубами*, по отношению к D_1 возникает D_2 – «лишить возможности говорить, разговаривать». В результате ассоциативно-образного мышления из D_2 выводится сигнификативный компонент фразеологического значения – ‘молчать, не болтать, не говорить лишнего, быть осторожным в высказываниях’. Он непосредственно связан причинно-следственными отношениями с осмыслением D_2 : ‘лишить возможности говорить – молчать’. ФЕ **выражает** смысловое или сигнификативное содержание, но **называет (обозначает)** денотативную ситуацию (D_2) (Алефиренко 2012).

Из вышеуказанного примера нетрудно заметить, что «главное отличие сигнификата от D_2 состоит в аспектах и результатах отражения номинируемого объекта действительности: денотативный аспект образуют отражённые в общественном сознании признаки и свойства типичной ситуации (D_2), а сигнификат образуется совокупностью семантических признаков (не предметных), сформированных в результате преобразования обозначаемой ситуации и переноса её из мира предметного в мир образов» (Алефиренко 2012: 131).

Несовпадение семантики русских и китайских СФЕ в плане когнитивного содержания обуславливается неполным тождеством его сигнификативного компонента: между ними существуют или гиперогипонимические, или синонимические отношения.

«Гиперогипонимия имеет в виду неполное тождество совокупного сигнификативного значения за счёт наличия у одной из сопоставляемых СФЕ дополнительных, конкретизирующих семантических признаков» (Райхштейн 1980: 29-30). Так гиперогипонимические отношения между русской СФЕ *висеть [держаться] на волоске* – ‘оказываться в опасности, под угрозой гибели’ и китайской СФЕ *qian jun yi fa* [цянь цзюнь и фа] – букв. ‘что-либо весом тысяча цзюнь висит на

волоске' (цзюнь – это единица, обозначающая вес, пятнадцать килограмма). Структура китайской СФЕ расширена словом, обозначающим вес *qian jun*. Поэтому семантическая структура китайской СФЕ в отличие от русской СФЕ приобретает более конкретизирующий семантический признак – 'оказываться в **крайне** опасном положении'.

«Идеографическая синонимия имеет в виду неполное тождество совокупного сигнификативного значения за счёт наличия особых семантических признаков у обеих СФЕ» (Райхштейн 1980: 29). Например, между русской СФЕ *втереть очки* и китайской СФЕ *yi shou zhe tian* [и шоу чже тянь] – букв. 'одной рукой заслонить небо' существуют такие отношения, которые можно назвать идеографической синонимией, поскольку они, обладая совсем разными денотативными свойствами и внутренними формами, выражают всё же аналогичные значения: 'обманывать кого-либо' при наличии особых семантических признаков: в китайской СФЕ – 'опираясь на власть и силу, провести (надуть) всех мошенническим путём', а в русской СФЕ – 'обманывать кого-либо, представлять что-либо в искажённом, неправильном, но в выгодном, желательном для себя свете'.

Нетрудно заметить, что сигнификаты этих двух СФЕ (*втереть очки* и *yi shou zhe tian*) содержат отрицательную оценку обозначаемого. В этом плане фразеологический сигнификат более абстрагирован от денотата, обнаруживает «живую» связь с коннотативными элементами (ингерентными и адгерентными ассоциациями) фразеологического значения.

3. Сопоставление семантики СФЕ по коннотации

Фразеологическая коннотация, в отличие от лексической, является не только обязательным, но и важнейшим компонентом семантики ФЕ. Этим фразеологическое значение существенно отличается от лексического, в котором коннотация является лишь факультативным компонентом (Солодуб 1997: 65).

Следует указать, что отношение коннотации к семантической структуре ФЕ понимается лингвистами по-разному. Существует две совершенно противоположные точки зрения: 1) коннотация – составная часть семантического содержания номинативных единиц (Н. Ф. Алефиренко, Э. С. Азнаурова, И. В. Арнольд, В. Н. Телия, В. И. Шаховский); 2) коннотация не является составной частью языковой семантики (Ю. Д. Апресян, Н. Г. Комлев, Д. Н. Шмелёв). Нам более близко первое понимание коннотации, так как более полно и чётко реализуется на нашем материале.

В. Н. Телия (1981) первой указала на семантическую сущность коннотации, которая узуально или окказионально входит в семантику номинативных единиц и выражает эмотивно-оценочное отношение говорящего к обозначаемой действительности. Ср. русская СФЕ *для отвода глаз* разг. и китайская СФЕ: *zhe ren er tu* [чже жэнь эр му] – букв. 'заслонить глаза и уши кого-либо, чтобы отвлечь внимание от

чего-либо, ввести в заблуждение, обмануть'. При этом эмотивно-оценочное отношение говорящего к обозначаемой действительности (отрицательное отношение) ясно выражается, вместе с тем видим стилистическую маркированность – разговорность.

Такое понимание ещё более конкретно представлено в работах В. И. Шаховского по эмотивной лексикологии: «Коннотация – это аспект лексического значения единицы, с помощью которой кодировано выражается эмоциональное состояние говорящего и обусловленное им отношение к адресату, объекту и предмету речи, ситуации, в которой осуществляется данное речевое общение» (Шаховский 1983: 14). В данной работе обоснована экстралингвистическая сущность коннотации.

В исследованиях Н. Ф. Алефиренко понятие коннотации получает семасиологическую интерпретацию: «Коннотация – это тот аспект значения номинативных единиц, который представляет собой совокупность эмотивных, ассоциативно-образных и стилистических сем, отражающих не столько признаки обозначаемых объектов, сколько отношение говорящего к обозначаемому или условиям речи» (Н. Ф. Алефиренко). Напр., *рука об руку* разг. – 'вместе, дружно, как единомышленники (идти, жить, действовать, работать, трудиться и т. п.)'; *вкручивать (вкрутить) мозги* кому, груб.-прост. – 'преднамеренно внушать что-либо заведем неправильное, ложное, стараясь обмануть, провести кого-либо'; *вкладывать [влагать, вложить] в уста* кого, чьи, кому; книжн. – 'заставлять кого-либо говорить, высказывать те или иные мысли, слова и т. п.'. По его мнению, обязательным микрокомпонентом этих СФЕ является эмотивность, вспомогательная роль принадлежит ассоциативно-образному и стилистическому компонентам. Однако их наличие усиливает коннотацию, отдаляя его от денотативного компонента фразеологического значения.

Очевидно, что такие семантические компоненты являются коннотативными. Однако именно какую совокупность сем следует относить к коннотации? Одни исследователи понимают коннотацию в широком смысле. Они считают, что сюда надо включать эмоциональные, экспрессивные, оценочные и стилистические компоненты значения (Г. Г. Соколова). Другие понимают коннотацию в узком смысле. В таком случае коннотация имеет более конкретное содержание, например, понимается как эмотивность (В. И. Шаховский); как совокупность компонентов: эмоциональной оценки, интенсивности и образности (Н. А. Лукьянова); оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности (В. К. Харченко) и т. п. Вслед за Н. Ф. Алефиренко, мы рассматриваем её как совокупность эмотивных, стилистических и образных компонентов.

Почти все исследователи признают, что эмотивный компонент относится к коннотативному. Что касается экспрессивного и оценочного компонентов, мы придерживаемся точки зрения В. И. Шаховского: они не являются собственно коннотативными, они – компоненты

денотативного аспекта значения (В. И. Шаховский). Основой экспрессивности является интенсивность – категория, служащая отражением степени проявления какого-либо признака предмета номинации. Поэтому её необходимо считать частью денотации ФЕ. Относительно оценочного компонента, В. И. Шаховский справедливо объясняет, что оценочные семы значения являются понятиями, поскольку отражаемые ими признаки присущи обозначаемому – предмету. В связи с этим оценочные семы следует квалифицировать денотативными.

Вопрос о месте образности в семантической структуре номинативной единицы является спорным. Некоторые включают её в состав денотации (Л. Е. Кругликова), другие в состав коннотации (Н. А. Вострякова).

Квалифицируя образность как компонент коннотации, Н. А. Вострякова объясняет таким образом: 1) образность тесно связана с эмотивностью, принадлежность к коннотативной структуре фразеологического значения. Эмотивность является следствием образности многих языковых единиц. Затемнение же или полная утрата образности, по наблюдениям исследователей (Ю. П. Солодуб), явно ослабляют коннотативные возможности той или иной единицы. Ср.: *сломя голову* разг. – ‘стремительно, опрометью, стремглав (бежать, мчаться, кидаться, скакать и т.п.)’; 2) образ не является адекватным отражением явлений действительности, в нём ... переданы те признаки, через которые можно выразить отношение к изображаемому (А. И. Фёдоров). Иными словами, с помощью образных единиц говорящий стремится не номинировать, а охарактеризовать их предметно-логическое значение, выразить к нему субъективное отношение. Напр., *скалить зубы, прот.* – ‘смеясь, хохоча, грубо насмехаться, издеваться’. Мы используем эту СФЕ, чтобы характеризовать её, выразить своё образное представление о ней – смеяться так, что в оскале видны зубы. Поэтому мы рассматриваем образность как коннотативный компонент.

Большинство исследователей считает стилистический компонент коннотативным. Выявление стилистического компонента коннотативного значения не представляет особых трудностей, поскольку в каждый хронологически ограниченный период носителю языка хорошо известен стилистический регистр функционирования ФЕ. Как правило, учёные выделяют три класса ФЕ в зависимости от преимущественной сферы их употребления: книжные, разговорные и нейтральные или межстилевые. Безусловно, СФЕ тоже можно так выделить.

В нашей работе коннотация толкуется как микрокомпонент фразеологического значения – совокупность эмотивного, образного и стилистического компонентов. Экспрессивный и оценочный компоненты считаются денотативными.

4. Сопоставление семантики СФЕ по внутренней форме

В семантической структуре ФЕ выделяется особый аспект, обусловленный характером формирования и развития фразеологическо-

го значения – внутренняя форма ФЕ. Внутренняя форма (далее – ВФ) является основным смыслопорождающим источником, основным «геном» фразеологического значения (Алефиренко 1998: 308). Она определяет национально-языковую специфику ФЕ, что обнаруживается в процессе сопоставления соотносимых ФЕ в разных языках. Поэтому ВФ занимает важное место в аспекте сопоставления значений СФЕ русского и китайского языков.

Необходимо указать, что взгляды семасиологов в определении ВФ фразеологического значения нередко значительно расходятся под влиянием лексикологов. Одни лексикологи под ВФ понимают образ, другие – мотивированность. Во фразеологии ВФ рассматривают как словесный образ, содержащийся в одном из лексических компонентов, который кладётся в основу наименования ФЕ (А. М. Бабин, В. П. Жуков, Г. П. Помигуев). Другие понимают под ВФ семантическую мотивированность ФЕ (Л. И. Ройзензон и А. М. Мелерович). Третьи толкуют её как этимологическое содержание ФЕ (А. В. Кунин, В. М. Мокиенко, М. И. Сидоренко) и др. Однако при всём многообразии суждений наиболее убедительной представляется точка зрения Н. Ф. Алефиренко. Он считает, что «внутренняя форма ФЕ – это общий для этимологического и актуального значения ассоциативно-образный элемент, формирующийся в её семантической структуре путём взаимодействия фразеологических компонентов. Как эпидигматический (семантико-деривационный) элемент фразеологической семантики ВФ косвенно соотносят ФЕ со вторичными денотативными ситуациями, во многом определяют характер их вариантности и системно-семантической организации» (Алефиренко, Трегубова 2013: 8).

Н. Ф. Алефиренко отрицает отождествление ВФ ФЕ и их генетических образов. Свою точку зрения он аргументирует тем, что существует такой неоспоримый факт – внутренней формой обладают также и необразные ФЕ: *ни в зуб ногой* – ‘совершенно ничего (не знать, не понимать, не смыслить и т.п.)’; утрата фразеологическими значениями внутренней формы не всегда переводит их в разряд безобразных. В таких случаях образность фразеологического значения создаётся двуединым «видением двух картин», проектируемых первичной и вторичной денотативных ситуаций. Например, *очертя голову* – ‘безрассудно, не думая о последствиях (делать что-либо)’. Образность этой СФЕ возникает вследствие подсознательного сопоставления буквальных значений лексических компонентов в свободносинтаксическом употреблении с фразеологическим значением. При этом буквальные значения фразеологической базы не являются прямой мотивацией фразеологической семантики, поскольку между СФЕ и её деривационной базой нет опосредованной связи – ВФ. «ВФ ФЕ выполняет мотивирующую функцию, выступая своего рода опосредующим звеном между значением ФЕ и обозначаемой предметной ситуацией» (Алефиренко, Трегубова 2013: 10).

Существенная роль в осмыслении ВФ принадлежит культурно-историческому фону образования той или иной ФЕ. Через сопоставление ВФ соотносимых СФЕ в русском и китайском языках обнаруживается национально-языковая специфика СФЕ. Напр., русская СФЕ *держат язык за зубами* и китайская *shou kou ru ping* [шоу коу жу пин] – букв. ‘держать рот, как горлышко бутылки закупорить’ выражают одинаковое значение ‘молчать, не болтать, не говорить лишнего, быть осторожным в высказываниях’, обладая разными ВФ. Очевидно, ВФ при сопоставлении ФЕ разных языков занимает очень важное место.

5. Сопоставление семантики СФЕ по экстенционалу и интенционалу

Экстенционал – это объём понятия, денотаты, с которыми соотносится употреблённое в речи имя. Интенционал – это инвариантная часть (ядро) структуры фразеологического значения, включающая обязательные семантические признаки. Экстенционал и интенционал находятся в обратной зависимости. Такая зависимость ясно отражается при сопоставлении СФЕ русского и китайского языков.

Если соотносящиеся СФЕ в сопоставляемых языках являются однозначными, то чем богаче интенционал фразеологического значения, чем больше признаков он содержит, тем беднее экстенционал этого значения, тем меньше число денотатов, к которым приложимо это значение. Обратное также справедливо. Напр., русская СФЕ *показывать [показать] когти [зубы]* – ‘проявлять по отношению к кому-либо враждебность, нетерпимость, обнаруживать готовность дать отпор кому-либо’ и соответствующая ей китайская СФЕ *zhang ya wu zhao* [чжан я у чжао] – букв. ‘оскалить клыки, выпускать когти’ – ‘проявлять по отношению к кому-либо сильную враждебность, нетерпимость’. Сравнивая эти СФЕ можно заключить, что у первой более богатый интенционал (обнаружить готовность дать отпор), но более бедный (узкий) экстенционал, т. е. китайская СФЕ не только может выражать значение ‘обнаруживать готовность дать отпор кому-либо’, но и может выразить значение ‘испугать кого-либо, угрожать кому-либо’. Таким образом, чем богаче интенционал фразеологического значения, тем у́же экстенционал.

Если одна из соотносящихся СФЕ в сопоставляемых языках является многозначной, то чем богаче интенционал фразеологического значения, тем шире экстенционал этого значения. Напр., русская СФЕ *не сводить глаз с кого, с чего* обозначает ‘1) пристально, внимательно, неотрывно смотреть на кого-либо или на что-либо; 2) пристально следить, наблюдать за кем-либо или за чем-либо’. Интенционал этой СФЕ образуется признаками ‘смотреть’, ‘следить’ и ‘наблюдать’. Интенционал соответствующей ей китайской СФЕ *tu bu zhuan jing* [ту бу чжуан цзин] – букв. ‘в глазах не вертятся глазные яблоки’ – ‘пристально, внимательно смотреть на кого-либо или на что-либо’ образуется при-

знаком «смотреть». Из этих двух СФЕ легко заметить, что в отличие от китайской СФЕ у русской СФЕ более богатый интенционал и значительно шире экстенционал (выражает значение 'пристально следить, наблюдать за кем-либо или за чем-либо'). Таким образом, у многозначной ФЕ интенционал богаче, экстенционал – шире, чем у соответствующей ей однозначной ФЕ.

Итак, при сопоставлении семантики СФЕ в русском и китайском языках часто наблюдается различие по экстенционалу и интенционалу.

В заключение необходимо отметить, что в русском и китайском языках семантические структуры ФЕ включают следующие компоненты: денотат, сигнификат, коннотацию, внутреннюю форму, экстенционал и интенционал. Однако при сопоставлении конкретных СФЕ в русском и китайском языках наблюдается семантическое различие между ними. Это объясняется структурным различием СФЕ в сопоставляемых языках. Структурные и семантические различия СФЕ, обнаруженные в результате сопоставительного анализа рассматриваемых языков, позволяют утверждать, что семантические соответствия СФЕ обычно представлены частичной фразеологической эквивалентностью или фразеологической аналогией по денотату, сигнификату, коннотации, внутренней форме, экстенционалу и интенционалу.

Литература

Алефиренко, Н. Ф. Теория языка: Вводный курс. Учебное пособие. 5-е изд. – М.: ИЦ «Академия», 2012. 384 с.

Алефиренко, Н. Ф., Трегубова, В.И. Внутренняя форма фраземы как категория сопоставительной лингвокультурологии // Славяно-русский мир в языковом сознании евразийцев: сб. статей. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2013. С. 7-16.

Алефиренко, Н. Ф., Жаркынбекова, Ш.К. Основные тенденции и перспективы развития сопоставительной лингвокогнитивистики // НДВШ. Филологические науки. – М., 2014. Вып. 5. С. 18-25.

Кириллова, Н.Н. Фразеология романских языков: этнолингвистический аспект. Монография. 2-е изд. – СПб: «Книжный дом», 2015. 236 с.

Райхштейн, А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. – М.: Высшая школа, 1980. 143 с.

Солодуб, Ю. П. Структура лексического значения // НДВШ. Филологические науки. 1997. № 2. С. 54 –67.

Шаховский, В. И. Эмотивный компонент значения и методы его описания. – Волгоград, 1983. 84 с.

Summary. The universality of the phenomenon of phraseological semantics is illustrated by the author on the material of Russian and Chinese somatic phraseological units. The article compares phraseological units by their denotatum, significatum, connotation, inner form, extensial and intensional. Semantic matchings of somatic phraseological units are usually represented by partial phraseological equivalence or phraseological analogy.

Key words: phraseological units, Russian, Chinese, denotation, significatum, inner form, connotation, extensial, intensional.

СОМАТИЧЕСКАЯ ФРАЗЕМИКА, НОМИНИРУЮЩАЯ ГНЕВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АРАБСКОГО ЯЗЫКОВ)

С.А. Абдельхамид

Египет, г. Каир, университет Айн-Шамс
said_abdelhameed@alsun.asu.edu.eg

Фраземика «покрывает преимущественно те участки действительности, которые непосредственно связаны с человеком, с его видением, оценкой реалий, с характеристикой психологических особенностей личности – познавательных процессов эмоционально-волевой стороны деятельности, индивидуально-типологических свойств личности и т. д.» (Эмирова 1988, 6). Согласно данному суждению, исследуя русскую и арабскую фраземику, нельзя находиться в рамках сосюрловской идеи изучать язык «в себе и для себя», не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку (ср. общую концепцию Караулова 1987: 7). В связи с этим точкой притяжения в русской и арабской языковых картинах мира, а, следовательно, их фразеологической составляющей стал человек как языковая личность, его образ и тело в двух его разновидностях «внешней» и «внутренней». Обращение к языковой личности не может быть плодотворным без анализа и культурологического осмысления того пласт фраземики, который порожден познанием его самого и, прежде всего, фраземики соматической, называющей и отражающей его «внешнюю» (социальную) и «внутреннюю» сущность. Предметом исследования выбраны СФЕ, входящих во фразеосемантическое поле «эмоции». Не подлежит сомнению, что с помощью СФЕ и русского, и арабского языков, представляющих собой наиболее самобытные этнокультурные образования, люди передают не только мысли, но и чувства, эмоции. Ср. русские и арабские СФЕ: *сердце ноет* – ‘кто-л. испытывает гнетущую тоску’; *قفز قلبه* (букв. *сердце прыгает у кого*) – ‘кто-л. испытывает сильное чувство радости’. СФЕ, выражающие эмоции и чувства человека, широко представлены как в русском (336 СФЕ), так и в арабском языках (322 СФЕ). Это свидетельствует о том, что эмоции неразрывно связаны с потребностями человека и лежат в основе мотивов его деятельности. Эмоции составляют ядро мотивационной структуры человека. Они влияют на наши мысли и поступки в повседневной жизни, а порой и драматически изменяют судьбу человека. Человеческое поведение зиждется на эмоциях, они активизируют и организуют восприятие, мышление и устремления человека (Изард 1999: 40).

В качестве способа изучения СФЕ, выражающие эти состояния выбран метод семантического поля. Ю.Н. Караулов отмечает, что способом выражения картины мира является поле (Караулов 1976: 269). В фразеосемантическое поле включаются СФЕ, относящиеся к одному и тому же кругу представлений, понятий, сходных или противоположных по своему значению. С одной стороны, СФЕ могут быть собраны в более крупные объединения – макрополя, а с другой – включены во

внутреннюю структуру полей менее малочисленных по количеству единиц, но вполне обозримые микрополя. Микрополе содержит архисему более конкретного содержания, чем архисема макрополя, и классификационно более низкого порядка (Новиков 1987: 87). Микрополя, в свою очередь, могут включать в себя фразеосемантические группы и подгруппы, обладающие еще более конкретной архисемой по содержанию и находящиеся в иерархической классификации на еще более низком уровне. Был использован метод компонентного анализа, который позволил рассмотреть семантические особенности исследуемых фразеологических единиц.

В СФЕ сопоставляемых языков проявляется уникальная их черта – опосредованно, образно, а следовательно, и экспрессивно обозначать свойства социально-психологической жизни человека, а также давать этим свойствам ситуативно значимую положительную или отрицательную оценку. В соответствии с этим, СФЕ, выражающие эмоциональные состояния, принято объединять в две группы: 1) отрицательные эмоции (страх, волнение, гнев, грусть, стыд) и 2) положительные эмоции (удивление, радость, любовь). Определено, что количество эмоциональных ФЭ с отрицательной оценочностью в русском и в арабском языках преобладает над количеством эмоциональных СФЕ с положительной коннотацией, что может быть объяснено большей дифференцированностью отрицательных эмоций, более острой эмоциональной и речемыслительной реакцией людей именно на отрицательные явления. В связи с этим, в рамках данной статьи подвергаются анализу СФЕ, выражающие *гнев*, поскольку являются многочисленными, экспрессивными и богатыми по своей внутренней форме эмоциональные состояния.

СФЕ фразеосемантической подгруппы *гнев* характеризуются общей интегральной семьей «находиться в состоянии гнева, негодования». Большинство СФЕ исследуемой подгруппы представляют собой полихарактерологические единицы, которые в одном своем значении несут комплекс отрицательных психоэмоциональных состояний, чем обусловлена тесная связь отрицательных эмоций между собой. Таким образом, в данной подгруппе можно выделить СФЕ, выражающие смежные эмоции: *держат зуб* на кого – ‘испытывать недовольство кем-либо за что-либо’, *приходить в сердце* – ‘гневаться, испытывать раздражение’, *надуть губы (губки)* – ‘сердиться, обижаться, проявляя недовольство в выражении лица’; *اكفهر وجهه* (букв. *лицо хмурилось* кого) – ‘гневаться, возмущаться’, *تبرطمت شفاته* (букв. *спускать губы вниз*) – ‘сердиться, испытывать ярость’. Дифференциальным семантическим признаком ‘испытывать сильный гнев’ обладают следующие СФЕ: *сердце кипит*, *поднять щетину*, *скрежетать зубами*, *скалить зубы* (в первом значении), *с сердецов* (в первом значении), *в крайнем сердце*; *غلى الدم فى رأسه / عروقه* (букв. *кровь кипит в голове / жилах* кого), *زبد (تزيد) شدقه* (букв. *изо рта вышла пена*), *تطاير الشرر من عينه* (букв. *искры*

разлетаются из глаз кого), العفارييت بنتط من عينه (букв. черты прыгают из глаз кого), يحرق أسنانه (букв. скрежетать зубами).

Семантика СФЕ, обозначающих состояние гнева может быть осложнена дополнительными семами: а) «**контролируемость**»: *накипало на сердце* у кого ‘кто-л. полон гнева, обиды; едва сдерживает негодование’; «**неконтролируемость**»: *с безумных глаз* ‘в состоянии крайнего раздражения, слепой злобы; потеряв самообладание’; *فقد أعصابه* (букв. *терять нервы*) – ‘в порыве гнева; не умеет владеть собой, сошёл с ума’; б) сема «**неприятнь**», выступающая в качестве причины гнева: *как будто спица в глаз* кто, *быть спицей в глазу* кого – ‘кто-л. крайне неприятен кому-либо, вызывает сильную досаду, раздражение’; *قطب وجهه* (букв. *нахмурить лицо*) – ‘испытывать гнев или неприятнь, проявляя это в выражении лица’; в) сема «**причина**» гнева содержится в русской СФЕ *лаять на свой <собственный> хвост* со значением ‘горячиться по ничтожному поводу (обычно об очень молодых людей)’; г) характерна для СФЕ русского языка сема «**желание причинять вред**», которая сопровождается с состоянием гнева: *грызть зубы* на кого (в 1 значении), *точить зубы* на кого, на что (в 1 значении) – ‘испытывать чувство злобы против кого-либо или чего-либо, желая причинить вред’; д) в значении русской СФЕ *махнуть рукой* на кого, на что содержится сема «**переставать обращать особое внимание**», отражающая действие, совершаемое в результате чувства неудовлетворённости чем-либо. Для данной фраземы характерно отсутствие признака – пассивность субъекта процесса. Активность субъекта прослеживается в семантике следующих фразем: *срывать сердце* на ком, на чём – ‘вымещать свой гнев, раздражение, ярость и т. п.’; *вымещать сердце* на ком – ‘срывать злобу, досаду на ком-либо’, *под горячую руку* – ‘состоянии гнева, злости, раздражения (делать что-либо)’; *صب غضبه فوق رأس فلان* (букв. *излить гнев над головой* кого) – ‘вымещать свой гнев, налагая ответственность совершенного на кого-либо’, *ضرب رأسه بالحائط* (букв. *биться головой о стену*) – ‘находиться в состоянии крайнего расстройства, отчаяния от невозможности что-либо изменить’. Последняя СФЕ имеет дополнительную сему «**отчаяние**».

Сема «приведение в состояние гнева, раздражения» особенно характерна для рассматриваемой подгруппы СФЕ. Поэтому они выделяются в отдельную, многочисленную группу: *сидит в печёнках* у кого – ‘предельно досаждаёт, раздражает кто-л. или что-либо’, *как будто спица в глаз* кто – ‘кто-л. крайне неприятен кому-либо, вызывает сильную досаду, раздражение’, *быть спицей в глазу* кого – ‘вызывать досаду, раздражение у кого-либо’, *бросаться в голову кому* (в 1 значении) – ‘действовать на кого-либо, раздражая, возбуждая и т.п.’, *бросилось в голову* – ‘что-либо сильно действовало на кого-либо, возбуждая, раздражая и т.п.’, *действовать на нервы* кому – ‘раздражать’, *играть на нервах* – ‘намеренно раздражать кого-либо’; *فقع مرارة فلان* (букв. *лопнуть жёлчный пузырь* кого) – ‘предельно досаждаёт, раздражает кто-

л.', *خلى فلان يشد شعره* (букв. заставлять кого-либо тащить себя за волосы), *أوغر صدره* (букв. воспалять грудь кого), *غيردمه* (букв. изменять кровь кого), *أثار أعصابه* (букв. действовать на нервы кому) – 'вызывать досаду, злобу, гнев у кого-либо'.

Вектор семантического признака «находиться в состоянии гнева» может иметь диаметрально противоположное направление «без гнева», что манифестируется наличием в периферийной зоне подгруппы «гнев, раздражение» фраземы *без сердец* – 'без всякой злобы (делать что-либо)'.

В связи с активной природой гнева большинство СФЕ, выражающих раздражение, гнев или ярость являются образными и метафорическими по своей внутренней форме. Они отражает а) физиологические изменения и ощущения. В арабском языке фразеологическая фиксация симптоматических реакций и физических состояний, ассоциируемых с эмоцией «гнев» широко представлена: *ورم أنفه* (букв. нос опухло у кого) – 'сильно сердился', *انتفخ وريد* (букв. шейная вена вспухнула) – 'гневаться', *فار الدم في عروقه* (букв. кровь вскипела в жилах) – 'кто-л. испытал чувство сильного гнева, ярости', *صعد الدم إلى عينيه* (кровь бросилась в глаза кого) – 'в порыве гнева, раздражения'. Особого внимания заслуживает арабская СФЕ, метафорически отражающая телесное повреждение разъяренного человека: *انفقت مرارة فلان* (букв. жёлчный пузырь лопнул у кого) – 'о том, кто испытывает сильную ярость, больше не может потерпеть что-либо'. Для арабского языка также характерно употребление компонента цветообзначений; *تريد (اريد) وجهه* (букв. лицо стало серым кого) – 'испытывать гнев'; б) поведенческую реакцию, речевую и физическую. В русских и арабских СФЕ со значением гнева использованы фраземы, являющиеся речевой реакцией (вербальные действия), выражающейся в виде гневных реплик: *иди с глаз* – 'уйди, перестань досаждать; не хочу тебя видеть', *поди (подите) от глаз* – 'уйди (уйдите) прочь!', *из рук вон* – '1. как. Очень, совсем (плохо, скверно). 2. какой. крайне, совсем (плохой)' (употребляется для выражения негодования, возмущения при отрицательной оценке кого-либо или чего-либо); *اغرب عن وجهي، تنكب عن وجهي* (букв. отойди от моего лица) – 'иди отсюда, не хочу тебя видеть'. Обращает на себя внимание тот факт, что вышеперечисленные фраземы содержат образы, общие для каждого из исследуемых языков. Это может объясняться желанием человека, находящегося в состоянии гнева, отстраниться оттого, кто вызывает досаду, раздражение. В основе следующих СФЕ лежит физическая реакция разгневанного человека (жесты, мимики или поведение), выражаемая общими образами для каждого из сопоставляемых языков: *скрипеть зубами, скрежетать зубами*; *يحرق أسنانه* (букв. скрежетать зубами). Среди национально-специфичных фразем наличествуют следующие примеры: *надуть губы (губки)*, *поднять щетину*, *скалить зубы*, *грызть зубы*, *точить зубы* на кого, на что, *лаять на свой <собственный> хвост*, *махнуть рукой* на кого, на что,

сверкать глазами на кого; ضرب رأسه بالحائط (букв. биться головой о стену), شد شعر رأسه (букв. тащить себя за волосы), تبرطمت شفثاه (букв. спускать губы вниз), قطب وجهه (букв. нахмурить лицо), قطب جبينه / حاجبيه (нахмурить лоб / брови).

Помимо указанных выше СФЕ также можно выделить еще те, которые содержат во внутренней форме и физические действия, и речевые действия субъекта: *с сердцем* – ‘в гневе, сердито (сказать или сделать что-либо)’, *под горячую руку, под сердитую руку* – ‘в состоянии гнева, будучи сердитым, рассерженным (делать что-либо)’. Такие СФЕ не представлены в арабском языке.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что СФЕ непосредственно связаны с функционально-чувственными сторонами человеческого бытия и отражают культурно-антропологические особенности русским и арабским сообществам. Вместе с тем, совпадения образного кода СФЕ русского и арабского языков объясняется, прежде всего, общими фразеопорождающими закономерностями соматических лексем, образованием у них косвенно-производных значений, связанных с универсальными законами человеческой деятельности. И всё же соматический фразеологизм – этнокультурный феномен. Этноязыковая специфика СФЕ, выражающих концепт *гнев* скрывается в образных глубинах семантико-дискурсивной коннотации, творческое преобразование которых осуществляется главным образом посредством лингвокреативного мышления (Алефиренко 2005: 271).

Литература

Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2009. 288 с.

Караулов, Ю. Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. 356 с.

Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.

Изард, Кэрролл Э. Психология эмоций. Перев. с англ. – СПб: Питер, 1999. 464 с.

Новиков, Л.А. Современный русский язык. Теоретический курс. Лексикология. – М.: Русский язык, 1987. 160 с.

Федоров, А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. – М.: Астрель, АСТ. 2008, 828 с.

Эмирова, А.М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте. Ташкент: Фан, 1988. 92 с.

أبو سعد، أحمد. معجم التراكيب والعبارات الاصطلاحية العربية القديمة منها والمولد. دار العلم للملايين، بيروت، الطبعة الأولى، 1987.

فايد، وفاء كامل. معجم التعابير الاصطلاحية في العربية المعاصرة عربى عربى. الطبعة الأولى، 2007.

Summary. The article presents a comparative study of somatic phraseological units (SFU) in Russian and Arabic. Somatic phrasemics takes a special place in any language. It gives an opportunity to see into inner world of people, into human feelings and emotions. The article explores semantic features of English phraseological units, which are included in phraseosemantic field “Emotions”, reveals similarities and differences in Russian and Arabic emotional conceptosphere.

Key words: phraseological units, somatism, emotion, anger, semantic field, imagery.

СЕМАНТИКА КОЛОРАТИВОВ «БЕЛЫЙ» И «ЧЁРНЫЙ» В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

М.А. Котышова, Лю Сину

Россия, г. Москва, Московский государственный областной университет
smstudio_7@bk.ru, lyu.sini@mail.ru

Особую роль в создании языковой картины мира народа играют фразеологизмы. Природа значения устойчивых единиц тесно связана с фоновыми знаниями носителя языка, с практическим опытом личности, с культурно-историческими традициями народа, говорящего на данном языке. Во фразеологических единицах важен не столько денотативный аспект, сколько коннотации, наслоения, образы, символы, имплицитные оценки и эмоциональное отношение, что и делает их репрезентаторами культурных смыслов того или иного народа, его представлений о мире, эмоционально-ценностном его восприятии. По справедливому утверждению Н. Ф. Алефиренко, в каждом национальном языке часто оказываются различными «прототипические признаки» – свойства, которыми характеризуются предметы соответствующего класса, т. е. «одни и те же объекты воспринимаются и кодируются этноязыковыми сознаниями в соответствии с выработанными в данном этнокультурном сообществе представлениями о данном предмете» (Алефиренко 2009: 113), становятся определенными символами той или иной культуры. Таким образом, фразеология является своего рода зеркалом народа, «в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» (Телия 1996: 9).

Особенно ярко это проявляется во фразеологических единицах с компонентом цветообозначения. Колоративы обладают большой культурной значимостью. Как компонент культуры цвет приобретает сложную и разнообразную систему смыслов и толкований, становится воплощением культурных ценностей. Цветовое видение мира в каждую эпоху осмысливается в соответствии с цветокультурными установками, что позволяет рассматривать цветообозначения как своеобразные «концепты мировидения», значимые для конструирования национальных картин мира. Это объясняется тем, что символические смыслы колоративов восходят еще к архаическому мышлению, выполняют функцию упорядочивания объектов и явлений окружающего мира на основе сходного для субъектов, говорящих на языке, эмоционального фона. Такие устойчивые сочетания образуются следующим образом: сначала возникает прототипическая ситуация, она фиксируется во фразеологической единице, образуя его «внутреннюю форму», где и сохраняется культурная информация. Позже содержание этой ситуации переосмысливается, и появляется образ фразеологизма. Так в образовании устойчивых единиц закладываются культурно-национальные стереотипы и эталоны. Как отмечает В.А. Маслова, «эта информация затем как бы воскрешается в коннотациях, которые

отображают связь ассоциативно-образного основания с культурой» (Маслова 1997: 43). И уже сами фразеологизмы выполняют функцию культурных стереотипов.

Коннотации этнического, социального и культурного планов проявляются в колоративных предпочтениях данного этнокультурного сообщества (Маркова 2013), поэтому вызывает сомнение утверждение о наличии универсальности цветового символизма в разных культурах (Петренко 2005: 181). Цветообозначения в разных языках могут характеризоваться комплексом совершенно расходящихся значений. Очевидно, что изучение устойчивых оборотов речи таких далеких в отношении родства и разносистемных языков, как русский и китайский, в состав которых входит то или иное цветовое обозначение, представляет большой научный, теоретический и практический интерес. Этот интерес обусловлен не только причинами лингвистического, типологического характера, но и экстралингвистическими: в последнее время усилился интерес китайцев к России и к русскому языку, резко увеличилось количество китайских студентов в российских вузах, отмечается активизация и в изучении китайского языка и китайской культуры русскими школьниками и студентами.

Данная статья посвящена сопоставительному исследованию особенностей семантики цветообозначений в составе фразеологических единиц в русском и китайском языках, изучению национально-культурной специфики, отражённой в семантике китайских и русских устойчивых оборотов, содержащих в своей структуре колоратив.

В китайском языке есть два иероглифа, обозначающие цвет: 颜色 или 色彩. 颜色 обозначает определенные цвета, напр.: красный 红色, жёлтый 黄色, белый и др., а 色彩 обозначает стиль, колорит, оттенок. Также в китайском языке есть общий иероглиф 色, который значит цвет, он не употребляется как самостоятельный иероглиф, а используется только в составе других иероглифов.

Китайцы выделяют пять главных цветов: жёлтый, красный, синий, белый, чёрный. Они занимают важное место в китайской культуре, так же как и в русской, часто являются компонентом фразеологических единиц. В статье будут рассмотрены два основных ахроматических цвета – белый и чёрный. А.П. Василевич отмечает, что колоративы *белый* и *чёрный* относятся ещё к первой, древней стадии развития языков, эти понятия появились для отображения всего многообразия цвета, всех тёмных и светлых оттенков (Василевич 2005: 7), поэтому такие цвета можно считать базовыми для всех культур.

Белый цвет в народной культуре один из основных элементов цветовой символики. Этот цвет в русской и китайской языковой картине мира противоречив, так как, являясь компонентом различных фразем, может иметь как позитивные, так и негативные коннотации.

Так, этот цвет в Китае может обозначать ясность, честность, истину и передавать положительную оценку. Напр.: китайская идиома

真相大白 – букв. «истинное положение полностью выяснилось»; устойчивое выражение 不分皂白 – (букв. «не разбираться, что белое, что чёрное») не разбираться, кто прав, кто виноват, не различать правду и ложь, без разбора; идиома 白手起家 – (букв. «голыми, белыми, руками начать дело») создать своё благополучие собственным трудом, создавать на пустом месте.

В русской культуре белый цвет в основном несёт в себе положительную коннотацию и означает невинность, чистоту, молодость, красоту. Например, в поговорках и пословицах: *И с личиком бела, и с очей весела; Не давай моё бело рукодельнице чужим людям на поруганьице*. Значения белого цвета связаны в русском языке с понятиями «положительный», «хороший» и противопоставлены черному (*белая зависть* – зависть без чувства досады, раздражения возможностями или успехами другого; *белая магия* – по средневековым суеверным представлениям: волшебство, чародейство с помощью небесных сил, *белый свет* – окружающий мир, земля, в противопоставлении другому, тёмному, царству).

Фразеологизм *белая кость* обозначает человека знатного происхождения (того, кто принадлежал к привилегированному сословию в дореволюционной России) и является антонимом устойчивому сочетанию *чёрная кость*. Таким образом, в символической сфере в русском языке корреляция *белый / чёрный* может входить в эквивалентный ряд с парами *хороший / плохой, живой / мертвый, отчасти молодой / немолодой* (старый) и т.д.

Белый цвет нередко содержит в себе значение «светлый», такое восприятие основано прежде всего на качественных характеристиках предмета или явления. Например: *белые ночи* – северные летние ночи, когда вечерние сумерки непосредственно переходят в утренние без наступления темноты; *белый день; среди (среди) белого (бела) дня* – днём, когда светло. В китайском языке есть аналог: 白天 – (букв. «белое небо») день.

Колоратив белый является и символом снега, зимы (*белая олимпиада* – олимпиада, на которой спортсмены соревнуются в зимних видах спорта; *белая пахота* – снегозадержание; *белые мухи* – падающие снежинки).

Однако прилагательное *белый* как компонент фразеологизмов имеет и значение «тёмный, непонятный, неизведанный»: *белое пятно* – неисследованная территория, район, край; неразработанная часть (вопроса, проблемы), *белый* несёт значения «неясный, неизведанный», осложнённые отрицательной коннотацией. Семантически этот фразеологизм близок обороту *тёмное пятно*. Данные устойчивые обороты не противопоставлены друг другу, как противопоставлена семантика слов *белый* и *тёмный*, а взаимозаменяются.

Слово *белый* и близкие ему соответствия как компоненты фразеологизмов имеют негативную коннотацию при актуализации болез-

ни и отрицательных эмоциональных состояний. Например: *белая горячка* – острый алкогольный психоз (где слово *белый* синонимично лексеме *чёрный* как составляющей идиомы *чёрная немочь*), *доходить (доводить) до белого каления* – приводить в состояние иступления, полной потери самообладания.

Употребление колоратива *белый* по отношению к предметам, которые не могут быть окрашены в этот цвет и часто являются чёрными, усиливает контраст во фразеологизмах, в которых делается акцент на необычности явления или неуспешности действия, его бессмысленности: *дела как сажа бела* – плохи дела, никуда не годятся; *белая ворона* – человек, резко выделяющийся чем-либо среди окружающих его людей, не похожий на них (это выражение пришло из античности и впервые было использовано римским поэтом Ювеналом, писавшим: иногда раб может стать царем, пленник – дожждаться триумфа, только такой человек редкостней белой вороны). *Сказка про белого бычка* – бесконечное повторение одного и того же с самого начала, возвращение к одному и тому же.

Русский фразеологизм *шито белыми нитками* несет в себе негативное значение – ‘неловко, неумело, неискусно скрыто что-либо’.

Колоратив *белый* и его производные в составе русских пословиц также могут иметь неоднозначную семантику. Ср.: *Белые ручки чужие труды любят; Рука руку моет, и обе белы живут; Палата бела, да без хлеба беда; Лавка бела, да изба гола; Личиком белёнок, да умом простёнок*. Здесь указанный колоратив имеет семантику «красивый», «чистый», которая связана со значениями «бесполезный», «плохой». Поэтому за словом *белоручка* закрепилось связанное с данными смыслами значение «не любящий тяжёлого труда».

Лексема *белый* в культуре русского народа имеет и значение смерти, конца. Данная семантика лексемы закрепилась при характеристике погребального обряда: *до белого савана* – до самой смерти; в загадке *Тяп-тяпком, под белым платком*, что значит «смерть». Белый цвет мыслится как часть траурной церемонии, ассоциируется с загробным миром. Именно белый является цветом траура в культурах восточных народов, в том числе в Китае. В китайской культуре он связан с такими понятиями, как безжизненность, бескровность, поэтому белый цвет символизирует смерть, дурное предзнаменование, несчастья. Раньше на похороны люди надевали светлую холщовую одежду в знак траура, хотя сейчас, под западным влиянием, китайцы тоже стали надевать чёрное.

В китайском языке белый цвет также имеет значение «поражение, глупость». Например, слово 白旗 – (аналог русского фразеологизма *белый флаг*) капитуляция. Слово 白痴 – идиот, кретин, идиома 白面书生 – (букв. ‘учёный с белом лицом’) новичок в науке; молодой неопытный человек.

Итак, белый цвет в русской и китайской культурах наделён неоднозначной, амбивалентной семантикой, его необходимо тракто-

вать как слово, для которого присуще не только значение «белый», «чистый», «хороший», но и «тёмный», «чёрный», «связанный со смертью», понимать его как семантически многослойный колоратив с позитивными и негативными коннотациями.

Чёрный цвет также имеет во многом схожую отрицательно окрашенную смысловую структуру в обоих сравниваемых языках. Китайские предки считали, что творец живёт на полярной звезде. И наблюдая за северным небом, они отметили, что оно всегда чёрного цвета. Поэтому в Китае 黑色 – чёрный цвет – считается королём цветов, он символизирует таинственность, неопределённость. Для китайцев это цвет бездонного и мистического ночного неба, поэтому означает мрак, тьму, несёт в себе отрицательный оттенок. Напр.: 月黑风高 (букв. «темная ночь с сильным ветром») – опасная обстановка или ситуация. Идиома 昏天黑地 (букв. «беспросветный мрак, непроглядная тьма; темно в глазах») означает: 1) кромешная (непроглядная) тьма; 2) помутиться в голове; потерять сознание; 3) мрачные времена.

У чёрного цвета в китайском языке есть переносное значение: зло, грязь, нечто плохое; то, что нельзя показывать другим. Напр.: поговорка 天下乌鸦一般黑 (букв. «все вороны в мире одинаково черны») – один другого не лучше; одним миром мазаны. Пословица 近朱者赤, 近墨者黑 (букв. «кто близок к киноvari (имеет дело с киноварью), краснеет, кто близок к туши (имеет дело с тушью) – чернеет») – около чего потрешься, тем и запачкаешься; с кем поведешься, от того и наберешься; с собакой ляжешь, с блохами встанешь. Идиома 颠倒黑白 (букв. «выдавать чёрное за белое») – исказить (извращать) истину, передергивать факты, выражение 背黑锅 (досл. «носить на спине закопчённый (чёрный от сажи) котёл») значит нести ответственность за чужие проступки, быть козлом отпущения, слово 黑钱 (досл. «чёрные деньги») означает нечестные деньги (взятка, ворованное, награбленное), слово 黑社会 (досл. «чёрное общество») – мафия, организованная преступность, криминальный мир.

Для русской культуры чёрный цвет – априори трагедия, несчастье, тьма, горе, и символика русской фразеологии с компонентом «чёрный» сходна с китайской. Чаще всего такие фраземы имеют отрицательную коннотацию и ассоциируются с трудностями, нуждой, злобой. Приведём некоторые примеры: *чёрная неблагодарность* – зло, коварство вместо признательности за добро, за оказанные услуги; *чёрная несправедливость* – очень большая, вопиющая несправедливость; *в чёрном цвете* – мрачным, неприглядным, хуже, чем есть на самом деле (видеть, представлять); *держаться в чёрном теле* – сурово, строго обращаться с кем-либо, притеснять кого-либо; *чёрный день* – трудное время в жизни кого-либо, время нужды, безденежья, несчастий; *чёрная оспа* – народное название тяжелой формы оспы, при которой оспины принимают тёмно-синюю окраску; *чёрный рынок*, *чёр-*

ная биржа – в капиталистических странах – нелегальный рынок, на котором совершаются валютные сделки, спекуляции; *чёрная тоска* – очень грустное настроение; *чёрные мысли, думы* – плохие, коварные; *чёрные списки* «в царской России и других странах с реакционным режимом: а) списки революционно настроенных рабочих, нигде не принимаемых на работу по общему уговору владельцев. б) тайно составленные списки неугодных властям лиц для расправы над ними». В наши дни данный фразеологизм употребляется немного в ином значении, более широком. В чёрный список можно занести нежелательные контакты, чёрные списки составляют различные заведения, которые не желают видеть среди своих клиентов лиц отличающихся отрицательным поведением. Цветообозначение «чёрный» используется и при характеристике человека: *чёрная душа, совесть, чёрное сердце*.

Сохранились этнокультурные традиции, следы поверья во фразеологизме *чёрная кошка пробежала / проскочила между кем-либо* в значении «ссора», «недомолвка». Это выражение отразило русское народное суеверие: перебежавшая дорогу черная кошка сулит беду.

Лексема *чёрный* в русском языке часто встречается во фразеологии как антоним колоративу *белый*: *называть / назвать белое чёрным; называть / назвать белое чёрным, а чёрное белым; называть / назвать чёрное чёрным, а белое белым* в значении «толковать что-либо не так, как есть на самом деле, а наоборот»; *чёрным по белому написано* – «ясно, недвусмысленно».

Сопоставляя семантику фразеологизмов с колоративом *чёрный* в русском и китайском языках, следует сказать, что в русском языке отсутствует положительная коннотация, однако в китайском языке, независимо от негативного значения, *чёрный* считается королём цветов и понимается ещё и как цвет стабильности, власти и денег.

Таким образом, смысловое наполнение различных цветов, особенно таких значимых, как *чёрный* и *белый*, влияет на значение фразеологических единиц, в состав которых они входят. Цветообозначение как компонент устойчивого оборота реализует определённую семантику не только за счёт синтагматических связей этого слова с другими лексическими единицами, но и благодаря семиологическим ресурсам. Сопоставительное изучение фразеологизмов, содержащих цветообозначения, показывает, что их значение в китайском и русском языках обусловлено не только ментальным универсализмом, но во многом зависит от обычаев, традиций, истории, картины мира народа, и иллюстрирует сходства и различия двух лингвокультур.

Литература

Алефиренко, Н. Ф. «Живое» слово. Проблемы функциональной лексикологии. – М.: Флинта: Наука, 2009.

Большой словарь китайских пословиц, автор-составитель: Вэнь Жуйчжэнь. – Шанхай: Изд-во «Шанхайские словари», 2011.

Василевич, А.П., Кузнецова, С.Н., Мищенко, С.С. Цвет и названия цвета в русском языке / Под общ. ред. А.П. Василевича. – М.: КомКнига, 2005. 216 с.

Маркова, Е.М. Фразеологизмы с компонентом-колоративом в славянских языках в аспекте отражения их лингвокультурной специфики // Фразеология в многоязычном обществе. *Phraseology in Multilingual Society*. Сборник трудов Международной Фразеологической конференции «Europhraz». В 2-х т. – Казань: «ХЭТЕР», 2013. Т.1. С. 281-288.

Маслова, В.А. Введение в лингвокультурологию. – М.: Наследие, 1997. 208 с.

Петренко, В.Ф. Основы психосемантики / В. Ф. Петренко. – 2-е изд., доп. – СПб.: Питер, 2005. 480 с.

Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996.

Тер-Минасова, С. Г. Война и мир языков и культур: Учеб. пособие. – М.: Слово / Slovo, 2008. 344 с.

Фразеологический словарь китайского языка. – Москва, 2009.

Фразеологический словарь русского языка / Под ред. И.В. Федосова. – М.: ЮНВЕС, 2003. 608 с.

Фразеологический словарь современного русского литературного языка / Под ред. проф. А.Н. Тихонова // Сост.: А.Н. Тихонов, А.Г. Ломов, А. В. Королькова. – М.: Флинта; Наука, 2004. 832 с.

Словарь идиом Синьхуа. Пекин: Изд-во коммерческой печати, 2002.

Яранцев, Р.И. Словарь-справочник по русской фразеологии. – М.: Русский язык, 1985. 304 с.

Summary. The article is devoted to the topical issues related to representation of a color phenomenon in the linguistic worldview. The author conducts a comparative study of the semantics of color terms “white” and “black” as a part of Russian and Chinese idioms, explores their ethnic and cultural specifics, reflected in the meanings of phraseological units.

Key words: comparative analysis, phraseology, semantics, color terms, linguistic worldview, Russian and Chinese.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ВРЕМЕНИ (на материале английского, французского и русского языков)

С.А. Моисеева, Е.А. Ухналёва

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
moisseeva@bsu.edu.ru

Время – одна из форм существования объективного мира, базовый компонент жизни и сознания человека, универсальная категория внеязыковой действительности, она, являясь одним из основополагающих атрибутов человеческого существования, не подвержена внешним изменениям. Проблемы, с ней связанные, полимодальны, многоаспектны и разноуровневые, они имеют различные направления, характер и объем. Исследование времени является актуальным и широко распространенным в современных научных трудах. Осмысление категории времени приводит к осознанию человеческого бытия в целом, носит важный мировоззренческий характер, так как отражает способ восприятия определенным этносом картины современного мироздания. А.Я. Гуревич утверждает, что время принадлежит к определяющим ка-

тегориям человеческого сознания. Такие понятия и формы восприятия действительности, как время, пространство, изменение, причина, судьба, число, отношение чувственного к сверхчувственному, отношение частей к целому – универсальны в каждой культуре. Они связаны между собой, образуя своего рода модель мира – ту сетку координат, при посредстве которых люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании. Человек не рождается с чувством времени, его временные понятия всегда определены той культурой, к которой он принадлежит (Гуревич 1990: 65).

Знания, сопряженные со временем, относятся к эмпирическому уровню реальности, доступной представителям разных этносов, соответственно время представляет собой лингвокультурную универсалию, которая обладает специфическими чертами. Под языковыми универсалиями принято понимать закономерности, общие для всех языков или для их абсолютного большинства. Исследование языковых универсалий определяет границы языкового пространства, то есть те ограничения, которые накладываются на естественный язык и за рамки которых, в частности, он не может выйти при разного рода изменениях (БЭСЯ 1998: 535). Как указывает Н.Ф. Алефиренко, наличие лингвокультурных универсалий обусловлено общечеловеческим характером нашего мышления, общим поступательным развитием человеческой культуры и цивилизации, всеобщностью бытия и познания и, соответственно, их универсальными законам и категориями. Лингвокультурная же специфика является результатом своеобразного языкового кодирования объектов окружающего мира (Алефиренко 2005: 174). Изучение межъязыковых различий и национальной специфики не может осуществляться без изучения и описания языковых универсалий. Лингвистические универсалии присущи всем уровням языка, но наименее исследованы на лексико-семантическом уровне.

Лингвокультурология – одно из ведущих направлений современных лингвистических исследований, изучает взаимодействие языка и культуры, которое проявляется в виде синергетического кодирования культурно-исторического опыта системой языка и системой мышления.

В лингвокультурологии ведется неустанный поиск «ключевых слов», означающих константы этноязыкового сознания – инвариантные концепты той или иной культуры (ее самобытное ядро). К таким культурным константам относится *время* (Алефиренко 2010: 102).

Время – универсальная межкультурная единица, которая, отражаясь в языке, даёт ключ к дешифровке национально-культурной специфики того или иного этноса, создаёт представление о его картине мира.

Термин картина мира относится к числу базовых понятий. По определению В.А. Масловой, «языковая картина мира – это общекультурное достояние нации, она структурирована, многоуровневая. Именно языковая картина мира обуславливает коммуникативное

поведение, понимание внешнего мира и внутреннего мира человека. Она отражает способ речемыслительной деятельности, характерной для той или иной эпохи, с ее духовными, культурными и национальными ценностями» (Маслова 2003: 7). Одним из важных проблем в исследовании темпоральной картины мира является вопрос о связи времени и человека. На первый взгляд эти два понятия не зависимы друг от друга. Отношение человека ко времени всегда остаются пристрастным, эмоциональным и пристальным, так как именно времени подвластна наша жизнь.

Лингвокультурологические особенности вербализации времени проявляются на всех уровнях языковой системы. Лингвистической формой реализации семантического поля темпоральности являются видовременные формы глагола, выражающие предикативные связи; морфемные средства; лексические средства; фразеологические единицы. Время, выражаемое видовременными формами глагола, позволяет зафиксировать момент совершения действия относительно момента речи. Подобная трактовка категории времени традиционна для лингвистики, и долгое время оставалась единственно возможной, но с развитием лингвокогнитологии, сформировался другой подход к её исследованию.

Именные и наречные обстоятельственные формы детерминируют общую темпоральность высказывания, внося в неё дополнительные временные оттенки значения: при совпадении времени референции и времени события, одинаково соотносённых с моментом речи, они могут конкретизировать значение глагольной формы. Лексические средства, выполняющие роль темпорального модификатора, в некоторых высказываниях вытесняют грамматические средства на периферию. Актуализации временных отношений в языке включает: темпоральные наречия и прилагательные. Наиболее распространёнными средствами вербализации времени являются наречия, прилагательные и адвербиальные словосочетания с темпоральной семой. Н.А. Потаенко условно разделил их на 4 типа.

Время события: *англ. now, lately, recent; фр. maintenant, dernièrement, récemment; русск. сейчас, позже, недавно.*

Длительность события: *англ. brief; фр. bref, court; русск. короткий, недолгий.*

Скорость течения события: *англ. fast, quickly, rapidly, with speedvite; фр. rapidement, promptement; русск. быстро.*

Частота события: *англ. often, seldom, rarely, from time to time; фр. souvent, fréquemment, rarement, de temps en temps; русск. часто, редко, время от времени (Потаенко 1997: 115-116).*

Вышеперечисленные дейктические типы относительноны во вне-научной картине мира, так как не имеют эталона измерения длительности / скорости и частоты события. Их темпоральные качества конвенциональны. При употреблении данных выражений в научном дис-

курсе необходимо их фактическое подкрепление, конкретизация контекстом. Например: часто – 10 раз в день, завтра – 7 июня 2015 года, долго – в течение 6 часов.

К лексическим способам реализации темпоральности относятся и *именные группы*. Грамматические глагольные и неграмматические именные показатели времени устроены с точки зрения семантики одинаково: они ориентируют семантический предикат относительно точки отсчета. Например, прошедшее время глагола и слово «бывший» свидетельствуют о том, что событие предшествовало точке отсчета. Слова, свидетельствующие о временном смещении, М.А. Кронгауз называет *временными модификаторами* (Кронгауз 2003: 278). Выражаясь прилагательными, они могут являться точкой отсчёта: *англ. present, this, actual, today's; фр. actuel; русск. нынешний*, либо указывать на смещение событий относительно точки отсчёта: *англ. former, late; фр. ancien, ci-devant; русск. бывший*.

По словам Н.Д. Арутюновой, «время проявляет себя через материальное наполнение мира, без которого оно не могло бы войти в поле наблюдения. Поэтому темпоральные компоненты присущи не только обозначениям действий и состояний, но также семантике многих предметов» (Арутюнова 1997: 9). Особую роль в формировании семантического поля темпоральности и вербализации времени в языке играют существительные с временным денотатом, которые включают единицы измерения (*англ. hour; фр. heure; русск. час*) и предметы исчисления времени (*англ. clock, watch; фр. montre, horloge, pendule; русск. часы*).

Часы (как предмет исчисления времени) в английском языке представлены двумя лексемами с соответствующими семантическими различиями: *clock* (*часы настенные, настольные, башенные*), *watch* (*часы карманные, наручные*). Во французском языке было найдено три лексемы: *pendule* (*часы стенные, настольные*), *horloge* (*часы башенные*), *montre* (*часы карманные, ручные*). В русском языке для обозначения всех типов часовых механизмов используется лексема *часы*, но в языке существуют и устаревшие лексемы: *куранты* – (от фр. *couquant* – текущий, бегущий), старинное название башенных или больших комнатных часов с музыкальным механизмом; *ходики* – стенные часы упрощенного устройства с гирями.

Как мы видим, западноевропейская модель более чётко детерминирована, чем русская, что связано, во-первых, с географической компактностью внутри одного часового пояса, во-вторых, с определенными границами частей суток по часам, а в-третьих – с жестким расписанием приема пищи (Тер-Минасова 2007: 193). Анализируя приведенные примеры, мы приходим к выводу, что во французской и английской лингвокультурах проявляется особое отношение к показаниям часов и ко времени в целом, в отличие от русской лингвокультуры, где «деление на части суток – не фиксированное по часам,

как в некоторых западных культурах, а примерное, приблизительное, меняющееся в зависимости от времени года и солнечного времени. Сами части суток имеют неотчетливые границы, восприятие их достаточно субъективно: у меня еще утро, у соседа уже день» (Тер-Минасова 2007: 193). Н.Д. Арутюнова отмечала что «у человека нет органа, специализированного на восприятии времени, но у человека есть чувство времени. Оно порождено восприятием изменений в мире. Его основной источник – космическое время – смена времен дня и сезонов года. Чувство, рожденное временными циклами, человек перенес на линию времени» (Арутюнова 1997: 687).

Номинации семантического поля *суточный цикл* относятся к ядру темпоральной семантики. Основными элементами семантического поля *сутки* выступают: *утро-день-вечер-ночь* (в строгой иерархии, согласно движению солнца). Отметим, что четырёхчленное деление суток на периоды свойственно индоевропейскому современному представлению. Суточный цикл в языковой картине мира английского, французского и русского языков имеет формально сходную структуру и включает соотносимые понятия: *англ. morning, early in the day* 'рано утром', *фр. matin*, *русск. утро*; *англ. noon, midday*, *фр. midi*, *русск. полдень*; *англ. afternoon, day*, *фр. jour*, *русск. день*; *англ. evening, late in the day* 'в конце дня, ближе к вечеру', *фр. soir*, *русск. вечер*; *англ. midnight*, *фр. minuit*, *русск. полночь*; *англ. night*, *фр. nuit*, *русск. ночь*, однако, соотношение вечера и ночи в разных языках понимается по-разному: «в целом можно сказать, что первая часть «ночи» – «вечер» – предназначена для развлечений, а вторая часть – собственно «ночь» – для сна». А.Д. Шмелёв указывает на то, что эквивалентность названий частей суток в разных языках оказывается в значительной степени мнимой, поскольку в основу членения суток на периоды для русского языка кладутся другие принципы, нежели для языков Западной Европы. При этом указанные различия могут быть связаны с различным представлением, согласно которому русские обращаются со временем более вольно, нежели жители Западной Европы (Шмелев 2002: 332, 334). Исследуемые языки, входящие в индоевропейскую семью (русский, английский, французский), на общей по происхождению лексической базе сформировали разные картины суточного времени, включающие различное количество периодов.

К морфемным средствам реализации темпоральности относятся, прежде всего, темпоральные префиксы, широко описанные в классической лингвистике, такие как: *ex-, post-, pre-, after, ante-* и др. Они не существуют самостоятельно, а присоединяются к основам, вербализующим концепт *событие на исторической либо личностной шкале временной ориентации* (Потаенко 1997: 115).

Концепт *событие на исторической шкале временной ориентации*:

Английский	Французский	Русский
<i>post-industrial, post-war, pre-Marxist, after-October, antenatal</i>	<i>post-natal, post-industriel, anténatal</i>	<i>постиндустриальный, постмарксистский, постимпериализм</i>

Концепт *событие* на личностной шкале временной ориентации:

Английский	Французский	Русский
<i>ex-president, ex-convict, ex-wife, post-humous, pre-maturely</i>	<i>ex-conjoint, ex-époux, ex-combattant</i>	<i>экс-чемпион, экс-президент, экс-супруг, экс-коллега</i>

Примеры показывают, что префиксы *post-* и *ex-* наиболее широко интегрировали в общепотребительную лексику исследуемых языков. Они служат формированию лексических единиц со значением прошедшего времени.

Темпоральные суффиксы также реализуют временные отношения в языке. В английских наречиях временной характер задаёт суффикс: *-ly*. Например: *quickly, lately, rapidly, rarely*. Большинство французских темпоральных наречий образованно с помощью суффикса *-ment*. Многие из них имеют синонимичные адвербиальные выражения, которые отличаются формой: *dernièrement (в последнее время) – ces derniers temps, récemment (недавно) – depuis peu, annuellement (ежегодно) – chaque année* др. Отметим, что в русском языке, формирующим темпоральным суффиксом, выступает суффикс *-о*. Например: *немедленно, быстро, долго, недавно, часто, редко*.

С точки зрения языковой структуры морфемные средства, а именно темпоральные суффиксы и аффиксы, играют особую роль в вербальной реализации картины времени и представляют собой универсальными маркерами явления темпоральности для разноструктурных языков.

Фразеологические единицы с темпоральным значением являются одним из способов вербализации концепта время и показателями временных отношений в любом языке. Как утверждает Н.Ф. Алефиренко, «освоение окружающей реальности производится специфическим, присущим для данной национально-культурной общности способом, что не может не отразиться на фраземике того или иного языка. Ученый отождествляет понятие фразеологической единицы и фраземы, определяя фразему как «устойчивое сочетание слов с целостным и переносно-образным значением, непосредственно не вытекающим из суммы значений его лексических компонентов (Алефиренко 2009: 177).

Лингвокультурологическое исследование фразем позволяет освоить их этнически обусловленную национально-культурную специфику, выявить особенности взаимодействия определенного языка и культуры. О.В. Куманок отмечает: «Фразеологические единицы любого языка являются своеобразными и наиболее емкими трансляторами этнокультуры, поскольку в связи с преобладанием в них коннотатив-

ного значения (мотивации, эмотивности и оценочности), они отражают «пристрастное» восприятие наиболее значимых объектов действительности» (Куманок 2008: 343).

Фраземы, передающие временные отношения в языке, не имеющие в своем составе темпорального денотата, реализуют темпоральность за счет употребления в переносном значении:

in the blink of an eye
in the twinkling of an eye
d'un coup d'œil
en un clin d'œil
в мгновение ока

Данные фраземы отмечают отрезок времени, в который можно лишь один раз моргнуть, мигнуть глазом, отражая, таким образом, быстротечность событий. Совпадающая лексическая форма анализируемых единиц указывает на наличие лингвокультурологических универсалий в рассматриваемых языках. В лингвокультурологии анализируемых языков существуют идиоэтнические устойчивые выражения, которые кардинально отличаются друг от друга лексическим наполнением, но совпадают в своём значении. Так, английская фраза *before you can say Jack Robinson* 'прежде, чем успеешь сказать Джек Робинсон' имеет яркую национальную специфику. Её этимологические истоки неизвестны. Первое употребление было отмечено в конце XVIII века, в произведениях английской писательницы Фани Берни.

В английской лингвокультуре были найдены такие фраземы как: *once in a blue moon* 'когда голубая луна', *when pigs fly* 'когда свиньи полетят'; во французской – *tous les trente-six du mois* 'все 36 дней месяца', в русской: *когда рак на горе свистнет, после дождичка в четверг, к морковкину заговенью*. Каждая из приведенных фразем отражает национально-культурные особенности языка. Так, английское устойчивое выражение *once in a blue moon* обозначает довольно редкое событие, наблюдаемое в среднем каждые 2 года 7 месяцев, которое отмечает появление у Луны голубого оттенка, обусловленного оптическим эффектом. Данное явление наблюдается в разных странах, но получило воплощение только во фраземике английского языка, что, несомненно, является лингвокультурной спецификой. Приведенные примеры указывают, что фраземика – «это величайшая сокровищница и непреходящая ценность любого языка в которой хранится многовековой опыт трудовой и духовной деятельности народа, его история, нравственные ценности, религиозные воззрения и верования» (Алефиренко 2009: 177).

Итак, как показывает анализ нашего материала, образ времени, сложившийся у представителей различных этносов, принадлежит к определяющим категориям человеческого сознания. Он сочетает в себе универсальные понятия, которые перекликаются в каждой культу-

ре, но в то же время, каждая культура дополняет этот образ своими неповторимыми особенностями. Несмотря на универсальный характер человеческого мышления, освоение окружающей реальности происходит специфическим, присущим для данной национально-культурной общности способом. Таким образом, национальная специфика вербализации явлений и предметов действительности обусловлена принадлежностью к определенному этносу.

На наш взгляд, лингвокультурная специфика и лингвокультурные универсалии находятся в комплементарных отношениях друг к другу. Отражаясь в языковой системе, они помогают построить определенную языковую картину мира.

Литература

Алефиренко, Н.Ф., Современные проблемы науки о языке: Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2005. 416 с.

Алефиренко, Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: Монография. – М.: ООО Изд-во «Элпис», 2008. 271 с.

Алефиренко, Н.Ф. Фразеология и паремиология: Учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семенов. – М.: Флинта: Наука, 2009. 344 с.

Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2010. 224 с.

Арутюнова, Н.Д. Время: модели и метафоры. Язык и время. – М.: Индрик. 1997. С. 687–695.

Гуревич, А.Я. Человек и культура: Индивидуальность в истории культуры. – М. 1990. 256 с.

Кронгауз, М.А.. Структура времени и значение слов. Логический анализ языка. Избранное. – М.: Индрик. 2003. С. 276–281.

Куманок, О. В. Особенности вербализации концепта «время» фразеологическими единицами в поэтических произведениях А. Ахматовой и Н. Гумилева / Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингвометодический аспекты): Международная научно-практическая конференция, посвященная юбилею д. ф.н., проф. А. М. Мелерович. – Москва-Кострома, 2008. С. 342-345.

Маслова, В.А. Универсальное и национальное в языковой картине мира. Русский язык в центре Европы, 2003. С. 6–11.

Потаенко, Н.А. Время в языке (опыт комплексного описания). Логический анализ языка. Язык и время. – М.: Индрик. 1997. С. 111–121.

Тер-Минасова, С.Г. Война и мир языков и культур : вопросы теории и практики : учеб. пособие / С.Г. Тер-Минасова. – М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. 286 с.

Шмелев, А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность / А.Д. Шмелев. М. : Яз. славян, культуры, 2002. 492 с

Большой энциклопедический словарь. Языкознание. Гл. ред. Ярцева В.Н. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.

Summary. The article considers the linguo-cultural peculiarities of verbalization of such linguistic universal as “Time”. “Time” is an invariant concept, the key constant, which allows to find the key to the decipherment of national cultural worldview. The article analyzes and compares the Russian and Western European model of the concept “Time”, which is verbalized by means of all language levels.

Key words: key concept, time, language universals, linguo-cultural specificity, worldview.

ТИПОЛОГИЯ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ (ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

И.И. Жиленкова

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
zhilenkova@bsu.edu.ru

В настоящее время актуальными для развития региональной лингвистики являются антропонимические и топонимические исследования. Например, в работах В.К. Харченко поднимаются проблемы региональной антропонимики и генеалогии, функционирования современного разговорного дискурса, ставится задача организации «языковой поддержки социума в целом и регионального инновационного общества, в частности» (Харченко 2010: 24). Все эти факты, по мнению Т.Ф. Новиковой, «позволяют представить лингворегионоведение как область культуроведческого знания, актуальность которого в XXI веке – в связи с необходимостью противостояния процессам глобализации – возрастает» (Новикова 2011: 16). «Лингворегионоведение» – это современный подход к осмыслению и описанию культурно-языковой картины региона, направленный на решение актуальных проблем, связанных с работой по сохранению культурного наследия края, с совершенствованием образовательной и культурной политики в Белгородской области. В связи с этим актуальным и перспективным в лингвистическом краеведении остается изучение региональной ономастики.

В данной статье представлено описание ономастического состояния Белгородской области как первичного этапа, без которого невозможно ни одно ономастическое исследование как теоретического, так и прикладного характера. Описанию подвергается современная региональная ономастическая лексика – фамильные антропонимы, топонимы как названия населенных пунктов Белгородской области (официальная топонимика) и сельская микротопонимия (неофициальная топонимика).

Лингвокультурологический подход к анализу материала позволяет показать, как в результате своеобразно сложившейся истории, специфики культуры и языка региона сформировалось ономастическое пространство Белгородской области. Как отмечает Н.Ф. Алефиренко, «именно специфические условия, в которых существует народ, определяют уникальность его культуры» (Алефиренко 2010: 25). В статье представлены возможности научной интерпретации регионального материала – распределение фамильных антропонимов по лексико-семантическим группам, выявление семантики производящих основ названий населенных пунктов – ойконимов, установление принципов и способов номинации сельских микротопонимов.

С точки зрения семантики базовых элементов современные белгородские фамильные антропонимы весьма разнообразны и содержат значимую антропонимическую информацию, позволяющую проследить длительный процесс развития самого общества, поскольку, по словам В.А. Никонова, «фамилии – своего рода живая история» (Никонов 1988).

Каждый национальный язык имеет исторически сложившуюся систему антропонимов. Исторически современные фамилии связаны со всеми элементами антропонимической системы и подавляющим большинством нарицательной лексики. Многочисленные группы фамилий образованы от календарных и некалендарных имен, а также от отчеств, прозвищ, от других фамилий, географических названий, от этнонимов и т.п. Так, среди фамилий, образованных от календарных имен, выделяем фамилии, образованные от полных именных основ (*Зиновьев* от *Зиновий*, *Игнатов* от *Игнат*, *Лазарев* от *Лазарь* и др.), и фамилии, образованные от разговорных форм полного имени и его качественных вариантов (*Ванин* от *Ваня*, *Иванушкин* от *Иванушка*, *Ивашкин* от *Ивашка*, *Петин* от *Петя* и др.). Проведенный анализ свидетельствует, что в составе календарных (канонических) фамилий количественно преобладают фамилии, образованные от формы полного имени, что соответствует общей тенденции развития современного состава русских фамилий.

Следует также отметить, что разнообразие и богатство слов, вошедших в состав русских неканонических фамилий, напоминает образную энциклопедию русского быта и языка (*Гончаров* от *гончар*, *Ковалев* от *коваль* «кузнец», *Нечаев* от древнерусского имени *Нечай* и др.). Мы убедились, что некоторые фамилии вобрали в себя массу слов, исчезнувших из живого повседневного употребления, в связи с чем обнаружение этих слов и раскрытие их значений очень важно для изучения истории языка и общества (*Какурин* от диал. *какура* – прозвище полного человека, *Самохвалов* от диал. *самофал* «хвастун», *Чеканов* от *чекан* «боевой топор»). Следовательно, современные фамилии могут служить историческому исследованию жизни народа не в меньшей степени, чем другие памятники культуры и быта, литературы и языка. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о закономерном преобладании в современном белгородском антропонимиконе исконно русских фамилий как в семантическом, так и в структурно-словообразовательном плане.

Местный топонимический материал так же крайне важен для ведения полнокровной лингвокраеведческой работы в вузе и школе, которая призвана воспитывать у подрастающего поколения любовь к своему языку и к своему краю.

Актуальность данной проблемы определяется тем, что изучение топонимических единиц отдельного региона продолжает оставаться одной из важнейших задач отечественного языкознания, поскольку

необходимо быстрее зафиксировать все, что еще сохранилось, и тем самым сберечь языковые ценности для науки. Ойконимия, под которой понимается совокупность названий населенных пунктов определенной территории, представляет особый интерес для научного изучения. В ней отражаются важнейшие этапы истории материальной и духовной культуры создавшего ее народа и проявляются языковые закономерности, в связи с чем ойконимия представляет интерес для исследования как историко-географический материал и как лингвистический источник.

При характеристике местных ойконимических единиц следует опираться на названия рек и других водных объектов Белгородской области, наименования церковных приходов, учитывать данные картотеки белгородских фамилий и имеющиеся публикации по краеведению, поскольку данные материалы во многих случаях помогают установить источник названия населенного пункта и рассмотреть экстралингвистические факторы, определившие его семантическое содержание. Итак, исследуемый топонимический материал можно распределить по двум тематическим группам: названия естественно-географического характера и названия культурно-исторического характера.

В ходе исследования выяснено, что основным источником образования естественно-географических ойконимов являются апеллятивная лексика и местные географические термины. Такие названия характеризуются вторичностью происхождения сравнительно с апеллятивными лексемами, так как определяют особенности географического или природного положения населенного пункта относительно смежных объектов естественного ландшафта, по названиям которых они получили свои именованья (х. Залесье, с. Бродок, с. Гора-Подол, х. Березки).

Отметим, что с точки зрения происхождения в исследовании четко определилась базовая апеллятивная лексика общеславянских, общевосточнославянских и общерусских корней. Наряду с этим в ойконимах, образованных от местных географических терминов, сохранились исчезнувшие из современного языка слова (*липяг* «овраг с лесом» (Даль 1: 128) – х. *Липяги*; *плота* «лог или балка» – с. *Плота*; *пристен* «крутой, обрывистый берег реки» (Даль 1: 448) – с. *Пристен*).

В некоторых случаях наш материал позволил сопоставить ойконимию Белгородчины с топонимическими единицами сопредельных областей (Воронежской, Курской), Украины (Харьковская, Сумская области) и иногда – Беларуси. Названия, объединяющие нашу территорию с другими южнорусскими областями, обычно восходят к местным географическим терминам или апеллятивной лексике других тематических групп; в первую очередь, это обозначения особенностей рельефа, водная терминология, названия лесных угодий (х. *Ендовино*

от *ендова* «овраг круглой формы»; *х. Балки* от *балка* «длинный и широкий природный овраг»; *х. Желобок* от *желобовина* «речное русло»; *с. Лучка* от *лука* «заворот реки, дуга»; *х. Дубравка*; *х. Березник*). Названия, образованные от украинских лексем, объясняются присутствием украинского населения в нашем крае (*х. Криничный* от *криница* «колодезь»; *х. Зеленый Гай* от *гай* «лес»).

В целом наблюдения над ойконимией естественно-географического характера показали, что в ней отражаются объективные реалии данного региона, связанные с названиями естественных географических объектов и явлений природы, игравшей решающую роль в жизни человека в первоначальный период становления ойконимии изучаемого края. Все это подтверждает положение о давности возникновения ойконимов, восходящих к апеллятивной лексике.

От названий естественно-географического характера принципиально отличаются ойконимы, появление которых обусловлено культурно-историческим развитием Белгородской области.

Основным источником образования ойконимов этой группы являются антропонимы. Исследуемый материал помог установить, что в разные исторические периоды принципы отбора антропонимов, образующих ойконимию нашего региона, были различны. В период первоначального заселения края источниками образования ойконимов были имена и прозвища первопоселенцев. К ним относим, в первую очередь, неканонические (дохристианские) имена и прозвища, являющиеся основой ряда ойконимов: *с. Ладомировка* от древнего славянского имени Ладомир; *с. Яропольцы* от дохристианского имени Ярополк; *х. Малютин* от неканонического имени Малюта. В период крепостничества ойконимами становились канонические имена и восходящие к ним фамилии владельцев земель и селений, например: название р.п. *Борисовка* связано с именем сподвижника Петра I фельдмаршала Бориса Петровича Шереметьева.

Многие местные географические названия служат в известной мере и исторической, и этнографической, и хозяйственной характеристикой края: с историей заселения края и служебной деятельностью населения связаны названия *с. Стрелецкое*, *с. Пушкарное*, *с. Сторожевое*, *х. Рубежный*; этническим наименованием жителей обусловлено название *с. Черкасское*; хозяйственную деятельность населения и черты быта отражают наименования *х. Бондари*, *с. Дегтярное*, *х. Попасный*.

Ойконимы советской эпохи соотносительны с названиями революционных праздников и событий или представляют собой оценочно-метафорические названия (*х. Первое Мая*, *р.п. Октябрьский*, *х. Новый Мир*, *х. Братство*).

Ряд наименований населенных пунктов связан с миграцией населения в наш край с других территорий, чаще – со смежных с Белгородской областью (*с. Курское*, *х. Сумской*, *с. Харьковское*), в единичных случаях – с более отдаленных (*с. Псковское*, *с. Кострома*).

Наблюдения над ойконимией культурно-исторического характера показали, что в ней отражаются исторические и социально-экономические факты развития нашего края. Такие наименования, преломляясь через сознание людей, приобретают в ойконимии не только новую номинативную функцию, но и характерологический или оценочный признак.

Анализ сельской топонимии показал, что микротопонимия исследуемого региона представляет собой особым образом организованную систему. В микротопонимии доминируют названия, сохраняющие свою внутреннюю форму, что в большинстве случаев позволяет определить мотив номинации и делает возможным выявление информационного содержания названия (*Ближний лес, Глинный яр*). Обычно микротопонимы классифицируют соответственно секторам микротопонимического пространства, то есть в зависимости от вида именуемых ими географических объектов: 1. *Микроойконимы* – неофициальные названия поселений и их частей: *Ивановский конец* (окраина села), *Земной рай* (часть села), *Кончанка* (окраина села), *Пятачок* (центр села, где по вечерам собирается молодежь), *Цыганский край* (часть г. *Грайворон*), *Школёвщина* (часть улицы, где расположена школа). 2. *Микрооронимы* – названия объектов рельефа (возвышенностей, низменных мест, оврагов, балок, лощин и т.п.): *Волчий яр, Золотая долина, возвышенность Круча, Данилов дол, балка Хвощеватая, гора Долгая, овраг Глинный*. 3. *Микродримонимы* – собственные названия лесов, полей, участков леса: *Ближний лес, Ельник, лес Западной, лес Редкодуб, поляна Тернинка*. 4. *Микрогидронимы* – названия водных источников (ручьи, прудов, озёр, мест купания и т.п.): *ручей Воробейка, Карпов пруд, озеро Кругленькое, Лягушатня* (место купания), *Тёплая речка*. 5. *Микродромонимы* – собственные названия любых путей сообщения: *Большой шлях, дорога Крюк, трасса Центральная*. 6. *Микроспелеонимы* – в нашей области чаще названия колодез: *Верхний колодец, Святомитрофановский колодец, Сычёв колодец, Леоновский колодец*. 7. *Микроагроонимы* – названия земельных участков (полей, лугов и т.п.): *Костёр-поле, Меловые огороды, луг Солониха, Сиротское поле, поле Хлебороб, Славянское поле*.

Таким образом, характеристика микротопонимов по их соотносительности с различными видами географических объектов даёт представление о природных и ландшафтных особенностях местности.

Следует заметить, что микротопонимы по-разному представляют номинируемые микрообъекты, отражая при этом их собственные признаки, часто пропущенные через призму субъективного восприятия жителей данной территории: или хозяйственную значимость этих объектов, или их отношение к определенным лицам, или другим географическим объектам.

Собранный материал по сельским районам Белгородской области позволяет выделить три способа номинации: прямую (непосред-

ственную) номинацию, косвенную необразную номинацию, косвенную образную (метафорическую) номинацию.

Так, при прямой (непосредственной) номинации в микротопонимах получают отражение характерные физические признаки самого объекта – размер, форма, расположение, время появления, внутренние свойства. Микротопонимы закрепляют также признаки объекта, отражающие физико-географические условия местности – рельеф, характер почвы, растительность, животный мир. Приведем примеры: 1) названия, указывающие на размер объекта – *Большой пруд, низинка Мелкая Лищина, Малый лес, Широкий колодец*; 2) названия, указывающие на особенности формы объекта – *Косое озеро, Круглый лес*; 3) названия, указывающие на особенности местоположения объекта – *Ближний лес, Верхнее поле, Средний пруд*; 4) названия, указывающие на особенности рельефа – *берег реки Круча, улица Нагорная, поляна Косогор, овраг Яружка*; 5) названия, указывающие на особенности почвы – *Глиняный яр, Каменный Буерак, Меловой яр, овраг Солонец*; 6) названия, отражающие растительность – *участок леса Дубинка, Лозовский яр, Черемушный лес, Щавелевый Яр*; 7) названия, отражающие животный мир – *Барсучий лес, Волчий яр, Щурья гора* (диал. *щурка* – «стриж»). Все рассмотренные микротопонимы номинируют объекты естественно-географического характера и отражают их природные особенности.

В микротопониме может фиксироваться название не самой реалии, определяющей флору, фауну, характер почвы, рельеф местности, а характерный признак этой реалии – косвенная необразная номинация. Примеры: *Беленький ручей* (протекает по меловой почве), *Желтый яр* (почва желтого цвета от изобилия песка), *Крутойяр* (озеро с крутым берегом), *Красный овраг* (в овраге много красной глины), *Хуторок* (несколько построек в стороне от села).

Кроме того, микротопонимы могут отражать отношение к именам, прозвищам, фамилиям людей, то есть иметь антропонимический характер. Такие названия также образованы способом косвенной необразной номинации: *Азаркино озеро, Аниськин яр, Костинский лес, Миронов колодец, Серафимов лог, Юрьевка* (часть села).

Микротопонимы могут отражать внутренние отличительные признаки объекта через метафорическое осмысление их, что является косвенной образной (метафорической) номинацией. В микротопонимии номинация, в основе которой лежит метафора, достаточно распространена (Баранова 2006). Можно выделить следующие виды метафоризации: 1) метафора, созданная на выделении признаков формы: *поляна Лепёшка, поляна Язык, лес Бублик*; 2) метафора, построенная на переносе по цвету: *Золотая поляна*; 3) метафора, в основе которой лежит перенос по расположению: *Сибирь* и *Медвежий Угол* (названия удалённых от центра частей сёл).

Таким образом, все семантическое многообразие используемых для номинации микротопонимов основ и оснований можно свести к следующим принципам: по природным свойствам и качествам объекта; по связи объекта с человеком; по отношению к другим, окружающим объектам.

Региональный подход к исследованию микротопонимов позволил определить действие принципов ономастической номинации, процесс рождения собственного наименования мелкого географического объекта, обусловленность микротопонимического материала экстралингвистическими факторами.

В целом отметим, что наблюдения над ономастическими единицами Белгородской области показали, что в их типологии нашли отражение географические, исторические и социально-культурные факты развития Белгородчины.

Также можно утверждать, что представленный материал крайне важен для ведения лингвокраеведческой работы, так как региональному ономастикону изначально присуща не только краеведческая, но и глубинная воспитательная ценность.

Литература

Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. Учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2010. 288 с.

Баранова, А.Ю. Метафорические названия в русской топонимии Адыгеи // Проблемы региональной ономастики: Материалы V Всероссийской научной конференции. – Майкоп, 2006. С. 129-131.

Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 Т. – М.: ТЕРРА, 1994.

Новикова, Т.Ф. Актуальные вопросы теории и практики лингворегиионоведения // Опыт аспектного анализа регионального языкового материала (на примере Белгородской области) / кол. моногр.; под ред. Т.Ф. Новиковой. – Белгород: ИПК НИУ «БелГУ», 2011. С. 10-52.

Никонов, В. А. География фамилий. – М., 1988. 189 с.

Харченко, В.К. О языке, достойном человека: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2010. 160 с.

Summary. The article deals with the regional onomastic units (anthroponymics and toponymy). It describes semantics of Belgorod family names. Two types of toponyms are presented: 1) the natural-geographical names and 2) cultural and historical names. The principles of rural toponymy are defined.

Key words: onomastics, anthroponimics, toponymy, surnames, oikonoms.

ФРАЗЕМИКА В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА И РЕЧИ

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ ФРАЗЕОСОЧЕТАНИЙ С ЛЕКСЕМОЙ *ВРЕМЯ*

З.Д. Попова

Россия, г. Воронеж, Воронежский государственный университет
zporova@phil.vsu.ru

В концепции Н.Ф. Алефиренко сложные смысловые конфигурации, нуждающиеся в разнообразных средствах вторичного знакообозначения, зарождаются в глубинных пластах дискурса. Содержанием же мыслительной конфигурации, порождающей фразу, служит модусная семантика. По типу модуса фраземы группируются в семантические поля (Алефиренко 2015: 219-221).

Обращение (в разных аспектах и по разным поводам) к употреблению лексемы *время* ввело в поле зрения автора этой статьи определённый фактический материал сочетаемости этой лексемы в текстах. Любые сочетания лексически знаменательных слов мы называем фразеосочетаниями в отличие от сочетаний грамматических словоформ, которые синтаксисты называют словосочетаниями.

Многие фразеосочетания этой лексемы хорошо объясняются теорией уважаемого юбиляра о дискурсивно-модусном фразеопорождающем концепте. Но за их пределами остаются сочетания этой лексемы и другого типа, которые также представляют интерес для анализа. Всё это и определило тему предлагаемой статьи. Имевшаяся у нас выборка примеров из текстов была дополнена материалом из словарей (список источников примеров, словарей и их условных сокращений см. в конце статьи).

Сочетания с лексемой *время* распределились по трём семантическим полям.

1. Образные фраземы.
2. Фраземы на основе предикаций и их трансформ.
3. Окказиональные и устойчивые необразные фразеосочетания.

1. Образные фраземы

В этих фраземах лексема *время* имеет значение: промежуток длительности, в который что-то совершается (ТСРЯ). Фраземы этого поля представляют абстрактный концепт «Время» в нескольких конкретных образах.

Время мыслится как некое вещество, которое понимается как собственность, с которой можно совершать всякие действия, как с любой собственностью.

Время у человека может быть, а может и не быть.

Пока есть свободное время, готовлю второе... издание (К 59).

Там у тебя нет времени прикидывать и просчитывать (К 45).

Время можно искать, находить, уделять, выигрывать, брать, терять; оно может требоваться.

Спасибо, что Вы нашли время прийти к нам (разг.). Где взять время и силы... на судебные заседания (К 65). Ума не приложу, где она взяла время (К 205). Обязательства перед мамой и сыном, которым должна была уделять время (К 106). Я времени даром не теряла (К1 16) И мне потребуется время сообразить, как с ней общаться (К 51). Выиграть время (ТСРЯ).

О потере времени можно жалеть: *Нам жалко времени и сил, которые можно потратить на что-то полезное (К 62).*

Любое вещество растягивается и сжимается, его можно растягивать и сжимать: *Когда грустно, время тянется очень медленно (К 50). На показе время сжато, надо работать быстро и чётко (К 84). Тянуть время – медлить с осуществлением чего-л.(ТСРЯ).*

Как у всякого вещества, у времени есть мера количества: *Жаль, мало времени проводим втроём (К 35). Стараюсь как можно больше времени проводить с Ксюшей (К 36).*

Времени приписываются и черты одушевленного существа, которое движется, так что его нельзя остановить, движется разными темпами, его можно *проводить (видимо, в значении: пробыть с ним и дать возможность ему пройти).*

Я старалась всё свободное время проводить рядом (с мамой – З.П.).

Торопить время – стараться ускорить ход событий (ТСРЯ).

А ненужное, лишнее время можно и убить: *Ехать домой особого смысла нет, а время убить надо (К 131).*

В значении: *последовательная смена часов, дней, лет* время выполняет действия человека.

Что будет дальше, покажет время (К 36). Время не ждёт – необходимо действовать срочно (ФСРЯ). Время работает на кого-н. – отсутствие спешки, промедление идёт на пользу кому-н. (ТСРЯ).

В прямом значении лексема *время* (необратимая и неповторимая последовательность существования в мире) употребляется во фраземах *путешественник во времени, перемещаться во времени: Ничего не изменилось. Словно я просто переместился во времени (К 53)*

В силу необратимости времени реально переместиться в нём невозможно, так что фраземы с этой семантикой рождаются как метафоры.

Образность рассмотренных сочетаний с лексемой *время* позволяет не сомневаться в том, что они являются фраземами.

2. Фраземы на основе предикаций и их трансформ

Сочетания с лексемой *время* в этом семантическом поле немногочисленны. Их образность не всегда очевидна, но их фраземный статус подтверждается словарными толкованиями, общеизвестностью, общепотребительностью.

Фразема **время от времени** идиоматична, её значение (**иногда – ТСРЯ**) не складывается из значения составляющих словоформ. Как получилось такое значение у этой фраземы, можно только догадываться. Может быть, от бесконечного необратимого потока времени отбирают порой небольшие промежутки?

До поры до времени – эта фразема отмечена и в ТСРЯ, и в ФСРЯ, объясняется она одинаково, но более обстоятельно в ФСРЯ: *временно, пока, до определенного момента, срока, до какого-то случая.*

Со времён Адама и Евы – искони, с давних времён (ТСРЯ). Значение основано на библейском предании о сотворении Богом первых людей.

Эти фраземы представляют собой трансформы свёрнутых предикаций, которые могут быть развёрнуты, например: *со времён, когда Бог сотворил Адама и Еву* → *со времён Адама и Евы*. Но о таких предикациях не всегда можно догадаться, их можно только предполагать.

В составе фразем есть и настоящие предикации с лексемой *время*.

В ТСРЯ указано выражение **пришло моё (твое) время** с толкованием: *в жизни кого-н. момент или период подъёма, высшего проявления себя, своих возможностей. Порой полжизни ждёшь, когда придёт твоё время.*

По крайней мере, две фраземные предикации происходят из Ветхого Завета.

Все́му своё время – всё должно делаться вовремя, своевременно (ТСРЯ). Эта фразема используется в наши дни на Радио России как опознавательный знак своего канала.

Время разбрасывать камни и время собирать камни (высок.) – о необходимой и предопределённой последовательности своих действий, поступков и неотвратимости их последствий (ТСРЯ).

Эпоха капитализма породила ещё один афоризм: *время – деньги (о ценности каждой минуты – ТСРЯ).*

Фраземы второго семантического поля сочетаний с лексемой *время* также могут отвечать критериям дискурсивности и модусности, хотя и в разной степени.

3. Оказиональные и устойчивые необразные фразеосочетания

В третье поле помещаем разнообразные необразные сочетания лексемы *время* с определениями. Лексема *время* в значении: промежуток длительности существования чего-л. (страны, общества, социальной группы, семьи, конкретного человека) часто сопровождается определениями, характеризующими оценку этого промежутка жизни говорящими. Многие сочетания этого поля являются оказиональными, неустойчивыми.

Прилагательное-определение может иметь прямое значение.

Может, время было другое (К 16) – не это, не данное (ТСРЯ). *Готова книга из написанных в разное время сказок (К 59) – не в одно и то же, не в одинаковое (ТСРЯ).* В таких сочетаниях указывается соотношение названного фрагмента времени с временем изложения текста.

Во многих фразеосочетаниях даётся либо положительная, либо отрицательная оценка называемому промежутку чьего-либо существования.

Это было тяжёлое время (К 78). Наступили жёсткие времена (К 103). Дальше наступило печальное время в наших отношениях с

Кюнной (К 140) Это было весёлое беззаботное время (К 137). Чудесное светлое время! (К 184).

Модусность таких сочетаний очевидна, она передаётся и прямыми, и переносными значениями прилагательных. Хотя такие сочетания окказиональны, у них есть возможность стать фраземами.

В текстах особенно многочисленны сочетания лексемы *время* с указательными местоимениями *ТО, ЭТО*. Такие сочетания выполняют роль метатекстовых средств, соединяя последующее высказывание с предыдущим.

И в это время в дверь позвонили (П 87). Фигурное катание в то время было очень популярно (К1–181).

Но к лексеме *время* бывают и несогласованные определения.

Время учёбы пролетело быстро (К 139). Витьку на время бу-мажной волокиты отправили в лагерь (К 166).

Такие определения очень индивидуальны, окказиональны и, надо думать, превращению сочетания во фразему не способствуют. Более того, в конструкции *во время чего* лексема *время* становится предлогом.

Во время посиделок меня часто просили спеть (К 137). ...Делала это... и во время съёмок разных телешоу (К 61). Объявляли перерыв, во время которого модели отдыхали в своей комнате (К 82).

Такая форма в определённой степени утрачивает своё лексическое значение и переходит в разряд служебных слов (об этом процессе подробнее см: Попова 2014: 6-7, 75). Лексема *время* входит и в состав союза *в то время как, в то время когда (ТСРЯ)*.

Фразеологи не занимаются производными предлогами и составными союзами. Это явно не их предмет. И всё-таки нельзя не упомянуть об отношении к этим языковым единицам основоположника фразеологии в нашей стране академика В.В. Виноградова. В своём фундаментальном труде «Русский язык» в главах о предлогах и союзах Виктор Владимирович неоднократно квалифицирует производные предлоги и составные союзы как фразеологические единства и идиомы.

Если в отыменных предлогах, пишет он, «ещё не стёрлись лексические значения составных элементов, то приходится рассматривать их как фразеологические единства, если же компоненты срослись в неразложимое целое, можно говорить о предложных идиоматизмах» (Виноградов 1947: 683). «В роли союзов, – отмечает учёный, – всё чаще выступают целые фразеологические единства или идиомы» (Там же: 706-707). Среди таких союзов В.В. Виноградов указывает и временной союз *в то время как* (Там же: 719).

Эти соображения В.В. Виноградова фразеологами не были приняты и не развивались. О соотношении лексического значения и синтаксической функции производных предлогов и составных союзов размышляли в основном грамматисты. А между тем, можно, наверно, подумать о том, как развивается фразеологичность, а затем и идиоматичность в служебных языковых знаках.

Однако перейдём к устойчивым фразеосочетаниям третьего семантического поля.

Среди сочетаний лексемы *время* с определениями наблюдаются повторяющиеся фразеосочетания. Они, видимо, либо тяготеют к устойчивым, либо являются ими. Прилагательное в таких сочетаниях имеет производно-номинативное значение, лексема *время* сохраняет одно из своих словарных значений: *промежуток длительности существования чего-л.*

Одно из таких фразеосочетаний **свободное время** отмечено в ТСРЯ с толкованием: период или момент, не занятый чем-л., свободный от чего-л. Впрочем, значение этого выражения определяется не строго. Это видно из диалога журналиста с актёром Кахи Кавсадзе.

– У Вас есть свободное время?

– Я не считаю время, когда я отдыхаю, свободным. А свободное время – это когда тебе нечего делать. Вот такого времени у меня практически нет (Б 98).

Если фразеосочетание получило словарное толкование, это значит, что оно относительно частотно, употребляется не в прямом значении своих элементов, что у него есть некоторый смысл, рождающийся только в их единстве. И, следовательно, это сочетание тяготеет к фразеологизации.

В нашей выборке многократно повторяется фразеосочетание **советское время, советские времена**. Прилагательное имеет производно-номинативное значение: периода существования СССР.

Членство в творческом союзе сейчас не имеет такого значения, как в советские времена (К 61). Время на дворе стояло глубоко советское (К 128). Это советское время, всё очень серьёзно (К 131). В советские времена работников городских предприятий посылали в совхозы помогать убирать урожай (К 167). В советское время это был страшный дефицит (К 171).

В этом фразеосочетании лексема *время* имеет своё словарное значение: период, эпоха. Считать ли это выражение фразеологическим сейчас сказать трудно. Но высокая частотность, связанность и в ряде контекстов модусная оценочность такого сочетания вполне очевидны. Думается, что оно стремится к фразеологизации.

То же самое можно сказать и о сочетании *давние времена, с давних времён*. Для сочетания с *незапамятных времён* ТСРЯ указал узкую сочетаемость (только с существительными *времена и годы*) и значение: очень давний, отдалённый. ТСРЯ отмечает и сочетания *в последнее время – незадолго до настоящего момента и сейчас*, а также *в скором времени – в ближайшем будущем*.

Сочетание **детское время** (*ещё не очень поздно, не пора ложиться спать*) включено и во Фразеологический словарь, так что оно явно признано фразеологизмом.

Грамматические термины для обозначения форм глаголов изъявительного наклонения (*прошедшее время, настоящее время, будущее*

время) являются составными, неразложимы по значению. Отношение таких фразем к нетерминологическим ещё также не вполне ясно.

Среди сочетаний лексемы *время* с указательными местоимениями словари (с пометой: устар.) отмечают выражения **до сего времени** – *до сих пор, до этого времени (ТСРЯ)*, **во время оно, во времена оны** – *некогда, когда-то, очень давно (ФСРЯ)*.

Притяжательные местоимения в сочетаниях с лексемой *время* получают производно-номинативные значения: *время, когда мы (вы, они) были молоды, трудоспособны, а также: переживаемое нами сейчас время*.

В наше время всё намного проще (К 22). Но жизнь не стоит на месте, тем более в наше наполненное глобальными вызовами время (из газет).

ТСРЯ выделяет сочетание *в своё время* – *когда-то в прошлом, когда нужно, своевременно. В своё время меня не насторожила брошенная мужем фраза (К 78)*.

Отмечены и разнообразные сочетания лексемы *время* с местоимением *всё*: *всё время* – *постоянно, не переставая; во все времена* – *всегда; на все времена* – *навсегда*.

Часто употребляются сочетания лексемы *время* с числительными *первое, одно*. ТСРЯ толкует эти сочетания так: *первое время* – *начальный период, вначале; на первое время* – *на ближайшее будущее; одно время* – *в течение некоторого времени в прошлом*.

Когда Саша уехала за границу, я первое время места себе не находила (К32). Одно время думали, что дочь профессионально займётся музыкой (К 31).

Но в нашей выборке есть другое значение сочетания *одно время*: *Все мы умрём, да не в одно время (П 35)*. В таком контексте лексема *одно* является определительным местоимением в значении: *тот же самый, тождественный (ТСРЯ)*.

В некоторых предложно-падежных формах лексема *время* выражает фразеологическое значение без определений. Это формы: *со временем* – *по прошествии некоторого времени (ТСРЯ)*, *с течением времени, впоследствии (ФСРЯ)*, *ко времени (разг.)* – *вовремя, к сроку (ТСРЯ)*, *на время* – *не надолго (ТСРЯ)*, *по временам* – *иногда (ТСРЯ)*. Можно предположить, что семантику исключённых из подобного выражения прилагательных включила в себя предложно-падежная форма лексемы *время* и в результате этой компрессии стала идиоматичной.

Заключение

В узком понимании границы фразеологии определяются достаточно строго. Но за строгими границами узкого понимания предмета фразеологии в дискурсе обнаруживается уходящее за горизонт речевое пространство лексической сочетаемости словоформ. Среди окказиональных сочетаний слов обнаруживаются и лексические сочетания, обладающие воспроизводимостью, разной степенью оценочно-

сти, устойчивости, общеупотребительности и общепонятности. Одни из них включаются во фразеологические словари, другие – только в толковые, третьи – в словари крылатых слов и афоризмов, четвёртые попадают в словари разных типов, пятые не попадают никуда.

Изучение речевого пространства лексической сочетаемости слов может раскрыть процессы, механизмы и этапы образования фразем.

Могут быть выявлены и особенности образования терминов из свободных сочетаний.

Для изучения процессов грамматизации знаменательных слов, становления их предлогами и союзами также могут быть использованы явления фразеологизации и идиоматизации языковых единиц. Возможно, эти явления выходят далеко за рамки фразеологии, имеют более глобальный характер.

Образование фразем, представленных предложно-падежными формами существительных, также даёт материал для осмысления компрессии смыслов как одного из видов экономии языковых средств, но, что важнее, как одного из процессов мыслительной деятельности человека.

Представляется, что эти направления изучения процессов, протекающих в системе языка, могут способствовать более глубокому пониманию языковой деятельности человека, соотношения языка и мышления.

Источники примеров

Б – Биография Gala. Номер 7-8, 2015.

К1 – Караван. Коллекция историй. Номер 11, ноябрь, 2013.

К – Караван. Коллекция историй. Номер 02, февраль, 2015.

П – Подъём, номер 1, 2012, Воронеж.

Словари

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. Отв. ред. акад. РАН Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 2008. 1175 с.

ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка под ред. А.И. Молоткова. – М.: Советская энциклопедия, 1967. 544 с.

Литература

Алефиренко, Н.Ф. Фразеомообразующий потенциал дискурсивно-модусного концепта // Устойчивые фразы в парадигме науки. – Тула: С-принт, 2015. С. 217-224.

Виноградов, В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.: Учпедгиз, 1947. 784 с.

Попова, З.Д. Предложно-падежные формы и обороты с производными предлогами в русских высказываниях (синтаксические отношения и функции). – Воронеж: Издательский Дом ВГУ, 2014. 232 с.

Summary. The article is focused on studying the semantic fields of phraseology with component “*TIME*”: figurative phrasemes, predicative phrasemes and occasional non-figurative stable combinations. The stable combinations made of different parts of speech are functioning in language, including combinations with auxiliary parts of speech, which also have a different degree of reproducibility, stability, and evaluativity and may be idiomatized.

Key words: phraseme, semantic field, discursive-modus concept, imagery, occasionality, phraseologization.

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА И ПРОБЛЕМА МОТИВИРОВАННОСТИ ФРАЗЕМЫ

О.А. Воронкова

Россия, г. Старый Оскол, Старооскольский филиал
Белгородского государственного национального исследовательского университета
jal01710@rambler.ru

С позиций когнитивной лингвистики внутреннюю форму (далее – ВФ) фраземы в языковом сознании носителей языка можно рассматривать как посредника между значением фраземы как знака вторичной номинации и значением его производящего сочетания. Это свидетельствует об определённой обусловленности ВФ фраземы одним из смысловых элементов порождающего её дискурсивного поля, что, в свою очередь, указывает на определённую связь ВФ с процессом мотивированности.

Сущность ВФ в процессе фразеомообразования сводится к её способности к мотивации фраземы. Это подтверждают исследования ряда ученых, например, Л.И. Ройзензон под ВФ фраземы понимает наличие мотивированности (Ройзензон 1965: 65). Б.А. Плотников считает, что ВФ – это мотивированный признак, положенный в основу названия предмета, явления (Плотников 1989: 115).

Изучение понятия ВФ является одной из центральных проблем в теории лексической мотивации, разработанной О.И. Блиновой и представителями томской мотивологической школы (Блинова 2007: 57). В рамках традиционной семасиологии связь понятия ВФ фраземы с понятием мотивированности усматривалась многими учёными (В.Г. Вариной, Н.Д. Голевым, В.И. Зиминим, Н.Н. Кирилловой, А.В. Куниным, Л.И. Ройзензоном, Т.З. Черданцевой, и др.).

О.И. Блинова рассматривает мотивацию и как явление, и как вид системных, а именно – эпидигматических, связей языковых единиц (Блинова 1984: 11). Д.Н. Шмелёв, говоря об эпидигматике как «третьем измерении» лексики, подразумевал мотивационные отношения, которые выделял наряду с парадигматическими и синтагматическими отношениями (Шмелёв 1973: 263). С понятием мотивации теснейшим образом связано понятие мотивированности, которую следует рассматривать как структурно-семантическое свойство языкового знака, позволяющее осознать обусловленность связи его звучания и значения на основе соотнесённости с языковой или неязыковой действительностью (Блинова 2007: 40).

Так как в процессе фразеомообразования все или, по крайней мере, некоторые компоненты фраземы подвергаются смысловому преобразованию, можно предположить, что соотнесённость означаемого и означающего фраземы осознаётся посредством ассоциативно-эпидигматической связи фразеологического значения с прямыми значениями слов-компонентов. Сказанное подразумевает обращение к системообразующим во фразеологической семантике категориям:

«мотивирующее средство», «мотивационная форма», «мотивационное значение» и «мотивированность». Мотивированность – свойство фраземы. Мотивирующими средствами выступают импликационные смыслы, порождающиеся первичными значениями лексем, входящими в состав фраземы. Ср.: *сидеть на шее у кого* – ‘жить за чей-либо счет, быть иждивенцем, обузой для кого-либо’ (Бирих 2005: 767). Сочетание словоформ *сидеть* и *на шее* представляет собой мотивационную форму фраземы *сидеть на шее у кого*, поскольку они являются для нашего языкового сознания важными сегментами означающего фраземы. Мотивационная форма, по определению О.И. Блиновой, представляет собой значимые сегменты плана выражения языкового знака, обусловленные его мотивированностью (Блинова 2007: 49). Именно благодаря значимости этих сегментов в сознании носителей русского языка актуализируется ВФ («сидя на шее у кого-либо, сам не можешь ничего делать и тем самым причиняешь неудобство другому, ограничивая свободу движения тяжестью тела, обременяя его»). С понятием мотивационной формы теснейшим образом связано понятие мотивационного значения – синтеза значений всех элементов мотивационной формы фраземы (ср.: Блинова 2007: 49). Это, в свою очередь, объясняет, почему сегменты мотивационной формы значимы. Они потому значимы, что выражают определённое, мотивационное, значение. Мотивационное значение анализируемой мотивационной формы фраземы представлено буквальным содержанием словосочетания *сидеть на шее* – «некто обременяет другого своим неудобным присутствием, при этом ничего не делает сам». Возможность такого рода аналогии свидетельствует о том, что носителями языка ассоциативно осознаётся эпидигматическая связь содержания и формы фраземы. Следовательно, ВФ данной фраземы в единстве её мотивационной формы и мотивационного значения обуславливает когнитивную (смысловую) структуру фраземы.

Говоря о мотивированности, следует отметить, что существуют и другие толкования данного понятия. В отличие от О.И. Блиновой, Т.Р. Кияк мотивированность понимает как свойство не самого знака (слова или фраземы), а как свойство его ВФ. Саму же ВФ учёный рассматривает как «основу мотивированности» номинативной единицы (Кияк 1988: 26). Сходные мысли высказывает Э.И. Астахова, выделяя на этом основании ВФ мотивированные и немотивированные (Астахова 1990: 63). Однако здесь, как нам представляется, возникает вопрос: если мотивированность является свойством ВФ фраземы, то может ли ВФ служить «основой мотивированности»? В этом случае ВФ логически не может быть основой мотивированности, поскольку последняя рассматривается как свойство самой внутренней формы: категория не может служить основой собственного свойства. ВФ является средством мотивации фразеологического значения. Ср.: фразеологические сращения типа *ни гугу*, *поехать на долгих*, *ставить (стано-*

виться) на *попá*, *дело в шляпе*, *дело табак*, *гог и магог* (*гога и мамога*), *ничтоже сумняся* (*сумняшеся*), *ходить козырем*, *не в своей тарелке*, *тянуть лямку* и др. считаются немотивированными в плане синхронии. Выходит, что перечисленные единицы не обладают ВФ, так как последняя не может быть выявлена ввиду отсутствия выражающей её категории, способа её выражения. Если так, то сращениям нужно отказать в том, что в них как языковых единицах опосредованно через сознание носителей языка отражаются наиболее существенные для коммуникации признаки денотативных ситуаций. Именно названные признаки необходимо рассматривать как ВФ.

Мы исходим из того, что ВФ фраземы является основой мотивированности, которую считаем свойством фраземы, а не ВФ. Именно ВФ потенциально способна к мотивации как смыслообразующему процессу. Об этом свидетельствуют высказывания многих учёных. Так, Н.Д. Голев говорит о том, что мотивационное значение извлекается из формы (внутренней) и ставится в ряд «обычных» функциональных сем языкового знака (Голев 1989: 71). В.И. Зимин утверждает: «Мотивирует значение идиомы именно её внутренняя форма, понимаемая как наглядно-чувственный образ, лежащий в основе мотивации значения фразеологизма и определяющий всю его специфику» (Зимин 2006: 544). Е.А. Юрина понимает ВФ как средство выражения в языковой единице её мотивированности (Юрина 2004: 15).

Таким образом, можно сказать, что во ВФ заложены мотивационные отношения языкового знака, в том числе и фраземы. Более того, учёные приходят к выводу, что мотивация в конечном итоге способствует языковому освоению окружающей действительности, а ВФ в качестве «результативного аспекта» предстаёт как отражение в знаке – одновременно в его форме и содержании – объективных признаков реалии (Голев 1989: 17). Это указывает на связь ВФ со спецификой восприятия и понимания того или иного явления.

На основании этого можно определить одну из когнитивных функций ВФ в процессах фразеомобразования – это способность к мотивации фразеологического значения.

Если говорить о мотивированных и немотивированных фраземах, то, как справедливо отмечают Л.И. Ройзензон, Т.Р. Кияк, Н.Ф. Алефиренко (ср.: Алефиренко 2005: 43), и те и другие фраземы обладают ВФ, несмотря на отсутствие мотивированности. Фразема вполне может быть немотивированной, если её ВФ на уровне синхронического (не ретроспективного!) языкового сознания говорящих не участвует в процессе мотивации. Например: фразема *низкого пошиба* имеет значение ‘о ком-, чем-либо плохом, невысокого качества, достойном осуждения’. Очевидно, что данная единица употребляется носителями языка в коммуникативной ситуации, когда некто хочет дать низкую оценку кому-, чему-либо делает что-либо. При этом с определённой долей уверенности можно утверждать, что носители русского

языка, не являющиеся специалистами в области фразеологии и не знакомые с этимологией данной фраземы, не смогут объяснить значение фраземы из-за незнания семантики слова *пошиб*. Несмотря на это, носители языка уместно употребляют эту единицу в коммуникативной ситуации и адекватно её воспринимают, когда слышат от других. Иными словами, данная фразема не мотивирована с синхронной точки зрения, что же касается диахронии, то она образовалась на базе древнерусского слова *пошиб*, обозначающего художественную манеру или стиль. По мнению авторов историко-этимологического словаря «Русская фразеология», первоначально эта лексема употреблялась применительно к иконам и иконописи, позднее она стала означать в целом манеру делать что-либо (Бирих 2005: 566).

Немотивированность (с позиций синхронии) фраземы *низкого пошиба* ещё не доказывает отсутствия ВФ, а лишь свидетельствует о том, что ВФ не принимает участия в процессах мотивации, то есть для сознания носителей современного русского языка связь с древнерусскими реалиями утрачена.

По нашему мнению, и мотивированные и немотивированные фраземы обладают внутренними формами, которые во многом определяют характер и содержание фразеологического значения. При этом заметим, что, по мнению некоторых учёных, если связь звучания и значения не осознаётся, то знак косвенно-производной номинации считается немотивированным, не обладающим ВФ, а если эта связь осознаётся носителями языка, то, следовательно, знак является мотивированным.

Функциональная обусловленность ВФ обеспечивается тем, что один из компонентов ВФ (её мотивационная форма) формирует, сегментируя, означающее знака косвенно-производной номинации, а другой компонент (мотивационное значение) предопределяет соответствующий набор сем фразеологического значения. Семы – элементарные смыслы фразеологического значения, отражающие признаки денотативной ситуации, которые «схватываются» нашим сознанием, «отбираются» в соответствии с вербализующимся образом того фрагмента действительности, который подлежит косвенно-производной (фразеологической) номинации. В этом, собственно, и состоит суть когнитивной функции ВФ, основа её креативности в процессе формирования фразеологического значения, что полностью соответствует обоснованному в когнитивной психологии процессу формирования когнитивных структур путём вычленения и структурирования тех или иных признаков номинируемого денотата (см. А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, Р.Л. Солсо, Б.Ф. Ломов, Р.С. Немов и др).

Таким образом, мотивированность в терминах мотивологии определится как структурно-семантическое свойство фраземы, а ВФ представляет собой компонент её формально-содержательной структуры, выражающий это свойство. В функциональном отношении ВФ –

«средство выражения мотивированности фраземы», а в онтологическом плане – «лексико-грамматическая структура фраземы, позволяющая объяснить связь её звучания и значения» (Юрина 2004: 17).

Таким образом, можно сказать, что ВФ хранит в себе мотивированные отношения фраземы. Называя мотивирующий признак обозначаемого, ВФ фразем отражает принцип и признак косвенно-производной номинации. Связь мотивированности фраземы и её семантики прослеживается в нескольких аспектах: во-первых, прозрачная ВФ фраземы обеспечивает ей необходимую для коммуникации актуальность и смысловую определённость; во-вторых, ВФ фраземы служит импульсом формирования фразеологического значения, приводя его в соответствие с мотивированным значением фразеомобразующей базы.

Литература

Алефиренко, Н.Ф., Семенов, Н.Н. Фразеология и паремология / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семенов. – М.: Флинта-Наука, 2009. 240 с.

Алефиренко, Н.Ф. Спорные проблемы семантики: Монография / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Гнозис, 2005. 326 с.

Астахова, Э.И. Внутренняя форма – как смысловозначительный фактор в семантической парадигме идиом / Э.И. Астахова // Фразеологические словари и компьютерная фразеология: Тезисы сообщений школы-семинара. – Орел, 1990. С. 62–64.

Бирих, А.К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / СПбГУ; Межкаф. словарный каб. им. Б.А. Ларина; А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова; под ред. В.М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. 926 с.

Блинова, О.И. Мотивология и её аспекты: Монография / О.И. Блинова. – 2-е изд., стереотипное. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2007. 394 с.

Блинова, О.И. Явление мотивации слов (лексикологический аспект): Уч. пособие / О.И. Блинова. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1984. 191 с.

Голев, Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации / Н.Д. Голев. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1989. 252 с.

Зимин, В.И. Синхронический и диахронический аспекты рассмотрения внутренней формы фразеологизмов русского языка / В.И. Зимин // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты): Междунар. научно-практическая конф. 17–19 марта 2006 г. – М.: ООО «Изд-во «Эллипс», 2006. С. 543–546.

Кияк, Т.Р. Мотивированность лексических единиц (качественные и количественные характеристики): Монография / Т.Р. Кияк. – Львов: Изд-во при Львовском гос. ун-те издательского объединения «Вища школа», 1988. 164 с.

Лысова, О.Ю. Проблема соотношения внутренней формы и мотивации фразеологического значения // Векторы науки Тольяттинского государственного университета. 2011. № 4. С. 115–118.

Плотников, Б.А. О форме и содержании в языке / Б.А. Плотников. – Минск: Вышэйшая школа, 1989. 254 с.

Ройзензон, Л.И. Внутренняя форма слова и внутренняя форма фразеологизма / Л.И. Ройзензон // Вопросы фразеологии. Самаркандский гос. ун-т им. А. Навои. – Ташкент: «ФАН», 1965. С. 63–70.

Шмелёв, Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д.Н. Шмелёв. – М.: Наука, 1973. 280 с.

Юрина, Е.А. К вопросу об интерпретации термина «языковой образ» в лексической семантике / Е.А. Юрина // Вестник Томского государственного ун-та. 2004. № 38. С. 6–24.

Summary.: In the article we are trying to discover the essence of the inner form of the signs of indirect nomination from the cognitive-semasiological point of view. We are approving the linguo-cognitive status of the inner form and ability to motivate the phraseological meaning as one of its cognitive functions.

Key words: inner form, feature, linguo-cognitive category, cliché, phraseological meaning, synchronism.

ДИСКУРСИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА КОННОТАТИВНОГО МАКРОКОМПОНЕНТА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

Е.И. Симоненко

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
kejt9@mail.ru

Структурно-семантическая организация фразеологических единиц (далее – ФЕ) обеспечивает им широкий спектр прагматических возможностей. Несомненно, в реализации коммуникативно-прагматического потенциала ФЕ структура имеет значение, однако определяющую роль в этом отношении играет фразеологическая семантика.

Исследуя коммуникативно-прагматические особенности фразеологической семантики, мы придерживаемся теории полевой модели семантической структуры языковых единиц, представленной в теоретических разработках З.Д. Поповой, а также дополненной в трудах Н.Ф. Алефиренко и его последователей (Н.А. Востряковой, Т.В. Гридневой, Л.Г. Золотых, И.Н. Кайгородовой и др.). Опираясь на исследования указанных авторов, во фразеологической семантике мы выделяем ядро, околядерную зону и периферию. Ядро семантической структуры ФЕ составляют грамматический, сигнификативно-денотативный и коннотативный макрокомпоненты.

Наиболее спорным в современной лингвистике остаётся вопрос о природе и сущности коннотативного макрокомпонента семантики ФЕ и его соотношении с сигнификативно-денотативным макрокомпонентом. Коннотативный аспект семантики ФЕ наименее исследован в лингвистике. Для его номинации существует ряд терминообозначений: коннотативный (макро- или микро-) компонент, коннотативное содержание, прагматический элемент, экспрессивно-образный элемент, стилистическая окраска, стилистическое значение. Такое разнообразие терминов не случайно, оно обусловлено противоречивыми представлениями о природе и сущности самой коннотации.

Большинство исследователей выделяют такие компоненты коннотации, как экспрессия, эмотивность, образность, оценка и стилистические характеристики языковых единиц (И.В. Арнольд, А.М. Мелерович, И.А. Стернин, В.Н. Телия и др.). При более узком понимании в состав коннотации включают только эмотивные семы (В.И. Шаховский). Неко-

торые учёные считают, что коннотативные признаки по отношению к денотативным являются вторичными, дополнительными (О.С. Ахманова, И.В. Арнольд, Э.В. Кузнецова, Н.А. Лукьянова и др.), другие утверждают, что коннотация – равноправный макрокомпонент языкового значения (концепция В.А. Булдакова и В.И. Шаховского).

Очевидно, что понимание коннотации представляется достаточно противоречивым, однако все многообразие существующих дефиниций позволяет сделать вывод, что под **коннотацией** следует понимать «доминирующий макрокомпонент семантической структуры ФЕ, содержащий семы, обозначающие ценностно-характеризующее и эмоционально-оценочное восприятие человеком окружающего мира» (Добрыднева 2000: 110).

Несмотря на разногласия учёных в вопросе определения природы и сущности коннотации, неоспоримым является тот факт, что в семантической структуре ФЕ коннотация доминирует. Это связано со специфичностью фразеологической семантики: являясь единицами вторичной номинации, ФЕ воплощают в своей семантической структуре интеллектуально-ценностное мировосприятие носителями языка того или иного факта денотативной ситуации. На стадии формирования ФЕ происходит ассоциативно-образное переосмысление фактов действительности, поэтому субъект речемыслительной деятельности оставляет свой след в когнитивном пространстве формируемой ФЕ путём эмоционально-оценочного восприятия познаваемой действительности. В связи с этим своеобразие фразеологической коннотации заключается в том, что «в ней органически переплетаются две взаимосвязанные линии эмотивно-оценочного отражения номинируемой денотативной ситуации – общественно значимые ценности и личностные оценки и эмоции» (Добрыднева 2000: 110). Субъект речемыслительной деятельности при порождении фразеоцентрических высказываний следует принципам двойного антропоцентризма: не только выражает своё отношение к номинируемой денотативной ситуации, но и выбирает фраземы, соответствующие его коммуникативным интенциям с целью произвести определённый прагматический эффект. Ср.: 1. *Мелкая заводская сошка глухо молчала. Вот лесной смотритель Треногов, доктор Носков и другая заводская аристократия, так те **в ус себе не дуют**. Им что: сегодня – здесь, завтра – там. А настоящему заводскому человеку деваться совсем некуда* (Д.Н. Мамин-Сибиряк); 2. *Я как идиот, сижу и жду, когда мне принесут документы, а они и **в ус не дуют*** (Н.В. Нестерова); 3. *Возбудить уголовное дело можно двумя способами: сами изобретатели подают на Канарейкина. Но они, как мы видим, и **в ус не дуют*** (Н.В. Нестерова). В данных примерах автор, с учётом сложившейся дискурсивной ситуации, прибегает к смысловому варьированию фраземы. Фразема **в ус не дуть** имеет значение ‘не обращать внимания, оставаться равнодушным’. Однако в анализируемых высказываниях она приобретает дополнительную сему – ‘не торопятся, бездействуют’, вследствие чего становится средством выражения негативной коннотации.

Из приведённых примеров становится очевидно, что для формирования поля когнитивно-прагматического напряжения фраземы (её когнитивно-прагматической силы, возникающей под влиянием внешних воздействий) особенно значим дискурс, так как он предоставляет возможность для реализации системного значения фразем, а также их субъективно-имплицитных и дифференциальных смыслов. Коннотативный макрокомпонент семантической структуры ФЕ предстаёт в таком случае не только как вмещилище национально-культурных представлений и ценностей, но и как способ актуализации субъективно-авторских интенций.

Актуализация субъективно-интенционального компонента фразеологической коннотации в коммуникативно-прагматическом пространстве художественного текста становится возможна благодаря её особой природе, уникальности как психолого-эстетического феномена. В коннотативном макрокомпоненте фразеологической семантики результаты познавательной деятельности воплощаются не только в виде различных значений и представлений, но и в форме всевозможных оценок, эмоций, выражающих субъективное отношение человека к миру. Фразеологическая коннотация характеризует прежде всего моральные качества личности, охватывает такие информационные блоки, как оценочный, мотивационный, эмотивный, стилистический. Ср.: 1. *Нет, кажется, и вправду уже **грядет час** (выс., книжн.), и ныне есть, когда здравый разум будет не в состоянии усматривать во всем странность* (Н.С. Лесков); 2. *Не успел... Теперь, если что, всю жизнь будешь **локти кусать!** (разг.)* (Ю.М. Поляков); 3. *Сейчас – остановился, **держи карман!** (прост.) – Наум нахлестывал коня* (В.М. Шукшин); 4. *О протопопе Туберозове Термосесов никогда и не размышлял и при первых жалобах Бизюкиной на протопопу **бросал на ветер** (неодобр., разг.) обещания стереть этого старика* (Н.С. Лесков). Данные фразеологизмы характеризуют эмоциональное состояние человека, отражают характер коммуникативно-прагматической ситуации, в которой превалируют авторские интенции эмоционального воздействия на адресата. Приведённые выше примеры доказывают, что функция коннотативной структуры ФЕ заключается в «маркировании денотации, в реализации на прагматическом пространстве фундаментальных качеств фразеологической речи – эмотивности и эмотиогенности» (Алефиренко 2004: 87).

Учитывая двойственность фразеологической коннотации и разграничивая понятия *значение* и *смысл*¹, условно выделяем *системную* и *ситуативно-контекстуальную* коннотацию. Подобное разграничение опирается на труды целого ряда учёных, которые считают целесо-

¹Фразеологическое значение представляет объективированные в устойчивом сочетании знания, общие для всего этноязыкового сообщества и поэтому принятые языковым узусом, а фразеологический смысл – субъективно-личностные, связанные с конкретной дискурсивной ситуацией.

образным выделением в семантике языковых знаков вторичной номинации языковые и речевые компоненты коннотации (Алефиренко 1999: 140), «предметные» и «ситуативные» эмотивно-оценочные микрокомпоненты (Бурмистрович 1986: 43-44), узуальные и окказиональные компоненты (Мелерович 1979: 16-18), фиксированные и нефиксированные компоненты (Телия 1996: 182-186) и др. Исследуя языковые и речевые компоненты фразеологической коннотации, мы опираемся на теорию структурности значения слова (Л. Ельмслев), согласно которой языковые значения могут быть разложены на составляющие элементы, *семы* – минимальные смысловые элементы содержательной структуры слова или ФЕ (Н.Ф. Алефиренко), минимальные компоненты семемы слова (З.Д. Попова, И.А. Стернин). Данная теория привела к созданию метода компонентного анализа, широко распространённого в настоящее время и применяемого в нашем исследовании.

Системная коннотация предстаёт как «социально и исторически закреплённое и единое для всех носителей языка содержание фразеологического значения» (Добрыднева 2000: 111). Она входит в ядерную и околядерную зону (интенционал) фразеологической семантики. Коммуникативно-прагматический потенциал ФЕ, обладающих данным видом коннотации, заключается в семантике производно-номинативных сем, формируемых на основе ассоциативно-образного отражения действительности. В трактовке И.А. Стернина и З.Д. Поповой, это семы вторичного денотата (Д2), относящегося к сфере психики, и коннотативные семы первой, второй и третьей степени (К1, К2, К3). Прагматически заряженными являются коннотативные семы, которые обладают различными коммуникативно-прагматическими свойствами (в зависимости от степени коннотации). Семы К1 мотивируются ассоциативно-образной связью с семой Д2, они входят в состав мотивированных ФЕ. Ср.: *В конце концов, несмотря на свои экстраординарные способности и до смешного безудержные амбиции, они были большими детьми. А детям следует потакать, особенно если это дитяtko под два метра ростом и способно голыми руками заломать медведя* (А. Краснов). Фразеологизм *голыми руками* имеет значение 'без оружия, вооружения'. В интенционал данной ФЕ входит лексико-категориальная сема (архисема) 'с помощью руки' и дифференциальная сема 'воздействие на объект'. Адресат постигает смысл ФЕ при помощи ассоциативно-образного мышления, лингвальной способности воспринимать переносное значение компонентов ФЕ: (заломать) *руками* – 'собственными усилиями', *голыми* – 'без дополнительных средств вооружения'. ФЕ с коннотацией первой степени активно включаются в коммуникацию, обладают достаточно широким спектром прагматических возможностей за счёт непосредственности, лёгкости их восприятия адресатом, прозрачности значения, что способствует адекватной

дешифровке фразеологического смысла в сложившейся дискурсивной ситуации и достижению коммуникативного взаимодействия.

В отличие от сем К1, семы К2 не имеют мотивированной связи с денотативными семами, поэтому ФЕ с коннотацией второй степени можно определить как знаки немотивированного типа: *Это верно, – подтвердил Турка. – У Андрона Евстратыча на золото **рука легкая*** (Д.Н. Мамин-Сибиряк), *Запала крепкая и неотвязная дума Родиону Потапычу в душу, и он только выжидал случая, чтобы «порешить» лакомого зрителя, но его предупредил другой каторжанин, Бузун, зарезавший Антона Лазарича за недоданный паёк. **Гора свалилась с плеч**, а потом Марфа Тимофеевна была переведена на Фотьянку, где он с ней сейчас же познакомился и сейчас же женился* (Д.Н. Мамин-Сибиряк), *Дураки вы все, вот што!.. Небойсь, **прижали хвосты**, а я вот нисколько не боюсь родителя...* (Д.Н. Мамин-Сибиряк). Субъект речемыслительной деятельности (автор), отбирая данные ФЕ для выражения своих интенций, должен учитывать не только лингвальные способности адресата воспринимать переносное значение номинативных единиц, но и его фразеологическую компетенцию. Для того чтобы достигнуть коммуникативного взаимодействия, автору необходим подготовленный, компетентный адресат. Поэтому сфера деятельности ФЕ немотивированного типа несколько сужается, что увеличивает возможность появления коммуникативных неудач, затруднения восприятия и понимания их содержания.

Семы К3, содержащиеся в семантической структуре ФЕ, окончательно утратили связь с денотативными семами и характеризуются затемнённой образностью: *У нас не торговля, а **кот заплакал**, Андрон Евстратыч. Кому здесь-то... Вот вода тронется, так тогда поправляться будем* (Д.Н. Мамин-Сибиряк), *Такой прием злил Карачунского, и он чувствовал, как следователь берет над ним перевес своим профессиональным бесстрашием. Правосудие должно было быть удовлетворено, и **козлом отпущения** являлся именно он, Карачунский* (Д.Н. Мамин-Сибиряк), *Этот хитрый дион, единственный из всех уроженцев далёкого мира остававшийся на Земле со времен первого пришествия «богов» на нашу планету, быстро расставил **все точки над I*** (А. Краснов). Автор, включая данные ФЕ в ситуацию общения, должен учитывать социокультурную, коммуникативную компетенцию адресата, знание им фразеологического словаря либо ввести в контекст фразеоцентрического высказывания разъясняющие элементы. Ср.: *Верю, что сам Сатана шептал мне обольстительные слова нежными, девичьими губами! (...) Эта черномазая мавританка – ведьма, ведьма, ибо помощь к ней приспела из самой **геенны огненной!*** (А. Краснов). Благодаря разъясняющим компонентам Сатана, ведьма становится понятным значением ФЕ: **геенна огненная** – ‘ад, преисподняя’.

Системно-контекстуальная коннотация – «это коммуникативно и прагматически значимая контекстуальная актуализация системной коннотации в определенном наборе ее смысловых элементов при возможном семантическом «приращении» в конкретной ситуации речевого общения (Добрыднева 2000: 118). Прагматическая значимость системно-контекстуальной коннотации выше, чем у системной, так как расширяется смысловой диапазон семантической структуры фраземознака и увеличивается количество коннотативных оттенков, актуализируемых в дискурсивно-прагматическом пространстве. Появляются субъективные, контекстуальные микрокомпоненты коннотации, которые входят в импликационал (околоядерную и периферийную зону) семантической структуры ФЕ и обусловлены субъективно-авторскими интенциями. Ср.: 1) *Я не имею никакого права требовать от вас ответа, и вопрос мой – верх неприличия... Но что прикажете делать? С огнем шутить* нельзя. Вы знаете Асю; она в состоянии занемочь, убежать, свиданье вам назначить... (И.С. Тургенев); 2) *Если ты такой умный, то подскажи мне, чем отличаются свойства текстильных клеев при разных температурах? – Ой, не мудри! Напиши просто – свойства разные. Вот у нас есть один забулдыга, частый гость в КПЗ. Как выпьет, не поверишь, граф Монте-Кристо – железные решетки в камере раздвигает. (...) А трезвый он и комара прихлопнуть не может, тот живым улетает. Спрашивается, какие свойства? Ответ – противоречивые. Так и пиши. – Нет! – отказывался Володя. – Уж если я взялся, то **комар носа не подточит** и живым не улетит* (Н.В. Нестерова). В первом микроконтексте актуализируются как системные семы ФЕ **шутить с огнем** – ‘неосторожность, неосмотрительность, опасность’, так и контекстуальные – ‘необходимость принятия решения, безвыходность’. Во втором примере также актуализируются системное значение фраземы **комар носа не подточит** ‘что-либо сделано хорошо, тщательно, не к чему придраться’ и дополнительные, субъективные смысловые оттенки, подчеркнутые продолжением указанной ФЕ, – **и живым не улетит**: решительность при исполнении порученного дела, сила характера, твердость решения. Новый смысл формируется за счёт эксплицированного в высказывании противопоставления «*забулдыга – граф Монте-Кристо*», «*сильный – слабый*». Ассоциируя личные качества с характеристиками персонажа, персонаж-собеседник при помощи модификации указанной фраземы акцентирует внимание на своей решительности, уверенности, формирует свой ответ в интенционально-оптимальной форме, выражающей его интенции и эмоции.

Итак, изначальное предназначение ФЕ – служить средствами не столько косвенно-производного знакообозначения, сколько средствами выражения различных экспрессивно-оценочных отношений говорящего к обозначаемому, поэтому значительная роль в формировании прагматического потенциала ФЕ принадлежит коннотации. Во фразеологической коннотации доминирует эмотивно-оценочный микрокомпонент, который дополняют ассоциативно-образный и стилистический микрокомпоненты, в совокупности усиливающие коммуникативно-прагматические свойства ФЕ. Для формирования коммуникативно-прагматического поля фразеологической коннотации особенно значим дискурс, так как он предоставляет возможность для реализации как системного значения, так и субъективно-имплицитных и дифференциальных смыслов фраземы.

Литература

Алефиренко, Н.Ф. Спорные проблемы семантики / Н.Ф. Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 1999. 273 с.

Алефиренко, Н.Ф., Золотых, Л.Г. Проблемы фразеологического значения и смысла (в аспекте межуровневого взаимодействия). – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2004. 296 с.

Бурмистрович, Ю.Я. Стилистические компоненты значения фразеологизмов в сравнении с аналогичными компонентами значения слов / Ю.Я. Бурмистрович // Проблемы семантики русского языка / Ярослав. гос. пед. ин-т. – Ярославль, 1986. С. 40-47.

Добрыднева, Е.А. Коммуникативно-прагматическая парадигма русской фразеологии / Е.А. Добрыднева. – Волгоград: Перемена, 2000. 224 с.

Мелерович, А.М. Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка / А.М. Мелерович / Ярослав. гос. пед. ин-т. – Ярославль, 1979. 80 с.

Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

Источники

Краснов, А. Апокалипсис для шутников / А. Краснов. – М.: АРМАДА: «Изд-во Альфа-книга», 2004. 390 с.

Нестерова, Н.В. Театр двойников: Повесть, рассказы / Н.В. Нестерова. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 318 с.

Мамин-Сибиряк, Д.Н. Золото: Повести и рассказы / Д.Н. Мамин-Сибиряк. – М.: Худож. лит., 1985. 528 с.

Тургенев, И.С. Повести. Рассказы. Стихотворения в прозе / И.С. Тургенев. – М.: Дрофа: Вече, 2002. 400 с.

Summary. This article discusses the discourse-pragmatic properties of phraseological connotation, features of its realization in literary discourse, kinds of phraseological connotation, describes their communicative-pragmatic properties.

Key words: phraseological semantics, connotation, connotation system, systemic-contextual connotation, discourse, communicative pragmatics.

СЛЕДЫ СТАРОСЛАВЯНСКИХ УСТОЙЧИВЫХ СЛОВЕСНЫХ КОМПЛЕКСОВ В РУССКОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ*

С.Г. Шулежкова

Россия, г. Магнитогорск, Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова
shulezkova@gmail.com

В современном русском публицистическом дискурсе функционирует множество устойчивых словесных комплексов (УСК), источники которых можно обнаружить в памятниках Средневековья, написанных на общем литературном языке славян. Среди них выделяется группа УСК с компонентами-числительными. Их значения, отличающиеся от значений исходных оборотов, формировались на протяжении многих веков и представляют собой «объективно сложившуюся систему связей, одинаковую для всех носителей языка» (Алефиренко 2005: 69). Компонентами старославянских УСК становились по преимуществу наименования тех чисел, за которыми вне сверхсловных языковых единиц уже были закреплены «магические» или сакральные свойства. Так, например, в Остромировом евангелии 1056–1057 гг. таких УСК насчитывается более 30-ти: *кдинъ отъ сѣботъ, свѣтъи прѣвомъченикъ, прѣва сѣбота дѣва на десѣте, вѣторага стража, третиа стража, великѣи четврьтъкъ, четврьтага стража, недѣла патикостиа, патъкъ ноуденскъ, недѣла патъдесѣтнага* и др. Не меньше подобных УСК обнаружено и в Ватиканском евангелии X в.: *прѣва заповѣдь, вѣторага заповѣдь, отъ четврь вѣтръ съвѣрати кого, параскева патъница, десѣтинж даѣти, три десѣти сѣрѣбръникъ* и др.

Встреченные в древнейших славянских текстах УСК служат доказательством того, что числительные «суть свидетельства дискретности, членимости воспринимаемого мира, поэтому их семантика соотносительна с оценкой его структурных или качественных черт» (Жолотов 2001: 101). Предметные же значения числительных «всегда опосредованы и не связаны с их морфологическим характером, который может быть различным, а обусловлены их функциональной нацеленностью на предметный мир, как в хозяйственно-бытовой, и так и в отвлечённо-мыслительной сферах деятельности» (Там же).

Функционируя в качестве символических языковых единиц в текстах Нового Завета, числительные либо приобретали новое сакральное содержание, формировавшееся под влиянием Ветхого Завета, либо развивали те магические значения, которые сложились у них в эпоху господства языческих верований. Числительные, называю-

* Работа выполнена при поддержке Гранта РГНФ. «Публицистический арсенал общественных движений в России и Германии. Вербальные средства преодоления ксенофобии и достижения толерантности» (20015, №15-24-06001а(м)).

щие, по терминологии А.И. Садова, *знаменательные* числа, зачастую становились полисемантами. И именно многозначность вкупе с символическим ореолом послужила базой для формирования развитых словообразовательных гнёзд у этих языковых единиц и обеспечила им широкие фразообразовательные возможности. Так, в «Старобългарском речнике» описано более 20 слов, образованных от числительного *трык*: *трѣнцеж* ('трижды'), *трѣтъи* ('третий'), *трѣтъицеж* ('трижды'), *трѣтъици* ('третий раз'), *тридѣсѣтъ* ('тридцать'), *тридѣневънъ* ('трёхдневный'), *трименьнъ* ('названный тремя именами'), *триодъ* ('канон из трёх песен в православном богослужении'), *тришьди* ('трижды'), *тричастънъ* ('состоящий из трёх частей'), *тринѣ* ('трёхкратно'), *троичънъ* ('тройственный') и др. (СБР, т. 2, 2009: 958-962).

Древнейшие тексты евангелий апракосного типа, дошедшие до нас в списках X или XI вв., свидетельствуют о том, что в состав УСК обычно входили числительные, обозначающие числа 1, 2, 3, 4, 5, 7, 10, 12, 30, 50 или производные от этих числительных слова. Попадая в УСК, названия чисел чаще всего привносили в семантическую структуру рождающейся сверхсловной языковой единицы символические, освящённые христианской культурной традицией семы.

С течением времени некоторые УСК с компонентами-числительными стали внедряться в публицистический арсенал общественных движений христианизированных народов, в том числе и славянских. Ограничения в объёме публикуемой работы не позволяют нам коснуться всех граней поднятой проблемы, а потому обратим внимание лишь на некоторые факты.

Исследователи, говоря о магических значениях чисел, как правило, единодушны, оценивая число 3. А.И. Садов писал: «Широкое и священное значение числа 3 бросалось въ глаза уже древнимъ. По Аристотелю, наприимѣрь, *три* есть 'всё и *трижды* есть то же, что 'во всехъ отношенияхъ. Всё, как говорили и пифагорейцы, ограничивается или опредѣляется *тремя*; потому что конецъ, середина и начало заключаютъ въ себѣ число всего, а в нёмъ содержится число *три*. Посему это число, взятое отъ природы, какъ ея законъ, примѣняется и при священныхъ обрядахъ богопочитанія» (Садов 1909: 1316). Христианство унаследовало почитание числа 3, которое символизирует в этой религиозной системе всё духовное (Гуревич 1984: 140).

Три стало числом высшего существа новой религии, что нашло отражение в блоке УСК называющих христианского бога с опорой «на христианский догмат о трёх лицах божества – Бог Отец, Бог Сын и Дух Святой» (СБР, т. 2, 2009: 961): (*свѣтага троица, прѣсвѣтага троица, прѣчистага троица, нераздѣлимага троица, коупьносѣцага троица, животворацага троица, впостасънага троица, вседръжацага троица* и др.). Впервые слово *TrīJj* ('Троица') в христианской литературе встречается после 180 г. в творении епископа антиохийского Феофила (во II книге к Автолику) (Дьяченко, т. 2 1998: 734). Как сообщает Библейская эн-

циклопедия, «Само слово “Троица” в Священном Писании собственно не встречается, но учение о Святой Троице такъ ясно и открыто предложено въ немъ, что составляет основную и существенную, отличительную черту Христианской вѣры» (БЭ 1891: 706). УСК с компонентом троица используются в богослужебных и оригинальных произведениях X–XI вв.: в житиях, требниках, проповедях, богословских сочинениях. Особенно информативны в этом отношении Супрасльская рукопись – сборник XI в., содержащий 24 жития и 24 гомилии, а также Синайский евхологий – написанная в XI в. книга молитв и специальных церковных служб на разные случаи жизни.

Трёхкратное повторение ритуальных действий у последователей Христа превратилось в традицию. *Трижды* крестятся они, подходя к храму; *трижды* целуются православные христиане, поздравляя друг друга с Рождеством Христовым. Обращения христиан к Господу Богу, клятвы, молитвы, песнопения, священнодействия, таинства непременно включают обороты, повторяющиеся трижды. Христос в Евангелии говорит, что он может разрушить церковь и за *три* дня её восстановить; в *третьем* часу дня иудеи обвинили Сына Божьего и решили лишить его жизни; в *третьем* часу на апостолов сошёл Дух Святой; крест, на котором распяли Спасителя, был *трисоставным*; православные христиане осеняют себя *трёхперстным* знамением; христианское богословие признаёт *трёх* святителей вселенских – Святого Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. Этот перечень можно было бы продолжать бесконечно.

Большинство стран, на территории которых когда-то распространилось христианство, позиционируют сегодня себя как светские государства. 70 лет откровенно атеистической была внутригосударственная политика в СССР. Однако публицистика и у нас, и за рубежом не могла и не может не опираться на богатейший опыт культуры, сердцевиной которого несколько столетий было христианство. Лидеры общественных движений вольно или невольно обращаются к христианским идеям, используют проверенные временем модели, которые выкристаллизовывались богословами, проповедниками христианства, рядовыми священниками. В лозунгах, призывах советской эпохи и современной России, в целом – в нашем отечественном публицистическом арсенале то и дело обнаруживаются следы христианских УСК, а структура оборотов из этой сферы нередко напоминает заклинания и пророчества из евангельских текстов. Это касается и оборотов с компонентами-числительными. Так, УСК *тридцать серебряников* в значении ‘цена предательства’, восходящий к евангельской легенде, широко используется в текстах, посвящённых социальным и политическим проблемам: *Старый фермер, пропахший навозом, может стать источником особой важности, и за **30 серебряников** продаст вам всё, что желаете.* В. Суворов. Аквариум; *Кстати, о **тридцати серебряниках**, которые получил Иуда за своё предательство: в сталинские времена стукачам, на основании доносов*

которых сажали людей, платили 30 рублей в месяц (М. Черных. Заметка в рубрике «Дорогами Иуды». КП, 18.04.98).

В публицистическом арсенале можно найти немало языковых средств, при образовании которых была использована символика числа 3. Достаточно вспомнить знаменитые выражения *третий мир* ('развивающиеся страны Африки и Азии, отстающие от индустриальных держав'), *третий элемент* ('неодобр. об интеллигентах, находящихся на государственной службе'), *третий рейх* ('гитлеровская Германия'), *три кита* ('о трёх главных принципах, трёх основных законах, трёх важнейших составных частях чего-л.') (Берков, Мокиенко, Шулежкова, т. 2, 2009: 454-456). Изречение коммунистов **три источника, три составные части (марксизма)**, повторяющее название статьи В.И. Ленина 1913 г., активно эксплуатируется в средствах массовой информации либо в целях дискредитации коммунистической идеологии, либо как формула, предваряющая разговор об источниках и главных положениях какого-либо учения, основах чего-либо (Дядечко 2008: 688): *Кто сейчас навскидку вспомнит, каковы три источника, три составные части марксизма? Вспомнили? А, ведь, раньше знали наизусть. Сейчас, когда приближается 190-летие Маркса, имеет смысл вспомнить основные постулаты марксизма и то, как марксизм был использован на практике <...> Верные ленинисты-сталинисты построили диктатуру пролетариата так, как её себе представляли. Дальше всё остановилось, потому что теория отказалась работать. Производительность труда выросла, а коммунизм не наступил и даже не просматривался. Возникла тупиковая ситуация. А. Фирсов. Три источника, три составные части марксизма (www.demosrasy.ru, 04.05.2008); Именно гармоничное соединение сразу всех трёх методов и всех **трёх источников** придаёт стихам одновременно и жизненную узнаваемость, и историческую достоверность, и человеческую искренность <...> в настоящей поэзии уместается ВСЁ. Как сказал когда-то, много лет тому назад, Николай Гумилёв: "Есть Бог, есть мир – они живут вовек, / А жизнь людей мгновенна и убога. / Но всё в себя вмещает человек, / Который любит мир и верит в Бога". И чем это не эпиграф к мысли о единстве **трёх источников и трёх составных частей поэзии** как необходимом условии гармонии?.. Н. Переяслов. Три источника, три составные части поэзии (www.stichi.ru, 07.03.2007).*

Российский флаг мы на французский манер называем **триколором**; кумирами советской молодёжи были долгое время *три танкиста, три весёлых друга – экипаж машины боевой* из кинофильма «Трактористы» (1939); символом фронтового быта стала *землянка в три наката* – фрагмент песни В.Е. Баснера на стихи М.Л. Матусовского «На безымянной высоте» из кинофильма «Тишина» (1964).

Своеобразное влияние оказало число 3 на структуру лозунгов и девизов христианизированных народов. Лидеры общественных движений ставят перед собой задачу «внушить адресатам – гражданам

сообщества – необходимость “политически правильных” действий и/или оценок» (Демьянков 2002: 36). Достичь ожидаемого результата можно в том случае, если удастся «затронуть нужную струну» в сознании масс; «высказывания политика должны укладываться во “вселенную” мнений и оценок (то есть, во всё множество внутренних миров) его адресатов, “потребителей” политического дискурса» (Там же). Не случайно так популярны лозунги и девизы с «трёхчастной» структурой. Ср., напр., главный лозунг французской буржуазной революции 1789 г. *Свобода, равенство, братство*, ставший девизом, который провозглашает и сегодня фундаментальные принципы демократического устройства общества (Берков, Мокиенко, Шулежкова, т. 2, 2009: 324-325). Такой же синтаксической конструкцией обладает формула *Православие, самодержавие, народность*, предложенная будущим министром просвещения России С.С. Уваровым в 1832 г. в качестве «якоря спасения от революционных идей» и «вернейшего залога силы и величия нашего отечества». Она до сих пор остаётся классическим «лозунгом охранительных, консервативных, “государственных” сил, который периодически актуализируется в политической жизни России» (Там же: 240-241). Структура девиза – три однородных существительных, называющих высшие достоинства воина-патриота, – удачно использована в публицистическом арсенале Российских воздушно-десантных войск: *Мужество, отвага, честь!; Натиск, отвага, победа!; Концентрированная воля, сильный характер, умение идти на риск!*

Не менее интересно складывались судьбы числительного *ѣдинъ*, обозначавшего в общелитературном языке славян число 1. О символической значимости этого числа обычно пишут только вскользь. Между тем, УСК с компонентами из словообразовательного гнезда числительного *ѣдинъ* оказались чрезвычайно востребованными в публицистическом стиле. Автор монографии «Символика чисел в литературе Древней Руси (XI–XVI века)», говоря о разработке греками нумерологии как мистико-философском учении, отметил, что наиболее священными у них почитались 1 и 10 – «как символы совершенства» (Кириллин 2000: 17). Символика совершенства числа 1 пришлась очень кстати при переходе от языческого многобожия к христианству, которое унаследовало в числе прочих и первую ветхозаветную заповедь: **«Я, Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства; да не будет у тебя других богов перед лицом Моим. Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху и что на земле внизу, и что в водах ниже земли, не поклоняйся им и не служи им; ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, за вину отцов наказывающий детей до третьего и четвертого рода ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои»**.

У слова *ѣдинъ* составители «Старославянского языка (по рукописям X–XI веков)» отмечают 5 значений: 1. *числит. колич.* ‘один’; 2. ‘отдельный’; 3. ‘единственный’; 4. ‘один (без других), сам’; 5. ‘какой-

то, кто-то, некто, некоторый' – и приводят 11 УСК, в состав которых входит этот компонент (ѡдинѣи на десѣте, ѡдина сѡботѣ, въ ѡдино, ѡдинѣмь гласомь, ѡдиноѡ доушеѡ, ѡдинѣмь оумомь, ѡдинѣ по ѡдиному, ѡдинѣ къждо, ѡдина властѣ, тѣ ѡдинѣ, ни ѡдинѣ (же) (СтСл 1994: 799-800). Более развёрнутое описание семантики этого слова дано в двухтомном «Старобългарском речнике», где нашёл отражение лексический состав памятников X–XI вв., созданных на болгарской земле. Его авторы подробно, с множеством подтверждающих примеров, охарактеризовали слово ѡдинѣ как количественное числительное с тремя его лексико-семантическими вариантами (ЛСВ), как местоимение с двумя ЛСВ и как прилагательное, которое реализует в старославянских текстах три своих значения. По данным «Старобългарского речника» лексема ѡдинѣ приняла участие в формировании 13 УСК: из ѡдинѣхъ оустѣ, ѡдинѣми оустѣ 'единогласно, единомушно'; подѣ ѡдинѣмь кровомь быти и на ѡдиной гди 'жить вместе, под одной крышей, и есть «из одного котла»'; сѡврѣшени въ ѡдино 'в полном единстве'; сѡврѣшениѡ ѡдино 'полное единение'; сѣ ѡдинѣмь окомь 'одноглазый, с одним глазом'; ѡдина властѣ 'монотеизм, вера в единого христианского бога'; ѡдиноѡ доушеѡ 'единомушно, в полном согласии'; ѡдинѣ обрѣсти сѡ 'остаться в одиночестве'; ѡдинѣ (отѣ) сѡботѣ 'первый день недели, воскресенье'; ѡдинѣ по ѡдиному 'один за другим'; ѡдинѣмь гласомь 'согласно, в один голос'; ѡдинѣмь оумомь 'единомушно' (СБР, т. 2 2009: 1260-1264).

Тексты евангелий апракосного типа, дошедшие до нас в списках X или XI вв., подтвердили наше предположение о том, что в канонических религиозных книгах славян Средневековья числительные или производные от этих числительных слова чаще всего приносили в семантическую структуру рождающейся сверхсловной языковой единицы символические, освящённые христианской культурной традицией смы. Об этом свидетельствуют УСК, обнаруженные в Ватиканском и в Остромировом евангелиях: быти ѡдино 'действовать вместе, сообща'; Бѡдѣта ова въ плѣтъ ѡдинѡ 'наказ мужчине и женщине, вступающим в брак составить одно целое, нераздельное; создать нерушимую семью, в которой должно произойти слияние двух личностей' (Шулежкова (ред.) 2010: 364-365); Вѣси ѡдино сѡтѣ 'Все вместе'; Да бѡдѣтѣ ѡдино 'Пусть все объединятся и забудут о распрях!' – заклинание Иисуса Христа, в котором он просит Бога Отца помочь преодолеть разногласия среди своих последователей; Не о хлѣбѣ ѡдиномь живѣ бѡдѣтѣ чловѣкъ 'О наличии у человека, помимо материальных, духовных потребностей' (Шулежкова (ред.) 2010: 255-256); ни ѡдинѣмь винѣ не обрѣтати 'признавать кого-л. непричастным к совершению какого бы то ни было преступления'; ни ѡдинѣмь пользы обрѣсти 'не получить никакой выгоды от чего-то'; сѡбрати въ ѡдино 'объединить, собрать вместе'; сынѣ иночѡдѣи 'единственный – о ребёнке мужского пола у родителей; едиnorodный') (Там же: 366-367); ѡдинѣ на десѣте

‘ближайшие ученики Христа, апостолы в тот период, когда от них отделился предавший Мессию Иуда Искариот, до причисления к ним Матфия’; *ѣдинъ отъ малыхъ сихъ* 1) ‘невинное дитя, ребёнок; 2) ‘верующий в Христа, стоящий на одной ступени с младенцами по чистоте, наивности, незлобивости; незащитный человек, занимающий низкое положение в обществе’ (Там же: 366-366); *ѣдинъи истинныи богъ* ‘одно из многочисленных именовании всемогущего Бога иудеев и христиан, творца всего земного’ и др.

Из 45 единиц словообразовательного гнезда, возглавляемого числительным *единъ*, в русском каноническом переводе Священного Писания, 13 символизируют совершенство и единственность Бога; в семантической структуре 20-ти слов доминируют семы ‘согласие’, ‘единодушие’; у 10 лексем ведущими являются семы ‘вместе, сообща, объединившись’ и ‘неразлучно’. Именно семы ‘согласие’, ‘единодушие’, ‘вместе, сообща, объединившись’ стремятся реализовать в лозунгах и призывах лидеры общественных движений России, в которой одной из самых важных аксиологических категорий испокон веков считалась общинность, «мы-сознание». Не случайно крупнейшая политическая партия России получила название «Единая Россия», и три её наиболее удачных лозунга содержат компоненты с корнем *един-*: *Единство, духовность, патриотизм!*; *В единстве наша сила*; *Когда мы едины, мы непобедимы!* 6 ноября 2012 г. в интернет-новостях был опубликован очерк, озаглавленный одним из лозунгов «Единой России»: ***В единстве наша сила. Немало пережила Россия, прежде чем эти слова стали основополагающими в её истории <...> самым страшным испытанием для России стало гитлеровское нашествие <...> Глубоко символично, что обнародованный руководством нашей страны призыв на борьбу с гитлеровскими захватчиками начинался словами «Братья и сестры!» и был адресован всем соотечественникам, независимо от их национального происхождения, вероисповедания и политических взглядов. Это был призыв к общенациональной солидарности, это было обретение понимания её значения как одной из базисных ценностей, без которых общество обречено на распад и уничтожение. Голос России, 06.11.2012 (<http://nextrus.ru/election-news/868-v-yedinstve-nasha-sila.html>).***

Евангельские УСК с компонентами-числительными, таким образом, оказали ощутимое, пусть и не прямое, а опосредованное влияние на формирование публицистического арсенала современных общественных движений, так как они после принятия христианства органично вписались в культуру славянских народов. Отмеченные же «особым смыслом, знаменательные, символические числа являются существенным, порою важнейшим элементом чуть ли не любой духовной культуры...» (Кириллин 2000: 14).

Литература

Алефиренко, Н.Ф. Спорные проблемы семантики. – М.: Гнозис, 2005. 236 с.

Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Изд-во Московской патриархии, 1983. 1372 с.

Берков, В.П., Мокиенко, В.М., Шулежкова, С.Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: в 2 т. Магнитогорск: МаГУ, Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008–2009.

БЭ 1891: Библейская энциклопедия / Труд и издание архимандрита Нмкифора. – Свято-Троице-Сергиева Лавра, 1891. 902 с.

Гуревич, А.Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1984. 350 с.

Демьянков, В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. 2002. № 3. – М. С. 32-43.

Дьяченко, Г., Полный церковнославянский словарь: в 2 т. – М.: Посадъ, 1998. 1120 с.

Дядечко, Л.П. Крылатые слова нашего времени: толковый словарь: более 1000 единиц. – М.: НТ Пресс, 2008. – 797 с.

Жолобов, О.Ф. Древнеславянские числительные как часть речи // Вопросы языкознания. 2001. №2. – С. 94-109.

Кириллин, В.М. Символика чисел в литературе Древней Руси (XI–XIV века). – СПб.: Алетейя, 2000. 311 с.

Садов, А.И. *Знаменательные числа* // Христианское чтение. 1909. №10. С. 1312-1331; №11. С. 1443-1458; №12. С. 1581-1594.

СБР 1999–2009: Старобългарски речник / Ин-т за български език. Българска Академия на науките; отв. ред. Д. Иванова-Мирчева: в 2 т. – София: «Валентин Траянов», 2008–2009.

СтСл 1994: Цейтлин Р.М., Вечерка Р., Благова Э. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков): ок. 10 000 слов. – М.: Рус. яз., 1994. 842 с.

Шулежкова (ред.) 2011: Фразеологический словарь старославянского языка: свыше 500 ед. / Науч.-исслед. Словарная лаборатория МаГУ ; отв. ред. С.Г. Шулежкова, члены редколл: М.А. Коротенко, Л.Н. Мишина, А.А. Осипова. – М.: Флинта : Наука, 2011. 424 с.

Summary. Old Slavic texts with Gospels being most famous and outstanding reflect Christian world view where symbolic numbers play a very important role. These numerals are used in religious cults such as sermons, festive and daily public services. Having been a part of fixed verbal phrases of common literary language of Slavic people numerals and their derivatives are used to form a semantic structure of more-than-one-word language units and add sacred meaning to such phrases. Some Gospel fixed phrases of the mentioned type are applied in the publicistic style of modern public movements.

Key words: Gospel, sacred, Old Slavic, phraseology, numeral.

ОККАЗИОНАЛЬНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ *И.Ю. Третьякова*

Россия, г. Кострома, Костромской государственный университет
имени Н.А. Некрасова
trirfr@mail.ru

Когнитивистика, являясь одним из динамично развивающихся направлений современной науки, ставит перед исследователями вопросы связи языка и познания. Когнитивистика в области фразеологии затрагивает проблемы выражения знаний человека о мире посредством специфических единиц языка – фразем (фразеологизмов).

Когнитивные исследования во фразеологии освещают также вопросы, связанные с персонифицированной концептуализацией окружающего мира, с индивидуально-авторской интерпретацией и экспрессивно-оценочной репрезентацией познаваемой действительности.

«В структуре концепта весьма велика роль субъективного компонента. ... Субъект действует, мыслит в пределах некоего дискурсивно-смыслового пространства, границы которого с точки зрения данного коммуникативного акта объективны» (Алефиренко 2008: 34) – эта цитата из книги Н.Ф. Алефиренко «Фразеология и когнитивистика», в которой высказываются взгляды учёного на связи концепта и фразеологического смысла, тем не менее по своей сути также во многом обосновывает появление в речи специфических образований – окказиональных вариантов фразеологизмов и окказиональных фразеологизмов (как результатов трансформации языковых единиц). Именно субъект – как участник данного коммуникативного акта – создаёт так называемые «речевые единицы», смысл которых связан с системным значением фраземы и с особенностями конкретной ситуации, требующей от «автора» трансформации добавочных ситуативных «нюансов» в номинациях и характеристиках граней концепта, репрезентируемого языковой фразеологической единицей (ФЕ).

Речевая единица есть элемент дискурса, важнейшим фактором создания которого является человек, имеющий дискурсивные намерения. Именно авторские интенции очерчивают «границы» смысла и формы фраземы, функционирующей в данном дискурсе.

Одной из авторских интенций, обуславливающих окказиональные трансформации фразеологических единиц, является экспликация значения фраземы. Интенции авторов, направленные на экспликацию значения, существенно отличаются от интенций, направленных, например, на конкретизацию значения, интенсификацию элементов фразеологического значения, речевую игру. Суть экспликации – в «прояснении» семантики языкового знака; это трансформации фразеологизмов с целью частичной деметафоризации значения. Механизм такого вида трансформаций сводится к введению в компонентный состав фразеологизма окказионального компонента, некосвенным образом передающего элементы смысла фразеологизма. Экспликация значения способствует более точной передаче фразеологического значения, закодированного путём косвенно-производной номинации.

Описание экспликации элементов фразеологического значения производится при сопоставлении элементов (сем), составляющих фразеологическое значение – и лексем свободного употребления, репрезентирующих элементы значения. Например, ФЕ *белые мухи*, имеющая значение 'порхающие снежинки ранней зимы' (Ожегов, Шведова 2003: 371), преобразуется в окказиональный вариант фраземы *снежные мухи* посредством замены компонента *белые* окказио-

нальным компонентом *снежные* – прямой номинацией признака, характеризующего метафорических «мух».

Экспликация элементов фразеологического значения выявляется при сопоставлении элементов значения (сем) и окказиональных элементов-экспликаторов. При этом проблемой становится определение полного и точного значения языковой единицы. Так, например, для ФЕ *вешать лапшу на уши* можно указать значение ‘обманывать’ (см. такое значение фразеологизма в (frazbook.ru), ‘лгать’ (Елистратов 2007: 61). Может быть дано более широкое значение – ‘нагло врать, рассказывать небылицы, намеренно вводить в заблуждение’ (Фёдоров 1997: 74). См. также толкования ФЕ в словарях: ‘обманывать так, чтобы поверили’ (vslovar.ru), ‘бессовестно дурачить, лгать’ (slv.ucoz.ru), ‘обманывать, разыгрывать’ (folclor.academic.ru), ‘обманывать, дезинформировать’ (slovar-vorovskogo-jargona.info), ‘обманывать, лгать, вводить в заблуждение’ (Мокиенко, Никитина 2000: 96); а также в значении может быть подчёркнут способ передачи неверной информации – ‘намеренно говорить явную неправду с целью обмануть, ввести в заблуждение кого-либо’. Очевидно, в случае описания узуального значения в состав семемы будут входить семы, составляющие целые серии сходных понятий: ‘ложь’ – ‘враньё’ – ‘обман’ – ‘дезинформация’ – ‘неправда’ – ‘заблуждение’ – ‘розыгрыш’ – ‘брехня’ и под.; ‘нагло’ – ‘бессовестно’ – ‘издевка’ и под.; ‘намеренно’ – ‘специально’ и под.; ‘говорить’ – ‘произносить’ и под. Экспликация осуществляется при введении в компонентный состав ФЕ любой (любых) из перечисленных выше лексем (и их производных) – при условии семантической и грамматической сочетаемости компонентов. См., например: «Почему людям в СССР *бесстыдно вешали на уши лапшу* о загнивающем капитализме?» (mihkel.net/pochemu-lyudyam/); «Пусть и дальше *вешают на уши* простакам *брехню*. Но не нам и не на наши народные деньги» (lindex-ru.org/Lindex1/shireo2/); «Здесь *шнягу* людям *на уши вешают!* Риф действительно обалденный – сам отель дерьмо!» (votpusk.ru/hotel/story).

Введение окказиональных компонентов-экспликаторов осуществляется посредством приёмов окказионального преобразования фразеологических единиц – замены и расширения компонентного состава.

1. Экспликация посредством замены компонента фраземы.

При окказиональной замене компоненты-экспликаторы замещают один (или несколько) языковых компонентов ФЕ; при этом сохраняется деривационная связь трансформы с фразеологическим инвариантом. Окказиональным преобразованиям с целью экспликации подвергаются в основном ФЕ с изоморфизмом значения и формы; в процессе замены глагольных компонентов эксплицируются глагольные семы, в процессе замены субстантивных компонентов репрезентируются элементы, именуемые субъекты, объекты.

Замена компонентов существенно влияет на внутренний и внешний планы ФЕ. Изъятие одного из компонентов фразеологизма нарушает целостность формы и значения ФЕ. Исследование окказиональных экспликаторов и языковых компонентов ФЕ позволило выявить различия в отношениях окказионального и языкового компонентов.

Окказиональные экспликативы и языковые компоненты, как правило, или имеют незначительное сходство в семантике, или не имеют его вовсе. Такие смысловые различия «коррелятов» обусловлены специфическим характером фразеобразования, когда при образовании фразеологической единицы происходит метафорическое перекодирование замысла в образную речь, когда существенно ослабляются, а подчас теряются связи фразеологических компонентов и породивших их свободных лексем.

1.1. Замена глагольного компонента.

1.1.1. Окказиональный компонент-заместитель имеет ассоциативную связь с фразеологическим глагольным компонентом.

Разбирать по косточкам ('изучать, исследовать, рассматривать подробно что-, кого-либо, не пропуская, подмечая все детали, все мелочи') – *исследовать по косточкам*: «А колёсико с плуга, одно колёсико, номерок имеет, и номерок тут сходится с корпусом. Видишь, оно какое дело, Григорий Егорович! Я понимал, что никаких номеров на колёсах плуга нет, ... но, разгадав план председателя, я помогал ему – он прощупывал Гришку, исследовал по косточкам, изучал» (Г. Троепольский. Гришка Хват). Ср. разбирать – исследовать ('разбирать что-либо на мелкие детали с целью изучения, исследования строения предмета')

1.1.2. Окказиональный компонент-заместитель не имеет семантической связи с фразеологическим глагольным компонентом. См.: *метать бисер перед свиньями* ('напрасно представлять, демонстрировать, высказывать мысли и чувства, ценные в каком-либо отношении, тому, кто не способен понять или оценить это') – *демонстрировать* ('предъявлять, показывать, говорить'): «А если многие из собравшихся в аудитории не понимают всей ценности этой книги, так и не стоит, простите за резкую метафору, демонстрировать бисер ...» Ср.: метать ('бросать с размахом, кидать, целясь куда-нибудь') – демонстрировать ('показать наглядным способом').

В особую группу следует выделить 1) фразеологические единицы, имеющие языковые компоненты, уже эксплицирующие элементы значения фразеологизма; в дефинициях и в компонентном составе таких ФЕ представлен один и тот же глагольный компонент: быть (находиться) *под каблуком* ('быть / находиться в полном подчинении, зависимости'), знать себе цену ('знать свои возможности'). По сути, такие глаголы используются в прямом значении; 2) фразеологические единицы, глагольные компоненты которых и глагольные эле-

менты дефиниции являются однокоренными глаголами близкой семантики: *слона не приметить* ('не заметить самого главного'). См.: «В этой суматохе простительно и *слона не заметить*» (И. Гончаров. Фрегат "Паллада"). Подобные факты не считаются окказиональными, это явления языковые. Глагольные компоненты в таких случаях часто определяются либо как единицы текста с прямым значением, вводящие фразеологизм в текст (см. об этом в: Молотков 1986: 10), либо как компоненты лексических вариантов фразеологизма.

Следует сказать, что замена глагольных компонентов с целью экспликации значения – явление нечастотное. Объясняется это косвенно-производным характером фразеологических единиц, при котором отсутствуют прямые связи означаемого и означающего. Часто происходит нарушение семантической валентности компонентов-лексем. Как известно, при образовании ФЕ процессу метафоризации подвергаются свободные сочетания слов, созданных при соблюдении семантической валентности слов-компонентов. См.: *пускать утку, мерить на свой аршин, метать бисер перед свиньями*. При введении во ФЕ окказиональных компонентов-экспликаторов семантическая валентность глагольного компонента нарушается. См.: **распространять удочку, *высказывать бисер перед свиньями*.

При внедрении в состав фразеологизма компонентов, актуализирующих элементы фразеологического значения, может вуалироваться фразеологический образ. Такое воздействие на образ не является целенаправленным – это, скорее, последствия нарушения сочетаемости окказиональных компонентов и фразеологических компонентов, оставшихся во ФЕ без изменения.

Таким образом, спецификой данного вида трансформаций становится ослабление фразеологических качеств устойчивых единиц, проявляющееся наличием лишь ассоциативных связей окказиональных заместителей с замещёнными фразеологическими компонентами или отсутствием этих связей. Данный факт доказывает, что носители языка, эксплицируя элементы значения ФЕ, стремятся акцентировать внимание адресата речи на значении фразеологизма в ущерб его фразеологическим качествам – образности, метафоричности.

1.2. Замена субстантивных компонентов.

Замена компонентов свойственна, в первую очередь, фраземам, характеризующимся изоморфизмом значения и формы; при этом заменяемый фразеологический компонент репрезентирует элемент фразеологического значения и окказиональный компонент-заместитель напрямую именуется элементом значения.

Накалять атмосферу ('создавать напряжённую, тревожную обстановку') – *накалять обстановку*: «Кацнельсон чувствовал неприязнь хозяйки и понимал её. Он знал, как живут на сто рублей. Не хуже Юшкова он знал, что от этого места – то ли лаборанта, то ли подсобника – к самостоятельной работе пути нет. ... Кацнельсон наконец сообразил, что *накалил обстановку*» (А. Каштанов. Коробейники).

По семантическому соотношению заменяемых языковых компонентов и их окказиональных экспликаторов фраземы, подвергающиеся окказиональным преобразованиям, могут быть представлены в трёх группах.

1.2.1. Фразеологические компоненты и компоненты-заместители имеют семантическое сходство в рамках парадигматических отношений: синонимических, гиперо-гипонимических, а также входят в одну тематическую группу. См.: *свить гнездо* ('устраивать свою семейную жизнь, свой дом') – *свить лачугу*: «Конечно, пока я не *совью собственную лачугу*, вы абсолютно свободный человек» (А. Куприн. Юнкера). Ср. *гнездо* (у птиц, насекомых – 'место жилья, кладки яиц и выведения детёнышей') – *жильё* – *дом* – *лачуга* ('бедная хижина, небольшой и плохой дом').

1.2.2. Фразеологические компоненты и компоненты-заместители могут иметь ассоциативные связи: *пожинать лавры* ('пользоваться плодами, результатами успехов, славы; получать признание своих достижений, удовлетворение от достигнутого') – *пожинать славу*: «Что делают сейчас мои друзья? Один журнал ведёт по праву. Другой, наверно, *пожинает славу* за фильм, к которому причастен я» (О. Шестинский. Что делают сейчас мои друзья?). Ср.: *лавры* ('ветки лавра являются символом победы, славы, награды') – *слава*.

1.2.3. Окказиональный компонент-заместитель не имеет семантической связи с фразеологическим субстантивным компонентом. См.: *заваривать кашу* ('начинать сложное, хлопотное дело') – *заваривать дело*: «Ему сейчас особенно не нравились и эти улицы, которых, по существу, и не было, но они же будут, и эти дома, принятые на Советской улице, которых он пока не видел, ямы и котлованчики – верный признак для наметанного глаза строителя, что здесь *заваривается крупное дело*» (А. Приставкин. Городок).

1.2.4. Как трансформационно частотную особо следует выделить группу ФЕ, построенных по модели словосочетаний с доминирующим субстантивным компонентом: *тёртый калач* ('много испытанный в жизни, бывалый опытный человек'), *стреляный воробей* ('человек много претерпевший, с большим жизненным опытом, которого трудно провести, обмануть'), *травленный волк* ('человек, перенёсший всяческие трудности, невзгоды; обладающий большим жизненным опытом; искушённый в жизненных испытаниях'). Субстантивные компоненты этих фразеологизмов при экспликации элементов значения заменяются окказиональными компонентами-экспликаторами *человек*, *люди*: «Назавтра Петров одолженную вещь вернул в целостности и сохранности. Однако папаша Дегтярёв, работник троллейбусного управления, человек тёртый, сразу бесповоротно решил: аккумулятор подменён» (Правда, 1978, 16 апр.); «Чего ты меня пугаешь? Я человек стреляный, в жизни многого повидал» (разг.).

Экспликаторами могут быть слова, входящие в тематическую группу «Человек»: *мужчина*, *мужик*, *парень*, *женщина*, *баба*, *девушка* –

ка, народ, ребята и проч., а также слова других тематических групп, называющие людей по какому-либо признаку (профессиональному, по роду занятий и др.) – *военный, музыкант, буровик* и под.: «Дорогие мои, не ведитесь на ухаживания зрелых и “стреляных” *мужей* (если, конечно, это не кто-то, типа Андрона Кончаловского или Брюса Уиллиса» (Советы девушкам. Форум. You.com.ua); «Серебров знал, что одними эмоциями нынешнего бывалого и *тёртого руководителя* не возьмёшь. Он запасся цифирью» (В. Ситников. Свадебный круг). Такие компоненты совмещают функцию экспликаторов и конкретизаторов фразеологического значения.

2. Экспликация посредством расширения компонентного состава фраземы.

При расширении компонентного состава при соблюдении правил грамматической и семантической сочетаемости компоненты-экспликативы присоединяются к фразеологическим компонентам в соответствии с правилами моделирования словосочетаний: глагольные компоненты сочетаются с компонентами адвербиальными по типу примыкания, субстантивные компоненты сочетаются с окказиональными экспликативами по типу согласования и управления. Частичная демегафоризация элементов значения не затрагивает основ семантики ФЕ, фразеологический образ также не испытывает серьёзных изменений. Данный вид экспликации элементов фразеологического значения частотен.

2.1. Включение в компонентный состав окказиональных адвербиальных компонентов-экспликативов: *напрасно метать бисер перед свиньями* (ср.: ‘напрасно высказывать мысли и чувства, ценные в каком-либо отношении, тому, кто не способен понять, оценить это’), *заново создавать велосипед* (ср.: ‘обнаруживать, создавать заново что-либо давно открытое, общеизвестное’).

2.2. Включение в состав ФЕ окказиональных экспликативов – адъективных компонентов: *разрубить сложный, запутанный узел* (ср.: ‘смело, сразу разрешить сложный, запутанный вопрос’); *сорвать лицемерную маску* (ср.: ‘обнаруживать, выявлять чьё-либо притворство, лицемерие, разоблачать кого-либо’).

2.3. Включение в состав ФЕ экспликативов – субстантивных компонентов: *бросать тень подозрения* (ср.: ‘вызывать подозрение; чернить, порочить, вызывая сомнение в положительных качествах кого или чего-либо’).

Экспликация элементов фразеологического значения при окказиональных трансформациях ФЕ – это процесс своеобразного апеллирования к семантике фразеологизма в ущерб образности и метафоричности. Следует заметить, что наиболее часто экспликация элементов значения фразеологизмов подмечена в речи разного вида: разговорной, несобственно-прямой, в сообщениях на чатах и форумах, где нет установки на использование фразеологизмов в качестве ярких выразительных образных знаков. Экспликация элементов фразеологиче-

ского значения ведёт не к усложнению образно-характеризующей сущности фразеологизма, а к её упрощению.

Литература

Алефиренко, Н.Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма: монография. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. 152 с.

Елистратов, В.С. Толковый словарь русского сленга – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. 672 с.

Мелерович, А.М., Мокиенко, В.М. Фразеологизмы русской речи. Словарь. – М.: Русские словари, 1997. 864 с.

Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г. Большой словарь русского жаргона – СПб.: Норинт, 2000. 720 с.

Молотков, А.И. Фразеологический словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1986. 546 с.

Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: ООО: «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2003. 944 с.

Фёдоров, А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. В 2-х т.: – М.: Цитадель, 1997. Т. 1. 391 с.

Summary: The article is dedicated to analyzing process of occasional transformations of phraseological units which lead to explication of elements of phraseological meaning. Occasional transformations, which are conditioned by authors' intentions and accomplished by means of expansion or substitute of usual components with occasional explicator result in partial demetaphorization of a phraseological unit. The study of occasional phraseological transformations allows us to bring out authors' views and valuations of phenomena of the surrounding world.

Key words: occasional phraseology, phraseological transformations, authors' intentions, explication of a meaning, demetaphorization of a meaning.

АНГЛИЙСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ С КОМПОНЕНТОМ MAKE: ВИДЫ ВАРИАНТНОСТИ

Н.В. Ключева, Т.Н. Федуленкова

Россия, г. Владимир, Владимирский государственный университет
имени А.Г. и Н.Г. Столетовых

kluzhevanatalia@mail.ru, fedulenkova@list.ru

Для фразеологизмов, как единиц более сложных по сравнению со словом, проблема вариантности является особенно актуальной ввиду роста многообразия видов варьирования ФЕ, связанного с усложнением архитектоники этой языковой единицы (Федуленкова 2005: 62). Действительно, если варьирование фонем проявляется, главным образом, в потенциальном наличии фонологически несущественных признаков, варьирование морфем состоит в комбинаторике фонем, варьирование в лексике заключается в семантически несущественных отличиях, то в фразеологических единицах объединяются все эти виды формального и формально-смыслового варьирования, включая варьирование на лексическом и синтаксическом уровнях (Федуленкова 2000: 40).

Объектом данного исследования являются фразеологические единицы (ФЕ) современного английского языка, включающие в свой

состав глагольный компонент *take* и имеющие различную степень мотивированности и уровень абстракции (Fedulenkova 2009: 42). Внимание к избранным для анализа языковым единицам объясняется тем, что их ведущий глагольный компонент проявляет высокую фразеологическую активность. Отметим, что лишь в *Англо-русском фразеологическом словаре* А.В. Кунина зафиксировано свыше двухсот пятидесяти фразеологических единиц, имеющих в своем составе названный глагольный компонент.

Теоретической базой исследования послужила фразеологическая концепция А.В. Кунина и разработанный ученым метод фразеологической идентификации (Кунин 1996: 38). Напомним при этом, что впервые вариационный метод изучения фразеологизмов был предложен В.Л. Архангельским (1964). По мнению А.В. Кунина, одной из примечательных характеристик этого метода является «...комплексное изучение особенностей компонентов фразеологических единиц, выделение фразеологического уровня языковой структуры, внимание, которое автор уделяет постоянным и переменным компонентам фразеологических единиц» (Кунин 1970: 42). Концепция фразеологической вариантности получила свое детальное развитие в диссертационном исследовании А.В. Кунина (1964), концепция контекстуального варьирования нашла свое отражение в последующих трудах лингвиста и представителей его школы (Кунин 1971: 1976).

На основе применения комплекса методов – метода фразеологической идентификации, контекстуального метода и приемов вариационного анализа к изучению фразеологизмов с компонентом *take*, – получаем следующие результаты. Около 65% фразеологизмов имеют константную или константно-переменную зависимость компонентов, т.е. не допускают какой бы то ни было вариантности: *take waves* – причинять беспокойство, *take heavy weather* – усложнять что-л., стучать краски, *take a dent in something* – ослабить что-л., повредить чему-л., *take a feast of something* – наслаждаться чем-л., *take a job of something* – успешно справиться с чем-либо, сделать что-либо хорошо, *take a day of it* – разг. провести целый день за каким-л. занятием, посвятить чему-л. целый день (особ, развлечениям), *take a match of it* – жениться, выйти замуж, вступить в брак, *take no bones about it* – не стесняться, не церемониться с чем-л., называть вещи своими именами, *take the grade* – разг. преуспевать, добиться успеха, добиться своего, быть на должной высоте, например:

It's not good trying to stop us from becoming human beings at this stage of the game because some day one of us is going to make the grade. I know it's not going to be me. Maybe it's not going to be you – but it may be your son. (W. Saroyan, *The Adventures of Wesley Jackson*) – Мы хотим стать людьми, и теперь уже бесполезно мешать нам, потому что рано или поздно один из нас пробьет себе дорогу. Я знаю, что не я. И возможно, что не ты. Но может быть это будет твой сын.

Вариантности подвержены свыше трети изучаемых фразеологизмов, причём наиболее распространённой из них является глагольная вариантность (Федуленкова 2002: 110). Объём глагольной вариантности позволяет выявить следующие подвиды вариантов анализируемых ФЕ в соответствии с количеством варьирующихся компонентов-глаголов:

а) двухвариантные фразеологизмы: *make / stage a come-back* – разг. оправиться после неудачи, взять реванш, обрести былую популярность, *make / cut a figure* – играть роль, производить впечатление, *make / have a stab at something* – разг. попытаться сделать что-либо, сделать попытку, *make / pull a face* – сделать гримасу, гримасничать, скорчить рожу, *make one's flesh creep / crawl* – заставить кого-л. содрогнуться, вызвать мурашки по телу, ср., например:

*I was woken up in the middle of the night by a weird, high-pitched, monotonous wailing that **made my flesh creep**, sent my heart-beat rocketing and caused me to break out into a cold sweat.* (A.P. Cowie, ODOCIE) – Среди ночи я проснулся от потустороннего, пронзительно-го, однообразного воя, от которого у меня мурашки по телу побежали, сердце бешено забилося и весь я покрылся холодным потом.

*He **makes my flesh crawl**: his cat-like walk, his husky voice, his black clothes, his perpetual grin – there's something really sinister about him.* (A.P. Cowie, ODOCIE) – От него у меня мурашки по телу: от его кошачьей походки, от его сиплого голоса, от его вечной ухмылки – в нем есть что-то в самом деле зловещее.

б) трёхвариантные фразеологизмы: *make / kick up / raise a stink* – разг. фам. устроить бучу, поднять дикий скандал, *make / take / fetch a circuit* – сделать крюк, пойти в обход, обходным путем, *make / kick up / raise a dust* – поднимать шум, суматоху, жаловаться, громко возмущаться, *make / raise / kick up a racket* – буянить, поднять шум, скандалить, *make / earn / turn an honest penny* – заработать честным трудом, ср., например:

*I don't deceive my customers into thinking my goods are better than they are. I'm just an ordinary businessman, trying **to make an honest penny**.* (L. Urdang, LDOEI) – Я не убеждаю своих клиентов путем обмана, что мои товары лучше, чем они есть на самом деле. Я просто обыкновенный бизнесмен, пытающийся заработать честным трудом.

*"Well, Mrs. Gamp," observed Mould, "I don't see any particular objection to your **earning an honest penny** under such circumstances."* (Ch. Dickens, Martin Chuzzlewit) – Ну что ж, миссис Гэмп, – заметил мистер Моулд, – я не вижу никаких причин, почему бы вам при таких обстоятельствах не заработать честно на кусок хлеба.

*Tom was available wherever **an honest penny could be turned**.* (J. O'Hara, From the Terrace) – Том никогда не упускал возможности честно подработать.

в) поливариантные фразеологизмы: *make / go / take / wend one's way* – идти, направляться, направлять свой путь, держать путь, от-

правляться, *make / do / go / take / walk one's rounds* – совершать обход, посещать, например:

*“He **is making his round** now,” the Sister said.* (J. Jones, *Some Came Running*) – Доктор сейчас совершает обход, – сказала сестра.

Whenever we go to the place my wife was born, we always have **to do the rounds** of her relatives. (L. Urdang, LDOEI) – Когда бы мы ни поехали в родные места жены, мы всегда обязаны были обойти всех ее родственников.

*It was visiting time when Wemmick took me in; and a potman **was going his rounds** with beer...* (Ch. Dickens, *Great Expectations*). – Мы с Веммиком попали как раз во время свиданий; разносчик с пивом обходил тюремный двор...

*He was never tired of **taking his rounds** every other day.* (OED) – Он никогда не уставал делать обходы через день.

***Walking your morning rounds**, eh?* (OED) – Совершаешь свой утренний променад?

Что касается субстантивных компонентов в изучаемых ФЕ, то они варьируются гораздо реже, что свидетельствует о более высокой степени устойчивости фразеологических единиц, строительными элементами которых они являются. Субстантивная вариантность данных ФЕ может быть проиллюстрирована следующими примерами: *make fun / mock / sport of somebody / something* – высмеивать кого-л., *make the best of a bad bargain / business / job* – мужественно, безропотно переносить несчастья, не унывать, не падать духом, с честью выйти из затруднительного положения, *make a hog / pig of oneself* – объедаться, *make a hash / a mess / a muddle of something* – напутать, перепутать что-л., внести путаницу во что-л., устроить беспорядок, например:

*...you've **made such a hash of** that painting, haven't you, Michael?* (L. Urdang, LDOEI) – ...ты такой беспорядок устроил с этой покраской, Майкл, а?

*I hate the idea of Larry **making such a mess of** his life.* (W.S. Maugham, *The Razor's Edge*) – Ужасно и подумать, что Ларри сам портит себе жизнь.

*He spent some time in the army but **made a muddle of** his chances of becoming an officer by arguing with the captain.* (L. Urdang, LDOEI) – Он служил некоторое время в армии, но потерял все шансы стать офицером, поспорив с капитаном.

В изучаемом фразеологическом сегменте в редких случаях наблюдается вариантность адъективного компонента: *make sure / make certain* – постараться, позаботиться, принять меры, например:

*He isn't plotting anything. He is simply **making sure** that the case will be heard by the Council.* (J. Aldridge, *The Diplomat*) – Ничего он не затевает. Он просто добивается, чтобы вопрос был заслушан на Совете Безопасности.

*It **made certain** that his forces would get to Vienna before ours!* (*The Memoires of Field-Marshal Montgomery*) – И стало ясно, что его войска доберутся до Вены раньше наших.

Варьированию подвергаются не только глагольные, субстантивные, адъективные, но и предложные компоненты изучаемых ФЕ: *make a run for / of it* – убежать, удрать, *make fair weather to / with somebody* – уст. стараться снискать чье-л. расположение лестью или притворной дружбой, *make a good fist at / of something* – разг. сделать удачную попытку, хорошо справиться с чем-л., уметь делать что-л., *make face against / to somebody, something* – редк. восстать против кого-л., презреть, бросив вызов, не поддаваться, например:

*It had been given and returned in real sweetness and comradeship, that kiss, for a sign of womanhood **making face against** the world.* (J. Galsworthy, *The Patrician*) – Поцелуй этот, полный неподдельной нежности и понимания, как бы означал: мы обе – женщины и мы бросаем миру вызов.

*The king and his commanders... **made face to** the Moors repelling all assaults.* (W. Irving, *A Chronicle of the Conquest of Granada*) – Король и его военачальники... оказали сопротивление маврам, отразив все их атаки.

Часто предложная вариативность сопровождается каким-либо другим видом компонентного варьирования ФЕ (Федуленкова 1998: 470): *make a monkey / a fool / an ass of / out of somebody* – одурачить, поставить кого-л. в глупое, дурацкое положение, посмеяться над кем-л., *make / have two bites at (of) a cherry* – прилагать излишние старания, проявлять чрезмерное рвение, усердие, и др.

Изучение характера вариантности в пределах ФЕ с компонентом *make* выявляет также морфологические варианты (Федуленкова 1997: 161), которые представлены четырьмя случаями и оформляются изменением категории числа субстантивного компонента: *make a difficulty / difficulties* – создавать воображаемые трудности, *make / go / take / walk one's round(s)* – совершать обход (напр., о враче, ночном стороже и т.п.), *make broad one's phylacteries / phylactery* – книжн. выставлять напоказ свою набожность (этим. библ. Matthew XXIII, 5), *make allowance(s) for something* – принимать что-л. во внимание, в расчет, учитывать что-л., делать скидку, поправку на что-л., например:

*... but when you have **made every allowance for** the latitude and the season, it was a good day.* (J.B. Priestley, *They Walk in the City*) – ...принимая во внимание географическую широту места и время года, день все же можно было назвать хорошим.

*He was a jovial fellow. He could not speak without bellowing. Miss Reid thought him quite an eccentric, but she had a keen sense of humour and was prepared **to make allowances for** that.* (W.S. Maugham, *Winter Cruise*) – Капитан был жизнерадостным и шумным человеком. Мисс Рид считала его чудачком, но со свойственным ей чувством юмора всегда находила оправдание его чудачествам.

Исследование компонентного состава фразеологии обнаруживает случаи ФЕ с количественной вариантностью (Федуленкова 2007: 150).

Квантитативными вариантами являются ФЕ с неодинаковым числом компонентов, образованные путем их усечения или прибавления:

1) варианты с усечением элементов проиллюстрируем следующими ФЕ: *make cracks / make cracks about smb, smth* – высмеивать (кого-л.), *make fun / make fun of smb, smth* – потешаться (над кем-л.), *make love / make love to smb, smth* – ухаживать (за кем-л.), *make one's way / make one's way in the world* – сделать карьеру, завоевать положение в обществе, например:

If you want to make your way in the world you must learn to work hard while you are still young. (L. Urdang, LDOEI) – Если вы хотите выйти в люди, вы должны научиться усердно работать еще в молодости.

But David was not discouraged: he was young, enthusiastic, determined to make his way. (A.J. Cronin, *The Stars Look Down*) – Дэвид же пока не унывал. Он был молод, полон энтузиазма и решимости пробить себе дорогу.

2) варианты ФЕ с прибавлением элементов: *make (both / two) ends meet* – сводить концы с концами, *make a break / make a (bad) break* – проговориться, обмолвиться, сделать неуместное замечание, сделать ложный шаг, например:

Don't make any breaks with them. They're not with us. (OED) – Не проговоритесь. Это не наши люди.

He realized later that he had made a bad break. (OED) – Позже он понял, что безнадежно проговорился.

Анализ изучаемого языкового материала показывает, что простая вариантность фразеологических единиц сочетается с таким видом лексической вариантности, когда взаимозаменяемость знаменательных компонентов дополняется взаимозаменяемостью служебных слов, что имеет место в глагольно-предложной вариантности: *make / play ducks and drakes of / with something* – проматывать, растрачивать, разбазаривать что-л., транжирить, пускать по ветру что-л., *make / have two bites at / of a cherry* – прилагать излишние старания, проявлять чрезмерное рвение, усердие, например:

Mr. George Devine, the artistic director of the English State Company, pointed out that the majority of papers had not agreed to the request and that many would be reviewing the play at its Paris production. Which means that most of the critics have had two bites at the cherry (Daily Worker). – Мистер Жорж Девин, художественный руководитель английского театра, отметил, что большинство газет не посчиталось с его просьбой и многие из них собирались печатать рецензии на парижскую постановку пьесы. Это означает, что большинству критиков пришлось без всякой на то необходимости два раза рецензировать одну и ту же пьесу.

Let us do this work at a stretch and do not make two bites of a cherry. – Давайте сделаем эту работу в один присест, не будем растягивать ее (DEI).

Синтаксические варианты представлены следующим рядом ФЕ: *make a name for oneself / make oneself a name / make one's name* – создать себе имя, обрести известность, *make a nuisance of oneself / make oneself a nuisance* – надоедать, досаждать, докучать (кому-л.), например:

*“These are not normal times,” said Soames. “To be quite plain, unless I have that information I must tender my resignation.” He saw very well what was passing in their minds. A newcomer **making himself a nuisance** – they would take his resignation readily – only it would look awkward just before a general meeting (J. Galsworthy, The White Monkey).* – Сейчас ненормальное время, – сказал Сомс. – Короче говоря, если я не получу точной информации, я буду вынужден подать в отставку. – Он прекрасно видел, что они думают: новичок – и подымает такой шум; они охотно приняли бы его отставку, только это было не совсем удобно перед общим собранием.

*If he's the sort of man that isn't happy unless he is **making a nuisance of himself**, I'm well rid of him (J. Lindsay, Runaway).* – Если он принадлежит к людям, которые только тогда счастливы, когда становятся кому-нибудь поперек горла, то я удачно избавился от него.

Контекстуально-вариационный анализ ФЕ показывает, что менее распространенными являются такие осложненные виды вариантности, как:

а) лексико-квантитативная вариантность: *make it / things (too) hot for somebody* – разг. создать невыносимые условия для кого-л., задать жару кому-л., *make semblance of something / put on a semblance of something* – надеть личину чего-л., *make the eagle scream / fly the eagle* – амер. разг. произносить ура-патриотические речи, превозносить американский образ жизни;

б) лексико-квантитативно-синтаксическая вариантность: *make one's bed and have to lie in / on it // lie / sleep in / on the bed one has made* – расплачиваться за свои поступки, пожинать то, что посеял, и др.

Итак, в результате исследования избранного сегмента английской фразеологии выявляем ряды простых и осложненных видов глагольных, субстантивных, адъективных и квантитативных вариантов ФЕ.

В заключение подчеркнем, что вариантность в области фразеологии – это результат проявления общих языковых закономерностей, актуальных для всех уровней языка, а именно: адаптация к определенным языковым нормам, подчеркивание аналогии, передача колорита времени, создание эффекта новизны единицы, а также стремление усилить эмоционально-экспрессивные тенденции языка.

Литература

Архангельский, В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. – Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 1964. 315 с.

Кунин, А.В. Английская фразеология: Теоретический курс. – М.: Высш. шк., 1970. 288 с.

Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высш. шк., 1996. 344 с.

Кунин, А.В. О стилистическом контексте во фразеологическом ракурсе // Сб. науч. тр. / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза. Вып. 103. – М., 1976. С. 103-126.

Кунин, А.В. Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря: Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1964. 1229 с.

Кунин, А.В. Фразеологические единицы и контекст // Иностранные языки в школе. 1971. № 5. С. 2-14.

Федуленкова, Т.Н. Английская фразеология: Курс лекций. – Архангельск: Мин. образ. РФ, Поморский гос. ун-т, 2000.

Федуленкова, Т.Н. Библиейская фразеология в диалоге культур: виды вариантов // Россия и Запад: диалог культур: Сб. докл. 4-й Международ. конф. – М.: Моск. гос. ун-т, 1998. Вып. 5. С. 461-473.

Федуленкова, Т.Н. Вариантность фразеологических единиц с компонентом *do* в современном английском языке // Актуальные проблемы английской филологии: Сб. науч. тр. – М.: Моск. пед. гос. ун-т, 2002. С. 110-125.

Федуленкова, Т.Н. Квантитативные versus лексические варианты фразеологических единиц // Язык, культура, общество: Материалы IV международ. конф. – М.: РАН, Российская Академия лингв. наук, научный журнал «Вопросы филологии», 2007. С. 150.

Федуленкова, Т.Н. Проблемы вариантности фразеологических единиц библейской этимологии // Язык и культура: Материалы международ. науч. конф. – Барнаул: Барнаул. гос. пед. ун-т, 1997. С. 161-163.

Федуленкова, Т.Н. Фразеологическая вариантность как лингвистическая проблема // Вестник Оренбургского гос. ун-та. Серия «Гуманитарные науки». – Оренбург, 2005 4(42). С. 62-69.

Fedulenkova, T. Phraseological Abstraction // Cross-Linguistic and Cross-Cultural Approaches to Phraseology: ESSE-9, Aarhus, 22-26 August, 2008 / T. Fedulenkova (ed.). – Arkhangelsk; Aarhus, 2009. P. 42-54.

Summary. The research has been done on the basis of phraseological units of Modern English. The paper deals with different types of variability of phraseological units, including the verbal component *make* as one of the most productive verbs of creative semantics, taking part in building the meaning of the substantial segment in modern English phraseology.

Key words: phraseological units, variability, productive verbs.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ КОНЦЕПТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

О.В. Куманок

Россия, г. Старый Оскол, Старооскольский филиал
Белгородского государственного национального исследовательского университета
kumolya@yandex.ru

Процесс восприятия художественного произведения иногда является для читателя довольно сложным, поскольку мысли, ценности, чувства автора переданы в нем не напрямую, а посредством создания им художественных образов. Поэтому, знакомясь даже с произведениями отечественных авторов, мы можем наблюдать специфические особенности построения писателем художественного текста, так называемый индивидуальный «почерк» писателя, его идиостиль.

Поскольку и иностранные художественные произведения уникальны, в процессе восприятия их отечественным читателем важную роль играет «связующее звено» между творческим сознанием писателя и воспринимающим сознанием читателя – профессиональный перевод конкретного произведения. Известно, что колорит подобных произведений создается в том числе и с помощью фразеологии, поэтому при переводе важно не только сохранить общий смысл контекста, включающего фразеологизм, но и постараться передать его с помощью адекватных средств.

Фразеологические единицы языка являются своеобразными и наиболее емкими трансляторами этнокультуры, поскольку их семантика – это «результат опосредованной когнитивной деятельности, продукт лингвокреативного мышления ассоциативно-образного типа» (Алефиренко 2004: 22). Поэтому в связи с преобладанием в них коннотативного компонента (мотивации, эмотивности и оценочности), они отражают «пристрастное» восприятие наиболее значимых объектов действительности. Таким образом, фразеологизмы являются информативными единицами, которые отражают представления и эмоциональное отношение человека к окружающей действительности.

Художественная речь имеет ряд важных специфических особенностей, которые делают ее предметом пристального внимания со стороны исследователей. Такими отличительными чертами являются антропоцентричность, культурологическая сущность, способность воплощать в образной форме вторично моделируемый автором особый художественный мир с позиций эстетического идеала, ассоциативная природа речи, возможность быть «информационным генератором», а также наличие разного рода кодов (Болотнова 2003: 8).

Фразеологизмы, ввиду сложности их семантической структуры и высокого удельного веса коннотации в их значении, вступая в контексте в разнообразные связи, приобретают добавочные смыслы и дополнительные ассоциации, подвергаясь в речи разнообразным структурно-семантическим изменениям (Кунин 1996: 199). Семантическая сущность фразеологизма в художественном тексте обуславливается тем, что концепт, лежащий в его основе, характеризуется объединением образов культуры и индивидуальных смыслов автора. Причем образ, асимметрично выражаемый означающим фразеологизма, с одной стороны является мотивирующей основой фразеологического значения, а с другой дает возможность для возникновения новых смыслов. Так, фразеологизм *жить (сидеть) в четырех стенах*, вербализующий концепт «Одиночество», состоит из лексем, каждая из которых несет компоненты смысла своих значений. Однако основным здесь является переносное значение, сформированное ими на основе образа, возникающего в сознании при словосочетании «четыре стены»: *четыре стены* → *замкнутость пространства* → *изолированность от окружающих, одиночество*. Данный образ является мотивационной

базой для формирования и развития фразеологического значения: 1) 'не общаясь ни с кем, пребывая в одиночестве' и 2) 'не выходя из дому, из помещения' (ФСРЯ 1994: 450). А при конкретном контекстуальном употреблении данного фразеологизма наблюдается усиление негативной коннотации и возникновение ассоциативной связи с концептом «Смерть»: «...Я узнал, узнал, что такое страх, / **Погребенный** здесь **в четырех стенах**; / Даже блеск ружья, даже плеск волны / Эту цепь порвать ныне не вольны...» (Гумилёв Н. «У камня»). Как видим, эффект расширения смысла достигнут посредством замены компонента узуальной единицы на тот, который точнее отражает настроение автора.

Фразеологизмы в языке появляются на основе образных представлений о действительности, которые отражают обиходно-эмпирический, исторический и духовный опыт языкового коллектива, связанный с его культурными традициями. Такой опыт может воплощаться в знаках косвенно-производной номинации, характеризующихся асимметрией означаемого и означающего, т.е. во фразеологических знаках, многокомпонентных не только по структуре, но и по значению, где объединяется несколько отношений именованного в одно.

Известно, что в основе фразеологизма лежит концепт, который представляет собой семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры, квант знания, отражающий содержание всей человеческой деятельности (Маслова 2004: 28). Концепт – это комплексный феномен, фокусирующий в себе образы культуры и индивидуальные смыслы говорящего, поэтому наряду с универсальными концептами выделяют этнокультурные. Комплексность последних своим возникновением обязана их когнитивно-дискурсивной сущности, благодаря которой они существуют в сознании человека в виде слияния энергий перцептивного, когнитивного и аффективного происхождения, что предполагает наличие означающего в виде сложного, косвенно-производного вербализатора.

Фразеологизмам «в языке перевода могут соответствовать фразеологизмы, слова и свободные словосочетания» (Виноградов 2004: 186). Переводчик волен передавать смысл текста посредством различных средств, поэтому в рамках контекста возможно несколько вариантов перевода фразеологической единицы. Исходя из этого важным, на наш взгляд, является проблема связи концепта, лежащего в основе фразеологизма, который употреблен в произведении, с конкретными вариантами его вербализации в процессе перевода. Чтобы разобраться в данном вопросе, мы попытались проследить случаи перевода английских фразеологизмов на русский язык в произведении Дж.К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки».

Ключевой задачей при переводе является сохранение смысла определенного фрагмента текста. Поэтому при переводе фразеоло-

гизма наиболее оптимальным решением является поиск фразеологического эквивалента. В этой связи широкий выбор фразеологизмов, носящих интернациональный характер, значительно упрощает процесс перевода языковых единиц косвенно-производной номинации с одного языка на другой.

Примером такого решения является использование эквивалента для перевода в следующем отрывке: *You are afraid to **poke your nose into** any room in the house now; so, after walking up and down the stairs for a while, you go and sit in your own bedroom* (Джером 2006: 170). Данный фразеологизм принято дополнять словами «не в свое дело», но, как видим, и без этого дополнения фразеологизм сохраняет свое значение: *После этого вы уже не рискуете **сунуть нос** в одну из комнат этого дома* (Джером 1984: 85). Данный фразеологизм обозначает процесс вмешательства, то есть когда кто-то неоправданно вторгается в какое-либо дело (Телия 2006: 651). Как отмечает В.Н. Телия, образ данного фразеологизма относится к архетипическому пласту культуры, связанному с противопоставлением «своего» и «чужого». С древнейших времен данное противопоставление соотносилось с положением тела человека в пространстве. Ведь нос – это часть лица, выдающаяся вперед, которая воспринимается как один из ориентиров в организации пространства. И поэтому является своеобразным «пограничным столбом» между «внешним» и «внутренним пространством» человека» (Телия 2006: 652). Ученые сходятся во мнении, что данный образ является универсальным для мировидения европейцев. Контекстуальное употребление этого фразеологизма подтверждает связь с семами «любопытство» и «нежелательность этого действия». Поскольку перевод предполагает сохранение плана содержания, вполне обоснованным является стремление переводчика употреблять при переводе фразеологизмы, сходные для носителей славянских и германских языков.

Известно, что при отсутствии эквивалента перевод может осуществляться посредством фразеологического аналога, в основе которого лежит тот же концепт, но выраженный с помощью иной образной основы. В практике перевода этот метод используется довольно часто, поскольку именно с его помощью наиболее точно раскрываются смысловые, коннотативные связи явлений, которые выражаются фразеологизмами в разных языках. Пример такого употребления можно наблюдать при переводе следующего предложения: *Even Reading, through it **does its best** to spoil and sully and make hideous as much of the river as it can reach, is good-natured enough to keep its ugly face a good deal out of sight* (Джером 2006: 118-119). Данный фразеологизм может быть переведен с помощью стилистически нейтральных средств: «прилагать все усилия», «стараться изо всех сил». Однако конкретный контекстуальный перевод содержит фразеологизм, обладающий яркой образностью и эмоциональной окрашенностью: *Даже*

у Рэдинга, хотя **он из кожи вон лезет**, чтобы испортить, загадить, изуродовать возможно большую часть берега, хватает великодушия, чтобы скрыть почти всю свою безобразную физиономию (Джером 1984: 60). Исследователи справедливо отмечают, что образная основа в иноязычных фразеологизмах во многом отлична от русских. Интерес вызывает, в частности, перевод фразеологизма «like a stuffed mummy»: *It said: "Give us a hand here, can't you, you cuckoo; standing there **like a stuffed mummy**, when you see we are both being suffocated, you dummy!"* (Джером 2006: 141). Само сравнение стоящего без движения человека с «набитой мумией» отсутствует в русскоязычной культуре, однако в качестве аналога переводчик использовал именно фразеологизм «стоит как пень»: **Стоит как пень**, когда мы оба чуть не задохлись! (Джером 1984: 71). В русской культуре есть синонимичный данному фразеологизму «стоит как вкопанный», который, вероятно, исходя из его этимологии, семантически ближе к иноязычному (см.: Мокиенко 2005: 62). Необходимо отметить, что фразеологические аналоги используются при переводе довольно активно. Ведь наличие сходного фразеологизма в языке перевода упрощает задачу и, в какой-то степени, оставляет место для творчества.

С точки зрения когнитивного подхода к рассмотрению перевода фразеологизмов в художественном произведении лексический способ является приемлемым, поскольку в основе и фразеологической единицы, и слова лежит концепт. Однако при использовании такого способа могут быть утрачены коннотативные смыслы, заключенные в соответствующей единице косвенно-производной номинации оригинального произведения.

Такой способ может быть эффективен, если в языке перевода находится лексема, которая может выразить всю полноту эмоционального отношения автора к характеризуемому понятию. Так в английском языке существует фразеологизм **as good as gold**, который в переводе означает следующее «золотой человек», «сущее золото». Пример его употребления мы можем наблюдать в комедии Дж.К. Джерома: *I had been told to stand where I was, and wait till the canvas came to me, and Montmorency and I stood there and waited both **as good as gold*** (Джером 2006: 140). Однако переводчик приводит не менее экспрессивное по сравнению с фразеологизмом слово **паиньки**, что для данного контекста является удачно подобранным вариантом: *Мне было сказано, что я должен стоять там, куда меня поставили, и ждать, когда мне передадут парусину; и вот мы вдвоем с Монморанси стояли и ждали, как **паиньки*** (Джером 1984: 71).

Различия в картине мира, культуре, быте, мировосприятии разных народов предполагают в ряде случаев невозможность взаимозаменяемости фразеологизмов при переводе. Тогда применяется прием калькирования, допустимый в ситуации, когда исходный фразеологизм не имеет ярко выраженной семантической слитности между его

компонентами, а значит дословный перевод не нарушает смысловой наполненности. Примером употребления такого варианта перевода может служить употребление фразеологизма «to battle against Fate»: *George offered to go on and give us our revenge; but Harris and I decided not to battle any further against Fate* (Джером 2006: 277). В данном случае был возможен перевод с помощью фразеологизмов «лезть на рожон» или «играть с огнем», однако требование сохранения стилистической целостности контекста предполагает необходимость сохранения дословного перевода: *Джордж предложил было продолжать, чтобы мы могли отыграться, но я и Гарри не пожелали **вступить в единоборство с судьбой*** (Джером 1984: 139). Фразеологизмы в других языках, в частности в английском, имеют свою специфику, отличную от русских, поэтому при дословном переводе чаще всего не отражается экспрессия, коннотация, то яркое значение, которое было у идиомы в исходном языке, однако из-за отсутствия подобных фразеологизмов в русском языке, их дословный перевод является оправданным.

В том случае, когда в языке перевода не существует подходящего аналога или эквивалента, а калька не может передать всей полноты смысла фразеологизма, применяется описательный перевод. Этот прием возможен и необходим при переводе национально и культурно маркированных устойчивых выражений. Наиболее ярким примером использования описательного перевода в произведении «Трое в лодке, не считая собаки» является следующий: *He would take bronchitis in the dog days, and have hay-fever at Christmas* (Джером 2006: 82). Контекстуальный вариант перевода отражает только смысл фразы: «самые жаркие, знойные дни лета»: *Он умудрялся схватить бронхит в **разгар летнего зноя** и сенную лихорадку на Рождество* (Джером 1984: 40). Однако данный перевод не раскрывает в полной мере связь с происхождением фразеологизма в исходном языке: согласно древнеримскому поверью, восход звезды Сириус (the Dog Star) способствовал усилению жары. Таким образом, в данном случае можно говорить об утрате образной основы при переводе фразеологизма.

Работа над переводом любого текста является, несомненно, творческим процессом. Задача переводчика художественного произведения заключается в том, чтобы не только помочь носителям языка перевода понять смысл произведения, но и донести уникальный, неповторимый слог писателя, раскрыть специфику его творчества.

В языке существует определенный набор фразеологизмов различного характера. Некоторые имеют полные или частичные фразеологические эквиваленты в других языках, совпадающие по характеру образности внутренней формы и имеющие то же или близкосходное значение, ту же стилистическую окраску (см.: Виноградов 2004: 186). Другие могут быть переведены только с помощью лексем. Существуют

также фразеологизмы, не имеющие подобных себе единиц в других языках.

Проблема национально-культурных различий между фразеологизмами в разных языках остается актуальной. В тех случаях, когда для построения художественного образа употребление фразеологизма в исходном тексте строится на использовании возможностей национально-культурного колорита, возможна передача смысла с помощью лексических единиц или словосочетаний. А иногда даже при наличии фразеологического эквивалента переводчик приводит свой, более подходящий, по его мнению, вариант. Поэтому в каждом конкретном случае употребления фразеологизма переводчик стремится к тому, чтобы текст был предельно понятным читателю и отражал бы основные черты идиостиля писателя.

Концепт, передающий значение национально маркированного фразеологизма, может присутствовать в языковой картине мира другого народа, но средства его вербализации в художественном тексте переводчик выбирает сам, исходя из целесообразности употребления той или иной единицы. При этом важной задачей для переводчика остается сохранение образа, на основе которого построен фразеологизм исходного языка.

Литература

Алефиренко, Н.Ф. Дискурсивно-когнитивные истоки поэтической энергии слова (методологический аспект) / Н.Ф. Алефиренко // Поэтическая картина мира: слово и концепт в лирике серебряного века: Материалы VII Всероссийского научно-практического семинара (27 апреля 2004 г.) / Под редакцией проф. Н.С. Болотновой. Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2004. – 160 с. С. 19-24.

Виноградов, В.С. Перевод: общие и лексические вопросы: Учебное пособие. – 2-е изд., перераб. – М.: КДУ, 2004. 240 с.

Алефиренко, Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: Монография / Н.Ф. Алефиренко. – М.: ООО Изд-во «Элпис», 2008. 271 с.

Болотнова, Н.С. Художественный текст как объект коммуникативного изучения: основные направления, результаты и перспективы / Н.С. Болотнова // Художественный текст и языковая личность: Материалы III Всероссийской научной конференции, посвященной 10-летию кафедры современного русского языка и стилистики Томского государственного педагогического университета (29-30 октября 2003 г.) / Под редакцией проф. Н.С. Болотновой. Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2003. С. 6-10.

Виноградов, В.С. Перевод: общие и лексические вопросы: Учебное пособие. – 2-е изд., перераб. – М.: КДУ, 2004. 240 с.

Гумилев, Н. Сочинения. В 3 т. Т.1. Стихотворения; Поэмы / Вступ. ст., сост., примеч. М. Богомолова. – М.: Худож. лит., 1991. 590 с.

Джером, Дж. К. Трое в лодке. Роман. На англ. яз. / Комментарий М.В. Дьячкова / Дж.К. Джером. – М., Издательство «Менеджер». 2006. 288 с.

Джером, Дж. К. Трое в лодке, не считая собаки; Рассказы. Пер. с англ. / Примеч. М. Донского / Дж.К. Джером. – М.: Художественная литература, 1984. 269 с.

Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. Для ин-тов и фак. иностр. яз. 2-е изд., перераб. / А.В. Кунин. – М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996. 381 с.

Маслова, В.А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой: Учебное пособие / В.А. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2004. 256 с.

Мокиенко, В.М. В глубь поговорки: Рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений / В.М. Мокиенко. – 3-е изд., перераб. – СПб.: «Авалон», «Азбука-классика», 2005. 256 с.

Фразеологический словарь русского языка / Сост. Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров; Под ред. А.И. Молоткова. – 3-е стереотип. изд. – М.: Русский язык, 1994. – 543с.

Summary. This article is devoted to translation problems of idioms in fiction. Universal and ethnic-cultural concepts are the basis of different idioms. We try to see the connection between concept and variants of the idiom translation.

Key words: concept, idiom, method of translation.

ДИАЛЕКТНЫЕ ФРАЗЕМЫ С СЕМОЙ 'РОСТ' В ТЕМАТИЧЕСКОМ ПОЛЕ «ЧЕЛОВЕК»

И. А. Аглеев

Россия, г. Астрахань, Астраханский государственный университет
iskrist@list.ru

В связи с тем, что фразеология в последние десятилетия заслуженно привлекла внимание лингвистов (и не только в России), в трудах исследователей-фразеологов рассматриваются спорные или наиболее интересные вопросы, затрагивающие такие глобальные проблемы, как внутренняя форма фразеологической единицы (ФЕ), соотношение фразеологического значения и смысла, структура фразеологического значения, когнитивные структуры, репрезентируемые фраземами и т.д. Тематическое поле «Человек» также неоднократно становилось объектом изучения и описания фразеологов (Кашина 1981, Багаутдинова 1986, Мокиенко 1986, Алефиренко 1993, Зубова 1996, Ратушная 2001, Хайруллина 2001, Коваленко 2002, Глотова 2004, Якимов 2004, Николюкина 2007 и мн. др.). Л.Ю. Буянова справедливо отмечает, что в настоящее время ФЕ интерпретируются как специфические экспрессивные и прагматические экспликативы языковой личности – центрального объекта и субъекта языка и главного субъекта создания языковой картины мира (ЯКМ). В 2002 году Л.Ю. Буянова ввела в научный оборот термин *фразеоантропоним*, с помощью этих фразеологических маркеров квалифицируется языковая личность. Фразеоантропонимы как ФЕ, характеризующие исключительно личность, фразеономинация человека, по мнению исследователя, «входят в самый актуальный, доминантный для обыденной картины мира концепт «Человек» и формируют его, что поддерживает известный тезис об антропоцентричности языковой модели мира в целом».

Наиболее полный перечень тематических групп фразем, характеризующих человека, встречаем у Р.Х. Хайруллиной: внешние (физиологические) характеристики человека (возраст, пол, внешность, физическое состояние, ощущения и способы восприятия действительности), личностные качества и черты характера человека, духовный

мир человека (эмоции, ум, способности, воля, память), деятельность человека (физическая, интеллектуально-речевая), социальное происхождение, семейное положение, социальное положение, отношения людей в обществе и поведенческая деятельность (Хайруллина 2001: 74). На диалектном материале построен словарь «Человек в русской диалектной фразеологии» М.А. Алексеенко, Т.П. Белоусовой, О.И. Литвинниковой. Авторами выделено 13 тематических групп ФЕ, разносторонне характеризующих человека. Помимо традиционно приводимых исследователями групп, в Словарь включены «Общая оценка и самооценка», «Отношение к алкоголю», «Место жительства, этническая и национальная принадлежность, вероисповедание» и др. (Алексеенко, Белоусова, Литвинникова 2004: 5).

Физические данные человека часто называют антропометрическими, так как они характеризуют основные жизненные показатели. Одна из антропонимических характеристик человека – рост, показатель, который, помимо вербализации с помощью лексем, объективируется и единицами вторичной номинации: фраземами и поговорками. В общепотребительной речи фразем с этой семой не так и много. Но диалектный материал дает возможность выделить две группы ФЕ: (а) характеризующие людей высокого роста, (б) оценивающие маленький рост.

Традиционно высокий рост и внешняя привлекательность считались эталонами если не красоты, то совершенства, что подтверждают лексем и сравнения. Фразеоантропонимы же, а особенно диалектные, оценивают человека высокого роста чаще всего негативно: **коломенская верста** – ирон. человек очень высокого роста; *верзила (... на такую коломенскую версту, как ты, все будут обращать внимание... (Степанов); дядя, достань воробышка* – шутол. ирон. о чрезмерно высоком человеке; *ирон. вытянут, как верста; выше великого Багана (Ивана, Вани); два с половиной (полтора) Ивана; длинный, как сухостой* (высокий и худой, от *сухостой* – засохшее на корню дерево); *ирон. долгий, как жердь; дрын дрыном* (о ком-либо тощем, худом, длинном; от *дрын* – палка, жердь, кол, дубина); диалектные **как биба длинный** (от *биба* – столб с развилкой, в которой укрепляется колодезный журавль); **долгая висля** (от *висля* – долговязый человек); *ирон. как губернска верста* (по аналогии с общелитературным **как коломенская верста**); **как дидло (дидель, дядель) высокий (длиннощий)** (от *дидло, дидель, дядель* – растение семейства зонтичных; дудник лесной (поручейник, болотный и т.д.); **как прясло** (на сему 'высокого роста' накладываются семы 'некрасивый, нескладный человек'. Представляется *прясло* – изгородь в поле, в лесу или перегорожка во дворе, которая отделяет место для стоянки скота, его отдыха); **как тягун** (о высоком, нескладном человеке); **как чума лесная свята; (святая) душа на костылях** (ирон. многозначная фразема, имеющая два значения: 'высокий, худой человек' и 'слабый, болезненно-хилый человек').

Единственной нейтральной в оценке во всем этом большом ряду кажется фразема **как сосна** (о человеке высокого роста), в качестве образа, легшего в основу фраземы, представляется *корабельная сосна*, высокая, стройная, красивая. В процессе вторичной номинации использованы все те реалии, которые окружали крестьян, имея в своей семантике семы 'длинный', 'высокий', 'длительный', 'тянущийся (к солнцу, к свету)'. Бытовые зарисовки (какой-то предмет высокий, длинный и может сломаться, не выдержать нагрузку, ненадежный; растения слишком высокие, погибают первыми при буре, а если растения культурные, то необходимо их подвязать, чтобы не упали, и т.д.) стали в дальнейшем материалом для фразеологизации.

Человеку сельскому, привыкшему жить в небольшом селе, редко бывавшему за его пределами, город казался огромным: не пройти, не объехать. Поэтому вид высокого, полного человека связывался с определенными ассоциациями: *большой, как город*. Это сравнение легло в основу диалектной фраземы **как город**.

Не повезло и высоким женщинам – диалектные фраземы, характеризующие их, также чаще содержат иронический оттенок: **высокая на ногах** (большого роста (о женщине)); **как гагара вытянуться**; **девка-город** (высокая, красивая, здоровая девушка). Заметим, что по отношению к мужчине как город – это только 'высокий' и 'полный', а по отношению к девушке добавляются семы 'красивая', 'здоровая'. От знакомства с диалектными фраземами, номинирующими высокий рост, создается впечатление, что когда-то очень давно их создавали те, кто сам «ростом не вышел».

Большое количество фразеантропонимов номинирует человек маленького роста, причем нередко такие фраземы в словарях сопровождаются пометами *пренебр., ирон.: от земли не видать кого* (о ком-либо маленького роста); **аршин с шапкой** (1. *пренебр.* Низкорослый, щуплый мужчина); диалектные **гонять лягушек с-под пушек кому**; **как мухортик выгладеть** (о малорослом и слабосильном человеке: мухортик (*ярослав.*) – малорослый и слабосильный человек); **как охлопок** (на сему 'небольшого роста' наслаивается сема 'невзрачный человек', связанная с денотатом *охлопок* – остаток недопряженного льна, шерсти, ваты. Несложно представить себе это сырьё, оценка которого стала вторичной номинацией некрасивого, неказистого человека); **как чельши** (от диалектного названия гриба-подосиновика или подберезовика *чельши*). Унизительна в оценке маленького невзрачного мужчины фразема **мужичок-червячок**.

В этой группе фразем интересна ФЕ **от горшка два вершка**. Значение слова **вершок** наиболее полно представлено в словаре Д.Н. Ушакова: «**ВЕРШОК**, вершка, м. 1. Русская мера длины – около 4,4 см, употреблявшаяся до введения метрич. мер. В аршине 16 вершков. *Ростом он был пяти вершков* (т. е. двух аршин и пяти вершков). || Очень маленькое, незначительное пространство, длина. – *Ни одной*

пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому. Сталин. 2. Верхняя часть чего-н. Мне вершки, тебе корешки. Нар. сказка (Ушаков 2012: slovar.cc/rus/ushakov/386637.html). Во-первых, эта фраза выступает в традиционном значении – ‘небольшого роста, невысокий’ (понятно, что в основе ФЕ литота: два вершка – сантиметра), и в данном случае она чаще относится к взрослому человеку, «ростом не вышедшему»: *И тут такой наглядный пример: от горшка два вершка, а мир строит, как говорится, в одну шеренгу* (В. Сеницына); – **От горшка два вершка, а с такими деньгами...** (В. Крапивин); – *Пошли, – коротко и тоже решительно сказал мужчина, повернулся и пошел дальше – От горшка два вершка, а сплошные угрозы* (В. Шукшин); «*Сам-то от горшка два вершка, – втихомолку шептались мы с подругами, – уши, как у Чебурашки, а выделяется!* (И. Калмыкова); *Родители даже удивлялись: вот, мол, сама от горшка два вершка, а детей прекрасно воспитывает* (А. Мариенгоф). Во всех приведенных примерах явно противопоставление небольшого роста и твердого характера, маленького роста и большого мастерства, маленького роста и благосостояния, что подчеркивается включением союза **а**.

Во-вторых, из характеристики антропометрической (рост человека) фраза «переходит» в группу «возраст», используется в отношении подростков и юношества: *А эти – от горшка два вершка – за границу!* (А. Рекемчук) – *Откуда ты знаешь-то? Тебе всего-то от горшка два вершка. – Проходили* (В. Шукшин) (в данном случае ФЕ выступает синонимом **молоко на губах не обсохло, зеленая молодежь**). Фраза используется для обозначения одновременно двух качеств: юного возраста и, если речь идет о детях, небольшого росточка (так же, как и лексема *маленький* – 1. ‘невысокий’, 2. ‘юный, не взрослый’). *Не удивительно, что по рисунку можно сказать очень многое о том, нравится ли художнику от горшка два вершка его существование или ему не очень уютно на свете* (Н. Литвиненко); *Смотрите, не оплошайте, готовясь поздравлять тех, кто уже возмужал, не забудьте о своих маленьких мужчинах – пусть они даже от горшка два вершка; От горшка два вершка, в одинаковых платяцах с рюшками, в чистых носочках* (А. Савельев); *От горшка два вершка, уже духами интересуются!* (Р. Ибрагимбеков); *... а тащили их (сувениры) по льду спортсмены от горшка два вершка, не всегда твердо стоящие на коньках* (С. Токарев); *От горшка два вершка, а уже рассуждать научился!* (В. Ерофеев). При определении значения фраземы необходимо обращение к контексту. Очень точно характеризует подобные случаи Н.Ф. Алефиренко: «...одна и та же фраза в разном дискурсивном контексте представляет собой некие фразеосемантические варианты, вызывая разные её смысловые восприятия, поскольку в дискурсе актуализируется лишь та часть концепта, которая обуславливается харак-

тером субъектно-предикатных отношений в составе высказывания» (Алефиренко 2008: 31).

В-третьих, эта фразема, исконно относившаяся к характеристике лица, стала применяться поначалу к небольшим по размерам животным (*– Рраздору-рраскурочу-рразом-порущу! А сам-то от горшка два вершка. Вот ведь какие бывают собаки, просто стыд и срам* (К. Сергиенко); *Собачонка, от горшка два вершка, тьякала, не переставая!* (Н. Белобаченко), а затем и к небольшим неодушевленным предметам (*А тут ещё против меня шебаршил маленький радиоприемничек – от горшка два вершка – и мешал мне читать: передавали скрипичный концерт Чайковского* (И. Грекова); *– От горшка два вершка, а гудит басом, – говорит Рублев о встречном гидрографе* (В. Конецкий). Фразема расширила круг функционирования и валентность.

В Национальном корпусе русского языка встречаются и трансформированные варианты этой фраземы: *От горшка три вершка, а смел – не дай бог* (Г. Марков); *Два вершка от горшка, а туды же, за оружие* (Н. Островский). В первом случае вариант лексический, во втором наблюдаем варьирование порядка слов.

В коннотативном отношении данная фразема амбивалентна, зависит от ситуации. Чаще она ироническая, но возможно и выражение удивления и даже восхищения.

А. Бозташ, сопоставляя русские, английские и турецкие фраземы и поговорки, обозначающие внешность человека, кратко характеризует и единицы с интегральными семами «высокого роста – невысокого роста», отмечая, что во всех этих языках «большой частью закрепилось описание отрицательных качеств внешности человека (очень высокий – очень низкий), а положительные качества получили выражение лишь в нескольких оборотах» (Бозташ 2012: rusnauka.com/29_NIOXXI_2012/Philologia/3_118503). В качестве примеров он приводит: «Человека низкого роста сравнивают с пальчиком, блохой, клопом: *русск. Мальчик с пальчик; От горшка два вершка; Материалу не хватило; турецк. Bastıbasak (коротышка с кривым ногами); Сүйсе gibi (низкорослый); para kadar – маленький (букв. «с палец»); англ. five foot one (пятифутовый), laufender Meter (метровый)*» (там же), справедливости ради следует заметить, что отмечено и несколько положительных единиц, но это поговорки, а не собственно фраземы.

Таким образом, оценивая рост человека, фраземы «придерживаются» золотой середины: своеобразным стандартом, отношению к которому нейтральное, является человек среднего роста (хотя это тоже субъективная оценка), поэтому во фраземике основное количество ФЕ отрицательно оценивает «отклонение от нормы».

Литература

Алексеев, М.А., Белоусова, Т.П., Литвинникова О.И. Человек в русской диалектной фразеологии. – М.: ИТИ ТЕХНОЛОГИИ, 2004. 238 с.

Алефиренко, Н.Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма. – Белгород: Изд-во Белгородского ун-та, 2008. 152 с.

Бозташ, А. Фразеосемантическое поле «Человек вообще» (на материале фразеологических единиц русского, турецкого и английского языков). http://www.rusnauka.com/29_NIOXXI_2012/Philologia/3_118503.doc.htm

Буянова, Л.Ю. Термин как единица логоса. – Краснодар, 2002. 184 с.

Кобелева, И.А. Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми. – Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. ун-та, 2004. 312 с.

Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru/>

Толковый словарь русского языка Д.Н. Ушакова. 2012 <http://slovar.cc/rus/ushakov/386637.html>

Хайруллина, Р.Х. Картина мира во фразеологии: от мировидения к миропониманию. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2001. 285 с.

Summary. The article deals with phraseologisms with seme 'height' (mainly dialectal phraseological units). One can notice negative connotation of the majority of the phrases which called a man of high or low height, and neutral assessment of people of medium height. We make conclusions about possibilities of increasing the circle of usage and valence of chosen phraseologisms with analysed seme.

Key words: anthroponymic characteristics, dialectal phraseologisms, ambivalence, the valence phraseologisms, discursive context.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ИДИОМЫ – ДИСКУРСНЫЕ МАРКЁРЫ ЭКСПРЕССИВНОЙ УСТНОЙ РЕЧИ

И.Н. Кайгородова

Россия, г. Астрахань, Астраханский государственный университет
kin905@mail.ru

Изучение синтаксических идиом как дискурсных маркёров устной речи является актуальным для современного языкознания, т.к. общество функционирует и развивается лишь при условии социальной интеракции, социального взаимодействия между его членами, осуществляемого с помощью языка. Ориентация на функционирующий язык позволяет констатировать, что многие синтаксические единицы, не выражающие пропозиций, служат знаком коммуникации. Например: – **Какая это «кыся»!** Это же форменный кот!.. **Наиёл себе «кысю»** (В. Кунин), – **Ой, ну ты вообще!** – закричала касирша. – **Переработал, что ли!** (М. Веллер), **Делаем перекур на пятнадцать минут // Что ж, перекур так перекур** (РР). Особенное значение выражения чувств говорящего, нужное для соответствия этих предложений коммуникации, слова и словосочетания приобретают путём особого их произнесения в составе предложения.

В русском языке можно выделить особый тип предложений, который образуют слова-предложения, заключающие в себе непосредственную эмоциональную оценку происшедшего или высказанного, эмоционально выражающие побуждение к действию или служащие средством экспрессивного выражения отношения к говорящего к наблюдаемым явлениям. Они образуются из междометий или из слов, которые обозначают отношение говорящего к высказыванию или к создавшейся ситуации (Краткая русская грамматика 1989: 336–340; Меликян 2004).

На наш взгляд, всё многообразие неразложимых предложений, реализующих в речи эмотивно-экспрессивные и регулятивно-прагматические функции, составляет область синтаксической идиоматики. Синтаксическая идиома – это устойчивый раздельнооформленный знак, структурно-семантическое единство которого формируется установлением асимметричных отношений между его формальной и содержательной структурами и достигается в результате изменений исходных синтаксических категорий предложения: предикативности, модальности, коммуникативности и появления вторичных синтаксических связей, отношений и категорий (Кодухов 1967: 123–136, Кайгородова 1999: 7). Формирование идиоматичности на уровне синтаксических единиц – это результат фразеологизации, который проявляется в изменении семантической структуры предикативных единиц. Длительный процесс фразеологизации завершается в языке образованием синтаксически связанных единиц.

Язык закрепляет и выражает всю совокупность сложнейших отношений между явлениями действительности. Наше мышление оперирует двумя формами мысли: 1) *конкретной*, чётко структурированной (для её выражения создаются говорящим членимые предложения); 2) *обобщённой*, структурно нерасчленённой. Средством выражения этой формы мысли являются синтаксически нечленимые предложения, или синтаксические идиомы. Синтаксическая идиоматизация есть часть коммуникативного процесса, и она не может протекать иначе, чем в форме предложения – наименьшей единицы коммуникации. Коммуникация является *психологической основой* предложения, и многие синтаксические единицы, не выражающие пропозиций, служат знаком коммуникации (Шахматов 2001: 17–19). К коммуникациям А.А. Шахматов относил не только пропозиции или суждения, но и «всякие иные сочетания представлений, умышленно, с тою или иною целью приведённых нами в связь», в том числе и *представления о чувствах и ощущениях*.

Предикативность характеризует всю речемыслительную деятельность, начиная от этапа отражения и познания сущего в его насущных связях и кончая утверждением этого сущего языковыми средствами в речевом акте. Свойствами предикативности являются: 1) *пропозициональность* – отнесённость определённых смысловых элементов, объективированных в содержании предложения, к тем или иным компонентам денотативной ситуации в их основных связях и отношениях; 2) *лингвальность* – выражение языковыми средствами отношения содержания предложения к действительности. Если сущность исходного предложения заключается в *развёртывании* признаков предмета, то совершенно иную картину мы наблюдаем при развитии идиоматичности в семантической структуре исходного предложения (Алефиренко 1993: 126; 1997: 3–8). Опора на прототип является востребованной при выявлении механизма идиообразования. «Пе-

перождение первичной мысли в процессе её вербализации обусловливается тем, что замысел, формируя смысловую структуру, подвергается преобразованию под воздействием самых разных ассоциаций «предметных» смыслов. В результате возникают когнитивные структуры самых разнообразных конфигураций. В итоге подбирается та когнитивная структура, которая наиболее соответствует данной коммуникативно-прагматической ситуации» (Алефиренко 2005: 9). Ср. 1) свободное предложение: – **Вот тебе, дружок, пятнадцать копеек!** – говорит он, подходя к кому-то мужику и подавая ему монету (М. Салтыков-Щедрин) и 2) синтаксические идиомы: Он сидел на постели, покрытой дешёвым серым, точно больничным одеялом, и дразнил себя с досадой: «**Вот тебе и дама с собачкой... Вот тебе и приключение... Вот и сиди тут**» (Чехов); – **Вот тебе и мастер!** Только в руки взял молоток, сразу палец себе ушиб! (РР).

Синтаксические идиомы являются востребованными в устной коммуникации, если когнитивная доминанта говорящего сориентирована на эмоциональную оценку некоторой денотативной ситуации. С помощью экспрессивных (эмотивных) синтаксических идиом координируется межличностное общение.

Суть соотношения интеллектуальной и аффективной сфер языка лингвисты видели в том, что аффективное является не проявлением факультативных наслоений на интеллектуальное, а обязательным (Балли 2001: 16). В. Матезиус утверждал, что «высказывание, с одной стороны, охватывает те явления действительности, которые настолько привлекли наше внимание, что мы хотим о них что-то сказать, с другой – выражает наше отношение к этой деятельности. Это два основных момента каждого высказывания, а вместе с тем также и проявление двух основных актов, на базе которых возникает высказывание – акта назывного, или номинативного, и акта фразообразующего. Наша речь, однако, уже до такой степени автоматизирована, что мы эти два акта, как правило, даже не осознаём» (Матезиус 1967: 447).

Формы разговорной речи обладают богатейшими языковыми средствами выражения эмоций, обусловленными произвольностью общения. Одним из важных признаков диалогической речи, как известно, является принцип построения речи как цепи стимулов и реакций, т.е. каждое высказывание является некоторой акцией, вызывающей и обуславливающей реплику-реакцию. Выбор синтаксической идиомы зависит от ситуации, от коммуникативного намерения говорящего. По знакам это может быть один и тот же набор, а стилистические оттенки противоположные. В устной коммуникации реализуется их многозначность. Ср., например:

1) – **Какой они бал закатили! С ума сойти!** (выражение эмоции восхищения, изумления’);

– **Какой беспорядок! С ума сойти!** (выражение эмоции недовольства, возмущения’).

2) – **Чёрт побери!** Где тебя носило?! – обеспокоено спросила она. – Откуда ещё такой холод...Я уже не знала, что и подумать! (В. Кунин). *Чёрт побери* – ‘выражение досады, возмущения’;

– ЧП?

– *Чрезвычайное происшествие*, – подсказал я ему.

– **Чёрт побери, Мартын!** Откуда ты это знаешь? (В. Кунин). В данном контексте *Чёрт побери!* выражает эмоции удивления, восхищения.

С точки зрения содержания в синтаксических идиомах доминирует эмоциональный план содержания над интеллектуальным. Причиной этого является эмоциональное в своей основе восприятие человеком окружающей действительности, «мира его интроспекций».

Эмоции представляют собой субъективные психологические состояния говорящего, его реакции на события, участников коммуникации, их поведение, объекты, возникающие в результате воздействия лингвистических и экстралингвистических факторов. Вербальная идентификация эмоций всегда субъективна, они не проявляются в чистом, не связанном с ситуацией и субъектом, виде. Основное предназначение эмотивных синтаксических идиом состоит в достижении прагматического эффекта.

Сосредоточенность двух смысловых линий (эмоциональности и экспрессивности) указывает на их смысловую объёмность, которая будучи узואльно закреплённой, имеет объективную природу, т.к. опирается на закон языковой экономии. Одной и той же синтаксической идиомой говорящий способен передать палитру разнообразных оттенков эмоционального отношения к фактам объективной действительности.

Экспрессивные синтаксические идиомы способствуют созданию определённой тональности общения. Это может быть 1) гармоничное речевое взаимодействие, которое проявляется в согласованности коммуникативных интенций участников диалога или 2) негармоничное речевое взаимодействие, когда конфликтность коммуникативных намерений очевидна. Например: 1) *Глаза Лариосика наполнились ужасом от воспоминания // – Это кошмар! ... Я ведь... одиннадцать дней ехал от Житомира!* (М. Булгаков); Ильин. *Помнишь парадное?* // Тамара. **А то нет?** (А. Володин) и 2) *Голос Ильина (дурашливо изменённый). У вас комната сдаётся?* // Тамара. **Какая комната – двенадцать часов!** (А. Володин); Тамара. *Слезь со стола и объясни. В чём дело...* // Слава. **А я знаю...** *Жилец твой распорядился* (А. Володин).

Содержание высказываний человека интерпретируется прежде всего через призму его коммуникативного намерения. Регулярная востребованность синтаксических идиом указывает на то, что на мыслительном уровне активизируется когнитивная доминанта говорящего, ориентированная на эмоциональную оценку денотативной ситуации, за которой закреплены определённые языковые средства кодирования знания, а именно, экспрессивные синтаксические идиомы.

Синтаксические идиомы свидетельствуют о наличии в языке специальных, исторически отработанных и закреплённых синтаксических моделей построения, предназначенных для выражения эмоционального состояния субъекта речи или его эмоционального отношения к чему-либо, что подтверждает значимость эмотивной функции языка. Эмоции, будучи непосредственной формой отражения действительности, составляют органическую часть мыслительной деятельности.

Язык в современном обществе – это система средств, которая предназначена для выражения социальных и личностных отношений. Эта система средств даёт возможность говорящему образовывать бесконечное количество комбинаций для воздействия на слушающего, а слушающему – интерпретировать их, т.е. задачей современной лингвистики является изучение способов приспособления языка к потребностям общающихся. Подтверждением этого служит высказывание В. Гумбольдта: «Верно, что изучение языка должно производиться ради себя самого. Но в то же время, как и любая другая область научного исследования, оно отнюдь не заключает в себе конечной цели, а вместе со всеми прочими областями служит высшей и общей цели ... познания человечеством самого себя и своего отношения ко всему видимому и скрытому вокруг себя» (Гумбольдт 1985: 383).

Синтаксические идиомы образуют особый коммуникативный тип предложений, весьма неоднородный по своему коммуникативно-прагматическому потенциалу. В сфере синтаксической идиоматики выражение эмоций составляет доминирующую коммуникативную задачу. С помощью синтаксических идиом координируется межличностное общение. В устной диалогической речи стимулом, к примеру, является реплика одного из собеседников, на которую следует ответ второго собеседника. Например: *Гуревич посмотрел на Архипцева и презрительно спросил:*

– *И мы пойдём на выставку этого пижона?*

– **Боже нас сохрани!** – *в ужасе ответил Сергей. – Ни в коем случае! Стать свидетелями его позора? Это жестоко!* (В. Кунин);

Зилов. *Слушай, ты на ней женись.*

Кузаков. *Знаешь, я так и сделаю. ... А ты что-нибудь имеешь против?*

Зилов (*насмешливо*). *Я против?.. Ну что ты... наоборот. Благославляю* (А. Вампилов).

Подобные формы разговорной речи обладают богатейшими собственными языковыми средствами выражения эмоций, обусловленными непреднамеренностью, произвольностью общения. Мы говорим всегда *зачем-нибудь*, с *какой-нибудь целью*.

Исследование синтаксических идиом с точки зрения их категориального содержания способствует более глубокому пониманию соотношения между системами мыслительных, когнитивных категорий и системами обобщённых грамматических значений. Синтаксические

идиомы представляют неоднородный круг средств выражения личного отношения говорящего к тому, что он сообщает. Эти образования связаны с понятием *субъективная модальность*. Субъективно-модальные значения выражаются фразеологизированными предложениями (фразеосхемами, синтаксически связанными конструкциями) и междометными (модальными, вводными предложениями, нечленимыми) предложениями.

В различных языках, в том числе и русском языке, имеется арсенал предложений, предназначенных для выражения чувств, реакций на высказывание собеседника. Например: – *Мулаты, бухта, экспорт кофе, чарльстон... О чём говорить!* (И. Ильф, Е. Петров); *У жены было бескровное лицо, и она сказала жалобно:*

– *Ты знаешь, она выходит замуж за Толмачова.*

– **Что ты говоришь!** – *Глебов как бы испугался, хотя на самом деле не испугался, но уж очень несчастен был вид Марины* (Ю. Трифонов);

Зоя. Вы смотрите, Павлик, осторожнее. Может быть, это какой-нибудь бродяга.

Обольянинов. Что вы – нет. У него на лице написано, что он добродетельный человек из Китая (М. Булгаков).

Основное прагматическое предназначение эмотивных синтаксических идиом состоит в выражении говорящим своего восприятия и оценки конкретных предметов, явлений или же отношений между объектами языкового отражения, а также в достижении прагматического эффекта. Принцип экономии – стимул развития языка. Он связан с тенденцией к стандарту (Мартине 1963: 523–538). Регулярная востребованность экспрессивных синтаксических идиом указывает на то, что на мыслительном уровне активизируется когнитивная доминанта говорящего, ориентированная на эмоциональную оценку денотативной ситуации, за которой закреплены определённые языковые средства кодирования знания, а именно: экспрессивные синтаксические идиомы, являющиеся дискурсными маркерами экспрессивной устной речи. Наполнение структурной модели лексикой и выбор интонации в акте речевого высказывания обусловлены отношением говорящего к факту объективной действительности и подтверждают мысль о том, что за каждым эмоциональным регистром закреплены особые средства кодирования знаний, которые включаются в систему «язык – мышление» и обеспечивают оперативность её функционирования. «Дискурс – не столько речь (хотя генетически с ней и связан), сколько среда обитания языковых знаков, тот когнитивный ‘котёл’, в котором происходит смыслообразование, лингвосемиозис средств непрямо́й и косвенно-производной номинации» (Алефиренко 2008: 9).

Литература

Алефиренко, Н.Ф. Дискурс как смыслопорождающая категория (дискурс и вторичное знакообозначение) // Язык. Текст. Дискурс: Межвузовский научный альманах. – Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2005. Вып. 3. С. 6–14.

Алефиренко, Н.Ф. Семантическая и смысловая структуры языковых единиц // Семасиологические аспекты значения: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1997. С. 3–8.

Алефиренко, Н.Ф. Фразеология в системе современного русского языка. – Волгоград: Перемена, 1993.

Алефиренко, Н.Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008.

Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Гумбольдт, В. фон. О двойственном числе // Вильгельм фон Гумбольдт. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. С. 382–402.

Кайгородова, И.Н. Проблема синтаксической идиоматики (на материале русского языка): Монография. – Астрахань: Изд. Астраханского гос. пед. ун-та, 1999.

Кодухов В.И. Синтаксическая фразеологизация // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. – Вологда: Северо-западное книжное изд-во, 1967. С. 123–136.

Краткая русская грамматика; под ред. Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина. – М.: Русский язык, 1989.

Мартине, А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. Вып.3. – М., 1963. С.523–538.

Матезиус, В. Язык и стиль // Пражский лингвистический кружок: Сб. ст.; сост., ред. и предисл. Н.А. Кондрашова. – М.: Изд-во «Прогресс», 1967. С. 444–523.

Меликян, В.Ю. Современный русский язык. Синтаксис нечлененого предложения: учеб. пособ. – Ростов н / Д: Изд-во РГПУ, 2004

Шахматов, А.А. Синтаксис русского языка. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Summary. Syntax idioms are discursive markers of speech. They are oriented to the recipient and aim to contribute to the tone of communication. The article deals with the relation of the intellectual and the affective within syntax, and with pragmatic ambiguity of syntactic idioms.

Key words: communication, syntactic idiom, dialogic speech, social interaction, discourse marker.

ИЗОМОРФИЗМ И АЛЛОМОРФИЗМ ВАРИАНТА КАК КОМПОНЕНТА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ В ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО, НЕМЕЦКОГО И ШВЕДСКОГО ЯЗЫКОВ)

Т.Н. Федуленкова

Россия, г. Владимир, Владимирский государственный университет
имени А.Г. и Н.Г. Столетовых
fedulenkova@list.ru

Проблема варианта как динамического компонента в структуре фразеологии (Алефиренко 2008: 115), не противоречащего тождеству фразеологической модели, рассматривалась автором в ряде работ (Федуленкова 2005: 62-69; Fedulenkova 2003: 11-22). При решении проблемы вариантности фразеологической единицы в качестве отправной точки принимаем функциональную связь между сторонами единицы, т.е. ее целостность как единицы системы. Именно такой подход к объекту исследования обусловил выделение ряда критериев, на основе которых было предложено следующее определение вариан-

тов: «Фразеологические варианты – это разновидности фразеологической единицы, тождественные по качеству и количеству значений, стилистическим и синтаксическим функциям, по сочетаемости с другими словами и имеющие общий лексический инвариант при частично различном лексическом составе или различающиеся словоформами или порядком слов» (Кунин 1964: 442).

Варианты одной и той же ФЕ всегда вписываются в одну фразеологическую модель, как одномерную, так и двумерную (Федуленкова 2015: 38, 80). Основанный на типологической теории В.Д. Аракина (1983) сопоставительный анализ фразеологии позволяет выделить следующие типы вариантов ФЕ в каждом из изучаемых германских языков:

1. Лексические варианты ФЕ.

Лексическими вариантами ФЕ называем разновидности фразеологической единицы, тождественные по качеству и количеству значений, стилистическим и синтаксическим функциям, по сочетаемости с другими словами и имеющие общий лексический инвариант при частично различном лексическом составе.

(а) лексические варианты ФЕ с взаимозаменяемыми глагольными компонентами:

англ. to bear (carry) one's cross – безропотно переносить все превратности судьбы, to bend an ear to (give ear to, lend an ear to) – внимать, to open (incline) one's ears – прислушиваться, to bind (tie) smb hand and foot – связать кого-л. по рукам и ногам, ограничить свободу действий, to pull (snatch) smb out of the fire – спасти кого-л. от неминуемого провала, выручить кого-л. из беды, to act (play) the fool – валять дурака, вести себя по-дурацки, делать глупости, to trample (tread) under foot – подавлять, тиранить, помыкать, расправиться с кем-л., попирать (чьи-л. чувства, человеческое достоинство и т.п.), to put (set) one's hand to the plough – начинать работу, приниматься за дело, приступить к чему-л.;

нем. mit einem eisernen Stabe weiden (regieren) – деспотически править, держать в ежовых рукавицах, sich mit Händen und Füßen gegen etw sträuben (stemmen, wehren) – разг. отбиваться руками и ногами от чего-л., противиться всеми силами чему-л., die Karre in den Dreck fahren (schieben) – разг. фам. провалить дело, alles über einen Leisten schlagen (machen) – мерить всех одной меркой, стричь под одну гребенку, j-n auf den Leim locken (führen) – поймать на удочку, обмануть кого-л., etw ins rechte Licht stellen (setzen) – правильно осветить, описать что-л., sich gleich auf den Kopf stellen (setzen) – разг. сразу становиться на дыбы, легко впадать в амбицию;

швед. att fatta (visa) humör – разозлиться, att komma (vara) i ropet – быть модным популярным, att komma (råka) ur gängorna – выбиться из колеи, быть в плохом настроении, att bli (komma, vara) på efterkälken (med ngt) – отставать, отстать, оказаться в хвосте, att

förbanna (förinta, utplåna) den dag han blev född – проклинать тот день, когда появился на свет, att skölja (två) sina händer – умыть руки, уходить от ответственности, att utforska (rannsaka) ngns hjärta – заглянуть к себе в душу, анализировать свои поступки, att se (beställa) om sitt hus – устроить свои дела, привести свои дела в порядок;

(б) лексические варианты ФЕ с взаимозаменяемыми субстантивными компонентами:

англ. to find favour in smb's eyes (sight) – заслужить чье-л. расположение, благосклонность, любовь, to go to heaven (kingdom-come) – отправиться на небеса, pride goes before a fall (destruction) – гордыня до добра не доведет, to lose the day (field) – проиграть сражение, to nail one's colours (flag) to the mast – открыто отстаивать свое мнение, не сдавать своих позиций, to cross smb's hand (palm) – «посеребрить» ручку, to split hairs (straws) – вдаваться в чрезмерные подробности, проявлять педантизм;

нем. ein Löwe auf dem Wege (den Gassen) – воображаемое препятствие, мнимая опасность, Gerstenbrote (Brote) und Fische – земные блага, wie ein Blitz (Blitzschlag, Blitzstrahl, Donnerschlag) aus heiterem Himmel über j-n kommen – разразиться внезапно, j-m den Text (ein Kapitel, die Leviten, die Epistel) lesen – разг. отчитывать, журить кого-л., читать нотации, нравоучения кому-л., am Rande des Abgrundes (des Verderbens, des Unterganges, des Ruins) stehen – стоять на краю гибели, пропасти;

швед. att njuta av landets rikedomar (fetma) – жить припеваючи, att sätta sin lampa (sitt ljus) under sädesmåttet (skäppan) – книжн. заглушать, не давать развернуться таланту, att sätta foten på ngns nacke (hals) – поработать, угнетать, всецело подчинять себе кого-л., att hänga sina lyror (harpor) i pilträden – перейти от веселья к унынию, inte vara värdig att knyta upp ngns sandalremmar (skorem(mar)) – быть недостойным (развязать ремень на башмаке кого-л.), (att se) flisan (grandet) i ngns öga – замечать сучок в чужом глазу, видеть чужой недостаток;

(в) лексические варианты ФЕ с взаимозаменяемыми адъективными компонентами:

англ. to have a biting (bitter, caustic, venomous) tongue, (to be) leading (shining) light – светило, знаменитость, to rule with a heavy (high, an iron) hand – деспотически править, держать в ежовых рукавицах, to have a good (great) mind to do smth – иметь твердое намерение сделать что-л.;

нем. eine spitze (scharfe, beißende, giftige) Zunge haben, ein brennend (scheinend) Licht (sein) – знаменитость, eine kräftige (gute) Handschrift schreiben – иметь тяжелую руку, сильно бить, in guten (zuverlässigen) Händen sein – быть в надежных руках, eine lockere (lose) Hand haben – давать волю рукам, böse (schlechte) Gesellschaft verdirbt gute Sitten – дурные примеры заразительны;

швед. att ha en vass (elak, bitande, giftig) tunga – быть злым на язык, (att få) ett ogrumlat (friskt) öga – быть целеустремленным, честным, прямолинейным, att ha skuldlösa (rena, oskyldiga) händer – быть честным, незапятнанным, (att göra ngt) med redo (bägge) händer – усиленно, непрестанно (заниматься чем-л.), Mediens och Persiens orubbliga (oryggliga) lag – вечный, незыблемый закон, brinnande (skinande) lampra – знаменитость, den ohederliga (orättrådige) mammon – деньги, богатство, den inre (invärtens) människan – внутреннее «я», ум, душа, ngn's finger är grövre (tjockare) än ngn annans länd – и мизинца не стоит, ничто в сравнении;

(г) лексические варианты ФЕ с взаимозаменяемыми препозитивными компонентами:

англ. to have a millstone about (round, around) smb's neck – испытывать тяжелую ответственность, to live on (off) the fat of the land – жить в роскоши, припеваючи, как сыр в масле кататься, to go beyond (over) the mark – перегнуть палку, хватить через край, to tear the mask from (off) smb – разоблачить кого-л., to cast a spell on (over) smb – очаровывать кого-л.;

нем. vor (bei) j-m Gnade finden – удостоиться чьей-л. милости, угодить кому-л., Gnade vor (für) recht ergehen lassen – сменить гнев на милость, ein gutes Geschäft mit (bei) etw machen – хорошо заработать на чем-л., über Geschmack (den Geschmack) läßt sich nicht streiten – на вкус и цвет товарища нет, о вкусах не спорят, in die (zur) Grube fahren – разг. отправиться на тот свет;

швед. (att bli) våt inpå (in, på) bara kroppen – промокнуть до нитки, att få bukt med (på) ngn, ngt – совладать, справиться с кем-л., с чем-л., att vända den andra kinden mot (åt) ngn (till) – подставить другую щеку, att stanken från (av) ngt i näsan – вызывать отвращение, омерзение у кого-л., att kasta pärlor åt (för) svinen – метать бисер перед свиньями, ngn's blod ropar från (utav) jorden – лежать на чьей-л. совести.

2. Грамматические варианты ФЕ.

Грамматическими вариантами ФЕ называем разновидности фразеологической единицы тождественные по качеству и количеству значений, стилистическим и синтаксическим функциям и имеющие общий лексический инвариант, но отличающиеся в морфологическом, синтаксическом или морфолого-синтаксическом отношении.

(а) морфологические варианты ФЕ:

англ. to make broad one's phylactery (phylacteries) – книжн. выставлять напоказ свою набожность, to lend an ear (ears) to smb – внимать, прислушиваться к кому-л., incline one's ear (ears) – выслушивать, pride goes (or goeth) before a fall (pride will have a fall) – гордыня до добра не доведет;

нем. ein Haus, wenn es mit sich selbst uneins wird (ist) – раздор между своими, междоусобица, der Herr von dem Schaffen (des Schaffens) – шутил. «венец творения», мужчина, im Gang (Gänge) sein –

быть в полном разгаре, sein Gift (ver)spitzen – разг. изливать свою желчь, von etw die Hände (weg)lassen – не впутываться во что-л., не связываться с чем-л., держаться подальше от чего-л.;

швед. att bygga sitt hus på sand(en) – создавать, основывать что-л., не имея прочного фундамента, att ropa ut (utropa) ngt från taken – провозглашать во всеуслышание, кричать на всех перекрестках, att mala (söndermala) de fattiga till stoft – жестоко угнетать, безжалостно эксплуатировать бедняков, flytta (förflytta) berg – горы сворачивать;

(б) морфолого-синтаксические варианты ФЕ:

англ. (to be) clay in smb's hands (in the hands of smb) – быть послушным, податливым, to lie at smb's door (at the door of smb) – лежать на чьей-л. совести, to strengthen smb's hand (the hand of smb) – оказывать помощь, поддержку кому-л., укреплять чьи-л. позиции, to stink in smb's nostrils (in the nostrils of smb) – вызывать отвращение, омерзение у кого-л.;

швед. att samla glödande kol på ngns huvud (på huvudet av ngn) – пристыдить кого-л., отплатив добром за зло, обезоружить кого-л. великодушием, förkorta ngns arm (förkorta arm av ngn) – ограничить чьи-л. возможности, rubba ngns cirklar – нарушить чьи-л. планы, расчеты; slå blå dunster i ögonen på ngn (i ngns ögon) – говорить вздор, обманывать, пускать пыль в глаза; sätta foten på ngns nacke (på nacke av ngn) – всецело подчинять себе кого-л.

3. Квантитативные варианты ФЕ.

Квантитативными вариантами ФЕ называем разновидности фразеологической единиц, тождественные по качеству и количеству значений, стилистическим и синтаксическим функциям, по сочетаемости с другими словами и имеющие общий лексический инвариант при различном количестве компонентов в результате усечения компонентного состава ФЕ.

англ. to sell one's birthright for a mess of pottage / to sell one's birthright – продать свое первородство за чечевичную похлебку, to see eye to eye with smb / to see eye to eye – разделять чьи-л. взгляды, сходиться во мнениях, to go through fire and water / to go through fire – выдержать любое испытания, противостоят всем невзгодам, смело встречать все опасности и испытания, to bring smb's gray hairs with sorrow to the grave / to bring smb's gray hairs to the grave – свести кого-л. в могилу, to drain the cup of bitterness, humiliation, etc. to the dregs / to drain the cup to the dregs – испить чашу (горечи, унижения) до дна;

нем. für das Linsengericht j-s Erstgeburt verkaufen / j-s Erstgeburt verkaufen – продать свое первородство (за чечевичную похлебку), nicht der kleinste Buchstabe noch ein Tüpfelchen / nicht der kleinste Buchstabe – ни на йоту, ни капли, in seine eigenen Hände spielen / in seine Hände spielen – прибрать к рукам что-л., ganz groß herauskommen / groß herauskommen – разг. стать знаменитостью, стать большим человеком, Gift und Galle spucken / Galle spucken – рвать и метать, j-m eine bittere Pille

zu schlucken geben / j-m eine bittere Pille geben – преподнести кому-л. горькую пилюлю, ganz aus der Reihe kommen / aus der Reihe kommen – разг. совершенно запутаться, сбиться с толку;

швед. att sälja sin förstfödsörätt för en linssoppa / att sälja sin förstfödsörätt – продать свое первородство (за чечевичную похлебку), att ta sitt kors på sig / att ta sitt kors – нести свой крест, att tömma kalken i botten till sista droppen / att tömma kalken i botten – испить чашу сполна, att driva en gammal far med sorg ner i dödsriket / att driva en gammal far ner i dödsriket – свести кого-л. в могилу (опозорив седины).

4. Комплексные варианты (глагольно-препозитивные, глагольно-структурные, глагольно-квантитативные, лексико-грамматические, структурно-грамматико-квантитативные, лексико-морфолого-синтаксические и др.):

англ. to set (turn) one's face to (towards) smth – направиться, отправиться куда-л., to cry (declare, proclaim or shout) from (or proclaim upon) the housetops – провозглашать во всеуслышание, кричать на всех перекрестках, to bring (call) into question (call or put in question) – подвергать сомнению, относиться скептически, to have (put or set) one's foot on smb's neck (or on the neck of smb) – поработать, угнетать, всецело подчинять себе кого-л., to put (or set) one's (own) house in order – устроить свои дела, привести свои дела в порядок;

нем. wie (ein) Phönix aus der Asche erstehen (steigen) / sich wie Phönix aus der Asche erheben – *высок.* возродиться как феникс из пепла, eine (die) große Klappe riskieren (schwingen) – *груб.* разглагольствовать, выхваляться, mit j-m über(s) Kreuz sein (stehen) – *разг.* быть на ножах с кем-л., krumme Pfade wandeln (auf krummen Wegen gehen / wandeln, krumme Sachen / Dinge machen, eine krumme Tour reiten) – *неодобр.* заниматься темными делами, или махинациями, am Ende seines Lateins sein (mit seinem Latein am / zu Ende sein) – стать в тупик, исчерпать свои средства, окончательно выдохнуться, дойти до точки;

швед. att äta lättjans bröd (sitt bröd i lättja) – вести праздную жизнь, даром есть хлеб, att blåsa in liv i ngn (inblåsa livsande i ngn's näsa) – вдохнуть жизнь, придать смысл жизни, att slita hela dagen i solhettan (bära dagens tunga och solens hetta) – нести бремя ежедневных забот, att fylla ngn's bägare till brädden (låta ngn's bägare flöda över) – переполнять чашу терпения, att ställa färden (sin färd, sitt tåg, tåga) mot ngt / råka sig i tvist med ngt – сцепиться, повздорить, поссориться с кем-л., att vara sin egen lag (sig själv en lag) – ни с чем не считаться, кроме собственного мнения, идти наперекор традициям, обычаям, общепринятым нормам, att släcka (utsläcka) den tynande lågan (en tynande veke) – *книжн.* заглушать, не давать развернуться таланту, att vara en dåre (handla i dårskap) – валять дурака, att gå (fara) till sitt eviga hem (sin eviga boning) – отправиться на вечный покой, att bygga (grunda) sitt hus på berggrund (hälleberget) – создавать, основывать что-л. не имея прочного фундамента и мн. др.

Самостоятельное развитие вариантов ФЕ в трех изучаемых языках, т. е. их алломорфизм, в рамках изоморфной ситуативной модели иллюстрируем следующими рядами ФЕ:

(а) субстантивный вариант ФЕ в английском, морфолого-препозитивный вариант ФЕ в немецком, глагольно-препозитивный вариант ФЕ в шведском языке: англ. to set the brand (mark) of Cain, нем. ein (das) Zeichen an (von) Kain machen, швед. att sätta ett tecken på (till skydd för) Kain – отметить печатью Каина;

(б) субстантивный вариант ФЕ в английском, глагольный вариант ФЕ в немецком, нулевой вариант ФЕ в шведском языке: англ. to sift the grain (wheat) from the chaff, нем. die Spreu von Weizen sondern (trennen, scheiden), швед. att skilja agnarna från vetet – отделить плеве-лы от пшеницы, отсеять неважное, оставив суть;

(в) структурно-грамматический вариант ФЕ в английском языке, квантитативный вариант ФЕ в немецком, глагольно-структурный вариант ФЕ в шведском языке: англ. to lay smth to smb's charge (to the charge of smb), нем. es treten (gegen j-n) Zeugen auf, швед. att lägga ngn ngt till last (anklaga ngn för ngt) – обвинять кого-л. в чем-л., ставить что-л. в вину кому-л.;

(г) глагольный вариант ФЕ в английском, нулевой вариант ФЕ в немецком, глагольный вариант ФЕ в шведском языке: англ. to chastise smb with scorpions (whips), нем. mit Skorpionen züchtigen, швед. att prygla (tukta) ngn med skorpiongissel – *книжн.* сурово наказывать кого-л., терзать кого-л.;

(д) морфолого-синтаксический вариант ФЕ в английском, глагольный вариант ФЕ в немецком, морфолого-синтаксический вариант ФЕ в шведском языке: англ. to heap coals of fire on smb's head (on the head of smb), нем. feurige Kohlen auf j-s Haupt häufen (sammeln), швед. att samla glödande kol på ngns huvud (på huvudet av ngn) – пристыдить кого-л., отплатив добром за зло, обезоружить кого-л. великодушием;

(е) морфологический вариант ФЕ в английском, глагольный вариант ФЕ в немецком, структурно-глагольно-квантитативный вариант ФЕ в шведском языке: англ. to open the door(s) to smth, нем. eine Tür j-m auf tun (öffnen) швед. dörren står på vid gavel (öppna dörren) för ngn – открыть путь чему-л., дать полную возможность;

(ж) препозитивный вариант ФЕ в английском, функциональный вариант ФЕ в немецком, комплексные варианты ФЕ в шведском языке: англ. to shake the dust from (off) one's feet, нем. den Staub von j-s (den) Füßen schütteln, швед. att skaka dammet från (av dammet under) (att skudda stoftet av) sina fötter – отрясти прах с ног своих, навсегда покинуть какое-л. место, отречься навеки от кого-л., чего-л., и пр.

Сопоставительный анализ структур ФЕ и применение методики фреймовых моделей на материале трех германских языков подтверждает гипотезу о том, что варианты одной и той же ФЕ всегда вписываются в одну фразеологическую модель, как одномерную, так и дву-

мерную. Тем самым подтверждается мысль А.В. Кунина о том, что «вариантная фразеологическая единица входит в язык как совокупность своих вариантов», что по сути своей может рассматриваться в качестве фразеологической универсалии.

Литература

Алефиренко, Н.Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма: Монография. – Белгород, 2008. 152 с.

Аракин, В.Д. Структурная типология русского и некоторых германских языков (единицы сопост.-типол. анализа языков): Автореф. дис. ...д-ра филол. наук в форме науч. докл. – М., 1983. 38 с.

Кунин, А.В. Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря: Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1964. 1229 с.

Федуленкова, Т.Н. Фразеологическая вариантность как лингвистическая проблема // Вестник Оренбургского гос. ун-та. Серия «Гуманитарные науки». – Оренбург, 2005 4(42). С. 62-69.

Федуленкова, Т.Н. Одномерные и двумерные модели в английской, немецкой и шведской фразеологии: Монография. – Архангельск: САФУ, 2015. 216 с.

Fedulenkova, T. A new approach to the clipping of communicative phraseological units // Ranam: European Society for the Study of English: ESSE 6 – Strasbourg 2002 / Ed. P. Frath & M. Rissanen. – Strasbourg: Université Marc Bloch, 2003. Vol. 36. P. 11-22.

Summary. The paper deals with the comparative study of phraseological variants in modern Germanic languages: English, German and Swedish. The research is based on the phraseological theory of Alexander V. Kunin and on the typological theory of Vladimir D. Arakin. The result of the analysis is a set of isomorphic and allomorphic features of variability in the languages under study and a suggestion of variability, existing as a set of the options in the language, as a phraseological universal.

Key words: phraseological variants, English, German, Swedish, phraseological universal.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМА ВЪЕХАТЬ НА БЕЛОМ КОНЕ В ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ИНТЕРНЕТ-ПУБЛИЦИСТИКИ

Е.В. Кудрявцева

Россия, г. Кострома, Костромской государственный университет
им. Н.А. Некрасова
lengoreva@yandex.ru

Публицистика затрагивает актуальные проблемы и явления жизни общества, являясь зеркалом, в котором отражаются языковые и культурные процессы социума. В публицистических дискурсах формируются общественное мнение, общие идеологические черты. Широкое употребление в публицистических текстах получили фразеологические единицы (далее ФЕ), что связано с их выразительными возможностями. Образность, экспрессия фразеологических оборотов помогает избежать сухости и безликости речевой коммуникации. Творческое мышление людей, их фантазия позволяют рассматривать окружающую их действительность, используя самые разнообразные предметы быта, животный и растительный мир, исторические собы-

тия и лица в переносном значении. Особенно продуктивной в этом плане является лексико-семантическая группа зоонимов.

Зооморфизмы всегда играли существенную роль в процессе формирования мировоззрения человека, символизации окружающего его мира. Метафорическое использование наименования животного для характеристики человека является частотным актом номинации в речи носителей языка. Широкое использование зоонимов во вторичной номинации характерно и для фразеологии; при этом качества животного направлены как на характеристику человека, его внешности и поведения, так и на описания ситуации в целом.

Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом могут употребляться как в узуальном, так и в окказиональном виде. Окказионализмы являются ярким средством передачи оценки лиц, действий. Анализируя ФЕ с компонентом-зоонимом в узуальном и трансформированном виде, можно интерпретировать представление носителей языка об окружающем мире, так как именно «фразеологизмы репрезентируют культурное пространство нации, заключая в себе сущность явления, предмета или животного существа» (Брилева 2004: 11).

Целью данного исследования является описание специфики преобразовательных процессов ФЕ с анималистическим компонентом *въехать на белом коне* в дискурсивном пространстве Интернет-публицистики.

С давних времен человек был связан с миром животных – в быту, на охоте, в сражениях. Во всех этих сферах жизни человек не мог обойтись без коня (лошади): конь существенно облегчал трудовую деятельность крестьянина, охотник быстрее догонял свою добычу на коне, во время военных действий солдат чувствовал себя увереннее верхом на лошади. *Конь* относится к числу типичных русских мифологических образов. Зачастую он воспринимается не как атрибут главного героя, а как его помощник, верный друг (см., например, русскую народную сказку «Сивка-Бурка») (Брилева 2004: 115). В Словаре библейских образов указывается, что «в Библии кони чаще всего появляются в связи с военными действиями. Их запрягали в боевые колесницы. <...> Благодаря своему крайне важному значению для исхода битвы конь стал символом военной силы и национальной безопасности» (Райкен 2004: 545).

Образ *коня* как военного помощника и соратника человека лег в основу фразеологизма *въехать на белом коне*. Данный фразеологический оборот представляет древний обычай, «по которому полководец армии-победительницы въезжал в город побежденных на белом коне» (Бирих 2005: 334). История демонстрирует много таких примеров: полководец Г.К. Жуков принимал парад Победы на белом коне, Александр I въехал в поверженный Париж на белом коне, любимый конь Александра Македонского – победителя многих сражений – также был белым.

Фразеологизм *въехать на белом коне* имеет значение ‘появиться в роли триумфатора, быть в роли победителя’ (Брилева 2004: 116).

Данная ФЕ относится к фразеосемантической группе «Успех, удача, победа», используется для характеристики победителей любых (не только военных) ситуаций: «После того как в Нижегородский кремль на белом коне въехал молодой соратник Ельцина, Иван Петрович и Геннадий Максимович, ничем себя не запятнавшие и заслужившие хорошие отзывы населения, пошли разными путями» (Баранов 2007: 891). Ключевым компонентом ФЕ является зооним *белый конь*, который репрезентирует во фразеологическом значении сему 'победа'. В основе фразеологизма лежит реальная образная ситуация, актуализированный образ с положительной оценочностью. Однако анималистический образ не описывает самого человека, его поведение, эмоции, а служит для характеристики ситуации, в которой оказывается человек. Компонент *конь* занимает центральное место при интерпретации образа фразеологизма в целом. Вышеперечисленные особенности семантического и образного планов влияют на результат окказиональных трансформаций фразеологизма *въехать на белом коне*.

Наиболее частотным приёмом окказиональных трансформаций фразеологизмов, связанных с компонентом-зоонимом *конь*, является замена этого компонента окказиональными заместителями, при этом авторские интенции направлены на конкретизацию, буквализацию значения ФЕ, на формирование новых оттенков экспрессивности, оценочности (см. об окказиональных компонентах-заместителях в (Третьякова 2011: 334-346).

К первой группе заместителей относятся слова, входящие с фразеологическим компонентом-зоонимом в одну тематическую группу «Животные». Авторские интенции направлены на конкретизацию употребления ФЕ, уточняют сферу жизнедеятельности, образ жизни конкретных лиц. Примером могут послужить слова из текста пародии на песню А. Малинина «Я хотел въехать в город на белом коне»: «Я хотел *въехать* в Харад на белом слоне». В основе песни лежит фрагмент сюжета романа-эпопеи Р. Р. Толкиена «Властелин колец». По сюжету в стране Хараре обитают мумакилы – слоноподобные животные, используемые в харадской армии в качестве боевых единиц по подобию боевых слонов в Азии. Замена в тексте пародии компонента *конь* окказиональным компонентом *слон* обусловлена сходством характеристик боевого коня и боевого слона. Автор пародии посредством замены компонентов передаёт, помимо конкретизации образа, ярко выраженную иронию в отношении пародийного первоисточника.

Другим примером замещения компонента-зоонима является комментарий на Интернет-форуме: «Тягнибок *въедет* на белом верблюде. И наступит всем неукраинцам пипец» (otvet.mail.ru/question/). На первый взгляд, в данной трансформации – замене компонента-зоонима *конь* окказиональным компонентом *верблюд* – неясен выбор заместителя, так как украинский депутат не имеет никакого отношения к зоониму *верблюд* и месту его обитания. Однако контекст сохраняет фразеологическое значение 'появиться в роли триумфатора', что

позволяет рассматривать выражение *въехать на белом верблюде* как окказиональный вариант фразеологизма *въехать на белом коне*. Посредством замены в текст привносится оттенок иронии, что вызывает сомнение в триумфе «всадника» белого верблюда.

Замена ключевого компонента *конь* в приведенных выше контекстах возможна благодаря адъективному компоненту *белый*, который символически характеризует образ животного, актуализируя в значении окказиональных ФЕ *въехать на белом слоне*, *въехать на белом верблюде* сему 'победа'. Существенной при замене анималистического компонента является характеристика *коня* как животного, на котором можно ехать верхом. Другими такими животными являются *слон* и *верблюд*.

Ко второй группе заместителей относятся лексемы тематической группы «Средства передвижения» (*конь – танк – мерин (мерседес)*), которые буквализируют значение ФЕ: «Саакашвили *въедет* в Кремль *на белом танке!*» (kanchukov-sa.livejournal.com); «А ведь скорую отставку Юльки-(не)воровки предсказывали чуть ли не сразу после её назначения на должность. И ведь это для неё сейчас будет просто подарок судьбы... Она ведь снова станет “пострадавшей” и “мученицей” от власти... Что, соответственно, даст ей шанс *въехать на белом мерине* в выборы 2006 года» (forum.mediarport.ua/).

В вышеприведенных примерах замена анималистического компонента строится на метафоре: зачастую конём называют средство передвижения (см. ФЕ *железный конь*). В последнем примере (*въехать на белом мерине*) замена анималистического компонента строится также на основе фонетического сходства лексемы *мерин (мерседес)* и животного *мерин (жеребец)*.

Следует отметить, что доминирующая роль анималистического компонента ограничивает окказиональный потенциал ФЕ, так как варианты замены компонентного состава должны «вписываться» в сигнификативно-денотативный план фразеологизма, что едва возможно из-за узкого перечня качеств *коня* как животного, взятых за основу образа. Особенности семантического плана также сужают круг возможных замен компонента-зоонима, сема 'победа' не характерна для многих сфер жизни человека, однако ярко выражена в текстах на политические и военные темы, представленных в дискурсивном пространстве Интернет-публицистики.

Литература

Баранов, А.Н. Словарь-тезаурус современной идиоматики / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, К.Л. Киселева. – М.: Мир энциклопедии Аванта+, 2007. 1135 с.

Бирих, А.К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. – М.: Астрель, 2005. 926 с.

Брилева, И.С. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков. – М.: Гнозис, 2004. 318 с.

Райкен, Л. Словарь библейских образов / Л. Райкен, Дж. Уилхойт, Т. Лонгман / перевод: Б.А. Скороходова, О.А. Рыбаковой. – С.-Пб.: Библия для всех, 2004. 1423 с.

Третьякова, И.Ю. Окказиональная фразеология: монография / И.Ю. Третьякова. – Кострома, КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. 290 с.

Summary. The article describes transforming potential of phraseological units with the zoonym component *horse* in every day speech and reveals means of their usage in discourse. The zoonym component actualizes wide systemic connections, which leads to occurrence of phraseological transforms. Occasional transformations take place by means of substituting the animalistic component by the lexemes forming lexical-semantic groups “Animal”, “Means of transport”. Authors’ intentions are aimed to concretization, literalism of phraseological meaning.

Key words: phraseological unit, zoonym component, occasional transformations of phraseologisms, author’s intentions.

ГОГОЛЕВСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДИСКУРС КАК ФРАЗЕМОПОРОЖДАЮЩЕЕ ПРОСТРАНСТВО

К.К. Стебунова

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
stebunova@bsu.edu.ru

Любой художественный текст, будучи продуктом воображения и рефлексии автора и – в определённой степени – продуктом эмпирической деятельности народа, может рассматриваться как факт автохтонной лингвокультуры (проявленное в языке ценностно-смысловое пространство этноса) и как результат лингвокреативной дискурсивной деятельности. Кроме этого, художественный текст, став достоянием широкой аудитории и «прожив» в сознании не одного поколения читателей, сам участвует в формировании ценностно-смыслового пространства лингвокультуры, через его вербальные репрезентанты влияет на этноязыковое сознание народа, пополняя его новыми ценностно-оценочными «квантами знания». Знаки косвенно-производной номинации, образующие многоуровневую семотическую систему, ядро которой составляет многоликий корпус фразеологических единиц (ФЕ), обладающих культураносными ассоциативно-образными значениями, относятся к основным изобразительно-выразительным единицам лингвокультуры. Обозначая вторичные артефакты (ментефакты), они располагают богатой (хотя и нередко имплицитной) символической и этноязыковой маркированностью. Как правило, это ФЕ, возникшие на основе фольклорного материала или вобравшие в себя факты культуры, а также паремии, которые идиостилистично представляют ассоциативно-образный пласт дискурсивного сознания любого самобытного писателя.

Художественный текст в его дискурсивной динамике является конструктивной средой для возникновения, функционирования и трансформаций фразеологических единиц (ФЕ), которые своим присутствием (или, на контрасте, отсутствием) формируют этнокультурный и семантико-стилистический колорит произведения, определяют своеобразие индивидуально-авторского стиля, включают текст в дис-

курсивное пространство той или иной лингвокультуры. Особо конструктивны в этой связи тексты произведений Н. В. Гоголя.

Когда говорят об индивидуально-авторских реализациях концептуальной сферы языкового социума, встаёт вопрос о способах её репрезентации. В работах, фактически посвящённых фразеомообразующим (дискурсивно-модусным, в терминологии Н.Ф. Алефиренко) концептам, встречаются некоторые терминологические разногласия. Так, некоторые исследователи ведут речь о *фразеологическом концепте*, где сам знак косвенно-производной номинации выступает в качестве единицы, номинирующей концепт. «Поскольку фразеологизмы и лексические единицы существенно отличаются друг от друга, вербализуемые ими концепты тоже должны разграничиваться исследователем как концепты с разным содержанием» (Сизова 2012: 271). Так, под фразеологическим концептом может пониматься «оперативная единица мышления, которая является сложно-структурированным динамичным абстрактным образованием, фрагментом этнокультурного знания об окружающем мире, формируется в индивидуальном и коллективном сознании на основе осуществления разных видов деятельности и вербально воплощается в ФЕ» (Денисенко 2013: 412). При сопоставлении фразеомообразующих (у которых отсутствует прямой конкретный денотат) и лексических (номинируемых лексемой с прямым денотативным значением) концептов выясняется, что «репрезентация фразеологического концепта вызвана желанием экспрессивно, образно отразить определенную мысль, дать эмоциональную оценку тому или иному феномену» (Малюгина 2007: 8). Однако, согласно другой точке зрения, попытка выделить фразеологический концепт – это терминологический перегиб, а «концепт как лингвокультурная и ментальная единица лишь вербализируется языковыми средствами (среди них и фразеологическими)» (Остапович 2013: 98). Однако с чем действительно сложно спорить, – это с мыслью о том, что в практике именованя концептов исследователи часто сталкиваются с проблемой условности языковой единицы, номинирующей концепт.

На наш взгляд, интересно в этой связи рассмотреть прецедентные концепты и средства их репрезентации, поскольку концепты, номинируемые прецедентными именами, зависят в своём содержании и структуре исключительно от формирующего его художественного дискурса и возникают благодаря ему. Не менее значимыми являются также индивидуально-авторские ФЕ, которые рассматриваются нами как крылатые слова, подвергшиеся фразеологизации.

Под прецедентными текстами мы понимаем такие «речевые произведения, которые стали неотъемлемой частью культуры данного народа или типа цивилизации – пословицы, цитаты, известные всем сюжеты художественных произведений, фрагменты рекламных роликов» (Карасик 2002: 247). На просторах гоголевского текста обнаруживаются аналогичные прецедентные ФЕ, или крылатые слова. В

«Историко-этимологическом словаре» (под ред. В.М. Мокиенко) отмечен ряд ФЕ, созданных или введённых в литературный язык Н. В. Гоголем. В тексте они выполняют, прежде всего, номинативную функцию, поскольку автор на страницах своих произведений не только дал образную оценку определённым явлениям, но и вывел новые человеческие типы. Дискурсивная основа подобных ФЕ – художественный текст и современная ему реальность (бытовая, экономическая, религиозная, языковая). В этой группе мы встречаем фразеологизированные прецедентные имена, фраземы, построенные на перифразах и гиперболах, обороты, разлившие фразеологическое значение на основе текста уже после его выхода к массовому читателю.

Итак, первая группа – фразеологизированные прецедентные имена. Ср.: **Иван Иванович и Иван Никифорович** (книжн. ирон. или презр.). О людях, длительное время находящихся в мелочной ссоре, живущих в неладах друг с другом. Оборот образован расширением значения собственных имен главных персонажей Гоголя (Бирих 2005: 223). Персонажи гоголевской повести, два малороссийских помещика, представляются как два закадычных друга, однако малейшее неудовлетворение прихоти и настырность одного из них по отношению к другому повлекли за собой склоку, которая длится годами: они пишут друг на друга жалобы, пакостят по мелочам. Данная ФЕ может подвергаться разнообразным трансформациям: наращением, уточнениям, заменой компонента при сохранении синтаксической модели оборота. Ср.: **Вавилонские Иван Иванович и Иван Никифорович повздорили из-за... стены дома** (В.А. Белявский. Вавилон легендарный и Вавилон исторический). **Как поссорились Иван Иванович Ваенга с Иваном Никифоровичем Шендеровичем!** (Сетевой форум); **Как подрались Иван Иванович с Иваном Никифоровичем из-за шахматного хода по переписке (но при этом про шахматы ни слова)** (Шахматный портал Chess.ru). **О том, как поссорились Гарри Кимыч с Анатолием Евгеньевичем**, мог бы написать рассказ новоявленный Гоголь... Но не будем спускать всех собак на 12-го чемпиона. Каспарова можно оценивать тоже по-разному (В. Кордовский. Цит. по НКРЯ). Не очень ловко чувствовал себя и я, не по своей воле замешанный в этот скандалчик, который мог бы стать сюжетом для небольшого рассказа **«О том, как поссорились Лев Иванович и Виктор Лазаревич»** (Евгений Рубин. Цит. по НКРЯ). По синтаксическому построению фразы всем говорящим на русском языке понятно, на чей текст ссылка. Имена действующих лиц могут меняться, однако ядром фразеологического значения является сема 'затяжная ссора', которая напрямую отправляет нас к гоголевскому тексту.

Гораздо более редко встречается в прессе и на просторах сети Интернет ФЕ **Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна** – (книжн. шутл.) О простодушных, наивных обывателях-супругах. Герои повести Гоголя – нежные супруги, ведущие «растительное» существо-

вание, имена которых стали нарицательными и фразеологизировались (Бирих 2005: 34). В повести «Старосветские помещики» это простодушные, кроткие старички, коротающие свой век в деревне, в уединении, ведущие нехитрый быт и искренне радующиеся гостям. Ср.: *Они и есть Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна, но, разумеется, карикатурные, трагические и фарсовые сразу, поскольку из их отношений вымыты без остатка любовь и душевность, заменой которым стали рефлекторные жесты и генеральный секретарь* (Ю. Богомоллов о творчестве режиссёра Александра Сокурова, сайт «Российской газеты»); *Эй и Оу – это же старосветские помещики! Пульхерия Ивановна и Афанасий Иванович! Настоящие! Только китайские* (Интернет).

Акакий Акакиевич (книжн.) О кротком, безобидном, робком и забитом «маленьком» человеке (Бирих 2005: 21). Персонаж повести «Шинель» одинок, беден и обижаем теми, кто побойчее и помоложе, а единственной недолгой радостью его была новая шинель. В различного рода фразеологизмах данная единица реализует коммуникативно-прагматические смыслы, которые достаточно опосредованно связаны с сюжетом и со словарным определением, а именно:

– иронически именуется мелкого чиновника или чиновника вообще: *Подписано письмо каким-то Коробовым. Понятия не имею, кто это. Какой-то очередной Акакий Акакиевич. Ему даже в голову не пришло самому всё прочитать и передать кому-то, кто мог сделать для Отчизны полезный вывод* (М. Задорнов); *Столичные «акакии акакиевичи» променяли шинели на лимузины* (Заголовок газетной статьи); *И ещё мнение: – Что вы, он не Акакий Акакиевич, он – значительное лицо. Хотя действительно когда-то был очень мил и приветлив. А вот потом поехал в Америку и уж вернулся оттуда надутый* (В. Войнович. Цит. по НКРЯ);

– описывает ничем не примечательного чиновника средних способностей: *Надо понимать – в среднем человеке нет ничего, что идет вразрез с законами природы. Напротив, именно на акакиях акакиевичах держится любое общество* (<http://newsbabr.com/print.php?IDE=116741>);

– указывает на чиновника, не выполняющего своих обязанностей, нарушающего закон и не действующего согласно прямым указаниям. Подобный смысл опирается на существующий в обществе стереотип о чиновничестве в целом, а отсылка к персонажу Н.В. Гоголя обусловлена только наличием у него данной профессии. Таким образом, прецедентное имя берёт на себя сутоубо номинативные функции, не основываясь на идее гоголевского текста, ср.: *В проекте федеральной программы, разрабатываемой также по распоряжению президента РФ, «Пермь-36» рассматривается в качестве одного из трех общенациональных музейно-мемориальных комплексов памяти жертв репрессий, наряду с музейно-мемориальными комплексами в*

Москве и Санкт-Петербурге. Но нынешние пермские **Акакии Акакиевичи** решили поставить музей под контроль. И вот, с одной стороны, улыбаясь, угождая, договариваясь о перспективах развития музея и его просветительских проектов с правлением, попечительским советом АНО «Пермь-36», чиновники перекрывают финансирование, устраивают чехарду с регистрацией новых государственных учреждений и кадровыми перестановками, никак не согласованными с АНО «Пермь-36» (Огонек, 2014. Цит. по НКРЯ).

К этой же группе можно отнести ФЕ *мертвые души*, которая связана уже не с прецедентным именем, а с названием прецедентного текста. Ср.: Избирком нашёл у Романовой и Гайдар **«мёртвые души»**. У кандидатов в депутаты Мосгордумы зафиксировали большой процент недействительных подписей (Заголовок газетной статьи); В результате записался ребенок в бесплатную секцию, пять раз сходил, бросил. Но в списках остался, и тренер из года в год переписывает такие, как он, **мертвые души**. Для отчета (Из газет).

Таким образом, интенционал указанных знаков косвенно-производной номинации понятен только после прочтения произведений целиком и осмысления их идейного содержания. Однако экстенционал ФЕ растёт вместе с жизненным опытом и ассоциативной деятельностью читателей, способных анализировать как художественный текст, так и окружающую действительность.

Вторая группа включает ФЕ, которые, не являясь прецедентными именами, стали генетическими прототипами для ФЕ. Ср., например, ФЕ **рекомендательные письма князя Хованского** – 1. Взятка. 2. Деньги. – отражена в литературном языке именно Н. В. Гоголем (Бирих 2005: 267). А. Н. Хованский – князь, управляющий государственным ассигнационным банком и экспедицией заготовления государственных бумаг, сенатор, современник автора. Ирония, заключённая в семантике ФЕ, в современном языке, может быть, не так чётко отражена, однако понятно её дискурсивное своеобразие: мотивировочный признак фраземы связан с реальным историческим фактом; в основе знака косвенно-производной номинации лежит фразеологизированная когнитивная метафора, при помощи которой деньги иносказательно уподобляются рекомендательному письму (перенос признака по функции). Во времена Гоголя указанное выражение употреблялось: *Был нас председатель такой, что брал; нынешний, может быть, не берет, а все-таки правда наша держится только на **убедительных доводах за подписью князя Хованского**, и выходит одна только путаница, что ину пору не знаешь, куда оборотиться, кому кланяться, кого просить и куда идти* (В. И. Даль. Бедовик, цит. по НКРЯ), однако устойчивую ассоциацию оно имеет именно с текстом «Мёртвых душ». Ср.: *Помощь с устройством на престижную работу за определённое вознаграждение «вперёд» – один из известных методов честного отъёма денег у населения. Основывается он на*

том, что в народе сильна уверенность – ничего в России не делается без «рекомендательных писем князя Хованского» (Интернет).

Отмечается целая группа ФЕ, восходящих к гоголевским текстам: **борзыми щенками брать** (Бирих 2005: 642) – брать взятки, оправдываясь, что берёшь натурой; **срывать цветы удовольствия** (Бирих 2005: 611) – о потребительском отношении к жизни; **лёгкость в мыслях необыкновенная** (Бирих 2005: 334) – иронически о шутовском, взбалмошном человеке; **дама, приятная во всех отношениях** (Бирих 2005: 144) – об очень любезной, притворно светской обходительной, несколько слащавой даме; **тридцать пять тысяч одних курьеров** (Бирих 2005: 326) – о непомерном преувеличении, безудержном хвастовстве, бахвальстве; **пошла писать губерния** (Бирих 2005: 140) – всё пришло в движение, все засуетилось, начали действовать изо всех сил, демонстрируя большое усердие; **унтер-офицерская вдова сама себя высекла** (Бирих 2005: 105) – о человеке, нарвавшемся на неприятность, которую он сам себе учинил, причинившем себе вред своими словами и действиями. Данные ФЕ достаточно широко используются в дискурсивной практике наших современников, в частности в медийных текстах. Ср.: «Ростов» **сам себя высек**. Смелость города берёт, но в случае с «Ростовом» она слегка отдавала безрассудством (из обзора футбольного матча «Ростов» – «Зенит»); **Пошла писать губерния!** Все сравнивают противостояние Донбасс (Россия) – Украина с арабо-израильским конфликтом (Запись на Facebook); **Легкость в мыслях этой дамы**, говоря словами героя бессмертного гоголевского произведения, господина Хлестакова, **необыкновенная**. По сравнению с ее «экспертными оценками», рассуждения соседней за игрой в нарды в бакинских беседках можно назвать научным трудом и лекцией по геополитике (А. Гасанов, рубрика «Политика» сайта <http://www.1news.az>); **Чиновникам запретят брать взятки «борзыми щенками»** (Заголовок газетной статьи) и пр.

К дискурсивному пространству гоголевских текстов отсылают и ФЕ **глуп как сивый мерин**. Ср.: **Оригиналы страшные... Во-первых, городничий – глуп, как сивый мерин...** (Гоголь 2009: 463). Выражение **глуп как сивый мерин** связывается с бессознательным топтанием на месте старых, не годных для другой работы лошадей, приводящих в движение колеса и другие механизмы на мельнице, каруселях и т.д. (Бирих 2005: 373). Под **сивым мерин** подразумевается поседевший от долгой и тяжёлой жизни холощенный жеребец, потерявший к старости и физические силы, и умственные способности. В том же источнике прямая ссылка на Гоголя как на источник ФЕ. Кроме того, во фразеологических словарях и справочниках не фиксируется данная единица, однако в украинском языке существует ряд паремий, которые подтверждают образ лошади как глупого существа, ср.: *На рівній дорозі й коняка розумна. У шкапи грива довга, та розум короткий. Кобила за вовком гналась, та вовкові в зуби попалась* и пр.

Помимо указанного значения в составе ФЕ, *сивый мерин* в речи в значительной части выступает как иллюстрация не столько глупого, сколько лживого человека, ср.: *С какой стати сивый мерин постоянно обвиняется во лжи? Сивый – значит, седой, старый; мерин – оскотленный конь. И вот эта неспособная к деторождению рухлядь обладает изысканно-нежной тональностью: точь-в-точь юный жеребчик. И все кобылы верят ему на слово* (Правда. Цит. по НКРЯ). *Бери его, Серко! Он тут самый вредный!» Вот и товарищ Давыдов может подтвердить. – Хоть ты и старик, а брешешь, как сивый мерин!* (М. А. Шолохов. Поднятая целина. Цит. по НКРЯ). Глупость и лживость выступают, например, в лингвокреативном сознании А.П. Чехова как неперемненные атрибуты бездарности, отсюда: *Есть очень энергичная строчка: – «бездарен, как сивый мерин». – В жизни наших городов, – пишет Чехов, – нет ни пессимизма, ни марксизма, никаких веяний, а есть застой, глупость, бездарность. К каждому бездарному человеку он относился, как к личному своему врагу* (К. И. Чуковский. О Чехове. Цит. по НКРЯ).

Таким образом, мы отмечаем, что художественный дискурс Н. В. Гоголя обусловил появление значительного числа индивидуально-авторских ФЕ, ставших достоянием современной образованной языковой личности русского читателя. Эти ФЕ или выражены прецедентными именами, напрямую отсылающими к соответствующему дискурсу, или же послужили свободными прототипами для дальнейшего процесса фразеологизации.

Литература

Алефиренко, Н. Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии: монография / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 334 с.

Алефиренко, Н. Ф. Фразеология и паремиология: учеб. пособие [Текст] / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семенов. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.

Бирих, А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / СПбГУ; Межкаф. словарный каб. им. Б. А. Ларина; А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. В. М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. 926, [2] с.

Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений в одном томе / Н. В. Гоголь. – М.: АЛЬФА-КНИГА, 2009. 1231 с.

Денисенко, С. Н. Фразеологический концепт как аккумулятор этнокультурных ценностей / С. Н. Денисенко, И. О. Тараба, Г. О. Хант // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами: сб. науч. тр. по итогам III Междунар. науч. конф. (Белгород, 19-21 марта 2013 года) / отв. ред. проф. Н. Ф. Алефиренко. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. С. 410-413.

Карасик, В. И. Языковой круг. Личность, концепты, дискурс / В. В. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Малюгина, А. В. Типы фразеологических концептов и способы их контекстной репрезентации / А. В. Малюгина. – Воронеж, 2007. 23 с.

НКРЯ: Национальный корпус русского языка / Портал Национальный корпус русского языка. – © 2003–2012. – Режим доступа: <http://www.ruscorgo.ru> (Дата обращения – 20.12.2015).

Остапович, О.Я. Идиоматика славянских и германских языков. Мифы и реальность «фразеологических концептов» и «фразеологической языковой картины

мира» // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами: сб. науч. тр. по итогам III Междунар. науч. конф. (Белгород, 19-21 марта 2013 года) / отв. ред. проф. Н. Ф. Алефиренко. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. С. 97-102.

Сизова, Ю. О. Проблема номинации фразеологических концептов и их особенности (на материале произведений Р. Л. Стивенсона) / Ю. О. Сизова // Молодой ученый. 2012. №6. С. 270-272.

Summary. The article deals with phraseological units, which genetically date back to the literary discourse of N.V. Gogol. We study the precedent names, which have been subject to phraseologization, and expressions which have been fixed in daily use in the texts of the Russian writer.

Key words: literary discourse, precedent name, phraseological units, phraseological transformation, phraseological prototype

ФРАЗЕОГРАФИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОГО ОПИСАНИЯ ЯЗЫКА

З.Р. Аглеева

Россия, г. Астрахань, Астраханский государственный университет
agleeva@yandex.ru

Есть ученые, которые в своих трудах обращаются и основательно анализируют, предлагая свои концепции, своё видение проблемы и попытки её разрешения, независимо от уровня языка. Н.Ф. Алефиренко относится к лингвистам, которым тесно в пределах одной, строго определенной парадигмы. Кажется, нет той новаторской области науки, которая не привлекла бы внимание этого глубокого, разносторонне одаренного ученого. Поражает круг вопросов, которые в разное время интересовали и интересуют Николая Федоровича: экспрессивно-образные средства языка, фразеомобразование, герменевтика, когнитивная лингвистика, в том числе и когнитивная лингвопоэтика, когнитивная лингвопрагматика, архитектоника текста, теория дискурса, лингвокультурология, синергетика и т.д. Трудно предположить, что может стать предметом исследования ученого в ближайшие годы, так как ничто новое, по-настоящему глубокое, требующее анализа и объяснения, не может пройти мимо необыкновенно острого ума и блистательного пера юбиляра.

Вызывают глубокий интерес и методы научного исследования, разрабатываемые Н.Ф. Алефиренко и учеными его школы. Им были предложены или разработаны, дополнены методы фразеомобразовательной комбинаторики, когнитивно-прагматического анализа текста, когнитивно-семасиологической комбинаторики, дискурсивно-синергетический и т.д. Как ни широк круг проблем, исследуемых ученым, без его пристального внимания не остаются вопросы фразеологии и теории языка. И в этой связи хочется особо отметить еще один аспект деятельности юбиляра, очень важный не только в научном, но и прагматическом, учебном плане. Мы имеем в виду обращение Н.Ф. Алефиренко к фразеографии. Очень сложно в настоящее время

предложить что-то новое в этой области после фундаментальных работ В.П. Жукова, А.И. Молоткова, А.И. Федорова, А.В. Жукова и др., однако на рубеже веков и несколько позднее появились фразеологические словари культурно-познавательного характера, располагающие, помимо словарных статей, большим теоретическим материалом по фразеологии. Среди них «Русская фразеология: историко-этимологический словарь» под ред. В.М. Мокиенко, «Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий» под ред. В.Н. Телия; «Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики» Н.Ф. Алефиренко и Л.Г. Золотых и др. Наличие глубокого, серьёзного теоретического материала ещё в большей степени повышает значимость словаря, делая его и учебным пособием. Актуальность такого рода работ возрастает и в связи с тем, что на правительственном уровне отмечается необходимость использования лексикографических и фразеологических источников в учебных заведениях различного типа. Работа со словарями различного типа – одна из форм пополнения лексикона обучающихся, одно из направлений в развитии речи. Тем более возрастает роль систематической работы со словарями при обучении русскому языку как иностранному. В Письме Департамента государственной политики в сфере общего образования Минобрнауки России «О формировании культуры работы со словарями в системе общего образования Российской Федерации» отмечается необходимость постоянной целенаправленной работы с различными типами словарей: «Формирование потребности в обращении к словарям и навыков работы с ними, способности извлекать из словарей информацию, необходимую для решения учебных задач по разным дисциплинам, в рамках проектной деятельности и во внеаудиторной работе должно стать одной из норм образования» (О формировании... 2013: 65). Автор письма, академик А. Молдован, справедливо отмечает, что словари развивают «системное языковое мышление и языковую культуру» (О формировании... 2013: 67). Дифференцирующие национально-культурные ценности наиболее ярко обнаруживаются во фраземике, непосредственно отражающей динамично развивающуюся внеязыковую действительность. Принято считать, что, обладая экспрессивностью, являясь единицами вторичной номинации, ФЕ трудны для освоения в иноязычной аудитории. Однако наш опыт работы по организации и проведению олимпиад позволяет констатировать, что трудности в этой области возникают даже у подготовленных русскоязычных учащихся и студентов. Поэтому можно только приветствовать обращение крупных ученых к созданию словарей.

«Фразеологический словарь: культурно-познавательное пространство русской идиоматики» (в дальнейшем – ФС КППРИ) Н.Ф. Алефиренко и Л.Г. Золотых содержит оптимальный набор наиболее существенных лингвистических и экстралингвистических сведений энциклопедического, страноведческого, культурологического и этнографического характера. Основная цель словаря – дать чита-

телю полное представление о заголовочных фраземах в условиях той типовой дискурсивной среды, в речемыслительном пространстве которой эти фраземы возникают и функционируют в речи. Словарные статьи построены в основном в соответствии с общепринятыми принципами, хотя имеется и специфика представления фразем, связанная с задачами, поставленными авторами. Каждая словарная статья состоит из 3 частей. В 1-й части содержится информация двух типов: (а) общая функционально-грамматическая характеристика заголовочной фраземы; (б) её парадигматические свойства (фразеосемантические варианты, синонимические и антонимические связи). Во 2-й части содержится иллюстративный материал. Следует отметить оригинальность приводимых иллюстраций: они подобраны авторами из современной художественной литературы и масс-медиа. 3-я часть охватывает рубрики: функционально-коммуникативное своеобразие фраземы; лингвокультурологическую характеристику; лингвопрагматический потенциал фраземы; концепт, лежащий в основе ФЗ фраземы; лингвокультурный статус использующих данную фразему; ассоциативно-смысловые причины актуальности фраземы в языковом сознании. Объясняя особенности словаря, Н.Ф.Алефиренко отмечает: «Сопряжение основных принципов синергетики позволяет лексикографировать фразему комплексно, с точки зрения иерархии её содержательных элементов на уровне глубинных, наномасштабных (мельчайших, нередко бытующих в скрытом виде) структур смысла». Словарь, таким образом, представляет собой попытку систематизированного описания русской идиоматики в аспекте отражения в устойчивых образных выражениях русского культурно-познавательного пространства.

Обратимся к принципам представления фразем в данном словаре. В ФС КППРИ вошла ФЕ **чья бы корова мычала**, достаточно частотная в разговорной речи, но ранее не включавшаяся в фразеологические словари. Согласно принципам толкования фразем в ФС КППРИ, данная ФЕ определяется по основным параметрам: толкование значения, наличие синонимов и антонимов, стилистическая окраска, взаимосвязь лингвистических и экстралингвистических факторов, обуславливающих лингвокреативный статус фразеологизированной единицы в языковом сознании, что «позволяет войти в образное пространство фраземики во всех её взаимоотношениях с языком, познанием и культурой и осмыслить поэтическую синергетику фраземы». Не останавливаясь на многочисленных иллюстрациях, приведём в качестве образца словарную статью с тем, чтобы дать представление о структуре словаря, о принципах описания единиц русской идиоматики (Можно было бы отослать к нужным страницам, но, к сожалению, словарь был издан небольшим тиражом и приобрести его в настоящее время достаточно сложно).

«**Чья бы корова мычала** (*прост.*). Кто бы говорил, да только не ты. Синонимы: **Чёрт (леший, нелёгкая) дёрнул (-а) за язык** кого (*прост.*), <**приходиться / прийти**> **не по вкусу** кому (*разг.*). Антонимы: **Смотреть (глядеть) в рот** кому (*разг.*) –

очень внимательно, иногда с подобострастием слушать кого-л.; **превращаться (обращаться) / превратиться (обратиться) в слух** – слушать очень внимательно, забывая обо всём вокруг; **наострить (насторожить) уши (разг.)** – с любопытством, напряжённым интересом прислушиваться; **ловить на лету (с лёту) что (разг.)** – жадно, с интересом внимать, слушать, не упуская ничего.

✿ В образной речи в функции предложения. В экспрессивном высказывании может употребляться как присоединительная конструкция с оценочным значением для выражения крайнего сожаления, досады по поводу сказанного.

📖 Выражение является частью поговорки, довольно часто употребляемой в разговорной речи: «Чья бы корова мычала, а твоя б молчала».

✳ Используется, когда хотят сказать, что собеседник не имеет права осуждать кого-л. или что-л., поскольку сам небезгрешен.

➔ Концепт «Осуждение».

👂 Обыденная лингвокультура.

📖 Языковая память поддерживается переносным значением глагола мычать – ‘невнятно говорить, издавать нечленораздельные звуки (разг.)’. Ср.: *Мычать в ответ*».

Отметим необычный для фразеологических словарей визуальный ряд, возможность ознакомиться с семантикой и этимологией ФЕ, с их синтаксической ролью, получить лингвокультурологические сведения и комментарии, узнать об этноспецифических особенностях фразем и возможностях объективации ими когнитивных структур.

По некоторым параметрам близок к подобного рода словарям образец словаря татарской этнокультурологической лексики Р.Р. Замалетдинова (приложение к монографии «Внутренний и внешний мир носителей татарской культуры через призму языка»). Собран интереснейший материал, включающий ФЕ, паремии, образцы функционирования этнокультурологической лексики в татарской литературе и в фольклоре. Р.Р. Замалетдинов в первой части книги останавливается на характеристике лингвокультурем и артефактов на русском языке, что позволяет и тем, кто не владеет на должном уровне татарским языком, познакомиться с анализируемой автором проблемой. Приведём образец части статьи (статьи объёмные, поэтому представить их в полном виде вряд ли целесообразно), чтобы показать специфику словаря:

Ишек (дверь).

...Рассмотрим случаи вторичной номинации. В татарском языке словом *ишек* может быть обозначен как путь, способ, ведущий к счастью, свободе, знаниям, ключ, с помощью которого можно приобщиться к тайнам. Таким образом, для оформления вторичной номинации существенным здесь оказывается метафорический перенос по функции.

Ожмах ишеге – двери в рай.

В татарском языке множество устойчивых выражений со словом **ишек**. Приведём некоторые из них.

Ишек ачу (букв. ‘открывать дверь’) – ходить в гости, иметь тесное общение с кем-либо.

Ишек тупсасын төшерү (букв. ‘отбить порог двери’) – ходить куда-либо часто.

Ишекнең кай якка ачылуын оныту (букв. ‘забыть, в какую сторону открывается дверь’) – перестать ходить или долго не приходить к кому-либо в гости.

Ишеккә бару (килу) (букв. ‘пойти к двери’) – обратиться к кому-либо с просьбой.

Ишек ачык (букв. ‘дверь открыта’) – о радушном приёме.

Ишек артында гына (букв. ‘только за дверью’) – очень близко...

Приведённые примеры показывают, что концепт **ишек** (дверь) в татарской лингвокультуре тесно связан с традициями гостеприимства, с радушным или нерадушным приёмом. Причём любопытно, что это слово часто используется для обозначения каких-либо нравственных качеств человека» (Замалетдинов 2003: 69-73). В словаре с помощью условных обозначений ↔ (этимология), ° (прямые и переносные значения), ♦ (дополнительные сведения), ♪ (примеры применения в составе песен) и др. вводятся примеры на татарском языке.

Фразеологического словаря, в котором бы с лексикограмматической, экспрессивно-стилистической, функциональной точек зрения толковался фразеологический корпус разноструктурных языков того или иного ареала, пока нет. Существующие многоязычные словари имеют традиционную структуру: толкование, приведение полных или частичных эквивалентов, объяснение безэквивалентных ФЕ. Этого явно недостаточно, если говорить о необходимости когнитивно-дискурсивного подхода к анализу языкового материала. Двухязычные и многоязычные фразеологические словари нового поколения должны отражать лингвокультурологические свойства ФК, этноспецифические особенности их с точки зрения вербализации когнитивных субстратов.

Предлагаем в качестве одного из возможных вариантов образцы статей «Учебного словаря ФК разноструктурных языков».

Как (будто, словно, точно) в воду канул. Бесследно исчез, пропал. Синонимы: как (будто, словно, точно) корова языком слизала, как (будто, словно, точно) ветром сдуло, как (будто, словно, точно) водой смыло, как (будто, словно, точно) сквозь землю провалился, и след простыл, только и видели и т.д.

Полдня она (Зинаида Фёдоровна) ходила по всем комнатам, растерянно оглядывала столы и окна, но часы **как в воду канули** (А. Чехов. Рассказ неизвестного человека). Поисковые команды пере-

рыли деревню и даже заглядывали в лес, но никаких следов не обнаружили. **Троица как в воду канула** (А. Пехов. Искатели ветра).

Сравнение связывают с образом упавшего в воду и бесследно исчезнувшего камня (М. Михельсон, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко), с образом бесследно растворяющейся в воде капли (В. Зимин, Спириин), с синкретично соединившимися двумя исходными образами – воды и тяжёлого предмета.

В предложении выступает в роли сказуемого, употребляясь только в форме прошедшего времени.

Представляет концепт «**Исчезновение**».

В татарском языке наблюдается полное совпадение значения и представленность концепта. Концепт «**Югалу**» («Исчезновение»). Фразема представлена синонимами **суга төшеп югалган кебек** (букв. 'как спустившийся в воду и пропавший'), **суга төшкәндәй булды** и **суга баткандай** (букв. 'будто утонувший в воде').

В немецком языке значение ФЕ представлено фраземой **spurlos verschwinden** (букв. бесследно исчезать). Имеется синоним – сравнительная фразема *wie ins Wasser fallen* (букв. 'как в воду падать / упасть'). Концепт «**Das Verschwinden**» («Исчезновение»).

Биться как рыба об лёд. Бедствовать, сильно нуждаться; несмотря на все усилия, находиться в бедственном материальном положении. Синонимы: *горе мыкать, класть зубы на полку* и т.д.

Стоит ли для каких-нибудь двадцати, тридцати лет биться как рыба об лёд? (И. А. Гончаров. Обыкновенная история).

В основе сравнения образ из зимней рыбалки: пойманная рыба, выброшенная на лёд, подпрыгивает, бьётся, создаётся впечатление, что она хочет пробить лёд и уйти на дно.

В предложении выступает в роли сказуемого, может употребляться в форме настоящего и прошедшего времени.

Представляет концепт «**Безысходность**».

В татарском языке представлена ФЕ **пәрәвезгә элккән чебен кебек тыпырчыну** (букв. биться, как попавшая в паутину муха). Эти два фразеологических образа объединяют единые тщетные действия. Концепт «**Котылгысыз**» («Безысходность»).

В казахском языке данным значением обладает ФЕ **сен соккан балыктай** (букв. как рыба, сбита льдиной). Значение и концепт совпадают. Имеется синоним **сендей соғылу** (букв. ударяться как льдины).

В немецком языке данное значение представлено ФЕ **wie der Fisch auf dem Trocknen** (букв. как рыба на суше). Концепт «**Ausweglos**» («Безысходный»).

Какая муха укусила. О том, кто раздражён, без видимой причины совершает странные поступки, сердится, находится в плохом настроении. Син.: **что за муха укусила**.

– **Какая подлость! Какая муха тебя укусила?** – сказал Шабуров. Ему хотелось плюнуть в глаза этим пьяным циникам-журналистам, но выполняемая им обязанность не позволяла дать

волю чувствам и действиям (Н. Белых. Перекресток дорог). ... **какая это муха укусила** весь здешний прекрасный пол? Что с ним подделалось? (А. Чехов. Огни). Они сидели на перилах, курили, и Бочкарев пытался выяснить, **какая муха укусила** старика, откуда это неожиданное предложение (Д. Гранин. Иду на грозу).

Заимствовано из французского языка (калька из французского языка): в древности люди верили в способность перевоплотившегося в насекомое дьявола укусом заставить человека «беситься», выходить из себя.

Употребляется как вопрос или в составе сложноподчиненного предложения. Компонент-сказуемое может употребляться только в форме прошедшего времени.

Представляет концепт «**Раздражительность**».

В татарском языке представлена ФЕ **нинди чебен тешлэде?** (букв. 'какая муха укусила?'), совпадающая и по составу, и по значению с русским аналогом. Концепт «**Ачуланьчлык**».

В немецком языке данное значение представлено отличающимся от русского эталона фразеологическим образом **was ist in dich gefahren** (букв. 'что въехало в тебя') – какая муха тебя укусила? Концепт «**Die Reizbarkeit**» «Раздражительность».

Предлагаемый словарь основан на принципах построения словарной статьи, предложенной «Фразеологическим словарем» Н.Ф. Алефиренко и Л.Г. Золотых.

Словарная культура – один из показателей «уровня развития общей культуры и просвещённости как всего общества, так и отдельной личности» (О формировании ... 2013: 72). Он должен отражать современные достижения не только в области лексикографии (в нашем случае – фразеологии), но и лингвокогнитивистики, лингвокультурологии и других смежных дисциплин.

Литература

Алефиренко, Н.Ф., Золотых, Л.Г. Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. – М.: Элпис, 2008. 472 с.

Замалетдинов, Р.Р. Внутренний и внешний мир носителей татарской культуры через призму языка. – Казань: Изд-во КГУ, 2003. 208 с.

О формировании культуры работы со словарями в системе общего образования Российской Федерации. Письмо Департамента государственной политики в сфере общего образования Минобрнауки России от 06.05.2013 № 08-535 // Вестник образования. – Вып. 2762. 2013. № 3. С. 65–75.

Summary. The article discusses the contribution of N.F. Alefirenko to the phraseology, analyzes his phraseological dictionary of new type he has created in collaboration with L.G. Zolotykh. An attempt to define the role of dictionaries in the educational space and intercultural communication is made.

Key words: cognitive-discursive component, linguistic and cultural studies, phraseology, a new type of dictionaries.

ПАРЕМИОЛОГИЯ

ЦЕННОСТЬ КАК КОГНИТИВНАЯ ДОМИНАНТА ПАРЕМИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

Н.Н. Семененко

Россия, г. Старый Оскол, Старооскольский филиал
Белгородского государственного национального исследовательского университета
nsemenenko@yandex.ru

Лингвокогнитивный статус ценности как предмета семантического и когнитивно-дискурсивного анализа определяется в русле дискуссии относительно этнокультурной обусловленности языкового сознания, одним из базисных теоретических постулатов которой является сформулированный Н.Ф. Алефиренко методологический подход, опирающийся на понимание синергетического взаимодействия языка и культуры как трихотомии «язык – познание – культура». Как отмечает учёный, предметом когнитивно-дискурсивной лингвокультурологии оказываются языковые механизмы интериоризации знаний, мнений и способов представления объективной действительности, выработанные человечеством в рамках той или иной этнокультуры, их вербализации в виде конститuentов (сем) семантической структуры номинативных единиц языка. И в этом плане такого рода системы оказываются творением человеческого разума, продуктом ценностно-смысловой (культурологической, когнитивно-синергетической) интерпретации познаваемой действительности, составляющей содержательную сущность ментальности того или иного народа» (Алефиренко 2011: 28). В русле предлагаемого понимания ценностно-смысловой интерпретации действительности как этно-ментально характеризующей вербальной деятельности особая роль отводится знакам косвенно-производной номинации – единицам вторичного, культурно-рефлексивного плана вербальной деятельности.

Ценностно-смысловой потенциал паремий – аспект насколько очевидный (что и подтверждается высокой частотностью обращений к своду народной мудрости как источнику сведений о ценностях этноса), настолько и актуальный в плане уточнения (1) самого понятия ценности применительно к паремической семантике, (2) категориально-когнитивного статуса ценности и (3) характера взаимообусловленности функционально-семантической природы паремий различных жанров и дискурсивно-прагматического фактора оценки как когнитивно-прагматического фокуса смыслообразования.

При разработке каждого из обозначенных аспектов мы опираемся на понимание ценности как когнитивной единицы особого свойства, ведущим признаком которой является стереотипная природа. Сам процесс осознания ценности связан преимущественно с ситуативно обусловленной ассоциацией и, таким образом, относится к числу фреймовых конфигураций. Например, *Гордость въезжает верхом, а возвращается пешком* (Мокиенко 2010: 199) – фрейм «Гордыня», ре-

ализуется в условиях прозрачной внутренней формы событийного характера и в своём актуальном интегративном пространстве выражается в антитетическом балансе концептов «Победа – Поражение», и именно в аспекте данной когнитивной интеграции репрезентируется ценность «Скромность / Сдержанность» как прагматически обусловленный смысл, отличающийся от собственно концепта именно данной выраженной внешней этнокультурной обусловленностью. По сути сама паремическая формула является залогом этой **сложной синергетической связи знания, значения, оценки и характеристики**, которая и выливается в то, что мы понимаем как **стереотипное выражение ценности**.

Основа выше означенной гипотезы заключена в понимании процесса смыслообразования, генерируемого в знаках косвенно-производной номинации, в русле когнитивно-синергетической теории Н.Ф. Алефиренко, в соответствии с которой интерпретация действительности посредством языкового сознания приводит к трансформации «элементов концептуального сознания в языковые пресуппозиции, которые, подвергшись речемыслительным и модально-оценочным преобразованиям, воплощаются в культурно-прагматические компоненты языковой семантики. В результате таких трансмутационных процессов (от энциклопедических знаний через языковые пресуппозиции к языковому сознанию, объективированному системой языковых значений) формируются специфические для каждой национальной культуры идеальные артефакты – языковые образы, символы, знаки, заключающие в себе результаты эвристической деятельности всего этнокультурного сообщества. Как средства интериоризации продуктов мироустроительной жизнедеятельности определенного этноязыкового коллектива, его мироощущения, мировосприятия, мировидения и миропонимания, они являются базовыми концептами ментальности» (Алефиренко 2011: 32). К числу данных и д е а л ь н ы х а р т е ф а к т о в, на наш взгляд, относятся и ценности, которые наряду с образами и символами образуют ментальную сферу сознания, выполняя при этом не столько национально-специфическую, сколько национально-характеризующую функцию.

Действительно, сам состав ценностей культуры, получающий своё стереотипное воплощение в паремическом составе языка, вряд ли может быть оценен как специфическое образование. Вместе с тем, прагматический фокус паремической семантики обеспечивает репрезентированным ценностям ту самую ментально обусловленную оценку, которая и характеризует стереотипную сторону народного мышления. Причём, данная сторона мышления, как правило, напрямую не связана с собственно лексическим значением слов-компонентов, а скорее, мотивирована стереотипным восприятием категорий, обозначенных данными словами. Например, в пословицах (а) *День прошёл – ближе к смерти* и (б) *День долог, а век короток* репрезентирована ценность «Время» в двух её стереотипных моделях прагматической оценки: (а) 'время быстротечно' и (б) 'время бесценно', а пословицы

(а) *Будет время – всё минется* и (б) *Во время успел, как в иголку вдел* (Мокиенко 2010: 163) репрезентируют ценность «Судьба / Момент жизни» с оценкой 'дорог конкретный момент жизни' и ценности (а) «Терпение» и (б) «Своевременность действия». Соответственно, лексема *день* в своём обобщённо-темпоральном значении, – кстати, весьма характерном для фольклорного дискурса, – является ключевым фактором реализации внутренней формы, мотивирующей образ 'этапа жизни человека', а лексема *время*, в свою очередь, мотивирует образ 'конкретного момента жизни'. Данный эффект «обратной иерархии» понятий, характерный для языковой картины картины мира в части её темпоральной ориентации, в своё время был детально описан в работе Е.С. Яковлевой «Фрагменты русской языковой картины мира» (Яковлева 1994). В нашем случае описанный эффект весьма показателен и в качестве иллюстрации к проблеме неоднозначности тематического членения паремического фонда при выявлении собственно ценностных доминант, и как подтверждение стереотипно-оценочной природы ценностной семантики паремий.

Обращаясь к теории феноменологии концептов Н.Ф. Алефиренко в связи с попыткой уточнения когнитивного статуса ценности, следует обратить внимание на трактовку учёным ментальности как «познавательного кода», способствующего наследованию этнокультурной информации, и на характеристику особой роли в реализации данного кода, отводимой знакам косвенно-производной номинации. Как отмечает исследователь, «образование знаков вторичной номинации следует рассматривать с точки зрения их обусловленности когнитивно-прагматическими принципами, важнейшим из которых является принцип иконичности», а ведь именно «семиотическая ориентация дискурса на иконичность позволяет коммуникантам понимать информацию, имплицитно содержащуюся в знаках вторичной номинации» (Алефиренко 2002: 69). Действительно, семантика народных афоризмов является весьма привлекательным предметом рассмотрения в лингвокогнитивном исследовательском русле по ряду причин, одной из которых является сложная природа паремий как дискурсивных знаков, а ценностная ориентация паремической семантики выступает как особый семиотический фактор, расставляющий особые акценты во вторичном смыслообразовании.

Косвенно-производная номинация как механизм вторичного знакообразования, в целом, и фольклорная афоризация, в частности, – процесс аналитически разложимый, на каждом этапе которого мы имеем дело с определённой стороной вербализации социокультурного опыта, и у каждой из этих сторон своя ценностная ориентация. **Исходной точкой смыслообразования**, лежащего в основе формирования внутренней формы паремического высказывания, **является стереотипная ситуация**, осмысление которой связано с попыткой носителя языка установить закономерность связи наблюдаемого явления и его прагматической оценки, – причем, исходная ситуация может быть более или менее конкретизирована в своём собственно

референтном выражении (дейктической привязке к месту / времени / субъектно-объектной ориентации событий), но непременно связана с определённым культурно-значимым явлением – прагматически-ценностным ориентиром. Например, в пословице *Все мы говорим, да не всё по говорённому выходит* (Мокиенко 2010: 181) дейктическая привязка выражена крайне слабо, что приводит к высокой степени обобщённости значения. Отвлечённое от конкретно-бытового содержания ситуации значение в качестве исходно-образного посыла смыслообразования обусловлено внутренней формой ‘люди высказывают желание / намерение, спорят, утверждают желаемое’. В обозначенных абстрактно-образных рамках вербализуется гештальт, находящийся максимально адекватную для него языковую выраженность именно посредством обобщённо-безличной глагольной формы *говорят / говорим*, реализующей нерасчленённый смысл ‘мнение-желание-директива’. Данный смысл сближен со стереотипным восприятием речи как аргументарного воздействия, цель которого – утверждение желаемого порядка не только в сознании собеседника, но и в действительности. Эмоционально-чувственная составляющая данного гештальта заключается в ощущении ‘собственной правоты, основанной на эмоциональном подъеме от собственной речи’ – в своеобразном «речевом самогипнозе», отвлекающем автора утверждения от ‘роковой сущности судьбы’, выбирающей свой сценарий событий (*не всё по говорённому выходит*).

На втором этапе знакообразования складывается собственно афористическая формула высказывания, суть которой заключается в построении высказывания в соответствии с **особой логической структурой незаконченной аргументации**, которая может быть бесконечно интерпретирована в условиях конкретной дискурсивной организации (*не всё по говорённому выходит* – (1) ‘жизнь / общество не обязаны следовать твоим желаниям’, *не всё по говорённому выходит* – (2) ‘у других людей тоже есть свои желания и намерения’, *не всё по говорённому выходит* – (3) ‘никто не знает своего будущего’ и т.д.). И именно в ходе употребления пословиц в условиях конкретного речевого акта, ориентированного на определённые прагматические условия, осуществляется **третий этап семантизации косвенно-производного знака – смыслообразование** в условиях выделенной дискурсивной интенции. Например, (1) ‘слово – не закон’, (2) ‘каждый волен желать’, (3) ‘судьба непредсказуема’. Соответственно, именно на третьем этапе, в ходе дискурсивно-обусловленного смыслопорождения и формируется конкретная конфигурация фрейма, объективируемого паремическим высказыванием. Причем, центральным вектором внутренних модуляций фреймовых связей выступает ценностная ориентация паремического значения.

Описанный переход от аморфно-нерасчленимой сущности гештальта к системно-организованной структуре фрейма весьма показателен и в аспекте разграничения таких когнитивных единиц, как концепт и ценность, поскольку концепт в качестве элемента языкового

сознания рассматривается как «первичная оперативная единица когнитивной семантики», определяемая Н.Ф. Алефиренко следующим образом, – «семантический эмбрион, или смысловой ген значения языкового знака, напоминающий парен (вещество без структуры), некий первозданный кисель (метафора В.В. Колесова), служащий “строительным материалом” для всех познавательных структур. Будучи элементами сознания, понятие (conceptus) и концепт (conceptum) служат смысловым и конструктивным ядром любого концептуального пространства (концептосферы), в том числе и языкового сознания. Это выражается в том, что они замыкают на себе всю систему смысловых координат сознания в его парадигматических, синтагматических и этнокультурных связях» (Алефиренко 2004: 63).

Исходя из подобного понимания, ранее приведённый пример пословицы *Все мы говорим, да не всё по говорённому выходит* позволяет рассмотреть следующую поликонцептуальную структуру: антитетический концепт «Желаемое – Действительное» и концепт «Судьба» в их интегративном взаимодействии в составе фрейма «Жизнь» в части слота «Законы жизни». Статус же ценности в когнитивном основании данной паремии имеет «Объективное мышление» – когнитивная единица, стимулирующая синергию внутренней формы исходя из сугубо прагматического назначения высказывания – трансляция этнокультурного стереотипа ‘цени не разговоры, а результат дела’. Получается, что **ценность – результат, по сути, вторичной вербально-когнитивной деятельности, своеобразная рефлексия сознания, опосредованная стереотипом культуры. Можно сказать, что ценность проецирует социальный опыт на образ мышления, выступая в качестве элемента саморегуляции лингвоязыковой синергии.** Как отмечает Н.Ф. Алефиренко, «в целом смыслопорождающая роль знаков как элементов языкового сознания состоит в том, что они являются средством осуществления интериоризации, превращения внешнего во внутреннее, то есть “вращивания” образов познаваемых (внешних) объектов внутрь нервно-мозговой системы» (Алефиренко 2004: 64-65). Собственно интериоризация, как нам видится, и приводит к формированию ценности именно как этнокультурно обусловленной когнитивной единицы, суть этнокультурной значимости которой заключается не в уникальности вербального воплощения, а в индивидуальности когнитивно-дискурсивного смыслообразования, ведущего к доминированию в фреймовом основании паремического высказывания определённого смыслового содержания, репрезентируемого в условиях дискурсивно обусловленной прагматической оценки.

Рассмотрим один из примеров дискурсивного включения рассматриваемой пословицы: «Без купюр: эссе Владимира Теребихина о выборе товара на политическом рынке», опубликованное на сайте «Коми онлайн» от 10.11.2011 г.

Уважаемые граждане – избиратели!

В последние годы в республике наряду с потребительским, финансовым, рынком труда, рынком недвижимости и другими «рынками» сформировался еще один – «политический рынок» – как система производства и распределения политических товаров и услуг, обеспечивающая согласование интересов продавцов (партий, политиков, политтехнологов) и покупателей (избирателей, граждан) в условиях относительно свободной конкуренции. Для тех избирателей, которые, не хотят глубоко вникать в тонкости предвыборных программ, но желают принять участие в выборах и в выборе «политического товара», рекомендую вспомнить народную мудрость, отраженную в пословицах и поговорках, афоризмах, максимах. Например: «не верь чужим речам, а верь своим очам», «мало хотеть – надо уметь», «не заглядывай человеку в лицо, а заглядывай в сердце», «язык мой, а речи не свои говорю», «не суди об арбузе по корке, а о человеке, по костюму», «когда речь держит лисица, пусть ее хорошенько обдумывают петухи», «наиболее полезно то, что наиболее справедливо», «дела важнее слов», «большие обещания – уменьшают доверие», «все мы говорим, да не все поговоренному выходит»,...и т.д. (<http://next.komionline.ru/news/30521>).

В данном контексте ценностная акцентуализация фрейма обусловлена прагматической рекомендацией, которая под влиянием конкретной дискурсивной интенции выражается в напутствии 'не верить словам – верить делам', что в результате способствует объективации ценности «Верное слово». В другом же контексте (Анна Турусова *Провинциальный интеллигент / Международная литературно-публицистическая газета. №6,7 (11-12), июнь-июль 2010 г., – С.1.*) частично трансформированное высказывание репрезентирует уже ценность «Справедливость»: *Проходили не месяцы, годы. Соседка уже не советовала, а откровенно посмеивалась:*

– Скоро, Григорыч, новую квартиру получишь. Ты в передовиках, тебе раньше всех дадут. Так мужики говорят.

– Пусты уши в люди, всего наслушаешься. То, что говорят, Шура, проверять надо, – уходил от ответа отец. – Говорим мы много, да не всё выходит по-говоренному.

– Будет заливать-то. Все знают, что ты в списке....

Подобные ценностные модуляции находятся в русле такого явления текстовой поэтики, как имплицитность, которая «формируется многоканальной когнитивно-синергетической природой образного дискурса» (Алефиренко 2011: 114). При этом собственно смысловые приращения выстраивают своеобразный «второй план» паремической семантики, в соответствии с которым и реализуется её аксиологический потенциал.

Таким образом, когнитивный статус ценности характеризуется рядом параметров, выделяющих её в ряду когнитивных единиц, репрезентируемых паремиями. К числу этих особых свойств относятся

1) стереотипно-оценочный характер содержания (прагматический фактор),

2) вторичность вербально-когнитивной объективации (когнитивный фактор) и

3) имплицитный характер смысловой реализации (дискурсивный фактор). Все указанные параметры и позволяют предположить, что ценность занимает особое место в ряду когнитивных доминант языковой картины мира, выступая в качестве своеобразного фокуса синергии языка, сознания и культуры.

Литература

Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурная природа ментальности // Язык. Словесность. Культура – М.: Изд-во «Аналитика Родис», 2011. №1. С. 23-43.

Алефиренко, Н.Ф. Методологические основания исследования проблемы вербализации концепта // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. 2004. №2. С. 60-66.

Алефиренко, Н.Ф. Событийная синергетика имплицитности текста в лингвопоэтическом освещении // Вестник ТГГПУ. 2011. №1(23). С. 114-119.

Алефиренко, Н.Ф. Этноязыковое кодирование смысла в зеркале культуры // Мир русского слова. Спб., 2002. №2. С.60-74.

Даль, В.И. Пословицы русского народа. – М.: Изд-во ЭКСМО, Изд-во ННН, 2005. 616 с.

Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г., Николаева, Е.К. Большой словарь русских пословиц / под общ.ред В.М. Мокиенко. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. 1024 с.

Яковлева, Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени, восприятия). М.: Гнозис. 344 с.

Summary. The problem of the linguocognitive status of value in line with the cognitive-synergetic theory of N.F. Alefirenko is explored. The basic properties of the value as linguocognitive category are described. The stages of indirectly derivative category, with use of author's methodology of cognitive-pragmatic modeling, are detailed. Pragmatic and discursive features of representation of the value in the context of proverbs are characterized.

Key words: proverb, value, concept, frame, discourse.

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПТА «ВЛАСТЬ» В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

О.Н. Прохорова, И.В. Чекулай

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
prokhorova@bsu.edu.ru

Термин «внутренняя форма», введённый ещё А.А. Потебнёй, завоевал прочные позиции в современных семантических исследованиях. Однако содержание этого термина подвергается постоянному переосмыслению в силу диалектической противоречивости этого научного понятия. Как отмечает Н.Ф.Алефиренко, «признание за внутренней формой семного статуса ставит перед исследователями новые вопросы, и прежде всего о том, к какому ярусу языкового значения она относится – денотативному, сигнификативному или коннотативному?» (Алефиренко 2005: 135). Эта проблема до сих пор остаётся одной из важнейших проблем лингвистической семантики.

На наш взгляд, проблема состоит не собственно в онтологических параметрах внутренней формы, а в её статусе свойства лексических и фразеологических единиц, определяющего их семантическую, функционально-прагматическую, а в конечном счёте и дискурсивно-коммуникативную специфику. Более того, такая специфика обусловлена теми структурами знания, которые формируют содержательное ядро данных единиц языка и речи. Следует отметить, что существуют и такие структуры знания, которые отражают как предметное содержание, так и обладают широким спектром интерпретационных оценочных потенциалов, позволяющих языковым единицам, означивающим данные структуры знаний, интенсивное функционирование в конкретных ситуациях общения, а тем самым и обуславливающих их прочное место в ряду такой области культурно-языковых знаний, как паремиологический фонд языка. Одной из таких структур знаний является концепт «Власть».

Рассмотрим его структурирование и паремиологический потенциал в русской и английской языковых картинах мира.

У русского народа всегда было особое отношение к власти. Но, очевидно, это особенность не только русского народа, а универсальная черта человеческого менталитета в целом, поскольку вопрос о власти, начиная от власти старейшин первобытного общества и кончая властной структурой XXI века, всегда был одной из важнейших проблем функционирования социального организма.

В Священном Писании встречается много апелляций к данной проблеме, и все они имеют далеко неоднозначное решение. Интересная трактовка отношения к власти встречается в частности, в Евангелии от Матфея:

Больший из вас да будет вам слуга: ибо кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится (Матф., Гл. 23, ст.11-12).

Власть как таковая всегда находилась в двойственном, щекотливом положении; с одной стороны, необходимо удерживать своё господствующее положение, а с другой стороны, необходимо если не заигрывать с подданными, то, по крайней мере, суметь не перегнуть палку в отношениях власть имущих и людей. Именно по этой причине народ, видящий это двойственное положение, в зависимости от ситуации по-разному относится к власти. Это всё находит отражение и в системе языка в целом, и в фразеологической системе языка, в частности.

Переходя к языковому осмыслению данного явления, считаем необходимым обратиться к словарным дефинициям данного термина в русском языке:

1. Право управления государством, политическое господство, права и полномочия государственных органов.
2. Органы государственного управления, правительство, должностные лица, начальство.
3. Право и возможность распоряжаться, повелевать, управлять кем-либо или чем-либо.
4. Могущество, господство, сила. *Ваша власть* –

как вам угодно, ваше дело. *В моей (твоей, его и т.д.) власти* – зависит от меня, касается меня. *Во власти* или *под властью* – под воздействием, под влиянием. *Отдаться во власть, отдаться или предаться власти* – подчиниться кому-либо или чему-либо, оказаться под воздействием кого-то или чего-то. *Терять власть над собой* – терять самообладание. Глагол “властвовать” используется в значениях управлять, править (страною, государством), подчинив своей воле, распоряжаться кем-либо или чем-либо, управлять, оказывать воздействие, подчинять своему влиянию (Ожегов 1990: 183–184).

В английском языке слово *power* употребляется в следующих значениях:

1 способность делать что-то или действовать... 2 определенная способность (свойство) человеческого тела или ума... 3 а правление, влияние или авторитет; б политическое или социальное господство или контроль... 4 санкция, делегированный авторитет... 5 персональное господство; б влиятельный человек, группа или организация... 7 а военная сила; б государство, имеющее международное влияние, особенно основанное на военной силе... 8 сила, энергия; 9 действующее свойство или функция чего-либо... 10 разг. большое число или количество чего-либо... 11 возможность использовать механическую силу или делать какую-то работу (*лошадиная сила*). 12 механическая или электрическая энергия (в отличие от ручного труда)... 13 а доставка (особ. электрической) энергии; б определенный источник или форма энергии (гидроэлектрическая энергия); 14 используемая механическая сила... 15 физ. показатель выходной мощности; 16 продукт, полученный в результате увеличения (умножения) какого-то числа в несколько раз... 17 увеличительная способность линз...” (Oxford 1996: 1135–1136).

Как нетрудно заметить, в основе этих дефиниций лежит такой деонтологический категориальный концепт, как «Возможность», «Способность». Действительно, человек или группа людей, обладающих властью в социуме в целом или в определенной области развития данного социума, всегда имеют какие-то дополнительные возможности по сравнению с «простыми» людьми.

С другой стороны, очень важным семантическим компонентом, слагающим понятие «власти», является концепт «Сила». Именно в этой области наблюдается большое количество метафорических и метонимических переносов, как правило, представленных ассоциациями с определёнными лицами или животными. Так, в русском языке очень много пословиц представлено концептом «Царь», в частности:

Народ – тело, царь – голова.

Нельзя земле без царя стоять.

Царь думает, а народ ведаёт (Даль 2007: 199-200).

То же следует сказать и об английском языке, где соответствующий, но не совпадающий по семантическим параметрам концепт «*King*» имеет аналогичные семантические функции, в частности:

*The King can do no wrong.
Kings go mad, and the people suffer for it.
Kings have long arms* (Кунин 2006: 531).

Что же касается анималистической семантики в области фразеологии, отражающей концепт «Власть», подавляющее большинство случаев относится к метафоре власти в знаковой форме таких животных, как лев и орёл (или иная хищная птица), как в русском, так и в английском языке. Это, очевидно, явная семиотическая универсалия, поскольку символика орла (Российская Федерация, США, Соединённые Штаты Мексики, Австрии и многих других стран) является характерной чертой оформления гербов государств. Но то же можно сказать и о льве (Соединённое Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Чешская Республика и др.). Примечательно, что ни в русском, ни в английском языках данная семантическая черта не нашла яркого отражения в семантической структуре фразеологических единиц. Тем не менее, отдельные случаи употребления лексических единиц, отражающих данные концепты, находят отражение в устойчивых словосочетаниях английского и русского языков в несколько иной имплицитации: неустойчивого, опасного положения в контакте с кем-то сильным, обладающим властью, в частности:

The lion is not so fierce as he is painted (ср.: англ. *The devil is not so black as he is painted*, рус. *Не так страшен чёрт, как его малюют*).

В принципе, семантика власти весьма обширна для того, чтобы передать все её тонкости в пределах одной статьи. В связи с последним представляется целесообразным остановиться только на одной стороне семантических категориальных признаков данных концептов в их отражении в фразеологической системе языка, а именно, на аксиологической специфике фразеологических единиц с данными компонентами. Что же касается предметного содержания концепта «Власть», то мы хотели бы остановиться на прототипическом значении, наиболее часто ассоциируемого в связи с данной лексической единицей, а именно – на государственной власти.

Как известно, аксиология является составной частью философских знаний, предметом которой являются ценность и оценка как порождения человеческой мысли в отражении внешних феноменов. Мы намеренно не говорим «оценочная специфика фразеологизма», поскольку, как будет показано дальше ценность и оценка не суть одно и то же. Ценность является квалификационным представлением о людях, живых существах, вещах, природных и социальных феноменах и тому подобному, а оценка – это отражение ценности в формах экспликации человеческих знаний, и прежде всего – в форме языковых единиц, в том числе и фразеологических. Поэтому следует различать ценностное содержание определённых концептов и их оценочную экспликацию, которую и следует назвать оценкой (Чекулай 2006).

С этих позиций «Власть», несомненно, является ценностью. Можно по-разному судить об одном и том же временном состоянии дел в государстве, непосредственно связываемым с людьми, стоящими

у его руля, и, как правило, так и происходит. В частности, в русском менталитете по-разному оцениваются периоды пребывания в должности Генерального секретаря КПСС И.В.Сталина, Н.С.Хрущёва, Л.И.Брежневца, М.С.Горбачёва, равно как и пребывание последнего в роли Президента СССР, а Б.Н.Ельцина – Президента РФ. Одни люди говорят, что Сталин был преступником, а другие – что он спас страну от Гитлера; одни говорят о застое, а другие – о стабильности в годы брежневского правления; одни одобряют курс Горбачёва на перестройку и открытость, а другие говорят, что он отдал страну на растерзание Западу. Оценки разнятся, но объективно состояние государства в годы правления определённого человека представляет собой историческую ценность.

Такая ценностная специфика концепта «Власть» получает очень противоречивые оценочные импликации в форме фразеологических единиц языка в абстракции концепта «Власть» от определённого периода в правлении той страны, в языке которой существуют такие паремии. Наиболее важным в исследовании данного феномена, по нашему мнению, является то, что, независимо от страны и языка, независимо от общего взгляда на историю государственной власти в стране фразеологическая система отражает ценностную и оценочную многогранность этого понятия. Обратимся непосредственно к устойчивым единицам английского и русского языков.

Как отмечалось выше, наиболее стабильная метонимическая модель связывает власть с правителем или иным главным лицом в иерархии государственной системы. В русском языке это «Царь», а в английском – «King».

К царю-батюшке люди относились по-разному, что и нашло отражение в таких специфических пословицах:

Положительное оценочное содержание:

Нельзя земле без царя стоять.

Без царя – земля вдова.

Царь города бережет. Царь от Бога пристав и др.;

Противоречивое оценочное содержание:

Не судима воля царская.

У царя руки долги. Царский глаз далече сягает.

Близ царя – близ смерти. Близ царя – близ чести и др.

Отрицательное оценочное содержание:

Царь не огонь, а, ходя близ него, опалишься.

Царю из-за тына не видать.

Царские милости в боярское решето сеются (Даль 2007: 199-201).

В английском языке количество пословиц с вершинным лексическим компонентом *king* намного меньше, нежели в русском, но и эти показатели дают достаточно объективную картину противоречивой оценочной квалификации высшей государственной власти:

Положительное оценочное содержание:

The king can do no wrong.

Отрицательное оценочное содержание:
Kings go mad, and the people suffer for it.
Kings have long arms (Кунин 2006: 532).

Говоря о принципиальной гомогенности неоднозначного отношения к высшей государственной власти в оценочно-фразеологической картине мира в английском и русском языках, следует, однако, заметить, что в русском языке выделяются две важные фразеологические сферы, о существовании которых в английской фразеологии в системном виде говорить едва ли можно. Это сферы отношения царя к Богу и к своему близкому окружению.

Бог как высшая абсолютная и тем самым наиболее справедливая власть всегда представляется носителем положительного оценочного отношения к власти. Царь же может выступать либо в качестве верного слуги и соратника Господня, либо же он предстаёт в антитезе Богу, поскольку царь – это человек с его слабостями и недостатками. Именно поэтому пословицы этой частной сферы можно разделить на две группы:

– Царь – соратник Бога, его представитель на земле:

Бог помилует, а царь пожалует. Бог помилует, так и царь пожалует.

Кто Богу не грешен, царю не виноват.

Всё во власти Божией да государевой.

Без Бога свет не стоит, без царя земля не правится и др.

– Царь – не Бог, а человек со слабостями:

Народ согрешит – царь умолит; царь согрешит – народ не умолит.

Суд царев, а правда – Божия.

Без правды боярской царь Бога прогневит (Даль 2007: 199-201).

Здесь также можно условно выделить частную сферу, где отношение к царю в связи с его ролью как главного Божьего слуги противоречиво и зависит от той ситуации. Где эксплицируются данные фразеологические единицы:

Одному Богу государь ответ держит.

За царское согрешение Бог всю землю казнит, за угодность милует.

Коли царь Бога знает, Бог и царя, и народ знает (Даль 2007: 200).

Другая важная оценочная сфера ценностного отношения к высшей государственной власти как единой аксиологической сущности является отношение царя и его близкого окружения, прежде всего, тех прочих государственных деятелей и даже просто царской обслуги, которые прямо или косвенно оказывают влияние на государственную политику. В русском менталитете сложилось достаточно устойчивое мнение о том, что благие намерения правителя всегда искажаются его

приближёнными, ищущими личную выгоду, и на эту тему существует достаточно большое количество пословиц, в частности:

Жалует царь, да не жалует псарь. Воля царю дать ино и псарю.

В этой пословице отражается известная историческая аллюзия на опричнину во времена правления Ивана Грозного. Как известно, своего рода эмблемой опричнины была метла с собачьей головой, за что их в народе и прозвали «псарями».

Интересны и другие многочисленные пословицы данной оценочной сферы:

Не от царей угнетение, а от любимцев царских.

Не бойся царского гонения, бойся царского гонителя.

Царю из-за тына не видать.

Царь гладит, а бояре скребут.

Не князь грешит, а думцы наводят и др. (Даль 2007: 200-201), ср. также в украинском *Не так страшні пани, як підпанки*.

В отношении простого народа к «промежуточной» власти также наблюдаются черты, общие и в русском, и в английском менталитете, и это находит отражение в устойчивых словосочетаниях. В целом можно утверждать, что и у русского, и у английского народов в целом сложилось отрицательно-недоверчивое отношение к власти предрержащим. Здесь можно выделить следующие ценностно-оценочные понятийные сферы:

– суд и юриспруденция: в русском языке *Не бойся закона, бойся судьи; Закон как дышло: куда повернёшь – туда и вышло; Законы святы, да законники супостаты*, в английском языке *as grave as a judge* (т.е. надутый, важный); *devil's advocate* (злостный критикан, злопыхатель);

– высшее военно-морское начальство: в русском языке *Красная нужда – дворянская служба; Не довернёшься – бьют, и перевернёшься – бьют* (солдатская пословица со значением «Начальству не угодишь»), в английском языке *The admiral of the red* (военно-морской фразеологизм, означающий пьяницу, обычно высокого ранга);

– начальник безотносительно сферы деятельности: в русском языке *Я начальник – ты дурак, ты начальник – я дурак; Хоть начальник, да твой начальник; Из грязи да в князи; Кто в кони пошёл, тот и воду вози!*

В английском языковом менталитете концепт, соответствующий русскому «Начальник», не выражен столь чётко, как в русском понимании слова, выражающего данный концепт. В российском сознании это даже не составная часть концепта «Власть», а особый концепт, важная составляющая единого мировоззрения на общество. В концепт «Начальник» вполне можно включить такие частные концептуально-культурные данности, как «Чиновник», «Милиционер» (в особенности в клише «Гражданин начальник»), «Шеф» и некоторые другие. В просторечии даже в обращении, например, к водителю маршрутного

такси употребляется лексема *командир*, отражающая данный концепт. В английском языке лексическое поле для выражения представителя частного проявления власти не является столь обширным, и поэтому количество фразеологических единиц с использованием соответствующих лексем в этом языке также в целом малочисленно. Среди ярких примеров их использования можно указать следующие:

Lord and master (шутл. супруг и повелитель; хозяин, глава), *New lords, new laws* (приблизительно соответствующее русскому «Новая метла по-новому метёт»); *Like master, like man* («Каков хозяин, таков и работник»); *Serve two masters*.

Хотелось бы отметить ещё одну важную общую черту, отмечающую фразеологические единицы, обозначающие представителя частной формы власти, в английском и русском языках; а именно высокая степень их метафоричности. Для обозначения начальства используется достаточно большое количество лексем из семантических сфер растительного и животного мира, например *Большая шишка*, *Большой перец*, *Вожак стаи*, *Big fish / big dog / big bug* и многие другие.

Таким образом, высокий паремиологический потенциал концепта «Власть» в русском и английском языках обусловлен спецификой распределения денотативных и коннотативных характеристик этого явления общественной жизни, что, в свою очередь, обусловлено высокой степенью значимости власти как действенного, справедливого, принципиального и в то же время достаточно гуманного инструмента влияния на жизнь простых людей, которые и составляют основной массив создания умных и метких высказываний на темы их повседневной жизни.

Литература

Алефиренко, Н.Ф. Спорные проблемы семантики: монография. – М., Гнозис, 2005. С. 326.

Ожегов, С.И. Словарь русского языка. 23-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1990. 917 с.

Даль, В.И. Пословицы русского народа. – М.: Азбука, 2007. 98 с.

Кунин, А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. – Изд. 5-е, перераб. – М.: Русский язык медиа, 2006. 1210 с.

Чекулай, И.В. Ценность и оценка в категориальной структуре современного английского языка: Дис. ... д-ра филол. наук, Белгород, 2006. 472 с.

The Oxford English Reference Dictionary. – Oxford: Oxford Univ. Press 1996. 1728 p.

Summary. The article deals with the problem of distribution of the inner form of the words within the paremiological units belonging to the Russian and English linguistic cultures. The idea is expressed that rich paremiological potentials of using the concept “Power” is inherent in both cultures due to the application of the inner form to the spheres of both denotative and connotative meaning which content is determined by the complex value structure of the concept with the consequent rich possibilities of expressing evaluative reference in the form of set-expressions in both languages.

Key words: inner form, paremiology, set expressions, concept, linguistic culture, value, evaluation.

ЦЕННОСТЬ КАК ФАКТОР МЕНТАЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМА ОЦЕНОЧНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПАРЕМИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

Г.А. Лисицына

Россия, г. Старый Оскол, МОУ «СОШ №20»
gl-88@list.ru

Ментальность – одна из важнейших категорий современной когнитивной лингвокультурологии, связанная с проблемой социокультурной обусловленности сознания и с «такими когнитивно-культурологическими понятиями, как «познание», «духовность», «менталитет» и «концепт» (Алефиренко 2011: 24). Лингвокогнитивный характер ментальности отличает её от категории собственно менталитета как «стереотипной установки наивной картины мира», которая представляет собой особенность мышления отдельного человека как личности и как представителя того или иного сообщества (возрастного, религиозного, национального и т.д.).

Анализировать ментальность как категорию лингвокультуры позволяет тот факт, что она представлена «системой языковых средств выражения мировосприятия, характерного для этнического сообщества» (Семененко 2011: 340) и обусловлена «синергетическим восприятием мира сквозь призму взаимодействия языка, сознания и культуры» (Алефиренко 2011: 38). Соответственно, обращаясь к ценности как фактору ментальности, мы учитываем и собственно языковую, и лингвокультурную и когнитивную сущности ценности культуры.

Н.Ф. Алефиренко в своём понимании сущности категории ценности и её связи с национальным менталитетом предлагает концепцию ценностно-смыслового пространства языка как ценностно-символической деятельности, выраженной в языке и основанной на ценностях как сугубо культурологических категориях, выделяя в их системе общечеловеческие, национальные, групповые, семейные и индивидуально-личностные (Алефиренко 2010: 9-13).

Действительно, ценность – это «движущая сила» концептуализации как «процесса поиска смысла», реализующийся «в контексте социальной жизни» (Фрумкина 2001: 63), поскольку ценности осознаются человеком именно исходя из жизненного опыта и соотношения традиции с реальными фактами и событиями культуры.

Другим аспектом лингвокультурологической сущности ценности, в котором также проявляется связь когнитивного и прагматического факторов культуры, является ценностная репрезентация как «вербализация когнитивных единиц: концептов, категорий, понятий, фреймов и т.д., – содержательно соотносимых с ценностями культуры, бытия, социума и человека» (Семененко 2011: 274). В этом смысле для осознания роли ценности в формировании национальной ментальности важно разграничивать концептуализацию как

1) способ видения мира, выраженный в языке (Урысон 1998: 3), и как

2) отражение в языке объективного мироустройства (Апресян 1995: 39).

В первом из обозначенных ракурсов концептуализация – это результат работы языкового сознания по формированию картины мира в разных её аспектах, а во втором понимании она соотносима с понятием самоосознания культуры посредством языка. Как нам кажется, обе эти составляющие концептуализации важны для понимания ценностной репрезентации семантики языковых единиц как процесса выражения содержания сознания (концептов) через традиции и стереотипы культуры.

Действительно, ценностные ориентации являются важным компонентом передающегося по наследству традиционного знания каждого представителя этноса. Значимость ценностных ориентаций в жизни того или иного этноса обусловила их «кодирование» в системе национального языка. Особую роль в этом когнитивно-семиологическом процессе играют паремии как единицы косвенно-производной номинации, в контексте которых смысл выражается с опорой на умозаключение.

Паремическое умозаключение – это та когнитивная «сила», которая организует семантическую структуру пословиц в соответствии со стереотипными оценками, существующими в национальной культуре. Как отмечает Н.Ф. Алефиренко, «языковая репрезентация мыслительных структур... не сводима к лексическим средствам вербализации действительности. На эту особенность языковой репрезентации мира указывал еще В. Гумбольдт. Ученый писал, что каким бы богатым ни был словарь, он не в состоянии представить во всей полноте концептосферу того или другого народа, поскольку большинство концептов вербализуется в процессе семантического развертывания слов в составные (описательные) структуры так называемого дескриптивного или метафорического выражения» (Алефиренко 2006: 110). Именно иносказательность пословиц, сочетающаяся с актуальностью, метафоричностью и прозрачностью их внутренней формы (см. Семенов 2011: 162), позволяет говорить о тексте паремий как об уникальной среде для ценностной концептуализации.

Оценочная интерпретация значения пословиц – достаточно эффективный приём анализа аксиологического содержания пословиц, поскольку «оценка – это универсальный способ утверждения ценности как таковой, а оценочный смысл – проводник к ценностно-смысловому восприятию мира» (Семенов 2015: 55). Соответственно, оценочная интерпретация может рассматриваться как один из приёмов моделирования ценности.

В данном исследовании мы опирались на принципы когнитивно-прагматического моделирования ценностной семантики пословиц, в числе которых – учёт тематического единства паремий, обеспечивае-

мого лексической общность репрезентации ценностного концепта. Например, тематическая группа пословиц «Наследство-Подарок», выделенных В.И. Далем в его сборнике «Пословицы русского народа», включает 42 единицы и может быть условно поделена на несколько микрогрупп в зависимости от характера концептуализации лексем, номинирующих определённые ценности.

В целом, данная тематическая группа может быть интерпретирована как своеобразная репрезентативная модель поведения субъекта в обществе, чаще всего – в семейном кругу или среди близких родственников в ситуации осмысления роли наследства или иного материально выраженного дара. Набор компонентов этого ментального образования, иерархия выделяемых ценностей и их концептуальная интеграция являются предметом лингвокультурологического описания, поскольку позволяют понять логику оценки значимых для этнокультуры категорий.

Смысл, который репрезентируют вербализаторы концепта «Подарок», ситуативен и способен вызывать в сознании преподносящего или принимающего сам подарок ассоциации с конкретным событием, местом, человеком, объектом и т.д. Он не всегда равнозначен в отдельных лингвокультурах и включает в себе сообщение для одариваемого, свидетельствует о принадлежности одариваемого и дарителя к определенной социальной сети отношений, подразумевает зоны его использования. Всё это указывает на интерпретативную глубину и многомерность лингвокультурного концепта «Подарок».

Анализ паремиологических единиц отмеченной тематической группы (Даль 1989: 291) имеет своей целью выявление стереотипной оценки норм и правила дарения и принятия подарков, влияющих собственно на ценностное восприятие тех или иных явлений и элементов культуры. Например, этнокультурный смысл 'не принято отказываться от подарков или обсуждать подаренное' реализуется в пословице

1) *Даровому коню в зубы не смотрят* или в пословице

2) *Чем дарят, тем не корят*. В первом случае ценность «Подарок» осмысливается через интеграцию с концептами «Дармовой» и «Требовательность / Придирчивость», а во втором случае наблюдается интеграционная модель «Подарок» – «Упрёк» – «Благодарность». Соответственно, пословица (1) может быть отнесена к микрогруппе «Ценность подарка – в его дармовщине» вместе со следующими пословицами:

*Даровое лычко лучше купленного ремешка,
Дар – не купля: не хаят, а хвалят,
Всяк дар в строку.*

Близка по смысловому содержанию к предыдущей, но несколько отличается своей прагматической коннотацией ценностная интерпретация «Подарка», выраженная в микрогруппе «Ценность подарка – в проявленном внимании\уважении»:

И малый подарок не наклад,

Дома-то и не голод, да подарок дорог. Прагматический нюанс ценностной репрезентации в приведённых пословицах заключается в поддержке стереотипа 'дёшево, но приятно'. Вообще, исходя из стереотипной паремической прагматики, всё, что достаётся даром (в том числе и подарок), 'лучше и дороже, чем что-то купленное'.

Пословица (2) относится к микрогруппе «Ценность подарка – в искренности и бескорыстности дарящего» вместе со следующими пословицами:

На тебе, Боже, что нам не гоже,

Дареное назад не берут. Да и в целом, как показывает анализ тематической группы, оценочная характеристика «Подарка» в русском языковом сознании нередко раскрывается через компонент семантики 'не выпрошен':

Не дорог подарок, дорога любовь,

Дорог подарочек не выпрошенный.

Следующая микрогруппа организуется вокруг репрезентированной ценности «Подарок» в её интегративной связи с концептуальным синсемантом (см. Семененко 2011: 28-29) «Любовь / Уважение» посредством актуализации семы 'от дорогого человека' и может быть обозначена следующим образом – «Ценность подарка – в демонстрации чувств и привязанностей»:

От мила куманька черепок да латка, и то подарочек,

либо 'для дорогого человека:'

Для милого дружка и сережка из ушка.

Кого люблю, того и дарю,

*Кого любишь, того сам даришь, а не любишь, и от него не при-
мешь,*

Кума не мила – и гостинцы постылы,

Не любя кума – и гостинцы не милы,

От матушки отопочки, от бабушки ошметочки, и то почти за подарочек. Наблюдается в данной микрогруппе и оценочная характеристика «Подарка» через метонимизацию 'отношения человека к человеку' и 'отношение человека к подарку': *Не дорог подарок, дорога любовь.*

Следует отметить, что приём метонимического олицетворения используется в пословицах для своеобразного «уплотнения» образа «Подарка», ценного в качестве 'побуждения к ответному жесту':

Подарки любят отдарки,

Дар дара ждет.

Приведённые пословицы могут быть объединены в микрогруппу «Ценность подарка – в формировании уважительной модели поведения» вместе с пословицам

Любишь подарки, люби отдарки,

Подарки принимать, так отдариваться,

С кем обсылаешься (подарками), с тем и посчитаешься.

Интересны также микрогруппы пословиц, в которых ценностная репрезентация осуществляется посредством ироничной формулы:

Разорился парень бедный: купил девке перстень медный,
или саркастического приёма:

Удобрялась мачеха до пасынка: велела в заговенье все щи выхлебать. Выражаемый смысл в двух последних пословицах может быть представлен как контоминация смысла, объединяющего микрогруппу «Ценность подарка – в демонстрации чувств и привязанностей» со смыслом, выраженным в микрогруппе «Ценность подарка – в проявленном внимании\уважении», – но оценочный вектор последнего смысла прямо противоположен традиционно выражаемому, так как ‘дешёвый подарок для дорогого человека’ – это антиценностная характеристика, что не оправдывается даже ценностным принципом, выраженным в ранее упомянутой пословице *Не дорог подарок, дорога любовь*. Можно сказать, что в данном случае мы наблюдаем полярные оценки одного и того же типического события, а ценность измеряется сообразно конкретной ситуации и определённому стереотипному углу зрения.

Вообще, принцип ‘а это как посмотреть’ – это один из ведущих принципов, характеризующих пословичную прагматику независимо от тематической направленности паремий. Хорошо виден он и в следующих примерах:

- 1) *Подари-то помер, а остался в живых брат его, купи,*
- 2) *Шаром да даром хорош табачок, а на денежку купишь – зелен,*
- 3) *Подаришь уехал в Париж (а остался один купишь).*

В пословице (1) выражен стереотип ‘хорошего от людей не дождёшься’, а ценностная репрезентация заключается в реализации смысла ‘подарок хорош сам по себе’, так же как и пословице (3), а в пословице (2) при сходном смысловом выражении ценности реализован иной стереотип: ‘качество дармового неважно’.

Описанные стереотипные позиции позволяют отнести пословицу (2) к ранее выделенной микрогруппе «Ценность подарка – в его дармовщине», в то время как пословицы (1) и (3) относятся, скорее, к микрогруппе «Ценность подарка – в том, что в наше время он редок», потому и возникает эффект «внутреннего диалога пословиц» при сопоставлении данной паремии с ранее упомянутой *Дар – не купля: не хаят, а хвалят*.

С учётом всех описанных смысловых нюансов оценочной интерпретации можно отметить, что проведённый анализ коннотативного компонента паремической семантики позволяет выявить следующие особенности ценностной репрезентации:

- 1) влияние стереотипных суждений, выраженных в пословице на реализацию ценностного смысла, что сказывается на дискурсивном потенциале пословиц;
- 2) неоднозначность оценки вполне очевидного ценностного содержания, что обусловлено этнокультурной функцией пословиц как

средств трансляции «важных для культуры нравственных доминант» (Семененко 2015: 56);

3) многомерность и ситуативную обусловленность ценностного смысла, выраженного в пословице, позволяющие раскрыть новые содержательные стороны общенациональных ценностей;

4) обусловленность ценностного смысла, выраженного в пословице, **прагматическим комплексом значения паремии** (см. Семененко 2011: 344-345).

Последняя особенность ярко проявляется в тех паремиях, которые затрагивают «двусмысленные» ценностные категории, то есть явления, разные стороны которых могут трактоваться как ценностные и как антиценностные. Например, в рассмотренной нами тематической группе выделяются несколько пословиц, в которых «Подарок» осмысливается с позиции полярных представлений о ценностях: *С кем обсылаешься (подарками), с тем и посчитаешься* – ‘подарок желанен, но может стать дорожкой, так как нужно отдарить’, тоже самое в пословице *Не пей, кума, дарового вина: придет дорожка купленного (надо отпотчевать)*. В пословице *Что нам не мило, то попу в кадило* сталкиваются ценность «Подарок / Жертвование» и антиценность «Взятка / Индульгенция» в условиях реализации стереотипа ‘тебе Боже, что нам не гоже’.

Интересны в плане описания прагматических нюансов трансляции ценностей посредством текста паремии и следующие присказки:

Малое принимайте, а большому сроку дайте (при гостинце, подарке) и

На малом не взыщите, большого не ищите (то же), призванные в ходе речевого оформления ритуального акта дарения актуализировать смысл ‘не взыщите за то, что недорого’, репрезентирующий интегративное взаимодействие ценностных концептов «Бескорыстная благодарность» и «Скромность дарящего».

Таким образом, помимо многообразия и определённой противоречивости концептуальных связей, реализующихся посредством паремической семантики, в ходе оценочной интерпретации ценностно-смысловых доминант русского паремического пространства мы уточняем стереотипные для этнокультуры представления об уместности предмета дарения, умении преподнести и принять подарок, а также о правилах хорошего тона, сформированных в исторических глубинах этнической культуры и передающихся от поколения к поколению как залог сохранения народной этики. Соответственно, в ходе когнитивно-прагматического моделирования ценностных доминант паремической семантики ментальность как лингвокультурный феномен раскрывается не в абстрактно-образных именах ценностей культуры как таковых, а в объёмных стереотипных характеристиках, позволяющих увидеть и оценить всю глубину и всё многообразие оценок во взгляде народа на собственную культуру.

Литература

Алефиренко, Н.Ф. Когнитивно-семиологическая теория слова / Н.Ф. Алефиренко // Вестник СамГУ, №5 / 1 (45). 2006. С. 102-110.

Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультуральная природа ментальности / Н.Ф. Алефиренко // Язык. Словесность. Культура, №1 (1/2). 2011. С. 23-40.

Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2010. 288 с.

Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37-67.

Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова – М.: «Языки русской культуры», 1999. 896 с.

Болдырев, Н.Н. Структура и принципы формирования оценочных категорий / Н.Н. Болдырев – Москва: ИЯ РАН, 2002. С. 102-114.

Даль, В.И. Пословицы русского народа / В.И. Даль. В 2-х т. Т.1. – М.: Художественная литература, 1989. 442 с.

Семененко, Н.Н. От внутренней формы к оценочному смыслу: дискурсивные приращения в паремической семантике / Н.Н. Семененко // Евразийский вестник гуманитарных исследований. Пермь: Пермский институт экономики и финансов. 2015. №1(2). С.54-57.

Семененко, Н.Н. Русские паремии: функции, семантика, прагматика / Н.Н. Семененко. – Белгород: Изд-во Белгородского ун-та, 2011. 355 с.

Урысон, Е.В. Языковая картина мира vs обиходные представления (модель восприятия в русском языке) / Е.В. Урысон // Вопросы языкознания. 1998. № 2. С. 3-21.

Фрумкина, Р.М. Психолингвистика: Учеб для студ. высш. учеб. заведений / Р.М. Фрумкина. – М.: Академия, 2001. 320 с.

Summary. The article analyzes the problem of the value component of the semantics of proverbs in terms of the theory of value-semantic space of N.F. Alefirenko's cultural linguistics. The elements of cognitive-pragmatic approach to modeling the values of linguistic culture in the course of fact-finding of semantic integration, contributing to the implementation of the stereotypical image of value, are proved. In the process of describing the local theme group of proverbs the examples of the appraisive interpretation of sense of the proverbs characterizing the ethnic and cultural value "Gift" are provided.

Key words: mentality, proverb, value, concept, estimation, stereotype.

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПОСЛОВИЦЫ НА ВКУС И ЦВЕТ ТОВАРИЩЕЙ НЕТ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ИНТЕРНЕТ-ПУБЛИЦИСТИКИ)

К.С. Крюкова

Россия, г. Кострома, Костромской государственный университет
имени Н.А. Некрасова
krukovaksenia@gmail.com

В современной лингвистике наблюдается повышенный интерес к изучению языковых единиц в различных дискурсах. Русские пословицы (далее РП) неоднократно подвергались тщательному анализу в художественных и публицистических текстах, а также в разговорной речи (см. работы. Г.Л. Пермякова, В.М. Мокиенко, Х. Вальтера, Т.Г. Никитиной и др.). Однако функционирование и окказиональная транс-

формация пословиц в рамках Интернет-дискурса исследованы в наименьшей степени.

Окказиональные варианты РП в современных Интернет-текстах представлены достаточно широко. Трансформации устойчивых единиц обусловлены авторскими интенциями: стремлением авторов к конкретизации, экспликации, экспрессивизации, интенсификации, буквализации значения устойчивых фраз (Карасик 2000: 44). Зачастую преобразования паремий производятся с целью конкретизации значения пословицы, когда возникает необходимость «вписать» паремию в контекст для характеристики конкретной жизненной ситуации, для уточнения лица, предмета, признака, времени, места.

Объектом данного исследования является пословица *на вкус и цвет товарищей нет* и 255 её окказиональных вариантов в Интернет-текстах в рамках как персонального (общение на форумах), так и институционального (рекламные, политические, публицистические тексты) дискурсов (Ефремова 2000: 6).

Пословица *на вкус и цвет товарищей нет* употребляется в ситуации, когда при выборе или оценке чего-либо собеседники, разойдясь во взглядах, не желают спорить, принимают наличие отличной от собственной точки зрения, но не разделяют её. Пословица описывает типичную ситуацию, и авторы речи прибегают к окказиональному преобразованию паремии для того, чтобы сделать её более точной, соответствующей конкретной речевой ситуации, то есть конкретизировать её значение.

Пословица *на вкус и цвет товарищей нет*, а также её окказиональные варианты получили наибольшее распространение в текстах рекламной, политической сферы, а также в области техники и технологий. Для конкретизации смысла данной РП авторы текстов чаще всего прибегают к такому приёму окказионального преобразования, как замена компонентов пословицы. Стоит отметить, что в исследованном материале наиболее устойчивыми компонентами оказываются слова *цвет* и *нет*, образующие в пословице рифму.

1. В текстах о технике и технологиях наблюдаются определённые особенности конкретизации данной паремии посредством замены отдельных её компонентов.

1.1. Замена компонента *товарищ* в окказиональном варианте пословицы конкретизирует аппарат, конструкцию или технический процесс, которому посвящен текст: *на вкус и цвет кофемашины разные; на вкус и цвет клеммы разные; на вкус и цвет подшипники разные; на вкус и цвет переходы* (способ стыковки кадров при видеомонтаже) *есть*. См., например, вариант пословицы *на вкус и цвет девайсы* (современные технические устройства) *разные* (<http://trashbox.ru>), использованный в тексте статьи о новинках мобильного рынка как аргумент для прекращения споров о недостатках и недоработках некоторых современных устройств: так, одни обладают противоударностью, но легко портятся от контактов с водой, дру-

гие, наоборот, водонепроницаемы, но чувствительны к контактам с внешней средой. Используя конкретизированный окказиональный вариант поговорки, автор текста утверждает, что споры о достоинствах и недостатках мобильных устройств бессмысленны, так как пользователям интересны разные характеристики и свойства продукта, и подбирать себе «девайс» необходимо исходя из личных требований к устройству.

1.2. Замена компонентов *вкус* и *цвет* в текстах, посвященных технике и технологиям, происходит в том случае, когда автор стремится конкретизировать наименования или технические характеристики аппаратов, устройств и конструкций, которые вызывают или могут вызвать у пользователей данных предметов разногласия: *на звук и свет товарищей нет*; *на графу, геймплей и сюжет товарища нет* (т.е., на графику, игровой процесс и сюжет); *на скутер и мопед товарища нет*; *на обрез и арбалет товарищей нет*; *на вкус и расположение областей ввода товарища нет*, *на расход и тягу товарищей нет*. См., например, вариант поговорки *на движок и графику товарищей нет* (<http://mir-game.com>), функционирующий в контексте статьи о компьютерных играх: «Автор решил не составлять рейтинг наиболее удачных новинок 2013-го года, а ограничиться просто списком – так честнее, проще и вызовет меньше споров. Как говорится, *на движок и графику товарищей нет*». Используя подобную трансформацию в стремлении избежать ненужных и несущественных споров о качествах тех или иных новинок рынка компьютерных игр, автор конкретизирует значение поговорки, называя специфические технические характеристики, интересные его читателям.

2. Интерес также вызывают особенности конкретизации паремии посредством замены отдельных её компонентов в политическом Интернет-дискурсе.

2.1. Замена компонента *товарищ* в окказиональном варианте поговорки конкретизирует лицо, организацию или иной субъект политических отношений: *на вкус и цвет врагов найдешь* (о внешне-политических отношениях); *на вкус и цвет эталона нет* (об образе идеального правителя); *на вкус и цвет закона нет*; *на вкус и цвет природоохранки нет*. См., например, вариант поговорки *на вкус и цвет хозяина нет* (<http://ok.ru/putingood>), функционирующий в качестве заголовка статьи о деятельности президента России. Компонент-конкретизатор *хозяин* указывает на личность лидера страны, характеризуя его как человека властного, способного действовать независимо от чужих мнений, распоряжаться, решать все проблемы самостоятельно. Автор текста в оценке деятельности президента считает, что работа любого человека у власти будет оцениваться неоднозначно, так как удовлетворить потребности всех граждан сразу невозможно.

2.2. Замена компонентов *вкус* и *цвет* в политических текстах конкретизирует те аспекты деятельности определённых политиков

или политического аппарата в целом, которые вызывают наибольшее число разногласий: *на рейтинг и цвет товарища нет; на вкус и бюджет товарища нет; на курс* (политический) *и цвет товарищей нет*. См., например, вариант пословицы *на чушь и бред товарищей нет* (<http://top.rbc.ru/economics>), выступающий в качестве комментария к размещенному в Интернете тексту предвыборных обещаний одного из политиков. Используя трансформированный вариант РП, автор комментария не только конкретизирует смысл паремии, с помощью компонентов-заместителей *чушь* и *бред* называя основные характеристики сделанных обещаний, но и меняет всю семантику окказионального варианта пословицы, в данном контексте принимающего значение ‘спорить о качествах чего-либо не имеет смысла, так как эти качества всеми оцениваются однозначно, их никто не одобряет’.

3. Рассмотрим особенности конкретизации данной пословицы посредством замены отдельных её компонентов в рекламном Интернет-дискурсе.

Желая конкретизировать смысл паремии, авторы рекламных текстов могут называть конкретный предмет, в качестве которого невозможно усомниться, то есть такой предмет, который удовлетворит любого человека вне зависимости от его взглядов и убеждений, тем самым присваивая пословице значение ‘наш товар понравится всем, удовлетворит вкус любого покупателя’. Как правило, в подобном случае происходит замена компонента *товарищ*, вместо которого называются определённые товары или услуги, отвечающие требованиям любого потенциального покупателя: *на вкус и цвет лучше попкорна нет, на вкус и цвет “Пеликан”* (производитель фургонов) *есть; на вкус и цвет рубашки есть; на вкус и цвет у нас всё есть; на вкус и цвет есть один большой Таиланд, немецкое пиво: на вкус и цвет вкуснее нет*. См., например, вариант пословицы *забор на любой вкус и цвет – ограниченный практически нет* (<http://marrietta.ru>), который является заголовком рекламного материала. За счет неизменности компонентов *цвет* и *нет* сохраняется ритмизированное звучание пословицы, привлекающее внимание адресата сообщения, а благодаря включению в состав окказионального варианта компонентов *забор* и *ограничения* автор текста конкретизирует смысл пословицы, указывает, что на представляемой торговой площадке имеются в наличии товары, удовлетворяющие вкусам и желаниям практически всех покупателей.

Конкретизация смысла пословицы происходит и в специфическом жанре антирекламы, то есть такой рекламы, которая направлена на привлечение внимания потребителя к некачественной продукции какого-либо предприятия (Ефремова 2000: 26): *на вкус и цвет любителей такого кофе нет; на вкус и цвет обоев нет; на вкус и цвет все иксперии* (мобильные телефоны Sony Xperia) *одинаковые*.

См., например, вариант пословицы *на вкус и цвет **разницы** нет* (<http://zadolba.li>), являющейся заголовком антирекламного материала о производителях разнообразных средств для стирки, по внешнему виду которых, в силу малой информативности упаковки продукта, невозможно определить, чем именно они являются: стиральным порошком, отбеливателем или средством для ухода за стиральной машиной.

Исследование пословицы *на вкус и цвет товарищей нет*, функционирующей в виде многочисленных речевых вариантов в текстах разной тематической направленности, является показателем высокой активности трансформационных процессов в Интернет-дискурсе.

Литература

Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный словарь / Е.Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000. 1233 с.

Жуков, В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – М.: Русский язык, 2000. 544 с.

Карасик, В. И. О типах дискурса // В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. – Волгоград, 2000. С. 5-20.

Третьякова, И.Ю. Окказиональная фразеология: монография / И.Ю. Третьякова / под науч. ред. А.М. Мелерович. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. 290 с.

Summary. The article deals with the occasional versions of the proverbs ‘every man to his own taste’, transformed by the authors for the purpose of specification of the meaning. The internal opposition of the elements meaning and components of the proverb, correlated with them, are determinative to achieve the specificity of the meaning of the proverb in different contexts. There are some groups of occasional components, replacing language components of the proverb based on paradigmatic and associative relationships of words.

Key words: occasional phraseology, Russian proverbs, occasional transformations, specification of the meaning, occasional versions of the proverbs.

ДИСКУРС – КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНАЯ КАТЕГОРИЯ

ДИСКУРС КАК КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ ФЕНОМЕН И ЕГО СТРУКТУРА

Г.Н. Манаенко

Россия, г. Ставрополь, Северо-Кавказский федеральный университет
manaenko@list.ru

Многозначность содержания понятия *дискурс* в силу сложности определения предмета исследования или же из-за принадлежности к разным лингвистическим традициям сохраняется до настоящего времени. Между тем, как отмечает П. Серио, вопрос о дискурсе является узловым пунктом в определении соотношений между языком, историей и субъектом (Серио 2001: 556).

Две стороны речи – процессуальная и материальная – послужили основанием для современных трактовок дискурса и создания для определения его содержания частных оппозиций *дискурс – текст* и *дискурс – речевая деятельность*. При этом понятие речи, подобно двуликому Янусу, оказалось таким же коварным, так как исследователи, выбирающие в качестве исходного пункта построения своих концепций одно из данных понятий, неизбежно упускают из виду второе, столь же существенное для понимания дискурса. В результате дискурс сводится либо к тексту, в том или ином модусе его существования, либо собственно к процессу общения.

Большинство современных концепций дискурса (прежде всего зарубежных) в своих построениях исходят из понятия *текста*. Представляя французскую школу Анализа дискурса, Патрик Серио приводит следующее определение: «... дискурс – это высказывание, рассматриваемое с точки зрения дискурсного механизма, который им управляет. Таким образом, взгляд на текст с позиции его структурирования «в языке» определяет данный текст как высказывание; лингвистическое исследование условий производства текста определяет его как “дискурс”» (Серио 2001: 550). Соответственно, предмет исследования в школе Анализа дискурса составляют тексты, во-первых, произведенные в институциональных рамках, которые накладывают сильные ограничения на акты высказывания, и, во-вторых, наделенные исторической, социальной, интеллектуальной направленностью (Серио 2001: 551). Приблизительно в таком же ключе трактует дискурс и Ю.С. Степанов: «... дискурс – это «язык в языке», но представленный в виде особой социальной данности. Дискурс реально существует не в виде своей «грамматики» и своего «лексикона», как язык просто. Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, – в конечном счете – особый мир. В мире всякого дискурса действуют свои правила синонимичных замен, свои правила истинности, свой этикет.

Это – «возможный (альтернативный) мир» в полном смысле этого логико-философского термина» (Степанов 1995: 44-45). В этой связи надо заметить, что, на наш взгляд, «особая социальная данность» присуща любому тексту. Что же касается «особого мира», встающего за каждым текстом, то в такой формулировке не ясно, чье это свойство: текста или все-таки дискурса.

Если в трактовках дискурса Ю.С. Степанова и Н.Д. Арутюновой (Арутюнова 1990: 136–137) происходит, по сути, отчуждение текста от его создателя – человека, так как именно текст выступает точкой отчета в исследовании дискурса, то во французской школе Анализа дискурса субъект речи превращается в функцию, происходит его «стирание», поскольку «статус субъекта высказывания определяется той дискурсной формацией (совокупность текстов одного или нескольких жанров, указывающих в социальном плане на определенную идентичность, исторически очерчиваемую, в процессе высказывания – Г.М.), в которую он попадает» (Серио 2001: 552). Как следствие данного положения и здесь текст предстает в качестве самодостаточной сущности, а определенный корпус текстов – частью признанного социального института, диктующего условия актов высказывания. Можно утверждать, что многие современные трактовки дискурса приводят либо к подмене терминов в определении сторон речи: *речевая деятельность – дискурс* (вместо *текста*), либо сведению многообразия феномена речи к речевому произведению (тому же *тексту*). Конечно же, подобные интерпретации существенно развивают имеющиеся у каждого исследователя интуитивные представления о дискурсе как нечто особенном, отличном от «просто текста». Они не ограничиваются одной лишь его лингвистической данностью, а включают текст в социальный, культурный и ментальный контекст, раскрывают значимость при создании и понимании текста его связей с «внешней» жизнью определенного социума и «внутренней» жизнью каждого индивида как условиями, определяющими его специфику: «Ограничением при производстве дискурса является все то, что помимо языка делает некий дискурс определенным дискурсом, имеется в виду формирующая дискурс социально-историческая ткань» (Серио 2001: 558).

Между тем, как отмечал А.А. Леонтьев, «функции высказывания и целого текста связаны не просто с речевой деятельностью того или иного конкретного говорящего в той или иной конкретной ситуации, а с внутренней организацией процесса общения, понимаемого как одна из сторон социального взаимодействия людей» (Леонтьев 2001: 221). Результат речевой деятельности предполагает реализацию ее цели, которая состоит не в создании текста, но в достижении взаимопонимания. Текст же является территорией взаимодействия говорящего и слушающего, как раз и обеспечивающей возможность обратной связи, на основе которой протекает речевое взаимодействие. Так, для слушающего / читающего действительным предметом восприятия «явля-

ется не текст как лингвистическая данность, а содержание текста в широком смысле, т.е. то в его содержании, что существенно для дальнейшего использования в «большой» деятельности. Это могут быть цель или мотив коммуникатора, содержание, цель и условия деятельности общения или другой деятельности, опосредованной данным текстом» (Леонтьев 2001: 242). Именно поэтому никак нельзя исключать *текст* из характеристики речевого поведения, тем более что поведение – это образ действий, модель их осуществления, система взаимосвязанных поступков. Текст в таком случае не только последовательность речевых действий, поступков, но и посредник в деятельности общения: «... исходный смысл, закладываемый в текст его автором, передается через значения используемых слов, которые дважды выступают в роли медиаторов пятичленной связи «автор – проекция текста – тело текста – проекция текста – читатель», при этом означивание и спонтанная интерпретация протекают на базе личностного опыта и связанных с ним переживаний разных людей» (Залевская 2002: 71). Не говорение/письмо и слушание/чтение являются видами речевой деятельности, но означивание и интерпретация в целях взаимодействия людей составляют ее: «В сущности слово является двусторонним актом. Оно в равной степени определяется как тем, чье оно, так и тем, для кого оно. Всякое слово выражает «одного» в отношении к «другому»» (Волошинов 2000: 420). Таким образом, дискурс не просто последовательность речевых актов, не сам «поток речевого поведения», а социально определенный вид (модель) речевого поведения, необходимым компонентом которого является текст как область взаимодействия в речевом общении.

Безусловно, практически все интерпретаторы дискурса не только утверждают значимость когнитивной составляющей процесса общения, но и обосновывают необходимость анализа текста как со стороны его содержания, так и со стороны способа его речевой организации, причем в их единстве. То или иное содержание обязательно предстает в тексте не только отражением формы речевого акта, но и как отображение коммуникативной операции, или дискурсивной процедуры, поскольку в процессе общения знание не просто «передается», но и выступает в качестве тезиса, аргумента, доказательства, оценки, прогноза, вердикта, предположения, сомнения и т.д. Все это, на наш взгляд, очень важно для правильной интерпретации *текста*, однако сводить анализ дискурса только к внутренней организации текста как связного изложения содержания («рациональный способ передачи знания») – значит полностью игнорировать третью сторону соотношения, определяющего сущность дискурса – идеологию как социальную действительность определенного социума в некий исторический период: «Действительной реальностью языка-речи является не абстрактная система языковых форм и не изолированное монологическое высказывание и не психофизиологический акт его осуществления, а соци-

альное событие речевого взаимодействия, осуществляемого высказыванием и высказываниями» (Волошинов 2000: 429). Можно только удивляться проницательности и интуиции М.М. Бахтина, который еще в 20-х годах прошлого столетия «действительную реальность языка-речи» (а так иногда в наше время определяется дискурс) отграничил от языка как системы форм, от текста как отдельного и изолированного речевого произведения и, наконец, от текущего потока речевого поведения как психофизиологических процессов говорения, письма, слушания и чтения.

Позиция М.М. Бахтина позволяет, по нашему мнению, в определении дискурса исходить не из формулы Ф. де Соссюра *речевая деятельность = язык + речь*, а опираться на триаду Л.В. Щербы «язык – речь (*речевая деятельность*) – языковой материал (*тексты*)» в ее отношении к социальному человеку как субъекту. Ведь именно человек использует языковую систему при создании текстов в процессе речевой деятельности. Социальное же событие, по мнению М.М. Бахтина, есть необходимое условие речевого общения: «В этой своей конкретной связи с ситуацией речевое общение всегда сопровождается социальными актами неречевого характера (трудовыми актами, символическими актами ритуала, церемонии и пр.), являясь часто только их дополнением и неся лишь служебную роль» (Волошинов 2000: 439).

Именно поэтому плодотворной попыткой выявления специфики дискурса предстают рассуждения Н.Ф. Алефиренко, который отмечает, что как коммуникативное событие дискурс – это сплав языковой формы, знаний и коммуникативно-прагматической ситуации. В то же время, образуя своеобразное семантическое единство, дискурс, безусловно, является лингвокультурным образованием. Но в отличие от речевых актов и текста в его традиционном толковании (последовательная цепочка высказываний), дискурс – это все же социальная деятельность людей, в рамках которой ведущая роль принадлежит когнитивным пространствам общающихся, где сфокусированы различные особенности их внутренних миров, находящие отображение в этой деятельности (Алефиренко 2002: 101-102). Отсюда следует, что «дискурс – коммуникативно-прагматическое событие социокультурного характера» (Алефиренко 2002: 104). Пожалуй, учитывая указанную роль когнитивных пространств общающихся, *дискурс* следовало бы определить как *коммуникативно-когнитивное* событие социокультурного характера. По сути, об этом же писал и М.М. Бахтин, правда, без использования термина *дискурс*: «Ситуация и аудитория заставляют внутреннюю речь актуализироваться в определенное внешнее выражение, которое непосредственно включено в невысказанный жизненный контекст, выполняется в нем действием, поступком или словесным ответом других участников высказывания» (Волошинов 2000: 431). Явно перекликается данное положение М.М. Бахтина и с целеустановкой французской школы Анализа дискурса на исследование

«невывыказываемого» (l'indicible), т.е. на «социально-историческую ткань» (Серио 2001: 558).

Как бы мы ни рассматривали дискурс – как текст, актуализированный в определенных условиях, либо как речевую практику человека или сам речевой поток – становится очевидным, что главное, в первую очередь обуславливающее специфику дискурса, – это его социальная и идеологическая природа, предопределенная утвердившимися типами речевого взаимодействия членов какого-либо коллектива. Существующие трактовки дискурса как «от текста», так и «от речевого общения» – это, на наш взгляд, прежде всего отображение методических установок и теоретических подходов к анализу данного феномена.

Обобщая все точки зрения на дискурс, можно сформулировать следующее определение: **дискурс** – это общепринятый тип когнитивно-коммуникативного поведения субъекта в какой-либо сфере человеческой деятельности, детерминированный социально-историческими условиями, а также утвердившимися стереотипами организации и интерпретации текстов как компонентов, составляющих и отображающих его специфику.

Дискурс – не просто поток речевого общения как одной из сторон социального взаимодействия, но речевое поведение субъекта идеологии, ограниченное в своем проявлении конкретными обстоятельствами жизни человека в определенном социуме в хронологически очерченных рамках этапа его развития. По отношению к речевому общению *дискурс* предстает как социально детерминированный тип его осуществления, соответственно, *речевая деятельность* как способ осуществления, *текст* как форма осуществления (внешнее выражение речевого общения в языковом коде), а *язык* как средство (орудие для осуществления этой деятельности).

При построении теоретической модели дискурса как типа осуществления речевого общения в качестве компонентов ее структуры, действительно, можно выделить факторы, определяющие специфику речевого поведения человека, и факторы, отображающие эту специфику. К компонентам модели дискурса, определяющим «внешний» контекст речевого общения относятся традиционно выделяемые «сцена действия» и «участники». При этом «сцена действия» характеризует *среду*, в которой осуществляется речевое взаимодействие, и определяет, *зачем* оно происходит. Компонент «участники» отвечает на вопрос: *кто* совершает речевое взаимодействие, и характеризует субъектов речевого общения в социальном плане. «Внутренний» контекст социального события речевого общения составляет компонент, определяющий, *что* является его содержанием, и характеризующий особенности *когнитивных пространств* взаимодействующих людей. Необходимой составляющей структуры дискурса, отображающей его обусловленность от социокультурного контекста (внешнего и внутреннего), предстает *форма* осуществления речевого общения – текст,

отвечающий на вопрос, как воплощается определенный тип речевого поведения в зависимости от «социально-исторической ткани».

В каждом из четырех компонентов структуры дискурса, в свою очередь, можно выделить составляющие их элементы, «лингвистическое описание» которых и является релевантным при раскрытии сущности дискурса. Так, компонент «Среда» включает следующие характеристики: а) тип социального события; б) цель социального события (функция, в иной классификации); в) социально-идеологические условия (например, социальные запреты и табу, применение санкций к их нарушителям); г) обстановка (время, место, причина и другие обстоятельства). Компонент «Социальный субъект» (субъект идеологии) составляют характеристики: а) социальный статус; б) ролевые отношения; в) социальная активность участников; г) их личные отношения. Компонент «Содержание» раскрывает внутренний контекст речевого поведения субъекта по следующим параметрам: а) интенции и цели в коммуникации (см., например, Манаенко С.А. 2004; 2006); б) затрагиваемые мировоззренческие позиции; в) общий фонд знаний (степень компетенции); г) знание правил, норм и стереотипов коммуникации, а также имеющиеся навыки речевого общения. «Текст» как компонент структуры дискурса, отображающий его специфику как типа речевого поведения, воплощается в определенной форме и характеризуется: а) темой речевого общения; б) отнесенностью к какому-либо речевому жанру; в) композиционным построением высказываний и последовательностью как коммуникативных операций, так и речевых актов; г) спецификой отбираемых языковых средств для речевого взаимодействия (см.: Манаенко Г.Н. 2004).

Конечно, компонент структуры дискурса «Текст» (совокупность текстов как дискурсная формация) не только отображает его специфику, но и воздействует на соответствующий тип речевого поведения социального субъекта. Однако это лишь обратное влияние и не имеющее тотального характера, вопреки мнению последователей французской традиции анализа дискурса, поскольку человек, хотя и имеет достаточно отчетливые представления о правилах отбора языковых средств и построения текста, относящегося к определенному дискурсу, тем не менее сам выбирает манеру речевого общения, либо подчиняясь принятому в данном обществе в этот исторический период дискурсу, либо разрушая его.

В целом же предлагаемое понимание дискурса и представленная модель его структуры показывают, почему именно текст в различных школах и направлениях анализа дискурса естественно выступает в качестве наиболее удобного объекта исследования, действительно позволяющего вскрыть сущность данного феномена. Кстати, именно это и объясняет либо смешение дискурса и текста, либо частую подмену одного другим.

Так, несмотря на заявление о том, что в школе Анализа дискурса предметом исследования являются тексты, дальнейшее изложение

П. Серио данной концепции убеждает, что тексты здесь не предмет, а объект исследования. (Возможно, такое «положение дел» объясняется либо неточностью в переводе, либо отсутствием во французской традиции разграничения объекта и предмета исследования). Предмет исследования здесь определен достаточно ясно – лингвистическое исследование условий производства текста (Серио 2001: 550). И именно поэтому французские ученые пришли к очень сильному положению о том, что семантика языковых выражений не выводится только из лингвистики как науки о языке (внутренней лингвистики): «Связь, которая существует между «значениями», присущими данному тексту, и социально-историческими условиями возникновения этого текста, является отнюдь не второстепенной, а составляющей сами эти значения» (Серио 2001: 560). Приведенное высказывание М. Пешё не только определяет предметную область сравнительно новой лингвистической дисциплины – Анализа дискурса (дискурс-анализа), но и доказывает, что без опоры на понятие дискурса невозможно адекватное разрешение традиционной лингвистической проблематики.

Литература

Алефиренко, Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания, культуры. – М.: Academia, 2002.

Арутюнова, Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энци., 1990. С. 136–137.

Волошинов, В.Н. Марксизм и философия языка // М.М. Бахтин (под маской). – М.: Лабиринт, 2000. С. 350–486.

Залевская, А.А. Некоторые проблемы теории понимания текста // Вопросы языкознания. 2002. №3. С. 62–73.

Леонтьев, А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избранные психологические труды. – М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001.

Манаенко, Г.Н. Функционирование осложненного предложения в публицистическом тексте: информационно-дискурсивный подход: Автореф. дисс. ... д. филол. н. / Ростовский государственный педагогический университет. Ростов-на-Дону, 2004.

Манаенко, С.А. Достоверность аналитического текста публицистики: языковой аспект // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2004 г.): Труды и материалы. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 436–437.

Манаенко, С.А. Языковое выражение коммуникативных интенций автора в аналитическом тексте публицистики // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2006. № 1. С. 108–113.

Серио, П. Анализ дискурса во Французской школе (Дискурс и интердискурс) // Семиотика: Антология. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 549–562.

Степанов, Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип причинности // Язык и наука конца 20 века: Сб. статей. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1995. С. 35–73.

Summary. The article reveals the cognitive-communicative nature of discourse, the substantiation of the understanding of discourse as the model of behavior of the subject. It also presents structural components of the model of discourse.

Key words: discourse, text, speech activity, cognition, communication.

ДИСКУРС КАК ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

С. В. Чернова

Россия, г. Киров, Вятский государственный гуманитарный университет
svetl.ch2011@yandex.ru

*«Понятие “дискурс” насколько популярно,
настолько и трудно определяемо.
Его популярность уже выходит
за пределы научного употребления»
(Алефиренко 2009: 237).*

Актуализация понятия «дискурс» связана с делением современной науки в целом и лингвистики в частности на науку описательную и объяснительную (Абаев 1986). В рамках описательной лингвистики формируется статическая модель языка, динамическая модель – порождение объяснительной лингвистики. Статическая модель языка – это единовременный срез информации по данному объекту. Динамическая модель представляет картину изменения объекта во времени. Один и тот же объект можно представить в виде статической и динамической модели.

Задача описательного языкознания – охарактеризовать фонетику, лексику, грамматику и другие уровни языковой системы в синхронии и диахронии. Объяснительная лингвистика показывает, как тот или иной языковой факт развивался и изменялся во времени, она прослеживает процесс изменений и объясняет причины перемен, происходящих с данным объектом, не только с позиций собственно лингвистических, но и с учетом экстралингвистических факторов. Объяснительная лингвистика раздвинула границы науки о языке, включив языкознание в междисциплинарную область научных исследований.

Термин «дискурс» принадлежит междисциплинарной сфере и связан с областью объяснительной лингвистики. Существует множество подходов к интерпретации данного понятия (ср. их обзор, напр., в: Макаров 2003, Карасик 2004). Ср., напр.: «Пластичность этого понятия не раз становилась предметом острых дискуссий, поводом для корректировки и обновления определений, число которых с момента активизации данного слова в науке становится все более значительным» (Гронская, Зусман 2014: 14). Сложность обсуждаемого феномена побуждает исследователей предпринимать все новые попытки осмыслить сущность дискурса. Мы видим свою задачу именно в этом.

Дискурс в узком понимании соотносится с его значением в английском языке. Ср.: **Дискурс**, -а, м. (англ. discourse, лат. discusus ‘беседа, разговор’). лингв. Речь, беседа как объект лингвистического изучения (Крысин 1998). В соответствии с таким пониманием главной единицей дискурсивного анализа выступает диалог и связанные с ним особенности коммуникативного поведения людей. Ср., напр.: «Диало-

гический дискурс как языковая единица представляет собой результат речевого взаимодействия двух, трех и более людей. Одной из своих сторон он обращен к ментальным факторам участников коммуникации: этнографическим, психологическим и социокультурным правилам и стратегиям, которые сопряжены с коммуникативным поведением. Коммуникативное поведение, как правило, имеет ярко выраженную национальную окраску. Характер и специфика дискурсивной деятельности личности обусловлены набором морально-этнических установок ... Немаловажную роль в организации и рефлексии дискурса играет знание культурологических особенностей той страны, на языке которой строится дискурс» (Григорьева 2007: 87).

Поиски научных рамок употребления термина «дискурс» побудили нас обратиться к философским представлениям об этой единице. З. И. Комарова пишет: «В принципе никто не отрицает влияние философских представлений на развитие и оценку научных достижений. Вся история науки и высказывания великих ее творцов не оставляют сомнений в том, что влияние философии на процесс научного творчества не является чем-то чисто внешним, т. е. входит в структуру науки» (Комарова 2012: 55).

Приведем определение дискурса в «Новой философской энциклопедии». Ср.: **Дискурс** – «многозначное понятие: 1) в истории классической философии использовалось для характеристики последовательного перехода от одного дискретного шага к другому и развертывания мышления, выраженного в понятиях и суждениях, в противовес интуитивному схватыванию целого до его частей; 2) в современной французской философии постмодернизма – характеристика особой ментальности и идеологии, которые выражены в тексте, обладающем связностью и целостностью и погруженном в жизнь, в социокультурный, социально-психологический и др. контексты» (Новая философская энциклопедия 2010).

В первой части приведенного определения акцент делается на том, что дискурс связан с характеристикой части и целого и предполагает путь познания объекта в направлении «часть – целое». «Постижение целого по частям» – основное требование к научному исследованию вообще», – пишет В. В. Колесов (Колесов 2002: 123). Стало быть, дискурс – это целое, которое познается по частям, включая в себя некую совокупность частных явлений. Индуктивный метод (от частного к общему) – основной общенаучный метод познания дискурсивного целого.

Вторая часть философского определения ориентирована на описание дискурса как текста, погруженного в жизнь, то есть с учетом экстралингвистических факторов. Остановимся на данном понимании дискурса подробнее. Прежде всего, отметим, что объектом традиционной описательной лингвистики являются собственно лингвистические единицы (фонема, морфема, слово, словосочетание, предложе-

ние, абзац, период, диалог, сложное синтаксическое целое). Основной подход к анализу данных единиц – системный, опирающийся на такие методы, как дистрибутивный, оппозитивный, трансформационный, метод компонентного анализа, метод семантических полей. Собственно лингвистические единицы вовлекаются в область дискурсивного анализа тогда, когда речь идет об особенностях их функционирования в речи. Функциональный, контекстный, интерпретационный подходы с привлечением данных других, смежных с лингвистикой наук, являются определяющими в таких случаях.

Начиная со 2-ой половины XX века круг объектов лингвистического описания расширяется. Единицами лингвистической характеристики становятся **текст**, **сверхтекст** и **гипертекст**. Ср.: «В начале 60-х годов нашего столетия возникла так называемая теория текста, явившаяся как бы своеобразным замещением филологии. Это учение занялось описанием текста лингвистическими методами. Оно не ставит своей целью рассматривать тексты как целое, не дает их классификацию, не изучает их функционирование в обществе и место в культуре. Однако очень важно, что теория текста занимается самим текстом. Этим она привлекает внимание к ключевым проблемам жизни языка» (Рождественский 1996: 20).

И.Р. Гальперин, утверждая статус текста как объекта лингвистических исследований, дает ему следующее определение. Ср.: «**Текст** – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целевую направленность и прагматическую установку ... Текст – не спонтанная речь; он лишь имплицитно рассчитан на слуховое восприятие; он не только линейен, он не только движение, процесс – он также стабилен ... Представленный в последовательности дискретных единиц, текст находится в состоянии покоя, и признаки движения выступают в нем имплицитно. Но когда текст воспроизводится (читается), он находится в состоянии движения, и тогда признаки покоя проявляются в нем имплицитно» (Гальперин 2009: 18-19).

К разряду крупных лингвистических единиц относят сегодня также **сверхтекст**. А. Г. Лошаков, определяя сущность сверхтекста, пишет: «Под сверхтекстом понимается ряд отмеченных направленной ассоциативно-смысловой связью в сферах автора, кода, контекста, адресата (или в нескольких из них) автономных словесных текстов, которые в культурной практике актуально или потенциально предстают в качестве интегративного (целостно-единого), динамического, многомерного, нелинейного концептуально-семантического образования (системы), находящегося в зависимости от принципа модально-

смысловой центрации, задающего ряд возможностей для линеаризации, т.е. для подчеркивания смысловых траекторий в нелинейном смысловом континууме. Сверхтекст – это целостное полистилистическое, полижанровое, полиреферентное и, следовательно, полисубъектное образование, которое проявляет себя в литературной практике и может квалифицироваться как единица ахронического культурного пространства (мультитекста культуры)» (Лошаков 2007: 9).

Т.А. Рязанцева рассматривает *гипертекст* как «особый вид письменной коммуникации, особую форму организации письменного текста, опосредованную компьютерной средой и характеризующуюся процессом нелинейного письма и чтения, который обуславливается сегментацией и иерархической ассоциативной атрибуцией фрагментов, а также возможностью множественного выбора развития сюжетно-тематического потока. Этот способ членения речевого потока, смысловая цельность и формальная связность которого основана на навигации по гиперссылкам. Таким образом, гипертекст – это многоуровневая иерархическая система элементов. К основным элементам структуры гипертекста относятся гипотексты, система связей и система навигации» (Рязанцева 2008: 3).

Из приведенных выше определений интересующих нас единиц следует, что текст – это целостная линейная единица как последовательность дискретных единиц; сверхтекст – это концептуально-семантическое образование, нелинейный ряд автономных текстов, находящихся в зависимости от принципа модельно-смысловой центрации; гипертекст – это нелинейное образование, связанное с областью компьютерных технологий

Ближе всего дискурс к понятию «сверхтекст». Дискурс, как и сверхтекст, – нелинейное образование, ориентированное на определенный концептуальный инвариант. Данные единицы пока еще не разграничены с достаточной определенностью. Лингвисты пытаются определить доминирующие моменты при анализе сходных объектов анализа.

Н. Ф. Алефиренко, например, делает акцент на дискурсе как синергетическом образовании. Ср.: «Под синергетикой дискурса мы понимаем взаимодействие всех порождающих его факторов, в результате которого происходит “слияние и со-действие энергией”, направленные на онтологическую и функциональную “самоорганизацию” дискурсивного пространства и определяющее смысловую дистрибуцию его ингредиентов... Смыслорождающая энергия дискурса подпитывается различными энергопотоками: сенсорно-перцептивной образностью, знаково-символической интерпретацией первичных образов, действием превращенной формы в тексте, и, наконец, воздействием экстралингвистической среды (ситуативного, коммуникативно-прагматического и культурного контекстов). В своем единстве названные энергетические потоки представляют собой ассоциативно-деривационную сущность дискур-

са ...» (Алефиренко 2008: 24). Автор подчеркивает событийный характер дискурса, его концептообразовательные возможности, пространственно-временные координаты (Там же: 25).

Наш исследовательский опыт дает основания при характеристике дискурса отметить прежде всего его процессуальный характер и связь с различными видами деятельности человека (Чернова 2008). С учетом этого мы можем дать следующее определение понятия «дискурс». Ср.: ***Дискурс в широком понимании – синергетическое, нелинейное образование, ориентированное на определенный концептуальный инвариант и связанное с языковым отображением разных видов деятельности человека. Определяющим признаком дискурса является его процессуальность, т.е. развернутость и развитие в пространственно-временных рамках. Дискурс есть процесс.***

Процессов, в которых так или иначе задействован человек, великое множество. Среди них выделим главный вид процесса – ***жизненный процесс***, субъектом которого является человек (Чернова 2013). Содержанием любого процесса является тот или иной вид деятельности человека. Ср.: «Любой дискурс порождает текст – конкретный материальный объект, отображающий специфику взаимодействия людей в той или иной сфере деятельности» (Манаенко 2008: 9). Все процессы и виды деятельности, связанные с человеком, протекают в рамках именно жизненного процесса. В рамках данного процесса язык выполняет две свои главные функции – коммуникативную и познавательную (когнитивную), которые реализуются в соответствующих видах деятельности человека. Именно поэтому наиболее значимыми подходами к анализу дискурса является коммуникативно-дискурсивный и когнитивно-дискурсивный подходы, тесно связанные друг с другом. Ср. характеристику когнитивно-дискурсивного подхода в соотнесенности с коммуникативным в работе В.Е. Чернявской и Е.Н. Молодыхенко: «В соответствии с ним (когнитивно-дискурсивным подходом – В. Ч.) языковая/текстовая форма признается адекватным отражением когнитивных структур и операциональных установок носителей языка. Последний рассматривается как активный субъект познания и речи, обладающий индивидуальным и социальным опытом, системой культурно-специфических и идеологически обусловленных представлений о мире, на основе которых он осуществляет коммуникацию с другими носителями языка. Это ставит в центр внимания лингвистического анализа прагматику коммуникации, отношения и установки ее участников, оценку ими экстралингвистических рамок коммуникации, прагматическое фокусирование отдельных фрагментов действительности. Когнитивно-дискурсивный подход, таким образом, неотделим от коммуникативно-прагматического, в основе которого лежит понимание языка как инструмента для осуществления человеком определенных целей в познании и воздействии на адресата» (Чернявская, Молодыхенко 2014: 45).

Дискурсивный анализ, таким образом, выступает как метод анализа дискурса (дискурсивного пространства). Главным объектом такого анализа является характеристика языковых средств отображения жизненного процесса в том виде, как он представлен в разных видах и формах человеческой деятельности. При этом объектом дискурсивно анализа может быть как процесс в целом, так и его отдельные фрагменты, соотнесенные с целым.

Анализируя какой-либо языковой объект как часть целостного дискурсивного пространства в рамках жизненного процесса (дискурса), можно вычленилть огромное количество аспектов его характеристики в зависимости от типа дискурса. Возьмем, например, роман И. А. Гончарова «Обломов» как художественный дискурс, являющийся результатом творческой деятельности писателя. Если мы подойдем к роману И. А. Гончарова как к дискурсу, то выдвинем на первый план все то в тексте, что позволит нам описать жизнь Обломова (в романе она прослеживается автором от рождения до смерти героя) как жизненный процесс, показав отношение Обломова к разным видам деятельности и обосновав с опорой на языковой материал и привлекая данные смежных с лингвистикой наук, вывод самого Гончарова, который сказал об Обломове: «Деятельность его была отрицательной» (см. выполненную под нашим руководством кандидатскую диссертацию: Игнатов 2013). Когнитивно-дискурсивный анализ составил основу для характеристики нами процесса реконструкции Ф. М. Достоевским модели поведения Р. Раскольникова, персонажа романа «Преступление и наказание» (Чернова 2015). Характеристика дискурса как процессуального синергетического образования кажется нам достаточно перспективной.

Литература

Абаев, В.И. Языкознание описательное и объяснительное: о классификации наук // Вопросы языкознания, 1986. № 2. С. 27–39.

Алефиренко, Н. Ф. Дискурсивная синергетика «живого» слова // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / ред. проф. Г. Н. Манаенко. Вып. 6. – Ставрополь; Краснодар, 2008. С. 23–31.

Алефиренко, Н.А. «Живое» слово. Проблемы функциональной лексикологии. – М., 2009. 344 с.

Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 2009. 144 с.

Григорьева, В.С. Дискурсивные характеристики междометий в культурологическом аспекте // Диалог культур – культура диалога: Мат-лы Международной научно-практической конференции. Кострома, 3–7 сентября 2007 года. – Кострома, 2007. С. 87– 89.

Гронская, Н.Э., Зусман, В. Г. Метакомпаративистика в контексте современного гуманитарного знания // Метакомпаративистика как интегрирующий подход в гуманитарных науках. – Нижний Новгород, 2014. С. 8–22.

Игнатов, И. А. Личность: лингвистический анализ (семантика и функционирование слова личность в русском языке; человек как носитель личностных характеристик и его отображение в художественном тексте): дисс. канд. филол. наук. – Киров, 2013. 182 с.

- Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004. 390с.
- Колесов, В. В. Философия русского слова. – М., 2002. 448 с.
- Комарова, З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике. – Екатеринбург, 2012. 818 с.
- Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. – М., 1998. 848 с.
- Лошаков, А.Г. Сверхтекст как словесно-концептуальный феномен. – Архангельск, 2007. 344 с.
- Макаров, М. Л. Основы теории дискурса. – М., 2003. 280с.
- Манаенко, Г. Н. Значение «мира текста» и смыслы «мира дискурса» // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / ред. проф. Г. Н. Манаенко. Вып. 6. – Ставрополь; Краснодар. 2008. С. 9–23.
- Новая философская энциклопедия. Т. 1. – М., 2010. 741 с.
- Рождественский, Ю.В. Общая филология. – М., 1996. 326 с.
- Рязанцева, Т.И. Теория и практика работы с гипертекстом (на материале английского языка): учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М., 2008. 208 с.
- Чернова, С. В. Деятельность: лингвистический анализ. Киров, 2008. 213 с.
- Чернова, С.В. Жизненный процесс как экстралингвистический феномен // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филология и искусствоведение. Научный журнал. №2 (2). – Киров, 2013. С. 6–10.
- Чернова, С. В. Языковая модель поведения человека: дискурсивный анализ // Филология и культура. Казанский (Приволжский) федеральный университет. – Казань. 2015. С. 145–150.
- Чернявская, В.Е., Молодыхенко, Е.М. История в политике: методология и методика дискурсивного анализа // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / Под ред. Г. Н. Манаенко. Вып. 12. Часть 1. – Ставрополь, 2014. С. 43–63.

Summary. In article the discourse is characterized as a unit of explanatory linguistics connected with the interdisciplinary sphere. Narrow and broad definitions of a discourse are considered. The discourse is compared with such units of the linguistic description as the text, the supertext and the hypertext. Characterizing a discourse in a broad sense, the author marks out procedurality and spacetime spread as its defining signs. Features of the discourse analysis as method of the description of a discourse are discussed.

Keywords: explanatory linguistics, interdisciplinary researches, text, supertext, hypertext, discourse as process, discourse analysis, art discourse.

ФАРМАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ДИСКУРСИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Г.П. Бурова, А.А. Буров

Россия, г. Пятигорск, Пятигорский медико-фармацевтический институт – филиал
Волгоградского государственного медицинского университета
professorburov@rambler.ru

Проблематика, связанная с языковым представлением дискурсивных, лингвоментальных, когнитивных и культурных аспектов знания как целостной уникальной мегасистемы, является в настоящее время одной из наиболее актуальных и перспективных в парадигме теории языка. Вопросами дискурса в теоретико-концептуальном плане занимались и занимаются многие отечественные и зарубежные

исследователи: Н.Ф.Алефиренко, Н.Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова, Ю.С. Степанов, В.З. Демьянков, Р. Водак, В.Г. Борботько, Е.И. Шейгал, В.И. Карасик, М.Л. Макаров, Г.Г. Слышкин, А.А. Кибрик, О.А.Алимурадов, Г.Н. Манаенко, Т.А. Ван Дейк, В. Кинч, П. Серио, М. Фуко, Н. Фэркло, Э.П. Орланди, Р. Робен, Л. Филлипс, М.В. Йоргенсен и др. ученые. Примечательно, что подходы к осмыслению дискурса постоянно обновляются. Так, в частности, принципиально новый ракурс анализа дискурсивности обозначен в трудах Н.Ф. Алефиренко, который предложил рассматривать дискурс с лингвосинергетических позиций. Под синергетикой дискурса понимается взаимодействие всех порождающих его факторов, которое ведет к «слиянию и содействию энергий», определяя как «онтологическую и функциональную «самоорганизацию» дискурсивного пространства», так и «смысловую дистрибуцию его ингредиентов» (Алефиренко 2008: 21). Объектом лингвистического анализа дискурса «становится не только текст, но и вся та социокультурная информация, которая этим текстом опосредуется» (Там же).

Дискурсивная область фармации является сравнительно малоисследованным когнитивно-семиотическим феноменом культуры на фоне активного изучения таких разновидностей и областей дискурсивной деятельности (и, соответственно, сферы), как научная, публицистическая, компьютерная, политическая, рекламная, юридическая, экономическая, организационная, искусствоведческая, религиозная, педагогическая, ритуальная, юмористическая, бытийная и т.д. (Карасик 2000). Между тем фармацевтический дискурс (ФД) выступает одной из основополагающих форм проявления человеческого бытия и характеризуется объективной значимостью для членов социума, интегрируя номинации существенно важных в их жизни и для их жизни концептов, категорий, понятий, терминов. Его ценностные, когнитивные, коммуникативные, культурологические, вербально-семиотические, жанровые, прагматические характеристики представляет несомненный научный интерес. Отметим, что данный дискурсивный тип как самостоятельный объект лингвистического рассмотрения был параметрирован в системе гуманитарного знания и начал исследоваться сравнительно недавно (Бурова 2008). Можно назвать еще лишь несколько трудов в данной области (Дубинина 2008; Васнецова 2009; Бурдина 2013; Лазарева 2013; Бурова, Буров, Фрикке 2014).

ФД является одним из древнейших типов институционального общения, и его ключевые жанры формировались на протяжении длительного историко-культурного развития цивилизации. Поэтому их параметрирование представляет значительный научный интерес для разработки общей теории дискурса, теории жанров, проблематики лингвосоциальной и лингвокультурной аспектности дискурсивной деятельности. Исследование вербально-семиотических характеристик ФД позволяет раскрыть потенциал языковых и речевых средств, осу-

ществляющих институциональную коммуникацию; 4) параметры ФД определяются базовыми концептами фармации, исследование которых позволяет расширить имеющиеся в лингвистике представления о принципах формирования различных типов дискурса; 5) изучение ФД как феномена культуры, репрезентирующего характерный код, даёт возможность его инновационной интерпретации, опирающейся на понимание и оценку как типа культурного пространства.

Одним из важнейших признаков дискурса является то, что он представляет собой совокупность тематически соотнесенных текстов. Предметная область «фармация» объективируется посредством гетерогенных вербально-семиотических единиц, которые синтезируют информационно-смысловое пространство ФД. Они функционируют в пространстве текстов и текстовых фрагментов фармацевтического профиля (научно-профессиональный блок); рекламных фармацевтических текстов; текстов инструкций по применению лекарственных препаратов и рецептов (профессиональный блок); древних лечебников и трудов по лекарственным растениям, рекомендаций по лечению, сборников лекарственных растений; фармакопей и данных толковых, переводных, энциклопедических словарей и справочников по фармации; монографий, научных статей, учебников, учебных пособий, используемых для подготовки специалистов в вузах (дидактико-методический блок) и т.п.

Как показывают исследования, ФД как лингвокультурный код характеризуется специфическими прагматическими и семиотическими основаниями в плане языковых и речевых средств актуализации, а также системой понятийно-терминологических, образно-символических, метафорических, концептуальных и прагматических элементов, формирующих данный тип культурного дискурсивного пространства (Бурова 2008: 4). Ключевыми звеньями ФД выступают концепты «Здоровье», «Болезнь», «Лекарство», «Аптека», «Фармация» и т.д., которые репрезентируются в речежанровом пространстве, систематизирующем фармацевтические тексты рецепта, фармакопейной статьи-инструкции, инструкции по применению лекарственного препарата, фармацевтической рекламы и др.

Лингвистическое изучение и описание вербально-семиотических, социопрагматических и концептуальных параметров ФД как культурного кода позволяет решить многие задачи, в частности – рассмотреть фармацию в качестве интегративной когнитивно-прагматической сферы гуманитарного знания и как особый вид институционального дискурса – ФД; представить дефинирование базовых понятий в языке фармации и исследовать корреляцию лингвистических и экстралингвистических факторов формирования ФД как культурного кода; охарактеризовать вербально-когнитивные и социокультурные аспекты базовых для ФД концептуальных доминант «Здоровье», «Болезнь», «Лекарство», «Аптека», «Фармация» и т.д.; опре-

делить понятия и термины общей теории дискурса и ФД в частности, обозначив параметры и функциональность конститутивных признаков ФД; выделить и изучить речевые жанры ФД: рецепт, фармакопейную статью-инструкцию, инструкцию по применению лекарственного препарата, фармацевтическую рекламу; детализировать жанровую специфику ФД на материале лингвокультурного и социопрагматического пространства фармацевтической рекламы; описать основные признаки терминологического кода ФД и установить место терминологии в пространстве ФД; дать анализ специфики и основных способов терминодеривации фармации в пространстве ФД; рассмотреть механизмы и средства мифологической и поэтической номинации как фактора формирования культурного пространства ФД.

Методологическую основу подхода к ФД составляют релевантные принципы гносеологии и системности, на основе которых язык интерпретируется как социокультурный и когнитивный феномен; кроме того, учитываются современные лингвофилософские концепции взаимоотношения языка, речи и мышления, учение об универсальности взаимодействия явлений объективного мира в совокупности их свойств и закономерностей. В целом для методологии исследования ФД существенны полиаспектность и интегративность, что дает возможность применения инструментария лингвоконцептологии, комплексного дискурс-анализа, дискурсивной и «рекламной» психологии, теории речевых актов, теории терминодеривации, теории номинации. Их синтез обуславливает выбор научно-исследовательских методов анализа ФД, среди которых доминируют когнитивное моделирование, концептуальный, дефиниционный, деривационный анализ, комплексный дискурс-анализ.

Субстанциональные и прагматические характеристики и статус лингвосоциального феномена «фармацевтический дискурс» свидетельствуют о следующем.

Фармация является интегративно-когнитивной сферой гуманитарного знания, выступая основой ФД.

В категориальном аппарате теории языка, с учетом корреляции лингвистических и экстралингвистических факторов, занимает свое место дефиниция новой понятийной единицы «фармацевтический дискурс». Определяемое ею культурное жизненное пространство включает концептуальные доминанты «Здоровье», «Болезнь», «Лекарство», «Аптека», «Фармация» и др., характеризующиеся особенностями фармацевтических вербально-семиотических реализаций конститутивных признаков ФД. Специфика терминологического кода ФД заключается в репрезентации определенного фрагмента культуры посредством фармацевтической терминологии – набора вербально-знаковых единиц.

Одним из факторов, характеризующих эволюцию ФД, выступает мифологическая номинация. Ее пространство, характеризующееся

континуальностью, включает способность быть «развернутым магическим именем» (Лосев 1999). Между сущностью вещи и ее именем постоянно происходит диалог как «способ, форма, регулятор их взаимосвязи, и важнейшим атрибутом этого диалога выступает именно миф» (Буров, Фрикке 2012: 74).

ФД как культурный код социально значим и является одним из важнейших в гиперпространстве институционального дискурса. Мифологический компонент номинации в ФД, по нашим наблюдениям, проявляется в образности словарной номинации лекарственного сырья.

Образность (как процесс формирования образа) выступает наряду с метафоризацией, символизацией (процесс образования символа), категоризацией, концептуализацией, экспрессией, стереотипизацией, важнейшим механизмом номинации лекарственного сырья в ФД. Сложность формирования соответствующего образно-символьного значения номинации обуславливается внутренней формой лексемы – родового имени, а также его экстралингвистической мотивировкой. Особую роль в этих процессах, как уже подчёркивалось, играет слово в функции семиотического знака, символа, семиотической формулы того или иного мифопоэтического образа.

Ярким примером символьного значения названия лекарственного сырья в ФД выступает номинация «лук репчатый». В толковом словаре лексема «лук» определяется так: «(в знач. сорта). Огородное или дикорастущее растение сем. лилейных с острым вкусом луковицы и съедобными трубчатыми листьями. Репчатый лук. Зеленый лук(листья). Головка лука. Дикие луки» (Ожегов, Шведова 1994: 327).

Значение этого понятия фиксируется и в словаре символов: «Ещё в древнем Египте лук считался народным продуктом питания, он часто упоминается также в античной Греции (Гомер, Аристофан). ... В Новое время именно он считался эффективным средством от вампиров. ... В народных выражениях и стихах делаются намёки преимущественно на запах, вызывающий слёзы. ... Всё же повсеместно лук считается *символом внешне презираемой, указывающей на трудности жизни, но всё же очень полезной сущности* (выделено нами – Г.Б., А.Б.)» (ЭСС 2003: 475–476).

В целом образ лука воспринимается языковым сознанием практически полностью положительным, в чём находит отражение важнейший механизм стереотипизации культурных знаний.

Следует добавить, что родовое латинское название *Allium* произошло от кельтского *all* – *жгучий* и связано со жгучим вкусом, характерным для всех органов лука. Видовое название *sera* в переводе с кельтского обозначает «**голова**» и связано с формой луковиц.

В «Салернском кодексе здоровья» зафиксирован настоящий гимн **луку** как источнику здоровья, удачи, силы, долгой жизни:

...Тот, кто себе поутру натирает луковым соком

*Зубы, зубной, говорят, никогда не изведает боли;
 Луковок с хлебом поешь, – прекратятся во рту изъязвления.
 Тот, кто вареными их, окуная в масло, отведал,
 Дизентерии внутри укротит болевые укусы.
 Лука головками, часто втирая их тертыми, сможешь
 Лысой вернуть голове красоту, что утрачена ею.
 Запах излечат во рту и они же изгонят брезгливость,
 Их же советуют также к узлам прилагать геморройным.
 Луковый сок очищает глаза от грозящего мрака... (Семенченко
 2003).*

Номинация «лук» репрезентирует также древнейший мифологический образ-символ головы (как и *одуванчик лекарственный, горицвет весенний*). Исследователи выделяют следующую семасиологическую цепочку мифологических связей: «голова – солнце – небо – вода – огонь – земля – рука – женщина» («мать», букв. «рождающая»).

В лечебнике «Алимма» Евпраксии (Зои), внучки Владимира Мономаха, дается рекомендация по лечению ран печеным луком вместе с квашеным тестом. В русской народной медицине лук пользовался особым почетом. Об этом свидетельствуют множество пословиц, бытующих на Руси. Вот некоторые из них: *Лук да баня все правят. Лук семь недугов лечит. Лук да редька, лук да капуста лихого не попустят. Кто ест лук, тот избавлен от вечных мук. Голь голью, а луковка во щи есть. В нашем краю, словно в раю: рябины да луку не переешь (там же).*

Широко представлено это понятие и в фольклоре, особенно в форме загадок:

<i>Русские:</i>	Все меня любят, а как раздевать – слезы проливать. Сидит дед, многими шубами одет; кто его раздевает, тот сам слезы проливает. Антипка низок, на нем сто ризок.
<i>Коми-пермяцкая:</i>	Я весь из кожи, а люди едят.
<i>Калмыцкая:</i>	У овцы на холодную зиму сто шуб.
<i>Армянская:</i>	Десять шуб имеет, ни одна не греет.
<i>Осетинская:</i>	На статной девице семь архалуков.
<i>Узбекская:</i>	Под землей невелик в золотой шубе старик.
<i>Таджикская:</i>	Голова внизу, а хвост наверху.
<i>Молдавская:</i>	Берешь в руки – смеешься, когда раздеваешь – плачешь.
<i>Литовская:</i>	У красного было девять кож, кто будет их сдирать, будет горько рыдать.
<i>Ногайская:</i>	Не ударив, не побив, заставит плакать.
<i>Марийская:</i>	Зимою репа, летом веретено (см. там же).

Сама география загадок свидетельствует о необычайной распространенности и популярности этого лекарственного и овощного растения, о древности внутренней формы его лексической номинации.

Есть все основания утверждать, что мифологическое начало очень часто является причиной и ментально-образным основанием формирования номинации лекарственного растения в пространстве ФД. Аспекты метафоризации, мифологизации и символизации наименований лекарственных растений свидетельствуют о громадном потенциале языка как величайшего атрибута культуры, способного служить средством создания языковых картин мира, мифопоэтической реальности, средством и способом формирования и сохранения культурно-исторического наследия человечества (Буров 2003).

Таким образом, ФД как культурный код – это особый вид социолингвистического дискурса, который характеризуется важнейшими лингвопрагматическими параметрами социально и культурно-исторически обусловленных языковых актуализаций понятий, символов, образов, смыслов, кодов, ключевых для фармации. ФД формировался путём синтеза ряда лингвоментальных сущностей, поскольку его семантическая плоскость опирается на феномены «образ», «концепт», «понятие», «термин», «миф», «символ». В поэтическом слове, в мифах и легендах с древнейших времен и до наших дней подмечались и фиксировались наиболее характерные и важные для человека объекты и явления природы, свойства растений, их целебное воздействие, их эстетическое значение.

В ФД отмечены чёткие тенденции превращения феномена «лекарство» в объект символизации и мифологизации, что детерминируется огромной социальной значимостью фармации и медицины в целом.

Литература

Алефиренко, Н.Ф. Ценностно-смысловая природа языкового знания / Н.Ф. Алефиренко // Языковая личность: проблемы когниции и коммуникации: сборник научных трудов. – Волгоград, 2001. С. 3-11.

Алефиренко, Н.Ф. Дискурсивная синергетика «живого» слова // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК. Под ред. проф. Г. Н. Манаенко. Вып. 6. – Краснодар: Изд-во СГПИ, 2008. С. 20-26.

Бурдина, О.Б. Моделирование терминологической вариативности во фармацевтическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пермь, 2013. 20 с.

Буров, А.А. Когниолингвистические вариации на тему русской языковой картины мира. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2003. 361 с.

Буров, А.А., Фрикке, Я.А. Мифологический компонент пространства речевой номинации в художественном тексте // Вестник ПГЛУ. 2012. № 1. С. 74-77.

Бурова, Г.П., Буров, А.А. Фрикке, Я.А. Номинация и ее роль в процессе формирования фармацевтического дискурса // Вестник ПГЛУ. 2014. № 2. С.117-122.

Бурова, Г.П. Фармацевтический дискурс как культурный код: семиотические, прагматические и концептуальные основания: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Ставрополь, 2008. 44 с.

Васнецова, О.А. Медицинское и фармацевтическое товароведение. – М.; Гэогар-медиа, 2009. 608 с.

Дубинина, Т.Н. Важнейшие маркетинговые параметры конкурентной ситуации розничных аптечных организаций // Экономический вестник фармации. – 2008. №6. С. 8-9.

Карасик, В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. – Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.

Лазарева, М.Н. О когнитивном подходе к изучению латинских афоризмов в фармацевтическом дискурсе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. 2013, № 4(2). С.295-298.

Лосев, А.Ф. Самое само: Сочинения. – М.: Эксмо-пресс, 1999. 1024 с.

Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: АЗЪ, 1994. 928 с.

Семенченко, В.Ф. История фармации: учебное пособие. – М.: ИКЦ «МарТ», 2003. 640 с.

Энциклопедический словарь символов (ЭСС) / Составитель Н.А. Истомина. – М.: АСТ, 2003. 1056 с.

Summary. The authors examine the pharmaceutical discourse as one of the fundamental forms of expression of human existence which has a great significance for all members of society. The key concepts of pharmaceutical discourse are highlighted, its speech genres are described. Pharmaceutical discourse is a special kind of sociolinguistic discourse that is characterized by the most important linguo-pragmatic parameters such as social, cultural and historically conditioned linguistic actualizations of concepts, symbols, images, meanings, codes, which are key for the pharmacy.

Key words: pharmaceutical discourse, cultural code, image, symbol, mythology, folklore.

О КОГНИТИВНОМ ОБОСНОВАНИИ КЛАССИФИКАЦИИ ДРАМАТУРГИЧЕСКИХ РЕМАРОК

М.А. Голованева

Россия, Астрахань, Астраханский государственный университет
yarrow@inbox.ru

Драматургическая ремарка – элемент паратекста пьесы, фрагмент речевой партии автора, знак внешней коммуникации в коммуникативно-когнитивном пространстве драмы. Дискурсообразующая функция ремарки велика: «Если учесть, что в канон классических произведений драматургии входили точные указания на место происходящих событий, на обстоятельства и время их осуществления, то можно с полным на то основанием утверждать, что все сценические ремарки служили тому, чтобы «погрузить в жизнь» обмен репликами между персонажами пьесы. А именно это и превращает, по словам Н.Д. Арутюновой, текущую речевую деятельность в дискурсивную» (Кубрякова 2008: 9). Коммуникативно-когнитивные усилия автора в процессе драматургической коммуникации наилучшим образом обнаруживаются в речевом материале именно ремарки, так как она позволяет, в зависимости от своей структуры, семантики, места расположения, функции и объёма, в различной степени успешно для продуцента решать коммуникативно-когнитивные задачи.

Различные классификации ремарок встречаем в работах (Дортмузиева – Эл. ресурс; Домашнев 1989; Ищук-Фадеева 2001; Николина 2003; Пиксанов 1921; Хализев 1986 и др.)

В работе (Голованева 2013: 106) нами предлагается классификация ремарок по степени их распространённости и по принадлежащему им контекстуально обусловленному смыслу. В этом же исследовании указываются условия привлечения определённых терминов к номинированию групп ремарок с опорой на классификацию функционально-смысловых типов текста в разговорном диалоге (Борисова 2009: 212-235). Когнитивного основания предлагаемая классификация ещё не получила. Целью настоящей работы является определение коммуникативно-когнитивной базы при вычленении конкретных разновидностей ремарок. Данный подход объясняет причины распределения ремарок на группы «по длине», кажущегося механическим. Часто именно длина обуславливает степень когнитивного потенциала конкретного авторского комментария. Однако ведущую роль играет степень наполнения фрагмента когнитивными структурами, способность фрагмента участвовать в дискурсивных преобразованиях сознания реципиента. Охарактеризуем все разновидности ремарок в предложенной классификации.

I. **Реплицирующий усечённый репрезентатив** – это ремарки, включающие одно слово или предложное сочетание:

(1) С е р ё ж а (**Крупё**). Ну! Давай! (М. Угаров «Зелёные щёки апреля»)

(2) Д е ж у р н а я (**в трубку**). Слушаю. ... (А. Галин «Стена»)

(3) Л я л я. Лучше два балла, чем два года. (**Паше.**) Пошли! (Л. Разумовская «Дорогая Елена Сергеевна»)

Подобные конструкции являются результатом максимальной синтаксической редукции, обусловленной законом экономии речевых усилий. «Эллипсис глагола, его имплицитность базируется на наличии постоянно свойственных ремарке текстовых значений времени и наклонения, третьего лица» (Хижняк 2004: 25). Подобные усечённые конструкции когнитивно обусловлены достаточностью информации, содержащейся в них, для воспринимающего сознания читателя. Контекстуальные варианты, сопутствующие подобным речевым ситуациям, позволяют продуценту (автору) максимально сократить объём высказывания, так как «концепты знания о реалиях и их связях с другими реалиями объективной действительности находятся в прямой связи с выходом предложения в текст» (Гаврилова – Эл. ресурс). Синтаксически редуцированные конструкции в подобных примерах представляют концепторами таких когнитивных образований, которые не требуют значительных усилий читателя для их распознавания и вплетения их в канву дискурса. Кроме того, в этом явлении ощущается реализация конверсационных (разговорных) норм.

II. **Реплицирующий усечённый дескриптив** – это короткая ремарка, представляющая собой неполное предложение, чаще – полупредикативную конструкцию (деепричастный, причастный оборот) или адвербиальное сочетание, одиночное деепричастие, наречие,

предложно-падежную форму субстантива в синтаксической функции обстоятельства образа действия:

(1) Парикмахер. ... Если все идут в одном направлении, вас видят в основном в затылок. И судят о вас по нему. Например, стоите в очереди, тому, кто сзади, есть время рассмотреть ваш затылок А вдруг сзади вас стоит хорошенькая женщина... (**Игриво.**) Или вам это не грозит? Не грозит? Я знаю, не грозит. Ведь если в очереди сзади вас стоит хорошенькая женщина... вы обязательно пропустите её вперёд. А?! Шутка! ... (В. Славкин «Стрижка»)

(2) Сенека (**пытаясь вырваться из объятий**). Нерон! Великий Цезарь! Н е р о н (**сжимая его ещё яростней**). Ну что ты, учитель! Это для других я Цезарь, а для тебя – твой ученик Нерон (Э. Радзинский «Театр времён Нерона и Сенеки»).

(3) Людвиг (**не сразу**). А зачем ты тогда за мной ухаживала? Вон даже молоко... Свежие яйца откуда-то достала? (А. Мишарин «Сказание об Анне и Людвиге»)

Когнитивное выдвигание некоего фрагмента речевой конструкции оказывается достаточным и эффективным ввиду его информативной самостоятельности. Однако от первой разновидности ремарки вторая отличается наличием оценочного значения. Отмеченная функция сирконстанта отвечает требованиям именно образа действия. Актуальность подобной характеристики, частая выраженность полупредикативной конструкцией позволяет разместить данную разновидность в промежуточном положении между первой (слово) и третьей (предложение). Когнитивный признак *как?, каким образом?*, освещаемый подобной ремаркой, стоит особняком между элементарным значением *кому (говорится)?, куда (обращена речь)?* и полноценным предложением, имеющим предикативный центр.

III. **Реплицирующий репрезентатив** – это конструкция, включающая не более одного полного двусоставного короткого самостоятельного предложения (не содержащего в себе имени персонажа как обозначение коммуниканта, владеющего коммуникативной инициативой), имеющего один предикативный центр, не включающего полупредикативные конструкции, обособленные члены предложения, констатирующего физическое, психическое, временное положение всех составляющих мизансцены:

(1) Баба. Да? А правда (**Входит Дед**) (Л. Петрушевская «Вставай, Анчутка!»).

(2) Каля. Ты не думаешь, как ей это мучительно слышать? (**Дима хрустит пальцами рук**) (Л. Петрушевская «Я болею за Швецию»).

(3) Чмутин. Не надо было мне сюда приезжать. ... Л ю д м и л а. Нет... (**Старик собрал посуду и направился к двери**) (А. Галин «Ретро»)

Ремарка данной разновидности может быть как нераспространённым предложением, так и распространённым. Требование к отсутствию осложнённости обусловлено ориентацией на способы первичного, эксплицитно-предикативного обозначения событий. Этому способствует функционирование личных глаголов. В условиях эстетики минимализма, когда наблюдается предельная лаконичность, экономность средств, на первый план выступает их динамичность. «Количество предикативных единиц в составе предложения характеризует его информативную значимость, информативный объём» (Золотова 2004: 221). Наличие в ремарках данной разновидности минимального количества предикатов свидетельствует о таком локализованном когнитивном формате, который позволяет обеспечить динамику выражаемых смыслов, отсутствие «вязких» в смысловом отношении фрагментов паратекстовой ткани. Этому способствует диктумный характер излагаемого, полное отсутствие модуса в подобных ремарках. По утверждению Г.А. Золотовой, такие конструкции относятся к репродуктивному (изобразительному) регистру, их «коммуникативная функция <...> заключается в воспроизведении, репродуцировании средствами языка картин действительности» (Золотова 2004: 402), следовательно, в когнитивном отношении они максимально пригодны к формированию в сознании реципиента (читателя) ясных, элементарных представлений и самодостаточны, логично вычленяются в отдельную разновидность.

IV. **Реплицирующий дескриптив** – это ремарка, включающая одно распространённое пространное или осложнённое предложение или большее количество полных предложений, призванная описать явление, предмет, действие:

(1) Фролов. **А ты поймал хоть раз? Муница, осторожно выбив опоки, вытягивает кочерёжкой из земли ещё краснеющие детали: ролики и тонкие плиты** (А. Солженицын «Республика труда»).

(2) Гурвич. Вот, из его (показывает на Горшкова) зарплаты оплачу. **Горшков, протирая очки, понурился над чертежом** (А. Солженицын «Республика труда»).

(3) Ремарка. **Из кухни мандолина Ермолаева тонко и слабо, как будто из прошлого, понесла скорбь, надежды...** (А. Галин «Летят перелётные птицы»).

От предыдущих разновидностей ремарок данная отличается кардинально. Суть отличия заключается в том, что, благодаря разного рода синтаксическим осложнениям, предложение превращается из констатирующего в описательный элемент. Эффект беллетризации в когнитивном ракурсе даёт широкие возможности воссоздания в реципирующем сознании таких концептов, о которых автор часто и не помышляет. Так, в примере (3) выражение: *мандолина тонко и слабо, как будто из прошлого, понесла скорбь, надежды* – порождает, ввиду

метафоричности, неограниченное количество ассоциаций, концептуальных образований.

V. **Нераспространённый нарратив** – это ремарка, состоящая из одного или двух предложений, вмещающих в общем не более двух предикативных центров, обнаруживающая определённый замысел и установку автора на монологизирование. Тип речи – повествование – обнаруживается в предельно малом количестве предложений, коммуникативная цель – создание у читателя представления о происходящих событиях – достигается минимальным количеством синтаксических конструкций:

(1) Ремарка. **Пьеро кидается к окну, выглядывает. Коломбина тоже идёт к окну и, обняв Пьеро, смотрит вниз. Стоят неподвижно** (Л. Петрушевская «Квартира Коломбины»).

(2) Ремарка. **Паштет умолкает и опять ест арбуз, загадывая свои желания молча. Когда арбуз кончается, он вытирает лицо и руки** (К. Драгунская «Трепетные истории»).

(3) Ремарка. **Царь и свита приводят в чувство учительницу. Она приходит в себя** (К. Драгунская «Все мальчишки – дураки! или И вот однажды...»).

Находясь на подступах к распространённому нарративу, нераспространённый всё ещё остаётся неким намёком на развёрнутое высказывание, однако вычленяется в самостоятельную разновидность вследствие коммуникативно-когнитивной достаточности подобных фрагментов. Такие элементы драматургического текста уже являются информационно законченными долями, способными существовать самостоятельно.

VI. **Распространённый нарратив** – это ремарка, состоящая из любого количества предложений, в общей сложности вмещающих в себя более двух предикативных центров. Конструктивно-композиционные особенности прямой речевой партии автора в данном случае обуславливают тот факт, что распространённый нарратив может допускать инкорпорирование предложений любого типа речи: повествования, описания, рассуждения.

(1) Ремарка. **Виктор действительно спит. Она тихо ставит туфли на столик и подходит к нему. Осторожно берёт его руку. Виктор не шелохнётся – спит. Геля, еле слышно ступая, отходит в сторону, гасит большой свет. Теперь только ночник освещает комнату. Она садится напротив Виктора, внимательно на него смотрит. Тишина. Медленно начинают бить далёкие часы. Двенадцать. Геля сидит неподвижно. Откуда-то доносится музыка. Вновь – уже один раз – бьют часы. Геля продолжает сидеть всё в той же позе. Музыка едва слышна. Виктор открывает глаза** (Л. Зорин «Варшавская мелодия»).

(2) Ремарка. **Ксения беззвучно матерится. В саду у Ксении всё время звучит негромкая музыка, в отдалении, за де-**

ревьями, где-то там. Это в санатории ФСБ неподалёку идёт дискотека, или строители, сооружающие дом на соседнем участке, включили магнитофон, чтобы веселее работалось, или ещё что-нибудь, всё время музыка, то весёлая, то грустная, то ближе, то дальше, кстати и некстати, глупые попсовые песни, хиты семидесятых и восьмидесятых, английский рок, ретро, разная, разная, разная музыка смолкает и звучит снова (К. Драгунская. «Трепетные истории»).

Распространённый нарратив – это своего рода эмфатическое средство, т.е. средство выделения, зрительного выдвигания части текста. Ремарка обычно выделяется иным шрифтом, или берётся в скобки, или пишется с «выравниванием по центру». Всё это делается для её обособленности в тексте. Ремарка всегда – текст в тексте, имеющий чёткие границы. Очень пространная ремарка – это выходящее за рамки типического явление, оно, бесспорно, привлекает внимание. В месте соприкосновения распространённого нарратива с окружающим контекстом возникает своего рода «фокус контраста» (У. Чейф), следовательно, это эмфатическое средство.

Учитывая, что драматургический дискурс – это «речемыслительное пространство событийного характера, которое образуется вокруг дискурсивно обусловленного концепта, в результате чего создаётся смысловое содержание, включающее в себя информацию о субъектах речемышления, объектах, обстоятельствах и пространственно-временных координатах, а исходной структурой дискурса служат последовательно выстроенные элементарные пропозиции» (Голованева 2013: 2), можно утверждать, что дискурсивные потенции ремарки – распространённого нарратива – весьма велики. Во-первых, в силу эмфатического свойства, во-вторых, в силу очевидной информативной самостоятельности такого фрагмента. Когнитивные возможности локализованных в отграниченном высказывании квантов информации превращают подобную беллетризованную ремарку в зону извлечения читательским сознанием большого количества форматов знания. Они формируются в больший или меньший ряд концептов. Масштабность «когнитивного приобретения» читателя на базе текста подобной ремарки непривычна читателю и всё ещё остаётся дискурсивной экзотикой.

Таким образом, когнитивное обоснование классификации драматургических ремарок позволяет говорить о шести самостоятельных, дискурсивно состоявшихся разновидностях. Коммуникативно-когнитивный потенциал каждой из разновидностей – важнейший критерий их выделения.

Литература

Борисова, И.Н. Русский разговорный диалог: Структура и динамика / И.Н. Борисова. – 3-е изд., стер. – М.: Либроком, 2009. 320 с.

Гаврилова, Г.Ф. Семантика и структура предложения в когнитивном аспекте // Когнитивные аспекты исследования языка (Эл. ресурс) Режим доступа: <http://do.gendocs.ru/docs/index-77755.html?page=3>

Голованева, М.А. Коммуникативно-когнитивное пространство русской драмы конца XX века: Дис. ... докт. филол. наук / М.А. Голованева; ВГПУ. – Волгоград, 2013. 450 с.

Дортмузиева, З.С. Прагматика авторских ремарок в тексте английской драмы / З.С. Дортмузиева. (Эл. ресурс) Режим доступа: <http://pn.pglu.ru>

Домашнев, А.И. Интерпретация художественного текста / А.И. Домашнев, И.П. Шишкина, Е.А. Гончарова. 2-е изд., дораб. – М.: Просвещение, 1989. 204 с.

Золотова, Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. – М.: Инст. рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2004. 544 с.

Ищук-Фадеева, Н.И. Ремарка как знак театральной системы: к постановке проблемы / Н.И. Ищук-Фадеева // Драма и театр. – Тверь, 2001. Вып. 2. С. 10-15.

Кубрякова, Е.С. Драматургические произведения как особый объект дискурсивного анализа (к постановке проблемы) / Е.С. Кубрякова, О.В. Александрова // Известия РАН. Сер. лит. и языка. 2008. Т. 67. № 4. С. 3-10.

Николина, Н.А. Филологический анализ текста: учеб. пос. / Н.А. Николина. – М.: Академия, 2003. 256 с.

Пиксанов, Н.К. Ремарки «Горя от ума» / Н.К. Пиксанов // Культура театра. 1921. № 5. С. 12-16, № 6. С. 22-27.

Хализев, В.Е. Драма как род литературы / В.Е. Хализев. – М.: Изд-во МГУ, 1986. 259 с.

Хижняк, А.В. Ремарка в драмах Ф. Шиллера: локально-структурный, функционально-семантический и переводческий аспекты: Дис. ... канд. филол. наук / А.В. Хижняк; РГУ. – Р.-н / Д, 2004. 167 с.

Summary. Scenic remarks convert speech activity into the discursive one, “plunging” the exchange of utterances between the characters of dramatic plays “into life”. The study specifies the conditions to attract certain terms to nominating the remark groups relying on the classification of functional and semantic text types in a colloquial dialog. The article is aimed to determine the communicative and cognitive base for the specifying of certain types of remarks. The classification of remarks is based on their ability to transform discursive consciousness of recipients.

Key words: dramatic discourse, dramatic text, remark.

ПОЛИМОРФНАЯ ПРИРОДА РОК-ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Ю.В. Маслова

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
ziltsova@mail.ru

Говоря о дискурсе рок-культуры, М. Б. Шинкаренкова отмечала ядерный уровень, который составляют поэтические тексты рок-авторов (Шинкаренкова 2013: 233-241). Дискурс поэтического текста, по замечанию И. И. Чумак-Жунь, «это сложная, нелинейно организованная система поэтических текстов, образно-речевые элементы которой представляют собой интегративное и системно связанное единство их языковых, прагматических, социокультурных, психических и паралингвистических свойств. Понимание поэтического дискурса как системы включает одновременно и динамический процесс образно-речевой деятельности, вписанной в

соответствующий метаконтекст, и его результат – поэтический текст» (Чумак-Жунь 2009: 26). Автор подчёркивает единство языковых, прагматических, социокультурных, психических и паралингвистических свойств, образующих систему.

На наш взгляд, к определению понятия «дискурс» применима следующая формула: **дискурс = текст + экстралингвистический контекст**. Для адекватной интерпретации сущности рок-поэтического дискурса дополним эту формулу определением дискурса как *коммуникативного события* (Алефиренко 2013: 48).

В отношении дискурсивного пространства рок-текста стоит говорить о его многоликой природе, включающей три взаимодополняемых аспекта: культурный, социальный и психологический. Каждый из указанных аспектов по-своему оказал влияние на формирование рок-культуры в целом, а значит, и на рок-текст как одну из форм её бытования. В связи с этим становится возможным объяснить проявление того или иного признака рок-поэтического текста оказанным влиянием одного из аспектов дискурсивного пространства. В каждом рок-тексте находят отражение все три аспекта, что указывает на однородность дискурсивного пространства.

Культурный аспект, как нам кажется, формировался на основе противоречия: с одной стороны, рок, зарождаясь, претендовал на эксклюзивность и принадлежность к культуре элитарной, культуре посвящённых, с другой стороны, приобретая и покоряя всё большую аудиторию, рок вольно или невольно должен был стать явлением массовым. Колебания постепенно прекратились, и сейчас рок остаётся явлением субкультурным, имеющим свои отличительные характеристики и ориентирующимся на свою аудиторию. О массовости рока следует говорить на стадии его формирования. В 60-х годах XX столетия, во время назревших перемен, представители Англии и Америки практически параллельно работают над созданием новых ритмов, ритмов, которые взорвут сцену, «прокачают» аудиторию. К слову, rock (в переводе с английского ‘качать’, ‘укачивать’, ‘качаться’) в данном случае указывает на характерные для этих направлений ритмические ощущения, связанные с определённой формой движения. Появившиеся The Beatles, The Doors, Scorpions создавали новую музыку, ранее не существовавшую.

Уже позднее рок стал предметом шоу-бизнеса, что стало возможным после того, как он приобрёл свою философию и взял во внимание всё новые и новые ориентиры. Новые направления были продиктованы желанием выделиться из толпы, сделать то, что ещё никто не делал. Так появляются «гаражный» рок, психоделический, поп- и арт-рок, «метал» и др. И каждое направление находило свою аудиторию. Таким образом, рок постепенно становился явлением массовым, как болезнь, поразившая в 60-80-е годы запад.

Однако стремление к массовости имело и отрицательную сторону – использование текстовых штампов и упрощение текстовых структур ради аудитории, поскольку слушателя привлекала, прежде всего, музыка, а не текст. К тому же, невозможно представить себе существование рок-культуры без опоры на современные средства массовой информации и коммуникации, которые и являются основной средой существования массовой культуры (Солодова 2002: 31).

Русский рок изначально взял другой курс развития, отказавшись от массовости и стремясь к элитарности. Самым логичным путём было нахождение ориентира в истории. Таким ориентиром стал Серебряный век русской поэзии. Русский рок взял за основу утверждение о том, что мир изначально по своей природе чудовищен, бесчеловечен и жесток. При этом каждый рок-автор верил в возможность всё изменить. Так появилась общая с периодом Серебряного века стратегия борьбы, протеста, несогласия. Футуристы пытались «сбросить с парохода современности Толстого, Достоевского, Пушкина», рок-авторы были нацелены на борьбу с «хозяевами мира» – начальниками, богачами, мещанами. Этот мир принадлежит «им» («чужим», мещанам, обывателям, начальникам), а представитель рок-культуры в нём посторонний. От этого мира можно только спрятаться – уйти в свой мир: наркотики, алкоголь, музыку, мистику (Рок-поэзия // Энциклопедия для детей 1999: 473). Характерные для рок-музыки визжащие, скрежещущие и воющие тембры оправданы именно тем, что рок-культура – это крик человека, выброшенного в чужой, бесчеловечный мир (Солодова 2002: 28).

В этой связи становится объяснимым заимствование рок-авторами приёмов поэтов Серебряного века. Так, сближение с авангардизмом – тенденцией отрицания исторической традиции, преемственности (URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclor/lez/lez-1351.htm>) порождает в рок-культуре противопоставление обыденному и стандартному представлению о мире. В рок-текст авангардизм привносит особое эмоциональное реагирование на действительность, вызванное стремлением разрушить идеалы. Именно поэтому состояние эмоциональной напряжённости, надрыва становится одним из текстообразующих факторов. Дадаизм – тенденция отрицания исторической традиции, преемственности, экспериментальный поиск новых форм и путей в искусстве (там же) – в рок-культуре отзывается стремлением изображения мира «наизнанку», демонстрацией поведения «наоборот». В рок-тексте, как следствие, появляются алогизмы, повторы, сдвиги смысла. Сюрреализм – течение, прокламировавшее высокую ценность «младенческого» ощущения мира и действительности, утверждая примат подсознательного над сознанием и логикой (там же) – привносит в рок-культуру оппозицию «разум – безумие». На уровне рок-текста сюрреализм также отражается проявлением «инфантильной серьёзности» (Логачёва 1997: 14), нарушением смысловой целостности произведения.

Существуют исследования (А. Н. Черняков, Т. В. Цвигун, И. П. Салтанович), посвящённые соотношению рок-культуры и символизма. Концептуальным ориентиром, по замечанию А. Н. Чернякова, «для русской рок-поэзии становится русский или европейский символизм, сюрреалистическая поэтика, поэзия абсурда, ...обширная традиция русского авангарда» (Черняков, Цвигун 1999: 87). Символизм оказывается способным при необходимости донести информацию только до отдельных, «посвящённых» ушей. Нам видится явная связь символизма и рок-текста, а именно влияние первого на второй. Именно из символизма в рок-текст заимствуется скрытая символика, метафоричность слога, интертекст.

Характерной чертой рок-поэзии является её игровой характер, использование гротеска, карнавализации, абсурда. В связи с этим весёлое и грустное, комическое и трагическое, реальное и ирреальное оказываются в рок-текстах амбивалентными категориями. Характерная для рок-культуры и рок-поэзии «карнавальность» соотносится с особенностями «карнавального мироощущения», присущего творчеству обэриутов, в художественной системе которых традиционное мировоззрение подвергается ревизии, а жизнь представляется исполненной трагикомизма и абсурда.

Описание Н. И. Якушиным рок-поэзии как нестандартного культурного явления XXI века сосредоточено на нахождении в рок-текстах черт романтизма, что объясняется бунтарским духом рок-поэта: «главная идея романтизма – прославление самодовлеющей личности, ощущающей свою самостоятельность, неисчерпаемость и самоценность с её стремлением к независимости, нежеланием подчиниться законам окружающего мира, жёстко ограничивающего возможности человеческой личности» (Якушин 2001: 24). Связь рока с романтизмом отмечают также Е. Г. Милютина (Милютина 2000), Ю. А. Чумакова (Чумакова 2000). Соотносит рок с традицией неомифологизма С. Ю. Толоконникова (Толоконникова 1999). Рок-поэзия и концептуализм соотношены С. С. Жоговым (Жогов 2001).

Вторым аспектом, формирующим дискурс рок-поэтического текста, является *социальный аспект*. В социальном плане рок-культура в целом представляет собой комплекс верований и ценностей, радикально отвергающих господствующую культуру и предлагающих альтернативный способ бытия в современной действительности (Солодова 2002: 48). Под социальной направленностью рок-текста мы понимаем интерес поэтов к национальной тематике, будь то отклик на сегодняшние события, взгляд в глубь истории или религии с целью описания особенностей культуры и менталитета.

Социальность рок-поэзии – это также и ориентация на существующие общественные проблемы, освещение как вечных тем (противопоставление богатых и бедных, конфликт отцов и детей), так и тем, характерных только для определённого периода времени (как

правило, это современность). Рок-авторы обращают внимание и на подавление голоса народа, выступая против того, чтобы кто-то «играл» людьми, как пешками в шахматной партии:

Разобраться хотя бы раз:

Это мы играем во что-то

Или кто-то играет в нас?

Вот сто дорог.

Ты пешка или ты игрок?

Наш или ваш ход?

Кто нам объявит счёт? (А. Макаревич).

Нужно отметить, что социальный аспект является стержневым в рок-культуре, т.к. изначально рок, особенно русский, – это рупор народа, желающего и способного выразить своё недовольство, бунтовать. Однако если изначально появившееся на Западе рок-движение представляло бунт против существующей социальной системы, культивирующей мещанские интересы, то в России к этому ещё прибавился бунт против коммунистической идеологии с её системой ценностей. Ярким примером в этом плане служит строка Е. Летова: «*А при коммунизме всё будет хорошо... Там, наверное, вообще не надо будет умирать...*».

Именно через рок-произведение автор мог высказывать своё возможное недовольство общественным строем, говорить о проблемах молодёжи, размышлять о судьбе своего государства и своей судьбе, судьбе поэта, в частности. Для русского рока социальный аспект стал невероятно важен, так как изначально заложенный в рок-культуре пафос гражданственности притягивал личностей, равнодушных к судьбам людей и к судьбе своей страны. Эти личности становились рок-поэтами.

Социальность рок-текста может проявляться в большей или меньшей степени. Классическим примером яркого проявления социальной направленности является творчество И. Талькова. Его тексты («Россия», «Я вернусь»), манера исполнения (твёрдость, чёткость, обилие слов социальной тематики), форма одежды (рубаша, крест на груди) и имидж в целом олицетворяли человека-патриота, переживающего за свою Родину.

В противовес этому впроанализированных нами текстах рок-авторов 90-х годов мы отмечаем сниженную социальную направленность. Это можно объяснить периодом написания этих текстов: 90-е годы – время изменения строя страны, время, когда каждый стал больше концентрироваться на своих проблемах, обходя общие и затрагивающие всех темы. Личное благополучие стало волновать больше, нежели благополучие страны в целом, поэтому мы наблюдаем сужение круга социальных тем, характерных для творчества того или иного автора. Примечательно, что авторы-женщины (С. Сурганова, Д. Арбенина) концентрируют внимание на теме разлуки ввиду соци-

альных различий, невозможности быть вместе, на теме общего отсутствия доброты в человеческих сердцах:

*Мы с тобой друг друга встретили
летом девяносто третьего.*

*Нас с тобой тянуло-гладило,
мы прожили расстояния.*

*оплетали север струнами,
раздевались перед лунами.*

*Но север хранит стекло
и не бережёт металл.*

*И тот, кого я спасла,
меня без труда предал.*

случилось.

А. Васильевым же рассматриваются более «мужские» темы: действие алкоголя на личность, подростки и наркотики и др.:

*Я пил очень долго воду с парами бензина,
Я видел глаза в кислоте.*

*Я стал веселей после полбутылки джина
И стал на последней черте.*

Не менее значимым и важным в формировании дискурсивного видения рок-поэтического текста нам представляется *психологический аспект*. При этом если при анализе поэтических текстов Серебряного века или любого другого периода, обращаясь к дискурсу, исследователи брали во внимание прежде всего культурный аспект, реже – социальный, то при анализе рок-текста обязательно следует говорить о психологическом аспекте, так как именно он тесно связан с концептуально-тематическим полем текста, его содержательной частью. Для рок-культуры психологический план сосредоточен прежде всего на выдвинутом ещё Западом лозунге «Секс, наркотики и рок-н-ролл» («Sex, drugs, rock-and-roll»). Этот постулат во многом определил имидж и поведение исполнителей, тематику текстов и образ жизни всех принадлежащих к рок-культуре.

С рок-культурой напрямую связывается наркотическая тема. Конечно, нет оснований причислять всех рок-авторов и исполнителей к наркозависимым людям, но следует отметить тот факт, что многие лидеры популярных рок-групп прожили очень короткую жизнь именно по этой причине. В тематическом фильме «7 поколений рок-н-ролла» («7 ages of rock») солист легендарной рок-группы Scorpions в интервью признаётся: «Мы покоряли всё большие и большие залы, а значит, денег у нас было всё больше и больше. Устоять против соблазнов нам, молодым парням, было очень трудно, практически невозможно. Мы прожигали время, жизнь. Жаль, многие так и не вышли из этого состояния».

Таким образом, в психологическом плане рок-культура тесно связана с наркоманией, что наложило отпечаток и на тексты, и на их

исполнение. Учёными доказана тесная связь между употреблением того или иного психоактивного вещества и появляющейся в этом состоянии музыкой. Так, например, употребление морфия, героина влечёт за собой появление небыстрой музыки, неэнергичных текстов. Таковой общей медлительностью характеризуется творчество групп «Сплин», «Би-2», «Наутилус»:

*Герой на героине, героиня на героине,
И двойная сплошная пролегла между ними...* (А. Васильев)

Общую картину дополняет ещё и протяжное исполнение «нараспев» с обязательным удлинением звучания конечных слогов.

Иное восприятие мира наблюдается при употреблении галлюциногенов, психостимуляторов и ЛСД. Эти психоактивные вещества, наоборот, увеличивают приток энергии, дают силы. В связи с этим у тех, кто употребляет указанные препараты, появляется избыточная энергия, сверхподвижность и включённость, что проявляется в использовании подвижных ритмов, характерного исполнения и скоростных текстов. Всё это использует психоделический рок. Этот музыкальный жанр возник в середине 60-х годов в Западной Европе и Калифорнии и был тесно связан с понятиями «психоделия» и «психоделики» (галлюциногены). Но психоделический рок не был связан с обязательным употреблением психоделиков – музыканты стремились передать состояние трансцендентального сознания путём музыкальных образов, а не рекламы ЛСД. Галлюциногены, по замечанию А. Троицкого, – символ прогрессивного, мода на них пришла от западных передовых рок-групп. Русский же «психодел» в творчестве групп «Мумий тролль», «Агата Кристи» базировался на алкоголе, т.к. наркотики были диковинкой (Троицкий 1991: 117).

Под воздействием наркотических веществ сознание человека меняется. Это изменённое сознание особым образом строит и тексты. Оно же и объясняет наличие в рок-текстах повторов, нередко трёх-, четырёх и пятикратных. Особенно в этом отношении показательны тексты А. Васильева:

*Ртуть упала,
И листва за окном шелестеть перестала,
И вдвоём под одним шерстяным одеялом
Остаёмся зимовать.
Остаёмся зимовать.
Остаёмся зимовать.
Вода замёрзла – перебьёмся.
Зимовать («Остаёмся зимовать»).*

Психология рок-культуры во многом объясняет и концептуальное пространство текста, появление таких тем, как взаимоотношение полов, проявляющееся как в гетеро-, так и в гомосексуализме, употребление наркотиков и последствия этого, одиночество и дисгармония с внешним миром, причиной которых стали либо крах в личной

жизни, либо ощущение невозможности что-либо изменить в мире. Такое состояние, к слову, и приводило человека к употреблению наркотиков. Или наоборот: употребление наркотиков приводило к личному краху.

Объяснимо также и появление темы осмысления поэтом сути своего творчества, его предназначения. Задачей рок-поэта как человека, пытливого и непредвзято осознающего мир и своё место в нем («Я не живу, я слежу за собственной жизни развитием», А. Васильев), становится желание «постичь жизнь в её свободном течении, в её позитивной прерывистости» и передать свой непосредственный опыт в свободной форме рок-произведения (Солодова 2002: 76). Эта задача рождает тексты – философские размышления, формирует систему концептов поэта.

Таким образом, рок-поэтический текст следует рассматривать только в дискурсе, который находит своё отражение в тексте, возникает и выявляется в тексте и через текст. Основывается он на трёх взаимосвязанных областях: культура, социум и психология. Эти области в той или иной мере формируют рок-культурное пространство во всех его формах бытования, не исключая и текстовую. Они также объясняют природу обозначенных нами механизмов порождения рок-поэтического текста.

Литература

Алефиренко, Н.Ф. Проблемы вербализации концепта. – Волгоград: Перемена, 2003. 95 с.

Логачева, Т.Е. Русская рок-поэзия 1970-х – 1990-х гг. в социокультурном контексте: дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 1997. 185 с.

Солодова, М. А. Текст и метатекст молодежной субкультуры в лингвокультурологическом аспекте: на материале текстов песен отечественных рок-групп и рецензий на них: дисс. ..канд. филол. наук. – Томск, 2002. 21 с.

Троицкий, А. К. Рок в Союзе: 60-е, 70-е, 80-е. – М.: Искусство, 1991. 206 с.

Черняков, А.Н., Цвигун, Т.В. Поэзия Егора Летова на фоне традиции русского авангарда (аспект языкового взаимодействия // Русская рок-поэзия: текст и контекст. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. Вып. 2. С. 86-94.

Чумак-Жунь, И. И. Дискурсивное пространство поэтического текста: образное слово в русской лирике конца XVIII-начала XXI веков: автореф...д.ф.н.. – Белгород, 2009. 37 с.

Шинкаренкова, М.Б. Структура дискурса русской рок-поэзии // Политическая лингвистика. 2013. № 16. С. 233-241.

Якушин, Н.И. Русская литература XIX века (первая половина). – М., 2001. С. 24.

Фундаментальная электронная библиотека: литература и фольклор (Эл. ресурс). – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclp/le3/le3-1351.htm>

Энциклопедия для детей. М.: Аванта+, 1999. Т. 9. Ч. 2. Русская литература. XX век. С. 473-479

Summary. The article gives a valuable information on Russian rock-poetry discourse. It describes in detail the literary, the sociological, the psychological parts of it. The conclusions are illustrated by the texts of Russian rock-authors.

Key words: rock-poetry, discourse, context.

ТРЕХУРОВНЕВАЯ СТРУКТУРА ДИСКУРСА ТЕЛЕФОРМАТА (НА ПРИМЕРЕ БРИТАНСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ТЕЛЕСЕРИАЛА “DOWNTON ABBEY”)

А.А. Куценко

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
alinaconfiture@gmail.com

Многозначное понятие «дискурс» впервые было введено французским ученым-лингвистом Э. Бенвенистом, и, по его мнению, трактуется как «речь, присваиваемая говорящим» (Бенвенист 2009: 296). Попав под пристальное внимание ученых, дискурс, представляющий в самом общем смысле связную речь, с середины XX века и в настоящее время изучается в различных научных школах. Представителями отечественной школы языкознания, выбирающими дискурс в качестве объекта своих научных исследований, являются Н.Ф. Алефиренко, В.З. Демьянков, А.Е. Кибрик, Н.Д. Арутюнова, В.В. Красных, Ю.Н. Караулова и др. Н.Ф. Алефиренко, например, определяет дискурс как «речемыслительное образование событийного характера в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими, паралингвистическими и другими факторами» (Алефиренко 2009: 248). По мнению Н.Д. Арутюновой, дискурс представляет собой «речь, погруженную в жизнь» (Арутюнова 1990: 136). В.В. Красных, проанализировав работы, посвященные дискурсу, ван Дейка, А.Е. Кибрика, Ю.Н. Караулова, разработала собственное определение дискурса, в котором прослеживается двойственная природа данного феномена, а также такая важная его особенность, как связь с экстралингвистическими факторами: «дискурс есть вербализованная речемыслительная деятельность, понимаемая как совокупность процесса и результата и обладающая как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическим планами» (Красных 2003:113). Интересным и даже возможно более важным, чем само определение В.В. Красных, является ее комментарий: «Дискурс имеет два плана – собственно лингвистический и лингвокогнитивный. Первый связан с языком, манифестирует себя в используемых языковых средствах и проявляется в совокупности порождённых текстов (дискурс как результат). Второй связан с языковым сознанием, обуславливает выбор языковых средств, влияет на порождение (и восприятие) текстов, проявляясь в контексте и пресуппозиции (дискурс как процесс)» (Красных 2003: 114).

По нашему мнению, при исследовании и выявлении особенностей дискурса необходимо изучать его структуру, как концептосферу. Термин «концептосфера» впервые был введен в отечественной науке академиком Д. С. Лихачевым. Концептосфера, по определению Д. С. Лихачева, «представляет собой совокупность концептов нации, она образована всеми потенциями концептов носителей языка. Концептосфера народа шире семантической сферы, представленной зна-

чениями слов языка. Чем богаче культура нации, ее фольклор, литература, наука, изобразительное искусство, исторический опыт, религия, тем богаче концептосфера народа» (Лихачев 1993: 5). Наряду с термином «концептосфера», было введено понятие «концептуализация», которое, по мнению Н.Н. Болдырева, определяется как «осмысление поступающей информации, мысленное конструирование предметов и явлений, которое приводит к образованию определенных представлений о мире и виде концептов» (Болдырев 2001: 22), имеющих полевою структуру, «включающую ядро (центральная ядерная зона, околожерная зона) и периферию (ближняя периферия, дальняя периферия и крайняя периферия). К ядерной зоне относятся лексемы, экспонирующие ядро национального сознания, его архетипические признаки, к периферии – лексемы, отражающие индивидуальное сознание в современном срезе» (см. Вербализация концепта «Beauty» в современных англоязычных журналах). По мнению Е.А. Огневой, «смысловой уровень концептосферы конституируется совокупностью когнитивных образований, где каждое последующее образование является производным предыдущего: **компонент смысла > концепт-элемент > субконцепт > концепт > концептосфера**» (Огнева 2009: 16). Далее, в своем исследовании Е.А. Огнева приводит следующие пояснения: компонент смысла определяется как «минимальная ячейка концептосферы; совокупность компонентов смысла формируют концепт-элемент. Единство концептов-элементов образуют субконцепт. Совокупность субконцептов представляет собой концепт» (Огнева 2009: 94).

С нашей точки зрения, научный интерес представляет изучение концептосферы художественного дискурса. Т.А. ван Дейк трактует художественный дискурс как «коммуникативный акт, который не обязательно и не в первую очередь преследует такие типичные целевые установки, как вопрос, утверждение, угроза, обещание, характерные, например, для повседневной речи; он может, вообще, иметь только одну цель. Она заключается в следующем: писатель с помощью своих произведений пытается воздействовать на духовное пространство читателя (его систему ценностей, знаний, его верования и желания) с целью изменить его» (Dijk 1979: 151).

В настоящее время, благодаря стремительным темпам развития информационных технологий и кинематографа, актуальным является изучение концептосферы дискурса кинематографа, являющегося разновидностью художественного дискурса. Речь персонажей того или иного фильма представляет обширный материал для исследования дискурса определенной исторической эпохи, в которую происходят события на экране.

В данном исследовании представляется интересным привести результаты когнитивно-герменевтического анализа концептосферы дискурса телеформата второго сезона британского исторического телесериала “Downton Abbey” («Аббатство Даунтон»), поскольку «результаты, полученные путём применения когнитивно-герменевтического метода,

демонстрируют адекватность количественного и качественного наполнения когнитивных структур (фрейма, сценария, сцены), формирующих художественную концептосферу» (Огнева 2013: 10). Под телеформатом следует понимать «исследовательский конструкт, представляющий собой совокупность вербализованной в фильме информации, образующий целостный когнитивный телересурс, как озвученный, так и виде субтитров» (Куценко 2014: 235).

Проанализировав дискурс телеформата сериала “Downton Abbey”, мы установили наличие трехуровневой структуры дискурса, а именно, нами выявлен ядерный концепт «Первая мировая война», в котором можно выделить два субконцепта: «Тыл» и «Фронт», являющихся пространственными. Далее, было выявлено, что каждый субконцепт включает в себя несколько концепт-элементов, таких как: «Предчувствие беды», «Молитва» (пространственный субконцепт «Тыл») и «Тоска по дому и родным», «Забота о ближнем», «Надежда» (пространственный субконцепт «Фронт»). Трехуровневая структура дискурса телеформата сериала “Downton Abbey” представлена далее в виде схемы (рисунок).

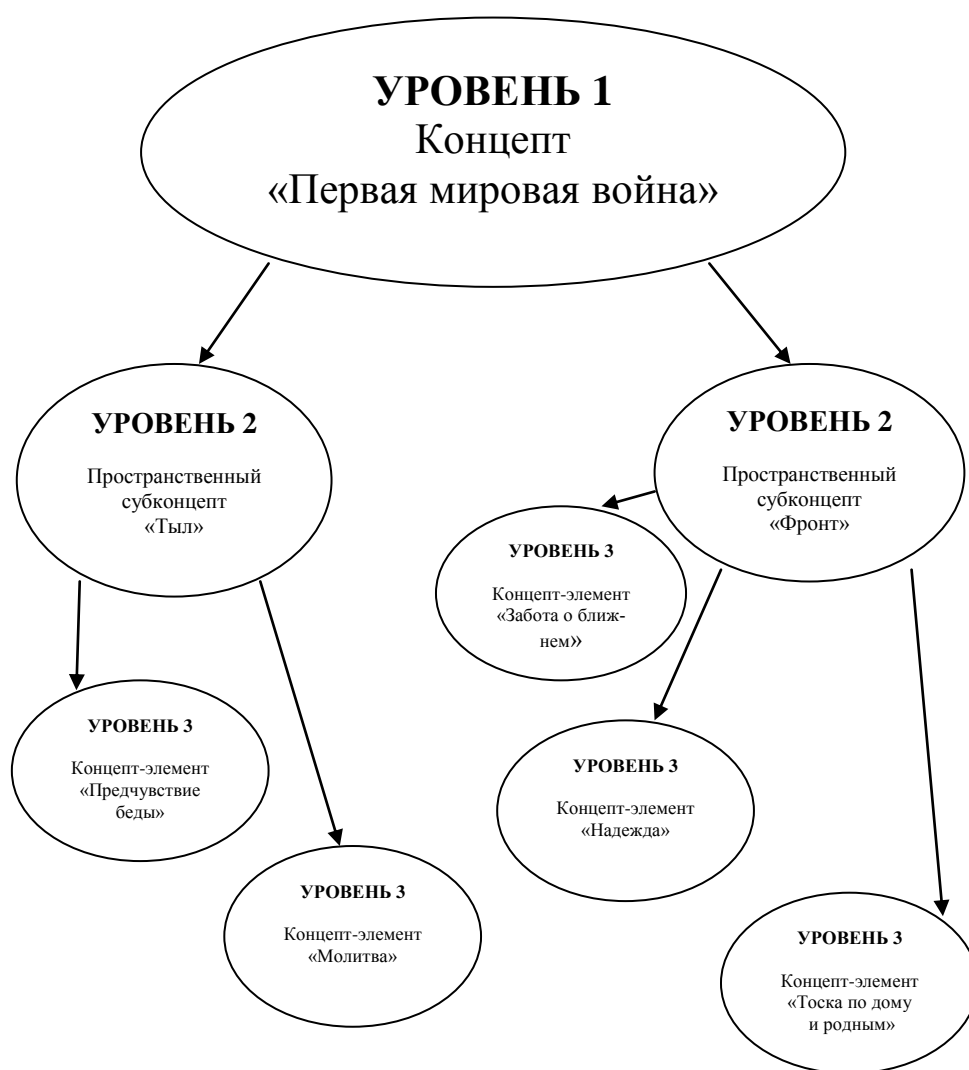

Рис. Трехуровневая структура дискурса телеформата

Выявленный нами концепт «Первая мировая война» является ядерным в дискурсе телеформата второго сезона сериала “Downton Abbey”, он характеризует главную тему сезона и исторические события 1914-1918 гг., разворачивающиеся перед зрителем. Война всегда подразумевает два места действий – фронт, на котором происходят основные сражения и тыл, где те, кто не ушел на фронт (в основном женщины, старики и дети) стараются жить обычной жизнью, трудиться на благо отечеству и всячески помогать армии. В связи с этим нами были выявлены два пространственных субконцепта «Тыл» и «Фронт». В состав каждого из них, согласно предложенной нами трехуровневой структуре дискурса телеформата, входят концепты-элементы, представленные определенными номинантами. Под номинантом подразумевается «единство планов выражения и содержания языкового знака, реализующего компонент смысла как минимальную структурную единицу концепта-элемента» (Огнева 2009: 94).

Рассмотрим концепт-элементы, входящие в состав пространственного субконцепта «Фронт». Приведем пример номинантов концепт-элемента «Забота о ближнем».

ПРИМЕР 1:

– *I want every wounded man taken down the line before it starts to get dark. We've bloody well lost enough of them for one day.* (Downton Abbey 2x10 [http](http://))

Номинанты «*taken down the line*» и «*lost enough of them*» репрезентируют проявление заботы офицера армии Мэттью Кроули о своих однополчанах, пострадавших во время битвы на Сомме. Выявленная нами хронема «*for one day*» демонстрирует историческую справедливость дискурса: согласно источникам, в ходе этого одного из самых кровопролитных в истории человечества сражений «в первый же день британцы потеряли 21 тысячу солдат убитыми и пропавшими без вести и более 35 тысяч ранеными» (Битва на Сомме [http](http://)).

Также, сидя в окопах, солдатам было весьма трудно найти себе нормальное пропитание, поэтому даже обычное сгущенное молоко казалось деликатесом: в дискурсе нами был выявлен номинант-глюттоним «*condensed milk and sugar*» и связанный с ним номинант «*nectar*», репрезентирующие концепт-элемент «Забота о ближнем» – один солдат делится сгущенкой с другим, несмотря на редкость продукта. Проиллюстрируем вышесказанное в следующем примере:

ПРИМЕР 2:

– *We've got condensed milk and sugar. <...>*

– *That's nectar.* (Download Downton Abbey 2x01 subtitles [http](http://))

Концепт-элемент «Забота о ближнем» в исследуемом нами дискурсе также представлен таким номинантом как «*shaken that cold*», что легко объясняется тем, что во время войны, в отсутствие нормальных жизненных условий, многие солдаты болели, причем простуда была наименее серьезным заболеванием. Приведем пример:

ПРИМЕР 3:

– *How are you, Thompson? Have you shaken that cold?*

– *I'm all right, sir, thank you.*

Помимо концепт-элемента «Забота о ближнем», нами был выявлен концепт-элемент «Надежда», который также входит в состав пространственного субконцепта «Фронт». Приведем пример:

ПРИМЕР 4:

– *My God. They won't believe it back home where I come from. I thought, "Medical Corps, not much danger there." How wrong can one man be? Here. I think it comes down to luck. If a bullet's got your name on it, there's nothing you can do. If not, then thank God you were lucky...* (Download Downton Abbey 2x01 subtitles http)

В дискурсе одного из солдат мы обнаружили номинант «*it comes down to luck*», репрезентирующий его отношение к исходу сражения – солдат полагается на удачу.

Находясь на фронте, вдали от дома, бойцы вспоминали довоенное время, своих родных и близких и мечтали хоть ненадолго оказаться в родных краях. Исходя из этого, в дискурсе телеформата сериала "Downton Abbey" нами был выявлен концепт-элемент «Тоска по дому и родным», и репрезентирующие его номинанты: «*some rest*», «*a few days' leave*», «*real food*», «*a girl I want to see*» и «*the old days*».

Проиллюстрируем вышесказанное в следующих примерах:

ПРИМЕР 5:

– *We're to be relieved today by the Devons. The men can finally get some rest and I've got a few days' leave coming to me.*

– *What will you do with them, sir?*

– *London first. To remind myself what real food tastes like. Then north for a couple of days, I suppose. Naturally, there's a girl I want to see while I'm there.* (Download Downton Abbey 2x01 subtitles http)

ПРИМЕР 6:

– *Gladly, if we can talk about the old days and forget about all of this for a minute or two.* (Download Downton Abbey 2x01 subtitles http)

Пока солдаты, сидя в холодных окопах и надеясь на удачу, мечтали вернуться домой, те, по кому они скучали и кому писали письма, также не забывали о своих героях. Понимая, что никак не могут иначе помочь своим мужчинам, женщины молились за них. В связи с этим, в пространственном субконцепте «Тыл» нами был выявлен такой концепт-элемент как «Молитва» и связанные с ним номинанты «*praying*», «*Dear Lord*» и «*keep him safe*». Приведем пример:

ПРИМЕР 7:

– *You were praying.*

– *Don't be ridiculous.*

– *You were praying. What were you praying for?*

– *Please go. I'm tired. <...> Dear Lord, I don't pretend to have much credit with you. I'm not even sure that you're there. But if you are, and if I've ever done anything good, I beg you to keep him safe.* (Downton Abbey 2x05 http)

Кроме концепт-элемента «Молитва» в номинативное поле пространственного субконцепта «Тыл» также входит такой концепт-элемент как «Предчувствие беды»:

ПРИМЕР 8:

– *Daisy, whatever's the matter with you?*

– *Someone walked over my grave.* (Downton Abbey 2x05 http)

ПРИМЕР 9:

– *What happened?*

– *I don't know. I suddenly felt terribly cold.* (Downton Abbey 2x05 http)

Нами выявлены следующие номинанты, репрезентирующие чувство надвигающейся беды и эмоциональную связь родных, несмотря на разделяющее их расстояние: фразеологизм «*Someone walked over my grave*» и «*I suddenly felt terribly cold*». Оба номинанта выражают эмоции, возникшие у героинь (судомойки Дэйзи и леди Мэри) именно в то время, когда происходило крупное сражение при Амьене, в котором оба молодых человека, являвшихся их женихами, были серьезно ранены.

Таким образом, в результате проведенного исследования, нами было установлено, что дискурс телеформата, являющийся разновидностью дискурса художественного может иметь трехуровневую структуру, которая была выявлена нами при помощи когнитивно-герменевтического анализа дискурса телеформата второго сезона британского исторического телесериала “Downton Abbey”. Нами было установлено: (1) наличие концепта «Первая мировая война», который является центральным на протяжении всего второго сезона данного сериала, (2) наличие двух пространственных субконцептов «Фронт» и «Тыл» в составе концепта «Первая мировая война» и (3) трех и двух концепт-элементов составляющих номинативное поле пространственных субконцептов «Фронт» и «Тыл» соответственно. (4) Номинативное поле субконцепта «Фронт» составляют такие концепт-элементы, как «Забота о ближнем», представленный номинантами «*taken down the line*», «*lost enough of them*», «*condensed milk and sugar*», «*shaken that cold*»; «Надежда», репрезентированный номинантом «*it comes down to luck*» и концепт-элемент «Тоска по дому и родным», номинантами которого являются «*some rest*», «*a few days' leave*», «*real food*», «*a girl I want to see*» и «*the old days*». (5) Номинативное поле пространственного субконцепта «Тыл» составляют два концепт-элемента – «Молитва», который представляют следующие номинанты: «*praying*», «*Dear Lord*», «*keep him safe*» и концепт-элемент «Предчувствие беды», репрезентированный фразеологизмом «*Someone walked over my grave*» и номинантом «*I suddenly felt terribly cold*».

Литература

Алефиренко, Н.Ф. «Живое слово» // проблемы функциональной лексикологии: монография. – М.: Флинта: Наука, 2009. 344 с.

Арутюнова, Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. С. 136–137.

Бенвенист, Э. Общая лингвистика. – М.: Эдиториал УРСС, 2009. 448 с.

Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика / курс лекций по английской филологии. – Тамбов, 2001. 123 с.

Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: Гнозис, 2003. 375 с.

Куценко, А.А. Этнокогнитивный аспект медицинского дискурса эдвардианской эпохи (на примере британского телесериала “Casualty 1900s”) // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2015. №12 (51). С. 233-240.

Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – М., 1993. Т. 52. № 1. С. 3-9.

Огнева, Е.А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста. 2-е изд. дополн. – М.: Эдитус, 2013. 282 с.

Огнева, Е.А. Когнитивно-сопоставительное моделирование концептосферы художественного текста (на материале перевода русской прозы на французский и английский языки) / дис. ...д-ра филол. наук. – Белгород, 2009. 407 с.

Dijk T.A. van. Cognitive Processing of Literature Discourse // Poetics Today. 1979. № 1. Pp. 143-160.

Интернет-документы

Битва на Сомме (Эл. ресурс) / Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Битва_на_Сомме (дата обращения: 25.10.2015)

Вербализация концепта «Beauty» в современных англоязычных журналах (Эл. ресурс) // Режим доступа: <http://www.sworld.com.ua/konfer27/468.pdf> (дата обращения: 26.10.2015)

Источники фактического материала

Download Downton Abbey 2x01 subtitles (Эл. ресурс) // Режим доступа: <http://www.tvsubtitles.net/subtitle-79882.html> (дата обращения: 25.10.2015)

Downton Abbey 2x05 (Эл. ресурс) / Режим доступа: <http://www.tvsubtitles.net/episode-34886-en.html> (дата обращения: 25.10.2015)

Downton Abbey 2x10 (Эл. ресурс) / Режим доступа: <http://www.tvsubtitles.net/episode-36148.html> (дата обращения: 25.10.2015)

Summary. The article states that at the present time, due to the rapid pace of information technology and cinema development, the study of concepts of film discourse, which is a kind of artistic discourse, is topical. Television format discourse may have a three-level structure, which has been identified by the author by cognitive hermeneutic discourse analysis of second season of the British historical television serial “Downton Abbey”.

Key words: discourse structure, television discourse, three-level structure, sphere of concepts.

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ О. МАНДЕЛЬШТАМА)

М.Н. Осадчая

Россия, г. Старый Оскол, Старооскольский педагогический колледж
o_miroslava@bk.ru

Исследуя художественный дискурс конкретного автора в совокупности всех речепорождающих факторов, мы выявляем лингвокогнитивные механизмы, раскрывающие особенности дискурсивной интерпретации языковой личностью окружающей реальности. В авторском художественном тексте (ХТ) элементы языковой системы преломляются сквозь индивидуальное видение конкретного субъекта, в

нашем случае – через креативное восприятие творческой языковой личности. При этом, выстраиваемая в авторских текстах субъективная модель реальности и воплощённые в языке фундаментальные представления о мироустройстве присутствуют в художественном тексте изначально, поскольку основная информация о мире привносится самой языковой системой. Таким образом, наивно-языковая картина мира (КМ) выступает как первичная, имеющая «предтекстовый» характер, а авторская КМ, соответственно, функционирует как вторичная, имеющая динамический характер и представляющая собой модификацию языковой КМ.

Разрабатываемый научной школой Н.Ф. Алефиренко ценностно-смысловой подход к исследованию лингвокогнитивной основы речевой деятельности позволяет исходить из того положения, что «любые концепты независимо от того, передают ли они ценность в её обыденном или научном понимании, являются ценностями» (Алефиренко 2013: 23). Соответственно, репрезентированные в художественном дискурсе когнитивные структуры можно рассматривать как ментальные образования, определяющие систему ценностных координат автора художественных текстов. Тем самым, исследование художественного дискурса как особой креативной среды позволяет выявить особенности того, как интерпретируются авторским сознанием общекультурные ценности.

В ходе лингвокогнитивного исследования художественного дискурса следует учитывать, что языковая картина мира (ЯКМ) отражает мировосприятие обыденного, «наивного» сознания обобщённого «коллективного» носителя языка. Нюансы же индивидуальной концептуализации не являются знаковым образованием, поэтому в авторском дискурсе дискретно реализуются лишь отдельные грани общекультурных концептуальных смыслов. А уже в среде индивидуально-авторского художественного дискурса, реализуясь в дискурсивных единицах художественного текста, авторские концепты получают семиотическое выражение в тех дискурсивных знаках, которые выступают как ключевые в идиостиле конкретного автора. Тем самым, ценностно нагруженные слова в авторском дискурсе приобретают дополнительные дискурсивно обусловленные смысловые приращения.

Следует отметить, что понятие «смысл» как «категория личностная, ситуативная» (Алефиренко 2009: 156) включает и «совокупность всех психических фактов, возникающих в нашем сознании благодаря слову» (Выготский 2006: 1003), что позволяет связать лингвистическую основу номинаций с эмотивными и когнитивными структурами языкового сознания. Данный подход позволяет рассматривать неожиданные лингвистические связи использованных в ХТ языковых единиц как экспликацию нестандартных когнитивных структур, репрезентированных в уникальных авторских микроконтекстах. При этом константная «когнитивная реальность лингвистических единиц»

(Лангаккер 1992: 18) сохраняется даже в диссонансных контекстах и служит для языкового сознания своеобразной ментальной основой, на которой и формируется интегративная когнитивная структура дискурсивного приращения.

Таким образом, дискурсивный смысл функционирует как элемент «многоярусного» когнитивного образования, формирующегося в уникальном совмещении ЯКМ с индивидуальным авторским переосмыслением номинированной реалии. Семантика дискурсивной единицы характеризуется «размытой» денотативной соотнесённостью, «рекомбинацией» сем в структуре дискурсивно обусловленного значения, коррелирующего с языковым значением использованной лексической единицы, а также свободным и часто амбивалентным аксиологическим содержанием. Так, в художественном дискурсе О. Мандельштама аксиологическая амбивалентность характеризует семантику одного из ключевых средств вербализации авторского концепта «Поэзия» – лексему *блаженный*. На примере ключевого вербализатора *блаженный* мы наблюдаем синергетическое взаимодействие концептуального содержания и дискурсивной интенции, – взаимодействие, которое Н.Ф. Алефиренко определяет как «процесс дискурсивно-метафорического мышления», вследствие которого устойчивые репрезентаторы ценностного смысла «становятся словами-ценностями» (Алефиренко 2010: 101). Частотный в художественном дискурсе Мандельштама эпитет *блаженный* в языковой системе означает и ‘в высшей степени счастливого’ человека, и ‘не совсем нормального’ (синоним *юродивого*), и ‘святого’ человека (Ожегов 2003: 50). В художественном дискурсе поэта этот атрибутив реализуется в таких контекстах, которые позволяют синкретично актуализировать все семантические вариации:

За блаженное бессмысленное слово

Я в ночи советской помолюсь (Мандельштам 1993: 149).

В данном примере наблюдается синкретичная полифония смыслов, формирующихся при расширении вербального контекста, в котором, с одной стороны, реализован сакральный план семантики, а с другой стороны, актуализирована сема ‘бессмысленность’, что обусловлено ассоциативным соотнесением со словом *блажь*, имеющим в языковой системе единственное значение ‘нелепая причуда, дурь’ (Ожегов 2003: 50). Таким образом, мы наблюдаем двойственное кодирование авторской рефлексии сознания на реалии окружающего мира: (1) знаковое представление концептуализации обыденным сознанием «коллективного» носителя языка изначально реализовано в сигнификативном плане семантики, в то время как (2) в индивидуально-авторском дискурсе как системе вторичного перекодирования репрезентируется сугубо авторская концептуализация «Поэзии»:

*В Петербурге мы сойдёмся снова,
Словно солнце мы похоронили в нём,*

И блаженное, бессмысленное слово

В первый раз произнесём.

В чёрном бархате советской ночи,

В бархате всемирной пустоты,

Всё поют блаженных жён родные очи,

Всё цветут бессмертные цветы (Мандельштам 1993: 149).

Как видно из приведённого примера, в слове *блаженный* реализован смысловой компонент освоенной в пространстве национального художественного дискурса прецедентной фразы А.С. Грибоедова «*Блажен, кто верует,...*» (Мокиенко 2009: 64-65) в качестве 'иронической оценки чьего-либо оптимизма' (данный факт подтверждается и биографическим контекстом). Что же касается ведущей «сценарной пружины» дискурсивной интенции, реализующейся в данном отрывке, то под её влиянием собственная коннотация *ночи* и понимание возможной счастливой надежды на *Слово* репрезентируют устойчивый в авторском дискурсе символ «Истинной жизни», противостоящий деструктивной обыденности, окружающей поэта.

Таким образом, мы наблюдаем реализацию потенциальных возможностей лексической единицы, погружённой в синергию поэтического дискурса, трактуемых в лексической семантике как периферийная семантика языкового значения. Периферийная семантика, сопровождая систему устойчивых и конвенционально закреплённых значений в языке, не просто дополняет семантику узуальную, но и является одним из ведущих факторов дискурсивной синергии, выражающейся в непрерывном формировании смыслов, реализующихся независимо от системных лексических значений. При этом смыслообразование предстаёт как процесс, синтезирующий различные факторы, которыми обусловлены разнонаправленные «векторы» смыслообразования, не ограничиваясь только семантической рекомбинацией и дискурсивным приращением смысла. Текстовая интерференция в семантике дискурсивных номинаций обусловлена и обеспечивается всем «прагматическим спектром синергетики художественного дискурса» (Алефиренко 2009: 250), следовательно, смысловой потенциал слова индуцируется самой средой авторского художественного дискурса, позволяя понимать «порождение текста как самоорганизующийся процесс» (Герман 2000: 17).

Следует отметить, что в условиях художественного дискурса на авторскую речемыслительную деятельность оказывает влияние как система внешних стимулов, так и внутренние «установки на лингвокреативность» (исходное стремление творческой личности находить средства смыслового и эмоционально-чувственного выражения, выходящие за устойчивую периферию узуального смыслообразования). Как следствие – смысловые модификации в художественном дискурсе могут достигать предельного искажения, затрудняющего восприятие, что мы и наблюдаем в поэтических текстах Мандельштама в его последний пери-

од творчества. Соответственно, тексты данного периода хорошо демонстрируют континуальность процесса смыслообразования:

*После **полуночи** сердце **ворует***

*Прямо из рук **запрещённую** тишь.*

*Тихо живёт – хорошо **озорует**.*

Любишь – не любишь: ни с чем не сравнишь...

*Любишь – не любишь, поймёшь – **не понимаешь**.*

*Не потому ль, как **подкидыви**, молчишь,*

*Что **пополуночи** сердце **пирует**,*

*Взяв на прикус **серебристую** мышь? (Мандельштам 1994: 44).*

В уникальных образах, воссозданных в приведённом тексте, реализовано очередное поэтическое представление «многодонной жизни вне закона» (Мандельштам 1994: 98), в которой поэт существовал в 1930-е годы. Репрезентированная интеграция концептов «Поэт» и «Изгнанник» поддержана фонетическими переключками с шипящими звуками 'шуршания в тишине' и 'шёпота'. Аллюзия к фольклорной формуле «любит – не любит» актуализирует смыслы 'неизвестность' и 'игру с судьбой'. При этом очевидно, что в художественном пространстве не столько передаётся информация, (которую и сопоставить в логическое сообщение достаточно сложно), сколько репрезентируется художественный образ в его эмоционально-смысловом синергетическом единстве.

Особенности речемыслительного пространства художественного дискурса во-многом обусловлены тем, что типовые модели построения фраз, которые в непосредственном общении распознаются реципиентом почти автоматически, в художественном дискурсе преобразуются в соответствии с задачей непрерывного аллюзивно-метафорического смыслопревращения, формирующего основу воспринимающего сознания. Фактически, автор «затягивает» читателя в диалог собственного креативного сознания с собственным же поликультурно обусловленным видением мира. Для воспринимающего же читательского языкового сознания в процессе смыслопорождения могут возникать смысловые «аномалии», неизбежные при подобной фрагментарности изложения или при недостаточных фоновых знаниях деталей эпохи, конкретики ситуации. В то время как для автора на этапе создания текста таких лакун не существует, соответственно, обрывочную вербализацию денотативной ситуации можно рассматривать как результат авторского стремления в непредсказуемых языковых конструкциях наиболее точно передать рефлексивное восприятие мира.

Нередко наблюдаемая в авторском художественном дискурсе смысловая неисчерпаемость художественного слова формируется комплексом «номинативных, релятивных, символических и образных средств создания художественного текста» (Алефиренко 2012: 17). При этом вполне очевидный общекультурный символ в этой «принципиально» креативной речемыслительной деятельности поэта может не

актуализироваться вовсе. Например, известная строка одного их лучших стихотворений Мандельштама включает греческий мифоним:

Я так боюсь рыданья Аонид,

Тумана, звона и зиянья (Мандельштам 1993: 146).

В мемуарах И. Одоевцева вспоминает, как недовольный Мандельштам повторял эту строку стихотворения, подбирая варианты замены, и возвращался всё же к первоначальному имени *аониды*. Отвергнув предложение Одоевцевой использовать именование *данаид* (Одоевцева 1988: 141), Мандельштам очевидным образом отказывался в пользу стяжения нескольких гласных, на фонетическом уровне актуализирующих звуковой образ *рыдания*. Весьма показателен и приводимый И. Одоевцевой диалог и комментарии самого Мандельштама об *аонидах*: «А кто такие Аониды? <...> может быть они вообще не существовали? Их просто гениально выдумал Пушкин?» (Одоевцева 1988: 141). Интересно, что непосредственно мифологическое значение мифонима *аониды*, или «*аонийские сёстры*» как именование муз от мест их обитания (Лосев 2000: 177) оказывается не известным на тот момент ни Одоевцевой, ни Мандельштаму, использовавшему имя, как следует из диалога, в качестве интертекстуальной аллюзии к пушкинскому тексту.

Данный пример кажется нам весьма показательным для иллюстрации вероятностных направлений в смыслообразовании, которые индуцируются самой средой дискурса, формируемой, в том числе, и интертекстуальным пространством художественных текстов. Подобные описания «поэтической кухни» часто сохраняют особенности процесса осознанного авторского выбора. В данном примере, рассматривая авторскую избирательность в числе механизмов объективации когнитивных структур, следует признать, что и в глубинной когнитивной интеграции концепта «Трагедия» фрейма «Опасность» с концептом «Поэт» формируется прагматически значимый смысл 'истинная поэзия обещает трагические испытания'.

Интересно, что Мандельштам отверг вариант *данаид* именно как фонетически неподходящий: «Данаиды звучит плоско, нищий, низкий звук <...> Мне нужно это торжественное, это трагическое, рыдающее “ао”» (Одоевцева 1988: 141). Хотя мифологическое значение онимов совсем не тождественно – *данаиды* в наказание обречены вечно заполнять водой дырявый сосуд (Тахо-Годи 2000: 349). Думается, можно заключить, что общекультурное содержание знака в данном случае для автора не существенно, а «звукосимволическая» внутренняя форма (ВФ) дискурсивной номинации «*рыданья Аонид*» в качестве лингвокогнитивной основы смыслообразования приобретает особую значимость для создания поэтического образа. Помимо того, в данной авторской избирательности варианта словоупотребления присутствует явная ориентация на рифму и ритм стихотворной организации текста.

Приведённый пример показывает, что процесс смыслообразования в условиях художественного дискурса предстаёт явлением синер-

гетическим, позволяя понимать художественный текст как «бесконечный поток смыслов и ассоциаций, не все из которых были заложены автором» (Олизько 2009: 29). Именно в дискурсивной среде дополнительные смысловые приращения лексической семантики делают максимально «открытым» смысловое пространство.

Очевидно, что процесс смыслообразования определяется субъективностью индивидуального понимания, поскольку в условиях художественной коммуникации «значение слова не константно» (Выготский 2006: 1003), и, функционируя в дискурсивной среде, значение лексической единицы «домысливается» коммуникантами. Смыслообразование как лингвоментальная основа художественного дискурса происходит (1) в балансировании между языковой общекультурной основой и субъективными отклонениями, определяемыми целым комплексом личностных ассоциативных механизмов, обусловленных особенностями индивидуального языкового сознания; (2) в расхождении между потенциальными смыслами и актуализированными в контекстах; (3) в диалогическом расхождении между рефлексивным осмыслением автором собственного «Я» в мире и дискурсивной направленностью его сознания «вовне», что выражается в вербализации личностных смыслов и объективируется в форме художественных текстов этого автора.

Таким образом, можно заключить, что формирование смысла происходит в дихотомическом противоречии между функционированием в ментальной среде дискурса особой «лингвокогнитивной категории ВФ» (Воронкова 2014: 5), как бы «привязывающей» дискурсивную единицу к языковой системе, и теми факторами, которые способствуют дискурсивно обусловленному расширению смыслового объёма использованных языковых единиц. К таким важным факторам смыслообразования следует отнести

- аллюзии как когнитивное средство, формируемое дискурсивным контекстом,
- взаимовлияние текстов самого автора, интегрирующих смыслы дискурсивного слова,
- совокупность художественных текстов, задающих когнитивный фон общекультурного смыслового пространства.

Помимо прочего, необходимым условием для смыслообразования является включённость языкового сознания субъекта в речемыслительную деятельность автора, что невозможно как без определённого эмоционального настроения, так и без уже имеющейся позиции «разделения» авторских принципов концептуализации мира.

Анализ авторских художественных текстов как продукта индивидуально-авторского художественного дискурса показал, что языковой личностью автора освоено дискретное пространство общезыковой системы – тот присущий индивидуально-авторской художественной системе определённый ограниченный лексикон, который исполь-

зован для вербализации замысла автора в корпусе его текстов. При этом в плане содержательном смысловое пространство художественного дискурса остаётся пространством не ограниченным, поскольку дискурсивная единица имеет открытый характер семантического наполнения означаемого. Совокупность вербальных средств, функционирующих в художественном дискурсе конкретного автора, показывает, что в языковом сознании индивида имеется определённый набор моделей вербализации, сформировавшихся в ходе собственной речемыслительной деятельности субъекта. Всё выше отмеченное и позволяет рассматривать языковую личность как результат речемыслительной деятельности, соответственно, языковое сознание и реализуется, и формируется в лингвоментальной среде дискурса.

Литература

- Алефиренко, Н.Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2009. 344 с.
- Алефиренко, Н.Ф. Культурологический потенциал образного слова / Н.Ф. Алефиренко // Язык. Культура. Социум: реалии, категории и механизмы взаимодействия. – Старый Оскол: «Роса», 2013. С. 16-26.
- Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2010. 288 с.
- Алефиренко, Н.Ф. Текст и дискурс / Н.Ф. Алефиренко, М.А. Голованева, Е.Г. Озерова, И.И. Чумак-Жунь. – М.: «Флинта: Наука», 2012. 232 с.
- Воронкова, О.А. Когнитивно-прагматические истоки русской фразеологии: Проблемы мотивации и внутренней формы / О.А. Воронкова. – Старый Оскол: «РОСА», 2014. 170 с.
- Выготский, Л.С. Мысль и язык // Психология развития человека / Сост. А.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2006. С. 664-1019.
- Герман, И.А. Лингвосинергетика: монография / И.А. Герман. – Барнаул: Изд-во Алтайской академии экономики и права, 2000. 168 с.
- Лангаккер, Р.У. Когнитивная грамматика / Пер. С.Н. Петровой. – М.: РАН, Институт научной информации по общественным наукам, 1992. 56 с.
- Лосев, А.Ф. Музы // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. – М.: НИ «Большая Российская энциклопедия», 2000. Т. 2. С. 177-179.
- Мандельштам, О.Э. Собрание сочинений в 4-х томах. Т.1. Стихотворения. Проза. / Сост. и коммент. П. Нерлера, А. Никитаева. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993. 368 с.
- Мандельштам, О.Э. Собрание сочинений в 4-х томах. Т.3. Стихотворения. Проза. / Сост. и коммент. П. Нерлера, А. Никитаева. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1994. 528 с.
- Мокиенко, В.М. Большой словарь крылатых выражений А.С. Грибоедова («Горе от ума») / К.П. Сидоренко, В.М. Мокиенко, О.П. Семенец. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2009. 800 с.
- Одоевцева, И.В. На берегах Невы: Литературные мемуары / И.В. Одоевцева. – М.: Художественная литература, 1988. 334 с.
- Олизько, Н.С. Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей реализации категорий интертекстуальности и интердискурсивности в постмодернистском художественном дискурсе: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Н.С. Олизько. – Челябинск, 2009. 343 с.
- Семененко, Н.Н. Русские паремии: функции, семантика, прагматика / Н.Н. Семененко. – Старый Оскол: «РОСА», 2011. 355 с.

Тахо-Годи, А.А. Данаиды // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. – М.: НИ «Большая Российская энциклопедия», 2000. Т. 1. С. 349.

Summary. Author's artistic discourse has axiological-meaning basis for naming, therefore discursive naming is determined by discursive and cognitive factors, which are generated by synergetic process of meaning-making.

Key words: meaning-making, artistic discourse, discursive naming, cognitive structure.

**К ВОПРОСУ О РОЛИ ФОНОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
В ПРОЦЕССЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ
ЕДИНИЦ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА
В АВТОРСКОМ ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЖУЛИАНА БАРНСА)**

О.В. Дехнич, О.Н. Ярыгина

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
dekhnich@bsu.edu.ru, yarygina@bsu.edu.ru

Как известно, адекватное декодирование авторского дискурса языка оригинала, а, следовательно, успешная двуязычная коммуникация, обусловлены совпадением одинаковых фоновых знаний / информации у реципиентов произведений оригинала и их переводов. Цель данной статьи заключается в рассмотрении некоторых видов фоновой информации, а также в выявлении их функций при интерпретации авторского дискурса Джулиана Барнса в процессе перевода фразеологических единиц метафорического характера с английского на русский язык. Иллюстративным материалом исследования послужили оригинальные романы одного из самых ярких прозаиков современной Британии, лауреата Букеровской премии Джулиана Барнса «Пульс», «Предчувствие конца» и их переводы на русский язык, выполненные Е. С. Петровой.

Вслед за Н. Ф. Алефиренко, понятие «дискурс» – это «субъективное речемыслительное отражение в нашем сознании картины мира» (Алефиренко 2013: 5). Как известно, внеязыковые категории, такие как события жизни, знание окружающего мира, ценностные установки, а также мнения отдельных личностей, сосуществуют с речевыми высказываниями и, более того, данные категории формируются и эксплицируются с помощью языка и речи. Следовательно, дискурс выступает как «процесс, среда и условие порождения текста»; результатом дискурса является текст, который, в свою очередь, формируется на основе языка. В свете вышесказанного, термин «авторский дискурс» понимается как высказывание автора, репрезентированное в тексте в прямой или завуалированной форме. Предложенная за основу обозначения авторской коммуникативной интенции дефиниция «авторский дискурс» ориентирует на исследование эксплицитных и имплицитных форм авторского присутствия в тексте Барнса и перевода его произведений на русский язык.

В понимании Н. Ф. Алефиренко, внешнее содержание номинативных единиц языка детерминировано их внеязыковыми связями и отношениями, порождающими основные протосемантические категории – универсально-предметный код (УПК), предметный остов, концепт и внутреннюю форму слова. Под универсально-предметным кодом дефинируется «первая когнитивная структура, уже во внутренней речи закладывающая мыслительный базис языковой семантики». Согласно ученому, в его основании лежит достаточно информативное содержание, формирующееся в процессе осмысления и обобщения денотативной ситуации (Алефиренко 2009: 7). Совпадение УПК рассматриваемых фразеологических единиц в анализируемых работах, как представляется, является одним из краеугольных составляющих для осуществления адекватной интерпретации фоновой информации при переводе английских фразеологизмов на язык перевода.

Понятие «фоновая информация» неразрывно связано с определением «фоновые знания», под которым понимаются «общие для участников коммуникативного акта знания» (Верещагин, Костомаров 2005: 126). Однако в данной работе представляется более целесообразным оперировать термином «фоновая информация», который коррелируется с сугубо национальным тезаурусом и, безусловно, с понятием фоновых знаний, но по сравнению с последним представляется более узким и соответствующим проблематике статьи.

Так, по определению В. С. Виноградова, «фоновая информация» может быть определена как «социокультурные сведения, характерные лишь для определенной нации или национальности, освоенные массой их представителей и отраженные в языке данной национальной общности» (Виноградов 2001: 35).

Вслед за учеными Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым, которые подразделяют фоновые знания на актуальные и исторические, проиллюстрируем в представленной работе явление исторической фоновой информации. Приведем отрывок из произведения Джулиана Барнса «Предчувствие конца»:

*Masters and parents used to remind us irritatingly that they too had once been young, and so could speak with authority. It's just a phase, they would insist. You'll grow out of it; life will teach you reality and realism. But back then we declined to acknowledge that they had ever been anything like us, and we knew that **we grasped life – and truth, and morality, and art** – far more clearly than our compromised elders. 'Finn, you've been quiet. **You started this ball rolling.** You are, as it were, **our Serbian gunman.**' Hunt paused to let the allusion take effect (Barnes 2012: 11).*

Учителя и родители не уставали нам внушать, что они тоже когда-то были молоды, а потому знают, что говорят. Это всего лишь некий этап, твердили они. Вы его перерастете; жизнь покажет вам, что такое реализм и реалистичность. Но в то время у нас не укладывалось в голове, что они когда-то могли быть похожи

на нас, и мы не сомневались, **что понимаем жизнь – а также истину, мораль, искусство** – куда правильнее, чем старшее поколение, запятнавшее себя компромиссами. – Финн, что-то вас сегодня не слышно. **Вы же сами запустили этот снежный ком. Стали, так сказать, нашим сербским террористом.** – Хант помолчал, чтобы аллюзия внедрилась в умы (Барнс 2013: 19).

В данном примере молчаливого собеседника Финна, затронувшего философски направленный разговор о проблеме «отцов и детей», автор иронично сравнивает с сербским террористом (*our Serbian gunman*) Гаврило Принципом, который 28 июня 1914 года убил в Сараево наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда, что послужило поводом к развязыванию разрушительной Первой мировой войны и ее многомиллионным жертвам. Для более успешной актуализации данной исторической фоновой информации Барнс использует фразеологическую единицу метафорического характера *start the ball rolling* ‘сделать первый шаг, положить начало, начать действовать’ (Кунин 1984: 63), а также метафорическое словосочетание *we grasped life – and truth, and morality, and art*. Раскрытие данной аллюзии на сербского террориста за счет использования таких образных средств помогают читателю-реципиенту в полной мере почувствовать настроение автора, которым он наделяет Хана, его ироничное отношение к Финну, а также желание произвести впечатление на всех собеседников своей эрудированностью. Обладание последним качеством целевой русскоязычной аудиторией представляется необходимым условием для адекватной интерпретации данного отрывка. Для устранения возможных лакун переводчику следовало бы дать сноску с разъяснением данной фразы, краткую историческую справку об упоминающемся событии.

Приведенный выше пример исторической фоновой информации наглядно подтверждает ее тесную связь с более широким и многозначным определением имплицитной информации. По мнению ученых, имплицитные сведения содержатся и в так называемом вертикальном контексте, обычными категориями которого являются цитаты, символы, реалии, аллюзии, идиомы, и т. д. Слова-реалии и фразеологизмы – это те языковые единицы, которые по природе своей связаны с фоновой информацией. И. В. Гюббеннет описывает инвентарь речевых ситуаций, требующих социологической оценки. Он подтверждает тезис об объективном характере имплицитной информации, зафиксированной в языке (Гюббеннет 1981: 81). Национальный компонент находит свое отражение в наименованиях некоторых черт внешности, характера и поведения людей, их одежды, окружающей природы, животных, средств передвижения, видов досуга, произведений искусства и литературы и в других подобных названиях.

Кроме того, вертикальный контекст может целиком зависеть от воли отправителя речи, формирующего текст таким образом, чтобы в нем содержался намек на какой-либо языковой, литературный, соци-

альный и т. п. факт, отсылка к вторичному тексту и вторичной ситуации. Характерным приемом реализации подобного вертикального контекста является аллюзия. Первое употребление термина «аллюзия» в филологическом значении ‘смысловая игра’ приписывается римскому политику и ученому Флавию Кассиодору (ок. 487 – 580), который использует термин «метафорическая аллюзия» (Cassiodorus 1991: 86). И. С. Христенко определяет аллюзию как стилистическую фигуру «преференциального характера, где в качестве денотатов выступают две ситуации: референтная ситуация, выраженная в поверхностной структуре текста и подразумеваемая ситуация, содержащаяся в совокупности общих фоновых знаний адресанта и адресата» (Христенко 1993: 7). Индикаторы аллюзии могут соотносить как с филологической информацией (филологический вертикальный контекст), так и с реальной действительностью прошлого или настоящего (социальный или событийный вертикальный контекст).

Проиллюстрируем аллюзию из произведения анализируемого автора «Пульс», которая основывается на прототексте (тексты произведений отечественной и зарубежной литературы, мифологические и фольклорные источники, пословицы, поговорки, афоризмы, различные цитаты):

*‘That reminds me, I had to see a proctologist once, and he told me one way to check my condition – whatever it was, I deliberately forget – was to squat down over a mirror on the floor. Somehow, I thought I’d rather risk whatever it was I might be getting.’ ‘Doubtless some of you are wondering why I raised the subject.’ ‘It’s because you get potty-mouthed with booze.’ ‘A sufficient’ but not a necessary condition. No, you see, I did my first test last Thursday, and I was just about to do the next one the next day until I realised. Friday the 13th. Not an auspicious day. So ii did it on the Saturday instead.’ ‘But that was – ’ ‘Exactly. St Valentine’s Day. **Love me, love my colon.**’ (Barnes 2011: 51).*

– А мне, к слову сказать, однажды пришлось обратиться к проктологу, и он объяснил, что для проверки своего состояния – что это было за состояние, я лучше умолчу – необходимо положить на пол зеркало и присесть над ним на корточки. Но я решил, что лучше плюнуть на свое здоровье, чем так извращаться. – Наверняка вы спросите, почему я затронул эту тему. – Да потому, что ты напился и тебя понесло. – Не спорю, это необходимое условие – но не достаточное. Так вот, объясняю: первый образчик материала я взял в прошлый четверг, а второй запланировал на следующий день, но потом вспомнил: это ведь пятница тринадцатое. Не совсем подходящий день. Поэтому я собрал его в субботу. – Но это же был... – Именно. День святого Валентина. **Любишь мужчину в соку – люби его прямую кишку** (Барнс 2012: 71-72).

В приведенном выше отрывке за счет использование индивидуально-авторской трансформации *love me, love my colon* писатель обыгрывает давно известный широкому кругу читателей и связанный

с любовью британцев к домашним питомцам афоризм *love me, love my dog* 'любишь меня, люби и мою собаку; всё со мной связанное'. Описывая деликатную ситуацию, связанную с посещением одного из героев проктолога в день Святого Валентина, автор стремится погрузить читателя в мир, где царит хорошее чувство юмора и самоирония. Знание фоновой информации – ФЕ-инварианта *love me, love my dog* – подготавливает разносторонне развитого читателя к сенситивному восприятию эмоций своего героя. Нельзя не отметить креативный подход переводчика-создателя русской версии произведения, его художественно-эстетический вклад в интерпретирование современного прочтения задумки автора оригинала.

Проанализированный нами эмпирический материал, эксплицирующий примеры использования некоторых видов фоновой информации в произведениях Джулиана Барнса, позволяет прийти к заключению о том, что они (данные виды фоновой информации) являются основой взаимопонимания коммуникантов, а также необходимы в процессе интерпретации авторского дискурса читателем-реципиентом, так как не любое текстовое образование может быть адекватно декодировано целевой аудиторией при отсутствии у нее необходимых фоновых знаний. Очевидно, что метафорические фразеологизмы, использованные в работе, носят антропоцентрический характер, а, как утверждает Н. Ф. Алефиренко, антропоцентрический характер мировосприятия непосредственно связан с языком, в частности с единицами косвенной номинации (Алефиренко, Аглеев 2013: 31), что еще раз доказывает важность исследуемой проблематики в процессе «прочтения» авторских интенций как оригинала, так и перевода, посредством декодирования фоновой информации. Следует также подчеркнуть, что только воспроизведением всего идейно-художественного содержания подлинника можно сохранить в переводе его национальную сущность.

Литература

- Алефиренко, Н.Ф. Текст и дискурс: учеб. пособие для магистрантов / Н.Ф. Алефиренко, М.А. Голованева, Е.Г. Озерова, И.И. Чумак-Жунь. 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2013. 232 с.
- Алефиренко, Н.Ф. Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / Под ред. проф. Г.Н. Манаенко. Вып. 7. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2009. 448 с.
- Барнс, Дж. История сотворения мира в 10 ½ главах (Эл. ресурс). Режим доступа: http://royallib.ru/book/barns_dgulian/istoriya_mira_v_10_5_glavah.html // Пер. Петрова Е. (дата обращения: 07.10.2015).
- Барнс, Дж. Предчувствие конца / Джулиан Барнс; (пер. с англ. Е. Петровой). – М.: Эксмо, 2013. 224 с.
- Барнс, Дж. Пульс / Джулиан Барнс; (пер. с англ. Е. Петровой). – М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2012. 304 с.
- Верещагин, Е.М., Костомаров, В.Г. Язык и культура. – М.: Индрик, 2005. 1038 с.
- Виноградов, В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.

Гюббенет, И.В. К проблеме понимания литературного текста (на английском материале). – М. 1981. 108 с.

Алефиренко, Н.Ф. Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами: сб. науч. тр. по итогам III Междунар. науч. конф. (Белгород, 19-21 марта 2013 года) / отв. ред. проф. Н. Ф. Алефиренко. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. 520 с.

Кунин, А.В. Англо-русский фразеологический словарь / Лит. ред. М. Д. Литвинова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. Яз., 1984. 944 с.

Христенко, И.С. Лингвистические особенности аллюзии как средства создания подтекста (на материале М. де Сервантеса «Дон Кихот» и произведений Б. Переса Гальдоса). Автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.05. – Москва, 1993. 25 с.

Barnes, J. A History of the world in 10 1/2 Chapters. London, Vintage books, 2009. 297 p.

Barnes, J. Pulse. London, Vintage books, 2011. 225 p.

Barnes, J. The sense of an ending. London, Vintage books, 2012. 150 p.

Cassiodorus, F. Explanation of the Psalms. New Jersey, 1991. 316 p.

Summary. The paper under study dwells upon the significance of background information while interpreting metaphorical phraseological units in art author's discourse. The most currently occurred types of background information are specified and analysed.

Key words: phraseological unit, discourse, author's discourse, background information, historical background information, implication, metaphorical allusion.

СТОМАТОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ

А.В. Свиридова, М.М. Русакова

Россия, г. Челябинск, Челябинский государственный педагогический университет
sviridovaav2@cspu.ru

Россия, г. Челябинск, Южно-Уральский государственный медицинский университет
mmrusakova@yandex.ru

Когнитивное терминоведение, определяющее роль терминов в научном познании и мышлении, исследует сферу профессиональной деятельности неразрывно связанную с языком профессиональной коммуникации. Объектами когнитивного терминоведения становятся динамично развивающиеся терминологии различных сфер профессиональной деятельности, таких как нанотехнологии, медицина, экономика, реклама, спорт и другие. По мнению М.Н. Лату, «принадлежность терминологии картине мира характеризует каждую терминосистему как открытую лексическую подсистему языка, способную изменяться, а также являться базой для развития новых терминосистем в ходе научных исследований. Такая концепция полностью исключает существование и функционирование закрытых терминосистем, стоящих обособленно от научной картины мира» (Лату 2008: 251).

Язык медицины представляет обширную иерархическую макросистему, формирующуюся посредством страт множества частных микросистем терминов (анатомической, патофизиологической, терапевтической, хирургической, стоматологической, педиатрической, фар-

мацевтической и др.), которые, в свою очередь, образуют уникально дифференцированные и одновременно взаимообусловленные структуры отношений. Таким образом, он динамичен в плане выражения и содержания, с проявлением изменений в самой иерархии структур. Можно предположить некую цикличность иерархии терминов, также как и «жизненных циклов» самого термина начиная с процесса формирования, с последующим «расцветом», стабилизацией или фиксацией до «отмирания» или реорганизации в новую систему.

Не теряет своей актуальности высказывание М. Б. Мусохрановой, что «особенностью языка медицины является тот факт, что на нем не говорят (т.е. не используют в массовом общении), хотя он определяет специфику врачебной речи, делая ее понятной для медиков тех стран, которые приняли греко-римскую модель медицины и, следовательно, ее терминологию. Им врач мыслит и фиксирует знания, касающиеся строения человеческого тела, болезни, способов и средств восстановления целостности человека» (Мусохранова 2011: 104).

На современном этапе развития медицинская терминология проявляется как система, совокупность медицинских и парамедицинских терминов, сложившаяся в результате многовекового развития мирового врачевания и медицинской науки. При этом медицинский термин – языковая единица, сохраняющая общие лексические признаки единиц естественного языка в медицинской терминологической базе данных (макросистеме), представляющей совокупность коллективного знания конвенциональной и комплементарной (неконвенциональной) медицины (микросистем) (Русакова 2015: 355). Согласимся с мнением С.И. Маджаевой, что термин представляет собой особую когнитивную информационную структуру, в которой аккумулируется в конкретной языковой форме научно-профессиональные знания (Маджаева 2011: 48).

Медицина – это постоянно развивающаяся сфера деятельности с появлением все более узких подотраслей. Их появление приводит к созданию обслуживающих узкоспециальных терминосистем, которые базируются на общемедицинском терминологическом фонде и требуют унификации терминов.

Подъязык стоматологии можно рассматривать как когнитивно-коммуникационное пространство, которое аккумулирует в себе универсальную общеязыковую, общемедицинскую информацию, базируясь на сложившемся медицинском терминофонде, ядре медицинской терминологии, а также узкопрофессиональную информацию, образуя широкую периферийную структуру, аккумулирующую специфические профессиональные знания, обусловленные изменением окружающей картины мира, техническим прогрессом и появлением современных подходов и методов в этой области.

Стоматологическая наука является областью клинической медицины и представляет собой систему знаний о заболеваниях полости рта и их лечении, методах диагностического исследования и профи-

лактики заболеваний. Анализируя единицы профессиональной лексики подъязыка стоматологии выявляем, что они охватывают широкий круг специализаций среди которых: терапевтическая стоматология, интегрирующая разделы: кариесология, пародонтология, эндодонтия, эстетическая стоматология, ортопедическая стоматология, хирургическая стоматология (в том числе имплантология), челюстно-лицевая хирургия, стоматология детского возраста и ортодонтия.

Рассматриваемые ниже примеры терминов выявлены в русскоязычных источниках медицинской и стоматологической литературы и сопоставлены с английскими примерами.

Термины, входящие в ядерную общемедицинскую группу, используются специалистами различных медицинских специализаций, в том числе и врачами-стоматологами. Приведем примеры: орган / organ, ткань / tissue, кость / bone, заболевание / disease, диагноз / diagnosis, терапия / therapy, операция / surgery, анестезия / anaesthesia, инструмент / instrument, игла / needle, композит / composite, раствор / solution, поверхность / surface, протез / prosthesis и многие другие. Отличительная характеристика таких терминов в том, что они сохраняют свою стабильность в течение продолжительного времени.

Отметим, что медицинская терминология изобилует примерами омонимичных единиц, как манифестация феномена межсистемной омонимии, проявленного между единицами медицинской и других терминологических немедицинских систем.

Приведем яркий пример проявления такой межсистемной омонимии. Термин «зонд» как датчик, инструмент используется:

- в строительных конструкциях (для протяжки кабеля (проводов) в каналах (трубах));
- в метеорологии (метеозонд – беспилотный аэростат, предназначенный для изучения атмосферы);
- в системах автоматизированного управления (элемент измерительной системы);
- в космонавтике (серия автоматических межпланетных станций, предназначенных для глубокого исследования межпланетного пространства);
- в медицине (как общемедицинский ядерный термин со значением «инструмент в виде тонкого стержня, предназначенный для проведения диагностических или лечебных процедур в различных полостях и каналах тела человека»).

Этот же термин ярко проявляется и как феномен межтерминосистемной омонимии, т.е. используется в клинической практике специалистами разных медицинских областей. Его можно отнести к терминам периферии, описывающим узкоотраслевые особенности применения инструмента, например:

- зонд глазной конической (офтальмология);
- зонд биполярный ушной пуговчатый и зонд гортанный (оториноларингология);

- зонд маточный (гинекология);
- зонд гастродуоденальный и зонд желудочный (гастроэнтерология);
- зонд стоматологический, зонд периодонтальный и зонд эндодонтический (стоматология).

Важным является тот факт, что такого рода термины встречаются в комбинации с определяющим словом, что способствует четкому дифференцированию терминов (Скнарев, Русакова 2015: 59), что и просматривается в вышеуказанных примерах.

Исследуя термины, выявляем примеры базовых терминов, используемых во всех подотраслях стоматологии: зуб / tooth, дентин / dentin, десна / gingiva, слюна / saliva пульпа зуба / dental pulp, молочные зубы (временные) / deciduous (baby, milk), постоянные зубы / permanent teeth, премоляры или малые коренные зубы / premolars, зуб мудрости / tooth of wisdom, нижняя или верхняя челюсть / lower or upper jaw и другие.

На её периферии находятся терминологические единицы (в частности многокомпонентные), формирующие корпус терминов широкого круга стоматологических специализаций, составляющие динамичный аспект терминосистемы и обозначающие новые методы диагностики и лечения, материалы и инструментарий, например: прямые композитные виниры / direct composite veneer, влажный бондинг / wetbonding, текучий композит / flowable composite, биосовместимая нанокерамика / biocompatible nanoceramics, светоотверждаемые и двойного отверждения композитные и компомерные реставрации / light-curing and dual-curing composite and compomer restorations и т.д. Многокомпонентные термины могут быть очень громоздкими, усложняющими коммуникацию, но полностью покрывать понятийное поле изучаемой лексической системы, сохранять и передавать специализированную профессиональную информацию, заложенную в особую структуру терминов.

Рассматривая происхождение терминов подъязыка стоматологии, выявлено, что их иноязычное происхождение сохранилось в виде орфографических, фонетических, грамматических и семантических особенностей.

Базой большинства стоматологических терминов являются термины греческого или латинского происхождения: пульпа / pulp (от лат. pulpa – мякоть); лингвальный / lingual (от лат. lingualis – язычный); витальный и девитальный зуб / vital and devital tooth (от лат. vitalis – жизненный); адгезия / adhesion (от лат. adhaesio – сцепление); лингвоокклюзия / lingual occlusion (от лат. lingua – язык, occlusus – запертый); стоматит / stomatitis (от stomatitis; греч. stoma, stomatos – рот + itis – воспаление); керамика / ceramics (от греч. keramos – глина); эндодонтия / endodontics (от греч. endodontia: endo– внутри + odonto –зуб); ортопантограмма / orthopantogram (от греч. orthos –

прямое + греч. *pan* – все + греч. *tomos* – кусок, слой + *gramma* – запись, рисунок), ортодонтические нанороботы / *orthodontic nanorobots* (от греч. *ortho*– прямой + *odonto* – зуб) и др. Термины латинского и греческого происхождения обладают специфичным свойством, позволяя емко и лаконично передать смысл термина, и легко создавать многокомпонентные слова, тогда как в русском и английском языках требуется перевод в несколько слов. Такие термины легко воспроизводятся, систематизируются и адаптируются во многих языках, приводя в результате к интернационализации терминологии.

Многие ученые считают заимствование одним из самых продуктивных способов образования новых единиц, объясняя это явление техническим прогрессом и внедрением американизмов и англицизмов в русский язык. С. А. Нестерова отмечает, что такие сферы общественной жизни, как реклама, деловое общение, наука, техника, электроника, медицина, политика, финансы, мода являются в силу ряда социолингвистических причин основными «поставщиками» новой лексики в современном английском языке (Нестерова 2010: 269). При рассмотрении явления межъязыкового заимствования важным становится уточнение Е.И. Головановой, согласно которому профессиональное наименование, заимствованное из другого языка, а точнее стоящий за ним концепт, помогает заполнить пустующее в термино-системе пространство, что связано со степенью развития соответствующей сферы (Голованова 2014: 181).

Подъязык стоматологии также изобилует примерами терминов, заимствованных из английского языка: филлер / *filler* (от англ. *to fill* «заполнять, пломбировать»), трейнер / *trainer* (от англ. *to train* «тренировать»), «пальцевые спредеры» / *finger spreader* (от англ. *spreader* «распространитель, распределитель»), ример / *reamer* (от англ. *reamer* «инструмент, расширяющий скважины»), бондинг / *bonding* (от англ. *bond* «связь»), аттачмент / *attachment* (от англ. *attachment* «прикрепление; присоединение; фиксация; скрепление»), микробраш / *microbrush* (от англ. *microbrush* «маленькая кисточка»), твинклз / *twinkles* (от англ. *twinkles* «мерцание; сверкание, блеск») и др.

Отметим, что процесс заимствования предполагает грамматическую адаптацию заимствованных единиц в русском языке, когда в процессе внедрения в язык эти термины принимают русские аффиксы, становясь исконно русскими словами. Рассмотрим такую адаптацию на примере стоматологической статьи Ю.А. Ипполитова.

В работе использована универсальная биоактивная светоотверждаемая бондинговая система (УБСБС) в составе которой дентин-кондиционер, содержащий 8% концентрированный раствор предельных и непредельных полифункциональных органических кислот, биопраймер, представляющий собой композицию из гидрофильного мономера НЕМА и водного раствора аминокислот, позволяющей образовывать химическую связь влажного дентина с хими-

ческими реагентами бондинговой системы и универсальный светоотверждаемый адгезив содержащий бондинг-смолы БИС-ГМА, БИС-уретани светоотверждаемую систему (Ипполитов 2010: 116).

«Единицы, перенесенные из другого языка, приобретают статус конвенциональных лишь в процессе многочисленных актов коммуникации в рамках соответствующей профессиональной деятельности» (Голованова 2014:183), что и подтверждается активным использованием стоматологами заимствованных терминов в вербальной профессиональной коммуникации без применения русскоязычного перевода или замены на русские термины. При этом согласимся с тем, что «отсутствие точных и постоянных лексических соответствий тому или иному термину отнюдь не означает отсутствие возможности передать его смысл в контексте (хотя бы и описательно и не одним словом, а несколькими) и его непереводимости в будущем» (Глазырина 2013: 80). Стратегическими приемами перевода безэквивалентного иноязычного термина автор предлагает рассматривать: заимствование через транскрипцию и транслитерацию, семантическое калькирование, пословный перевод и описательный перевод.

Появление новых отраслей медицины позволило констатировать тот факт, что новые лексические единицы стали образовывать гибридные термины, посредством синтеза термина из элементов разного языкового происхождения. Такие термины представляют область, где шире всего проявилось двуязычие, как характерная черта развивающегося терминологического аппарата. В процессе генеза такого типа терминов одна часть заимствована, а другая переведена или исконная: эджуайс-техника (англ. + греч.), флексофайл (лат. + англ.), синус-лифтинг (лат. + англ.), микро-оупенер (греч. + англ.), нанокластер (греч. + англ.), лазеротерапия (англ. + греч.), наноигла (греч. + русс.), депофорез (франц. + греч.), микроутечка (греч. + русс.), гуттаконденсор (малаз. + англ.), амальгамтрегер (греч. + нем.). По мнению С. И. Маджаевой словообразовательные модели можно рассматривать как когнитивные модели, практическое значение которых состоит в том, что они помогают выявить структурную организацию многоуровневой терминосистемы, увидеть функциональную дифференциацию лексических единиц внутри этой системы (Маджаева 2011: 51).

Среди большого количества заимствованных терминов есть интересные примеры заимствований-синонимов, которые выявлены авторами в публикациях. В некоторых примерах прослеживается использование национального термина (английского) и употребление термина латинского или греческого происхождения.

- Верификатор, верифер или верифайер (от англ. verifier «контролирующее устройство») – пластмассовый или металлический внутриканальный инструмент (равномерно суживающаяся гибкая игла), который применяется при obturации канала методом твердо-стержневого внесения гуттаперчи для определения глубины и размера канала.

- Иммедиа́т-протез или «бабочка» (от лат. *immediatus* «непосредственный» + от греч. *prosthesis* «присоединение, прикрепление») – съёмный зубной протез, используемый для замещения дефекта сразу же после удаления зуба, части альвеолярного отростка или всей челюсти.

- Стриппинг (англ.) или одонтопластика (греч.), сепарация (лат.) эмали (от англ. *stripping* «обдирать, отделять, приводить в порядок») – реконтурирование или изменение формы зубов, процедура, в ходе которой удаляется небольшое количество эмали, что позволяет изменять форму, длину и внешний вид зубов.

Такая манифестация синонимов заимствованных терминов «может быть продиктована как активной стадией развития определенной области научного знания, так и реорганизацией его структуры на последующих этапах» (Лату 2011: 84).

Обобщая сказанное, отметим известный факт, что терминология любой области знания или деятельности выступает главным средством хранения, обработки, трансляции и развития концептуальных парадигм в науке. Познавательная и динамичная терминотворческая деятельность являет собой процесс всестороннего изучения механизмов номинации концептов, которые сохраняют и отражают накопленный опыт, материальные достижения и результаты познания действительности как отдельных народов, так и человечества в целом. Таким образом, изучение терминологии имеет чрезвычайно важное значение как для языкознания в целом, так и для терминоведения в частности.

Литература

Глазырина, Е.С. Безэквивалентная лексика как объект лингводидактического исследования // В сборнике: Судьбы национальных культур в условиях глобализации II Международная научная конференция: материалы конференции. Челябинский государственный университет, Челябинское региональное отделение Российской ассоциации лингвистов-когнитологов. 2013. С. 80-84.

Голованова, Е. И. Введение в когнитивное терминоведение: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2014. 224 С.

Ипполитов, Ю.А. Использование в эндодонтическом лечении универсальной биоактивной светоотверждаемой бондинговой системы как средства надежной obturation и предотвращения осложнений кариозного процесса // Вестник новых медицинских технологий. 2010. Т. 17. № 1. С. 116-118.

Лату, М.Н. К вопросу об универсальных и индивидуальных характеристиках терминосистем (на материале англоязычной военно-исторической терминологии) // Лату М.Н., Алимуратов О.А. Язык. Текст. Дискурс. 2008. № 6. С. 250-255.

Лату, М.Н. Когнитивные аспекты образования синонимии в терминологии (на примере англоязычной и русскоязычной) // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 24. С. 84-86.

Маджаева, С.И. Способы номинации в медицинской терминологии // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2011. Т. 1. № 22. С. 47-55.

Мусохранова, М.Б. Язык медицины: от знака к летописи. // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 4 (16) 103-115.

Нестерова, С.А. Анализ современных английских неологизмов // АПК России. 2010. Т. 57. С. 269-271.

Русакова, М.М. Лексико-семантические процессы формирования медицинской терминологии // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2; URL: <http://www.science-education.ru/122-20314> (дата обращения: 05.12.2015).

Скнарев, Д.С., Русакова, М.М. Медицинская терминология в дискурсе печатных СМИ: монография // Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2015. 160 с.

Summary. The object of the research is dental terminology. The authors analyze the dental terminology in the cognitive aspect.

Key words: term, dental term, term formation, cognitive structure, borrowing.

ТЕКСТОВЫЕ ЕДИНИЦЫ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

Д.С. Скнарев

Россия, г. Челябинск, Южно-Уральский государственный университет
sknar@list.ru

По утверждению большинства специалистов, рекламный текст состоит из пяти основных элементов: 1) заголовка; 2) подзаголовка; 3) основного текста (или информационного блока), который в свою очередь образуют: *зачин, информационно-аргументационный блок (внутренние абзацы), кода (справочная информация), эхо-фраза;* 4) детализирующих элементов – подписей и комментариев; 5) рекламного лозунга (слогана).

Цель данной статьи – рассмотреть заголовок, слоган, информационный блок и другие компоненты рекламного текста как значимые маркетинговые текстовые единицы создания образа товара и фасцинативные средства рекламного дискурса.

Данные текстовые единицы маркетинговых коммуникаций подробно изучались в научных исследованиях с различных сторон: философской, психологической, маркетинговой, лингвистической и др.

Специфика заголовков связана с тем, что они могут информировать о новостях, вызывать любопытство, убеждать, обещать, одним словом, сообщать читателю нечто важное.

Н.А. Остроушко подчеркивает важность заголовка, отмечая следующее: «Если он традиционен, блекл, то не вызовет интереса – читательское внимание не остановится на статье под подобного рода «вывеской». Яркий же заголовок аккумулирует на себе внимание, «не отпускает» без прочтения материала» (Остроушко 2009: 116).

Опираясь на взгляды Л.А. Киселевой (Киселева 1978), выделяем среди разновидностей заголовков прагмемы (носители реальной константной прагматической информации, обращенные к интеллектуальной сфере адресата путем эмоционального воздействия, внушения, убеждения с целью регуляции его поведения) и информемы (носители только интеллектуальной, рациональной информации, представленные единицами разных уровней языка, обладающими констатирующе осведомительским характером без специальной установки на регуляцию человеческого поведения).

Так, прагмемами являются заголовки: «*Если ты этого не видишь – не значит, что этого нет*» (программа информирования населения «Защити себя от инфекции»), «*Низкие цены рядом с домом*» («Дикси»), «*Все, что хочет женщина, на одном сайте*» (сайт для женщин «wday.ru»), «*Оплачивайте кредиты в любое время, в любом месте*» (терминальная сеть «Qiwі»), «*Крем Лекарь – и ваши пяточки как у младенца!*» (крем «Лекарь»), «*Профессиональная защита от профессионального угона*» (противоугонная маркировка «Литэкс»), «*Зачем покупать дорогое, купи достойное!*» («Uz-Daewoo») и др.

К заголовкам-информемам относим: «*Школа живописи и фотографии*» («Шрайбикус»), «*Пироги на заказ*» («Sweet Village»), «*Зимние, летние и всесезонные шины для легковых и коммерческих автомобилей*» («Sava»), «*Автозапчасти на китайские автомобили*» («Маккао»), «*Магазины обуви и аксессуаров*» («Rendez-Vous»), «*Интернет-магазин автозапчастей*» («Автокент»), «*Аренда автомобиля с водителем*» («Vіp Car») и др.

По нашим материалам, среди анализируемых текстовых единиц преобладают прагмемы, характеризующиеся проявлением высокой степени фасцинации, которая заключается в интенсивном воздействии репрезентируемой рационально-эмоциональной информации на потребителя. Во многом это связано с отбором эффективных языковых средств привлечения внимания к предмету рекламы (тропов, фразеологизмов и других экспрессивно-оценочных единиц, характеризующихся выразительностью, образностью, антропоцентричностью), создающих образ товара. Подобные заголовки более успешны в построении коммуникации, так как быстрее реализуют воздействующую функцию, провоцируя и интригуя потребителя, инструктируя его, подавая ему условный знак к изучению основного текста печатной рекламы.

Исследователи подсчитали, что только 20% прочитавших заголовков читают сам текст рекламы. В идеале заголовок привлекает только потенциальных потребителей, поскольку нет смысла привлекать всех. Поэтому хороший заголовок выбирает целевую аудиторию, обращаясь к ее интересам.

В заголовке должно быть отражено то новое в товаре (рекламная рема), что интересует потребителя, а его привлекают новые товары, новые способы применения старых товаров или усовершенствование последних, а также всевозможные ценовые скидки. Следовательно, слова, подразумевающие это новое, увеличивают читаемость объявлений и должны использоваться как можно шире. Среди подобных слов можно использовать: «инновация», «сейчас», «потрясающий», «внезапно», «усовершенствованный», «революционный» и др.

Исходя из особенностей воздействия, исследователи традиционно делят рекламные заголовки на две группы: *прямого действия и*

косвенные. К заголовкам прямого действия относятся информативные заголовки, заголовки о полезных свойствах и содержащие команду; они обращаются к целевой аудитории. Косвенные заголовки не так избирательны и информативны, однако они более эффективны в привлечении внимания читателей к тексту. Эти провоцирующие и интригующие маркетинговые текстовые единицы заставляют прочитать рекламный текст до конца, чтобы понять их смысл. Косвенные рекламемы используют двусмысленность семантики и любопытство потребителей, чтобы привлечь их внимание и вызвать интерес к товару. К ним относятся и вопросительные заголовки.

К. Бове и У. Аренс (Бове 1995) (их точку зрения поддерживают А.В. Овруцкий, А.Н. Назайкин (Назайкин 2009, Овруцкий 2011) и др.) распределяют заголовки на пять групп: *о полезных свойствах, провоцирующие, информативные, вопросительные и содержащие команду*.

Заголовки о полезных свойствах товара дают читателю прямое обещание таковых. Например, «*Знает, что нужно коже*» («Estee Lauder»), «*Эстет от рождения, чемпион по праву*» («Mercedes-Benz»), «*Одно средство. Двойная эффективность*» («Double Serum Clarins»), «*Красивая улыбка с Maxima*» (стоматология «Maxima»). Провоцирующие заголовки вызывают любопытство у читателя, интригуют его, мотивируя на прочтение основного текста рекламы. Например, «*Новый поворот в современном искусстве*» («Audi A7»), «*Цифровой дизайн улыбки: когда желания совпадают с результатом!*» («Стоматологическая практика»). Заголовки информативного типа, как правило, включают слова «как делать». Кроме того, данные рекламемы включают заявку на новую информацию. Например, «*Новые цены на квартиры*» («Fenix de Luxe»), «*Самый лучший новый год в «Эсмеральде» настает!*» (ресторан кавказской кухни «Эсмеральда»), «*Volkswagen объявляет о программе утилизации и trade-in*», «*Новый взгляд на длину ресниц*» («Clarins»).

Вопросительные заголовки характеризуются точной адресностью. Например, «*Как защитит багаж?*», «*Как удержать вес норме в осенне-зимний сезон?*», «*Вы все еще боитесь стоматолога?*» и др. Подобные рекламемы не всегда эффективны. Если задать вопрос, на который читатель может легко ответить или (что еще хуже) дать отрицательный ответ, то оставшаяся часть объявления вряд ли будет прочитана.

Заголовок, содержащий команду, приказывает что-то сделать и поэтому может показаться негативным, но читатель обращает внимание на такие рекламемы. Например, «*Обнови свой автомобиль*» («Volkswagen»), «*Слушай и лети*» (радио «100 FM»), «*Бросай якорь!*» («Кировский жилой комплекс»), «*Запишись на лучшие клиентские дни*» (парфюмерный супермаркет «Золотое яблоко»). Они мотивируют поступки потребителей через эмоциональные переживания. Во многом, эффективность данных текстовых единиц связана с тем, что часто человек осознает оправданность подобного приказа.

Самыми успешными и «работающими» заголовками можно считать те, в которых присутствует обращение к врожденным потребностям человека. Наиболее явные цели и желания, преследуемые любым человеком, – стремление к благополучию и безопасности, признанию со стороны других, сексуальной удовлетворенности, прочным семейным или групповым привязанностям. Например, «*Будь в тренде – живи в «Западном луче»* (микрорайон бизнес-класса «Западный луч»), «*Для тех, кто себя любит*» (салон красоты «Lu-Lu»), «*8 лет готовим для Вас с любовью*» (ресторан французской кухни «La Rose D'or»), «*Две стороны одной счастливой медали – 17777 рублей в месяц!*» («Mercedes-Benz») и др.

Заголовок выступает важной вербальной составляющей рекламы, маркетинговой текстовой единицей, эффективно репрезентирующей образ товара. Обычно в нем выражается основной рекламный аргумент. Целесообразно в заголовок включать название марки. Если этого не сделать, то люди, которые обычно читают только заголовки, так и не узнают, что за товар вы рекламируете.

Слоган занимает одну из основных позиций в рекламном тексте, выполняя как функцию представления информации о новом товаре или услуге, так и функцию убеждения и призыва приобрести их. Он формирует определенную языковую категорию, тяготеющую к автономности и характеризующуюся спецификой содержания (наличие новости, стимулирование действий адресата) и формы (количество используемых слов, наличие или отсутствие в слогане имени бренда, лексическая, синтаксическая и графическая характеристики).

Слоган можно рассматривать как краткое, выраженное одним предложением содержание рекламной кампании. Как показывает проанализированный теоретический и практический материал, при выборе техники рекламирования и подаче рекламной идеи составители рекламного текста отходят от традиционного его построения (заголовок, основной текст, слоган), отдавая предпочтение слогану, нередко выступающему как самостоятельное рекламное произведение. Так, например, В.В. Зирка (Зирка 2010), ориентируясь на статус самостоятельности слогана, определяет его как *коммуникативное обольщение*.

В.И. Максимов называет слоган ключевой фразой вербального текста, призванной привлечь внимание потребителя рекламы. «Благодаря ему хорошо запоминается весь словесный ряд рекламного текста, его основная идея и тема – рекламируемый товар, который захочет (должен, по замыслу создателей рекламы, захотеть) купить читатель этого рекламного объявления» (Максимов 2012: 158).

Главная характеристика слогана заключается в отражении сущности, философии фирмы, ее корпоративной политики в различных областях.

Все структурные единицы слогана можно разделить на *содержательные и формальные*. Так, содержательные маркетинговые единицы слогана обеспечивают его продающую силу, а формальные единицы создают общий фон для восприятия соответствующей информации.

Среди содержательных вербальных компонентов слогана определяем *основные и вспомогательные значимые единицы*. Как правило, основные значимые единицы (ОЗЕ) включают в себя имя бренда и уникальное торговое предложение (далее УТП).

Уникальное торговое предложение – это основное потребительское преимущество товара перед конкурентами. Автором данной теории является исследователь Р. Ривс (Ривс 2001). Согласно его взглядам, предложение должно быть: интересным покупателю, уникальным (эксклюзивным и т.п.), достаточно значимым для того, что побудить к действию. Иногда УТП можно создать, подчеркнув одну из типичных характеристик, присутствующую и у других марок, но которая до сих пор не была использована в рекламе конкурентов.

Часто бывает, что у товара реально не существует уникального преимущества – он ничем не отличается от конкурентов. Особенно типична подобная ситуация для недорогих товаров повседневного спроса: продуктов питания, косметики, канцелярских товаров, моющих средств. В этом случае задача рекламиста – создать УТП из одной из обычных характеристик или построить его на эмоциях.

В соответствии с этим в слоганах используются 2 типа УТП: **естественное** (присущее товару эксклюзивное рациональное свойство в ситуации отсутствия конкурентов. Например, «*Первый чайник, который сам заваривает чай*» («Ворг»), «*Самая маленькая видеокамера в мире. Умещается на ладони*» («Canon MV 100») и др.) и **искусственное** (присущее товару рационально-эмоциональное свойство, выделяющее его среди однотипных продуктов. Например, «*Наши пироги приготовлены с душой*» (супермаркет «Золотая подкова»), «*Новый уровень фитнес-курорта*» (фитнес-клуб «Sokolfit»), «*Для самой наполненной жизни*» («Skoda Fabia Combi») и др.). Как правило, в рекламном дискурсе преобладают слоганы с искусственным УТП, что связано с присутствием на рынке аналогичных предложений.

Вспомогательные значимые единицы (ВЗЕ) во многом второстепенны, но тоже весьма весомы (указание на товарную категорию, целевую аудиторию, формальные характеристики товара, место происхождения и производителя).

Традиционно по предмету рекламы слоганы подразделяют на две основные группы: **товарные** (обслуживающие бренды, непосредственно товары и услуги, предлагаемые потребителю. Например, «*Новый Volkswagen Polo. Я так хочу*» («Volkswagen Polo»), «*Покоряй мир вместе с ним*» («Toyota Land Cruiser 200»), «*Столешиницы повышенной влагостойкости*» (столешиницы «Aqua Line» от «Lorena кухни») и **корпоративные** (использующиеся в имиджевой рекламе организации, выступающие частью ее фирменного стиля: «*Das Auto*» («Volkswagen»), «*Там, где тепло родного дома*» (фабрика мебели «Линда»), «*С удовольствием за рулем*» («BMW»), «*Качество в деталях*» («Lorena кухни»), «*Надежно*» («Mitsubishi») и др.).

Слоган как маркетинговая текстовая единица создания образа в рекламном дискурсе является синтактико-прагматический вербальный компонент, выступая как фасцинирующее воздействующее средство, легко запоминается, ассоциируется с определенной торговой маркой, включает главное преимущество, выделяет бренд среди других, оставляя приятное впечатление о нем, отражает индивидуальность продукта, отличается стратегичностью, легко вписывается в рекламную кампанию, конкурентоспособна, оригинальна, проста, лаконична, правдоподобна, помогает управлять брендом.

Информационный блок (далее ИБ) – это, собственно, основной текст печатной рекламы и самая объемная часть рекламного сообщения, в которой должна быть представлена конкретная информация о товаре или услуге. Данная текстовая единица несет основную нагрузку в мотивации потребителей и создании рекламного образа.

Л.В. Подорожная (Подорожная 2014) отмечает, что ИБ является логическим продолжением заголовка и подзаголовка. И. Ишменецкая, анализируя ИБ и эхо-фразу, отмечает: «Основная же часть текста всегда однотипна: в ней объективирован смысл «конструкторские особенности товара, улучшающие его потребительские свойства». Причем фрагмент, реализующий этот смысл, как правило, является сравнительно объемным. Функция же «эхо-фразы» – воспроизводя номинацию торговой марки, еще раз напомнить об объекте продаж» (Ишменецкая 2008: 44).

Основной текст рекламы должен быть конкретным, без обобщений, не содержать несущественной информации. В конечном счете ИБ призван сформировать у потребителя желание совершить покупку. В данной части композиции рекламного обращения специалисты рекомендуют переходить прямо к сути предложения, говорить о нуждах и ожиданиях читателя.

Информационный блок раскрывает подробности, которые должны склонить клиента к покупке. Он может иметь два раздела – введение (зачин) и заключение (эхо-фразу). По первому абзацу основного текста, или зачину, люди проверяют, хотят ли они читать всю рекламу. Последний абзац завершает рекламную идею. Психология восприятия текста человеком, как письменного, так и устного, свидетельствует о том, что запоминаются начало и конец текста, первая и последняя фраза.

При составлении текста надо ориентировать покупателя на выгоды, которые он может извлечь, купив данный товар или услугу. Призыв совершить покупку должен быть выражен мощно и четко и одновременно сочетаться со стимулом к немедленному совершению действия. Потребителю рекламы необходимо сообщить, что он должен делать, особенно когда реклама касается прямой продажи: где, когда и как совершить покупку, а также где можно получить более подробную информацию.

Специалисты рекомендуют фокусировать сообщение только на одной положительной характеристике продукта, чтобы не возникло путаницы при восприятии текста рекламы. Как правило, в ИБ разви-

вается аргументация, посредством которой доказывается истинность заголовка и целесообразность его применения. Вторая важнейшая характеристика данной маркетинговой единицы связана с коммуникативной стратегией, на базе которой строится сообщение.

Кода (или справочный блок), по определению Л.В. Подорожной (Подорожная 2014), часть информационного блока, включающая четкие данные о рекламодателе (фирменное название, товарный знак, почтовый адрес, телефоны, адрес сайта, форма и валюта платежа, размер минимальной партии, базисные условия поставки и т.п.). В этой маркетинговой единице представлены сведения о компании, предлагающей товар или услугу. Желательно подать информацию так, чтобы ее легко можно было найти, бросив беглый взгляд на листовку. Например, можно дать текст полужирным, сделать отбивку перед этим блоком или выбрать иной цвет.

Эхо-фраза, иногда также называемая **тэг-лайн** (tagline), представляет собой короткую фразу, сообщение или выражение, обычно по смыслу или дословно повторяющее заголовок рекламного обращения. Она должна легко запоминаться, озвучивать основную идею конкретной рекламы ярко и образно, способствуя закреплению в сознании потребителей рекламной информации. Как правило, эхо-фраза обобщенно повторяет основную мысль текста рекламы и придает всему тексту законченный вид.

Данная текстовая единица не является обязательным структурным компонентом маркетинговой коммуникации, однако она призвана выполнять некоторые функции в тексте: повторить основную информацию или снова подчеркнуть преимущества фирмы; придать законченный вид рекламе.

Эхо-фраза может представлять собой просто название торговой марки, а иногда объединять название торговой марки и слоган, что встречается чаще. Как вариант, данная рекламема состоит из названия торговой марки и специально для конкретной рекламы придуманного образа или выражения. Зачастую такой подход является самым выигрышным. Упоминание в эхо-фразе торговой марки наряду с рекламой товара (услуги) рекламирует саму компанию, повышая узнаваемость бренда.

Эхо-фраза частично или полностью повторяет заголовок, что позволяет закрепить информацию в сознании потребителя, еще раз вернуть его к генеральной теме, «закольцевать» обращение. Конечно, можно обойтись и без этого элемента, однако он придает обращению завершенность и целостность. К тому же, повторение важной для рекламодателя идеи никогда не бывает лишним.

Итак, эхо-фраза завершает рекламное обращение. Она должна окончательно убедить покупателей приобрести предлагаемый товар.

Среди маркетинговых текстовых единиц создания рекламного образа выделяем *детализирующие элементы* – подписи и комментарии, являющиеся наиболее результативным инструментом продажи. Как правило, в подписи помещается дополнительная информация о

продукте или услуге. Комментарии – это похожие на подписи фрагменты текста, при помощи линии или стрелки соединенные с элементами фотографии или иллюстрации.

Во многих случаях в качестве основного аргумента используется такая маркетинговая вербальная единица, как упоминание страны происхождения товара (*натуральное рубленое мясо из фермерских хозяйств Германии (Dr Alders), шведские корма и сопутствующие товары супер-премиум класса (Optimal mini), профессиональная косметика из Италии для собак и кошек (Iv San Bernard)*). Значимы также рекомендации специалистов, профессионализм создателей продукта (*с учетом рекомендаций профессиональных собаководов и грумеров России и Франции (CityDog), выбор №1 ветеринарных специалистов (Hill's) и др.*).

Рекламные тексты, в которых дается информация о традициях, профессионализме, опыте работы, влияющих на качество продукции, позитивно воспринимаются целевой аудиторией.

Таким образом, заголовок, слоган, информационный блок и его составляющие (зачин, внутренние абзацы, кода, эхо-фраза), подписи и комментарии, различные указания выступают значимыми маркетинговыми текстовыми единицами создания образа в рекламном дискурсе.

Литература

Бове, К.Л. Современная реклама / К.Л. Бове, У.Ф. Арэнс. – Тольятти: Изд. Дом Довгань, 1995. 704 с.

Зирка, В.В. Манипулятивные игры в рекламе: лингвистический аспект / В. В. Зирка. – М.: Книжный дом «Либроком», 2010. 256 с.

Ишминецкая, И. Креатив в рекламе / И. Ишминецкая. – М.: РИП-холдинг, 2008. 64 с.

Киселева, Л.А. Вопросы теории речевого воздействия / Л.А. Киселева. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 161 с.

Назайкин, А.Н. Практика рекламного текста / А.Н. Назайкин. – М.: Бера-тор-пресс, 2009. – 181 с.

Овруцкий, А.В. Соотношение визуального и вербального в рекламном образе / А.В. Овруцкий // Визуальные коммуникации в рекламе и дизайне / под ред. В.О. Пигулевского. – Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2011. С. 170-194.

Остроушко, Н.А. Секреты рекламных текстов: проблема речевого воздействия в рекламных текстах / Н.А. Остроушко. – М.: ООО «ВК», 2009. 212 с.

Подорожная, Л.В. Теория и практика рекламы: учебное пособие / Л.В. Подорожная. – М.: Изд-во «Омега-Л», 2014. 344 с.

Ривс, Р. Реальность в рекламе / Р. Ривс // Психология и психоанализ в рекламе. Личностно-ориентированный подход: уч. пособ. – Самара: Изд. дом Бахрах-М, 2001. С. 70 -86.

Стилистика и литературное редактирование / под ред. проф. В.И. Максимова. – М.: Гардарики, 2012. 651 с.

Summary. The article discusses text units from marketing communications. The author analyzes the headline, slogan and information unit in detail as meaningful verbal components of the goods imaging in advertising discourse.

Key words: text units, the advertising discourse, headline, slogan, information block.

НОМИНАЦИЯ И СТРУКТУРА ТЕКСТА

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАТЕЛЬНОМ АНАЛИЗЕ ТЕКСТА¹

Я. Галло

Словакия, г. Нитра, Университет им. Константина Философа
jgallo@ukf.sk

Введение

Содержательный анализ текста принадлежит в социальных науках к наиболее древним и распространённым. Указанная проблематика описана в ряде доступных справочников и пособий (Franzosi 2008; Krrippendorff 2004; Neuendorf 2002; Weber 1990) и её стандартное толкование было бы как ехать в Тулу со своим самоваром. Таким образом, в приведённой нами статье будут рассматриваться только основные предпосылки содержательного анализа. В статье также уделяется внимание вопросу содержания коммуникации с особым учётом текстовой коммуникации.

Дефиниция содержательного анализа

Классическое определение Берельсона звучит таким образом, что анализ содержания является «техникой исследования к объективному, систематическому и количественному описанию очевидного содержания коммуникации» (Berelson 1952: 18). И, хотя, в настоящее время многие исследования имеют разное мнение по поводу содержания данного определения, однако согласны, что анализ содержания должен быть объективным, систематическим и относиться к содержанию коммуникации независимо от её формы. В данном исследовании не рассматривается проблематичное требование объективности. Основное внимание уделяется такому понятию как содержание. Хотя оно в рамках определения не является самым значимым концептом, его можно рассматривать как самостоятельное. С точки зрения настоящего рассмотрения его значение является ключевым.

Представление Берельсона о том, что человеческая коммуникация является общением, во время которого при помощи средств общения (голос, образ, письмо и т. п.) передаётся определённое высказывание (содержание общения), которое можно подвергнуть объективному анализу, является, в настоящее время, не подтвержденным. Высказывание невозможно просто отделить не только от средств общения, но даже от участников коммуникации. По этой причине было бы более подходящим говорить об анализе коммуникации без анализа её содержания. С другой стороны, это слишком широкое понятие, заключающее в себе большую, но, главным образом, разнообразную часть человеческой действительности. Спербер и Вильсон, исходящие из понятия релевантности, на основе аналогии с понятием движения

¹Štúdiá vznikla v rámci riešenia grantového projektu VEGA 1/0243/15 Text a textová lingvistika v interdisciplinárnych a intermediálnych súvislostiach

даже сомневаются, можно ли образовать теорию коммуникации, которая бы согласно единого принципа, объясняла другие коммуникационные явления, какими являются показное вбирание воздуха и юридический текст (Sperber, Wilson 1995: 1-4). Поэтому у исходного термина остается анализ содержания как основной параметр. Некоторые авторы, чтобы избежать проблемы с содержанием, используют термин анализ текста, главным образом там, где анализируемым средством коммуникации является текст (Popping 2000; Roberts 1997).

Однако только исключить понятие содержания из названия или определения не достаточно для того, чтобы рассмотреть проблему содержания коммуникации. Как в обыденной, так и в научной жизни, собственно, интуитивно предполагается, что коммуникация может иметь какое-то содержание. Например, если спрашиваем, о чём пишут в газете, или о чём книга, которую кто-нибудь читает, или если мы смотрим на страницу какой-нибудь книги с названием *Содержание*, чтобы обнаружить, будет ли она для нас интересной, или когда оцениваем какой-нибудь текст как бессодержательный, в котором «речь идёт ни о чём». Таким образом, содержание – это нечто, что обычно рассматриваем и можем его узнать, или определить его отсутствие. Однако также возможным является и то, что эта непрофессиональная интуиция обманывает и что представление содержания является формой коммуникационного фетишизма, т. е. ошибочной уверенности, что ядром успешной коммуникации является какое-нибудь содержание (значение, мысль, воображение, утверждение и т. п.), которое передается. Далее рассмотрим вопрос содержания коммуникации более подробно с особым акцентом на текст как форму коммуникации.

Что такое содержание текста?

Существование содержания книг и, вообще, более крупных текстов, т. е. предполагаемая возможность, что текст может быть полезно дополнен паратекстом, обозначенным «Содержание», которое эксплицитно устанавливает, что находится «внутри» текста, заставляет нас не рассматривать проблему содержания текста как второстепенную. Содержание, собственно, оправдывает, что нечто как содержание текста практически существует, в обратном случае этот вид паратекста был бы лишён смысла. Одновременно, однако, невозможно просто обменять паратекстуальное «содержание» на гипотетически собственно содержание текста, так как роль читателя является при интерпретации текстовых данных ключевой.

Вопрос «Что такое содержание текста?» не решается лишь только раздумьями о тексте. Вспомогательной является общая теория коммуникации и впоследствии её модификация в конкретный случай текста.

Далее рассмотрим проблематику отличия между кодовой и инферентной моделью коммуникации согласно Сперберу и Вильсон (1995: 2).

Кодовая модель предполагает, что человеческая коммуникация осуществляется так, что одно лицо переведёт свою мысль в код и, таким образом, образует высказывание («Который час?»), которое посредством какого-нибудь средства сообщения (звука, образа) перенесено к другому лицу, декодирующего высказывание и обнаруживающего высказанную мысль. Коммуникация, в общих чертах, осуществляется следующим образом: мысль А – перевод в код – перенос средством общения – перевод из кода – мысль А. Кодовую модель нельзя считать универсальной моделью человеческого общения, так как большая часть коммуникации таким образом не осуществляется и является намного комплексным явлением («Который час?» – «Так, ты не дашь мне еще поспать?»).

С другой стороны, эта модель объясняет важную черту коммуникации – использование кода и средства общения. Другая – инферентная – модель коммуникации предполагает, что эксплицитная часть коммуникации осуществляется согласно кодовой модели, но, одновременно, существует одинаково важная имплицитная часть коммуникации (т. е. то, что прямо не высказано, но из высказанного это в данной ситуации вытекает), которая кодом не определена и зависит от рассуждения (инференции) участников коммуникации (см. выше указанный пример).

В общем, коммуникацию можно понимать как *переговоры* с коммуникационным намерением, с которым в определённой ситуации *выбираем* (делаем очевидным) определённые кодирующие и не кодирующие элементы *среды* (слова, звуки, образы, движения и т. п.), о которых *предполагаем*, что из них наш партнёр в общении или будет способен вывести то, что ему хотим сообщить (мысль, представление, чувство, вызов и т. п.), или наоборот, что посредством них обнаружим, что хочет сообщить партнёр в общении нам (ср. Luhmann 2006: 159 и пр.).

Человеческое общение часто является мультимодальным, т. е. при нём используются разные способы коммуникации и не только язык (Kress, 2010). Спербер и Вильсон (1995: 25) приводят красивый пример мультимодальности коммуникации, когда на вопрос Пети «Как ты себя сегодня чувствуешь» *отвечает* Мария без слов, доставая коробочку аспирина из сумки. Как в этой ситуации обеспечивается правильное понимание ответа? Если учесть только демонстративное общение, т. е. когда одно лицо своим поведением показывает другому лицу, что хочет его о чём-нибудь проинформировать, таким образом, согласно Сперберу и Вильсон действует принцип релевантности. Формулируют его следующим образом: каждый акт демонстративного общения одновременно сообщает о предпосылке своей собственной оптимальной релевантности (там же: 158). Другими словами, общающееся лицо своё высказывание интерпретирует в таком виде, от чего ожидает, что будет для адресата коммуникации достаточным стимулом, чтобы воспринял значение высказывания, т. е. считал его в дан-

ной ситуации релевантным. В приведённом примере Мария, доставая коробочку аспирина, предполагает, что Петя поймёт релевантность этого жеста для данной коммуникации и начнёт его интерпретировать как ответ на свой вопрос.

Выше приведённые размышления могут помочь ответить на вопрос о существовании и характере содержания текста, который предполагает анализ содержания, следующим образом:

1. Так как каждый текст является составной частью общения, с одной стороны, он является и фиксированным выбором элементов среды (главным образом знаков), которые сделал общающийся участник с намерением сообщить некое высказывание. С другой стороны, текст является предметом рассуждения другого общающегося участника (читателя, напр. аналитика) с намерением обнаружить сообщаемое высказывание («Коммуникация является согласованной избирательностью») (Luhmann 2006: 176). Таким образом, содержание коммуникации всегда является эффектом (воздействием) индивидуальной проекции определённого высказывания, организованной набором выборов (знаков). Похоже, если в лифте нажмём на кнопку со знаком «3», чтобы проинформировать машину о нашем требовании подняться на третий этаж. Таким образом, содержание находится вне коммуникации, не является предметом коммуникации, но коммуникацией генерировано. Образование текста, как и чтение текста, содержание генерирует, или генерирует его отсутствие.

2. Текст образован и читаем с учётом его демонстрирующей и имплицитной (коантированной) составной части (Eco 2010). Демонстрирующая составная часть является предметом кодирования и декодирования, имплицитная составная часть является предметом рассуждения (Почему написано именно это, а не что-то другое? Что этим автор хотел сказать?) Таким образом, содержание текста является воздействием обеих этих составных частей. Кроме того, хотя сам текст является нематериальным и нерасположенным, встречается всегда в материальном и ситуативном контексте (и, как правило, его сопровождает котекст). Поэтому и содержание является контекстом, в котором текст производится или воспринимается. Он также соопределён, главным образом его имплицитная составная часть. Содержание текста, которое подписано *Мой секретный дневник* (котекст) и найден в сундуке у бабушки (контекст), будет при чтении преобразован в пределах этого котекста и контекста. Из этого вытекает, что содержание текста является комплексным воздействием письменной речи или чтения текста каким-нибудь участником.

До сих пор мы рассматривали область теории человеческого общения и не учитывали социологическую релевантность понятия содержание текста. С социально-научной точки зрения является важным, есть ли содержание текста ингерентным свойством текста или его воздействием? Ведь важным, возможно, является вопрос, суще-

ствуется ли содержание текста (коммуникации) и доступно ли анализу, а не его происхождение. Вообще-то нет, так как осознание происхождения содержания, его прагматическое содержание, является для социально-научного анализа ключевым, так как значит: сколько разных употреблений текста, столько разных содержаний текста (главным образом это касается его демонстрирующей составной части, но никак не исключительно). К. Криппендорф предлагает определение, которое соответствует этим условиям, но, дополнительно, подчёркивает важность контекста использования текста. «Анализ содержания является исследовательской техникой для образования реплицированных и валидных суждений (inferences) из текстов (или других осмысленных вещей) для контекстов их использования» (Krippendorf 2004: 18).

Можно заметить, что определение анализа содержания Криппендорфа переносит *explanans* (т. е. то, что мы хотим анализом объяснить) из текстов на их использование. Определение Криппендорфа этим отражает прагматический поворот в теории коммуникации, который перенёс внимание от изучения предполагаемых внутренних характеристик коммуникации к внешним способам использования коммуникации – теории речевых актов (*speech act*). Здесь мы не будем более подробно рассмаривать данную проблематику. Перенос акцента на использование текстов (что текстами можно «делать») вопрос содержания практически не меняет, так как ничего другого кроме интерпретации невозможно с текстами делать (Wilson 2012). Если из газеты сделают ласточку и бросят её из окна, то используют не текст, а газетную бумагу. Как только начнут газету читать и генерировать её содержание, то на вопрос «О чём в ней пишут?» уже готовы ответить. Когда пишут «Обещаю...», выбором слова *обещаю* стараются сообщить о своём обязательстве, так как в этом слове, как предполагают, существует обязательство для данного партнёра в коммуникации. Поэтому, позволим себе модифицировать определение Криппендорфа таким образом, чтобы было более ясным: Анализ содержания является исследовательской техникой для образования реплицированных и валидных суждений из текстов (или других осмысленных вещей) на контексты образования их содержаний.

Чтобы сделать определение ещё более ясным, можно было бы заменить термин контексты лексемой обстоятельства. Собственно, можно констатировать, что образование содержаний имеет определённый контекст, но, так как это понятие загружено многими дискуссиями о его значении, проще будет заменить его термином обстоятельства, который не требует такой интерпретации. Обстоятельства образования содержаний могут быть физические и символические.

Выводы

Есть несколько возможностей, которые анализ содержания как техника исследования текстов предлагает. Если вспомнить определение анализа содержания, что он является техникой исследования для

образования реплицированных и валидных суждений из текстов на обстоятельства образования их содержаний. Важным считалось обратить внимание на характер содержания, исследуемого анализом содержания. Собственно, анализ содержания является также определённой формой «чтения», и поэтому содержание текста совместно формирует, не только его раскрывает.

Литература

Алефиренко, Н. Ф. Спорные проблемы семантики: монография. – М.: «Гнозис», 2005. 326 с.

Алефиренко, Н. Ф., Голованёва, М. А., Озерова, Е. Г., Чумак-Жунь, И. И. Текст и дискурс: учебное пособие для магистрантов. – М: Флинта – Наука, 2012. 232 с.

Корина, Н. и колл. Языковая картина мира и когнитивные приоритеты языка. –Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre. 2014. 204 s.

Соколова, Я., Корина, Н. Человек – Язык – Дискурс. Очерки об ориентации в пространстве языка и речи. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2013. 206 s.

Berelson, Bernard. Content analysis in communication research. Glencoe: Free Press. 1952. 220 s.

Dudová, Katarína. Od modálnosti vety k modálnosti textu. Nitra: Filozofická fakulta Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre. 2014. 162 s.

Eco, Umberto. Lector in fabula. Role čtenáře aneb interpretační kooperace v narativních textech. Praha: Academia. 2010. 296 s.

Franzosi, Roberto (ed.) Content analysis. Four volume set. Sage benchmarks in social research methods. Thousand Oaks, London and New Delhi: SAGE Publications, 2008.

Hájek, Martin. Čtenář a stroj. Vybrané metody sociálněvědní analýzy textů. Praha: Sociologické nakladatelství (Slon). 2014. 226 s.

Kováčová, Zuzana. Význam jazykovej analýzy textu pre formovanie komunikačnej kompetencie. Nitra: Filozofická fakulta Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre, 2010. 216 s.

Kress, Gunther. Multimodality: A social semiotic approach to contemporary communication. London, New York: Routledge. 2010. 212 s.

Krippendorff, Klaus. Content analysis: An introduction to its methodology. Thousand Oaks, London and New Delhi: SAGE Publications. 2004. 407 s.

Luhmann, Niklas. Sociální systémy: nárys obecné teorie. Brno: Centrum pro studium demokracie a kultury. 2006. 550 s.

Neuendorf, Kimberly. The content analysis guidebook. Thousand Oaks, London and New Delhi: SAGE Publications, 2002. 301 s.

Popping, Roel. Computer-assisted text analysis. Newbury Park, London, New Delhi: SAGE Publications Ltd., 2000.

Roberts, Carl. Text analysis for the social sciences: Methods for drawing statistical inferences from texts and transcripts. 1997. S 275-283.

Sokolová, Jana. Tri aspekty verbálneho textu. Nitra: Filozofická fakulta Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre, 2012. 144 s.

Sokolová, Jana. O definičných vlastnostiach (verbálneho) textu // Slavica Nitriensia 1 / J. Sokolová (ed.). Nitra: Filozofická fakulta Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre, 2012. S. 41-54.

Sperber, Dan., Wilson, Deirdre. Relevance: Communication and cognition. Oxford: Wiley-Blackwell, 1995. S. 181– 224.

Weber, Robert. Basic content analysis. Newbury Park, London, New Delhi: SAGE Publications, 1990. S. 352-368.

Wilson, Adrian. What is a text? Studies in history and Philosophy of Science Part A 43(2), 2012. S. 341-358.

Summary. The presented paper deals with the issue of text content analysis as some form of „reading“ simultaneously creating the text content not only revealing it. Since it is a relatively well-known and well described method in its quantitative form, the emphasis is on its qualitative variants and then on in sociology still rarely used forms inspired by the techniques of corpus linguistics – a method of word co-occurrences observation. The theoretical notes are completed with vivid examples to confirm the issue under research.

Key words: communication, communication model, content, content analysis, text, textual analysis.

КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ ТЕМНОТЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ В.Г. КОРОЛЕНКО «СЛЕПОЙ МУЗЫКАНТ»)

И.И. Чумак-Жунь, Ж.А. Щербак

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

chumak@bsu.edu.ru

Россия, п. Красная Яруга, МОУ «Краснояружская СОШ №2»

j.scherbak@yandex.ru

Статья эта написана с особым чувством, потому что посвящена человеку, которого я полжизни считаю Учителем... Полжизни я ощущаю эту лингвокреативную ауру – Николай Федорович не просто щедро передает знания, но с радостью делится блестящими научными открытиями. Чем больше я его знаю, тем больше ценю возможность ученичества, понимая, какой подарок сделала судьба. Не очень часто приходится говорить ему об этом, поэтому рабому хотелось бы посвятить излюбленной им магии живого слова. А мой соавтор, молодая учительница, наша выпускница, и, конечно, тоже ученица Мастера, с таким удовольствием поддается этой магии и так вдохновенно интерпретирует-импровизирует, что, кажется, Дорогой Учитель, все только начинается...

Ваша ученица – И.И. Чумак-Жунь
(Ира Бондарева)

Уже традиционным стало восприятие метафоры не просто как средства украшения речи, а как центрального элемента познания мира. Никем сегодня не оспаривается утверждение о метафорическом характере мыслительной деятельности, как и о том, что метафора относится не к отдельным изолированным объектам, а к сложным мыслительным пространствам (областям чувственного или социального человеческого опыта), которые в процессах познания соотносятся с ментальными пространствами более простыми или конкретно наблюдаемыми (будь то огонь, вода или медные трубы). Мышление как особая сложноорганизованная структура отношений индивидуума и окружающего мира позволяет формировать собственное уникальное знание – свой индивидуальный код – по отношению к миру внешнему. Соответственно процесс метафоризации, при котором, с одной

стороны, задействовано воображение, а с другой – предполагается включение логических, аналогово-ассоциативных механизмов мышления, способствует созданию новых смыслообразов, участвующих в формировании этого знания-кода.

Обсуждаемая в этом ключе метафора представляется новым элементом методологии современного научного знания, который позволяет рассматривать под этим, «метафорическим углом зрения», целый комплекс проблем, связанных с особенностями гносеологической деятельности – с одной стороны, безусловно, уникальной, а с другой – универсальной, подчиняющейся общим законам. Один из них можно сформулировать словами Рене Декарта – «Ничто не существует в интеллекте, чего раньше не было бы в ощущениях». Несомненно, самым первым шагом в продвижении мысли от простого к сложному является ощущение – простейший и исходный элемент чувственного познания, возникающее при непосредственном взаимодействии органов чувств с объектами окружающей среды. В утверждении Н.Ф. Алефиренко, что «метафора представляет связующее звено в постижении нового (незнакомого) через известное (знакомое), в продвижении мысли от очевидного к менее очевидному»¹ особо подчеркивается роль ощущений как важнейшего элемента осмысления мира, соответственно, важнейшего инструмента метафоризации: «Очевидное же всегда понятнее даже на подкорковом уровне, а **конкретно потому, что приобретено благодаря зрению и осязанию предметной действительности** (в силу восприятия и осмысления мира опытным путем)» (выделено нами – И.Ч.-Ж., Ж.Щ.) (Алефиренко 2009: 180). Каким же образом происходит познание мира, если по тем или иным причинам сам естественный процесс познавательной деятельности нарушен, в том, например, случае, когда человек лишен такого важнейшего органа, как зрение, которому и в вышеприведенной цитате отводится ведущая роль?

Требуют ответа два основных вопроса: 1) участвует ли когнитивная метафора в познавательной деятельности слепого человека? и (при положительном ответе) 2) как именно происходит процесс метафоризации?

Обратимся за ответами на эти вопросы к гениальному произведению В.Г. Короленко «Слепой музыкант» – здесь шаг за шагом описывается процесс познания мира особенным человеком – от первого крика слепого младенца до «прозрения». Благодаря глубокой душевной работе, преодолевая как препятствие тяжелый рок, юноша побеждает темное воображение, оставаясь при этом слепым физически: *Да, он прозрел... На место слепого и неутомимого эгоистического*

¹Наглядным подтверждением слов о безусловной метафоричности мышления являются также две метафоры в вышеприведенной цитате: *метафора – связующее звено* и *продвижение мысли*.

страдания он носит в душе ощущение жизни, он чувствует и людское горе, и людскую радость, он прозрел и сумеет напомнить счастливым о несчастных... (Короленко 1991:123-124). Характеристика сознания слепого мальчика как темного (*темная головка, темный мозг, темное воображение, темные представления*) обобщено в метафорическом описании мира в темноте: **Слепота застилает видимый мир темною завесой**, которая, конечно, **ложится на мозг**, затрудняя и угнетая его работу, но все же из наследственных представлений и из впечатлений, получаемых другими путями, **мозг творит в темноте свой собственный мир**, грустный, печальный и сумрачный, но не лишенный своеобразной, смутной поэзии (Короленко 1991: 37).

Автор утверждает таким образом, что «собственный мир» возникает у ребенка из 1) наследственных представлений и 2) впечатлений, получаемых другими путями. В повести эти внешние впечатления описаны в определенной последовательности, которую можно очень условно разделить на несколько этапов и которая характерна для любого познающего мир.

1 этап – познание через перцептивно-сенсорное восприятие. На этом этапе мальчик «пробует» окружающий мир тактильным, перцептивно-сенсорным путем (при помощи органов обоняния, осязания, слуха) – компенсаторными механизмами речемыслительной деятельности: *Даль звучала в его ушах смутно замиравшею песней; когда же по небу гулко перекатывался весенний гром, заполняя собой пространство и с сердитым рокотом теряясь за тучами, слепой мальчик прислушивался к этому рокоту с благоговейным испугом, и сердце его расширялось, а в голове возникало величавое представление о просторе поднебесных высот.*

Описывая этот, «перцептивно-сенсорный», этап познания мира, писатель подчеркивает мучительный характер процесса. Ощущения и чувства представлены как эмоционально-аффективные неререфлексируемые реакции (*болезненный восторг*). Впечатления, которые получает ребенок, в его сознании не могут сформироваться в отчетливое представление. Короленко очень выразительно описывает внешние признаки познания мира **как преодоления** – на смену неподвижности слепого лица приходит мимика страдания: *Лицо подергивалось ритмически пробежавшими по нем переливами; глаза то закрывались, то открывались опять, брови тревожно двигались, и во всех чертах пробивался вопрос, **тяжелое усилие мысли и воображения**. Не окрепшее еще и переполненное новыми ощущениями сознание начинало изнемогать: оно еще боролось с нахлынувшими со всех сторон впечатлениями, стремясь устоять среди них, слить их в одно целое и таким образом овладеть ими, победить их. Но задача была не по силам темному мозгу ребенка, которому **недоставало***

для этой работы зрительных представлений (Короленко 1991: 19).

2 этап – познание через языковое общение. Столь же сложные ощущения связаны и с впечатлениями от живого общения с окружающими людьми, которое стало еще одним важным этапом формирования картины мира взрослеющего мальчика. Герой черпает знания о мире опосредованно, сквозь призму мира чужого: неподготовленному сознанию оказываются необходимыми объяснения других людей, замещающие пробелы в мыслях дубль-знанием. Объяснение звуков дает мальчику новые жизненные впечатления: – *Рожок пастуха слышен за лесом, – говорила она (мать). – А это из-за щебетания воробьиной стаи слышен голос малиновки. Аист клекочет на своем колесе* (Короленко 1991: 21).

Отметим, что и на этом этапе восприятие информации также сопровождается болезненными ощущениями: *Рассказы матери, более живые и яркие, производили на мальчика большее впечатление, но по временам впечатление это бывало слишком болезненно. <...> Видимо, детская головка работала над непосильною задачей, темное воображение билось, **стремясь создать из косвенных данных новое представление, но из этого ничего не выходило*** (Короленко 1991: 21).

3 этап – сложная аналитическая речемыслительная деятельность.

Её сознание ребенка способно провести, уже имея определенное знание о внешнем мире, которое опирается на память, хранящую информацию об опыте взаимодействия с окружающей средой и людьми, и механизмы осмысления и переработки этой информации. В связи со стремлением познать мир в его сложном многообразии в сознании ребенка к механизмам речемыслительной деятельности добавляются личные переживания, подключаются воля и характер, позволяющие создавать на этой основе новые представления, отсутствующие ранее. Однако «темное воображение» слепого ребенка не дает возможности окончательно сформироваться этим представлениям: физическая неполноценность накладывает отпечаток на специфику восприятия и познания окружающей действительности. И вот здесь на помощь познанию приходит когнитивная метафора, обладающая огромным эвристическим потенциалом, – она позволяет получить новое знание посредством уже известной переменной, что является особо значимым для слепого.

Так как ребенок не получает представление о визуальном признаке денотата сенсорно-перцептивным путем, соответственно, только перенос из одной области знания в другую может сформировать сигнификат-концепт в его сознании. Использование метафоры особенно необходимо в том случае, когда познание связано с абстрактными понятиями. Если восприятие конкретных предметов действительности

для человека, не имеющего возможности познавать мир посредством остенсивного метода, предполагает конкретный процесс познания в форме, например, тактильного ощущения (пень можно потрогать, кошку можно погладить и т.д.), а процесс формирования представления в данном случае также вполне конкретен, так как тактильное ощущение подает в сознание информацию о качестве предмета (какой? какая? какие?), то в случае с абстрактными понятиями механизм познания усложняется, становится интуитивным – ведь цвет, эмоцию нельзя ощутить перцептивно. Недостающим звеном познания в таком случае становится ассоциативный образ, создаваемый при помощи метафоры. Восприятие незнакомых предметов «через метафору» становится новым, более сложно организованным уровнем в познании слепым окружающей действительности. В повести описаны два типа подобного познания мира, которые условно можно определить как **метафору воображения** и **метафору изображения**.

Метафоризация первого типа (**метафора воображения**) происходит только в сознании мальчика – это невербализованная метафора. Основана она на непосредственном перцептивно-сенсорном восприятии, чаще всего на звуковых впечатлениях: звук – то ощущение, которое дает слепому ребенку наибольшую возможность познания. Так возникает у героя «ощущение» музыкальных инструментов – хохлацкой флейты и фортепиано. Источником метафоры здесь является представление о живом существе. Флейта в сознании Петруся ассоциируется с добрым, волшебным другом, рядом с которым хорошо, фортепиано вызывает болезненные ощущения (**выражение боли, вызванное ее игрой, на лице мальчика**). В фортепианной музыке, которую исполняет мать, нет чувства (**Ты, кажется, не особенно любила музыку**, – говорит ей муж), кроме того, писатель настойчиво подчеркивает чужеродность инструмента: **привозная «музыка», венский инструмент лучшего мастера, заморская музыка, венское пианино, немецкая музыка**. Только серьезная духовная работа матери, которая понимает суть происходящего и добивается от фортепиано нового звучания (передает новую эстетическую информацию – это музыка родной материнской души и родной природы), меняет представление мальчика об инструменте. Теперь фортепиано – это близкий друг. Таким образом, основную роль в формировании этого фрагмента картины мира мальчика играет эмоция, окрашивающая звук.

Второй тип метафоризации построен **на изображении** – это познание через языковое общение. Перед родными слепого Петра поставлена чрезвычайно сложная задача: они, опираясь на сформированный у ребенка опыт взаимодействия с окружающим миром и опыт эмоциональный, должны дать ребенку новые представления. Это особенно сложно, когда необходимо объяснить специфику цвета. Для зрячего человека цвет – это тот признак, который нередко лежит в основе метафоризации, причем цвет зачастую уже несет представление

об эмоции. Так, все описание демона утра у А.А. Блока построено на цветовой метафоре – здесь «эмоция утра» зависит именно от цвета. *Есть демон утра. Дымно-светел он, Золотокудрый и счастливый. Как небо, синь струящийся хитон, Весь – перламутра переливы. Но как ночью тьмой сквозит лазурь, Так этот лик сквозит порой ужасным, И золото кудрей – червонно-красным, И голос – рокотом забытых бурь.* В этом описании демон утра представлен двумя эмоциями – счастливый (в цветоописаниях – дымно-светлый, золотокудрый; синий, как небо, струящийся хитон, лазурный) и ужасный (ночная тьма, червонно-красный). Однако слепым человеком подобная «эмоционально-цветовая» загадка разгадана быть не может – его сознание покрыто темной завесой.

На протяжении всей повести родные Петра пытаются передать мальчику колористические ощущения. Они описывают красный, зеленый, белый, черный цвета. Каждый реализует индивидуальное разрешение метафоры, но есть определенные общие черты, которые включаются в эти парадоксальные колористические описания. Метафора, в которой синий цвет становится целью, представлена в описании дяди мальчика: «... *Если ты взмахнешь рукой над своею головою, ты очертишь над ней полукруг. Теперь представь себе, что рука у тебя бесконечно длинна. Если бы ты мог тогда взмахнуть ею, то очертил бы полукруг в бесконечном отдалении... Так же далеко видим мы над собой полушаровой свод неба; оно ровно, бесконечно и **сине**... Когда мы видим его таким, в душе является ощущение спокойствия и ясности. Когда же небо закроют тучи взволнованными и мутными очертаниями, тогда и наша душевная ясность возмущается неопределенным волнением. Ты ведь чувствуешь, когда приближается грозовая туча...*

– Да, я чувствую, как будто что-то смущает душу...

– Это верно. Мы ждем, когда из-за туч проглянет опять эта глубокая **синева**. Гроза пройдет, а небо над нею останется все то же; мы это знаем и потому спокойно переживаем грозу. Так вот, небо **сине**... Море тоже **сине**, когда спокойно. У твоей матери **синие** глаза, у Эвелины тоже.

– Как небо... – сказал слепой с внезапно проснувшейся нежностью.

– Да. **Голубые** глаза считаются признаком ясной души....»

(Короленко 1991: 105-106).

В сложном процессе метафоризации стоит обратить внимание на несколько факторов:

– используется сразу 3 области-источника: *небо, море, глаза*;

– два из них (*небо и море*) являются прототипическими референтами (Вежбицкая) цвета, то есть референт априори несет представление о цвете. Ср. словарные толкования, где в качестве иллюстраций к слову *синий* приводятся сочетания *синее море, синее небо*: синий – 1.

Имеющий окраску одного из основных цветов спектра – среднего между голубым и фиолетовым. ***С-ее летнее небо. С-ие, как небо, глаза. Сине (синее) море(нар.-поэт.);***

– каждый из областей-источников включает эмотивную составляющую.

Таким образом, метафора «движется» от пространства к эмоции. Пространственные впечатления у мальчика сформированы на «перцептивно-сенсорном» этапе, соответственно, мальчик обладает определенным опытом, эмоциональным и физическим, чтобы ее (метафору) «ощутить».

Опишем разрешение метафоры с областью-целью синий:

Области – источники – небо, море, глаза.

Признаки, которые лежат в основе метафоризации:

Пространство – цвет. Передавая ощущение огромного небесного пространства (лексема *бесконечно* повторяется трижды), дядя Максим помещает в его центр мальчика: *Теперь представь себе, что рука у тебя бесконечно длинна; Если ты взмахнешь рукой над своей головою, ты очертишь над ней полукруг.* Пространство локализуется от бесконечно большого (внешнего) – к большому – к небольшому элементу (внутреннее пространство): *небо – море – глаза (душа) – синий.*

Форма – ощущение – цвет: *ровно, бесконечно и **сине...**, спокойный – синий; ясный – синий.*

Результат метафоризации: *внезапно проснувшаяся нежность.*

Таким образом, описан тот переходный момент в формировании образа цвета от конкретной денотативной базы к личному переживанию «особенного» ребенка, – от сформированного образа неба к новому знанию о цвете. Основным средством, передающим знание в область-цель, является эмоциональное переживание, в результате которого формируется эмоциональный образ-денотат, с которым отождествляется синий цвет.

Передать представление о цвете словами кажется невозможным, и Короленко вновь описывает тот мучительный процесс формирования представлений, которые появляются в сознании мальчика на короткое время, но не исчезают, а *переходят в другую область.* Иногда ему удавалось: *он находил на мгновение те ощущения, о которых говорил Максим, и они **присоединялись к его пространственным представлениям.*** Темная и грустная земля уходила куда-то вдаль: *он мерил ее и не находил ей конца. А над нею было что-то другое... **В воспоминании** прокатывался гулкий гром, **вставало представление о шире и небесном просторе.*** Потом гром смолк, но что-то там, вверху, оставалось – что-то, рождавшее в душе **ощущение величия и ясности.** Порой это ощущение определялось: *к нему **присоединялся голос Эвелины и матери, «у которых глаза, как небо»;*** тогда возникающий образ, выплыв-

ший из далекой глубины воображения и слишком определившийся, вдруг исчезал, **переходя в другую область** (Короленко 1991: 108).

Кульминацией описания этой тяжелой мыслительной-духовной деятельности является момент «прозрения» героя. Именно в этот момент в его сознании проявляются ощущения, заложенные ранее:

Это было только первое мгновение, и только смешанные ощущения этого мгновения остались у него в памяти. Все остальное он впоследствии забыл. Он только упорно утверждал, что в эти несколько мгновений он видел.

*Что именно он видел, и как видел, и видел ли действительно, – осталось совершенно неизвестным. Многие говорили ему, что это невозможно, но он стоял на своем, уверяя, что видел **небо** и землю, **мать, жену** и **Максима**.*

И перед незрячими глазами встало синее небо, и яркое солнце, и прозрачная река с холмиком, на котором он пережил так много и так часто плакал еще ребенком (Короленко 1991: 108).

Вероятно, опираясь на гениальное произведение В.Г. Короленко, мы можем утверждать, что когнитивная метафора играет решающую роль не только в процессе познания мира особенным человеком, но и в выработке нового вида равновесия организма взамен нарушенного – ощущение прозрения связано именно с этим, появившимся в душе новым «взглядом на мир».

Литература

Алефиренко Н.Ф. «Живое» слово: проблемы функциональной лексикологии: монография / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2009. 344 с.

Вежбицкая, А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия (Эл. ресурс) / А. Вежбицкая. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/wierzbicka-96b.htm> Загл. с экрана.

Короленко, В.Г. Слепой музыкант. – М.: Сов. Россия, 1991 256 с.

Summary. The article deals with the specifics of the world cognition by a blind man. The stages of the world cognition through the overcoming of darkness – from the perceptual and sensory perception to the complex analytical metaphorical activity – on the material of the V. Korolenko's novel "The Blind Musician" are under consideration.

Key words: perception of the world, literary text, cognitive metaphor.

АРХИТЕКТОНИКА ЦВЕТА В ЛИРИКОПРОЗАЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Е.Г. Озерова

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
ozerova@bsu.edu.ru

Архитектоника цвета в лирикопрозаической организации текста репрезентирует ценностно-смысловой потенциал авторского замысла, способствует выявлению и осмыслению основной идеи исследуемого текста, раскрывает его имплицитное когнитивно-прагматическое содержание. Лирикопрозаический текст как продукт дискурсивной дея-

тельности отражает чувственное авторское видение действительности, поэтому и позволяет выявить антропоцентрическую синестезию восприятия цветовой картины мира. *Пасха, красная.*

Трезвонь, перезвонь, красный – согласный звон. Пасха красная... Розовые, красные, синие, жёлтые, зелёные скорлупки – всюду, и в луже светятся. Пасха красная! Красен и день, и звон (И.С. Шмелёв, «Лето Господне»).

Номинация цвета в архитектонике лирикопрозаического текста является не только ярким образным средством, но и раскрывает когнитивно-коннотативный потенциал авторского смыслопорождения: 1) *Пасха красная*, 2) *красный звон*, 3) *розовые, красные, синие, жёлтые, зелёные скорлупки*, 4) *красен и день, и звон*.

В системе смыслопорождающих механизмов лирикопрозаический текст занимает особое место, своеобразие которого заключается в том, что концептуальные лакуны здесь имеют бесконечные смысловые вариации, которые связаны с отражением эго-восприятия действительности, так как в фокусе внимания текстов лирической прозы находится человек – носитель мыслей и чувств культурного универсума. *Помню раннее, свежее, тихое утро... Помню большой, весь золотой, подсохший и поредевший сад, помню кленовые аллеи, тонкий аромат опавшей листвы и – запах антоновских яблок, запах мёда и осенней свежести* (И.А. Бунин, «Антоновские яблоки»). Цветовая картина мира в описании сада И.А. Бунина и И.С. Шмелёва в лирикопрозаическом тексте идентифицируется. *Сад через стёкла – разноцветный: и синий, и золотой, и алый... и так-то радостно на душе, словно мы в рай попали* (И.С. Шмелёв, «Богомолье»). Архитектоника цвета в лирикопрозаическом тексте зиждется на интенциональном фоне, который программируется эготопом (Озерова, 2011: 170) повествователя.

Образная вербализация цвета и запаха образует единство сенсорного восприятия: *золотой сад, запах мёда*. Такая синестезия сенсорного восприятия является достаточно частотной в лирикопрозаическом тексте: *Ах, иногда чаша осени поднимается к бледному небу, переполнена золотом радости, мёдом и пурпуром счастья...* (Е. Гуро, «Примирение»).

Подтекст лирического «Я» имплицитно подчинён описанию ощущений и чувств, направлен на фиксирование ассоциаций: *золото – мёд; золото – рожь, золото – солнце*.

Защурив глаза, я вижу, как в комнату льётся солнце. Широкая золотая полоса, похожая на новенькую доску, косо влезает в комнату, и в ней суетятся золотники. По таким полосам, от Бога, спускаются с неба Ангелы, – я знаю по картинкам. Если бы к нам спустился! (И.С. Шмелёв, «Лето Господне»).

Раз мне какой чудный сон приснился! Вижу я, будто стою я в поле, а кругом рожь, такая высокая, спелая, как золотая! (И.С. Тургенев, «Записки охотника»).

***Золотилось солнце** на востоке, за туманной синью далёких лесов, за белой снежной низменностью, на которую глядел с невысокого горного берега древний русский город. Был канун Рождества, бодрое утро с лёгким морозом и инеем (И.А. Бунин, «Безумный художник»).*

Сложная гамма ощущений реального фрагмента картины мира передаётся с помощью переключения субъективного и объективного планов цветовосприятия, воскрешающих в памяти аффективное состояние в виде лирически оформленного авторского модуса: ***Золотое, счастливое время!*** (И.А. Бунин, «Жизнь Арсеньева»).

Архитектоника цвета эксплицирует мелиоративные коннотации лирикопрозаических текстов:

1) *сад через стёкла – разноцветный: и **синий**, и **золотой**, и **алый**... и так-то **радостно** на душе, словно мы в рай попали* (И.С. Шмелёв, «Богомолье»);

2) *переполнена **золотом радости, мёдом и пурпуром счастья*** (Е. Гуро, «Примирение»);

3) *пушинки нежные, в **золотой пылице**... – никто не может так сотворить, Бог только... И я заплакал, от **радости**... будто живая верба!* (И.С. Шмелёв, «Лето Господне»);

4) ***золотые** кресты сияют – священным светом. Всё – в **золотистом** воздухе, в дымно-голубоватом свете: будто кадят там ладаном* (И.С. Шмелёв, «Лето Господне»).

5) *есть тот **дивный** свет и **золотой** цвет, тот воздух, та тишина, то **спокойствие души**, которое я видел и ощущал* (В.Н. Крупин, «Поздняя Пасха»).

Коннотативное пространство лирикопрозаического текста репрезентируется конгломератом различных коннотативных значений, природа которых связана как с эмотивным, так и ментальным восприятием эготопа: *золотой – радостный, золотой – счастливый, золотой – духовный*, репрезентирующий *спокойствие души, золотой – священный*. Следует отметить, что золотой фон символизирует свет царствия Божия. *Мерцает позолота и серебро, проглядывают святые лики, пылают пуки свечей* (И.С. Шмелёв, «Богомолье»). Смысл метафоры *мерцает позолота* связан с обозначением языковой номинации сияния, света, чистоты и «разрастается изнутри под напором духовной силы личности» (Колесов 2004: 150). Когнитивная метафора *мерцает позолота*, раскрывающая когнитивно-коннотативную природу культурной информации, имеет реальную этимологию: *ассист* (лат. – ‘присутствующий’) – в иконописи лучи и блики, исполненные золотом или серебром, составляющие рисунок одежд, символизируют присутствие Божественного света (Языкова, 1994: 171). Именно поэтому золотой фон на иконах олицетворяет этот неземной свет. *И все-то хоругви, и Святые, и Праздники, в **золоте-серебре**, в цветочках... все преклонятся перед Пречистой...* (И.С. Шмелёв, «Лето Господне»).

Следовательно, архитектоника цвета в лирикопрозаическом тексте комплементарно соотносится с интертекстуальным кодом, который в дискурсе лирической прозы является носителем культурной памяти о прецедентном феномене, представляет информационно-этнокультурный модуль, хранимый в языковом сознании автора и читателя.

Культурные смыслы ментальных объектов, проникая во внутренний мир человека, формируют авторские, личностные смыслы. Именно поэтому каждый из авторов лирикопрозаического текста создаёт свой, собственный мир смыслов, репрезентирующий ценностно-смысловую сущность произведений этого жанра: *золотой иконостас, образа в золотых окладах, жарко пылающие светлым, золотым костром, косо и обильно наставленные перед Праздником ... – всё казалось царственным, пышным, торжественно восхищало душу...* (И.А. Бунин, «Жизнь Арсеньева»). Смысл, подчёркивает Н.Ф. Алефиренко, – категория лингвокультурологическая, личностная, ситуативная; смысл подвижен и изменчив от эпохи к эпохе, от человека к человеку, от текста к тексту (Алефиренко, 2010: 221). Архитектоника цвета в этнокультурном пространстве лирикопрозаического текста эксплицирует духовные ценности. *Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной (красоте) кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом* (1-е Петра, гл. 3: 3-4).

Иные смысловые вариации определения *золотой* зафиксированы в большом словаре крылатых слов русского языка:

золотая лихорадка – ажиотаж, нездоровое возбуждение, связанное с добычей золота, с жадной наживой,

золотая молодёжь – о молодёжи из богатых слоёв общества, проводящей жизнь в праздности и развлечениях,

золотая рыбка – счастливая возможность, шанс,

золотая середина – 1) о манере поведения, образе действий, при которых избегают крайностей, рискованных решений, пытаются найти средний путь. 2) о людях, избегающих крайностей, уживчивых, бесконфликтных,

золотое руно – о богатстве, о цели какого-либо завоевания,

золотой век – о самом лучшем, счастливом периоде чьей-либо жизни, о времени наивысшего расцвета науки и культуры в истории какого-либо народа, страны,

золотой дождь – о богатстве, больших денежных суммах (обычно – добытых без труда), изобилии, выгоде,

золотой мешок – о богатстве, богатом человеке,

золотой телец – олицетворение денег, богатства.

В национальном корпусе русского языка нами выявлены следующие номинации эпитета *золотой*: *золотые горы, золотая группа, золотой глобус, золотая лига, золотое перо, золотой напёрсток,*

золотая идея, золотая пора, золотой запас, золотой фонд, золотое поколение, золотая маска, золотое время.

Специфика ментального наименования обусловлена стереотипным видением мира, которое задаётся «культурной моделью, существующей в национальной традиции, и её языковой проекцией (Алефиренко, 2010: 11).

Языковая проекция лирикопрозаического текста раскрывает ценностно-смысловой потенциал внутренней формы номинативных единиц, репрезентирующих цвет:

***Синеватый** рассвет белеет. Снежное кружево деревьев легко, как воздух. Плавают гул церковный, и в этом морозном гуле шаром всплывает солнце. Пламенное оно, густое, больше обыкновенного: солнце на Рождество. Выплывает **огнём** за садом. Сад – в глубоком снегу, **светлеет, голубеет**. Вот, побежало по верхушкам; иней **зарозовел; розово зачернелись** галочки, проснулись; брызнуло **розоватой** пылью, берёзы **позлатились**, и **огненно-золотые** пятна пали на **белый** снег. Вот оно, утро Праздника, – Рождество (И.С. Шмелёв, «Лето Господне»).*

Преломляясь в эготопе и ассимилируя эмотивно-смысловое цветовосприятие, актуализируемое языковой памятью автора, архитекtonика цвета раскрывается в процессе вторичного ценностно-смыслового переосмысления действительности и характеризуется синтезом оттенков: *синеватый рассвет белеет; сад светлеет, голубеет; иней зарозовел; розово зачернелись галочки; брызнуло розоватой пылью, берёзы позлатились, огненно-золотые пятна пали на белый снег.*

Член Союза художников России Елена Аникеева, рассматривая символику цвета, отмечает, что синие оттенки представляют собой цвета небесной сферы и считаются цветом Богородицы, красный цвет – цвет пламенной любви к Богу, олицетворяет победу жизни над смертью – Воскресение. Белый цвет символизирует святость и чистоту (<http://www.blagovesti.ru/arhiv/2012/n12.files/simvolika.htm>).

*...тянулась такая же **белая** вереница поющих, с **огоньками свечек у лиц**, инокинь или сестёр, – уж не знаю, кто были они и куда шли. Я почему-то очень внимательно смотрел на них. И вот одна из идущих посередине вдруг подняла голову, крытую **белым** платом... (И.А. Бунин, «Чистый понедельник»).*

Архитекtonика цвета *белый* несёт особые коннотативные смыслы: «синтез всех цветов, белый является символом света, и поэтому древние считали его божественным... Традиционными символами чистоты, добродетели и целомудрия являются белые платья причащающейся и невесты...» (Жюльен 1999: 452-453).

Рассматривая этнокультурную значимость цветообозначений, Т.И. Вендина отмечает, что белый цвет «является символом причастности к ангельскому чину, лику блаженных святых, тогда как чёрный

– символ причастности тёмным силам, сонмищу бесов» (Вендина 1999: 300).

В Толковом словаре В. Даля находим:

Белый – чистый, незамаренный, незапятнанный. *Рубаха черна, да совесть чиста. Белое венчальное, чёрное печальное. Из чёрного не сделаешь белого.*

Оппозиция цвета способствует проявлению интенциональности в лирикопрозаическом тексте, которая, по мнению Г.И. Богина, способна обратиться к онтологической конструкции («душе») человека и изменить и отношение к опыту, и облик осваиваемого объекта (это изменение обусловлено тем, что объект окрашивается личным опытом) (см.: Богин 1995: 4).

Архитектоника цвета в лирикопрозаических текстах обусловлена интенциональным восприятием, порождающим контаминированные конструкции: *В тучах...за **серебристыми** тополями, вспыхивали зарницы, раскрывавшие на мгновение облачные **розово-золотистые** горы...*(И.А. Бунин, «Суходол»).

Сочетание золотого и пурпурного символизирует цвет божественной и царской власти, порождает лирическое восприятие действительности через создание цветовой картины мира:

*Они встретились, где **лампадный огонек** кропил **пурпуром** снега, **озаряя образ Богородицы**. Глаза её **блеснули любовью**, когда склонилась пред ним в сквозных вуалях, в осеребрённых соболях; **золотую** головкою клонилась желанно, **пурпуровым** вздохом уст затомила: это все в ней радостно пело* (Андрей Белый, «Кубок метелей»).

*...в **золотой** пыли **всепобедного солнца**, **блистая пурпуром**... с **величественной** медленностью, **подобно царю, шествующему на царство**, плавно двигалась гордо выпрямленная фигура* (И.С. Тургенев, «Два четверостишия»).

*Солнце спряталось за деревья, крася в **золотистый пурпур** одни только верхушки самых высоких ольх да играя на **золотом** кресте видневшейся вдали графской церкви* (А.П. Чехов, «Драма на охоте»).

Символическое значение пурпурного и золотого сочетания указывает на цвет империи, что дало номинацию *имперский стиль* в дизайне, который обязательно включает предметы пурпурного и золотого цвета (см. А.П. Василевич, Т.А. Михайлова, 2003: 300). Примеров, подтверждающих данную информацию, при анализе лирикопрозаических текстов нами не зафиксировано, однако такое цветосочетание частотно встречается при описании природы. Следовательно, номинация *имперский стиль* олицетворяет в лирикопрозаических текстах природу. *И **царственнее**, чем **пурпур** и **золото**, которые некогда украшали чертоги римских императоров, были **пурпур** и **золото** осенних листьев* (Д.С. Мережковский, «Воскресшие Боги»).

1. **Пурпур** и **золото** = осенние листья.

На мосту останавливаюсь и долго люблюсь закатом. Он необычен. Его композиция и его колорит кажутся тщательно продуманными. Он выглядит, как картина, как работа крупного мастера. У горизонта, на спокойном, глубоком, благородном **пурпуре** сияет несколько слитков раскалённого, пышущего жаром **золота** (Г.И. Алексеев, «Зелёные берега»).

2. **Пурпур** и **золото** = закат.

Огненный край солнца поднимался из-за тучки, и вся она, пышная, как дым, была расцвечена в **пурпур** и **золото** (Максим Горький, «Колокол»).

3. **Пурпур** и **золото** = тучка.

С пруда слетела **позолота**, но **пурпур** запада еще фантастичнее отражался в зеркальной поверхности (Н.Г. Гарин-Михайловский, «Гимназисты»).

4. **Пурпур** и **золото** = пруд.

С каждой минутой ярче и ярче горят облака, блещут **золотом**, сверкают **пурпуром**, переливаются алыми волнами... (П.И. Мельников-Печерский, «В лесах»).

5. **Пурпур** и **золото** = облака.

Вода в заливе похолодела; дни стоят ясные, тихие, с чудесной свежестью и крепким морским запахом по утрам, с синим безоблачным небом, уходящим бог знает в какую высоту, с **золотом** и **пурпуром** на деревьях... (А. И. Куприн, «Листригоны»).

Крепкие невысокие сосны упруго стояли на ветру, сыпавшем каскады листьев с гибких **золотых** берез. Могучие ели воротами чернели впереди. На поляне за ними горело холодным огнем море **золота** и **пурпура** (И.А. Ефремов, «Лезвие бритвы»).

То узкая **золотая** полоска мелькнет из-под черной земли и, встретившись с солнцем, заиграет и даже уколет глаз крохотным зайчиком, то глубокий **пурпур**, то ясная синева, то салатная зелень, то темная вишневая краска (В. А. Солоухин, «Капля росы»).

Солнце тонуло в разодранных, фигурных, фантастических облаках, облежавших запад после сильного дождя; оно расцвечало их радужными цветами; все остальное небо было голубое, синее и переливалось по краям **золотом** и **пурпуром** (Н.А. Полевой, «Живописец»).

Небо сияло торжественным гимном в **пурпуре**, в **золоте** (И.А. Новиков, «Золотые кресты»).

6. **Пурпур** и **золото** = небо.

Небо в этнокультурном пространстве лирикопрозаического текста олицетворяет престол Божий: *А Я говорю вам: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно престол Божий* (Евангелие от Матфея, гл. 5: 34). Следовательно, цветосочетание пурпурного и золотого в лирикопрозаическом тексте является образным средством к номинации *небо* и эксплицитирует следующий смысл 'божественный, царственный'.

Таким образом, архитектура цвета 1) участвует в системе смыслопорождающих механизмов; 2) создаётся при помощи интенционального фона повествования; 3) связана с эмотивным и ментальным восприятием эготопа; 4) соотносится с интертекстуальным кодом; 5) формирует личностные смыслы и позволяет раскодировать этнокультурные ценности лирикопрозаического текста.

Литература

Алефиренко, Н.Ф. Стереотипы семантического пространства лингвокультуры // Язык и культура. – Белгород, 2010. С. 6-12.

Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология: Ценностно-смысловое пространство языка. – М.: Флинта: Наука, 2010. 288 с.

Богин, Г.И. Интенциональность как направленность рефлексии // Мысли о мыслях. – Новосибирск, 1995. Т. 3. С. 86-102.

Большой словарь крылатых слов русского языка / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулержкова. – М.: АСТ: Астрель: Русские словари, 2005. 623 с.

Василевич, А.П., Михайлова, Т.А. Лазурь и пурпур. Чему учит история терминов цвета // Российская наука. – М.: Академиздатцентр «Наука», 2003. С. 296-304.

Вендина, Т.И. Этнокультурная значимость цветообозначений // Цвет в этнокультурной системе русского, старославянского и древнерусского языков // Славянский альманах 1998. – М.: Индрик, 1999. С. 277-304.

Жюльен, Н. Словарь символов / Н. Жюльен. – Челябинск: Урал ЛТД, 1999. 512 с.

Колесов, В.В. Язык и ментальность. – СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2004. 240 с.

Озерова, Е.Г. Эготоп поэтической прозы / Е.Г. Озерова // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. – Казань, 2011. № 1 (23). С. 170-174.

Языкова, И.К. Богословие иконы / И.К. Языкова. – М.: Общедоступный Православный ун-т, 1994. 208с.

Электронные ресурсы

<http://www.blagovesti.ru/arhiv/2012/n12.files/simvolika.htm>

Summary. The article deals with the architectonics of color, which makes explicit axiological potential of the author's intention and reveals implicit cognitive-pragmatic content of lyric and prosaic text.

Key words: architectonics of color, lyric and prosaic text, egotope, intertextual code, intentional background.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК КОМПОНЕНТЫ ПОВТОРНОЙ НОМИНАЦИИ

К.И. Декатова, М.А. Курдыбайло

Россия, г. Волгоград, Волгоградский государственный
социально-педагогический университет
dekatovaki@mail.ru

Несмотря на многолетние исследования структурно-семантических модификаций языковых знаков в ходе их фразеологизации (Б.А. Ларин, В.Н. Телия, А.В. Кунин, В.П. Жуков, В.М. Мокиенко, Н.Ф. Алефиренко, А.М. Мелерович, В.Г. Гак, А. В. Жуков, М.М. Копыленко, З.Д. Попова, А.Г. Назарян и др.), проблема формирования плана содержания фразеологических единиц все еще остается не пол-

ностью осмысленной. Не вызывает сомнения тот факт, что смысловое структурирование в процессе фразеологического знакообразования и знакоупотребления является весьма сложным явлением. Поэтому полностью понять его невозможно без использования методик различных подходов к исследованию: когнитивного, структурно-семантического, дискурсивного, прагматического, семиологического подходов. Последний подход ориентирован на изучение механизмов смысловой организации языкового знака в речи (А.-Ж. Греймас, Ю. С. Степанов, Д.И. Эдельман, Н.Ф. Алефиренко и др.). Важнейшими задачами семиологических исследований являются изучение динамики внутренней смысловой дистрибуции функционирующих в речи знаков, анализ «поведения» семантической структуры языковых знаков в речи, описание взаимодействия «виртуального» (словарного) и «актуального» (речевого) значений языковых единиц в контексте. Контекст может быть разного объема и уровня сложности: макроконтекст (дискурс, группа текстов, текст), микроконтекст (ССЦ, предложение, сочетание слов). В группе микроконтекстов можно выделить такой интересный контекст, как цепь повторной номинации (далее – ПН).

Большинство исследователей ПН считают самым точным определением этого термина определение, сформулированное В.Г. Гаком: ПН – это «наименование уже ранее обозначенного в данном контексте денотата: лица, предмета, действия, качества» (Гак 1998: 524). Анализируя все разнообразие ПН, ученый описал такие ее типы, как *идентичные* и *вариативные ПН*, *дистантные* и *сопряженные ПН*.

ПН называют идентичной в том случае, когда первичное и повторное наименование денотата полностью совпадает (Гак 1998: 524), например, в рассказе Татьяны Толстой «Петерс» идентичной ПН является наименование описываемого места – **хорошее место**:

Швейцар сторожил вход в злачное **место** – дверь в полуподвал, и за дверью глухо грохочет музыка, и лампы сияют из окон, как длинные трубки с ядовитым сиропом. Перед дверью клацали зубами в вихрях дождя юноши – все претенденты на Валентинину руку, – прощай, Валентина, – мест не было, но швейцар, обманувшись солидностью Петерса, пустил, и Петерс прошел, и с его боков прошмыгнули еще двое. **Хорошее место**. Петерс с достоинством снял шляпу и плащ, взглядом пообещал чаевые, шагнул в гремящий зал и протрубил в носовой платок о своем приходе. **Хорошее место!** Выбрал себе коктейль порозовее, пирожное-погоду, выпил, куснул, еще выпил и расслабился. **Хорошее, хорошее место**. И под локтем его возникла, завязалась откуда-то из воздуха, из цветного сигаретного дыма девочка-мотылек; красное, зеленое платье – огни мигали – расцветало на ней орхидеей, и ресницы мигали как крылья, и на тоненьких лапках звенели браслеты, и вся она была предана Петерсу до последнего вздоха. Он махнул, чтобы дали еще розового спирта, боясь заговорить, спугнуть девочку, чудную пери, летучий цветок, и они посидели мол-

ча, удивляясь друг другу, как удивились бы, встретившись, козел и ангел (Толстая «Кысь. Зверотур. Рассказы»).

ПН является *вариативной* в тех случаях, когда повторное наименование в «смысловом отношении отличается от предыдущего» (Гак 1998: 524), например, такого типа ПН содержится в отрывке произведения Т. Н. Толстой «Лилит»:

Они смотрят непрестально, они ни во что не вглядываются, словно все вещи цветущего окрест мира не имеют для них большого значения. Мир цветет и колыхается, течет и искрится, переменчивый и зыбкий, как морская вода. Вода же пляшет и бежит во все стороны, оставаясь на том же месте, ее не поймаешь взглядом; а если будешь долго смотреть – и сама станешь водою: светлой поверху, темной в глубинах. Они смотрят на воду, они сидят у воды, они сами – **вода, эти женщины начала века, ундины, наяды, глубокие омуты, двуногие воронки, венерины мухоловки**. Сырые и пышные, в платьях, подобных пене в полете, высоко подколов волнистые волосы цвета ночи, или цвета песков, или цвета старого золота, укрыв лица кисеей, чтобы загар не пристал к сливочной коже, они сидят на морском берегу, на всех морских берегах нескончаемой, прерывистой белой полосой, словно рассыпали соль и размазали легкой рукой вдоль полосы прибоя. Они сидят, они лежат, бескостные, струящиеся, охотно слабые, – чудное розовое, непропеченное тесто с цукатами родинок; тронь пальцем – останется ямка (Толстая «Изюм»).

Разделение ПН на идентичные и вариативные является их парадигматической характеристикой. С синтагматической точки зрения В.Г. Гак разграничил *дистантные* и *сопряженные* ПН (Гак 1998: 526). Компоненты дистантных ПН могут быть разделены целыми предложениями и даже абзацами, например:

Тем временем **постоялец**, тень в пыльном камуфляжном обмундировании с горбом за спиной, бесшумно открыл калитку <...>

А он опять чуть не вякнул свое слово-выручалочку, свое «прости-те», которым прерывал все бабские вопросы.

И **А.А.** замер на полушаге, как замирает **петух**, втянув, отшатнувшись, голову и занеся лапу – но еще не ступив ею.

– Вы сколько должны-то? – строго, даже недоброжелательно продолжала Алевтина.

По силуэту было видно, что **петух** обомлел – видимо, **А.А.** подумал, что тетка обозналась, приняла его за кого-то другого. <...> **Петух** даже крякнул и неожиданно охотно заклокотал, что ничего не должен, электричества вообще не жжет, ведра мои, а вот вода из колодца как решить проблему? Хотя хозяйка почему-то говорит, что рыли его вскладчину и она лично внесла триста пятьдесят тогдашних когдатоских рублей! (Петрушевская «Рассказы о любви»).

Компоненты сопряженных ПН в отличие от дистантных следуют непосредственно друг за другом (Гак 1998: 526). Так, в рассказе Татья-

ны Толстой «Женский день» цепочка ПН *женщины, фурии, учительницы* состоит из компонентов, следующих непосредственно друг за другом, то есть сопряженных компонентов:

Ноги медлят и вязнут в красной, густой, государственной мастике. Свет тусклый. Володины бородавки, как сухой горох, впиваются в мою испуганную ладонь. Вдруг с криком, шумом, синим всплеском кто-то большой накатывается на меня потной волной, хватает, отрывает от карликового, мелковеснушчатого Володи, тащит, волочит, выкрикивает, – швыряет меня на «середину»: выталкивает в особый, позорный ряд посреди зала, где стоят отпетые: двоечники, убийцы, плюющиеся через трубочку жеваной бумагой, террористы, забывшие дома тетрадь, враги рода человеческого, не подшившие воротничок. Меня! Меня!.. Меня?! Их уже двое, потом трое; они кричат, они воздевают огромные руки, они вращают глазами, огромными как мельничные колеса, секунда – и они растерзают меня в клочья. **Женщины, фурии, учительницы.** Что, что, почему? что не так?.. Сквозь хлопотанье разбираю обвинение и приговор: там, сзади, на моей спине, где мне не видно, у меня в косе красная лента: мама заплела мне красную ленту вместо черной, моя мама – преступница, я – тоже, мы с мамой сокрушили основы, потрясли столпы, задумали свергнуть, подрыли, насмеялись, презрели (Толстая «Кысь. Зверотур. Рассказы»).

Как показал анализ компонентного состава ПН в современной отечественной прозе, фразеологические единицы, как правило, являются элементами вариативной сопряженной ПН. В связи с этим в данной статье опишем результаты семиологического анализа ФЕ как компонента вариативной сопряженной ПН. Данный анализ предполагает поиск ответа на следующие вопросы: как смысловая структура ПН взаимодействует со смысловой организацией ФЕ, какие возможны смысловые изменения в результате этого взаимодействия.

Отвечая на первый вопрос, следует уточнить, что под смыслообразованием понимается процесс порождения смысловой структуры номинативной единицы, причем данный процесс протекает как в ходе знакоупотребления, так и в процессе знакообразования. «Исследование смыслообразования в ходе знакообразования – это анализ формирования новой смысловой структуры, не являющейся «представителем» системного значения знака в речи, а возникающей непосредственно в дискурсе в процессе отражения объекта номинации и образования концептуальной структуры знания о нем» (Декатова 2009: 38-39). Анализ смыслообразования в ходе знакообразования сопряжено с изучением процессов концептуализации, категоризации, структурирования информации и вербальной объективации продукта этих когнитивных операций (Декатова 2009). Исследование смыслообразования в ходе знакоупотребления – это в первую очередь исследование модификации уже существующей смысловой структуры языковой единицы, попадающей в пространство речи.

Отметим, что под смысловой структурой мы понимаем сложную организацию довербальных и вербальных смыслов, вербализованной частью которой является денотативно-сигнификативное объединение, являющееся поставщиком сем речевого смысла. Особенность смысловой структуры ПН заключается в том, что она содержит один актуальный денотат объекта номинации и несколько сигнификатов – сигнификатов всех компонентов номинативной цепи. Например, в нижеприведенном отрывке произведения Т. Н. Толстой «Русский человек на рандеву» *герой* называется с помощью номинативной цепи *мальчик, рассказчик*:

Маленький мальчик, почти безымянный (лишь к концу романа кто-то называет его Алешей, что легко и пропустить), вместе со своей безымянной сестрой живут в большом индустриальном городе где-то на Волге. Каждое лето они проводят со своей бабушкой в маленьком городке, а то и селе, называемом Саранза (название, очевидно, выдуманное). <...> Бабушка – француженка, красивая, элегантная, сдержанная, образованная, несколько отрешенная; к необыкновенным ее достоинствам относится умение ладить с местным населением: пьяницей Гаврилычем, молочницей, бабками во дворе. Рассказывает она детям о Франции, рассказывает о своей жизни, читает французские стихи. Под ее кроватью стоит «сибирский сундук», набитый вырезками из старых французских газет, фотографиями и тому подобным; сохранимое она показывает и пересказывает детям. Постепенно они поддаются очарованию бабушкиных рассказов, под очарование языка; видят, слышат и осязают почти до галлюцинаций этот чужой и далекий мир.

Францию начала века, не существующую более нигде, кроме их воображения. Есть мир степной Саранзы – а вернее, мир бабушкиного висящего над степью, над краем земли, балкона; есть мир бабушкиного прошлого, о котором позже, и есть мир выдуманной Франции, – все эти миры находятся в сложном переплетении.

Мальчик, – рассказчик – необычайно впечатлителен, к слову, мечтателен и словно бы отрешен, порой, до аутизма. Он – вуайер особого рода: для того чтобы в полной мере пережить головокружительное ощущение присутствия, чтобы мертвое «ничто» превратить в непосредственно переживаемое ощущение, ему необходимо слово, волшебная формула, позволяющая остановить и воскресить утраченное мгновение. Вот он, подросток, рассматривает газетную вырезку, – а на обороте фотография трех красавиц былых времен (Толстая «Изыум»).

Смысловая структура ПН *мальчик, рассказчик* состоит из актуального денотата – образа повествующего о своем детстве ребенка – и сигнификатов единиц *мальчик* – ‘ребенок или подросток мужского пола’ (БАС Т.6) и *рассказчик* – ‘тот, кто рассказывает’ (БАС Т.12). Актуальный денотат включает в свою структуру смыслы первичных дено-

татов лексем *мальчик* и *рассказчик*, и противоречий в речевом смысле ПН между денотативными и сигнификативными смысловыми элементами не возникает. Иначе обстоит дело в тех случаях, когда частью ПН оказываются фразеологические единицы. Будучи единицами с образно-переносным значением, двуденотативными единицами, фразеологизмы усложняют смысловую структуру ПН, например:

Варвара Лукинишна говорила, что книгу дал ей Никита Иваныч, – а вот и попался, старик, на вранье! Есть, есть у тебя книги, у старого пьяницы, где-то ты их прячешь, хоронишь, людям добрым не даешь... В избе их нету, Бенедикт ту избу знал, сиживал... В сарае нету, в сарае мы пушкина резали... В чулане – одна ржавь... В баньке?..

Бенедикт подумал про баньку и осерчал, сам почувствовал, как личико вздулось от гневливости: в баньке сыро, любая книга отсыреет. Вот ведь: приходил, просил, меняться предлагал, подарок ценнейший принес, не пожалел; сидел с ними, с Прежними, полдня, чепуху их слушал – так нет, ***врали, притворялись, за нос водили***, рыло от него воротили, руками отрицание делали: нету, мол, у нас книг! нету!.. не взыщи!..

(Толстая «Кысь. Зверотур. Рассказы»).

В состав смысловой структуры номинативной цепи *врали, притворялись, за нос водили* входят 1) сигнификаты единиц *врать* ‘говорить неправду, лгать, выдумывать, фантазировать’ (БАС Т.2), *притворяться* ‘принимать на себя какой-либо вид с целью ввести в заблуждение, обмануть’ (БАС Т. 11) и *за нос водить* ‘обманывать, вводить в заблуждение, обычно обещая что-либо и не выполняя обещанного’ (РФИЭС); 2) актуальный денотат – образ людей, говорящих неправду, обманывающих, не выполняющих обещание. Актуальный денотат связан с первичными денотатами лексем *врали, притворялись* и двуденотативной структурой фраземы *водить за нос* – образом обманщика и образа ситуации управления животным, которых водят при помощи кольца, продетого в нос (РФИЭС). Это делает денотативную структуру ПН многослойной.

Интересно, что не только фразеологическая единица влияет на модификацию смысловой структуры номинативной цепи, но и содержание фраземы, оказывающейся частью ПН, модифицируется. Проиллюстрируем эту мысль на примере номинативной цепи из отрывка произведения Т. Н. Толстой «Русский человек на randevu»:

Сюжет, однако, развивается дальше, действие одновременно разворачивается и в то же время стоит на месте и почти никуда не движется, но волшебная формула уже объявлена и приведена в действие: «а ведь все-таки был в ее жизни тот день...» Эти остановленные мгновения из жизни Шарлотты, извлекаемые автором и переживаемые им как живое сегодня (при всем необходимом флере прошедшего времени), составляют сердцевину романа: *герой / автор* думает о Шарлотте, находится в плену ее чар, ненавидит ее за то, что она сделала его

французом, белой вороной в русской тяжелой действительности, благодарен ей, любит ее, не верит в ее смерть, и снова, и снова видит всю ее жизнь «одной вспышкой» (Толстая «Изюм»).

Смысловая структура ПН *француз, белая ворона* формируется из следующих смысловых организаций: 1) актуального денотата – образ героя, автора произведения, чудака, живущего в России, но приобщившегося к французской культуре, данный денотат связан с первичным денотатом лексемы *француз* и двуденотативной структурой фраземы *белая ворона* – образом чудака и образом вороны белого цвета; 2) сигнификатов единиц *француз* и *белая ворона*. Важно отметить, что обе единицы номинативной цепи претерпевают семантические изменения: слово *француз* утрачивает словарное значение ‘представитель народа, нации, составляющей основное население Франции’ (БАС Т.16) и выражает новое содержание – ‘человек, приобщившийся к французской культуре, полюбивший все французское’; фразеологическая единица *белая ворона* со словарным значением ‘редкий, необычный по своим качествам, чудаковатый человек, резко выделяющийся среди других людей’ (РФИЭС) под воздействием первичной номинации конкретизируется, выражая смысл ‘резко выделяющийся среди других людей своей склонностью восхищаться всем французским’.

Таким образом, становясь компонентом ПН, ФЕ встраивается в смысловую структуру, образующуюся из смысловых организаций всех элементов номинативной цепи. Вхождение смысловой структуры фразеологической единицы в смысловую структуру ПН является сложным процессом, в ходе которого все единицы вступают в синергетическое взаимодействие, влияют друг на друга, определяя особенности различных смысловых модификаций. Дальнейшее исследование этих процессов предполагает концентрацию внимания не только на модификации содержания единиц на денотативно-сигнификативном уровне, но и на когнитивном уровне. Это позволит приступить к раскрытию и анализу причин модификаций смысловых структур как ПН в целом, так и фразеологизмов, участвующих в повторном наименовании.

Литература

Алефиренко, Н.Ф. Язык, познание, культура: когнитивно-семиологическая синергетика слова. – Волгоград, 2006. 228 с.

Алефиренко, Н. Ф. Проблемы когнитивно-семиологического исследования языка // Слово – сознание – культура : сб. науч. тр. / сост. Л. Г. Золотых. – М : Флинта : Наука, 2006. С. 31–41.

Бабенко, Н.Г. Оказиональное в художественном тексте: Структурно-семантический анализ. – Калининград: Калинингр. ун-т. 1997. 83 с.

БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965.

Гак, В. Г. Языковые преобразования. – М.: Школа «Язык русской культуры», 1998. 768 с.

Греймас, А.-Ж. Структурная семантика: поиск метода. – М. : Академический проект, 2004. 368 с.

Декатова, К.И. Смыслообразование знаков косвенно-производной номинации русского языка: когнитивно-семиологический аспект исследования: дис. ... док. филол. наук. – Волгоград, 2009. 486 с.

Декатова, К.И. Смыслообразование знаков косвенно-производной номинации в процессе порождения речевого высказывания // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. №7. С. 4-8.

Жуков, В. П., Жуков, А. В. Русская фразеология : учеб. пособие. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 2006. 408 с.

Копыленко, М. М., Попова, З. Д. Очерки по общей фразеологии (фразеосочетания в системе языка). – Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1989. 192 с.

Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка : учебник для ин-тов и факульт. ин. яз. – М. : Высш. шк., 1986. 336 с.

Мокиенко, В. М. Славянская фразеология : учеб. пособие для вузов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1989. 287 с.

Назарян, А. Г. Фразеология современного французского языка : учеб. пособие. – М. : «Высш. шк.», 1976. 318 с.

Петрушевская, Л. Рассказы о любви. – М.: АСТ: Астрель, 2011. 317с.

РФИЭС – Русская фразеология: историко-этимологический словарь / сост. А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Астрель : АСТ : Люкс, 2005. 926 с.

Степанов, Ю. С., Эдельман Д.И. Семиологический принцип описания языка // Принципы описания языков мира / отв. ред. В. Н. Ярцева, Б. А. Серебренников. – М.: Наука, 1976. С. 203–281.

Телия, В. Н. Русская фразеология. – М. : Изд-во Языки русской культуры, 1996. 288 с.

Толстая, Т. Н. Кысь. Зверотур. Рассказы. – М.: Эксмо, 2009. 640 с.

Толстая, Т.Н. Изюм. – М.: Эксмо, 2007. 480 с.

Summary. The article draws attention to the dynamics of the inner semantic distribution of phraseological units functioning in speech. We consider the chains of identical and variant re-nomination on the material of modern Russian prose. The authors aim to find answers to the following questions: how semantic structure of re-nomination interacts with the semantic organization of phraseological units; what semantic changes result from this interaction.

Key words: phraseological unit, semiotics, re-nomination, semantic structure.

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ И ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ В КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОМ АСПЕКТЕ

Л.М. Болсуновская

Россия, г. Томск, Национальный исследовательский

Томский политехнический университет

bolsunovskaya@inbox.ru

Термин «интертекстуальность», прочно вошедший в лингвистический обиход в 1967 году, до сих пор является одним из самых сложных и недостаточно изученных понятий и продолжает оставаться в центре острых дискуссий исследователей. Почти каждое слово и фраза, которую мы используем в речи, мы уже раньше слышали или видели. Наша уникальность и оригинальность как создателей текста заключается в способности соединять вместе слова и фразы новыми способами в соответствии с конкретной коммуникативной ситуацией, потребностями и целями. Однако при создании речевого произведения мы всегда должны основываться на использовании слов, привычных для людей, которые будут читать созданный нами текст. Осмыс-

ление сущности языка с точки зрения его главного предназначения связано с основами человеческой коммуникации, которая определяется двумя «принципиально различающимися процессами: передачей и приёмом сообщения» (Алефиренко 2005: 202-204). Если бы мы не говорили на одном понятном языке, как бы понимали нас другие люди?

Как правило, мы не задумываемся над тем, откуда определённое слово появилось в нашем лексиконе. Слова, которые мы многократно используем в речи, настолько общеупотребительны, что кажется, они используются постоянно и повсеместно. Иногда мы хотим создать впечатление, что используемые в речи слова присущи только нашей индивидуальности и относятся только непосредственно к моменту речи. Но случается и так, что мы хотим заострить внимание на том, где именно мы их услышали. Источник, из которого взято слово, может иметь для нас большой авторитет или, наоборот, может вызвать желание подвергнуть его критике. Мы также часто не задумываемся, откуда приходят слова, когда читаем какой-либо текст или слушаем других людей. Но иногда мы придаём значение словам и мысленно возвращаемся в то место и время, где уже их слышали. Анализ данной связи помогает понять смысл текста более глубоко.

Мы создаем наши тексты из многообразия уже существующих текстов, которые нас окружают, из потока языка, в котором мы живем. В то же время, мы понимаем тексты, которые созданы другими в этом потоке. Иногда, находясь в роли писателя, мы хотим указать источник того или иного слова, но бывает и так, что мы этого не делаем. Находясь в роли читателя, мы на уровне подсознания распознаём происхождение слова и способы его употребления, и зачастую знание о происхождении слова помогает понять скрытый смысл, заложенный в тексте.

Явные и неявные отношения, которые имеет текст или высказывание относительно существующего и будущего потенциального текста, называются интертекстуальностью. С помощью таких отношений текст даёт представление о дискурсе и текстовых ресурсах, которые влияют на ситуацию, и как нынешний текст позиционирует себя и опирается на другие тексты.

Как уже говорилось выше, термин «интертекстуальность» довольно давно вошёл в лингвистический обиход и за время своего существования использовался как в очень широком, так и в очень узком понимании (Болсуновская, Баранова 2011: 21). В широком смысле, как универсальное свойство текста, как теория бесконечного текста понятие интертекстуальности нашло отражение в работах Р. Барта, представителей французской школы Ю. Кристевой, М. Раффатера, Ж. Дерриды. Этой же позиции придерживается Ю. М. Лотман. В узком смысле, как специфическое качество определённых текстов, а не как универсальное свойство любого текста, понимание интертекстуальности представлено в работах И. П. Смирнова, Н. А. Кузьминой, Н. А. Фатеевой, В. Е. Чернявской (Муратова 2012: 30). Хотя сейчас это явление

широко признается, не существует стандартного аналитического словаря для описания элементов и видов интертекстуальности. Важно отметить, что декодирование интертекстуальных включений – это весьма сложный процесс, который требует от читателя хорошего запаса фоновых знаний и эрудиции. С одной стороны, интертекстуальное включение должно быть идентифицировано большинством читателей, то есть интертекст должен быть заимствован из «ядерных» (Кузьмина 2004: 53) для данной культуры текстов, иначе будет потерян прагматический эффект речевого произведения (Гузь, Пигина 2013: 317). С другой стороны, процесс «расшифровки» интертекстуальных кодов должен вызвать у читателя чувство удовлетворённости, за свою способность выполнить поставленную перед ним, как участником процесса декодирования, задачу. Кроме того, автор речевого произведения и реципиент являются представителями определённой картины мира, которая не может абсолютно совпадать у разных людей. Таким образом, задача создателя текста показать читателю, что его мир не чужд миру читателя.

Интертекстуальные отношения, как правило, наиболее легко узнаваемы, когда текстовые заимствования включают некоторое расстояние во времени, пространстве или культуре. Фразы, которые являются общеупотребительными и ничем не примечательными, например, в спортивной лексике, такие как «поверь в себя», становятся немного непривычными и запоминающимися, когда они появляются в политических контекстах. Употребляя фразу «поверь в себя», политик говорит о смелости занять определенную политическую позицию. Таким образом, данная фраза, используемая в переносном смысле, может сигнализировать о том, что политическая ситуация в настоящее время расценивается как спортивное мероприятие, и что поддержание определённой позиции рассматривается в качестве конкурентной борьбы.

Прежде чем рассмотреть этапы интертекстуального анализа, кратко остановимся на основных понятиях теории интертекстуальности.

С целью анализа можно выделить различные уровни, при которых текст эксплицитно порождает другой текст, при этом опираясь на ещё один текст, как источник знания.

1. Текст может опираться на более ранние тексты, используемые в качестве основного источника. То есть, когда в одном тексте берётся за основу высказывание из другого текста, а затем эта информация или высказывание повторяется с целью создания нового текста. Например, можно цитировать и приводить в качестве авторитетных высказываний решения Верховного суда Российской Федерации, отрывки из Конституции РФ, даже если ситуация в рассматриваемом случае может быть оспорена.

2. Текст может повлечь за собой эксплицитные социальные драмы на основе ранее созданных текстов, привлеченных к дискуссии. Например, когда в газетной статье процитированы противоположные

мнения представителей власти, профсоюзов учителей, групп общественных активистов и отчеты из неправительственных аналитических центров, связанных с текущими спорами относительно финансирования образовательных учреждений, они отражают интертекстуальную социальную драму. Так, газетные статьи создают историю оппонентов, участвующих в политической борьбе. На самом деле эта борьба могла существовать ещё до того, как газеты написали о ней, в то время, как оппоненты могут использовать газетные публикации, чтобы отстаивать свою точку зрения в рамках этой борьбы. Тем не менее, газета приводит заявления представителей оппозиций по данному вопросу бок о бок в прямой конфронтации.

3. Текст может эксплицитно использовать другие высказывания, как основу, подтверждение и противопоставление. Например, когда автор текста приводит статистические данные, использует газетные статьи для подтверждения тех или иных событий, прибегает к цитатам из литературных произведений для подтверждения проведённого анализа, он использует источники с вышеуказанной целью.

4. Менее явно текст может основываться на убеждениях, вопросах, идеях, распространенных заявлениях, вероятно знакомых читателям, которые будут относиться либо к конкретным источникам, либо просто считаться общеизвестными знаниями. Например, конституционные гарантии свободы слова могут лежать в основе издания газетного номера о спорном мнении, выраженном руководителем сообщества, без какого-либо конкретного упоминания о Конституции. С помощью использования определенных имплицитно представленных форм языка, формулировок и жанров, каждый текст погружает читателя в особые социальные миры, где подобный язык и языковые формы, используются, как правило, чтобы определить то, что текст является частью этих миров.

5. Только с помощью языка и языковых форм вновь создаваемый текст опирается на доступные ресурсы языка, не заостряя особого внимания на интертексте. Каждый текст опирается на доступный для того или иного периода язык и является частью культурного мира эпох.

Рассмотренные уровни интертекстуальности можно определить с помощью следующих средств интертекстуального взаимодействия, которые являются формой реализации отношения автора текста к знанию, полученному предшественниками (Чернявская 2010: 60):

1. Прямое цитирование. Прямая цитата обычно выделяется кавычками, отступами, курсивом или другим типографским методом отдельно от других слов текста. Несмотря на то, что слова могут быть целиком оригинальными и принадлежать автору статьи, важно помнить, что второй автор, цитируя написанное, контролирует то, какие слова будут оформляться как цитата, места, где цитирование будет отсутствовать, и контекст, в котором будут использоваться цитаты.

2. Косвенное цитирование. Косвенная цитата фильтрует смысл через слова второго автора, и его восприятие и позволяет тем самым цитате быть более наполненной смыслом, заложенным вторым автором. Как правило, второй автор указывает источник, а затем пытается воспроизвести смысл оригинала, но словами, которые отражают авторское понимание и интерпретацию.

3. Упоминание человека, документа или заявления. Упоминание документа или автора опирается на знакомство читателя с первоисточником и заложенной в нем информацией. Ввиду отсутствия отражающих содержание подробностей автор получает возможность передать, какой смысл он или она хочет вынести из оригинала или же полностью положиться на общие представления без их обоснования (например, так зачастую поступают репортеры по отношению к сторонникам и критикам).

4. Комментарий или оценка высказывания, текста. Отображение в тексте отношения автора к своим и чужим высказываниям, а также рассуждения и пояснительные или критические замечания.

5. Использование знакомых фраз, терминологии, связанной с конкретными людьми или группой людей, или конкретных документов.

6. Использование языка и форм, отражающих определенные способы общения, обсуждения среди людей или типы документов. К данному типу могут относиться виды лексических единиц (или регистра), клише, шаблонные выражения, жанровая лексика.

Как правило, преимущественно явные цели и формальные выражения интертекстуальности являются более узнаваемыми и, следовательно, легче поддаются анализу. Именно на основе этих более явных форм вводится интертекстуальный анализ и предлагается возможность исследовать более неявные формы интертекстуальности.

Интертекстуальный анализ предполагает исследование межтекстового взаимодействия с целью выявления взаимосвязей высказывания и слов вторичного и первичного текстов, а именно как слова используются в высказывании, как они согласуются друг с другом, каким становится данное высказывание при выборе того или иного слова (Bazerman Charles, Prior Paul 2009: 91). Существует множество предпосылок для анализа интертекстуальности текста. Например, нам необходимо понять, на чём основывается политика университета или как она влияет на педагогические исследования. Или мы хотим понять, как студенты в своих письменных работах выражают знания о том, что они учат на предмете «Минералогия». Или же нам нужно понять, какие методы необходимо использовать студентам для остроумного и критического комментария того, что они прочли по истории и т.д. Чтобы выяснить всё вышеперечисленное, мы используем интертекстуальный анализ текста, методологические аспекты которого рассмотрим ниже.

Методологические аспекты интертекстуального анализа.

Лингвистическая наука в настоящее время имеет большие перспективы по использованию различных методов, их сочетания и включения методологии других наук в рассмотрение проблем лингвистики (Прохорова, Чекулай, Куприева 2013: 68). Дискурс представляет собой объединение интертекстуально соотнесенных между собой текстов, а также систему когнитивных, коммуникативно-прагматических целей и установок автора, который взаимодействует с адресатом в условиях данной коммуникативной ситуации. В настоящее время задачи и перспективы лингвистики текста обсуждаются в связи с дискурсивным анализом (Чернявская 2013:6). Интертекстуальный анализ открывает границы текста, связывая его с большим количеством других текстов, мифологией, символикой, культурологией, историей и философией. Методику интертекстуального анализа можно представить в виде следующей схемы.

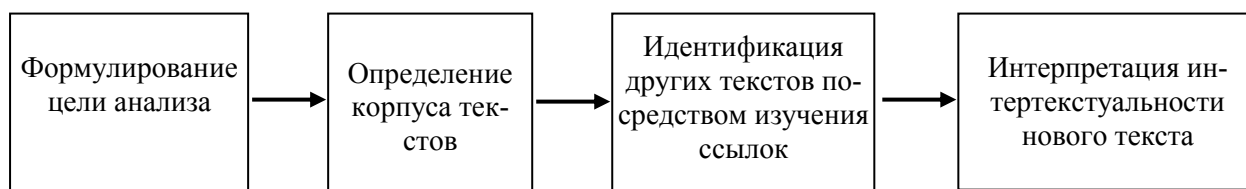

Схема. Этапы интертекстуального анализа

Первым и наиболее важным этапом анализа интертекстуальности является понимание того, почему и зачем вы занимаетесь этим и на какие вопросы вы надеетесь найти ответ. Интертекстуальный анализ может помочь определить:

- на какой тип высказываний автор опирается,
- как автор пытается добиться того, чтобы читатели увидели предмет обсуждения через определенный набор текстов,
- как автор пытается позиционировать себя по отношению к другим авторам, сделавшим заявление о предмете обсуждения,
- как исследователь пытается охарактеризовать, обосновать и продвинуть свою работу в выбранной или смежных областях,
- как студенты усваивают и развивают понятие о предмете и материале.

Вторым этапом анализа является определение конкретных текстов, которые вы хотите изучить с целью получения весомых доказательств, подтверждающих ваше мнение. Часто интертекстуальный анализ является довольно интенсивным и сложным, поэтому целесообразно ограничить исследование до минимального количества текстов, чтобы лучше сосредоточиться на исследовании своего вопроса.

Следующий этап заключается в определении списка других текстов, которые вы хотите рассмотреть, с помощью изучения явных ссылок на других авторов, прямых цитат, формальных научных ссылок или списка литературы. Этот этап позволит провести более обширный количественный анализ.

Затем, основываясь на этих фактах, можно начать исследование и интерпретацию с учетом ссылок в отношении контекста, о котором автор говорит. В зависимости от целей анализа можно задаться следующими вопросами, почему автор текста приводит ссылку на определённого человека, как это относится к вопросу или истории, выражает ли писатель какую-либо оценку или имеет ли он отношение к интертекстуальному ресурсу, как оригинал высказывания был преобразован, и связана ли ссылка с другими высказываниями в тексте или другими интертекстуальными ссылками.

Независимо от того, на каких текстах сфокусирован ваш анализ, необходимо начать с разработки схемы, на основе которой вы начнёте развивать выводы, что опять же зависит от цели вашего исследования. Если ваша цель состоит в изучении того, как автор соединил интертекстуальные элементы в единое согласованное высказывание, ваше внимание будет заострено на методах, которые автор использует, чтобы привлечь читателя к центру аргумента и связать эти высказывания друг с другом через общую перспективу. Если ваша цель заключается в изучении степени интертекстуального заимствования, вы можете обратиться к первоисточникам и сравнить оригинальное высказывание и пути, которые новый автор использует для представления вопроса в своих произведениях.

Таким образом, интертекстуальность представляет собой не только способ сослаться на другие тексты, но и демонстрирует, как мы используем интертекстуальные средства, для чего мы используем их и, наконец, как мы позиционируем себя в роли писателя, когда создаём собственное высказывание. Развивая навыки построения высказываний, авторы произведений, основываясь на словах других, могут порой добиваться того, что интертекстуальность едва заметна. Изучение методологических аспектов интертекстуального анализа способствует пониманию способов, с помощью которых создатели текстов придают ту или иную эмоциональную окраску своим произведениям, и как они позиционируют себя в этом мультитекстуальном мире. Что, в конечном итоге, ведет к пониманию нашего представления о себе как о создающей текст личности и того, как мы проявляем свою идентичность посредством интертекстуальных ресурсов.

Литература

Болсуновская, Л.М., Баранова, А.В. Частотность, типы и функции интертекстуальных связей в научных текстах (на материале статей из журнала «Советская геология» / Л.М. Болсуновская, А.В. Баранова // Вестник Читинского государственного университета. 2011. №10(77). С. 21-26.

Гузь, М.Н., Пигина, Н.В. Интертекст как средство воздействия на адресата рекламного текста. *Studia Linguistica* / М.Н. Гузь, Н.В. Пигина // Язык, текст, дискурс. Современные аспекты исследований XXII. – Санкт-Петербург: Политехника сервис, 2013. С. 317.

Кузьмина, Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка / Н.А. Кузьмина. – Москва, 2004. С.53

Лингвистика текста. Лингвистика дискурса : учеб. пособие / В.Е. Чернявская. – М. : Флинта : Наука, 2013. 208 с.

Муратова, Е.Ю. Интертекстуальность как фактор смыслопорождения в поэтическом тексте / Е.Ю. Муратова // Развитие и функционирование русского языка. Вестник Волгоградского государственного университета. Сер.2. Языкознание. 2012. №2(16). С. 30

Прохорова, О.Н., Чекулай, И.В., Куприева, И.А. Национальный компонент семантики абстрактных лексических и фразеологических единиц / О.Н. Прохорова, И.В. Чекулай, И.А. Куприева // Язык и культура. 2013. № 2(22). С.68-81.

Современные проблемы науки о языке: учебное пособие / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2005. С. 202-204.

Чернявская, В.Е. Интерпретация научного текста / В.Е Чернявская. – Москва: УРСС, 2010. С. 60

Bazerman, Charles, Prior, Paul What writing does and how it does it. An introduction to analyzing texts and textual practices / Charles Bazerman, Paul Prior. – New York. London: Routledge, 2009. Pp. 91-92.

Summary. Intertextuality is in focus of contemporary linguistic study, though cognitive and communicative aspects of this category are still actively discussed. It determines continuous interaction between various human activities, which are reflected in different forms of linguistic communication. The cognitive-discourse approach allows carrying out integrated analysis of intertextual objectifying means in texts of different areas. The intertextual analysis is interrelation between cognitive mechanisms and the language as means to reflect the results of cognitive activities.

Key words: intertextuality, intertextual analysis, contemporary linguistic study, cognitive and communicative aspect.

ТЕКСТОВАЯ ПЕЙЗАЖНАЯ МОДЕЛЬ КАК КОГНИТИВНЫЙ ФОРМАТ ЗНАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ А. ИРАСЕКА «ПСОГЛАВЦЫ»)

Е.А. Огнева

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
ogneva@bsu.edu.ru

Текст как когнитивный формат сохранения и передачи знания входит в лингвистическую исследовательскую орбиту многих научных школ. Так, Н.Ф. Алефиренко под текстом понимает «целостное коммуникативное образование, компоненты которого объединены в единую иерархически организованную семантическую структуру коммуникативной интенцией его автора» (Алефиренко 2005: 303). И.Р. Гальперин рассматривает текст как «произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью <...>, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» (Гальперин 2007: 18). Е.С. Кубряковой представлено понимание текста как «информационно-самодостаточного речевого сообщения с ясно оформленным целеполаганием и ориентированного по своему замыслу на своего адресата» (Кубрякова 2001: 73).

В наших исследованиях художественный текст, его когнитивная сюжетная матрица, рассматривается как конгломерат глубинных этно-носмыслов народа в преломлённой проекции мировидения писателя, как креативный лингвоконструкт реальности, как репрезентационный символ синергии прошлого, настоящего и будущего, синергии, вербализованной посредством языковых знаков, формирующих таким образом художественный мир, модель которого находится в эпицентре лингвокогнитивных, лингвокультурологических и иных исследований. Под когнитивно-сюжетной матрицей художественного текста нами понимается комплексная текстовая модель реального или вымышленного мира, репрезентированного писателем в произведении и обусловленного его индивидуально-авторским видением тематики произведения, воплощаемой в речевых конструкциях текста. По мнению А.В. Кузнецовой, «смысл создания художественного текста, общий его замысел состоит в реализации в особой языковой форме семантического пространства. Под таким углом зрения текст становится возможным объектом концептуального и когнитивного анализа, аналитические методы позволяют выявить специфику видения мира, репрезентированного в данном тексте, а также акцентуацию определенных фрагментов знания и оценок, в нем закрепленных» (Кузнецова 2011: 155-156).

Художественный текст, рассматриваемый нами как реконструкция бытия, представляет собой сложный исследовательский конструкт. Архитектоника концептосферы художественного текста как совокупности художественных концептов моделируется нами в виде сложного когнитивного формата знания, представляющего собой результат индивидуально-авторского преломления языковой картины мира в когнитивно-сюжетной канве произведения. Модель концептосферы художественного текста как комплексный исследовательский конструкт – это единство статичных, динамичных, статично-динамичных когнитивных форматов, функционирующее как единое целое посредством текстовых когнитивных узлов, представляющих собой пересечения различных сегментов когнитивно-сюжетной матрицы произведения.

Одним из значимых сегментов когнитивно-сюжетной матрицы, по нашему мнению, является художественное пространство. Исследование художественного пространства предоставляет обширный материал, в котором немаловажную роль имеют результаты интерпретации текстовой пейзажной модели как когнитивного формата знания поскольку, по мнению В.Н. Левиной, «пейзаж в художественном тексте – это особое средство накопления, хранения и передачи знаний, инструмент познания действительности, позволяющий постичь национальную ментальность» (Левина 2009: 401). Под текстовой пейзажной моделью нами понимается исследовательский конструкт, состоящий из совокупности пейзажных единиц, контекстуально интегрированных в единое целое, в которое могут быть включены в незначи-

тельном количестве антропоцентрично маркированные единицы, хронемы, маркеры цвета и света. Проведённые исследования показали высокую частотность текстовых пейзажных моделей, в составе которых нет антропоцентрично маркированных единиц. Менее частотны текстовые пейзажные модели, сочетающие и пейзажные единицы, и антропоцентрично маркированные единицы, хронемы, маркеры цвета и света. Низкочастотны текстовые пейзажные модели, с преобладанием антропоцентрично маркированных единиц, хронем, маркеров цвета и света над количеством пейзажные единицы в модели. Специфика структуры текстовых пейзажных моделей, как правило, является отличительной чертой идиостиля писателя.

Пейзажная единица как базовый компонент текстовых пейзажных моделей рассматривается нами в качестве смысловой единица текста, репрезентирующей пейзаж как текстовый фон к описываемым действиям персонажей, как фон, нацеленный на раскрытие характеров персонажей художественного произведения.

Проведённые нами исследования показали, что текстовая пейзажная модель, может репрезентировать три вида пейзажа: а) пейзаж земной поверхности (лесной, степной, горный и т.п.), б) водный пейзаж (морской, океанический и т.п.), в) пейзаж воздушного пространства (пейзаж ночного неба и т.п.). В результате когнитивно-герменевтического анализа материала различных художественных произведений была выявлена высокая частотность пейзажных единиц, представляющих собой совокупность репрезентантов нескольких видов пейзажа, например, пейзаж горной реки как синергия горного и водного пейзажей. Наряду с репрезентантами непосредственно пейзажа в структуру пейзажной единицы могут входить: «а) маркеры времени, репрезентирующие, к примеру, осенний пейзаж; б) социальные маркеры, репрезентирующие, например, сельский пейзаж, монастырский пейзаж и т.п.; в) маркеры светогаммы, репрезентирующие, например, закат солнца на морском побережье; г) маркеры цветогаммы, репрезентирующие, к примеру, пейзаж июльской степи» (Огнева 2013: 616).

В данной статье рассмотрим лингвокультурологически обусловленную текстовую пейзажную модель «Чешский лес», репрезентированную на страницах исторического романа известного чешского писателя Иресека Алоиса «Псоглавцы» в переводе А.С. Гуровича. По данным Википедии: «Чешский Лес (чеш. *Český les*, нем. *Oberpfälzer Wald* – со стороны Баварии – или *Böhmischer Wald* – со стороны Чехии) – средневысотный горный хребет длиной около 100 км вдоль германо-чешской границы. Хребет распространяется от города Вальдзассен на севере до Вальдмюнхена на юге. Высота 1042 м. – гора Черхов, Чехия» (<https://ru.wikipedia.-org/wiki/чешскийлес>).

По данным географической энциклопедии: «В названии термин лес применен в смысле “горы”, что связано с залесенностью этих гор. Определение чешский указывает на расположение гор в Чехии.

Немецкое название этих пограничных с Германией гор Богемский лес образовано от названия историко-географической области Богемия» ([http://dic.academic.ru /dic.nsf/enc_geo/5520/чешский](http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_geo/5520/чешский)).

Для исследования текстовой пейзажной модели «Чешский лес» нами рассмотрен следующий контекст: *«Ранние ноябрьские сумерки спустились на горы и доли и окутали тьмой весь край, приютившийся у подножия крутого Черхова и вдоль хребта Галтравы. Тяжелые черные тучи неслись, задевая за лесистые вершины, они проносились над горной цепью Чешского Леса, вздымавшейся над притихшим краем исполинской стеной, теряющейся в поднебесье. Настал грозный час. Над тучами и над землей – над всем владычествовал ураган. Все дрожало перед ним – и одинокое дерево среди поля и вековые великаны в дремучей чаще на склонах гор. Старые и молодые березы, густо растущие на горе Градек, вознесшейся над деревней Уезд, жалобно стонали и гнулись, ураган злобно срывал последние желтые листья и в бешеном порыве гнал их в черную мглу. А на соседней вершине Гурке непокорно гудел дубовый лес. Потряся раскидистыми кронами, дубы сопротивлялись вихрю, который, стремительно вырвавшись из леса, бросался на притихшую деревню, прилепившуюся к Градеку, как одинокое гнездо. Раскачивались и шумели деревья вдоль дороги и в садах. Громче всех гудела вековая липа в просторном дворе Козины, а журавль у старого колодца под липой отчаянно скрипел и визжал. Но все тонуло в вое ветра, свирепствовавшего в густых ветвях старого дерева» (Ирасек, 1983).*

Когнитивно-герменевтический анализ данного контекста выявил наличие пятнадцати пейзажных единиц в рассматриваемой текстовой пейзажной модели. Отличительной чертой данной модели является, во-первых, синергия двух типов пейзажа земной поверхности, а именно, равнинного и горного пейзажей, во-вторых, синергия пейзажа земной поверхности и пейзажа воздушного пространства.

Итак, рассмотрим репрезентацию **синергии двух типов пейзажа земной поверхности** в исследуемой текстовой пейзажной модели.

В результате проведенного анализа контекста было выявлено, что синергия равнинного и горного пейзажей репрезентирована тремя комплексными пейзажными единицами.

1. Пейзажная единица *‘горы и доли’* является одновременно и проксемой художественного пространства, которое репрезентируется по вертикальной пространственной оси лексемой *‘горы’* и по горизонтальной пространственной оси – лексемой *‘доли’*. Эти лексемы в проводимых нами исследованиях рассматриваются как **семантические когнитивные скрепы**. Под семантическими когнитивными скрепами понимаются слова или словосочетания, в семантике которых выражено единство нескольких параметров, например, лексема *‘горы’*

репрезентирует вертикальную пространственную ось и специфику ландшафта.

2. Пейзажная единица *‘край, приютившийся у подножия крутого Черхова и вдоль хребта Галтравы’* представляет собой следующее сочетание: (а) два оронима: *‘(гора) Черхов’, ‘хребет Галтравы’,* (б) репрезентант локализации в пространстве – словосочетание *‘у подножия крутого Черхова’,* (в) номинант горизонтальной пространственной оси – метафора *‘край, приютившийся’;* (г) номинант горизонтально-пространственной пространственной оси – *‘вдоль хребта Галтравы’.*

3. Пейзажная единица *‘притихшая деревня, прилепившаяся к Градеку, как одинокое гнездо’* представляет собой сочетание оронима *‘Градек’,* который одновременно маркирует вертикальную пространственную ось в сочетании с маркером локализации в пространстве – словосочетанием *‘притихшая деревня, прилепившаяся к’,* которое является метафорическим олицетворением наряду с другим словосочетанием *‘одинокое гнездо’.*

Горный пейзаж репрезентирован пятью пейзажными единицами.

1. Пейзажная единица *‘лесистые вершины’* – семантическая когнитивная скрепа, репрезентирующая синергию вертикальной пейзажной пространственной оси и номинант флоры.

2. Пейзажная единица *‘горной цепью Чешского Леса, вздымавшейся над притихшим краем исполинской стеной’* представляет собой следующее сочетание: (а) дримоним *‘Чешский лес’,* (б) маркер горизонтальной пространственной оси: *‘горная цепь Чешского Леса’,* (в) номинант горизонтально-вертикальной пространственной оси *‘вздымавшейся над притихшим краем’* – метаформа; (г) номинант вертикальной пространственной оси: *‘исполинской стеной’.* Этот номинант-метафора представляет собой семантическую когнитивную скрепу, поскольку репрезентирует и огромный размер леса-стены, и её древность, отсылая нас к временам библейских персонажей исполинов.

3. Пейзажная единица *‘вековые великаны в дремучей чаще на склонах гор’* репрезентирует вертикальную пространственную ось *на склонах гор* в сочетании с хронемой *‘вековые великаны’,* отсылающей читателя в далёкое прошлое.

4. Пейзажная единица *‘старые и молодые березы, густо растущие на горе Градек, вознесшейся над деревней Уезд, жалобно стонали и гнулись’* представляет собой сочетание следующих пяти компонентов: (а) ороним *‘гора Градек’,* (б) ойконим *‘деревня Уезд’,* (в) номинант вертикальной пространственной оси *‘на горе Градек, вознесшейся над’;* (г) маркер флоры – лексема *‘березы’,* о которых автор даёт уточнение *‘жалобно стонали и гнулись’* – олицетворение маркера флоры, (д) две хронемы *‘старые и молодые (березы),’* репрезентирующие единство прошлого и настоящего.

5. Пейзажная единица *'на соседней вершине Гурке непокорно гудел дубовый лес'* представляет собой сочетание следующих трех компонентов: (а) ороним *'вершина Гурка'*, (б) локализация в пространстве *'на вершине'*, (в) маркер флоры *'непокорно гудел дубовый лес'*, семантике которого репрезентирует метафорическое олицетворение. Примечательно, что метафорическое олицетворение выявлено и в следующем предложении: *'потрясая раскидистыми кронами, дубы сопротивлялись вихрю'*.

Равнинный пейзаж репрезентирован четырьмя пейзажными единицами.

1. Пейзажная единица *'одинокое дерево среди поля'* представляет собой следующие компоненты: (а) маркер флоры – лексема *'дерево'*, (б) маркер локализации на горизонтальной пространственной оси – *'среди поля'*. Более того, посредством лексемы *'одинокое'* (дерево) репрезентируется олицетворение этого маркера флоры в структуре пейзажной единицы.

2. Пейзажная единица *раскачивались и шумели деревья вдоль дороги и в садах* репрезентирует: (а) маркер флоры, (б) горизонтальную пространственную ось *вдоль дороги*, (в) маркер локализации в пространстве *в садах*.

3. Пейзажная единица *'вековая липа в просторном дворе Козины'* представляет собой сочетание маркеров: (а) маркер локализации в пространстве и горизонтальной пространственной оси в *'просторном дворе'*, (б) маркер флоры *'липа'* в сочетании с хронемой *'вековая'*, которая ещё раз дублируется в словосочетании *'ветви старого дерева'*.

4. Пейзажная единица *'журавль у старого колодца под липой отчаянно скрипел и визжал'* состоит из следующих компонентов: (а) культурема *'журавль у старого колодца'* в сочетании с метафорическим олицетворением *'отчаянно скрипел'*, (б) хронема *'старый (колодец)'*, (в) маркер флоры *липа*, (г) маркер локализации в пространстве *'под липой'*.

Следовательно, рассмотренные 12 пейзажных единиц, репрезентирующих пейзаж земной поверхности, представляют собой многокомпонентные текстовые единицы смысла, включающие в себя различные номинанты, среди которых 5 маркеров вертикальной пространственной оси, 4 маркера горизонтальной оси, 5 маркеров локализации в пространстве и один маркер вертикально-горизонтальной пространственной оси, т.е. писателем представлена гармоничная текстовая пространственная модель пейзажа, в сочетании с семью хронемами и пятью ономастическими единицами, метафорами и семантическими когнитивными скрепами.

Рассмотрим репрезентацию **синергии пейзажа земной поверхности и пейзажа воздушного пространства** в исследуемой текстовой пейзажной модели. Прежде всего, было выявлено наличие трёх пейзажных единиц: (а) *тяжелые черные тучи неслись,*

задевая за лесистые вершины, (б) они проносились над горной цепью Чешского Леса, (в) исполинская стена, теряющаяся в поднебесье. Исследование синергии пейзажа земной поверхности и пейзажа воздушного пространства выявило динамику синергии, репрезентированную в следующем контексте: Тяжелые черные тучи неслись, задевая за лесистые вершины, они проносились над горной цепью Чешского Леса, вздымавшейся над притихшим краем исполинской стены, теряющейся в поднебесье. Схематически эту динамику можно отобразить следующим образом: Небо→Земля→Небо→Земля→Небо. Примечательно, что начинается и завершается это пятикомпонентное описание синергии двух пейзажей пейзажной единицей, соотносящейся с пейзажем неба, что является ещё одной отличительной чертой исследуемой модели

Второй контекст, репрезентирующий единство небесного и земного пейзажей, *‘над тучами и над землей – над всем владычествовал ураган’* представляет собой сочетание номинантов, соотносящихся с упомянутыми пейзажами, которые, в отличие от данного контекста, как правило, входят в состав пейзажных единиц.

В архитектонике исследуемой текстовой пейзажной модели наряду с хронемами, входящими непосредственно в состав пейзажных единиц выявлены ещё три хронемы: двуядерная хронема *‘ранние ноябрьские сумерки’*, одноядерные хронемы *‘грозный час’* и *‘желтые листья’*, которые интегрированы в общую повествовательную канву произведения и в пейзажную модель как фоновые компоненты. Под одноядерным номинантом нами понимается «хронема, равная одной лексеме, например, *вечер / evening / soir* или словосочетанию, состоящему из ядерной темпоральной лексемы и одного (*холодная весна / cold spring / printemps froid*), реже нескольких (*тёплый тихий вечер / warm calm evening / soir doux et silencieux*) атрибутивов. Под многоядерным номинантом нами понимается хронема с двумя и более ядрами – темпоральными лексемами (*four days and nights, autumn evening*), наличие атрибутивов факультативно» (Огнева, Кузьминых, 2012).

В исследуемой пейзажной модели выявлены три маркера цвета: *‘черные тучи’*, *‘черная мгла’* и *‘желтые листья’*, а также установлена динамика полусвета и тьмы в пространстве пейзажа: *‘ранние ноябрьские сумерки спустились на горы и доли и окутали тьмой весь край’*.

Таким образом, исследование художественного текста, его когнитивно-сюжетной матрицы, невозможно без детального анализа текстовой пейзажной модели, рассматриваемой нами в виде конструкта, состоящего из совокупности пейзажных единиц, антропоцентрично маркированных единиц, хронем, маркеров цвета и света. Рассмотренная лингвокультурологически обусловленная текстовая пейзажная модель «Чешский лес» представляет собой интегрированный информативный формат знания о специфике синергии нескольких пейза-

жей, репрезентированных в одной текстовой модели, метафоричность которой способствовала реализации замысла автора.

Литература

Алефиренко, Н.Ф. Спорные проблемы семантики: моногр. – М.: Гнозис, 2005. 326 с.

Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: КомКнига, 2007. 148 с.

Кубрякова, Е.С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. Т. 1. – М., 2001. С. 72-81.

Кузнецова, А.В. Художественный текст в когнитивной парадигме: семантическое пространство и концептуализация // European Social Science Journal. 2011. № 4. С. 155-161.

Левина, В.Н. Концептуализация пейзажа в художественном тексте // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: моногр. / гл. ред. Е.С. Кубрякова, отв. ред. Н.Н. Болдырев. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Р.Г. Державина, 2009. С. 398-413.

Огнева, Е. А. Типологизация и структурирование когнитивной сцены художественного текста / Е.А., Огнева, Ю.А. Кузьминых, // Современные проблемы науки и образования. Филол. науки. 2012. № 6. (Эл. ресурс) URL: <http://www.science-education.ru/106-7379>

Огнева, Е.А. Структурирование концептосферы художественного текста // Ментальные основы языка как функциональной системы / отв. ред. серии Н.А. Беседина. Когнитивные исследования языка. Вып. XIII. Памяти проф. Н.А. Кобриной. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. – С. 614-625.

Электронные ресурсы

<https://ru.wikipedia.org/wiki/чешскийлес>

http://dic.academich.ru/dic.nsf/enc_geo/5520/чешский

Источник фактического материала

Ирасек А. Псоглавцы. Исторический роман / Пер. с чешского А.С. Гуровича. – Прага: Альбатрос, 1983. 272 с. URL: <http://lib.tr200.org>

Summary. The article deals with the architectonics of literary conceptsphere. The specificity of landscape representation is identified. The textual landscape model is presented as the new term at the methodology of cognitive-hermeneutic researches. The textual landscape model named “Check Forest” is described as the new cognitive format of knowledge.

Key words: literary conceptsphere, textual landscape model, cognitive format, landscape, landscape language units

КОГНИТИВНАЯ ФУНКЦИЯ МЕТАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ В МУЛЬТФИЛЬМАХ

Н. М. Голева

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
goleva@bsu.edu.ru

Возрастающая роль когнитивного изучения языкового сознания, интерес лингвистической науки к изобразительным средствам различных видов литературы и мирового кинематографа, влияние металолических текстов на ментальный мир носителя языка – эти вопросы являются актуальными в современном языкознании. Когнитивная

лингвистика изучает, наряду с семантикой языковой единицы, и мысли, представления, мнение носителя языка о предметах, явлениях внешнего мира. Когнитология, которую В.М. Мокиенко характеризует как элитную лингвистическую дисциплину (Мокиенко 2008: 13), «изучает язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент системы знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и трансформировании информации» (Кубрякова 1997: 53).

Кинематограф способствует выработке научных знаний через художественное познание. Мультфильмы (мы говорим о тех картинах, которые соответствуют возрастным особенностям ребёнка), как и любое художественное произведение, призваны расширять границы жизненных представлений, знаний, событий. При восприятии мультфильмов ребёнок имеет возможность преломлять свой опыт через опыт героев фильма, увидеть собственное «я» в других персонажах.

Юный зритель получает новые объективные знания при помощи художественных образов, которые проявляются в металогическом тексте. В таком случае кинематограф совмещает два уровня познания: теоретический (рациональный) и эмпирический (опытный): пополняя свои знания через автологическую и металогическую речь, ребёнок стремится получить соответствующую эмпирическую базу.

При помощи изобразительно-выразительных средств языка дети овладевают новыми значениями, оперируют ими, включают их в практическую деятельность, выражают своё отношение к полученному значению, нередко дополняя эти значения. Например: Просмотр мультсериала «Энциклопедия Всезнайки». (Студия «Берг Саунд», 2008) Рассказчик Компьютер: – Земля вращается вокруг Солнца, то приближается к нему, то отдаляется. Чем ближе, тем теплее... Это как *спичка*: близко – жарко, а подальше – уже прохладнее. Ребёнок: – Почему только как спичка? А как *лампочка*, как *через костёр прыгаешь*, как *свеча*... (8 лет).

В своём высказывании, где металогической доминантой является сравнение, ребёнок трансформирует свой обыденный опыт в опыт научный.

При помощи распространенных союзных сравнительных конструкций, где процесс сопоставления осуществляется на основе хорошо известного ребёнку, формируются знания о неизвестном: – (О динозаврах) Были громадные, как *три слона*, ставшие друг на друга, и маленькие, как *наши кролики*. Сравните: В мультфильме «В мире динозавров» Роберта Саакянца Дед рассказывает о динозаврах Внуку: – Иногда встречали кости динозавров, огромные, как *стволы деревьев*. И тогда стало ясно, что когда-то на Земле жили чудовища, рядом с которыми наши киты как *аквариумные рыбки*... Некоторые из динозавров весили столько, сколько весят двенадцать современных слонов.

Высказывания ребёнка по поводу увиденного и услышанного иллюстрируют ещё один аспект когниций – включение личного опыта

в комментарии по содержанию фильма, в котором узнаётся что-то своё, субъективное. Это и позволяет понять фильм, сделать его своим. М.М. Бахтин (Бахтин 1995), раскрывая психологическую сущность понимания, отмечал, что она состоит в превращении чужого в дихотомию «своё – чужое», то есть позволяет осмысливать значения. Н.Ф. Алефиренко заключает: «В когнициии многие психические процессы протекают в синергетическом взаимодействии. Восприятие, понимание, интерпретация, воображение и речь «работают» здесь в органическом единстве» (Алефиренко 2006: 7).

Понять, осмыслить лексему «лава» ребёнок может только тогда, когда подключит свой жизненный опыт. В мультфильмах этому способствует металогическая речь: – В недрах земли плавится, как бы *закипает* огромная масса камня и металла, и, как *молоко из кастрюли*, убегает из горы, пробив себе дорогу. Эта масса называется *лавой*.

На этом познания о новой лексеме не заканчиваются. Юные зрители через парадигму когнициий (восприятие – воображение – внимание – память) узнают о состоянии, в котором может находиться познаваемый предмет, явление действительности: – На вершине горы находится кратер вулкана. Он *похож на чашу с довольно гладкими краями*. Это оттого, что его образовала *остывшая вулканическая лава*.

Гармоничное сочетание металогических контекстов и автологической речи в детских мультфильмах не усложняют информацию, а наоборот, упрощают её понимание, проясняют новые смыслы. Ребёнок делится своими впечатлениями об увиденном со сверстниками, и мы, взрослые, слышим такие сентенции: – *Лава бывает закипевшим молоком*, бывает, наверно, и средней температуры, как, скажем, *лимонад*. Его, когда открываешь, тоже не догнать – убегает. Бывает и как *холодное мороженое*. Вот тогда всё вокруг ровненькое и гладенькое – лава застыла (9 лет 9 месяцев)

Несмотря на то, что компаративные союзные конструкции являются наиболее частотными, в мультфильмах наблюдается и структурное разнообразие этого тропа.

В «Энциклопедии Всезнайки» Компьютер расширяет словарный запас детей, пополняя его словом «серп». Рассказчик «посвящает» ребёнка в такую группу лексики, как контекстуальные синонимы: – Луна не всегда бывает круглой. Она бывает *похожа на серп*... Про такую луну говорят: «В небе светит месяц». Лексические средства выражения сравнительных отношений, на наш взгляд, являются более понятными, доступными для детского восприятия. Кроме того, ребёнок комментирует услышанное, дополняет это своими сведениями: – Я, когда откусил сыр, он у меня тоже был *похож на серп*. Я видел серп! (4 года 5 месяцев).

Интересны сравнительные конструкции с предлогом *вроде* (наподобие, в виде кого / чего-либо, как что / кто-то), синонимичным союзу *как*, которые помогают усвоить новые предметы и понятия: –

На животе у них (у кенгуру) складка, *вроде сумки* («Энциклопедия Всезнайки»).

Известно, что дети понимают фразеологизмы буквально, так как речевой опыт у них недостаточно велик. Знакомство с устойчивыми сочетаниями слов не только способствует увеличению словарного запаса, но и развивает мышление, пробуждает интерес к слову, ресурсам языка. В мультфильмах объясняется мотивированность фразеологизированных сравнений: – Их (насекомых) на земле *тьма-тьмущая*. Самые противные насекомые – это саранча. Не зря говорят: «Налетели, как саранча». Муравьи трудолюбивые, трудятся, как пчела.

Процесс сравнения является гносеологическим феноменом, так как компаративная парадигма включает в себя не только сопоставление, но и сходство и различие, что является посылом для детских умозаключений, для самостоятельной работы над новым понятием или новой лексемой. Ребёнок не получает готовые знания, а формирует значение нового для него слова сам. В компаративных конструкциях заложены основы для развития человеческого мышления.

Феномен сравнения проявляется и в том, что сопоставление разных предметов помогает определить не только основное значение, но и увидеть дополнительные признаки, характеристики, что усиливает восприятие, эстетическое наслаждение.

Несомненно, сравнение не единственное средство выразительности, которое выполняет когнитивную функцию в мультфильмах для детей. Достаточно высока концентрация метафор в обучающих мультипликационных фильмах для детей, но изучение этого средства требует дополнительных исследований.

Ценность металогической речи в познавательных мультфильмах для детей определяется количеством информации, её актуальностью и новизной, способом получения дополнительных смысловых оттенков.

Литература

Алефиренко, Н.Ф. Язык, познание и культура. Когнитивно-семиологическая синергетика слова. – Волгоград, 2006. 228 с.

Бахтин, М.М. Человек в мире слова. – М., 1995. 140 с.

Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М., 1997. 245 с.

Мокиенко, В.М. Когнитивное и адогнитивное во фразеологии // Идиоматика и познание. Материалы 1-й Международной научной конференции. (Белгород, 4-6 мая 2008 года). – Белгород, 2008. Т.1. С.13-26.

Summary. The article considers the role of metalingual speech in children's animated films in the development of cognitive processes. The expressive means of language contribute to the development of scientific knowledge. Children assimilate new meanings, operate on them, include them in practical activities, express their attitude to the resulting meanings, often supplementing these values. Metalingual dominant feature is the comparison.

Key words: metalingual speech, cognitive function, comparison, animated films.

СПЕЦИФИКА МОЛЧАЩЕГО НАБЛЮДАТЕЛЯ В ДИСКУРСЕ РОМАНА «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

В.В. Кичигина

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
kichigina@bsu.edu.ru

Гуманитарное исследование по умолчанию предполагает лежащую в его основе антропологию. В настоящее время нет области лингвистических исследований, которая не приобрела бы антропоцентрической направленности, и наиболее ярко сущность лингвистики антропоцентризма проявляется в текстовых исследованиях. Текст невозможно изучать вне человека, который является его производителем и получателем. Именно текст является ключевым понятием для антропологической направленности лингвистических исследований, поскольку «человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (говорит), то есть создает текст (хотя бы и потенциально)» (Бахтин 1979: 301). Иными словами, «если структурная лингвистика в познании языка исходила из статики слов и их грамматических форм, то языковая прагматика, опираясь на когнитивную лингвистику, в основу лингвистического исследования ставит *образ человека...*, исходит из его практических и коммуникативных действий» (Алефиренко 2011: 16).

Интересной площадкой для исследований такого рода представляется творчество Ф.М. Достоевского, антропоцентричное по своей природе и стремящееся к драматургичным формам выражения. В этой связи изучение особенностей дискурсивного пространства в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» может дать ценный опыт наблюдения с выявлением закономерностей взаимодействия форм коммуникативного общения в структуре полифонического целого.

Как известно, вопрос о принципах и единицах дискурс-анализа пока ещё остаётся открытым, поэтому представляется целесообразным уточнить понятие дискурса и тесно связанное с ним понятие диалога.

В общекультурном аспекте под дискурсом понимается «сложное духовное целое, включающее в себя в качестве своего предметно-смыслового содержания некий инфратекст, некое транстекстуальное архитектурное задание, которому присуща неотъемлемая для данного рода креативно-рецептивной деятельности императивная функция» (Бабаян 2008: 283). Дискурс как лингвистическое понятие представляет собой «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте. Это речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмов сознания (когнитивных процессах). Дискурс – «речь, погружённая в жизнь» (Аругюнова 1998: 136-137). Следовательно, можно рассматри-

вать в качестве дискурса роман Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы» как «событие в событии»: жизнь, загущённую до художественного целого и погружённую в контекст его бытования.

Диалог как одна из основных форм дискурса представляет собой «форму устной речи, разговор двух или нескольких лиц, речевую коммуникацию посредством обмена репликами» (БЭС, т.1, 1991: 388). Диалог можно рассматривать как интеракционную единицу дискурса, важную составляющую речевого события, определяющую его специфику.

Об онтологической сущности диалога у Ф.М. Достоевского, вслед за М.М. Бахтиным, принято говорить уже как об общем месте его поэтики. Целый ряд исследователей подробно изучают формы диалога, классифицируют его, пытаясь постичь форму гениальности «реализма в высшем смысле». Не будет исключением и данное исследование, в котором поставлена цель ответить на вопрос о функции молчащего наблюдателя в диалоге как существенной части дискурсивного целого «Братьев Карамазовых».

Молчание – своеобразная оппозиция проговору, хотя в структуре диалога может играть существенную роль. Как подмечено В.Н.Бабаяном, «диалог как важнейшая форма языкового общения людей часто используется в присутствии – явном или неявном – МН (молчащего наблюдателя. – В.К.). Хотя молчащий наблюдатель может и не принимать непосредственного участия в двустороннем речевом обмене, он так или иначе оказывает на него влияние. В этой связи интересно рассмотреть, каким образом функция молчания задействована во всеобщем диалоге у Достоевского, и какую позицию занимает молчащий наблюдатель по отношению к субъекту говорения.

Роман «Братья Карамазовы» завершает творческий путь Ф.М. Достоевского и представляет собой фокус всех его философских и художественных поисков. По мысли писателя, это роман об отцах и их теперешних детях, посвящённый Анне Григорьевне Достоевской – жене и матери его собственных детей. История семьи здесь – это история России, взятая на срезе прошлого и настоящего. Отечество как отцовство, с одной стороны, сакрально своей проекцией связи с отцом небесным, с другой стороны, уязвимо ощущением силы «низости карамазовской».

Уже во второй книге романа – «Неуместное собрание» – противоречия «случайного семейства» обостряются до крайней степени, заставляя задуматься о поиске возможного выхода. С этой целью действующие лица решают собраться в келье старца с тем, чтобы разобраться в претензиях друг к другу отца – Федора Павловича Карамазова – и его старшего сына Дмитрия. *«Федор Павлович, кажется, первый и, кажется, шутя подал мысль о том, чтобы сойтись всем в келье старца Зосимы и, хоть и не прибегая к прямому его посредничеству, все-таки как-нибудь сговориться приличнее, при чем сан и лицо старца могли бы иметь нечто внушающее и примирительное.»* (Достоевский 1991: 61)

Таким образом, пассивная роль Зосимы в предстоящем диалоге прописана героями заранее – достаточно его сана и лица, не заинтересованного в претензиях сторон друг к другу. Старец неожиданно даёт согласие на встречу в подобном формате, несмотря на то, что слаб и «не только дни, но и часы его сочтены». Здесь возникает один из многочисленных логических провалов, возникающих у читателя, который попытается линейно постичь логику происходящего, вопрос «зачем Зосиме принимать у себя толпу далёких от монастыря людей во главе с юродствующим шутом?». Этот вопрос возникает имплицитно, как фон недоумения, на котором будет разворачиваться событие говорения.

Разговор в келье состоит из трёх эпизодов. В первом эпизоде участвуют десять человек. Из них эксплицитно вербализованы в дискурсе четверо, трое из них вербально активны, невербально участвуют в коммуникации ещё трое, ещё три участника дискурса никак не проявлены в диалоге. Схематически это можно представить следующим образом:

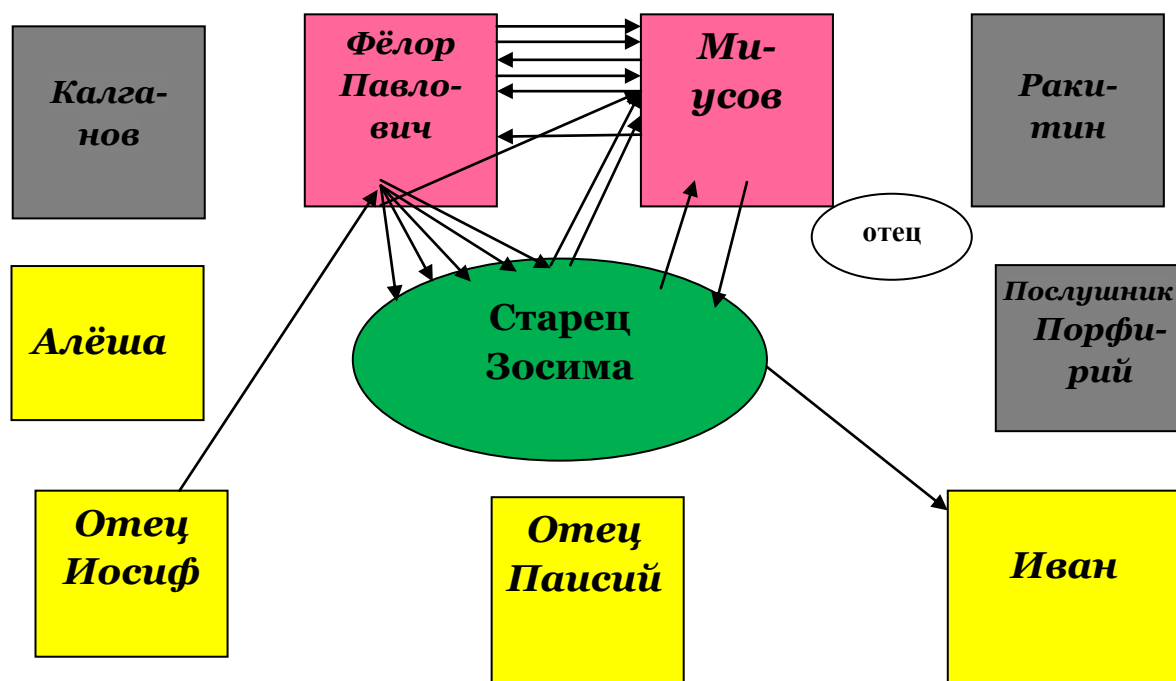

Рис. 1. Дискурс «Неуместное собрание» (часть 1)

На рисунке лиловым цветом выделены самые активные участники дискурса – Фёдор Павлович и Миусов, стрелками обозначено направление произнесённых ими реплик. Пассивные участники дискурса выделены жёлтым цветом. В данном дискурсе их вербализация стремится к нулю, но невербальная степень реакции обозначена достаточно определённо: «Так что вдруг такое шутовство, которое обнаружил Федор Павлович, непочтительное к месту, в котором он находился, произвело в свидетелях, по крайней мере, в некоторых из них, недоумение и удивление. Иеромонахи, впрочем, нисколько не изменившие своих физиономий, с серьезным вниманием следили, что

скажет старец, но, кажется, готовились уже встать как Миусов. Алеша готов был заплакать и стоял, понутив голову. Всего страннее казалось ему то, что брат его, Иван Федорович, единственно на которого он надеялся и который один имел такое влияние на отца, что мог бы его остановить, сидел теперь совсем неподвижно на своем стуле, опустив глаза и, по-видимому с каким-то даже любознательным любопытством ожидал, чем это все кончится, точно сам он был совершенно тут посторонний человек. На Ракитина (семинариста), тоже Алеше очень знакомого и почти близкого, Алеша и взглянуть не мог: он знал его мысли» (Достоевский 1991: 74). Таким образом, три человека в данной ситуации выступают в роли молчащих наблюдателей, функция которых ситуативно непроявлена: приехавший с Миусовым молодой человек Калганов, послушник, сопровождающий старца, и семинарист Ракитин.

Всех присутствующих в келье можно условно разделить на три концентрических круга, в центре которых находится старец: ближний круг активных речевых коммуникантов (Фёдор Павлович и Миусов), средний круг невербальных коммуникантов (Алёша, Иван, отец Паисий. Отец Иосиф) и дальний круг молчащих наблюдателей (послушник, Калганов, Ракитин). Смежной фигурой на границах данных кругов можно считать Алёшу, через призму которого даётся оценка степени участия как вербальных («Алеша готов был заплакать и стоял, понутив голову» – это реакция на слова отца), так и невербальных коммуникантов и их связь с молчащими наблюдателями через Ракитина, на которого «Алеша и взглянуть не мог», но, соответственно, держал и его в поле зрения (рис. 2).

Функция Алёши как рецептивного центра объяснима той ролью, которая будет отведена ему в романе – по замечанию автора, он и является главным героем, но пока ещё только потенциальным: «Дело в том, что это пожалуй и деятель, но деятель неопределенный, не выяснившийся» (Достоевский 1991: 27). Он пока ещё молод и полон смешанных чувств: любви и стыда за отца, надежды и недоумения по поводу Ивана, обожания старца. Таким образом, эксплицитность его присутствия обусловлена имплицитной функцией его будущей деятельности. Всё, что происходит в настоящем в келье, развернётся в будущем не только для Алёши, но и для каждого из героев. Следовательно, граница между эксплицитным и имплицитным участием в данном дискурсе достаточно условна.

Наиболее адекватен событию настоящего дискурса «старый шут» – Фёдор Павлович Карамазов, самый активный речевой коммуникант в диалоге. Именно ему принадлежит идея встретиться в келье у старца – площадке, где, по свидетельству многих, происходит таинство соединения человека с некоей высшей волей. Фёдор Павлович устраивает спектакль, замешанный на юродстве, богохульстве и сладострастии. Он выступает как провокатор по отношению ко всем присут-

ствующим, имея в виду главную свою цель – испытать старца. Скабрезный подтекст его «исповедальных» речей вызывает бурную реакцию у целого ряда лиц, в первую очередь, у Миусова, «случайно» оказавшегося участником данного события. Именно Миусов и старший Карамазов максимально вербализуют ситуацию данного дискурса, за действуя при этом в качестве посредника старца, выступающего в роли молчащего наблюдателя («*Старец молча разглядывал того и другого*»).

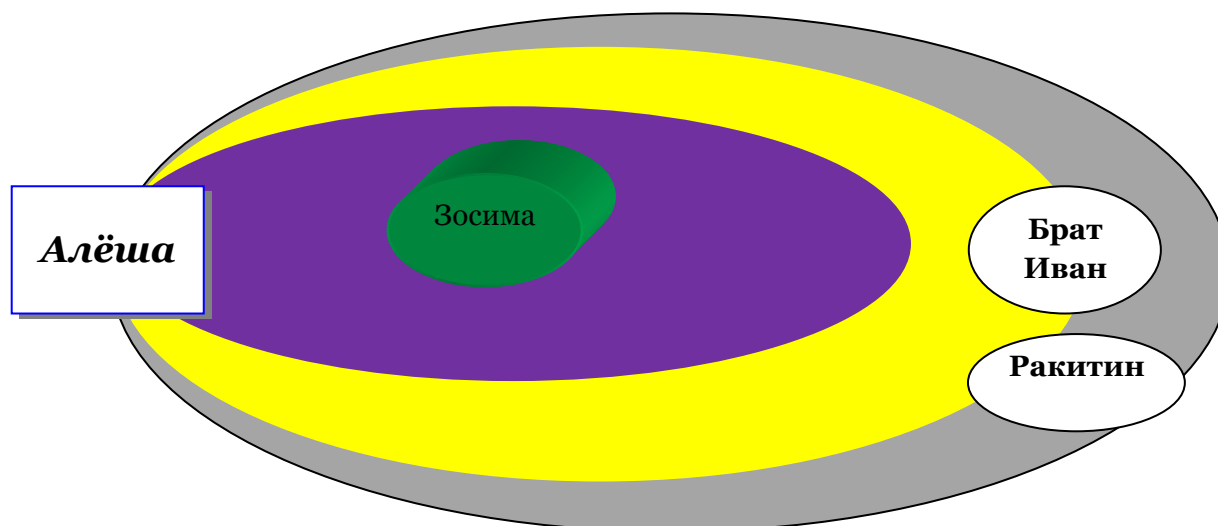

Рис. 2. Рецепция дискурса «Неуместное собрание»

– *Ровнешенько настоящий час, – вскричал Федор Павлович, – а сына моего Дмитрия Федоровича все еще нет. Извиняюсь за него, священный старец! (Алёша весь так и вздрогнул от “священного старца”.) Сам же я всегда аккуратен, минута в минуту, помня, что точность есть вежливость королей...*

– *Но ведь вы по крайней мере не король, – пробормотал, сразу не удержавшись, Миусов.*

– *Да, это так, не король. И представьте, Петр Александрович, ведь это я и сам знал, ей-богу! И вот всегда-то я так некстати скажу! Ваше преподобие!– воскликнул он с каким-то мгновенным пафосом: – Вы видите пред собою шута, шута воистину! так и рекомендую (Достоевский 1991: 72).*

Эта направленность на провокацию старца подчёркивается обилием обращений, которые использует Фёдор Павлович по отношению к нему: «великий старец», «ваше преподобие», «священный старец», «учитель», «благословенный отец», «блаженный человек», «ангел вы мой», «блаженнейший человек». Это резко контрастирует с формой обращения к своему, казалось бы, основному собеседнику Миусову – «Пётр Александрович» – формой, лишённой любой эмоциональной окраски. Миусов не интересует Карамазова, он ему понятен и служит лишь фоном, на котором старый шут разыгрывает свой спектакль перед старцем.

Именно в присутствии Зосимы ему важно говорить. Это подчёркивает последняя реплика перед самым уходом Зосимы: *«Старец направился к галерее, чтобы благословить ожидавших его. Но Федор Павлович все-таки остановил его в дверях кельи:*

– Блаженнейший человек! – вскричал он с чувством, – позвольте мне еще раз вашу ручку облобызать! Нет, с вами еще можно говорить, можно жить! Вы думаете, что я всегда так лгу и шутов изображаю? Знайте же, что это я все время нарочно, чтобы вас испытывать, так представлялся. Это я все время вас ощупывал, можно ли с вами жить? Моему-то смирению есть ли при вашей гордости место? Лист вам похвальный выдаю: можно с вами жить! А теперь молчу, на все время умолкаю. Сяду в кресло и замолчу. Теперь вам, Петр Александрович, говорить, вы теперь самый главный человек остались... на десять минут...» (Достоевский 1991: 78)

Фёдор Павлович видимо побеждён смирением старца, вербально он проявлен полностью, его событие говорения завершено. Завершена и первая часть дискурса, сюжетно прерванная уходом старца, содержательно – окончанием первого акта спектакля старшего Карамазова.

Здесь уместно вернуться к вопросу о функции Зосимы, давшему возможность проявиться в своём пространстве двум бездуховным лицам. Выяснение данной функции невозможно без обращения к V главе «Старцы» предыдущей книги «История одной семейки». Именно там говорится о роли старца в духовной жизни человека, выбравшего смыслом жизни общение с ним. *«Старчество одарено властью в известных случаях беспредельною и непостижимою. Вот почему во многих монастырях старчество у нас сначала встречено было почти гонением. Между тем старцев тотчас же стали высоко уважать в народе. К старцам нашего монастыря стекались например и простолюдины и самые знатные люди с тем, чтобы, повергаясь пред ними, исповедовать им свои сомнения, свои грехи, свои страдания, и испросить совета и наставления. Видя это, противники старцев кричали, вместе с прочими обвинениями, что здесь самовластно и легкомысленно унижается таинство исповеди, хотя непрерывное исповедование своей души старцу послушником его или светским производится совсем не как таинство»* (Достоевский 1991: 57-58). Таким образом, общение со старцем – это непрерывная публичная исповедь, в результате которой человек должен обрести себя, предварительно полностью доверив свою жизнь и волю воле старца. Старец посредством духовидения выводит доверившегося ему на истинную дорогу, которая часто скрыта от человека и представляется в формах, часто далеко отстоящих от необходимых его душе.

О Зосиме, которого уже при жизни многие почитали почти за святого, говорили *«что он, допуская к себе столь многие годы всех приходивших к нему исповедовать сердце свое и жаждавших от него совета и врачебного слова, – до того много принял в душу свою откровений, сокрушений, сознаний, что под конец приобрел прозорли-*

вость уже столь тонкую, что с первого взгляда на лицо незнакомо-го, приходившего к нему, мог угадывать: с чем тот пришел, чего тому нужно, и даже какого рода мучение терзает его совесть, и удивлял, смущал и почти пугал иногда пришедшего таким знанием тайны его, прежде чем тот молвил слово» (Достоевский 1991: 58). Таким образом, самому Зосиме акт вербальной коммуникации не нужен – он считывает информацию на другом уровне. Очевидно, что «неуместное собрание» (так называется книга, описывающая данное события) необходимо самим его участникам для максимального проявления в поле старца. Только здесь они могут пребывать в состоянии публичной исповеди, желая или не желая того.

Испытание этой исповедью на трёх стадиях данного дискурса пройдут те герои, которые окажутся причастны к грядущему отцеубийству: помимо самого Фёдора Павловича, его старший сын Дмитрий и средний сын Иван. Каждый из них обнажит свои сокровенные мысли в пустоте старца и получит своё благословение, вербальное (напутствие Фёдору Павловичу и Ивану Фёдоровичу) или невербальное (поклон Дмитрию). Зосима прозревает грядущее преступление и показывает Алёше расстановку сил, зная, что это единственная возможность, поскольку предчувствует свою скорую смерть и связанное с ней падение Алёши. Таким образом, старец как полноценный участник диалога в келье неуловим – относительно собравшихся он находится в другом времени. Относительно одномерности или двумерности их проявления он объёмен (см. рис. 2). Поэтому его функция как молчащего наблюдателя тоже не помещается в линейную схему: размыта граница внутреннего и внешнего присутствия, имплицитности и эксплицитности.

Подобным образом можно рассмотреть функцию молчащих наблюдателей дальнего круга, которые присутствуют в ситуации скандала ничем внешне не мотивированно. Это, прежде всего, Калганов и Ракитин. Их сближает возраст – они молоды. Повествователь подчёркивает юный возраст Калганова трижды – при первом знакомстве с ним и дважды в сцене, связанной с арестом Дмитрия. *«Прибыл Петр Александрович Миусов, со своим дальним родственником, очень молодым человеком, лет двадцати, Петром Фомичом Калгановым. Этот молодой человек готовился поступить в университет; Миусов же, у которого он почему-то пока жил, соблазнял его с собою за границу, в Цюрих или в Иену, чтобы там поступить в университет и окончить курс. Молодой человек еще не решил. Он был задумчив и как бы рассеян»* (Достоевский 1991: 64) Калганов неопытен и только пытается определиться с будущей деятельностью. На этом этапе очень важно, под чьим влиянием он окажется – либерала 40-50-х годов Миусова или же «раннего человеколюбца» Алёши, с которым приятельствует.

Ракитина Алёша тоже считает своим приятелем, хотя он является противоположностью Калганову и по формам проявления тяготеет, скорее, к Смердякову, презирая своего отца-священника и завидуя дворянской свободе проявления Карамазовых. Это тоже молодой че-

ловек, «лет двадцати двух», некая тень Алёши, персонифицированная худшая сторона. Напомним, что во время разговора Алёша даже боялся взглянуть в его сторону, слишком хорошо зная его мысли.

Эти два молодых человека становятся молчаливыми наблюдателями происходящего действия неслучайно: им дана возможность не только наблюдать, но и определиться относительно сторон, участвующих в диалоге. Особенность происходящего в келье у старца можно назвать цепным проявлением: старец проявляет старшего Карамазова, который, в свою очередь, проявляет Миусова. Пётр Александрович, имеющий видимо привычки порядочного человека, по сути оказывается двойником Фёдора Павловича, по-своему сладострастно убивающим веру в молодых людях. Неслучайно повествователь, характеризуя его отношение к Калганову, употребляет глагол «соблазнял». Ряд анекдотических реплик, направленных Фёдором Павловичем в его сторону, обнажает это его качество.

«Федор Павлович патетически разгорячился, хотя и совершенно ясно было уже всем, что он опять представляется. Но Миусов все-таки был больно уязвлен.

– Какой вздор, и все это вздор, – бормотал он. – Я действительно может быть говорил когда-то... только не вам. Мне самому говорили. Я это в Париже слышал, от одного француза, что будто бы у нас в Четъи-Минеи это за обедней читают... Это очень ученый человек, который специально изучал статистику России... долго жил в России... Я сам Четъи-Минеи не читал... да и не стану читать... Мало ли что болтается за обедом?.. Мы тогда обедали...

– Да, вот вы тогда обедали, а я вот веру-то и потерял! – поддразнивал Федор Павлович.

– Какое мне дело до вашей веры! – крикнул было Миусов, но вдруг сдержал себя, с презрением проговорив: – вы буквально мараете все, к чему ни прикоснетесь.

Старец вдруг поднялся с места...» (Достоевский 1991: 77-78)

Контраст между невнятным бормотанием, перемежаемым многоточиями, и неожиданный выкрик истинной мысли «Какое мне дело до вашей веры» характеризуют просвещённого либерала вполне. Это обстоятельство подчёркнуто и внезапным движением старца, прекратившего разговор, в продолжении которого дальше не было смысла.

Тип либерала европейского толка в качестве воспитателя «русских мальчиков» беспокоил Достоевского. В полной мере развитие этой темы представлено в романе «Бесы». В данной сцене посредством диалога обнажено два полюса зла: русский европеец и русский шут, а молодым людям, чьё время ещё не настало, предложено выбрать между ними или отказаться от выбора в пользу непроявленного третьего. Таким образом, функция молчащего наблюдателя дальнего круга в данном случае тоже не может быть определена из настоящего события говорения, непосредственного акта речевой коммуникации. Она лонгируется в будущее набором впечатлений настоящего, события которого могут послужить причиной сюжета, развёрнутого во вто-

ром романе. Действие этого романа должно было развернуться тринадцать лет спустя, значит, Калганову, как и Алёше Карамазову, исполнится тридцать три года – возраст, неизбежный для демонстрации выбора пути через поступок для героя, находящегося в координатах большого евангельского времени.

Таким образом, происходящее в келье сейчас останется в памяти каждого из участников как загущённое воспоминание о чём-то очень важном, но нерасшифрованном до срока (подобно тому, как запомнил Алёша свою мать в косых лучах заходящего солнца). Придёт время – через тринадцать лет – и происходящее неуместное собрание, свидетелями которого они являются в данный момент, определит поступки молчащих наблюдателей. Следовательно, хронотоп данного дискурса расширен именно за счет молчащих наблюдателей.

Иной характер имеет функция последнего молчащего наблюдателя дальнего круга – сопровождающего старца послушника Порфирия. В авторских ремарках нет описания ни его возраста, ни портрета, ни какой бы то ни было реакции на происходящее. Тем не менее, его присутствие в келье достаточно определённо: *«Старец Зосима вышел в сопровождении послушника и Алёши»* (Достоевский 1991: 70) Абсолютно молчащий послушник помогает передвигаться больному старцу и пространственно отделяет от Зосимы Алёшу, который стремится максимально сократить своё расстояние до старца. Действия Алёши во многом дублируются послушником: *«Он (старец. – В.К.) пошел из кельи, Алёша и послушник бросились, чтобы свести его с лестницы»* (Достоевский 1991: 78). Алёша хочет быть необходимым Зосиме, но тот отправляет его в мир, к отцу и братьям, и в дальнейшем из монастыря: *«Усевшись, он (Зосима – В.К.) пристально и как бы обдумывая нечто посмотрел на Алёшу»*.

– *Ступай, милый, ступай, мне и Порфирия довольно, а ты поспеши. Ты там нужен, ступай к отцу игумену, за обедом и прислужи.*

– *Благословите здесь остаться, – просящим голосом вымолвил Алёша.*

– *Ты там нужнее. Там миру нет. Прислужишь и пригодишься...»* (Достоевский 1991: 116).

Алёша хочет остаться возле старца, он, как его духовное дитя, чувствует себя под защитой Отца Небесного. Гарантом защиты выступает Зосима, в чудесную силу которого Алёша верит безоговорочно. Именно старцу он хочет быть полезным, поддерживая того в его немощи и болезни. Однако духовидец прозревает совсем иную судьбу героя, к которой его и направляет, а в качестве телесной поддержки ему «и Порфирия довольно». Порфирий, таким образом, – это персонифицированная возможность свободного передвижения Алёши, освобождающая его от обязанности постоянно находиться при старце. Младший Карамазов очень привязан к Зосиме лично, он пока ещё не может самостоятельно отделить духовное общение от телесного, к тому же он страстен, как все Карамазовы, и эта страстность иногда мешает ему исполнить предназначение, очевидное для старца. Наличие Порфирия отделяет героя от

тела умирающего кумира и даёт возможность исполнить послушание без внутреннего протеста. Таким образом, послушник Порфирий – это единственный молчащий наблюдатель в границах данного дискурса, чья функция ограничена точкой настоящего и не требует развёртки с выходом в большое романное время.

Как видим, дискурсивная функция участников данного диалога достаточно сложна. Её характерной особенностью является подвижность границ эксплицитного и имплицитного проявления, вербального и невербального участия. Бытовое столкновение (имущественная претензия) становится поводом для развёртки глобального конфликта поколений, потерявших ощущение единства как в малом, так и в большом времени России. Каждая реплика может быть прочитана на разных уровнях в зависимости от реципиента, взятого за начало отсчёта. Семейный конфликт, развёрнутый в пространстве духовного провиденциализма, выходит за рамки привычного топоса и становится знаком грядущего апокалипсиса. Каждый участник данного события таким образом становится частью иного – большего – дискурсивного единства, разомкнутого хронально и объединённого идеологически авторской целевой установкой.

Литература

Алефиренко, Н.Ф. Когнитивно-прагматическая субпарадигма науки о языке // Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания: сб. науч. трудов. – М.: Флинта: Наука, 2011. С.16-27.

Арутюнова, Н.Д. Дискурс / Н.Д.Арутюнова // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая советская энциклопедия, 1998. С. 136-137.

Бабаян, В.Н. Диалог в триаде с молчащим наблюдателем: монография / В.Н. Бабаян. Международный университет бизнеса и новых технологий. – Ярославль: РИЦ МУБиНТ, 2008. 290 с.

Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. 423 с.

Достоевский, Ф.М. Братья Карамазовы. – М.: Правда, 1991. 416 с.

Summary. The article presents an attempt to identify and analyse the functions of silent observer in the «Improper Assembly» of the novel F. M. Dostoevsky “The Karamazov Brothers”.

Key words: discourse, dialogue, silent observer, chronotope, space, time.

МЕДИАТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

М.Ю. Казак

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
kazak@bsu.edu.ru

Медiateкст признается базовой категорией многих научных направлений и дисциплин, имеющих в своем имени компонент *медиа-*: *медиалингвистика, медиастилистика, медиакультура, медиаакритика, медиаобразование* и др. Вместе с тем трактовка понятия «медiateкст» далека от однозначности и определенности, как, впрочем, и признание особого статуса медианаук о языке в качестве авто-

номных дисциплин (см., например: (Мишланов 2015: 123)). Прошедшая на факультете журналистики Белгородского государственного университета международная конференция «Медиаисследования: век XXI» (23–25 сентября 2015 г.) продемонстрировала широчайший диапазон научных интерпретаций статуса, объема, границ и сущности понятия «медiateкст». В широком понимании медийный текст может отождествляться с текстами современности (ср.: «медийный текст – это технологически обусловленный проект современной культуры, отражающий качественно новый способ организации опыта мысли человека» (Полонский 2015: 21)); медiateкст может относиться к постструктуралистским конструкциям «современного мир-текста» (Егорова, Туманов 2015: 126). Существует и другое осмысление медiateкстов, пределы которых очерчиваются только лишь журналистскими текстами (Кузнецова 2011: 21) или, напротив, PR-текстами, предназначенными для опубликования в СМИ (Кривонос 2001: 213) и др. Представляется, что предельно широкий подход к пониманию медiateкста размывает его границы, «растворяет» типологические особенности медiateкстов в пространстве текстов иных сфер и текстотипов. Свою объяснительную силу термин обретает при понимании медiateкста как совокупного продукта трех социальных институтов: журналистики, PR и рекламы (Казак 2014: 65).

Типология текстов, функционирующих в массовой коммуникации, опирается на модели коммуникации, в кругу которых классическими считаются модели Г. Лассуэлла (*кто – что сообщает – по какому каналу – кому – с каким эффектом*) и Р. Якобсона (*адресант, сообщение, адресат, контекст, контакт, код*). Компоненты моделей коммуникации полностью совмещаются с функциональным представлением массмедийного продукта, предложенного в социологии журналистики, где адресант – «издатель», «журналист»; сообщение – «текст»; адресат – «аудитория»; контекст – «социальные институты», «действительность»; контакт – «канал»; код – «язык» и другие семиотические системы. Следуя моделям коммуникации, в основу выделения типов медiateкстов можно заложить следующие категории: (1) канал распространения – печать, радио, телевидение, Интернет; (2) институциональный тип текста: журналистский, рекламный, PR-текст; (3) типологические характеристики изданий / каналов (форматные, экономические, аудиторные, целевые признаки, влияющие на качество медiateкстов); (4) адресант (автор, производитель текста) – социальный / частный; (5) адресат (аудитория) – массовый / специализированный; (7) сообщение (текст) – функционально-жанровая и стилистическая классификация журналистских, рекламных и PR-текстов; (8) код (язык) – вербальные, невербальные, вербально-невербальные (поликодовые, креолизованные) типы текстов; (8) тематическая доминанта (Казак 2014: 69).

Медиадискурс, наряду с медiateкстом, признается основным объектом современной медиалингвистической науки (Добросклонская

2015: 45). Под медиадискурсом понимают любой вид дискурса, реализуемый в сфере массовой коммуникации (Е.А. Кожемякин), или дискурсивное пространство, в котором переплетаются различные типы дискурсов (Е.Г. Малышева). Развернутое определение медиадискурса предлагается в работах Н.Ф. Алефиренко, где медиадискурс представляет собой речемыслительное образование событийного характера в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими, паралингвистическими и другими факторами, что, собственно, и делает его «привлекательными и многообещающим для осмысления речетворческих стимулов в деятельности журналиста». В таком понимании, отмечает Н.Ф. Алефиренко, медиадискурс «обретает свои специфические черты: а) как коммуникативное событие – это сплав языковой формы, знаний и коммуникативно-прагматической ситуации; б) образуя собой своеобразное ценностно-смысловое единство, дискурс предстает как лингвокультурное образование; в) в отличие от речевых актов и текста в его традиционном толковании (последовательной цепочки высказываний), медиадискурс следует рассматривать как социальную деятельность, в рамках которой ведущую роль играют когнитивные образования, фокусирующие в себе различные аспекты внутреннего мира языковой личности; г) как “речь, погруженная в жизнь” ..., преломляя и интерпретируя поступающую в языковое сознание информацию, становится своеобразным смыслогенерирующим и миропорождающим “устройством”» (Алефиренко 2009: 30). Признание коммуникативно-дискурсивной сущности медиатекста вводит его в круг интересов гуманитарных наук и делает открытым по отношению к участникам коммуникативной деятельности и среде его существования. По сути, типологические признаки медиатекстов, предложенные в концепциях Т.Г. Добросклонской, М.Ю. Казак и др. исследователей, являются экстралингвистическими (за исключением собственно сообщения), в свете которых медиатекст предстает динамичным дискурсивным образованием, погруженным в широкий социокультурный контекст.

Концепция медиатекста базируется на его поликодовой организации. Исследования в области массовой коммуникации свидетельствуют о том, что с возникновением и развитием информационных технологий сформировался «новый вид текста», уникальный по синтезу в нем звучащей и видимой речи (Ю.В. Рождественский), «текст высшей семиотической сложности» (М.Н. Володина), в котором вербальная информация сопровождается графическим оформлением, звуковым сопровождением, видеорядом; вербальная информация может быть минимизирована или вообще отсутствовать (к примеру, формат «Без комментариев»). Таким образом, при переносе классического текста в сферу массмедиа текст получает новые смысловые оттенки и медийные добавки, приобретает расширительное толкование и – в итоге – выходит за пределы знаковой системы языка, приближа-

ясь к семиотическому пониманию текста (Добросклонская 2008; Со- лганик 2005). По сути, медиатекст – «новый коммуникационный про- дукт», «коммуникационный конгломерат», особенность которого за- ключается в том, что он может быть включен в разные медийные структуры (вербального, визуального, звучащего, мультимедийного планов) и в разные медийные обстоятельства (периодическая печать, радио, телевидение, Интернет, мобильная и спутниковая связь) (За- сурский 2007: 10). И эта сторона медиатекста, отмечают исследовате- ли, требует пересмотра методов и категориального аппарата медиа- лингвистики, в частности, предлагается использовать опыт киноис- кусства и шире – культуры визуальности (Шестакова 2015: 50).

Активизация визуальной стороны медиатекстов актуализирует эстетические аспекты текстов, особенно в условиях, когда «современ- ная культура утратила статус литературоцентричной и перешла в раз- ряд медиациентричных» (Анненкова 2011: 14). Средства массовой ком- муникации меняют модус существования современной культуры: по- средством СМИ транслируется и трансформируется художественно- эстетический опыт человечества, формируются и внедряются в массо- вое сознание новые культурно-ценностные константы, морально- нравственные нормативы и речевые образцы. Эстетическая сторона медиатекстов, наряду с выявлением специфики чувственных ме- диаобразов и приемов постижения эстетических свойств предметного мира, должна быть обращена к проблемам взаимодействия медийных практик и современной культуры. Отметим некоторые стороны этого проблемного поля (Казак 2015: 153).

I. Семиотическая организация медиатекстов. Изучение эстетических эффектов, которые заключают в себе невербальных зна- ки различной семиотической природы в их соотношении с вербаль- ным компонентом медиатекстов, представляется весьма назревшей проблемой. Особенно, если учесть тот факт, что именно зрение и слух способно сублимировать восприятие объекта и очертить сферу изящ- ных искусств, порождающих эстетическое переживание. Нельзя не заметить, что даже традиционные газетные публикации трудно обо- значить только как вид письменной речи, поскольку важными эле- ментами газетного текста являются графические, шрифтовые, цвето- вые элементы, размещение на полосе, объем, соседство с другими тек- стами.

II. Образная организация медиатекстов. Публицистиче- ская речь сближается с художественной речью благодаря образности, позволяющей создавать чувственно-наглядное, конкретно-зримое представление о предметах и явлениях окружающего мира. художе- ственный метод имеет ограниченную зону использования в СМИ, по- этому исследователи пишут о «прямолинейности» и «однобокости» публицистического образа. В научной литературе встречаются раз- личные подходы к ранжированию фактов и образов в журналистских

текстах. Так, наряду с художественными, выделяют иллюстративные и фактографические образы, которые лишены гиперболизма и воспроизводят явления жизни такими, какие они есть в действительности (Г.С. Мельник, А.Н. Тепляшина). Показательна в этом отношении монография М.И. Стюфляевой «Образные ресурсы публицистики» (М., 1982), в которой автор, рассматривая свойства факта в плане «таящихся в нем эстетических возможностей», конструирует целую парадигму публицистических образов: образ-факт, образ-модель, образ-концентрат, образ-понятие, образ-тезис (Стюфляева 1982: 94-152).

Эстетическая роль образных средств в газетном текстообразовании является, по наблюдениям Г.В. Бобровской, полифункциональной: «декоративная функция – функция украшения – выполняется совместно с креативной – функцией творческого использования ресурсов языка, экспрессивно-патетической – функцией придания выразительности текста, игровой – функцией создания комического либо сатирического эффекта» (Бобровская 2011: 49). Из процитированного высказывания следует, что отточенные языковые формы, привлекающие нас своей красотой, могут просто украшать высказывание, усиливать выразительность фрагмента текста или формировать образную систему целого текста (например, в очерке, фельетоне, памфлете).

Эстетическая избирательность часто проявляется в таких чертах журналистского текста, как интертекстуальность и языковая игра. Так, безусловно, игровыми или смеховыми являются цитатные трансформации: «*добрый доктор Айборжом*» (Жир во время чумы... «Новая газета», 02.03.2009); *Буэнос диас, Акакиевич!* («Российская газета», 25.06.2009); *Галкин сберег, типа, русскую речь* («Известия», 04.07.2008); *Адвокат спит, Pussy сидят* («Московский комсомолец», 18.10.2012); *Мяса и развлечений* («Новые известия», 18.10.12); *Дечубайсизация* («Независимая газета», 21.03.2013); *Лебединая лужа* («АиФ», 21.03.2013). Предназначение этих интертекстем – создать комический эффект, вызвать улыбку, смех.

III. Эстетика жанровых форм. Другие возможности эстетической функции реализуются в композиционной и жанровой специфике медиатекста. Эстетика «медиаупаковки» может оцениваться в аспекте соответствия содержания жанровым канонам и ядерным признакам жанра. Так, вполне можно говорить об эстетике репортажа или эстетике новостных и аналитических жанров, имея в виду достижение журналистом совершенных форм.

Мастерство создателей текстов проявляется в способности изменить, обновить, преобразовать ту или жанровую форму, создать и отточить собственную индивидуально-авторскую модель, сделать её узнаваемой для аудитории. Именно таким путем идут Максим Соколов со своим публицистическим фельетоном (или сатирическим комментарием) в газете «Известия»; Александр Проханов со своей «передовицей» (или памфлетом) на первой полосе газеты «Завтра»; Дмит-

рий Быков, реализовавший в колонке «Новой газеты» стихотворный фельетон; Юрий Рост, предложивший креолизованный тип текста из трех постоянных компонентов: эссе, зарисовки и фотоиллюстраций («Новая газета»).

IV. Эстетические предпочтения коллективного автора.

Ориентированность современных изданий на свою аудиторию находит отражение в их типологической и идеологической дифференциации, что в свою очередь обуславливает особый стилистический облик тех или иных типов изданий: деловых, оппозиционных, проправительственных, массовых, молодежных, специализированных и др. Так, правооппозиционные издания предлагают аудитории интерпретацию уже известных событий, отличающуюся от официальной; массовые информационно-развлекательные издания свои эстетические предпочтения связывают с визуальной составляющей и агрессивным форсированием экспрессии; молодежные газеты и журналы доминантой делают разговорно-сниженную фамильярную форму коммуникации. Исследователи отмечают, что «предпочтения и отгалкивания, связанные с выбором воздействующих языковых средств, регулируются эстетической конвенцией. В наши дни эстетическая конвенция разрабатывается специальные креативными отделами (группами) в виде руководства для радио– и телеведущих, журналистов, являющихся сотрудниками газеты, журнала» (Купина, Матвеева 2013: 368). Сама же стилевая или эстетическая концепция / конвенция печатных и электронных СМИ обычно представлена в форме различных внутриредакционных документов, в том числе устава, инструкции, памятки, в которых прописываются требования, предъявляемые к стилистическому облику текстов, жанров, контента, издания в целом.

V. Эстетические предпочтения конкретного автора.

Узнаваемые имена в журналистике обладают индивидуальным слогом, который может быть идентифицирован его постоянной аудиторией по устойчивым тематическо-содержательным, композиционно-стилистическим, речевым приемам и способам экспрессии. Так, анализ публикаций Максима Соколова позволяет говорить о том, что тексты мыслятся интертекстуально не только с точки зрения содержания, но и в аспекте структуры и композиции. Определяя жанровую принадлежность этих публикаций, исследователи относят их или к новой разновидности фельетона – «публицистического», или к сатирическому комментарию. Обычно предметом отображения в текстах выступает не одно, а несколько политических и околополитических событий, разных по значимости и масштабности, серьезности, эпатажности, курьезности. Нанизывание реалий на единый смысловой стержень осуществляется с опорой на отдельную деталь, образ, маргинальный признак, ассоциативную связь, общность которых также содержит непростую загадку для аудитории. Особое место в текстах занимает графическая сегментация текста – членение на абзацы и их соотнесенность с серией заголовков, например: *Мечта Кондолизы /*

«Бойцы поминают минувшие дни» / Снаряды 43-го калибра / Москва, Багдад и Киев / Маниакальный санитар (Известия, 12.12.2008); Вашингтонские ночи / «В наш советский колумбарий!» / Собор вице-спикеров / Пифагореец Морозов / Всеобщий катарсис («Известия», 07.11.08). Как видим, творчество журналистов возникает на основе множества интенций, в составе которых также присутствует потребность эстетического освоения и осмысления мира. Вместе с тем эстетика эмоциональности и языковой игры в медиатексте с большим трудом освобождается от утилитарных, социальных, морально-этических наслоений и ассоциаций. Эстетическая функция в журналистском тексте обычно выступает в тесном тандеме с установками сообщить, побудить, повлиять, развлечь, она подчинена прагматическим механизмам убеждения и внушения. Далеко не все экспрессивные маркеры в публикациях порождают эстетические ценности или же вызывают эмоции восторга и бескорыстного любования. Поэтому необходимо говорить о **синтетическом характере эстетической функции в медиатексте**, существующей в тесной связи с прагматическими, утилитарными и этическими оценками.

Активны в настоящее время поиски теоретиков и практиков в области эффективной и этичной речевой медиакommunikации, а также релевантных единиц обучения журналистскому мастерству. Таким инструментом предстает система речевых жанров (Дускева 2015: 22). Переиначив мысль Е.С. Кара-Мурзы о необходимости превращения медийной жанрологии в прикладную вузовскую дисциплину (Кара-Мурза 2014: 126), можно сказать, что теория медиатекста должна стать лингвокреативной дисциплиной, которая учит не только наблюдать и анализировать тексты, но и создавать коммуникативно успешные тексты с учетом их типологических, медийных, жанровых, этических и эстетических требований.

Литература

Алефиренко, Н.Ф. Медиадискурс – *modus vivendi* на рубеже XX-XXI вв. // Вестник Вятского гос. гуманитарного ун-та. 2009. № 4(2). С. 30-33.

Анненкова, И.В. Медиадискурс XXI века. Лингвофилософский аспект языка СМИ. – М., 2011. 392 с.

Бобровская, Г.В. Когнитивно-элокутивный потенциал газетного дискурса. – Волгоград, 2011. 319 с.

Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. – М., 2008. 264 с.

Добросклонская, Т.Г. Массмедийный дискурс в системе медиалингвистики // Медиалингвистика. Международный журнал. № 1(6). 2015. С. 45-56. Режим доступа: <http://medialing.spbu.ru/part10/>

Дускаева, Л.Р. Место лингвопраксиологии в формировании профессиональных компетенций будущего медиа-деятели // Медиалингвистика. Вып. 4. Профессиональная речевая коммуникация и массмедиа: сб. статей. – СПб., 2015. С. 22-25.

Егорова, Л.Г., Туманов, Д.В. Медиатекст как мир-текст в конвергентных масс-медиа // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. № 18(215), вып. 27. 2015. С. 126-133.

Засурский, Я. Н. Медиатекст в контексте конвергенции // Язык современной публицистики. – М., 2007. С. 7-12.

Казак, М.Ю. Современные медиатексты: проблемы идентификации, делимитации, типологии // Медиалингвистика. Международный журнал. № 1(4). 2014. С. 65-76. Режим доступа: <http://medialing.spbu.ru/part10/58.html>

Казак, М.Ю., Крылова А.А. Об эстетике журналистского текста // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. № 18(215), вып. 27. 2015. С. 134-139.

Кара-Мурза, Е.С. Речевые жанры как кирпичики здания медиакоммуникации // Медиалингвистика. Международный журнал. № 1(4). 2014. С. 122-126.

Кривоносов А.Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций. – СПб., 2001. 254 с.

Кузнецова А.В. Медиатекст: к определению понятия // Журналистика в 2010 году: СМИ в публичной сфере. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – М., 2011. С. 20-21.

Купина Н.А., Матвеева Т.В. Стилистика современного русского языка. – М., 2013. 415 с.

Мишланов В.А. Медиалингвистика в ряду традиционных направлений языкознания // Медиалингвистика. Международный журнал. № 3(9). 2015. С. 115-132. Режим доступа: <http://medialing.spbu.ru/part10/>

Полонский А.В. Медиа и их текстовая реальность // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. № 18(215), Вып. 27. 2015. С. 17-24.

Солганик Г.Я. К определению понятий «текст» и «медиатекст» // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2005. № 2. С. 7-15.

Стюфляева М.И. Образные ресурсы публицистики. М., 1982. 375 с.

Шестакова Э.Г. Медиатекст и медиалингвистика: бифуркация отношений (постановка проблемы) // Медиалингвистика. Вып. 4. Профессиональная речевая коммуникация и массмедиа: сб. статей. – СПб., 2015. С. 50-54.

Summary. Admitting communicative-discursive nature of media texts puts them into the area of humanities and makes open to the participants of the communicative activities and conditions of their existence. The author analyzes the concept of media text, which is based on its multicode organization. Such media texts features as their semiotic and image organization, aesthetics genre forms, aesthetic preferences of the collective author and aesthetic preferences of a particular author are under review.

Key words: media texts, mass communication, media discourse, semiotics.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ РЕДУКЦИИ В МЕДИАТЕКСТЕ

Г.В. Бобровская

Россия, г. Волгоград, Волгоградский государственный
социально-педагогический университет
bobrovskaja.gv@rambler.ru

Медиадискурсу свойственна сложноструктурированная, динамически развивающаяся жанрово-стилистическая системная организация, характеризующаяся наличием первичных и вторичных жанровых образований, имеющих гетерогенную природу. Подвижная изменчивость и перформативность оказывают непосредственное влияние на то, что «важнейшей составляющей медиадискурса является композиционно-стилистическая фасета, поскольку она оформляет общую картину коммуникативно-когнитивной деятельности в соответствии с ти-

пом медиадискурса и разновидностью речевого жанра» (Алефиренко 2009: 33).

В дихотомии «медиадискурс» – «общество» социальный императив как принцип жизни человека в обществе является ключевым для журналистского сознания. Для данной ситуации сегодня вполне применимы следующие слова: «Публицист – это не бесстрастный наблюдатель, не статист, а заинтересованный очевидец и исследователь, постигающий мир и время силой своей мысли, сопряженной с чувством, рассказывающий о них современникам и преследующий при этом просветительские и дидактические цели» (Полонский 2008: 57). Социально-оценочный характер изложения в текстах, репрезентирующих современный медиадискурс, связан с формированием системы представлений и моделированием действительности. Пожалуй, не будет преувеличением констатировать «медиакратизацию» социальной действительности, понимаемую как усиление роли медийных институтов в формировании общественного мнения, расширение возможностей массово-информационного влияния, усложнение инструментария современного речевого воздействия.

Порождаемый информационной средой глобальный контекст задает вектор развитию композиционно-стилистического оформления медиатекстов различных типов. В настоящее время очевидно, что конкурирующее давление со стороны других игроков медийного рынка – электронных СМИ – не только изменяет общее медиaprостранство, но и вносит коррективы в механизмы и закономерности бытования газетного текста в дискурсивной среде. Данное обстоятельство предопределяет когнитивные, социокультурные, семантические, прагматические факторы и условия продуцирования и интерпретации текстов печатной прессы как традиционного медиапродукта.

Одним из способов реализации когнитивно-дискурсивного потенциала медиадискурса выступает намеренная эстетизация текста. В числе характерных приемов ее создания в современной российской газетной аналитической публицистике следует выделить актуализацию интертекстуальных связей.

Интертекстуальный взрыв как медиадискурсивный феномен обусловлен следующими факторами: «Категория интертекстуальности для текстов массовой коммуникации является его онтологическим свойством и гибким исследовательским конструктом, высвечивающим специфику медиатекста на содержательном, структурном и знаковом уровнях. Не случайно «прочтение» медиатекстов через призму «интертекстуальности» становится один из важных приемов при анализе материалов СМИ» (Казак, Махова 2011: 181).

Комплексный семиологический принцип изучения знаков в единстве синтактики, семантики и прагматики позволяет выявить социально-культурное значение интертекстем, определить роль фоновых знаний, типов (ассоциаций, стереотипов в раскрытии содержательно-концептуальной и подтекстовой информации.

Моделирование ментально-языкового пространства медиатекста сопряжено с таким осмыслением и анализом речемыследеятельности журналиста, которое затрагивает глубинные механизмы, предопределяющие отношение субъекта речи к действительности и к своей речи. Следует подчеркнуть, что дискурсивное сознание автора-публициста тесно связано с дискурсивным подсознанием и дискурсивным сверхсознанием. С одной стороны, дискурсивное подсознание «включает в себя всё то, что в определенных дискурсивных условиях было осознано или может стать осознаваемым. Это, прежде всего, доведённые до автоматизма дискурсивные навыки, глубоко интериоризованные социальные нормы и мотивационные речевые конфликты, «преследующие» речевую деятельность субъекта» (Алефиренко 2014: 9). С другой стороны, дискурсивное сверхсознание, связанное с творческой интуицией журналиста, «обнаруживается на первоначальных этапах словесного творчества, которые, как правило, сознанием не контролируются. Это своего рода бастион словесного творчества, «крепостные стены» которого защищают рождающиеся «психолингвальные мутации» массмедийного концепта от консерватизма устойчивого сознания, что позволяет освободиться от давления ранее накопленного дискурсивного опыта» (там же).

В создании тонкой материи текстовой модальности немаловажную роль играют стереотипные представления о связи между эксплицитно выраженным смыслом и имплицитно присутствующим ментально-языковым опытом. Адгерентный характер интертекстем, используемых благодаря действию аналогии, в данном отношении демонстрирует привнесение нового семантического содержания, приобретение актуального коммуникативного смысла.

Проиллюстрируем данное положение на материале газетных микроконтекстов из еженедельника «Аргументы и Факты» № 4 за 2013 г., содержащих прагматически заданные (интенционально обусловленные) интертекстуальные включения.

Автор проблемной аналитической статьи, в полемическом тоне освещающей острые социальные проблемы российской действительности, резюмирует: *Продолжит ли Кремль охоту на «мелкого беса», дискредитируя тем самым понятия и большой политики, и «сильной руки», или возьмется наконец за изгнание крупных демонов – наследия тоталитаризма?* Аппликативное использование интертекстемы *мелкий бес* (как известно, вошедшей в корпус национально-прецедентных феноменов благодаря роману Ф.Сологуба) актуализирует этимологическую основу выражения – древние славянские представление о нечистой силе и их иерархии. Антонимическое противопоставление подчеркивает незначительность предпринимаемых властью усилий, отсутствием политической воли и желания сконцентрироваться на преодолении серьезных социальных вызовов.

Далее по ходу изложения в целях реализации коммуникативной тактики критики журналист обращается к интертекстемам общей исто-

рико-культурной зоны – крылатым словам-советизмам (изречениям, связанным с эпохой СССР в отечественной истории), намерено используя их без указания авторства: *Инерция политического окрика, стилистика песни «броня крепка и танки наши быстры» все еще сильны в нашей политике; Опасения старых большевиков оправдались: Сталин в конце концов добился того, что в обществе его стали воспринимать как нового политического гения, что «Сталин – это Ленин сегодня».* Демонстрируя аргументативный и иллюстративный потенциал интертекстуальности, цитаты (из «Марша танкистов» и из книги А. Барбюса) в данном случае способствуют уточнению и актуализации негативных оценочных коннотаций.

Интертекстуальные включения маркируют определенную шкалу ценностей, тем самым составляя предмет дискурсивного анализа социокультурного содержания. Как показывает языковой материал, зачастую медиатексты обнаруживают своеобразное «аксиологическое нивелирование», переводя эмотивно-оценочные смыслы из высокого, граждански-патетического регистра в более сниженный. Ср.: *Согласно новейшему исследованию ученых из Лондонской школы экономики, на производительность труда сильно влияют позитивные эмоции. Работники в хорошем настроении производят продукции на 10-12% больше, дольше сохраняют работоспособность и меньше болеют. В итоге ученые пришли к выводу: чтобы **жить лучше**, нужно **жить веселее!** То, до чего английские экономисты додумались только сейчас, использовали еще советские пропагандисты.* Интерпретация крылатого изречения И.В. Сталина в контексте публицистической речи однопланова, семантически сужена, лишена амбивалентности и обобщенной метафоричности.

Квалифицируя интертекстемы как оценочно маркированные элементы языка, важно отметить их специфику в семантико-коррелирующем каркасе медиатекста. Нельзя не согласиться с тем, что сейчас обращение к категории интретекстуальности в СМИ «по большей части предполагает операции (и автора, и читателя / зрителя) с поверхностным (собственно языковым, аддитивным) смыслом знака, а вовсе не с тем сложным содержанием, которое закреплено за ним в тексте-источнике или в культуре. В использовании культурных знаков современными медиа важным является не смысл, а узнаваемая форма» (Кузьмина 2011). Иначе говоря, игровое, развлекательное начало лингвокреативной деятельности, выходя на первый план, делает гедонистическую функцию воздействия самоцелью.

Прочность смысловой нити, связывающей содержащий интертекстемы газетный заголовок и собственно содержательную часть публикации, может быть различной. Соответственно вариативной оказывается и степень выражения авторского отношения к денотативно-референтной основе медиатекста.

Как отмечается, заголовок, ссылающийся на прецедентный текст или обыгрывающий его, может сформировать у читателя как эффект

обманутого ожидания, так и эффект усиленного ожидания» (Шестерина 2004: 265). Представляется возможным выделить заголовки, для понимания результирующего смысла которых не требуется обращение читателя к тексту статьи; заголовки, которые интерпретируются только после прочтения текста статьи; заголовки, интерпретируемые сразу, но требующие повторной интерпретации после прочтения текста статьи; заголовки, в которых фразы прецедентных текстов используются в прямом значении (Черногрудова 2003: 7-8).

Таким образом, нередко интертекстема становится «вещью в себе», лишается второго плана, типичным примером чего является использование прецедентного высказывания в заголовке медиатекста исключительно как средства речевого декора.

Приведем в данной связи примеры дискурсивной интерпретации фрагментов прецедентных текстов из газеты «Московский комсомолец в Волгограде» № 4 за 2015 г.

Сохранение содержательно-смыслового ядра прецедентного текста отмечено в одном из заголовков газетных статей: **На безымянной высоте.** *Волгоградские поисковики восстановили забытый подвиг героев-десантников.*

В остальных случаях прослеживается переосмысление содержательных аспектов прецедентного текста, значительные смысловые трансформации:

Скидки – наше всё! *Торговым сетям с народом по пути. Им невыгодно, чтобы товар «зависал» на полках, нужен оборот.*

Байкал засосала опасная трясина. *Озеру грозит крупнейшая экологическая катастрофа.*

Мифы и легенды древней гречки. *Цены на гречку являются лакмусовой бумажкой российской продовольственной корзины.*

Коммуникативно-прагматическая предназначенность интертекстем и их репрезентаций – привлечение читательского внимания. Ср.:

Красота требует... *Как без вреда для организма очистить свои тело и душу после «больших» праздников.*

Российский футбол: богатые тоже плачут. *Как будут действовать наиболее обеспеченные клубы в зимнее межсезонье?*

Купить за 60 секунд. *Волжане в пять раз больше предрасположены к шопоголизму.*

За веру, Путина и отчество. *Казачи приняли стратегию развития и задумываются о возрождении Российской империи.*

Многообразие ассоциативных связей, смысловое содержание интертекстемы, таким образом, сводится к актуально-выделительной функции, к семантической редукции.

Характерно, что в современных газетных заголовках преобладают монопрецедентные тексты. Полипрецедентность заголовков как создание посредством использования двух или более источников –

явление нетипичное. В анализируемом газетном номере в числе заголовков, построенных на обыгрывании категории интретекстуальности, встретился только один с синкретизмом интертекстем: **Вечера на хуторе близ Черного моря**. *Роза хутор – одно из новоиспеченных чудес постолимпийского Сочи – принимал гостей первого музыкального фестиваля «Рождество, Лепс и друзья». Едкой гоголевской иронией с нотками чертовщинки, конечно, лезли в голову сравнения с «Рождественскими встречами» Аллы свет Борисовны, но... как есть.* Помимо эксплицированных в авторском комментарии литературных заимствований, можно – с некоторой натяжкой – проследить в данном заголовке и аллюзии песенные («У Черного моря»).

Другой аспект семантической редукции, возникающей как результат обращения к фрагментам прецедентных текстов и результат обращения с ними, связан с источниковой базой. Содержащееся в интертекстеме как знаке указание на возможное его использование относится к различным типам прецедентных феноменов, находящихся свое текстовое воплощение в медиадискусе: «Обрывки культурных кодов, формул, ритмических фигур, фрагменты социальных идиом и т.д. – все они поглощены текстом и перемешаны в нём, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык... Интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний; она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитаций» (Сметанина 2002: 95-96).

Ср. в аналитических публикациях: *В декабрьском ажиотаже, когда скупалось все подряд: от автомобилей, мебели, холодильников до утюгов и фенов – приняла участие лишь треть населения. А остальные спокойно наблюдали за происходящим, так как у них накоплений попросту не оказалось. Им **нечего** было **терять**, **«кроме своих цепей»** (Пролетариату нечего терять, кроме своих цепей из «Манифеста Коммунистической партии»); *Люди, делающие бизнес на «патриотизме», рвут себе деньги. А на **бумагу**, которая, как известно, **все стерпит**, ровным почерком ложатся именно те строки, которые ласкают слух высокого начальства (видоизмененная римскими публицистами фраза Цицерона *Бумага не краснеет*).**

Парадигматика текстового пространства позволяет сделать выводы относительно смыслогенерирующей и связующей функциональных задачах интертекстуальности в публицистике. Ср.: **Без кино виноватые**. *Обнажавшие «свинцовые мерзости» фильмы снимали и в советские и постсоветские времена... Если бы в «Левиафане» показывали выдуманнные ужасы – что люди в России не умеют читать и писать, гадят на стол, едят на завтрак детей – это не вызвало бы такого возмущения и негодования, как предельно точное изображение обычных наших «свинцовых мерзостей»: лжи, лицемерия, власти силы, инфантилизма и общей дремучести.* «Оско-

лочная цитата» (*Свинцовые мерзости дикой русской жизни* М. Горького) автором газетной рецензии используется для характеристики предметной основы публицистической речи, при этом яркая оценочная номинация выступает одним из средств обеспечения когезии текста. Сходные интенциональные условия обуславливают и привлечение прямой цитаты далее в газетном материале: **«Задача искусства – дать эстетическую и нравственную оценку всех существенных явлений жизни, в том числе и отрицательных, – сто лет назад сказал пролетарский писатель Максим Горький, – чтобы помочь человеку понимать себя, поднять веру в себя и развить стремление к истине, бороться с пошлостью, уметь найти в людях хорошее, возбуждать в их душах стыд, гнев, мужество».** Именно это «левиафан» и делает. Разные люди, конечно, по-разному понимают его сюжетные повороты и разные делают выводы, но равнодушными не остаются именно потому, что фильм заставляет понимать или не понимать **«эстетическую и нравственную оценку существенных явлений жизни»**, которая в нем, безусловно, присутствует.

Таким образом, смысловая аранжировка газетных текстов как одного из медийных ресурсов может «нести в себе как деструктивный, так и конструктивный потенциал» (Медиатекст 2010: 5). Парадоксальным образом обогащение медиатекста культурными кодами, ассоциативными отсылками нередко сопровождается минимизацией интеллектуальных усилий по декодированию интертекстом, игрой на понижение интертекстуальной компетенции.

Подводя итог, следует сказать, что вплетенные в ткань медиатекста интертекстемы служат предпосылкой для формирования ряда ассоциаций, при этом репрезентации стереотипных представлений обнаруживают существенные структурные и семантические отличия от текста-источника.

Прагматические условия восприятия интертекстуальности связаны с поликодовым характером текста и обусловлены контекстом употребления. Семантические редукции в медиатексте, порождаемые всевозможными способами обращения к категории интертекстуальности, предопределены коммуникативной установкой автора медиатекста – намерением передать часть информации имплицитно.

Литература

Алефиренко, Н.Ф. Медиадискурс – *modus vivendi* на рубеже XX-XXI вв. // Вестник Вятского гуманитарного университета. – Киров, 2009. № 4 (2). С. 30-33.

Алефиренко, Н.Ф. Дискурсивное сознание – синергетический механизм массмедийной коммуникации // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования (I Междунар. науч.-практ. конф.): Сб. науч. работ. – Белгород, 2014. С. 8-11.

Казак, М.Ю, Махова, А.А. Медиатексты в аспекте теории интертекстуальности и прецедентности // Научные ведомости Белгородск. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2011. Т. 12. № 24. С. 175-182.

Кузьмина, Н.А. Интертекстуальность и прецедентность как базовые когнитивные категории медиадискурса // Медиаскоп: электронный журнал. – 2011. Выпуск № 1. (Эл. ресурс). – URL: <http://www.mediascope.ru/node/755>

Медиатекст: стратегии – функции – стиль: коллективная монография / отвред. Т.В. Чернышова. – Орел: Горизонт. 226 с.

Сметанина, С.И. Медиа-текст в системе культуры: динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века: монография. – СПб. : Изд-во Михайлова В.А., 2002. 383 с.

Полонский, А.В. Публицистика как особый вид творческой деятельности // Научные ведомости Белгородск. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2008. № 11 (51). Вып. 1. С. 56-61.

Черногрудова, Е.П. Заголовки с прецедентными текстами в современной публицистике (на материале центральной, региональной и местной прессы): дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2003. 243 с.

Шестерина, А.М. Прецедентные тексты в полемических публикациях современной российской прессы // Феномен прецедентности и преемственность культур. – Воронеж, 2004. С. 264-272.

Summary. The article focuses on the role and place of intertext in modern Russian mediadiscourse. A special attention is paid to the structural and semantic aspects of the use of fragments of precedent texts in newspaper headlines and body text.

Key words: mediadiscourse, newspaper text, intertext, precedent text.

ЛЕКСИКА ОГРАНИЧЕННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В АВТОРСКОМ МЕТАЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Л.А. Петрова

Россия, Симферополь, Крымский инженерно-педагогический университет
nlla@mail.ru

Проблемы формирования и описания поэтической картины мира продолжают оставаться в ряду наиболее актуальных. Несмотря на метафорический характер термина, его содержание трактуется как «образ мира, сконструированный сквозь призму сознания и языка поэта, он является результатом его духовной активности» (Маслова 2013: 18). Очевидно, что большая часть континуума поэтической картины мира представлена общеупотребительной нормированной лексикой. Тем не менее, значительное место принадлежит и языковым единицам, которые имеют ограничения в употреблении. К ним относятся следующие группы:

- 1) профессионализмы, бытующие в соответствующей профессиональной среде;
- 2) диалектизмы, ограниченные территориально;
- 3) термины, используемые в научном стиле;
- 4) жаргонизмы, используемые профессиональными или социальными группами;
- 5) просторечные слова, употребляемые в городской среде лицами с низким образовательным цензом;
- 6) вульгаризмы, ограниченные культурными установками в обществе.

В данной статье рассмотрим особенности лексикографического описания языковых единиц, имеющих областную закрепленность, в поэтической картине мира П.И. Мельникова-Печерского. Исследование проводится на материале диалогии «В лесах» и «На горах». В аналитическую сферу включены номинации, относящиеся к лексико-семантическому полю с ядром «человек». Для вычленения индивидуального своеобразия авторских дефиниций приводятся параллели со Словарем В.И. Даля, что позволяет также представить «сводный результат сходств и различий от языка к языку, от народа к народу, от одного национального менталитета к другому» (Красина, Перфильева 2015: 39).

Самой многочисленной в метатекстовом пространстве диалогии является группа существительных, номинирующих лица по родству. Однако представлены не все лексемы с этим значением, а лишь те, которые из множества родственных отношений выделяют самые важные и существенные для жизни и функционирования семьи. Поэтому в центре тематической группы располагаются существительные **большак, большачок, большуха**. Ср.: **большак, большачок** – муж; глава семьи, а также глава какой-либо беспоповщинской секты либо толка спасова согласия. – *Да где, горемычным, им справиться, где справиться!.. Совсем подрезались, все, что было, и одежонку, и постеленку, все продали, одно божие милосердие покуда осталось... А большачок-от все курит, сударыня, все курит, каждый божий день...* (Мельников 1979, 1: 34). *...Даст бог, большачок-от твой, сударыня, опять тягло примет, опять возьмет за сошку, за кривую ножку* (Мельников 1979, 1: 452); **большуха** – старшая в семье женщина. **Большухи**, *возвратясь домой, творя шепотом молитву, завертывали в бумажку либо в чистый лоскуток выплунутые Софронушкой скорлупы...* (Мельников 1979, 2: 80). В Словаре В.И. Даля также делается акцент на значимость лица, его роль в семье или коллективе: **большой, большакъ, большина м. большая, большуха, большиха, большица, большачиха** ж. старший в доме хозяин и хозяйка, старшина в семье; вообще наибольший, старший в общине или артели; нарядчик, распорядитель, указчик; настоятель раскольничьей общины // **Большак** и **большица** также старшие дети.

Особое положение старшего по возрасту отмечается и в толковании лексем **братан, братаниха**: **братан** – старший брат; **братаниха** – жена брата. *На говор братьев вышла из калитки молодая еще женщина, босая, в истасканном донельзя сарафанишке, испитая вся, бледная, сморщенная. Только ясные, добрые голубые глаза говорили, что недавно еще было то время, когда пригожеством она красилась. То была братаниха Герасиму, хозяйка Абрамова – Пелагея Филиппьевна* (Мельников 1979, 1: 186). *Вздыхнул и еще ниже поник головою проезжий. – А Иван Сильч? – спросил он. – Ивана Сильча по жеребью в солдаты отдали. На чужой стороне жизнь по-*

кончил. А жена Иванова и детки его тоже все примерли. Один я остался в живых. – Абрамушка! **братан!**.. – воскликнул Герасим, и братья горячо обнялись (Мельников 1979, 1: 434). – Покалякал я кой с кем из здешних про твоего **братана**. Мужик, сказывают, по всему хороший, смирный, работающий, вина капли в рот не берет (Мельников 1979, 1: 385).

Отметим, что в Словаре В.И. Даля эти лексемы объединены в парадигме кровного родства: **братан, братаникъ, братэна, братэникъ, братэльникъ, братéloкъ, братэлко, братейка, братокъ, братьишь, братуш(к)а, братухъ, братуха, братуга** – большею частью названия эти подразумевают не родного брата, а двуродного, твр. изродного или названного.

Отличия на уровне семного состава наблюдаются и в словах братанич, братыч и сестренич, сестрич: **братанич, братыч** – племянник, сын старшего брата; **сестренич, сестрич** – племянник по сестре. *Не нарадовался Герасим на братанича, любил его пуце, чем отец с матерью; не мог налюбоваться на своего выучка* (Мельников 1979, 1: 462).

В Словаре В.И. Даля существительное **братанич** также фиксируется, но входит в иную парадигму и дается без указания на отношение к старшему брату: **братаничь, братьичь, братучáдо** – братнин сын, племян, племянник. Указание в лексикографическом описании на отношение к старшему наблюдается и у лексемы **братанишка** – дочь старшего брата, братана. *Сколько ни заговаривал дядя с братанишками, они только весело улыбались, но ни та, ни другая словечка не проронили* (Мельников 1979, 1: 449). Ср. у В.И. Даля: **братанна, братанична, братучáда** – братнина дочь, племянница.

Лексические параллели в толковании терминов родства наблюдаются при описании лексемы **брательник** – меньшей, младший брат. – *На-ка тебе, – молвил Герасим, подавая Абраму рублевку. – Сходи да купи харчей, какие найдутся. Пивца бутылочку прихвати, пивцо-то я маленько употребляю, и ты со мной стаканчик выпьешь. На всю бумажку бери, сдачи приносить не могли ни единой копейки. Пряников ребятам купи, орехов, подсолнухов. – Что это, брательник? Зачем? – молвил Абрам* (Мельников-Печерский 1979, 1: 440). Ср. в Словаре В.И. Даля: **брательник** нередко младший, меньшей брат, а **брательница** – родственница вообще, двоюродная или дальняя

Лексические единицы, номинирующие родственные отношения, складывающиеся в результате заключения браков, немногочисленны. Заслуживает, на наш взгляд, внимания лексема **моложаны**. Как отмечает П.И. Мельников-Печерский, «на север и северо-восток от Москвы **моложанами**, а на юге **молодожанами** называют новобрачных целый год. В Поволжье, особенно за Волгой, «**моложанами**» считаются только до первой после брака пасхальной субботы. – Как

же это так? – изумилась Авдотья Федоровна. – Как же вы у своих **«моложан»** до сей поры не бывали? И за горным столом не сидели, и на княжбм пиру ни пива, ни вина не отведали» (Мельников 1979, 1: 379). Как видим, в этой дефиниции акцент делается не только на локальную характеристику слова (его территориальную распространенность), но и на темпоральный признак, который дифференцирует значение. В Словаре В.И. Даля зафиксированы две единицы с подобной семантикой: **молодежни** и **молодожены** «молодые, новобрачные».

Некоторые лексические единицы, называющие лицо по отношению к семье, вышли из тематической группы. Так, прямое номинативное значение лексемы *сирота* «у кого нет отца либо матери или нет обоих» стало мотивирующим для производного «в скитах все живущие своим хозяйством вне обители, и нищие и богачи, одинаково зовутся «сиротами». Сам родом с Гор, лет уж тридцать живет Сурмин «сиротой» в Комарове (Мельников 1979, 1: 340); Значение семемы **дядя**, то есть лоцман, управляет ходом судна. *Бывал Доронин и в косных, был мастак и на дерево лазить и по райнам ходить, и бечеву ссаривать; но до дяди, за пьянством, не доходил, ни разу в шишках даже не бывал* (Мельников 1979, 1: 139) сформировалось на базе прямого номинативного «брат отца или матери», но мотивирующими стали семы 'старший', 'обладающий авторитетом', которые включают это слово в парадигму **большак, большачок, большуха**.

Вторую по объему тематическую группу составляют номинации лиц по территориальной принадлежности. Здесь также наблюдается немало слов, функционирующих только на определенной территории:

волжанин, или волжанин сын – так зовут уроженцев Поволжья, особенно среднего и низового. – *Не могу признать, – пристально глядя на гостя и слегка разводя руками, молвила Татьяна Андреевна. – Вот оно каково!.. – шутил Зиновий Алексеич. – Вот оно что значит в Москву-то забраться!.. Своих не узнаешь!.. Наших палестин выходец, волжанин сын, саратовец, да еще нам, никак, и сродни маленько приходится!* (Мельников 1979, 1: 152).

галка 1. Крестьяне Галицкого и других уездов Костромской губернии. *Не побрел заволжанин по белу свету плотничать, как другой сосед его галка* (Мельников 1987, 6). 2. В заволжских лесах местных плотников нет, они приходят из окрестностей Галича, отчего и зовутся «галками». ... *Прошлым летом у Глафириных нову «стаю» рубили, так ронжински ребята да елфимовские смеются с галками-то: «Строй, говорят, строй хорошенько – келейниц-то скоро разгонят, хоромы те нам достанутся»...* (Мельников 1987, 595).

крещане – жители Крестецкого уезда Новгородской губернии. *На что славна была по всем местам наша горянщина, и ту избидели: крещане у токарей, юрьевцы да кологривцы у ложкарей отбивают работу* (Мельников 1987, 160); **кузнечевец** – в Нижнем большая часть легковых извозчиков из подгородных деревень, преимуще-

ственно из Кузнечихи. – *На ярманку!.. – громко крикнул <Марко Данилыч> извозчику, садясь в широкие на лежачих рессорах дрожки, порядочно, впрочем, потертые. Бойкий **кузнечевец** быстро тронулся с места (Мельников-Печерский 1979, 1: 118); **лысковцы** – оптовые лесопромышленники из Лыскова. Их не любят лесники за обманы и обиды. – *Что за диковина! – повязывая кушак, молвил дядя Онуфрий. – Что за люди?.. Кого это на тройках принесло? – Нешто лесной аль исправник, – отозвался Артемий. – Коего шута на конце лесованья они не видали здесь? – сказал дядя Онуфрий. – Опять же колокольцев не слышать, а начальство разве без колокольца поедет? Гляли, **лысковцы** не нагрянули ль... Пусто б им было!.. (Мельников 1987, 223).**

любимовец – в трактирах приволжских городов и в обеих столицах служат преимущественно уроженцы Любимовского уезда Ярославской губернии. *Дядя Елистрат пожелал <водки> всероссийского производства, и минуты через три ловкий **любимовец**, ровно с цепи сорвавшись, летел уже к своим гостям. Одной рукой подняв выше головы поднос с чашками и двумя чайниками, в другой нес он маленький подносик с графинчиком очищенной и двумя объемистыми рюмками. Ловко бросив подносы один за другим на столик, отошел он к среднему столу и там, подбоченясь фертотом, стал пристально разглядывать Алексея с Елистратом (Мельников 1979: 60).*

Говоря о семантической структуре слова, Н.Ф. Алиференко выделяет в ней три макрокомпонента: грамматический, предметно-понятийный и коннотативный (Алиференко 2005: 197). Под коннотацией ученый понимает «тот аспект значения номинативных единиц, который представляет собой совокупность эмотивных, ассоциативно-образных и стилистических сем, отражающих не столько признаки обозначаемых объектов, сколько отношение говорящего к обозначаемому или к условиям речи» (Алиференко 2005: 169). Как показывает анализ, в словарных дефинициях П.И. Мельникова-Печерского коннотативные семы нередко приобретают статус ядерных. Очевидно, для автора диалогии важно было раскрыть не столько денотативные признаки человека, сколько отношение к нему окружающих. В частности, значение номинаций лица по роду деятельности объяснялось способом описания оценочных признаков, ср.: **бульня** – бродячий по деревням скупщик, преимущественно льна, всегда большой руки плут и балясник. Оттого ему и прозвище «*масляно рыло, краснобайный язык*». *Лен скупает бульня по осени и зимой, а летом торгует косами и серпами. Он большей частью отдает их в долг, что крестьянам на руку, оттого что лето у них – пора не денежная. Осенью, забирая лен, бульня охулки на руку не кладет – процентов двести придется ему за отдачу в долг серпов и кос (Мельников 1987: 110-111).*

Заметим, что в Словаре В.И. Даля значение данной лексемы, сопровождаемой областными пометами, раскрывается через синонимический ряд: *пск.* торгаш скотом; скупщик льна; вообще скупщик, прахь,

прасол, кулакъ, маклакъ, маякъ. Оценочная характеристика человека передается лексемой **бульчъ** – м. тул. плутоватый торговый мужикъ; влд. вят. бесстыжий, бессовестный человек, наглый плут; влд. глуповатый.

Большую роль при толковании лексем ограниченного употребления играет культурологическая информация, которая реализуется в сопутствующем толковании. В таком случае в семантическую зону словарной статьи включается нескольких лексем, входящих в тематическую группу или связанных с заголовочным словом парадигматическими либо эпидигматическими отношениями: *Русская песня начинается запевалой, самым голосистым песенником изо всех. Он, как говорится, «затягивает» и ведет песню, то есть держит голос, лад в меру. «Запевало» – обыкновенно высокий тенор; к нему пристают два «голоса»: один тенор, другой бас, первый «заливается», другой «выносит», то есть заканчивает каждый стих песни в одиночку. Подголосками называются остальные песенники. Расстанная песня (по иным местам разводная) – та, что поют перед расходом по домам. Таких песен много, все веселые* (Мельников 1979, 1: 118–119).

Нередко автор приводит параллельные номинации, выстраивая парадигматический ряд с общей доминантой. Это позволяет раскрыть понятие с разных сторон, ср.: *«Веденцами» (от слова ведать) они только сами себя зовут, утверждая, что ведают духа святого. Зовут еще себя духовными. Посторонние за то, что они радуют, как хлысты, зовут их прыгунками, трясунами, а потому, что они уверяют, будто «ведают духа», – духами* (Мельников 1979, 2: 125). Описывая различия в занятиях, автор использует отсылочный способ толкования: *Косными зовут на судне двух бурлаков, что при парусах, они обшивают их и насаживают на райну; один из них кашевар, то есть повар бурлацкой артели. Промысел его <родителя Зиновья Алексеича> не из важных был; в дырявых лаптях, в рваной рубахе, с ляжкой на груди, каждое лето он раза по два и по три грузными шагами мерял неровный глинистый бечовник Волги от Саратова до Старого Макарья али до Рыбной. Бурлачил, в коренных ходил и в добавочных, раза два кашеваром был...* (Мельников 1979, 1: 138).

Метатекст единицы, ограниченной сферой употребления, включает в себя коррелятивные пары, выполняющие функцию конкретизации. Противопоставление может быть трех видов: а) уточнение при помощи прилагательных: *Коренными бурлаками* зовут порядившихся на всю путину и взявших при этом задатки; *добавочными* – взятых на пути, где понадобится, без сроку и задатка (Мельников 1979, 1: 138); б) уточнение путем противопоставления двух понятий: *На Волге и в устьях Оки рыболовов зовут ловцами, а не рыбаками. Рыбак – это торговец рыбой.* (Мельников 1979, 1: 180); в)

уточнение путем отсылки к общеупотребительному эквиваленту: **гордán, гордиян – то же, что гордец.** ... А другое дело и опасаться-то теперь Чапурина нечего – славит везде, что сам эту свадьбу состряпал... Потеха, да и только!.. – С чего ж это он? – спросил Самоквасов. – Потому что **гордán.** Уж больно высоко себя держит, никого себе в версту не ставит (Мельников 1979, 1: 380).

Авторская семантизация лексем в диалогии производится не только путем описания денотативных или коннотативных компонентов. Большую роль играет контекст, в который вводится не знакомая широкому читателю лексическая единица. Писатель обыгрывает языковой образ, используя эпидигматические связи, яркие эпитеты, метафорические переносы. Приведем пример: **Слепыми** у бурлаков зовутся не имеющие письменного вида, беспаспортные. Сидор встал и подошел к приказчику. Тот сказал ему: – Хозяину-то что скажу? Об этом-то подумал ли ты? Скажет: Сидор всему бунту зачинщик, а куда он девался? Что я скажу? – Сбежал, мол. – А паспорт спросит? – Паспорт спросит! – задумался Сидор. – А ты скажи, что я был из **слепеньких**... Ведь есть же у нас на баржах **слепеньки-то** (Мельников 1979, 1: 89). **Слепых** в смолокуровском караване было наполовину. На всем Низовье по городам, в Камышах на рыбных ватагах исстари много народу **без глаз** проживает... Рыбные промышленники, судохозяева и всякого другого рода хозяева с большой охотой нанимают **слепых**: и берут они дешевле, и обсчитывать их сподручней, и своим судом можно с ними раправиться, хоть бы даже и посечь, коли до того доведется. Кому **без глаз-то** пойдет он жалобиться? (Мельников 1979, 1: 92).

Субстантивированное прилагательное **слепой** «не имеющий паспорта» в данном случае возникло в результате вторичной метафоризации.

Таким образом, ограниченные сферой употребления слова занимают большое место в метатекстовом пространстве диалогии П.И. Мельникова-Печерского. В редких случаях их семантизация совпадает с аналогичными примерами из Словаря В.И. Даля. Для писателя актуальными были не столько денотативные, сколько коннотативные семы в толковании. К ним относятся компоненты, обусловленные оценочными, историческими и культурологическими факторами.

Литература

Алефиренко, Н.Ф. Спорные проблемы семантики: моногр. – М.: Гнозис, 2005. 326 с.

Когнитивный анализ слова / Под ред. Л.М. Ковалевой, Л.В. Кульгавовой. Изд. 2-е испр. – М.: ЛЕНАНД, 2014. 216 с.

Красина, Е.А., Перфильева, Н.В. Основы филологии. Лингвистические парадигмы: Учебное пособие. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 408 с.

Маслова, В.А. Статус картины мира и ее типы с позиций антропоцентрической парадигмы // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2013. № 1. С. 12-21.

Мельников, П. И. (Андрей Печерский) В лесах. В 2-х книгах. – М.: Правда, 1987. 623 с.

Мельников, П. И. (Андрей Печерский) На горах. В 2-х книгах. – М.: Художественная литература, 1979. Кн. 1. 605 с.; Кн. 2. 509 с.

Summary. The article deals with the problem of semantization of vocabulary of limited use in a literary text. It is shown that the words of limited use take an important place in the metatext space. Not so much the denotative as the connotative senses became actual for the writer's interpretation. They include components determined by axiological, historical, and cultural factors.

Keywords: definition, methods of interpretation, lexicographic description, artistic text.

МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО ВТОРИЧНОЙ НОМИНАЦИИ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ЭССЕ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА «КАК НАМ ОБУСТРОИТЬ РОССИЮ»

В.И. Трегубова

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
viktoriya.kvitka@bk.ru

Вторичная номинация состоит в использовании означающего языкового знака первичного обозначения для наименований предметов ассоциативно-образного мышления писателя. Актуальность исследования закономерностей вторичного номинирования проливает свет на дискурсивно обусловленное употребление слов в речи, которое, в свою очередь, зависит от дискурсивно-образного мышления писателя. В процессе воплощения авторского замысла формируется та контекстуальная семантика языковых единиц, в которой реализуется воздействующая на читателя суггестия художественно-публицистического текста. Наиболее эффективным средством создания словесно-художественной образности служат различные лексико-семантические переносы. Ярким доказательством тому может служить публицистическое эссе А. И. Солженицына «Как нам обустроить Россию», в котором главным механизмом воплощения переживаний автора выступает когнитивная метафора.

Когнитивные механизмы метафоризации мысли – фундаментальный путь художественного познания и концептуализации действительности. Метафоризация авторского мышления – труднодостижимый феномен лингвопоэтики по двум главным причинам: онтологической и методологической. Первая создаётся пересечением двух типов метафоризации: а) когнитивно-дискурсивной и б) словесной. Вторая объясняется сложностью выявления лингвистическими средствами динамики дискурсивного мышления писателя (изучением паратекстовых обстоятельств, сопровождавших рождение творческого замысла; осмыслением социально-исторического контекста, в условиях которого создавалось эссе; соотносением смыслового содержания текста с его восприятием читателями и т.п.). Онтологический фактор метафоризации авторского мышления состоит в интерпретации ре-

зультатов концептуализации действительности в парадигме амальгамированного взаимодействия языка, мышления и сознания. Преодоление методологической сложности предполагает поиск базовой категории исследования как раз совмещающей в себе лингвокогнитивное и ценностно-смысловое (культурологическое) начало. Такой категорией, отвечающей за метафоризацию авторского мышления А.И. Солженицына, выступает концепт особого типа, который мы, вслед за Н.Ф. Алефиренко, называем дискурсивно-модусным (см.: Алефиренко 2015: 62-73). Его своеобразие в публицистическом эссе А. И. Солженицына «Как нам обустроить Россию» создаётся сопряжением в нем трех необходимых для метафорообразования дискурсивно обусловленных энергий: а) когнитивной, б) ценностно-смысловой и в) аксиологической. Все три энергопотока сосредоточены в дискурсивно-модусном концепте, что обеспечивает ему необходимую для публицистического эссе культурологическую ценность. Если перефразировать Ю. С. Степанова, то дискурсивно-модусные концепты можно истолковывать как «сосредоточение культуры в ментальном мире» А. И. Солженицына – человека, писателя и публициста (Степанов 2004: 42-67).

Дискурсивно-модусный концепт в публицистическом эссе А. И. Солженицына «Как нам обустроить Россию» – это:

- единица дискурсивного сознания, отражающего переживания публицистического эссе;

- единица коллективного (социального) и индивидуально(авторского) знания (Залевская 2001: 31); пучок представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний писателя (Степанов 2004: 42-67). Если обобщить вышеприведённые характеристики дискурсивно-модусного концепта, то можно дать следующее определение: дискурсивно-модусный концепт – это коммуникативно-ментальная единица, отображающая переживания и представления о личностном или социально значимом предмете или явлении действительности.

Дискурсивно-модусные концепты служат основными стимулами процесса метафоризации в анализируемом публицистическом тексте.

При выявлении природы и сущности процесса метафоризации мы исходим из понимания метафоры как продукта когнитивной (познавательной) активности языка. Познание можно определить как процесс воспроизведения и отражения в мышлении действительности, в результате чего происходит накопление знаний. Знание – форма когнитивной организации результатов отражения объективных свойств и признаков действительности в сознании людей.

Для того чтобы можно было использовать метафоризацию во внутренней и внешней речи, писателю нужны особые языковые средства. Мы выделяем два таких средства: внешний и внутренний. Внешний – экспонентный (звуковой) облик метафоры; внутренний – сам процесс возникновения метафорического значения (переосмысления лексем, ассоциативное порождение у них новой смысловой ауры).

Процессу метафоризации подвергаются только те признаки, которые обладают актуальной ценностно-смысловой значимостью для автора эссе. Такие метафоры понимаются нами широко: как «перенесение свойств одного предмета, явления или аспекта бытия на другой, по принципу их сходства в каком-либо отношении или по контрасту» (ЛЭС 1990: 175).

Когнитивно-семантическая структура метафоры, вербализующей дискурсивно-модусный концепт, способна кодировать всё, что испытывает, переживает, чувствует писатель, включая знания человека об объективном мире, а так же субъективные предпосылки. Это свойство хорошо отражено в тексте публицистического эссе «Как нам обустроить Россию», опубликованного в газете «Комсомольская правда» 18 сентября 1990 г. Статья создавалась, что называется, на злобу дня, когда весь мир замер в ожидании ответа на вопрос: «Что же будет дальше с Россией?», «Куда будет она держать путь?». К 1990 году, как пишет А.И. Солженицын, *«Часы коммунизма – свое отбили. Но бетонная постройка его еще не рухнула. И как бы нам, вместо освобождения, не расплющиться под его развалинами»* (А.И. Солженицын). С этих слов и начинается эссе. Все три предложения – развернутая метафора. Если убрать хотя бы одно предложение, нарушится вся образная архитектура дискурса, потому что денотатом метафор является не один предмет, а вся дискурсивно-событийная ситуация. Своеобразие метафоризации определяется сложностью речемыслительных процессов, предполагающих языковую объективацию тех или иных дискурсивно-модусных форм отражения номинируемой действительности. В силу этого метафора, репрезентирующая дискурсивно-модусный концепт, имплицитно содержит в себе информацию о культурных традициях, исторических событиях, обычаях, традициях, этнически маркированных элементах культуры.

Как известно, время перехода от одного политического устройства к другому для России – непростое: дала серьезный крен экономическая система, резко снизился уровень жизни населения, в поиске своей оптимальной модели образование. Такого рода объективным факторам А.И. Солженицын даёт субъективно-оценочную интерпретацию. Ср.: *Разоряя себя для будущих великих захватов под обезумевшим руководством, мы вырубали свои богатые леса, выграбили свои несравненные недра, невосполнимое достояние наших правнуков, безжалостно распродали их за границу. Изнурили наших женщин на **ломовых неподымных работах**, оторвали их от детей, самих **детей пустили в болезни, в дикость и в подделку образования*** (А.И. Солженицын).

Метафора всегда активно реагирует на изменения, происходящие в жизни общества. В результате, не только обновляются тематические ряды метафор, но и уже существующие метафоры могут получать дополнительные смысловые и эмоциональные наслоения. По отношению

к употреблению слова в метафорическом значении можно выделить такие группы слов, употребляемых в публицистическом тексте:

1. Слова, переносные значения которых зафиксированы в толковых словарях. Например: *а ведь то сказано было – в богатой, цветущей стране, и прежде всех миллионных истреблений вашего народа, да не слепо подряд, а уцеленно выбивавших самый русский отбор. А уж сегодня это звучит с тысячекратным смыслом: нет у нас сил на окраины, ни хозяйственных сил, ни духовных. Нет у нас сил на Империю! – и не надо, и свались она с наших плеч: она размогает нас, и высасывает, и ускоряет нашу гибель* (А.И. Солженицын). Лексема *цветущая* в метафоре *цветущая страна* выражает переносное значение, отраженное в толковых словарях: 'находящаяся в расцвете'.

2. Слова, переносные значения которых не регистрируются толковыми словарями. Это переносные значения, возникшие, как правило, на базе стремительно обновляющейся картины мира. Например, большинство носителей русского языка знает, что такое «докатка». Это запасное колесо маленького размера, предназначенное для того, чтобы доехать до ближайшего сервиса и залатать пробитое колесо. Словарями данная лексема не фиксируется, однако в простонародье используется достаточно широко. Произошло, по-видимому, от глагола *докатить, докатиться*. Докатку автомобилисты используют в экстренных случаях. Это своеобразный спасательный круг для них в случае аварийной ситуации. А. И. Солженицын пишет в эссе: *мы на последнем докате*. Эта метафора достаточно точно отображает субъективное переживание писателем современной ему действительности. В каком-то смысле, процесс метафоризации, по-нашему мнению, можно считать одним из способов языковой манипуляции, так часто используемой в публицистике. Что будет с автомобилем, который пытается достичь пункта назначения на последнем докате, если этот самый докат выйдет из строя? – Далекое не уедешь, с места не сдвинешься. Чтобы воздействовать на читателя, писатель обращается к наиболее чувствительной сфере – болезни. Чтобы усилить эффект, придаёт своим мыслям вопросительную форму.

И вот почему, берясь предположить какие-то шаги по нашему выздоровлению и устройству, мы вынуждены начинать не со сверлящих язв, не с изводящих страданий – но с ответа: а как будет с нациями? в каких географических границах мы будем лечиться или умирать? А уже потом – о лечении (А.И.Солженицын).

Страна представлена в образе больного, нуждающегося в лекарствах, которому этих лекарств не предлагают: вот и ходит он со своими сверлящими язвами. Этот образ так хорошо запоминается, потому что затрагивает чувства читателя. Кто же останется равнодушным к страдающему больному? Значительную роль сыграло употребление причастия *сверлящий* в переносном значении. Согласно толковому слова-

рю С. И. Ожегова, *сверлит* имеет переносное значение ‘смотреть пристально и недоброжелательно’: сверлить глазами, взглядом кого-нибудь; причинять непрерывную боль, страдание, неприятность (*в ухе сверлит*). В словосочетании *сверлящие язвы*, так демонстративно показывающем степень разложения общества, прилагательное *сверлящий* употреблено и в переносном и в прямом значении, т.к. язвы, нарывы на теле причиняют резкую, острую боль и, в то же время, протачивают кожу.

Данный пример хорошо иллюстрирует, что метафора в публицистическом эссе рождается из комплекса субъективных образов и ассоциаций, пробуждающих работу воображения реципиента. Цель метафоризации в тексте публицистического эссе – с помощью единиц образной номинации (а) выразить глубинное эмоционально-интеллектуальное состояние; (б) представить заинтересованное видение переживаемого события; в) запустить ассоциативные механизмы его адекватного читательского восприятия. Ср.: *Рыдает* все в нашем сегодняшнем хозяйстве, и надо искать ему путь, без этого жить нельзя (А.И.Солженицын). *Рыдать* – ‘громко, судорожно плакать’. Метафорическое значение – ‘хозяйство, судорожно переживающее упадок’. У А. И. Солженицына *рыдает* все: снова обостряются эмоции читателя. Ассоциативно-образный потенциал метафоры *рыдает* показывает: боль и страдания от происходящего настолько сильны, что горе человека, живого существа, переносится и на неживой объект (хозяйство). Разумеется, цель автора публицистического эссе не столько сокрушаться по поводу происходящего, но предложить варианты выхода из кризисной ситуации. Ср.: *Но в общем виде мне кажется ясным, что надо дать простор здоровой частной инициативе и поддерживать и защищать все виды мелких предприятий, на них-то скорей всего и расцветут местности* (А.И. Солженицын). Выражение *дать простор* соотносимо с фразеологизмом *дать дорогу* кому – ‘позволять, предоставлять возможность кому-либо добиваться чего-либо’.

Таким образом, существительное *простор*, заменяя существительное *дорогу*, несколько трансформирует внутренний смысл фразеологизма, расширяя его значение. Само понятие «простор» шире понятия «дорога». *Дорога* – некое узкое пространство, *простор* – пространство обширное, включающее в себя и семантику лексемы *дорога*. Писатель выражает надежду, что на почве мелких предприятий, частного предпринимательства и *расцветут местности*, т.е. ‘придут в состояние подъема’. Данное переносное значение сформировалось на основе первичного значения. Автор сравнивает культурный и экономический подъем определенной местности с цветением сада. Солженицынская метафора способна ассоциативно связать с уже познанным, зафиксированным в виде значения прямо номинативной единицы, даже, казалось бы, несовместимые объекты. Переосмысляемый

образ, лежащий в основе такой метафоры, способен служить средством создания сильно воздействующего на читателя ассоциативно-образного поля.

Такие отличительные признаки метафор, объективирующих дискурсивно-модусные концепты, как гибкость и многоликость, позволяют им быть эффективным средством языка публицистики для образной репрезентации стремительно меняющейся действительности. В целом, исследование метафоры писательской публицистики помогает не только выделить элементы специфического, колоритного в идиостиле автора, но и способно отразить духовную составляющую языковой картины мира нации в её судьбоносный исторический период.

Литература

Алефиренко, Н.Ф. Модусные концепты и языковая семантика // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – Владикавказ, 2015, №1. С. 62-73.

Алефиренко, Н.Ф., Трегубова В.И. Внутренняя форма фраземы как категория сопоставительной лингвокультурологии // Славяно-русский мир в языковом сознании евразийцев. – Тюмень, 2011.

Арутюнова, Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. – М., 1990.

Залевская, А.А. Текст и его понимание. – Тверь, 2001.

Лингвистический энциклопедический словарь. / Под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Сов. энцикл., 1990.

Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. – М.: Академический проект, 2004.

Юнев, В.В. Метафоризация слов в текстах современной публицистики: Дис...канд.филол. наук. – Саранск, 2007.

Электронные ресурсы:

Солженицын, А. И. «Как нам обустроить Россию» (Эл. ресурс) // Комсомольская правда. URL: <http://www.msk.kp.ru/daily/24141/359116/> (дата обращения: 25.12. 2015).

Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка (Эл. ресурс). URL: <http://ozhegov.textologia.ru/definit/cvetuschiy/?q=742&n=180114> (дата обращения: 04.02.2016).

Summary. The paper interprets the concept of discursive modus concept as a category, which is responsible for the metaphorization of author's thinking. The author examines three types of energy determined by the discourse – the cognitive, the semantic, and the axiological, - which are necessary for the formation of metaphors and condition the originality of discursive and modus concept in journalistic essay by Solzhenitsyn "How we should rebuild Russia".

Key words: discursive modus concept, metaphor, metaphorization, discourse, journalism

ПРОБЛЕМЫ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ В НАУКЕ О ЯЗЫКЕ И ЗАДАЧИ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Н.Б. Корина

Словакия, г. Нитра, Университет им. Константина Философа
natkis2007@yandex.ru

В современной лингвистике насчитывается множество смежных дисциплин, связывающих её с другими областями знания: социолингвистика, психолингвистика, этнолингвистика, математическая лингвистика, лингвокультурология и др. Не все они в равной мере признаются мировой научной общественностью. Одной из дисциплин, которая вызывает в научном мире ожесточённые споры, является когнитивная лингвистика. Основная причина этого кроется в том, что она пока не обладает единой методологией и находится в методологических поисках, проводимых различными научными школами. Силы многих учёных сосредоточены на поиске консенсуса в этой области. Наш нынешний юбиляр, заслуженный деятель науки РФ, профессор Николай Фёдорович Алефиренко пользуется огромным международным авторитетом именно потому, что сделал значительный вклад в упрочение методологических основ когнитивной лингвистики в России. Одной из наибольших его заслуг в этой области я считаю проведение четкого терминологического разграничения между *концептом* как базовым термином когнитивной лингвистики и близкими к нему по определённым параметрам терминами «понятие», «образ», «категория» и др. Желая вслед за Николаем Фёдоровичем внести свой скромный вклад в достижение консенсуса между лингвокогнитивистами, позволю себе изложить некоторые соображения о задачах когнитивной лингвистики, основных «камнях преткновения» в ней и путях возможного решения существующих проблем.

Когнитивные исследования объединяют различные сферы науки в силу общечеловеческой универсальности исследуемых процессов. Однако специфика различных исследовательских целей и подходов привела к появлению когнитивно направленных «разветвлений» внутри отдельных научных дисциплин (когнитивная психология, когнитивная социология, когнитивная лингвистика) и даже субдисциплин, в частности, лингвистических. Акцент на когнитивную составляющую лингвистических исследований привёл к появлению в лингвистике новых специализированных направлений конвергентного характера: когнитивная этнолингвистика (Е. Бартминский), когнитивная лингвокультурология (Н.Ф. Алефиренко), когнитивная теория перевода (Г.Д. Воскобойник) и др.

Насколько целесообразна такая специализация, какова её цель? Для ответа на этот вопрос совершим небольшой экскурс в «лингвистический фрагмент» когнитивной науки.

Как нам представляется, главная причина разнородности подходов к когнитивным исследованиям языка кроется в различных толкованиях самих понятий «когниция» и «когнитивный», а точнее, в том, отождествляется ли когниция с познанием или рассматривается в иных аспектах. Представители точных наук когнитивной считают в первую очередь биологию, поэтому и механизмы мышления и речепорождения рассматривают как нейрофизиологические процессы. Философы отождествляют когницию с познанием и рассматривают её в границах сознательной мыслительной деятельности человека. Психологи рассматривают когницию как функционирование познавательных процессов в человеческой психике (логическое мышление, воображение, внимание, память и т. д.). И во всех этих отраслях знания сложилась своя методология, которая называется *когнитивной*, но по содержанию существенно различается. А лингвисты разных стран и разных научных школ, в зависимости от доминанты их исследовательского подхода (психологической, социокультурной и др.), ориентируются на методологию разных областей знания и на её основе создают свою собственную. В итоге наименования понятий зачастую совпадают, но при этом наполняются совершенно разным содержанием. Это привело к скептическому восприятию рядом учёных когнитивной лингвистики как самостоятельной научной дисциплины и к значительным разногласиям в рядах тех, кто причисляет себя к лингвокогнитивистам. Однако поиск общего знаменателя в подобных разночтениях, несомненно, необходим. Не следует бояться разных подходов к изучению когнитивных процессов, поскольку они не только не вступают в противоречие, но и обогащают теоретическую лингвистику.

Попытаемся показать это, обратившись к этимологии самого слова *когниция*. Его латинский «предок» *cōgnitiō* имеет следующие основные значения: 1) познание; 2) знакомство (с кем-л.); 3) знание, знания; 4) представление, понятие (о чём-л.); 5) судебное расследование (Španár, Hrabovský 1987: 106; Большой латинско-русский словарь: <http://linguaeterna.com/vocabula/show.php?n=8912>). Из этого стандартного набора значений становится очевидным, что когниция не ограничивается познанием и может пониматься как минимум в трёх аспектах: а) познание как процесс активного освоения действительности, б) знания как результат данного процесса и в) представление о чём-либо, которое, как известно, может иметь в сознании человека не только логический, но и образный характер. Наша задача – показать, что присутствие в исследовательском диапазоне когнитивной лингвистики названных направлений является не взаимоисключающим, а взаимодополняющим, что способствует раскрытию разных ракурсов той сферы когнитивной деятельности человека, которая непосредственно связана с языком. Подобные лингвистически ориентированные исследования имеют, как правило, междисциплинарный характер

и опираются на опыт и методологию других гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, заимствуя из них соответствующие термины. Так, термины «концепт» и «категоризация мира» заимствованы из философии, «гештальт» используется в психологии. Термины «языковая картина мира», «концептуализация», «категоризация», как и основной термин «концепт», используются также в общей семантике и лингвокультурологии (Алефиренко 2013; Мечковская 2010). Однако в лингвистической интерпретации они приобретают своё специфическое наполнение, открывают лингвистические грани процессов мышления и речепорождения. Особенно здесь следует подчеркнуть то, на что последовательно указывает в своих трудах и Н.Ф. Алефиренко (Алефиренко 2010; Алефиренко, Корина 2011; Алефиренко 2013 и др.): исследования связи языка и мышления, языка и психики, отражения культурной специфики в языке имеют в России глубокие и давние традиции и неразрывно связаны с развитием отечественной и мировой научной мысли (И.А. Бодуэн де Куртенэ, А.А. Потебня, Л.В. Щерба, Ф.И. Буслаев, Д.С. Лихачёв и многие другие), поэтому в России «когнитивный переворот» конца прошлого столетия имел характер не переворота, а плавного поворота на уже сложившейся научной базе. Появилась лишь новая терминология на базе американского когнитивизма. Но в странах, где такой традиции не было, картина совершенно иная.

В мире сложилось несколько ведущих когнитивных школ, подходы которых к изучению языка значительно различаются. В частности, в Словакии когнитивизм сразу стал развиваться в направлении, далёком от лингвистического. В публикации с символическим названием «Поиск общего языка в когнитивных науках» (Hľadanie spoločného jazyka v kognitívnych vedách 2000), а также в изданиях серии «Язык и когниция» (Jazyk a kognícia 2005; Rybár a kol. 2012) ... отсутствует лингвистика! Зато есть биология, психология и философия. В целом в словацких гуманитарных исследованиях когниция отождествляется с познанием, а в более широком научно-популярном и учебном обиходе термин «когнитивный» употребляется в значении 'познавательный' (напр., в педагогике говорится о развитии у детей когнитивных способностей).

Именно из многогранности самого понятия «когниция» исходит существующий разнобой в понимании основ когнитивной лингвистики. И это свидетельствует не о сомнительности её научной состоятельности, а о широте её диапазона. В науке должны быть не только узкоспециализированные, но и комплексные дисциплины, иначе мы вряд ли соберём в одно целое пёструю мозаику современных научных данных из разных областей – а только так мы можем приблизиться к познанию действительности во всей её многогранности.

Нерешённые вопросы теории и методологии когнитивной лингвистики можно свести к трём основным группам: «1) неопределён-

ность границ базовых понятий «концепт» и «языковая картина мира» (далее ЯКМ – Н. К.): одни авторы полагают, что содержание названных феноменов не выходит за границы языковой семантики; для других авторов содержание ЯКМ совпадает с обыденным сознанием в его вербальной оболочке или даже выходит за границы обыденного сознания; 2) неясны методы выделения («экстракции») языковых концептов из семантики языка; поэтому так разноречивы оценки численности концептов в отдельной (национальной) ЯКМ: для одних авторов это ограниченный набор «ключевых значений», для других – бесконечное множество смыслов; остаётся в тумане и вопрос об иерархии концептов; 3) неясен вопрос о том, насколько для национальных ЯКМ значимы те различия, которые выявляются в ходе сопоставительных исследований концептов» (Мечковская 2010: 29). Особенно заметный разнобой наблюдается в употреблении термина *концепт*, который в России был известен задолго до начала «когнитивного бума» и употреблялся в разных областях филологии: С.А. Аскольдов (Алексеев) – литературоведение («Концепт и слово», 1928); Л.В. Щерба – лингвистика, теория языка («О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании», 1931); Н.Д. Арутюнова – лингвистика (Логический анализ языка... 1991); Д.С. Лихачёв – литературоведение (доклад в ИМЛИ, 1992 и его опубликованный вариант Концептосфера русского языка, 1993) и др. В настоящее время ситуация осложнилась копированием западных образцов, которые воспринимаются как нечто новое, хотя по сути зачастую дублируют уже существующие русские понятия.

Поиск путей к решению данных проблем нам видится в установлении терминологического консенсуса, предпосылкой к которому может стать то общее, что выделяется в структуре базовых понятий когнитивной лингвистики практически всеми исследователями независимо от направленности и степени «широты» или «узости» избранного подхода. Например, у *концепта* выделяются следующие общие признаки: 1) образный (метафорический) компонент; 2) близость к понятию; 3) опора на результаты чувственного опыта индивида; 4) связь с культурной средой. При этом большинство исследователей считает, что концепт должен быть вербализован, «оязыковлён». Все эти признаки можно соединить в определении: «Концепт – это вербализованный в сознании сгусток культуры» (определение Ю.С. Степанова, уточнённое Б.Ю. Норманом – см. Норман 2013: 11), что не противоречит существующим определениям концепта как «ростка первообраза» и «зерна первосмысла» (В.В. Колесов), «понятия, погружённого в культуру» (Ю.С. Степанов), «предпонятийной структуры», «ещё не оформившегося исходного множественного смысла» (Н.Ф. Алефиренко), «дискретной единицы коллективного сознания» (А.П. Бабушкин), «глобальной мыслительной единицы», «кванта структурированного знания» (З.Д. Попова, И.А. Стернин) и многим другим. Все

они друг друга взаимодополняют. Б.Ю. Норман справедливо отмечает, что «собственно научная ценность понятия *концепт* состоит именно в том, что оно объединяет, синтезирует в себе различные виды познавательного опыта человека» (Норман 2013: 11). В этом заложен глубокий междисциплинарный смысл когнитивной методологии.

Как нам представляется, ещё не пришло время дать исчерпывающую и универсальную дефиницию концепта в его лингвистическом понимании, поскольку имеющаяся эмпирическая база (даже в мировом масштабе) пока недостаточна для этого. Можно лишь отмечать наличие у него определённых признаков и свойств, подтверждаемых эмпирически. По мере накопления таких фактов сложится база, необходимая для построения более точной и всеобъемлющей дефиниции.

Междисциплинарный когнитивный подход приобретает особую ценность в типологическом срезе – в сопоставительных исследованиях различных языков, позволяя проследить национально-специфичные отличия в языковой категоризации действительности. Главная задача и основное достижение когнитивной лингвистики нам видится именно в синтезе существующих подходов к изучению языка и речевой деятельности на когнитивной основе, поскольку язык является основным (хотя и не единственным) средством выражения всех когнитивно обусловленных процессов (ср. Алефиренко, Корина 2011).

Язык – одновременно составная часть и инструмент познания, поэтому он так же бесконечен, как само познание. Ситуация, когда всё уже познано и больше познавать нечего – это ситуация когнитивного коллапса (здесь «когнитивный» употреблено в значении «познавательный»). Поэтому мы можем бесконечно приближаться к познанию сущности языка, но никогда не познаем его полностью. Это свойство любой открытой самоорганизующейся системы. Обслуживая все области познавательной деятельности человека, язык является естественным связующим звеном между ними.

Большинство существующих на сей день подходов к языку рассматривает его преимущественно в одном аспекте: биологическом, социальном, психологическом, мыслительном, структурном и т. д. В рамках «своего» аспекта эти теории стройны и убедительны, и каждая из них внесла свой ценный вклад в изучение языка в различных его проявлениях. Однако для приближения к пониманию сущности языка им всем недостаёт комплексности подхода. Именно эту задачу пытается взять на себя когнитивная лингвистика. Но это задача архисложная, которая не может быть решена узкими специалистами в одной области; она требует соединения методов лингвистики, логики, философии, психологии и компьютерного моделирования, соединения усилий больших исследовательских коллективов, составленных из представителей разных наук. Тем не менее трудность решения не означает его невозможности.

Одной из причин негативного восприятия когнитивной лингвистики в целом и её методологии в частности является опасение, что лингвист, вступающий в когнитивные исследования, вынужденно оказывается в позиции дилетанта, не имеющего специального психологического или социологического образования и навыков проведения экспериментальных исследований (ср. Киклевич 2010: 205–212). По нашему глубокому убеждению, лингвист и не должен брать на себя функции профессионального психолога или социолога, а должен тесно сотрудничать с представителями других областей знания и использовать их достижения в своей научной практике.

Полагаем, ни у кого не вызывает сомнений необходимость глубокого анализа конкретных языковых фактов с позиций разных научных дисциплин. Однако каждое специализированное исследование раскрывает лишь одну сторону явления, и остаётся потребность в синтезе, обобщении всех полученных результатов. Именно этим, по нашему убеждению, и должна заниматься когнитивная лингвистика, созданная именно как междисциплинарное синтетическое направление. И хотя современное состояние когнитивной методологии в лингвистике довольно хаотично, это ещё не повод для того, чтобы похоронить когнитивную лингвистику как науку. Как нам представляется, нынешний понятийно-методологический хаос – это нечто вроде детских болезней, пройти через которые необходимо для достижения стабильности, и в нём уже всё сильнее становятся тенденции к упорядочению, что позволяет надеяться на возобладание порядка в будущем. Для этого необходимо:

- а) соединить усилия представителей различных областей знания;
- б) комплексно применять синхронический, диахронический и типологический подходы;
- в) не абсолютизировать достигнутое: язык – открытая динамичная система, возможен пересмотр подходов. Но наука от этого не страдает.

Литература

- Алефиренко, Н.Ф. История лингвистических учений. – Белгород: ИД «Белый город» НИУ «БелГУ», 2013. 404 с.
- Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология: Ценностно-смысловое пространство языка. – М.: Флинта – Наука, 2010. 288 с.
- Алефиренко, Н.Ф., Корина, Н.Б. Проблемы когнитивной лингвистики. – Нитра, 2011. 216 с.
- Аскольдов (Алексеев), С.А. Концепт и слово // Русская речь. Новая серия. Вып. 2. – Ленинград: Наука, 1928. С. 28–44.
- Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж, 1996.
- Большой латинско-русский словарь (интернет-ресурс): URL <http://linguaeterna.com/vocabula/show.php?n=8912>
- Киклевич, А.К. Концепт? Концепт... Концепт! К критике современной лингвистической концептологии // Современная русистика: направления и идеи. Том 2. Концепты культуры в языке и тексте: теория и анализ / А. Киклевич, А. Камалова (ред.). – Olsztyn, 2010. С. 175–219.

Колесов, В.В. Язык и ментальность. – СПб., 2004. 240 с.

Корина, Н.Б. и колл.: Языковая картина мира и когнитивные приоритеты языка. – Нитра, 2014. 204 с.

Лихачёв, Д.С. Концептосфера русского языка // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – Т. 52, № 1, 1993. С. 147–165.

Логический анализ языка: культурные концепты / Арутюнова Н.Д. (ред.). – М.: Наука, 1991.

Мечковская, Н.Б. Когнитивная лингвистика в СНГ: разнообразие программ и методологические коллизии // Slavistische Studien Bücher. Neue Folge, Bd. 22. Die slavischen Sprachen im Licht der kognitiven Linguistik. Славянские языки в когнитивном аспекте / Т. Anstatt, В. Norman (Hrsg.). – Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 2010. P. 13–36.

Норман, Б.Ю. Когнитивный синтаксис русского языка. – М.: Флинта – Наука, 2013. 254 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 314 с.

Степанов, Ю.С. Концепты. Тонкая плёнка цивилизации. – М.: Языки славянских культур, 2007. 248 с.

Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Изд. 2-е, стереотипн. – Москва: Едиториал УРСС, 2004. 432 с.

Hľadanie spoločného jazyka v kognitívnych vedách / E. Beňušková, V. Kvasnička, J. Pospíchal, eds. – Bratislava: IRIS, 2000. 170 s.

Jazyk a kognícia / J. Rybár, V. Kvasnička, I. Farkaš, eds. – Bratislava: Kalligram, 2005. 424 s.

Rybár, J. a kol. Kognitívne paradigmy. – Bratislava: Európa, 2012. 256 s.

Španár, J., Hrabovský, J. Latinsko-slovenský a slovensko-latinský slovník. Štvrté vydanie. – Bratislava: SPN, 1987. 1224 s.

Summary. The paper speaks about the recent problems in cognitive linguistics due to its methodological diversity and highlights a contribution of prof. N. F. Alefirenko to the cognitive linguistics in Russia and abroad. Author brings a brief view on the main methodological and terminological problems in cognitive linguistics and makes an attempt to point a way to the terminological consensus. Existing differences are determined by the polysemy of the term cognition making possible different interpretations, but it helps to characterize all the aspects of cognition and increase our knowledge.

Key words: cognitive linguistics, cognition, cognitive methodology critics, concept, Russian cognitive science

О СИНЕРГЕТИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К ИЗУЧЕНИЮ МЕНТАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ОЦЕНКИ

И.А. Куприева, С.Б. Смирнова, А.И. Бойко

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

kuprieva@yandex.ru, smirnova_s@bsu.edu.ru, bojko.ant.i@gmail.com

Накопленный опыт позволяет лингвистам говорить о том, что язык отражает сопряженные с человеческой деятельностью реакции, процессы и т.д. Данное обстоятельство мотивирует многих ученых на выявление специфики выражения категорий оценки и ценности в языке (Арутюнова 1985а: 13-24, Арутюнова 1985: 3-42, Арутюнова 1988: 8-28, Арутюнова 1999: 20-46, Никитин 2003: 53-61, Ретунская 1998: 83-89, Чекулай 2013: 36-60, Герман, Пищальникова 1999: 69-77),

которые не только описывали лексемы с точки зрения их оценочных коннотаций, но и заложили основы лингвоаксиологии, которая по настоящее время все более распространена для исследований в синхронии и диахронии. Считается, что оценочные смыслы в диаде «хорошо-плохо» заложены в семантике лексем или актуализируются в определенных контекстуальных условиях. В первом случае речь идет о выборе лексемы с оценочным значением (психологическим, эмоциональным, интеллектуальным, утилитарным и т.п.) из соответствующего тезауруса (Арутюнова 1999: 320). Второй случай в лингвистике описывается как функциональный и специально не рассматривается с учетом механизмов приращения оценочных смыслов на концептуальном уровне и специфики их вербализации. Для реализации такой задачи осуществлялось изучение параметров и способов функционирования синергетических систем.

Учитывая то обстоятельство, что «ценность» и «оценка» являются взаимосвязанными и взаимообусловленными сущностями (Ивин 1970: 118) с учетом их динамики и податливости к изменениям, их следует рассматривать с точки зрения синергетики как науки о саморазвивающихся системах. Для реализации такой задачи целесообразно адаптировать синергетический инструментарий (специализирующийся на установлении тождеств явлений различной природы (Берталанфи 1969: 30-54, Котельников 2000)) к аксиологическому учению. Учет тождеств подобного рода позволят говорить об автономности ментальной структуры оценки и прозрачности ее границ для установления взаимодействия с другими ментальными структурами знаний.

Отметим, что на первом этапе исследований было установлено, что ментальная структура оценки является целым комплексом взаимосвязанных элементов, наделенным такими свойствами как самоорганизация (способность системы к саморазвитию и саморегулированию при учете поступающей извне информации (Пригожин, Стенгерс 1986: 288-312)), открытость (способность обмена информацией, энергией либо веществом с внешней средой (Берталанфи 1969: 48-51)), нелинейность (тенденция к метаморфозам при влиянии факторов, находящихся в сложных взаимодействиях (Попова, Стернин 1999: 23)), флуктуации (колебание или случайное от равновесного состояние системы (Крылов, Курдюмов, Малинецкий 1990: 17-19)), диссипативность, (отражение изменения некоторых величин системы или свойство «забывать» характер внешних воздействий (Арутюнова 1990: 136-137)).

Такие свойства обеспечивают эволюцию синергетических систем и их способность к взаимосвязи элементов с внешним миром посредством обмена информацией и оставаться относительно стабильной за счет внутрисистемных параметров порядка – аттракторов. Рассогласование порядка и нарушение относительно

равновесной фазы происходит в такой системе каждый раз, когда осуществляется приток новой информации извне и в результате «конкурентной борьбы» элементов наступает состояние хаоса, система начинает флуктуации, которые приводят ее к пиковому состоянию – точке бифуркации. В этом случае направление движения системы после перелома осуществляется без участия субъективного фактора. Однако независимо от направления движения, система обретает новые свойства и приращивает новые качества, завершая очередной виток эволюционного развития. Относительно равновесное состояние системы возобновляется, а дальнейшее развитие системы осуществляется по идентичному заданному алгоритму.

Итак, подытоживая рассмотрение экстралингвистических параметров оценки и ценности, выявления специфики синергетического инструментария, отметим следующие релевантные для настоящего исследования особенности:

- оценка – это результат квалифицирующего действия сознания, которая способствует познанию окружающего мира и формированию отношения к той или иной реалии посредством сравнения с неким ментальным эталоном – системой ценностей;

- система ценностей передается из поколения в поколения, а оценка транслируется с опытом лингвокультурного сообщества благодаря лексемам, передающим соответствующие ценностные ментальные структуры;

- ценность представляется нам как некий стабильный каркас оценочной категоризации, а оценка – сформированное на основе эталоне представление о том, или ином явлении;

- оценка как феномен когнитивного порядка, базирующийся на системе ценностей, является относительно автономной ментальной структурой, регулярно вступающей в процессы наложения и пересечения с другими ментальными структурами.

С нашей точки зрения, наиболее релевантной ментальной структурой оценки, способствующей оценочной категоризации, является концепт. Общая трактовка выбранного понятия описывает его как глобальную мыслительную единицу, «квант структурированного знания». Такое общее понимание ментальной структуры оценки позволяет ему быть скорректированным соответственно специфике оценочной категоризации, иметь инвариантное строение в виде обязательных признаков, способствующее ее идентификации и дифференциации, и привлекать дополнительную, неассоциированную с ядром, информацию на периферии, запуская тем самым эволюционные процессы. Вся инвариантная прототипическая информация хранится в ядре концепта и способствует его узнаванию. На периферии содержится великое множество вариативных знаний.

Концепт включает бесчисленное количество средств объективации, которые ассоциированы с ним семантически благодаря

способности на системном и/или функциональном уровне объективировать облигаторные концептуальные признаки. Такие средства объективации с определенным оценочным зарядом системного значения являются ядерными. Периферийная зона вербализаторов объективирует концепт исключительно на функциональном уровне и открыта к пополнению состава.

Если осуществить дефиниционный и концептуальный анализ слов *assessment* и *оценка*, учесть экстралингвистические факты, можно предварительно говорить о таких инвариантных концептуальных составляющих ментальной структуры как «модус», «объект», «отношение», «субъективность/объективность» («Мнение о ценности, уровне или значении кого-, чего-нибудь»). Среди факультативных признаков благодаря анализу языковых фактов можно назвать «параметры», «интенсивность», «гендер» и т.д. Список последних, как говорилось ранее, не является и не может быть исчерпывающим на основании открытости и прозрачности границ концепта как ментальной структуры динамического характера. Кроме того, на основании первичного анализа конститuentов ментальной структуры было установлено, что свойства, обозначенные как «модус», «объект», «отношение» и «субъективность/объективность» являются непосредственно взаимодействующими. При этом отмеченная дефиниция эксплицирует тот факт, что оценка есть вербализация отражения сознанием индивида того или иного объекта или явления: очевидно, что под категорию оценки попадают объекты и явления, не представляющие собой лакуны. В таком случае мы опираемся на мнение лингвистов о том, что оценка выступает в качестве осмысления познавательного опыта отдельно взятого социума, который [опыт] является источником объективной информации, то есть предпосылкой для формирования оценки как таковой. При всей относительной объективной подоплеке категории ценности, процесс оценивания, как мы полагаем, имеет субъективное отражение, сопровождаемое эмоциональным восприятием объекта. Таким образом, очевидным является тот факт, что в качестве объективно-субъективной категории оценка ассоциирована с прагматикой, что позволяет рассматривать ее репрезентацию на разных уровнях языковой системы, особенно при выражении положительного/отрицательного мнения при определении прагматической значимости объекта для удовлетворения тех или иных потребностей конкретного субъекта в осуществляемой им деятельности. Эти процессы (познания или извлечения существующей объективной информации, сбора субъективных данных или их реализации) непосредственно проявляются в порождении вербализованной формы оценки – суждения-модуса. Несомненно, то, что сформированное субъективное отношение коммуниканта проявляется в высказываемых им оценочных суждениях, которые строятся в соответствии с законами формальной логики и

представляют собой суждения. Рассмотренные признаки позволяют с уверенностью построить следующий алгоритм формирования оценки, минимальные условия существования оценки: она возможна, если имеется объект оценки (первоначальный импульс), субъект оценки и основание оценочного маркера, представляющие собой позицию субъекта при одобрении или порицании объекта оценки.

Весьма специфичными при ближайшем рассмотрении оценки видятся и ее факультативные признаки, которые коррелируют с ядерными, дополняя и уточняя их содержание. Например, концептуальный признак «параметры оценки» ассоциированы с основой ее формирования. То, какие именно из объективных знаний об объекте подвергаются оцениванию, в некоторой степени определяют варианты возможного результата процесса формирования субъективного отношения. При этом определение параметров оценки не является обязательной частью этого алгоритма, если, например, оценивание носит неосознанный характер. В качестве одного из разновидностей фактора субъективности является гендерный признак, который определяет специфику оценки объекта мужчинами и женщинами. Говоря о признаке интенсивности, можно отметить его противоречивый характер, поскольку он по большей части ассоциирован с признаком параметральности (в данном случае речь идет о том, что для определенных параметров оценка не может варьироваться бесконечно). Такой признак относительно социально обусловлен и меняет свой характер в корреляции с разной средой и экстралингвистическими факторами. Если принимать во внимание тот факт, что оценка, по мнению многих ученых, имеет три вида интенсивности (слабая, средняя и интенсивная; положительная, нейтральная, отрицательная), можно говорить о том, что слабая оценка сопряжена с нейтральной вербализацией, интенсивная – с положительной/отрицательной, при этом она тяготеет к более «агрессивной» вербализации скорее негативных оценочных модулей. Таким образом, ментальная структура имеет инвариантные составляющие и благодаря им становится узнаваемой и вариативными, что позволяет ей профилировать ту или иную грань процесса. Выявление и подробное описание структуры оценки на втором этапе реализации НИР позволит верифицировать и саму структуру и ее репрезентанты, указать на потенциальную траекторию синергетических изменений в условиях контекста, преимущественно, в дискурсе.

Итак, предположительно, ментальная структура оценки соотносится с синергетической системой, она открыта и нелинейна. Ее постоянное взаимодействие с внешней средой обеспечивает постоянный приток ресурсов, которые стремятся к идентификации, нарушая параметры порядка. Последний устанавливается благодаря затрате системой внешних и собственных ресурсов, что провоцирует виток эволюции. Эта эволюция происходит на концептуальном

уровне, а если представить, что концептуальный уровень объективируется лексемами, можно говорить об идентичной картине в лексико-семантической системе вербализаторов концепта. В таком случае можно выявить принципы организации последней благодаря наблюдению за естественным состоянием системы. Изменение параметров порядка в таком случае наиболее объективно получается на контекстуальном уровне, то есть в дискурсе.

Иными словами, в изоляции, не инвертированная в процессе коммуникации система концепта и его вербализаторов в сознании человека находится в состоянии относительного равновесия и покоя. Как только процесс коммуникации требует от человека, например, употребления лексемы в нетипичном для нее оценочном значении, происходит подстраивание структуры под интенции коммуниканта в рамках допустимых системой переструктураций. Последние значения являются результатом интрасистемных (происходящих внутри концепта) модификационных процессов. Они зачастую фиксируются словарными источниками и вследствие торможения субъектом уже не воспринимаются как новообразования. Первые значения есть итог экстрасистемных модификаций, когда целая система вербализаторов концепта взаимодействует с другими концептуальными системами. Результатом таких процессов являются идиоматические выражения, коннотативные оттенки значения лексики.

Иными словами, это значит, что лексема, будучи вербализатором ментальной структуры, наделена способностью профилировать ту или иную грань процесса благодаря приращению коннотативного, экспрессивного, оценочного смыслов к своему собственному, что объективно можно, как нам представляется, описывать на материале дискурса.

Для настоящего исследования в качестве дискурса было принято определение общего вида: «речь, «погруженная в жизнь» (Словари 2000-2014). Нами также принимается в расчет то обстоятельство, что дискурс представляет собой комплекс, ассоциированный с планом языка. Он является инвариантно-тематическим информационным объединением, вмещающим объемный массив информации, который ассоциирован с актуальными проблемами человечества в глобальном масштабе. В нем передаются смыслы посредством развертывания ментальных структур, запускается процесс их эволюции при достижении коммуникантами своей цели. Это обстоятельство позволяет рассматривать искомую ментальную структуру с учетом дискурсивных факторов, и, учитывая то обстоятельство, что построению и функционированию ассоциирована с синергетической, изучать особенности ее эволюционирования на концептуальном уровне и просматривать изменение значения ее вербализаторов наиболее объективно.

Литература

Арутюнова, Н.Д. Об объекте общей оценки / Арутюнова Н.Д. // Вопросы языкознания. – 1985а. № 3. С. 13-24.

Аругюнова, Н.Д. Истоки, проблемы и категории прагматики / Аругюнова Н.Д., Падучева Е.В. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. С. 3-42.

Аругюнова, Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н.Д.Аругюнова. – М.: Наука, 1988. 341 с.

Аругюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д.Аругюнова.– М.: «Языки русской культуры», 1999. I-XV, 896 с.

Аругюнова, Н.Д. Дискурс Н.Д. Аругюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136-137

Берталанфи, Л. фон. Общая теория систем – обзор проблем и результатов / Л. фон. Берталанфи // Системные исследования : ежегодник / Акад. наук СССР, Ин-т истории естествознания и техники. – Москва, 1969. С. 30-54.

Герман, А.И., Пищальникова, В.А. Введение в лингвосинергетику : монография / А.И. Герман, В.А. Пищальникова; Алт. гос. ун-т. – Барнаул : Алт. гос. ун-т, 1999. 127 с.

Гиздатов, Г.Г. Когнитивная парадигма изучения языка // Семантика языковых единиц. Доклады VI Международной конференции. Т. 1. – М., 1998.

Ивин, А.А. Основания логики оценок / А.А. Ивин. – М.: Изд-во МГУ, 1970. 229 с.

Котельников, Г.А. Теоретическая и прикладная синергетика (Эл. ресурс) / Г.А. Котельников. – Белгород : БелГТАСМ : Крестьян. дело, 2000. – URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/kotelki.htm>.

Крылов, В.Ю., Курдюмов, С.П., Малинецкий, Г.Г. Психология и синергетика / В.Ю. Крылов, С.П. Курдюмов, Г.Г. Малинецкий. – Препр. – Москва : ИПМ, 1990. 32 с.

Национальный корпус русского языка / Портал Национальный корпус русского языка. – © 2003–2012. – URL: <http://www.ruscorgpora.ru/>

Никитин, М.В. Курс лингвистической семантики / М.В.Никитин. – СПб, 1996. 760 с.

Никитин, М.В. Основания когнитивной семантики / М.В.Никитин. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2003. 277 с.

Попова, З.Д., Стернин, И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1999. – 30 с.

Пригожин, И., Стенгерс И. Порядок из хаоса : новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс; пер. с англ. Ю. А. Данилова ; общ. ред. В. И. Аршинова [и др.]. – Москва : Прогресс, 1986. 431 с.

Ретунская, М.С. Английская аксиологическая лексика: Дисс. ... д-ра филол. наук / Ретунская Маргарита Серафимовна – Н.Новгород, 1998. 440 с.

Чекулай, И.В. Принцип оценочной актуализации в современном английском языке : монография / И. В. Чекулай, О. Н. Прохорова, И. А. Куприева, Ж. Багана. – Москва : ИНФРА – М, 2013. 160 с.

Summary. The article “The Synegetic Approach To The Study Of Mental Structure of Assessment” deals with the innovative approach to the study of mental study of assessment, that combines traditional axiological methods and principles of studying synergetic systems. It deals with the concentrating on the studying the mental structures of Assessment and Value. These structures functioning as mutually permeating and highly developed mental constituents are quite flexible to be studied as self developing systems with the help of synergetic methods.

Key words: linguoaxiology, synergism, assessment, mental structure.

АКТИВИЗАЦИЯ ГЛАГОЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ОСОБЕННОСТЬ ЯЗЫКОВОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В НАШИ ДНИ¹

Е. М. Маркова

Словакия, Трнава, Университет Св. Кирилла и Мефодия
Москва, Россия, Московский государственный областной университет
Elena-m-m@mail.ru

Н. Ф. Алефиренко, крупнейший исследователь когнитивной природы слова, известный своими работами по фразеологии, культурологии, теории дискурса, обосновал и всесторонне описал когнитивно-семиологическую теорию «живого» слова в рамках взаимодействия языка, познания и культуры. По мнению учёного, задачей когнитивной лингвистики является изучение «живого» слова «как средства организации, обработки, хранения и передачи информации. Когнитивно-семиологическая теория слова не просто принимает участие в решении значительной части этих задач, но и специфически их решает... Задача этой теории – показать пути и средства преобразования знаний о среде (этнокультурном пространстве) в смысловые элементы языковой семантики». В свете этой теории изучаются механизмы вербализации «знаний, представлений, мнений об объективной действительности, выработанных человечеством в рамках той или иной этнокультуры» (Алефиренко 2009: 62).

Для русского типа языковой концептуализации действительности характерно использование отглагольной лексемы, «которая как бы охватывает всю ситуацию в целом или весь комплекс психических состояний лица, что отражает отмеченную во многих источниках ориентацию русской языковой картины мира на динамическое осмысление мира, на «повышенную глагольность» (Радбиль 2014: 10). Позволим себе, однако, не согласиться в том моменте, что «повышенная глагольность» свойственна исключительно русскому языку: повышенная глагольная вербализация свойственна славянскому языковому сознанию в целом, однако в русском языке она представлена в наибольшей степени.

Языковую ситуацию в современных славянских языках характеризует активное словотворчество, характеризующееся экспрессивностью и ярко выраженной субъективностью. «Возникновение авторских номинаций является своеобразным результатом когнитивно-дискурсивного освоения и интерпретации действительности» (Самыличева 2011: 4).

В русле расширения словопроизводства путем универбации, сопряженного с экспрессивизацией и аксиологизацией значения, нахо-

¹ Выполнена в рамках гранта VEGA 1/0424/13 Hlavné vývinové tendencie v lexike súčasných spisovných slovanských jazykov (na materiáli ruského a slovenského jazyka)

дится рост образования семантически компактных отыменных глаголов, образованных на базе словосочетаний. К подобным семантически емким в русском языке пресловутый *сникерснуть* из сочетания *съесть Сникерс*, *ишачить* «много и напряженно работать» от *работать как ишак*, *моржевать* «плавать зимой в реке» (от *плавать как морж*), *пингвинить* «ловить рыбу зимой» (от *сидеть как пингвин*, где *пингвин* имеет специальное значение «любитель зимней рыбалки» в речи рыболовов-любителей), *диджеить* (от *работать диджеем*), *курушевелить* от *проводить время в Куршевелле* – престижном месте отдыха богатых людей, особенно из России, *крышевать* «защищать, покровительствовать» от *создавать крышу* «защищать», *СМСить* от *посылать СМС*, *спамить* – от *рассылать спам*, *контачить* – от *находиться в контакте*, *пиарить* – от *создавать пиар*, *лохонуться* «совершить промах, ошибку» – от *поступить как лох*, рус. *комплексовать* – от *иметь комплексы*, *мейлить* – от *обмениваться мейлами*, *чатиться* – от *обмениваться сообщениями в чате*. Много примеров образования глаголов от англоязычных источников дает исследование некодифицированной речи. Так, в молодежном жаргоне отмечаются образования (комп.) *дефейсить* ‘сменить внешний вид’ от англ. *deface*, *лукать* ‘смотреть’ от англ. *to look*, *токать* ‘разговаривать’ от англ. *to talk*. Некоторые недавние примеры в чешском и словацком языках: чеш. *mailovat* «писать, переписываться по интернету» от *mail*, чеш. *mejdanovat* «тусоваться» от *mejdan* «тусовка, обычно в квартире одного из его участников», словц., разг. *žurovať* «тусоваться» от *žur* «тусовка», словц. *dovolenkovať* ‘быть в отпуске’ от *dovolenka* ‘отпуск’, словц. *prazdninovať* ‘быть на каникулах’ от *prazdniny* ‘каникулы’, чеш., словц. *zaškatulovať* ‘разложить все по полочкам’ (от *škatule* ‘шкатулка, коробка’), словц. *premierovať* ‘провести премьеру спектакля, фильма’, словц. *oprašit’* ‘выбить пыль из какой-л. вещи’ (от *prach* ‘пыль’), словц., разг. *vidličkovať* ‘взбивать вилкой’ от *vidlička* ‘вилка’, словц. разг. *hraniť sa* (из *pošuchať sa o hrani* ‘тереться спиной о грань двери, чесать спину такти образом’) и т. п. Активно образуются на русской почве глаголы от существительных с продуктивным заимствованным суффиксом **-инг**, что является свидетельством его дальнейшего освоения русским языком («до недавнего времени от «ингового» существительного был только один глагол в русском языке – *митинговать*» (Маринова 2014: 99)): *шопинговать* ‘совершать шопинг’, *прессинговать* ‘осуществлять прессинг’, *демпинговать* ‘резко снижать цены’, подвергать *прессингу*, *рейтинговать* ‘выводить рейтинг’, *дриблинговать* (от *дриблинг*) ‘искусно вести мяч или шайбу’, *кастинговать* ‘проводить кастинг’, *киднеппинговать* ‘заниматься киднеппингом’, *пирсинговать* ‘подвергаться пирсингу (прокалыванию)’, *тюнинговать* (от *тюнинг*) ‘видоизменять, украшать внешний вид машины, а также (перен.) внешность человека’. Задействуются в образовании отыменных глаголов суффиксы **-ирова**, **-ова**, **-и**: *брендировать* (подавать

как *бренд*), *продюсировать* (выступать *продюсером*), *офшорить* (предоставлять территориальной зоне право быть *офшорной*), *мониторить* (осуществлять *мониторинг*, контроль, проверку).

Отличительной чертой любой разновидности универбации, в том числе и глагольной, является наряду с компрессией формы конденсация семантики, сосредоточение семантики в более компактной, стяженной форме, в которой имплицитно может быть выражена семантика целого словосочетания.

Многим из глагольных дериватов подобного типа свойственна яркая экспрессивность, например, *майданить* (от *проводить время на майдане*, существительное *майдан* семантически расширилось от значения 'площадь', до метонимически связанных 'оппозиционный лагерь', 'переворот'), т. е. 'митинговать, выступать против власти, быть в оппозиционном лагере', откуда образован вторичный экспрессивный глагол со значением однократности действия, характеризующегося устойчивыми последствиями: *майдануться* в значении 'сойти с ума на почве митинговых настроений', откуда образовано краткое причастие *майданутые* (из выступления В. Жириновского); *пиратировать* (от *поступать как пират*, т. е. присваивать, распространять незаконно, чаще всего музыкальную продукцию).

Часто глаголы образуются от имен собственных, фамилий известных людей той или иной страны и транслируют не только этнокультурную специфику, но и отношение личностям со стороны носителей данной культуры или другой культуры, если речь идет об известном политическом деятеле. Это относится напр., к образованиям *пособчатиться, насобчатиться* (от фамилии Собчак, которую носит известная телеведущая, известная своим скандальным характером и вседозволенностью), *путинизировать, обамануть* и под.

В области русского глагольного словообразования выделяются прямо противоположные тенденции: с одной стороны, экспансия **пассивно-возвратных** образований (*было пошучено, было поступлено, прыгалось, бегалось, упалось* и под.), подтверждающих тяготение к представлению активного действия субъекта как его пассивного состояния, с другой – усиление **транзитивности (переходности)** русского глагола: непереходные глаголы в наше время начинают приобретать переходность, что свидетельствует об усилении субъективного начала, напр., в речи активно используются эмоциональные глаголы *грустить, улыбнуть* как переходные, напр.: *Это меня грустит* (из речи коллеги-лингвиста); *Мы тебя, Пашка, улыбнем!* (фраза О. П. Табакова по отношению к сыну в передаче, посвященной юбилею актера); примеры из живой речи: *Какие-то обстоятельства замешкали его; Улыбайте ваши лица! Решил вас улыбнуть. Прошу не смеять меня!*

В настоящее время отмечается активность в образовании как **имперфектных** форм глаголов, так и **перфектных**. В аспекте тен-

денции к имперфективации частотны глаголы со значением процессуальности и полноты охвата действия: *обинтернетить* – *обинтернетивать* (откуда *обинтернетивание*); *огражданить* – *огражданивать* (откуда процессуальное существительное *огражданивание*) и под.

С другой стороны, активно образуются и перфективные формы. Как известно, русским глаголам присуща высокая степень приставочных образований, следствием чего является перфективация исходного глагола, причем большинство приставок относятся к акциональным, меняющим значение глагола в соответствии с тем или иным способом глагольного действия, а потому сужающими значение основного приставочного глагола. «Разветвленность системы способов глагольного действия обусловлена высокой степенью детализации в русском языке различных оттенков характера протекания действия» (Ремчукова 2010: 146). Значение результативности перфективных новообразований сопряжено с другими акциональными значениями: финитивности, интенсивности, кумулятивности, дистрибутивности, многоактности, однократности. Но чаще всего в современном глагольном словотворчестве наблюдается совмещение различных аспектуальных значений, осложненное дополнительными оценочными значениями осуждения, несогласия, иронии, насмешки, сочувствия и др.

В русле тенденции к усилению «совершенности» появляются многочисленные окказионализмы с двойными и даже тройными формантами: двумя или тремя префиксами, префиксом и постфиксом –ся, обозначающими дистрибутивную и одновременно интенсивную результативность. По аналогии со знаменитым солецизмом (широко употребительной грамматической неправильностью) *понаехали*, выражающим дистрибутивно-кумулятивный способ глагольного действия, был образован глагол *понаоставались*. Значение отрицательной результативности, сопровождаемое оценкой осуждения, свойственно глаголам с префиксам *до-* и постфиксом *-ся*, широко распространенным в современной речи: *доработаться*, *дописаться*, *дозаниматься*, *дочитатьсь*, *доотмечаться*, *доотмечтаться*, *допитьсь*, *допомогаться* ('Помочь ему, видите ли, хочет. *Допомогался!*' А. Маринина. Чувство льда) и т.п.

Со значением интенсивности и полноты действия, имеющего отрицательный результат, можно отметить новые префиксальные глаголы *зациклиться*, *обкуриться* (откуда *обкуренные*), *огламурить* (откуда причастие *огламуренные*), *окадастрить*, *оцивилизовать*, *оцифриться*, *изнаркоманиться*; с начинательным значением, иногда с дополнительным значением интенсивности: *задрузжиться* и т. п.

Активны и перфективные окказионализмы со значением изменения действия: *очеховить* (т. е. изменить в духе Чехова), *перечиповать* ('изменить чип'), *перекредитоваться* и др. Нельзя не обратить внимания на такую характерную черту современной разговорной речи, как конкуренция префиксов в рамках префиксации (Валгина 2001,

Ремчукова 2010). «В результате этой конкуренции побеждают варианты наиболее удобные и целесообразные для конкретных условий общения» (Валгина 2001: 27), а по мнению А. Вежбицкой, игра с вариантами подтверждает «высокую эмоциональную температуру» русской речи. «Варьирование аспектуальных префиксов, осуществляемое в определенном направлении, является индикатором настроений речевого коллектива, а эти настроения отражают более глубокую, собственно языковую, сущность – способность префиксов-«конкурентов» к более отчетливому и экспрессивному выражению результативности» (Ремчукова 2010: 169). При этом тенденцией является тяготение к префиксам с более яркой результативной окраской, которой обладают, по мнению Е. Н. Ремчуковой, например, префикс **про-**: *простроить* (*выстроить*) (отношения), *прослушать* (курс лекций), *прописано* (в пьесах, в литературе), префикс **от-**: *отксерить* (материал), *отзвонить* (вечером), *отследить* (отклики), *откомментировать* (материал), *отсмотреть* (фрагмент), *отрепетировать*, *отрекламировать*, *отпиарить*, *отсудить*, *отпеть*, *отлюбить* – с интенсивным и финитивным значением. Активно проявляют себя и глагольные образования с одноактно-интенсивным значением, выражаемым суффиксом **ну-**, типа *крутануть* (руль), *критикнуть*, *шугануть*, *взбрыкнуть*, *ругнуть*, *пугнуть*, *агитнуть*, *игрануть*, *пульнуть*, *спекулировать*, *вздремнуть*,

Глагольные новообразования, как и другие неологические явления, зачастую связаны с какими-л. злободневными, насущными, широко обсуждаемыми явлениями, событиями, которые у всех «на языке» и которые становятся основой и для словотворчества. Например, неожиданное для всех возвращение Крыма России в результате быстро проведенного референдума породило глагол *скрымздить*, смоделированный по известному общенному слову и потому семантически и коннотативно емкий. Финансовый кризис в год крысы по китайскому гороскопу дал возможность родиться глаголу *скрыситься* также со значением быстроты, даже мгновенности, результата действия (Самыличева 2011). В связи с недовольством системой ЕГЭ в оценке знаний школьников появилось много глагольных окказионализмов, в которых обыгрывается это слово в разного рода отрицательных, разоблачительных контекстах: *ЕГЭкнуться*, *обЕГЭрять* (языковая игра с *объегорить* ‘обмануть, обвести вокруг пальца’).

Активно образуются от глаголов такого рода, а также прилагательных абстрактные существительные акционального значения с формантом **-(из)ация**, обозначающие злободневные явления в нашей общественной жизни и отличающиеся яркой оценочной характеристикой: *долларизация*, *менеджеризация*, *путинизация* и *депутинизация*, *тандемизация*, *вертикализация* и пр.

Актуальны для современной языковой ситуации и отглагольные дериваты на **-алово / -илово** : *разводилово* ‘ситуация, когда кого-то

ставят в положение плательщика, от разг. *разводить на деньги*, *догонялово* (объединяющее три омонима: 1) 'аварийное столкновение двух машин на дороге, следовавших одна за другой'; 2) 'поездка на разных транспортных средствах с целью догнать поезд, от которого отстал говорящий'; 3) (неформ.) 'употребление добавочной дозы спиртных напитков для достижения нужного говорящему состояния', напр., *народное догонялово*); *поилово* (...*поилово* типа кофе из машины); *нажиралово* (в котором контаминируются два значения глагола (прост., груб.) *нажираться*: 1) обильно есть; 2) обильно пить спиртное (Радбиль 2014: 10-11), (ср. с слвц. *ožrat'sa* 'напиться (алкоголя)', *ožralý* 'пьяный').

Многие словообразовательные неологизмы, образованные по указанным ниже моделям, «отражают исторические болезни нашего общества» (Рацибурская 2010: 47). Среди наиболее востребованных в словотворчестве абстрактных, процессуальных, суффиксов с ярко выраженной пейоративной коннотацией, в компактной форме высмеивающих отрицательные стороны нашей жизни, можно выделить заимствованный суффикс **-инг**, о частотности которого уже говорилось выше. «Инговое цунами» заимствований, вызванное англоамериканизацией современных российских СМИ и русско-английским билингвизмом, развивающимся в молодежной среде русофонов, привело к полному усвоению суффикса английского герундия *-ing* и превращению его в терминоэлемент с процессуальным значением, который регулярно присоединяется к основам русских существительных, что ведет к появлению многочисленных иронических и каламбурных неологизмов – *nomina actionis*» (Коряковцева 2013: 14): в словотворчестве российских журналистов можно встретить такие окказионализмы, как *автобусинг*, *автомобилинг*, *болванинг*, *зацепинг* и др. Примечательно, что данный суффикс стал употребляться не только в составе заимствованных слов типа *тренинг*, *мониторинг*, *рейтинг*, *маркетинг*, *прессинг* и т. п., но и участвовать в образовании номинантов от русских корней, придавая им ярко выраженный экспрессивный характер: *магазининг*, *матросинг*, *бросинг* – трансформа устойчивого выражения *поматросить и бросить* – о несерьезности ухаживания мужчин, *бухалинг*, *похмелинг* ('Керлинг – это не наше. Жаль, в Ванкувере не было медалей по бухалингу и похмелингу' (Самыличева 2011)); суффиксы социально-оценочного характера: **-иоз**: *опохмелиоз*; **-щин(а)**: *телевизионщина*; последний суффикс нередко присоединяется к основам, представляющим собой имена собственные, называющие известных, значимых в обществе людей: *горбачевщина*, *чубайсовщина*, *зурабовщина*, *петросянщина*, *малаховщина*, *шариковщина* и т. п.; **-(из)ащи(я)**, суффикс процессуального значения, прибавляемый к именным основам: *аферизация*, *макдоналдизация*, *бандеризация*; **-изм**: *ельцинизм*, *горбачевизм*, *медведизм*; суффикс **-лк (-ловк)** для образования отглагольных существительных с абстрактным значением хотения, терпения, обещания и т. п., употребляющихся в

«овеществленном» значении с отрицательной коннотацией часто во множественном числе: *обещалки, хотелки, отдышаловки, терпелка* ('Терпела, терпела столько лет – и терпелка кончилась', А. Маринина. Чувство льда).

Отмеченная А. Вежбицкой в качестве специфической для русской языковой картины мира такая черта, как установка на эмоциональное и нравственно или оценочно окрашенное отношение к миру и к людям (Вежбицкая 1996: 34), на современном этапе развития языка находит все большее и большее подтверждение. Бурные процессы в области словообразования объясняются, главным образом, внеязыковыми причинами: «рост эмоциональной напряженности в жизни общества активизирует процессы образования эмоционально-экспрессивных типов словообразовательных моделей» (Валгина 2001: 131). Язык и его возможности отражают общеотрицательные эмоции, господствующие в современном обществе и скептицизм в отношении к тому, что происходит в экономике, политике, общественной жизни, жизни чиновников, политиков, бизнесменов, поп- и телезвезд, для передачи которых активизируется огромный пласт новых обозначений, в том числе глагольных.

Литература

Алефиренко, Н. Ф. «Живое» слово. Проблемы функциональной лексикологии. М.: Наука-Флинта. 2009. 342 с.

Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке. – Москва: Логос, 2001. – 303 с.

Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ.; отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз. – Москва, 1996. 441 с.

Коряковцева, Е. И. Словообразовательные ресурсы новых функциональных стилей славянских языков // *Słowotwórstwo a nowe style funkcjonalne języków słowiańskich*. Word-formation and the newfunctional styles of Slavic languages. International Congress of Slavists. Siedlce, 2013. С. 9-38.

Маринова, Е. В. Освоение новых заимствований и сопутствующие процессы в русском языке начала XXI века // *Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст*. – Н. Новгород, 2014. С. 65-149.

Радбиль, Т. Б. Русский язык начала XXI в. в свете проблемы языковой концептуализации мира // *Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст*. Коллективная монография. – Н. Новгород, 2014. С. 8-65.

Рацибурская, Л. В. Особенности языка современных СМИ: средств речевой агрессии. – Н. Новгород, 2010. 79 с.

Ремчукова, Е. Н. Креативный потенциал русской грамматики. – Москва: URSS. 2010. 220 с.

Самыличева, Н. А. Оказиональные слова как средство экспрессивизации текста. Дисс. ... канд. филол. наук. – Н. Новгород, 2011. 196 с.

Summary. The given article touches upon the main tendencies of verbal word-formation in modern Russian language in the aspect of cognitive-semiological theory of the “living” word; it analyzes the some mechanisms of verbal description of the cognitive activities of modern man. The paper pays a special attention to the processes associated with verbal objectifying of reality: univertation, expressivization, axiologization, the role of the English languages in these processes is stated as well.

Key words: verbal derivation, conceptualization, tendencies of language development.

НАУЧНЫЙ КОНЦЕПТ В ТЕКСТООБРАЗОВАНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РАБОТ В. И. ВЕРНАДСКОГО)

С.В. Ракитина

Россия, г. Волгоград, Волгоградский государственный
социально-педагогический университет
s.rakitina@mail.ru

Значение традиционного лингвистического термина «текст» применительно к научному тексту в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы переосмысливается и рассматривается нами как особый продукт дискурсивной деятельности учёного, связанный с процессами выявления источников и стимулов этой деятельности, с закономерностями формирования знания, обоснованием, авторской интерпретацией познанного с позиций системы уже приобретённых знаний, реализацией научной концепции. Такой научный текст представляет собой код, хранящий «следы» дискурсивной деятельности адресанта, по которым можно проследить рождение, осмысление и предъявление в данном тексте новой научно ценностной информации.

Дискурсивная деятельность учёного концентрируется «вокруг некоторого опорного концепта» (Алефиренко 2011: 30). Именно концепт, по нашему мнению, представляя образ нового знания, стимулирует дискурсивную деятельность учёного, инициирует и мотивирует процесс познания, рождение новых смыслов в его научном поиске, активизирует смыслы-хранители «своих» и «чужих» старых знаний, определяет ценность нового знания, репрезентированного впоследствии в научных текстах, т.е. служит средством текстообразования.

Такому пониманию способности концепта организовывать текст созвучна точка зрения В.В. Красных, которая отмечает: «Под концептом понимается глубинный смысл, изначально максимально и абсолютно свёрнутая смысловая структура текста, являющаяся воплощением мотива, интенций автора, приведших к порождению текста. Являясь своеобразной «точкой взрыва», вызывающей текст к жизни, концепт служит, с одной стороны, отправным моментом при порождении текста, а с другой стороны – конечной целью при его восприятии» (Красных 1998: 202). Содержание научного концепта, с позиций проведённого нами исследования, составляет как квант смысла нового знания, так и субстрат сущностей научной концепции, теории. Отсюда различаем две разновидности концепта: исходный научный концепт, побуждающий к созданию новой концепции, теории, выступающий стимулом рождения нового текста, и завершающий научный концепт, базирующийся на свёрнутых концепциях, теориях, являющийся продуктом осмысления актуализированных концептом знаний, реализованных в тексте (Ракитина 2007: 27).

Основной концепт научного произведения проецируется уже в его заглавии, которое выступает именованим синергетической доминанты в концептуальном пространстве текста, обобщением авторских

концептов, отражает семантическую многомерность текста, конденсирует его смысл, направляет восприятие адресата, организует его познавательную деятельность, является особым элементом, содержащим ключ к пониманию, ориентиром для дальнейших рассуждений (Ракитина, Ефремова 2014: 48–49). Среди концептов, представленных в названиях исследуемых нами научных произведений В.И. Вернадского, отличающегося индивидуальной манерой изложения научных знаний, способностью отражать специфическое видение научной картины мира, можно назвать концепты «Жизнь», «Биосфера», «Живое вещество», «Автотрофность», «Ноосфера» и др.

На материале научных трудов этого выдающегося естествоиспытателя установлено, что научный концепт, выступая мыслительным образованием, предопределяет интенционально содержание нового научного текста, служит источником его смыслопорождения. Например, проведённый нами анализ концепта «Биосфера» показал, как постепенно в процессе познавательной деятельности, проецируя образ недостающего звена научного знания в научной картине мира, названный концепт в миропонимании В.И. Вернадского «ветвится», обростаёт новыми индивидуальными признаками, составляющими ядро нового знания, предопределяющее содержание рождающихся научных текстов (научных монографий и статей), среди которых «Биосфера», «Живое вещество», «Химическое строение биосферы Земли и её окружения», «Начало и вечность жизни», «О пределах биосферы», «О количественном учёте химического атомного состава биосферы» и др. (Ракитина 2012: 151–168).

Дискурсивные смыслы нового знания эксплицируются в тексте отобранными автором знаками, а сам текст становится оптимальным пространством упорядоченной совокупности этих смыслов, знаком, являющим их как целостную сложившуюся систему (Ракитина 2007: 25). Отсюда можно говорить о том, что в конкретном научном тексте устанавливается определённая последовательность предъявления концептов, соответствующая его смысловому содержанию с учётом признаков, отражающих специфическое видение мира представителями данной области знания. Так, систему концептов монографии В.И. Вернадского «Химическое строение биосферы Земли и её окружения» (Вернадский, 1965) составляют концепты «Космос», «Земля», «Планета», «Материя», «Вечность», «Время», «Пространство», «Человек», «Учёный», «Наука», «Философия», «Биосфера», «Ноосфера», «Жизнь», «Живое вещество» и др.

Цель нашей статьи, опираясь на концепцию, сложившуюся в предыдущих исследованиях, проследить эволюцию концепта «Время», стоящего у истоков рождения целого ряда научных работ В.И. Вернадского, среди которых серия очерков, объединённых под названием «Пространство и время в неживой и живой природе» и помещённых в книгу «Философские мысли натуралиста» (Вернадский

1988: 210–385). Уже названия её разделов и глав указывают на данный концепт: «Проблема времени, пространства и симметрии» (Там же: 210), «Время» (Там же: 222), «Проблема времени в современной науке» (Там же: 228), «Основные черты научного знания. Положение в нём проблемы времени» (Там же: 233), «Пространство и время в понимании Ньютона и в науке XVIII – XIX вв.» (Там же: 235), «Создание нового понимания времени, понятия пространства-времени» (Там же: 238), «О жизненном (биологическом) времени» (Там же: 297), «Создание понятия пространства-времени в философии» (Там же: 317).

В лингвистике утвердилась мысль о том, что концепт «поразному может быть расшифрован в зависимости от сиюминутного контекста и культурного опыта, культурной индивидуальности концептоносителя» (Лихачёв 1988). Концепт «Время» у В.И. Вернадского, с нашей точки зрения, представляется сквозь призму его индивидуального видения научного мироздания, создающегося, по мнению самого учёного, на основе *«общеобязательности и непреложности»* эмпирических фактов, выводов, обобщений, которые, охватывают только частью то, что *«называется законами природы»* (Вернадский 1988: 234).

Трактовка времени В.И. Вернадским «расшатывает» сложившуюся в науке концептуальную систему, в рамках которой учёные изучали явления, совершаемые во времени, а не само время (Там же: 368). Время у В.И. Вернадского превращается в объект научного познания. И на вопрос *«можем ли мы, изучая свойства явлений, связанных с временем, говорить о проявляющихся при этом свойствах самого времени, его структуре, а не только о свойстве явлений»* (Там же: 369), даёт утвердительный ответ: *«Учёный должен сейчас рассматривать пространство-время как такую же реальность, как всякое изучаемое им другое природное явление или устанавливаемый им научный факт»* (Там же: 370).

Определяя место проблемы времени в научном мировоззрении, учёный использует вопросно-ответный комплекс: *«В какую же часть научного мировоззрения попадёт научное понятие времени? Является ли оно частью сменяющегося и преходящего построения научных моделей, гипотез, теорий? Или же оно является частью реальности мира в научном её понимании, одним из основных эмпирических обобщений, на которых строится всё наше научное знание?»*

Мне кажется, здесь сомнений быть не может: понятие времени есть одно из основных научных эмпирических обобщений» (Там же: 235).

Такая вопросно-ответная конструкция обнаруживает поступательную мощь его мыслительного процесса при формировании смыслов нового знания, стимулирует ответную реакцию, демонстрируя при этом доверительную коммуникативную притягательность ситуации, в которой адресату предлагается осмыслить рассматриваемые научные про-

блемы через включение в текст средств эпистемической модальности, среди которых конструкции, выражающие предположение и уверенность, содержащие нанизывание вопросов, отображающих логику рассуждений автора, дающие точное определение времени.

В процессе активизации концептом-стимулом «Время» дискурсивных смыслов, хранящихся в устоявшихся индивидуальных концепциях автора будущего текста (собственное видение структуры научного знания, понимание особенностей живого и косного вещества, неразделимости пространства и времени, признание возможности изменения представлений о времени в процессе развития науки и др.), кванты «старых» знаний вступают с ним в креативное речемыслительное взаимодействие, в результате чего научный концепт в своём специальном слое наполняется новыми смыслами, характеризующими признаки времени, рождённые в индивидуальном сознании учёного.

Так, акцентируя внимание на направлении времени, учёный рассуждает о проблеме его обратимости / необратимости: *«Когда мы обращаемся к анализу понятия о времени и берём наше миропонимание в его аспекте, бросается в глаза чрезвычайно характерная черта, связанная с тем, может или не может явление идти во времени одинаково легко вперёд и назад, т.е. является ли процесс обратимым или необратимым»* (Там же: 223). В связи с этим В.И. Вернадский утверждает, что *«почти все ...физико-химические и астрономические явления вполне обратимы»*, за исключением энтропии, которая *«ставится как бы отдельно от остальных физических явлений, и из необратимости отвечающего ей процесса не делается неизбежных логических выводов»* (Там же: 223).

В доказательство своей точки зрения о необратимости времени, учёный убедительно говорит о том, что *«время идёт в одну сторону, в какую направлены жизненный порыв и творческая эволюция. Назад процесс идти не может, так как этот порыв и эволюция есть условие существования Мира. Время есть проявление – созидание – творческого мирового процесса»* (Там же: 322).

Содержание концепта «Время» у В.И. Вернадского расширяется за счёт введения понятия различных типов времени – физического (Там же: 224–253), биологического (Там же: 297–381), геологического (Там же: 226), психологического (Там же: 317, 329), исторического (Там же: 317), космического (Там же: 359) и др. Особая заслуга учёного в обосновании им биологического времени, которое связано *«с жизненными явлениями, ... с отвечающим живым организмам пространством, обладающим диссимметрией, ...для каждой формы организмов есть закономерная брэнность её проявления: определённый средний свой срок жизни отдельного неделимого, определённая для каждой формы своя ритмическая смена её поколений»* (Там же: 231). Понятие биологического времени рождает в сознании В.И. Вернадского дискурсивные смыслы, вносящие новое содержание в концепт «Время»: время как одно *«из основных проявлений вещества,*

неотделимое от его содержания» (Там же: 229), общее и различное проявление времени в живой и неживой природе, дление как специфическая черта биологического времени, необратимость времени, связанная с живым веществом, и др.

Как видим, анализ даже небольшого количества научных работ В.И. Вернадского о времени позволяет проследить характер его речемышления, пронаблюдать, как новые дискурсивные смыслы в рамках формирующегося когнитивно-дискурсивного пространства получают свою речемыслительную значимость. Концепт «Время», ядро которого составляет понятие, зафиксированное в словарях, в научных трудах В.И. Вернадского обрастает индивидуальными дискурсивными смыслами, характеризующими его как: а) объект научного познания; б) часть научных эмпирических обобщений; в) необратимый процесс; г) одно из основных проявлений вещества; д) непрерывно-прерывистый процесс (время-дление); е) признаковость, специфически проявляющаяся в разных его типах (физическом, биологическом, геологическом, психологическом, историческом, космическом); ж) параметральная соотнесённость с определённой формой организма.

Перечисленными признаками не ограничивается временное видение реальности учёным. Концепт «Время» в концептосфере В.И. Вернадского, пересекаясь с другими концептами («Биосфера», «Ноосфера», «Жизнь», «Живое вещество» и др.), обогащается новыми смыслами, авторизуется, получает новую жизнь, обретает новое поле, вербализуется, составляя уже фрагменты других научных текстов («Химическое строение биосферы Земли и её окружения», «Основы жизни – искание истины», «Научная мысль как планетное явление», «На границе живого», «Живое вещество», «Ход жизни в биосфере», «Биосфера и ноосфера», «О пределах биосферы» и др.), которые помогают глубже проникнуть в сознание учёного, понять его видение природы времени, роли времени в процессах эволюции биосферы в ноосферу, уяснить необходимость учёта временных показателей в естественнонаучных исследованиях, касающихся Земли, и т.д.

Всё вышесказанное доказывает, что научный концепт стимулирует дискурсивную деятельность учёного, активизирует рождение новых дискурсивных смыслов, которые, сопоставляясь со «старыми» понятийными системами, получают свою речемыслительную значимость, облекаются в текстовые и языковые значения, находят своё место в концептуальном пространстве текста, формируют этот текст.

Литература

Алефиренко, Н.Ф. Категория имплицитности художественного текста в когнитивно-дискурсивном аспекте // Гуманитарные исследования. 2011. № 2 (38). С. 28–34.

Вернадский, В.И. Химическое строение биосферы Земли и её окружения». – М.: Наука, 1965. 374 с.

Вернадский, В.И. Философские мысли натуралиста В.И.. – М.: Наука, 1988. 520 с.

Красных, В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? – М.: Диалог – СГУ, 1998. 352 с.

Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 1993. № 1. Т. 52. С. 3–9.

Ракитина, С.В. Когнитивно-дискурсивное пространство научного текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2007. 44 с.

Ракитина, С.В. Слово в пространстве научного текста (Слово «биосфера» в пространстве научных текстов В.И. Вернадского) // Слово и значение во времени и пространстве: динамические процессы: кол. моногр. (глава 7) / под ред. д-ра филол. наук, проф. Е.Б. Никифоровой. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2012. С. 151–168.

Ракитина, С.В., Ефремова, Н.В. Заглавие как основной текстовый концепт (на материале книг Н.М. Амосова «Мысли и сердце» и Ф.Г Углова «Сердце хирурга») // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2014. №2 (27). С. 48–53.

Summary. The scientific concept is treated in the article in the cognitive discursive aspect as the head element of text formation. On the material of scientific works of V. I. Vernadsky it is shown that a scientific concept, acting as a source of meaning, stimulates the discursive activity of the scientist, motivates the birth of new discursive meanings, which corresponds to “personal” and “other” old knowledge, realize themselves in speech meanings and language values, finding the place in the born conceptual space of the text and organizing text.

Key words: scientific concept, scientific text, discursive activity, discursive meanings.

МЕНТАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ТОПОНИМА В ЭТНОЛИНГВОСОЗНАНИИ¹

В.И. Супрун

Россия, г. Волгоград, Волгоградский государственный
социально-педагогический университет
suprun@vspsu.ru

Каждое слово в момент своего рождения несёт в себе ментальный образ – возникшее в голове представление об объекте окружающей среды. При вербализации образа устанавливается связь новой единицы с хранящимися в этнолингвосознании предшествующими, это может основываться на деривационных отношениях. В слове в большей или меньшей степени хранятся этимологические семы. Так, любой носитель языка устанавливает в ходе произвольных или специально организованных мыслительных операций деривационно-этимологические связи слов *ученик, учитель, учительница, учащийся, учёный, учёба, учебный* с глаголом *учить*, как и чисто словообразовательные отношения этого глагола с префиксальными и постфиксальными дериватами *научить, выучить, приучить, заучить, доучить, обучить, отучить, переучить, проучить, учиться, научиться, обучиться* и т.д.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант №15-04-00137 «Особенности ономастического пространства Юга России (на примере Республики Калмыкия)»).

Этимологическая семантика может выявляться и у заимствованных слов, если они имеют социально (культурно) обусловленную историю проникновения в язык и обрастают деривационным гнездом. В чешском языке слово *student* ‘студент, учащийся’, пришедшее из латыни, когда она была языком преподавания в европейских университетах, в т. ч. в Пражском, основанном императором Карлом IV в 1348 году и получившем в честь основателя наименования Карлов, функционирует вместе с лексемами *studovat* ‘учиться’, *studovaný* ‘образованный’, *studující* ‘учащийся, студент’, *studium* ‘учёба’, *studovna* ‘учебная комната’, *studentka* ‘студентка’, *studentstvo* ‘учащиеся, студенчество’, *studentský* ‘студенческий’, *studie* ‘занятия’, *studijní* ‘учебный’, *studio* ‘студия’, в приставочных дериватах глагола *studovat* – *vystudovat* ‘закончить обучение’, *nastudovat* ‘изучить, освоить’, *studovávat* ‘многократный глагол от *studovat*’, а также с испытывшими немецкое влияние просторечными единицами *šstudent*, *šstudovat*, *šstudýrovat* (см. текст народной песни «*Když jsem já šel tou Putimskou branou*»: <...> *šstudente*, *ty malý premiante!* <...> *já vás nesmím milovat, já musím šstudýrovat. Sedm let jsem v Písku šstudýroval* <...>), со словами, получившими переносное значение: *šstudent* ‘поросёнок на откорме’ (Váša, Trávníček 1937: 1432-1433; Павлович 1976). У русского слова *студент* нет подобного словообразовательного окружения для раскрытия в лингвосознании этимологической семантики, небольшое число вторичных дериватов лишь указывают на исходную единицу: *студенческий*, *по-студенчески*, *студенчество* (БТС: 1283). Лексема *штудировать* ‘тщательно изучать’ (БТС: 1507), заимствованная из немецкого языка (Фасмер 1987, 4: 480), тоже не имеет деривационного окружения, поэтому не выводит носителя языка на этимолого-деривационные ментальные операции. «Все ментальные операции с когнитивными структурами становятся возможными лишь при их кодировке на языковом уровне сознания, то есть когда они обретают вербальное оформление, и содержание ментального мира человека обретает для него своё существование лишь в результате его кодировки в границах знаковых систем определённых социумов» (Фесенко 2002: 130).

Н.Ф. Алефиренко отмечает, что семантика онима располагает более дифференцированным, чем у апеллятива, контенционалом и менее объёмным экстенционалом; имена собственные выражают единичное понятие, а в речевом употреблении этот сигнификативный компонент значения модифицируется (Алефиренко 1998: 167-168). Е.Л. Березович говорит о семантическом наполнении имени, под которым подразумевается весь объём информации о данном объекте, которую даёт язык (Березович 1999: 15). М.В. Горбаневский определяет топоним как свёрнутый текст, информационную субстанцию, подвергнувшуюся компрессии (Горбаневский 1994).

Вероятно, этот по-разному поименованный процесс деятельности лингвосознания можно рассмотреть с точки зрения ментального

структурирования. Ментальная структура – «своеобразные психические механизмы, в которых в «свёрнутом» виде представлены наличные интеллектуальные ресурсы субъекта и которые при столкновении с любым внешним воздействием могут развёртывать особым образом организованное ментальное пространство» (Холодная 2002). Ментальное пространство является динамической формой ментального опыта, разворачивающегося наличными ментальными структурами в условиях актуального интеллектуального взаимодействия субъекта с окружающим миром, оно способно к одномоментному изменению своей топологии и метрики под влиянием субъективных и объективных факторов (КП 2002).

В рамках ментального опыта происходит разворачивание в лингвосознании носителя языка всего семантического шлейфа (термин см.: (Неклюдов), другое понимание – (Романовская 1998)) топонима. Способность человека к подобного рода мыслительным операциям определено психологом Я.А. Пономарёвым как внутренний план действий (Пономарёв 1983). Разворачивание семантики топонима происходит в рамках ментальной репрезентации, актуального умственного образа того или иного конкретного события, когда возникает субъективная форма видения происходящего, в данном случае прочитанного или услышанного топонима. «В процессе репрезентации участвуют различные механизмы: мышление, память, внимание, воображение и т.д.» (КП 2002).

Первой единицей всплывающего в индивидуальном и / или коллективном сознании семантического шлейфа топонима выступает слово, выражающее прямое денотативное отношение: *город, село, посёлок, река, гора, улица, площадь* и пр. Это связано с тем, что они имеют постоянное или временное апеллятивное сопровождение. Образуется лексический код переработки информации, в котором иконическая и акустическая информации преобразуются в ментальные единицы (КП 2002).

Имена собственные функционируют в составе апеллятивно-онимических комплексов (*Российская Федерация, Великое Герцогство Люксембург, Республика Калмыкия, Волгоградская область, Санкт-Петербургский университет, ресторан «Сосновый бор», роман Л.Н. Толстого «Война и мир», картина А.К. Саврасова «Грачи прилетели», журнал «Огонёк», господин Косулько, баба Луда, тетя Галя, нем. Herr Hengst, англ. mister Smith, фр. monsieur Delacroix, чеш. pan Novák, польск. pan Wolodyjowski* и др.). Наличие таких комплексов служит показателем отнесения онима к ядру или периферии онимического поля: к ядру относятся антропонимы, не требующие апеллятивного сопровождения или использующие его в этикетной формуле (в т. ч. при номинации в военной среде, где идентификация не предполагает использование фамилии без звания и звания без фамилии – см.: (Васильева 2009: 73)), к периферии же – онимы, для которых

функционирование в составе апеллятивно-онимического комплекса обязательно (названия предприятий, организаций, учреждений, органов печати, произведений литературы и искусства, товарных марок) (Супрун 2000: 8; Супрун 2012). Урбанонимы функционируют только в составе апеллятивно-онимического комплекса (Широков 2002), в который входят внутригородской топографический термин (урбанотермин) и единичное наименование объекта.

Апеллятивная единица воздействует на образ топонима, относя его к тому или иному разряду, а также отражая своими этимологическими связями этнолингвистические параметры. Для большинства восточных и южных славян апеллятивное обозначение поселения связано с представлением об огороженном месте: рус. *город*, белор. *горад*, болг., макед., серб. *град*, хорв. *grad*. У западных славян, украинцев и словенцев в качестве термина используются единицы с этимологической семантикой 'место': чеш. *město*, словац. *miesto*, польск. *miasto*, укр. *місто*, словен. *mesto*, при этом у них используются и дериваты от корня **gord*– для обозначения крепостей, замков, плотин, развалин, садов и пр.: чеш. *hrad*, *hradba*, *hradiště*, *zahrada*, *ohrada*, *hraz*, *nahražka*, словац. *hrad*, *hradba*, *hradisko*, *hradlo*, *hradská*, *hradza*, словен. *grad*, *gradišče*, *gradivo*, *gradnja*, хорв. *izgradnja*, *gradišće*, укр. *город*, *городина*, *городянин*, *горожа* и др. Восточные и южные славяне также обозначают словами, образованные от этого корня ограду, сад и огород: рус. *огород*, *загородка*, *перегородка*; белор. *агарод*, *загарадзь*, *агароджа*, *перагародка*; болг., макед. *градина* и др.

Главными объектами номинации, как и главными линейными объектами пространственной среды для жизни и деятельности русского человека в поселении являются улицы и площади. Их особенности определяются: для улицы – ментальной идеей проезда, прохода ('пространство между двумя рядами домов в населённом пункте для прохода и проезда; два ряда домов с проходом, проездом между ними' (БТС: 1383)), для площади – незастроенного пространства ('незастроенное, обрамлённое какими-л. зданиями, зелёными насаждениями место в пределах города, села, составляющее часть городского, сельского пространства' (БТС: 845)). Эти ментальные идеи поддерживаются этимологической семантикой главных урбанотерминов: плоское пространство – для площади и отверстие, проход – для улицы.

Урбанотермин, образованный от корня *плоск-*, характерен для южных и восточных славян (рус. *площадь*, укр. *площа*, белор. *плошча*, болг. *площад*, макед. *плоштад*, словен. *ploščad*; у других южных славян используется единица, восходящая к праславянскому корню **trg-*: серб. *trg*, хорв., словен. *trg*), у западных славян вместо него употребляется дериват от слова *město* / *mesto* 'город' (чеш. *náměstí*, словац. *námestie*) или используется заимствование от немецкого *Platz* (польск. *plac*), которое употребляется в русском языке в специализированном значении 'площадь для воинских строевых занятий, смотров, парадов'

(БТС: 840). Нельзя исключить польское влияние при заимствовании этого слова, поскольку многие германизмы, латинизмы, романизмы приходили в русский язык в этот период через польское посредничество. Г.П. Цыганенко указывает, что слово *плац* было заимствовано у немцев в XVIII веке. Оно восходит к среднелатинскому *platea* ‘площадь’, которое было заимствовано от греческого *πλατεῖα ὁδός* ‘широкая, плоская дорога’ с утратой существительного и субстантивацией прилагательного (Цыганенко 1989: 303).

Слово *улица* представлено во всех славянских языках: укр. *вулиця*, блр. *вулка*, болг., серб. *улица*, чеш. *ulice*, словц., польск., словен. *ulica*, в.-луж. *wulica*. Оно этимологически связано со словом *улей*, находит соответствия во многих индоевропейских языках: греч. *αὐλός* ‘продолговатая полость, дудка’, *ἔναυλος* ‘русло реки’, *αὐλῶν* ‘овраг’, вестфальск. *ōl*, *aul* ‘овраг, луг, впадина, канава’, армян. *ւի* ‘дорога, путешествие’ (Фасмер 1987, 4: 159-160). Этот корень дал большое число производных в русском литературном языке и диалектах: *проулок*, *закоулок*, *межеулок*, *улок*, *улочка*, *уличка*, *заулок*, *наулок* (В.И. Даль) и др. Г.П. Цыганенко определяет, что первоначально слово *улица* значило ‘дыра, отверстие’, затем произошло дальнейшее семантическое развитие: ‘вход, ворота’ > ‘проход’ > ‘проход между рядами домов’ (Цыганенко 1989: 448). Этимолог предполагает, что от корня *ул-* образовано также слово *улитка* ‘буквально: владетель дупла, раковины’ (Цыганенко 1989: 447-448).

В античном и средневековом городе важной частью городского пространства служили ворота, через которые можно было попасть в поселение и выйти из него. По числу и монументальности ворот определялась важность города, его торговое, военное, культурное значение. В духе развития ономастической терминологии их наименования можно определить как *пилонимы* (от греч. *πύλη* ‘ворота’ + *ὄνομα / ὄνυμα* ‘имя’). Число ворот в крупных городах определялось, вероятно, сакральными числами. В древнем Вавилоне, например, было семь ворот, они носили имена вавилонских богов. Особой красотой отличались ворота богини Иштар, от которых начиналась Дорога процессий, направляющаяся к храму покровителя Вавилона Мардука (Сагтс 2004; Белявский 1971). В древних Микенах (*Μυκῆναι*) на главном входе стояли Львиные ворота (*Πύλη λεόντων*), они состояли из четырёх сложенных монолитов из известняка, украшенных рельефом с изображением львиц. Постройку ворот в Микенах приписывают XIII веку до н. э. (Бартоунок 1991).

Главным городом греческой Беотии были Фивы, которые окружались стеной с семью воротами, за что город прозывался Семивратными Фивами (*Ἑπτὰ πύλαι Θήβαι*) (Баунов 2012; Тищенко 2007). В названиях ворот встречаются имена богов (Онкейские, или Онкаидские, по прозвищу Афины в Фивах – Онка; они находились около святилища Онки; Гомолоидские, или Гомолойские, по имени Зевса

Гомолоя, почитавшегося в Беотии), но чаще они именовались по мифическим и реальным местным жителям (Электрийские, от имени Электриона, отца Алкмены, матери Геракла; Пройтидские, или Претидские, по имени Прета, сына Абанта, бежавшего из Аргоса и поселившегося в Фивах; Огигийские находились близ могилы царя Огига, сына Беота; Кренидские, или Крнейские, в честь Кренея, защитника Фив) (Бартоунк 1991).

Сооружение ворот и присвоение им пилонимов продолжилось в римских городах, однако здесь сложились другие ономастические традиции (ВИА; Poeschel 1990). В Помпеях, например, было 8 ворот: Стабианские, Нуцерийские (в более старых русских переводных документах Ночерские), Ноланские, Капуанские, Геркуланские, Сарнские, Морские и Везувианские (Сергиенко 1949). Их названия указывали на город, в сторону которого шла дорога (Стабии – город на берегу Неаполитанского залива в 15 км от Везувия; Нуцерия – город в южной Кампании на реке Сарн; Геркуланум – город в Кампании на берегу Неаполитанского залива; Нола – город в Кампании на дороге между Капуей и Нуцерией; Капуя – город-крепость в Кампании на левом берегу реки Вольтурно), на названия физико-географических объектов (Сарн – река, Везувий – гора) и их нарицательное обозначение (море). От ворот вели улицы, которые часто повторяли названия ворот: Стабианская, Нола, Морская. Эта пилонимическая ментальная образы продолжились в европейских языках. В российских городах-крепостях ворота назывались по городу, в сторону которого начиналась дорога. Реже встречались описательные наименования. В Царицыне были Московские, Астраханские, Решётчатые ворота.

Греческий термин $\lambda\upsilon\lambda\eta$ этимологи связывают с древнеиндийским *goruṃam* ‘городские ворота’, *puram* ‘город’ (Prellwitz 1892: 267), следовательно, ментальный образ прохода в город через особое сооружение возник ещё во времена индоевропейской общности. Римляне называли ворота словом *porta*, которое имело значение ‘проход’, этимологически оно связано с немецким *Furt*, английским *ford*, греческим $\lambda\omicron\rho\omicron\varsigma$ ‘переправа, переход, мост’ (Откупщиков 1986).

Однако славянский мир связывал вход во двор, который был главной структурной единицей поселения, и вход в город-крепость с идеей открывания-закрывания. Родственные слова рус., укр. *ворота*, белор. *вароты*, болг. *врата*, словен., чеш. *vrata*, в.-луж., польск. *wrota*, н.-луж. *rota* образованы от корня **vor-* / **ver-* ‘открывать; закрывать’ (Holub, Lye 1967: 512, Фасмер 1986, 1: 354-355) с суффиксом *-*t-*, который часто вокализируется на **o* (Brückner 1970: 633). В славянских языках сохранились слова со связанным корнем: чеш. *zavřít, otevřít*, польск. *zawrzeć, otworzyć*, словац. *zavierať*. В русском языке с приставкой *от-* был образован глагол *отворить*, который затем стал восприниматься как дериват с префиксом *о-*, поэтому другие приставочные единицы имеют корень *твор-*: *затворить, притворить* (Фасмер 1987, 3:

169-170), в результате идея открывания-закрывания контаминировалась с мыслью о творении. Кроме того, у славян произошло ассоциативное сближение урбанотермина *ворота* с корнем *vort- / vert-, воплощавшим идею поворота, вращения: *веретено, ворот, ворочать, поворачивать, переворачивать, вращать* и др.

Так постепенно сложились ментальные образы топонимов, в которых идея обозначения географического объекта выражалась через апеллятивное наименование, к нему прикреплялось собственное имя, индивидуализирующее мысль об окружении объекта, его связи с местными реалиями, с логическим и эмоциональным восприятием мира.

Литература

Алефиренко, Н.Ф. О природе ономастической семантики // Ономастика Поволжья: Тез. докл. VIII междунар. конф. – Волгоград: Перемена, 1998. С. 165-168.

Бартошек, А. Златообильные Микены = Zlaté Múkényu. – М.: Наука, 1991. 352 с.

Баунов, А. Греция. Путеводитель. – М.: Вокруг света, 2012.

Белявский, В.А. Вавилон легендарный и Вавилон исторический. – М.: Мысль, 1971.

Березович, Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 1999. 39 с.

БТС = Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.

Васильева, Н.В. Собственное имя в мире текста. Изд. 2-е. – М.: Либроком, 2009. 244 с.

ВИА = Всеобщая история архитектуры / под редакцией Б.П. Михайлова. Том II: Архитектура античного мира (Греция и Рим). М.: Стройиздат, 1973.

Горбаневский, М.В. Русская городская топонимия: проблемы историко-культурного изучения и современного лексикографического описания: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 1994. 39 с.

КП = Когнитивная психология / Под ред. В.Н. Дружинина, Д.В. Ушакова. – М.: Пер Сэ, 2002. 480 с. (ebook).

Откупщиков, Ю.В. К истокам слова: Рассказы о науке этимологии. М.: Просвещение, 1973. 3-е изд., исправ. М.: Просвещение, 1986. 176 с. 4-е изд., доп. М.: Азбука-классика, Авалонь, 2005. 352 с. (Эл. ресурс) Режим доступа: http://royallib.com/read/otkupshchikov_yu/k_istokam_slova_rasskazi_o_nauke_etimologii.html#0

Павлович, А.И. Чешско-русский словарь. – М.: Рус. яз., 1976. 846 с.

Пономарёв, Я. А. Методологическое введение в психологию. – М.: Наука, 1983.

Неклюдов, С.Ю. Вещественные объекты и их свойства в фольклорной картине мира (Эл. ресурс). – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov12.htm>

Романовская, С.В. Ключевые семантические поля в художественном тексте // Семантика языковых единиц: Доклады VI Международной конференции. Т. 2. – М., 1998. С. 347-349.

Саггс, Х. Вавилон и Ассирия. Быт, религия, культура. – М.: Центрполиграф, 2004.

Сергиенко, М.Е. Помпеи. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.

Супрун, В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: Монография. – Волгоград: Перемена. 172 с.

Супрун, В.И. Апеллятивно-онимический комплекс как форма существования периферийных онимов в языке // Этнолингвистика. Ономастика. Этимоло-

гия: Матер. II Междунар. науч. конф. Ч. 1. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. С. 146-147.

Тищенко, Н. Путеводитель по Греции. – Ростов / Д.: Феникс, 2007. 256 с.

Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Перевод с нем. и доп. О.Н. Трубачёва; Под ред. Б.А. Ларина. В четырех томах. Изд. 2-е, стереотип. – М.: Прогресс, 1986-1987.

Фесенко, Т.А. К вопросу о лингво-ментальном аспекте переводческой деятельности // Традиции и новаторство в гуманитарных исследованиях: Сб. науч. тр. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2002. С. 130-134.

Холодная, М.А. Психология интеллекта. – СПб.: Питер, 2002. 272 с.

Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. 2-е изд., перераб. и доп. – Киев: Радян. школа, 1989. 511 с.

Широков, А.Г. Русская урбанонимия в диахроническом освещении: апеллятивно-онимические комплексы. Дисс. <...> канд филол. наук. – Волгоград, 2002. 185 с.

Brückner, A. Słownik etymologiczny języka polskiego. – Warszawa: Wiedza Powszechna, 1970. 806 s.

Holub, J., Lyer, St. Stručny etymologický slovník jazyka českého. – Praha, SPN, 1967. 528 s.

Poeschel, S. Rom: Kunst und Geschichte von der Antike bis zur Gegenwart. – München: Artemis, 1990.

Prellwitz, W. Etymologisches Wörterbuch der Griechischen Sprache mit besonderer Berücksichtigung des Neuhochdeutschen und einem deutschen Wörterverzeichnis. – Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1892.

Váša, P., Trávníček Fr. Slovník jazyka českého. D. 1-2. – Praha: Fr. Borový, 1937. 1748 s.

Summary. The article deals with the etymological and word formation associations of appellative and proper name complexes of place names and objects inside the city which manifest a mental image of the object. In the native speaker ethnic linguistic consciousness deployment of all its semantic plume is going. The etymology of the term *city, square, street, gate* and the history of the names of these objects in ancient times are analyzed.

Key words: place name, the name of the streets and squares, the name of the city gates, appellative and proper name complex, mental image.

КОНЦЕПТ «ЦВЕТ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСЕМ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ КОЛОРНИМОВ)

Л.П. Гашева, А.В. Свиридова

Россия, г. Челябинск, Челябинский государственный педагогический университет
sokrat51@mail.ru

Концепт «Цвет», вербализованный лексемами-колоронимами и фразеологическими единицами, обозначающими красочную палитру реального мира, находится в центре исследовательского внимания лингвистов в течение многих десятилетий. Колоронимы-лексемы являются важнейшими единицами, репрезентирующими фрагмент языковой картины мира, создают тот или иной образ в художественном произведении, имплицитно выражают эстетический идеал автора, выступают как средство познания мира, то есть выполняют когнитивную

функцию, одновременно участвуя в объективации индивидуально-субъективного мира автора.

Концепт «Цвет» вербализован прежде всего лексемой «цвет», которая прошла длинный путь в своем историческом развитии. По материалам «Словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского, слово «цвѣть» реализует следующие значения: – цвѣтокъ...; – лугъ...; – цвѣтъ...; краска...; – красящее вещество... (Срезневский 1989: 1437–1438).

Школьный этимологический словарь Н.М. Шанского, Т.А. Бобровой отмечает: «Цвет Общеслав. Исходное *kvetъ (ср.польск. Kwoiat). ... Цвет, исходно – «яркий свет, блеск», затем – «цвет, цветение, цветок» (Шанский 2004: 356).

В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой уже представлены омонимы: «Цвет¹, а, -а мн., -ов, м. Световой тон чего-н., окраска. Цвет², -а (-у), м. 1. Собир. (в зн.ед. (прост.) 1. Цветы, цветки. 2. перен., ед.ч. Лучшая часть чего-н. (высок.) Ц. нации» (Ожегов 1995: 860).

В авторской картотеке представлены все омонимы и значения данного слова. Концепт «Цвет» вербализован абстрактным по лексическому значению существительным «цвет» – физическое свойство предметов, реального мира, воспринимаемое через ощущения, в данном случае зрительные. «Ощущение – отражение свойств предметов объективного мира, возникающее при их непосредственном воздействии на рецепторы» (Краткий психологический словарь 1985: 228).

Доминантными, по результатам различных исследователей, являются колоронимы белый, черный, красный. «Преобладание лексем белый, черный, красный по сравнению с другими цветообозначениями соответствуют показаниям древнерусских памятников письменности...» (Коптева 2005: 94).

В нашей картотеке, собранной на языковом / речевом материале художественных произведений XX-XXI вв. наиболее частотными по реализации являются такие вербализаторы-лексемы, как белый, черный, серый, красный, желтый, синий, зелёный, номинирующие конкретный цвет и его различные оттенки.

Проанализировав номинант «цвет» в различных контекстах, отмечаем, что данная лексема благодаря синергетике текста, неожиданной лексической сочетаемости обогащается эмотивными семами, передающими психическое восприятие живописных полотен художников, пейзажа, предметов, окружающего мира рецепиентами.

Солнце растапливало краски на его (Гогена – Л.П.) картинах. Сок красок, блестящий и радостный цвет, лился с холстов (К.Г. Паустовский. Романтики). В данном тексте лексема цвет в сочетании с прилагательными блестящий и радостный приобретает дополнительные семы: 1) 'яркое свечение' и 2) 'состояние радости'. Антропоцентризм языковых единиц создает ощущение авторского восприятия полотен Гогена и формирует особое, оптимистичное настроение читателя.

Метафорическое словосочетание сок красок активизирует не только зрительную, но и вкусовую память адресата.

Слово «цвет» вступает в синонимические отношения со словом «краска». Компонент – существительное «краска», как и слово «цвет», образует фразеологические единицы. Одна из них обозначает цвет, а другие создают фразеологические единицы, приобретающие новые фразеологические значения. Например:

Шепот, ропот, нега, сток,

Краска темная стыда,

Окна, избы с трех сторон,

Воют сытые стада.

(В. Хлебников. Конь Пржевальского).

Краска темная стыда – фразеологизм, обозначающий ‘пунцовый цвет лица, появляющийся от смущения’.

Авторская экспликация фразеологизма за счет светонима темная передает интенсивность цвета.

Другая фразеологическая единица в новых красках активизирует сему ‘ново, иначе, креативно’, сема ‘цвет’ становится периферийной:

Разве легко носить всю жизнь тоску о почти призрачном, дальнем и жажду выразить все это в новых красках (К.Г. Паустовский. Романтики).

В данном высказывании названный фразеологизм реализует следующие семантическое содержание: по-новому, иначе изображая что-л. найденными средствами.

По материалам картотеки, самым частотным вербализатором концепта «Цвет» является номинант белый, что отмечено и данными других исследователей. Т.Е. Помыкалова отмечает: «В цветовом признаковом поле «цветообозначение» начальной семантической вехой называем белый цвет, номинируемый, прежде всего, именем прилагательным» (Помыкалова 2007: 7).

Прилагательное белый характеризует явления природы, описывает фантастические сущности, реальных животных, предметы быта, одежду, вещества, растения, пищевые продукты, пространственные объекты, внешность человека. Представим близкую лексическую сочетаемость прилагательного белый, реализованную в текстах художественных произведений: белые облака, белый пух, белая пыль, белые цветы, белый платок, белый кот, белая светелка, белый призрак, белейшая тень и другие подобные.

В свободных словосочетаниях называется реальный белый цвет, который иногда противопоставляется другим колоронимам или создает яркое пятно, актуализирующее какую-либо деталь описания, воздействующую на восприятие читателя:

1. На окне сидел белый кот, мылся и презрительно щурил глаза на греков (К.Г. Паустовский. Романтики). – актуализация детали обстановки.

2. И черной ночью белый призрак ждет
Других теней безмолвно и уныло...

(А. Блок. Погибло всё...) – оппозиция антонимов-колоронимов: черной (ночью) – белый (призрак) – в данном контексте рисует практически четкую, легко представляемую в воображении, зримую картину фантазмагии, представляемую цветообозначениями как реальность.

Характерная деталь идиостиля А. Блока – «фантастической реальности».

Особого внимания заслуживает реализация колоронима белый в метафорических контекстах, в которых цветообозначение дополняет переносное, вторичное наименование семей 'цвета снега, мела', усиливая зрительные ощущения читателя:

1. Но все – и черную сомнений ношу,

И белой молнии венки –

Я за один лишь призрак брошу,

Взлететь в страну из серебра,

Стать звонким вестником добра.

(В. Хлебников. Конь Пржевальского)

2. Наползали тучи. Вода пошла чернью. Медленно гасли в ней белые зерна звезд. Шхуна дергалась на дребезжащей цепи. На борту ее белела корявая надпись: «Господи, храни в мире плавающих» (К.Г. Паустовский. Романтики).

В последнем контексте – цельная живописная картина, в которой противопоставлено белое и темное.

Повтор лексем с корнем -бел- интенсифицирует противопоставление (тучи, чернь – белые зерна звезд, белела надпись), создает объемный пейзаж, в котором описаны и небо, и вода моря, и морская шхуна, и рождает звуковой и зрительный образы, и обращение к Господу, хранящему жизнь людей моря. Зрительный образ, возникающий в сознании читателя, обогащает нетривиальные ассоциации, благодаря метафорическим знакам, делает его сотворцом художественного текста.

Синонимом колоронима белый является лексема бледный, входящая в качестве одного из значений в синонимический ряд, репрезентирующий один из фрагментов концепта «Цвет».

Бледный 1. Слабо окрашенный (Ожегов 1995: 48) Лексическая сочетаемость: бледное лицо (без румянца), неяркого белого цвета, бледная ночь – размытого белесого цвета; бледный восход – слабо окрашенный, неяркий; бледные просветы – размытого светло-белого цвета, бледная просинь – светло-синего, голубоватого цвета.

Прилагательное-колороним бледный, характеризуя объекты природы, функционирует как олицетворение, приписывая неживому свойства живого и расширяя семантику цвета внутренним эмоционально-психическим состоянием лирического героя стихотворного текста или персонажа, а иногда и автора художественного прозаического произведения.

Приведем соответствующие иллюстрации:

Ты опять со мной, подруга осень,
Но сквозь сеть нагих твоих ветвей
Никогда бледней не стыла просинь,
И снегов не помню я мертвей.

(И. Анненский. Стихотворения. Ты опять со мной...)

Цветообозначение в форме сравнительной степени бледней дополнительно в контексте строфы приобретает добавочные семантические наращения: мертвенность, застылость, безжизненность наступающей зимы. Метафоры не стыла просинь, и снегов не помню я мертвей вызывают ощущения эмоционально безрадостной картины природы, порождающей чувство тоски, печали, одиночества.

Колоронимы бледный, просинь (стыла), снега опосредованно и прямо номинирующие цвет, получают символическое знаковое содержание: смерть, отсутствие жизни, движения.

Насыщенность текста колоронимами, различными частями речи, прилагательными, глаголами и глагольными формами, формируют развернутый образ-символ смерти, в том числе смерти не только в физиологическом смысле, но и в духовном:

Архимандрит был старец, убеленный сединами. Но при первом взгляде на его бледное, сухое лицо можно было понять, что не столько старость, сколько тяжкие горести и бремя скорбей убелили его голову и сделали его живым мертвецом (Б. Полевой. Клятва при гробе Господнем).

Портретная внешняя характеристика имеет не только цветовые признаки, но и темпоральные (возраст), а абсолютный постпозиционный оксюморон живой мертвец констатирует духовную смерть персонажа.

Таким образом, контекстуальное окружение расширяет объем семантического содержания лексем-колоронимов.

Фразеологизм белое пятно (-ые) (-а) в значении 'нечто неизвестное, неисследованное, загадочное' уже утратил сему 'цвет', она только во внутренней форме – неисследованные территории на географических картах обозначались белым цветом:

Я восстал на путь, где больше белых пятен,
Чем черных дыр – зрачков немой толпы...

(А. Петров. Подножия).

В русской лингвокультурной традиции лексема снег жестко связана с определенным временем года – зимой, с понятием белого цвета, с представлением о физической чистоте, о холоде, обновлении пейзажа, красоте блистающих снежных просторов, явлениях природы – метелях, снегопадах, зимних бурях, о внешней застылости и, наконец, понятием смерти.

Именно фразеологизм модели сравнительного оборота как снег номинирует белый цвет, с экспрессивной семой 'очень'.

– Нет, Хорь в город уехал, – отвечал парень, улыбаясь и показывая ряд белых, как снег, зубов.

(И.С. Тургенев. Хорь и Калиныч).

Все перечисленные символические представления о снеге обусловлены не только языковыми единицами в архитектонике текста, но и социальным опытом авторов и читателей, фоновыми культурными знаниями, усвоенными в течение всей жизни, то есть пресуппозициями, дотекстовыми знаниями.

В этом плане особенно ценным представляется высказывание Н.Ф. Алефиренко: «Образ как продукт восприятия в познании мира – категория сознания. Будучи включенным в речемыслительный процесс, он превращается в языковой образ – категорию языкового сознания, в контексте которого он вступает в новые ассоциативные отношения, необходимые для языкового моделирования того или иного феномена национальной культуры, для формирования языковой картины мира в виде образных представлений» (Алефиренко 2002: 34).

Таки образом, концепт «Цвет» вербализован как абстрактным ядерным словом «цвет» и его синонимом в одном из значений «краска», прошедшими путь семантического развития: приобретение новых лексических значений и утратой старых (например, цвет в значении «луг»).

Концепт «Цвет» является важной частью русской языковой картины мира.

Доминантными лексемами-колоронимами, вербализующими концепт «Цвет», оказались традиционные номинанты: белый, черный, красный, желтый, серый, синий, называющие конкретные цвета и их оттенки.

В художественном дискурсе колоронимы обогащают свое семантическое содержание за счет синергетики текста: в их семантике актуализируются коннотативные семы, экспрессивные, модальные, оценочные. Таким образом, колоронимы в художественном дискурсе создают не только зрительный образ, являющийся символом определенного типа бытия, но и выступают как психо-эмоциональный камертон, на который настраивает свое душевное состояние читатель, подчас не осознавая, какими языковыми средствами и приемами автор вызывает ассоциации в сознании реципиента, каким образом продуцирует художественно-эстетический образ.

Колоронимы-лексемы, ставшие компонентами фразеологических единиц, как правило, утрачивают ядерную сему 'цвет' и перестраивают семантическую структуру значения, номинируя и обозначая новые реалии и понятия (белые пятна, черные дыры, зеленый руководитель и т.д.).

Созданию художественного образа способствуют приемы погружения колоронимов в текст: а) противопоставление колоронима другим цветонимам, в том числе с использованием антонимических пар;

б) реализация нескольких колоронимов в небольшом отрывке для формирования образно-изобразительной картины природы, стихийных явлений, филологического и психо-эмоционального состояния субъекта; в) употребление колоронимов-синонимов для уточнения оттенков цвета и через него состояния персонажа; г) включение колоронима в метафорическое словосочетание с целью актуализации детали, воздействует на зрительные ощущения и воображение читателя / слушателя.

Литература

Алефиренко, Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. – М., 2002. С. 34.

Коптева, Н.В. Предметная и вербальная символика желтого в русской этнической культуре // Язык как система и деятельность: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 80-летию проф. Ю.А. Гвоздарева. – Ростов-на-Дону, 2005. С. 23-29.

Краткий психологический словарь. – М., 1985. С. 228.

Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская АН; Российский фонд культуры; 2-е изд., испр. и доп. – М.: АЗЪ, 1995. – С. 860.

Помыкалова, Т.Е. Цветообозначение в номинациях лексического и фразеологического признака. – Челябинск, 2007. С. 7.

Срезневский, И.И. Словарь древнерусского языка. – М., 1989. Т.3. Стлб. 1437–1438.

Шанский, Н.М. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов / Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. – 7-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2004. – С. 356.

Summary. The article examines the concept “Color” and its implementation in the modern Russian literary language, frequency coloronims, their broad and narrow meaning, the dependence of the value of the context, the idioms associated with the concept of “Color”. This article discusses the development of figurative language worldview, the concept “Color” and its representation.

Key words: concept “Color”, coloronims, idioms, language worldview.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ МАЛОЙ ПРОЗЫ Л.Е.УЛИЦКОЙ)

У.У. Габитова

Россия, г. Челябинск, Челябинский государственный педагогический университет
ulia347983@mail.ru

В данной статье мы рассмотрим фразеологические единицы (далее ФЕ) семантической категории времени. Материалом исследования послужила оригинальная авторская картотека фразеологизмов, функционирующих в повестях и сборниках рассказов Людмилы Улицкой «Сквозная линия», «Весёлые похороны», «Сонечка», «Искусство жить», «Бедные родственники», «Девочки», «Детство 49» и «Первые и последние».

Нами зафиксировано 535 единиц с темпоральной семантикой в 1610 употреблениях. Использование данных ФЕ позволяет автору со-

здать определённое временное пространство, которое помогает читателю увидеть образ жизни, мысли, взаимоотношения героев с миром.

В нашей работе мы опираемся на семантико-грамматическую систему А.М. Чепасовой. Классовое соотношение ФЕ можно представить в виде таблицы:

Класс	Количество единиц	Количество употреблений
Качественно-обстоятельственные ФЕ	430	1357
Процессуальные ФЕ	47	59
Призначные ФЕ	19	26
Предметные ФЕ	15	21
Релятивные ФЕ	14	78
Связующие ФЕ	6	42
Модальные ФЕ	3	24
Количественные ФЕ	1	3

Как мы видим, основную часть семантической категории (далее СК) времени составляют качественно-обстоятельственные фразеологизмы, что соответствует общезыковой закономерности. Особенность семантики качественно-обстоятельственных фразеологизмов семантической категории времени в данных текстах – обобщённый характер значения, неопределённость, абстрактность. Анализ собранной картотеки позволил выделить фразеосемантические поля СК времени ФЕ. Мы рассмотрим некоторые из них.

«Продолжительность». ФЕ данного семантического поля обозначают длительность действия события. Нами зафиксировано 133 единицы в 408 употреблениях. Мы выделили несколько подгрупп с более конкретным значением:

1. «Некий ограниченный отрезок времени». Самый многочисленный ряд: 56 единиц в 130 употреблениях. Продуктивна модель «спустя + временной отрезок» (14 единиц).

*Три дня он наблюдал за двенадцатилетней Маргаритой из дядькиного сада сквозь просветы крупных листьев инжира и **спустя пять лет** женился на ней* (Улицкая 2009: 51). **Спустя пять лет** – качественно-обстоятельственный фразеологизм, значение: позднее, по прошествии пяти лет. Здесь присутствует взаимодействие временной и количественной сем.

Промежуток времени может ограничен следующими временными отрезками:

- *жизнь (за всю жизнь, за всю свою жизнь, за свою жизнь, за долгую жизнь, за длинную жизнь, на всю жизнь, во всю жизнь, целую жизнь, всю жизнь, проводить жизнь, вести жизнь, на всю жизнь, вся жизнь, долгая жизнь),*

- *время (на время пребывания, за это время, за всё время, за долгое время, за последнее время, за недолгое*

время, за то время, не терять времени, дать время, провести время);

- **годы (за долгие годы, за многие годы, за все эти годы, за эти годы, за годы замужества, за годы болезни, за годы эмиграции, за годы дружбы, за последние 20 лет, за последние годы, в годы ссылки);**

- **месяц (целый месяц, за последние месяцы);**

- **день (целый день, весь день, целый день, на день).**

Данные единицы сочетают в себе временную и количественную семантики, в них не содержится указания на конкретные временные границы.

2. «Неопределённо долгое время». Фразеосемантическое значение данной группы (27 единиц в 106 употреблениях) – «нескончаемый продолжительный период»: **как вечность, вечность прошла, по истечении времени, долгое время, всё это время, всё время, на некоторое время, на какое-то время, на вечные времена, на время, с течением лет, по прошествии лет, целыми днями, несколько лет, несколько дней, сколько лет, долгими часами, сколько лет, не первый год, многие годы, долгие годы, все годы, с годами, много лет, на какие-либо сроки, на столь долгий срок, всю дорогу.** Временная длительность обозначается как неопределённо большой, нескончаемый период.

Наконец Женя опомнилась – никогда ещё она с Сашкой не расставалась на столь долгий срок... (Улицкая 2007: 58). **На столь долгий срок** – качественно-обстоятельный фразеологизм, значение – «длинный, протяжённый по времени период». В семантике данной единицы сочетаются качественная и количественная семы.

3. «Неопределённо короткое время». 8 единиц в 24 употреблениях имеют семантическое значение «недолгий, незначительный промежуток времени»: **на день-другой, на несколько часов, несколько минут, на лишнюю минуту, на мгновение, на пять минут, на минуту, на одну минуту.**

Соседки, на минуту оторвавшись от хозяйства, снова застучали и загремели (Улицкая 2011: 347). **На минуту** – качественно-обстоятельный фразеологизм, значение – «на короткое время, ненадолго». Здесь опять мы видим сочетание временной и количественной семы.

4. «Начало длительности действия». В данную подгруппу входят 16 единиц в 66 употреблениях. Основное значение «начало продолжительности какого-либо действия, явления или события». Данные ФЕ построены по модели «с + существительное»: **с тех пор, со временем, с момента, со студенческих лет, с сегодняшнего дня, с того дня, с этого дня, с первого дня, с первого раза, с третьего раза, с нэповских времён, с советских времён, с того момента, как, с довоенного времени, со времён, с вечера.**

Они почти не разговаривали **с тех самых пор**, как он пришёл с фронта (Улицкая 2009: 134). **С тех самых пор** – качественно-обстоятельный фразеологизм, значение «с того определённого момента».

5. «Конец длительности действия». Фразеологизмы данной группы объединены семантическим значением «конечности какого-либо действия, события или явления». Зафиксировано 15 единиц в 56 употреблениях: **всё ещё, по сей день, до самой смерти, до тех пор, до утра, до сих пор, до позднего вечера, до поздней ночи, до самого вечера, до последней минуты, по сию пору, до самого глухого часа ночи, о поры до времени, до дома, до самой темноты**.

Так вертелась она с пяти утра **до поздней ночи** и жила не хуже других (Улицкая 2011: 34). **До поздней ночи** – качественно-обстоятельный фразеологизм, значение – «конечный момент прекращения чего-либо».

6. «Начало и конец длительности действия». Встречаются единицы, совмещающие в своём значении начало и конечность действия (11 единиц в 26 употреблениях): **лет тридцать, с утра до вечера, с утра до ночи, всю ночь, за тот час, всю неделю, за эти дни, за последние сутки, в течение, с первого по последний урок, от начала до конца**.

Нина проспала **всю ночь** как убитая (Улицкая 2011: 126). **Всю ночь** – качественно-обстоятельный фразеологизм, значение – «в течение, в продолжение ночного периода».

Фразеосемантическое поле «Определённый промежуток времени» объединяет 112 единиц в 210 употреблениях. Основную часть составляют фразеологизмы качественно-обстоятельного класса (72%), но встречаются единицы процессуального, призначного, предметного, релятивного классов и фразеологические союзы. В состав ФЕ данного семантического поля входят единицы, в которых в качестве фразеобразующего субстантивного компонента выступают слова **жизнь, время / времена, век, год, день, вечер, случай, час, минута, мгновение, миг, момент**.

Компонент *жизнь* обладает семей «период жизни человека», зафиксирована одна устойчивая модель образования единиц данной группы: «в какой-либо жизни» (**в американской жизни, в другой жизни, в этой жизни, в эмигрантской жизни, в московской жизни, в архаической жизни**). Определяющим фразеологическое значение становится компонент прилагательное.

Сидели молча перед накрытым столом и ждали саму Веру, с которой Марго была очень дружна **в американской жизни** (Улицкая 2011: 64). **В американской жизни** – качественно-обстоятельный фразеологизм, значение «в период жизни в Америке». Значение данной ФЕ определяет прилагательное «американский».

Компонент *время, времена* формирует фразеологическое значение семой «продолжительный промежуток времени». Можно выделить несколько моделей образования данных ФЕ: «в какое-либо время» (14 единиц), «в какие-либо времена» (5 единиц), «какого-либо времени» (4 единицы), «к какому-либо времени» (3 единицы). Основу значения данных единиц составляет компонент-прилагательное, который даёт конкретное указание промежутка времени.

Обута была Зинаида мягко, в разрезанные впереди войлочные тапочки, к которым у неё дома были и галоши на мокрое время (Улицкая 2011: 195). **На мокрое время** – предметный фразеологизм, значение: «для сырой погоды, на дождливый период». Прилагательное «мокрый» определяет значение всего фразеологизма.

Компонент *век* зафиксирован в 2 единицах – **свинцовый век, серебряный век**. Данные предметные фразеологизмы образно называют периоды в истории русской поэзии.

Компонент *год* встречается в следующей модели: «в какие-либо годы» (10 единиц). В данных единицах чётко обозначена временная грань.

На этот раз он изменял твердому обету безбрачия, принятому в годы раннего и обманчивого успеха, отнюдь не связанному, впрочем, с обетом целомудрия (Улицкая 2007: 18). **В годы раннего и обманчивого успеха** – качественно-обстоятельный фразеологизм, значение «промежуток времени, характеризующийся удачей, победами в определённой деятельности».

Компонент *день* актуализируется семой «относительно небольшой промежуток времени»: **в лучшие дни, в решающие дни, в алкионовы дни, в тот день и час, до сего дня, до того дня, в один из августовских дней, в тот самый день, в день окончания гимназии, в один прекрасный день, сорокового дня, на этот же день, в самый день похорон, в определённый день, того базарного дня, этого дня, среди бела дня**. В лексическом значении данных единиц присутствует точное указание промежутка времени.

В состав ФЕ в качестве фразообразующих входят темпоральные компоненты **вечер, случай, час, минута, мгновение, миг, момент**. При употреблении данных компонентов актуализируется сема «короткий, непродолжительный промежуток времени».

Анализ фразеосемантического поля «определённый промежуток времени» показал, что наиболее продуктивной становится модель «в + прилагательное + темпоральный компонент» (65 единиц).

Фразеосемантическое поле «Периодичность» объединяет 51 единицу в 211 употреблениях со значением «степень повторения». Нами выявлено несколько конкретных значений:

1. «Всегда, постоянно». Сюда мы отнесли такие ФЕ, как: **круглые сутки, круглый год, раз и навсегда, всякий день, испокон веку, без перерыва, во все времена, без конца, днём и ночью**.

2. «Часто, регулярно, через короткие промежутки времени»: **на каждом шагу, изо дня в день, каждые пять минут, от случая к случаю, всякий раз, что ни год, каждый день, каждый раз, день ото дня, по десять раз на дню, каждую минуту, неделю за неделей, каждую ночь, с года на год, каждый год, каждую неделю, каждое воскресенье, который раз, по воскресным дням, по ночам, по вечерам, каждый вечер, каждое утро, много раз, не раз, не по разу, несколько раз.** Данные единицы имеют сему «регулярного повторения, цикличности времени». Для художественного времени Л.Е.Улицкой характерно заострение внимания на замкнутости, цикличности времени. Цикличность, движение героев по кругу отражает не только их невозможность выйти за рамки существующего времени, но и нежелание персонажей покидать его.

3. «Иногда, редко, однажды»: **время от времени, как-то раз, раз, другой, другой раз, один раз, одно время, не часто, ещё раз, в разные периоды, раз в жизни, первый раз, сколько раз.**

Время от времени они ложились на диван, укрывшись заштопаным сине-зелёным пледом, и прадед рассказывал девочке истории, вернее, одну бесконечную историю про людей с необыкновенными именами (Улицкая 2013: 33). **Время от времени** – качественно-обстоятельный фразеологизм, значение – «иногда, периодически, нерегулярно». Также присутствует сема непродолжительности.

4. «Никогда»: **никогда в жизни, не раз, не два, ни разу, ни в коем случае, сто лет.**

Сто лет её не видел (Улицкая 2007: 108). **Сто лет** – качественно-обстоятельный фразеологизм, значение – «никогда, очень давно». В данной единице присутствует сема продолжительности.

Фразеосемантическое поле **«Скорость»** определяется количеством времени, затраченного на выполнение чего-либо. Зафиксировано 25 единиц в 54 употреблениях. Данное поле объединяет единицы, в значении которых присутствует сема «темп, степень быстроты».

Фразеологизмов со значением «быстрота, высокий темп совершения действия» больше, чем ФЕ с антонимическим значением. Это продиктовано закономерностями языка. В нашем материале зафиксировано 17 единиц.

И Маша млела от их разговоров – может, и не таких уж смешных, но дело всё было в том, что ответы-вопросы – пум-пум-пум – с молниеносной быстротой сыпались, и Маша даже не всегда успевала уследить за смыслом этого скоростного обмена (Улицкая 2007: 122). **С молниеносной быстротой** – качественно-обстоятельный фразеологизм, значение – «быстро, скоро, мо-

ментально». Сочетание временной, качественной и количественной семантики.

Сема «постепенно, последовательно» содержится в 8 единицах: **вырасти на глазах, идти своим чередом, идти по плану, дни за днями идут, время идёт, вечер катится, своей чередой, не сразу**. В данных ФЕ отражено главное свойство времени: необратимый, неизбежный процесс, протекающий в одном направлении – из прошлого в настоящее и будущее.

ФЕ, которые обозначают скорость, содержат незначительный элемент темпорального значения, основное их значение – качественное.

Анализ зафиксированных ФЕ семантической категории времени позволил выявить следующие фразеосемантические поля: «продолжительность», «определённый промежуток времени», «периодичность» и «скорость». Материал показал, что Л.Е.Улицкой важно заострить внимание читателя на цикличности времени, на необратимости течения времени. Анализ семантического значения ФЕ позволяет сделать вывод о том, что практически в каждой единице совмещается временная, количественная и качественная семы.

Литература

Улицкая, Л. Бедные родственники: рассказы / Людмила Улицкая. – М.: Эксмо, 2011. 224 с.

Улицкая, Л. Девочки: рассказы / Людмила Улицкая. – М.: Эксмо, 2009. 288 с.

Улицкая, Л. Первые и последние: Рассказы / Людмила Улицкая. – М.: Эксмо, 2011. 352 с.

Улицкая, Л. Сквозная линия: Повесть. – М.: Эксмо, 2007. 352 с.

Улицкая, Л. Сонечка: Повесть. – М.: Эксмо, 2007. 160 с.

Улицкая, Л. Е. Весёлые похороны: повесть / Людмила Улицкая. – М.: Астрель, 2012. 222, (2)с.

Улицкая, Л. Искусство жить: повесть / Сквозная линия: Повесть. – М.: Эксмо, 2007. 352 с.

Улицкая, Л.Е. Детство сорок девять: рассказы / Людмила Улицкая; ил. В.Любаров. – М.: Астрель, 2013. 88 с.

Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4000 словарных статей / Л.А.Войнова, В.П.Жуков, А.И.Молотков, А.И.Фёдоров; Под ред. А.И.Молоткова. – 4-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1987. 54 зс.

Фразеологический словарь современного русского литературного языка / Под ред. проф. А.Н.Тихонова / Сост.: А.Н.Тихонов, А.Г.Ломов, А.В.Королькова. Справочное издание: В 2Т. Т.1. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 832 с.

Фразеологический словарь современного русского литературного языка / Под ред. проф. А.Н.Тихонова / Сост.: А.Н.Тихонов, А.Г.Ломов, А.В.Королькова. Справочное издание: В 2Т. Т.2. – М.: Флинта: Наука, 2004. 832 с.

Чепасова, А.М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов: учеб. пособие. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2006. 144с.

Чепуренко, А.А. Структура семантической категории времени качественно-обстоятельственных фразеологизмов русского языка // Лексикология и фразеология: история, культура, современность. URL: <http://econf.rae.ru/article/7710> (дата обращения: 10.03.2015)

Summary. The article describes the phraseological units from semantic categories of time, functioning in the texts of L.E. Ulitskaya. Their primary semantic typology is presented. Functional features of the use of phraseological units are revealed.

Key words: phraseological unit, linguistic worldview, time.

КОНЦЕПТ «РОДИНА» В ПОЭМЕ И.А. ЧЕРНУХИНА «БЕЛ-ГОРОД»

Э.М. Левина

Россия, Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
elevina@rambler.ru

В лингвистических работах последних десятилетий индивидуальный стиль мастера слова изучается с учетом соотношения языка и мышления, способов выражения в языке внеязыковой действительности, знаний о мире, законов организации языковой картины мира. Ведущим для современных лингвистических исследований является функциональный подход, изучающий язык в действии, ориентированный на языковую личность. Одним из актуальных является вопрос о лексическом проявлении культурных концептов, базовых понятий культуры общества, его духовной жизни. Термин концепт в последние десятилетия XX в. стал широко использоваться в лингвистической литературе и оказался одним из ключевых понятий современной лингвистики (Алефиренко 2010; Арутюнова 1999; Карасик 2007; Кошарная 2012; Попова, Стернин 2010 и др.).

Содержание концептов, свойственных тому или иному художнику слова, определяется особенностями его художественно-образного мировосприятия и индивидуально-авторской картины мира, которая выступает «как некое закономерное единство, система, обладающая специфической кристаллической структурой» (Лихачев, 1989: 71).

Литература Белгородчины, представленная множеством ярких индивидуальностей, отражает своеобразную историю и культуру Белгородского края и становится значимым явлением. Именно она вбирает сегодня важные человеческие ценности в системе «человек – природа – общество», воплощенные в литературных текстах, посредством которых осуществляется переосмысление всего достигнутого человечеством. В общем смысловом объеме исследованного материала, опубликованного за последние десятилетия, отражены общечеловеческие мысли, идеи. Реалистическая литература изображает типические явления жизни и характеры в типических обстоятельствах. Ей свойственно воспроизведение событий в рамках определенного пространства и времени. Не случайно в творчестве поэтов Белгородчины особое место отводится родному краю.

Цель нашего исследования – выявление и описание смысловых пластов культурно-исторического концепта «РОДИНА», осуществление концептуального анализа языковых средств лексико-семантического поля «Родина / малая родина».

Концепт «РОДИНА» занимает доминирующее положение в белгородской поэзии, как и в общерусской культуре, является ключевым в русском национальном сознании. Понятие Родины у большей части поэтов Черноземья связано с Россией, причем здесь темпоральные ха-

рактеристики объекта приблизительно одинаковы. Лишь в отдельных случаях видим поиски понимания того, что мы живем в очень сложное, в какой-то степени двойственное время:

*Повернулось ли время вспять
Или что-то случилось в мире?
Я уже не могу молчать,
Я глаза открываю шире.
Пролетая над миром, мгновенья
Открывают для нас имена,
Пониманья ищут, объясненья
В эти двойственные времена* (А. Малахов)
*Плуг идет по всей **России**,
Пласт на пласт кладет.
Да, в тебе такая сила:
Прут воткни – цветет!* (В. Федоров)

Анализ понятийной составляющей концепта РОДИНА на базе лексикографических источников позволил выделить в ней следующие основные, или ядерные, признаки: 1. Родина – «мать»; 2. Родина – «земля, край отцов, где живут близкие»; 3. Родина – «государство, в котором человек родился»; 4. Родина – «отечество, отчизна, государство, гражданином которого состоит». Ключевым именем концепта является лексема *Родина*. Каждый из смыслов репрезентируется в поэме И.А. Чернухина БЕЛ-ГОРОД, при этом слова *Русь*, *Белгород* являются доминантными в синонимических рядах – *Белгород*, *Белый город*, *Белгородчина*; *Русь*, *святая Русь*, *Матушка-Русь* (Есмурзаева 2009).

Актуализация концепта РОДИНА / МАЛАЯ РОДИНА в дискурсе поэмы происходит путем наименования объекта – *Родины-матери*:

*...**Мать-Рассеюшка** –
Судьба
С горем и обманом...
Белый город,
вы края,
Что меня растили,
Вы учили петь меня
И любить **Россию**.*

Понятие родины как «земли, края отцов, где живут близкие» вербализуется через словосочетания *родной край*, *земля*, *родной домишко*, *родное селение*:

*Оглянулся мужик,
Посмотрел рассеянно
На родной домишко,
На родное селение.*

При номинации объекта – «большой Родины» – происходит отождествление Родины с «государством, в котором человек родил-

ся», «Отечеством, отчизной, государством, гражданином которого он является», при этом используются лексемы *Россия, Русь, Родина, Рассеюшка*:

Велика **Рассеюшка**,
Велика святая...

Вольный город –
твой и мой
Город русской славы.
И стоять ему века
Молодым и сильным...
Быть и быть ему, пока
Есть
Земля – **РОССИЯ!**

Анализ фрагмента языковой картины мира на основе поэмы позволяет выявить периферийные признаки концепта «РОДИНА», которые отражают особенности формирования ценностной картины мира в русском национальном сознании. Анализируя периферийные признаки концепта «РОДИНА», опираемся на методику выявления признаков, выявленную Г. Воркачевым (Воркачев 2004:26) и выделяем три дополнительных (периферийных) кластера: 1) историко-географический; 2) эмоционально-ценностный; 3) императивный.

В поэме И.А. Чернухина «БЕЛ-ГОРОД» историко-географический кластер включает в себя прежде всего природно-ландшафтные признаки: *горы, кручи, леса, камышовые заросли, камыш, край степей, двор, синие леса, черные погосты, небо, просторы, теплые края, край, дерево, мел, поместья, города, земля, травы, степь, березы, меловые горы, дорога, гром, горькая трава, степное раздолье, свет зари, поле, раздолье, солнце, журавли, журавлиный крик.*

Ишь, по пояс **травы**...
И нигде ни души.
Ну края так края!
Все краям...
Хороши!
Не за белыми ль горами,
Меловыми кручами,
Там, где солнце над лесами,
Песня моя лучшая?

Отметим, что описание различных природных явлений и ландшафтных особенностей формирует представление о родине как о пространстве, территории, отмеченной определенными географическими особенностями.

Особую значимость в поэме приобретают пространственно-временные признаки, которые вербализуются через противопоставления (*Великая Русь – город*):

Белый город,
вы края,
Что меня растили,
Вы учили петь меня
И любить **Россию**.

Особую значимость приобретают географические места, которые актуализируются через систему тополексем (топонимические признаки). И.А. Чернухин упоминает топонимы в качестве места развертывания действия: используя название той местности, природу которой он описывает, и чаще всего это названия сел, городов, географических объектов Белгородской области. Кроме того, некоторые названия, которые исчезли из повседневного употребления, сохранены именно в поэтических строках. Местные топонимы помогают конкретизировать зарисовку географической среды и отчасти проливают свет на историю развития селений, на их естественно-географические и культурно-исторические особенности, причем степень авторской привязанности оказывается очевидной и поэтически весомой: *Белгород, Россия, Москва, Московия, Донец, Пушкарное, Казацкое, Стрелецкое*:

Двор к двору...
И названье селу
Так по службе своей и дает.
Вот и встало **Пушкарное** там,
Здесь **Казацкое**
Да **Стрелецкое**...
Обживает **Московье** места...

Особый интерес представляют номинативные варианты, различные по структуре (монологемные, бинарные, многокомпонентные), содержащие в себе богатый объем внелингвистической информации. В таких наименованиях отражены история географического объекта, его значимость, авторское отношение, оценка, роль географического объекта в развитии культуры и жизни нации в целом.

РУСЬ – Россия, великая Русь, Русь Святая, святая земля, Рассея, Расеюшка, российские версты.

БЕЛГОРОД – Белый город, Бел-город (сохраняем авторское написание), *Белгородчина, Белогорие Белый град, Белгородская черта.*

В репрезентации исторической судьбы родины участвуют такие исторические признаки, которые актуализируются через устаревшие формы и лексемы, старославянизмы: *мякинушка, Московия, боярин, царь-государь, скоморохи, звонарь-бунтарь, Московия, знамо дело, почто, барские поместья, град, молодчики*:

Оглянулся мужик,
Посмотрел рассеянно
На родной домишко,
На родное селение.

Рукавом армяка глаза протер.

Судьба народа – это судьба нашей Родины. История многокультурной общности россиян и единство народов России репрезентируется демографическими признаками. Демографические признаки актуализируются через слова и словосочетания: *православный народ, царь-государь, боярин-барин. дьяк-хитряк звонарь-бунтарь, скомо-рохи, мужик, вдовы, стрельцы-молодцы, казаки, народ служивый, народ, народ темной.*

Стоит Московия на краю степей

Что в ней?..

Царь-государь,

Боярин-барин.

Дьяк-хитряк,

Звонарь-бунтарь,

А еще развелись как блохи –

Ск о м о р о х и...

Отчего полынь-травой

Отдает медовая?..

Не с нее ли так с лихвой

Русь богата вдовами?..

Следующий кластер связан с эмоционально-ценностными признаками концепта «РОДИНА». Любовь к родине последовательно актуализируется в дискурсе поэмы: *любить, Русь*; признак уникальности репрезентирован лексемами: *одна, единственная*, что позволяет сформировать в сознании носителей русской лингвокультуры неповторимый образ родной страны:

...Вы учили петь меня

И любить Россию.

Петь по-русскому,

Свое

И любить по-русски.

Русь, она – молчальница!

Русь, она – терпеж!

Ну а раскачается –

Силой не уймешь!

Чувство родной земли неотделимо от восприятия природы: поэтическая картина мира И. Чернухина не мыслится вне родной природы.

Выделение группы «природных» признаков актуализирует чувства привязанности к родине, неотделимости от неё, это особое чувство – чувство Родины, связанное с чувством гордости за свою страну. Отметим особую роль эмоционально-оценочной лексики, входящей в данную группу. Автор весьма часто использует лексемы, содержащие в своей структуре суффиксы субъективной оценки: *березы, зорька летняя, степушка-степь, ноченька, солнышко, журавлиный говор*:

Как спокойна степь в ночи.

Как светло и росно...

Птицы где-то прокричат –

И сорвутся звезды.

Белый город...

Вы – края...

Степь...раздолье летнее –

Песня и любовь моя

Первая...

последняя...

Отдельный кластер составляют императивы долженствования и обязанности перед Родиной, что актуализируется посредством слов и словосочетаний как *русский, народ служивый, дружина, вражьи силы, поднимайся, собирайся.*

Поднимайся, народ,

Служивый.

Собирайся, народ.

В дружины.

Заряжайте потуже

Пищали.

Русь врагам ничего

Не прощает!

В целом, как показал наш анализ, концепт «РОДИНА» является ключевым в поэме И.А. Чернухина «БЕЛ-ГОРОД» и представляет собой одну из центральных «семантических сфер» в индивидуально-авторском мире поэта. Смысловое наполнение названного концепта последовательно реализуется на протяжении всей поэмы и включает в себя несколько концептуальных признаков: *Родина – «мать»*; *«земля, край отцов, где живут близкие»*; *«государство, в котором человек родился»*; *«отечество, отчизна, государство, гражданином которого состоит»*. Названные смысловые планы состоят из ряда семантических линий (семантических составляющих), которые, взаимодействуя, создают поэтическую картину мира, соответствующую мировосприятию автора.

Обобщая признаки концепта «РОДИНА», выявленные посредством анализа поэмы, можно заключить, что Родина предстает в авторской картине мира как часть мирового географического пространства, страна, обладающая природно-ландшафтными особенностями, природными богатствами, где протекают природные, социально-экономические, исторические и демографические процессы. Это в полной мере эмоциональный концепт, связанный с особым чувством родины, с чувством гордости за свою страну, что проявляется в использовании эмоционально-окрашенной лексики и императивов.

Для И.А. Чернухина малая родина и большая родина неразделимы и существуют в сознании мастера слова, как и в русском национальном сознании, как некое единство.

Литература

Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: Учебное пособие. – М.: Флинта, 2010.

Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999.

Воркачев, С. Г Слово «Родина»: значимостная составляющая лингвоконцепта // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж: ВГУ, 2006. С. 26.

Есмурзаева, Ж.Б. Ядерные смыслы концепта РОДИНА (по данным лексикографических источников) // Личность. Культура. Общество. Т.3 (50), 2009. С. 475-480.

Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2007. С. 256.

Кошарная, С.А. К вопросу о концептуальном анализе // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. №3-2 (23) / 2012. (Эл. ресурс). Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-kontseptualnom-analize.pdf>

Лихачев, Д.С. Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. – Л.: Советский писатель. Ленингр. отд-ние, 1989. 605 с.

Попова, З.Д., Стернин, И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. 314, (6) с. (Лингвистика и межкультурная коммуникация. Золотая серия).

Summary. The article is devoted to the question of linguistic resources that represent the concept “Homeland” in Russian worldview. Analysis of fragments of the language worldview, based on the poetic text, reveals the peripheral features of the concept “Homeland”, which reflect the peculiarities of formation of axiological worldview in the minds of the media of the Russian mentality.

Key words: concept, discourse, nuclear and peripheral features, language worldview, conceptual signs.

ДИСКУРСИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА БИНАРНОГО КОНЦЕПТА

А. В. Магомедова

Россия, г. Белгород, МАОУ «Гимназия №1»
magomedova27@yandex.ru

Когнитивная лингвистика – одна из бурно развивающихся парадигм современной науки о языке – базируется на тесной междисциплинарной интеграции знаний антропоцентрического характера. В недрах данной парадигмы укрепляются позиции когнитивно-прагматической субпарадигмы, воплощающей идеи о речепорождающем предназначении дискурсивной деятельности человека. Для подтверждения или опровержения этой гипотезы, прежде всего, необходимо уточнить само понятие «дискурс», бытующее в работах разных исследователей в достаточно широком смысловом диапазоне (ср.: Кожина 2004: 25 и Алефиренко 2009: 248). Н.Ф. Алефиренко под дискурсом понимает «речемышлительное образование событийного характера в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими, паралингвистическими и другими факторами» (Алефиренко 2009: 248). Формирование художественного дискурса порождает определенный смысловой контекст, который включает информацию о субъектах речемышления, объектах, их социально-

культурном опыте, хронотопных условиях. При таком понимании дискурса его конструктивным началом выступает концепт как смыслообразующий эпицентр будущего текстопорождения. Дело в том, что экстралингвистический опыт субъекта речи (его возраст, пол, характер, взгляды, национальность и др.) способен трансформировать в сознании человека смысл слова или сочетания слов, в том числе и устойчивых. Попадая в дискурсивное пространство жизнедеятельности человека, слово вбирает в себя его субъективно-оценочный пласт. Думается, что самым ярким доказательством когнитивно-прагматической природы языка выступает способность слова употребляться в переносном смысле с целью аффективно-образного воздействия на адресата. Не случайно большинство языковых средств художественной выразительности имеют окказиональную природу.

Итак, чем объясняется концептообразующий потенциал дискурсивно-прагматической деятельности человека? В поисках ответа на этот вопрос, прежде всего, стоит отметить главное: дискурсивно-прагматическая деятельность находится на пересечении когнитивной лингвистики и лингвопрагматики, внутренним остовом которого является антропоцентрическая энергетика всех компонентов формирования концепта, и прежде всего, концепта бинарного, являющегося продуктом субъективного восприятия мира.

Антропоцентризм качественно отличается структурную лингвистику от когнитивной. Он превращает язык из механического набора сочетаний различных единиц в живой механизм, в основе которого находится человек и дискурсивное пространство, его окружающее. В статье Н.Ф. Алефиренко, посвященной когнитивно-прагматической субпарадигме, зафиксирована мысль, определяющая сущность современной лингвистики: триединство языка, речевого общения и человека позволяет ему существовать в мире, осуществлять познавательскую и интеллектуальную деятельность и «создавать вокруг себя ценностно-смысловое пространство» (Алефиренко 2009:2). Именно ценностно-смысловое пространство и составляет основу культуры нации, которая неразрывно связана с особенностями менталитета.

Мысль о противоречивости души русского человека воспринимается как непреложная истина. Эта идея воплощена в произведениях художественной литературы и отражена в философских трактатах многих русских мыслителей. Так, Н. Бердяев пишет: «Противоречивость и сложность русской души, может быть, связана с тем, что в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории — Восток и Запад. Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ. Россия есть целая часть света, огромный Востоко-Запад, она соединяет два мира. И всегда в русской душе боролись два начала, восточное и западное».

Несмотря на интенсивность исследований в области когнитивной лингвистики, сущность концептов до сих пор представляет остат-

ся предметом дискуссий, в частности продолжается поиск оптимального основания для классификации когнитивных структур. Вопрос о систематизации концептов привлекает внимания многих авторов (З.Р. Аглеева, Н.Ф. Алефиренко, А.П. Бабушкин, Е.В. Дзюба, Е.Ю. Пономарева, З.Д. Попова). В работе Д.С. Лихачёва «Концептосфера русского языка» представлено деление концептов с точки зрения их тематики. А.Я. Гуревич подразделяет культурно-языковые концепты на философские категории и социальные (культурные). Е.В. Образцова в основу своей типологии кладет принцип динамики, тем самым выделяя устойчивые и неустойчивые концепты. Примечательно, что именно устойчивые концепты, по мнению исследовательницы, имеют закрепленные за ними средства вербализации. Значимой в контексте нашего исследования можно считать классификацию М.В. Пименовой, которая выделяет парные концепты, бинарные и эквивалентные.

Отдельную проблему в разных классификациях составляют так называемые бинарные концепты, не только образующие огромный пласт в русской языковой картине мира, но и выполняющие в ней важную структурирующую функцию. Под бинарными понимаются такие концепты, слова-репрезентанты которых являются антонимами (см.: Пименова 2012: 95). Ни в одном из проанализированных нами трудов мы не встретили термин *художественный бинарный концепт*. Мы осознаем, что не каждый бинарный концепт является художественным, так как такие оппозиции восходят к культуре народа и входят в разряд познавательных концептов. Человеку свойствен дуалистический принцип восприятия мира (Даниленко 2015: 106).

М.В. Пименова определяет дуализм как особый способ восприятия, «рисующий картину мироздания, опираясь на проявление двух противоположных друг другу начал, борьба между которыми и создает все то, что есть в действительности» (Пименова 2003: 73). Бинарные концепты выполняют две основные функции: а) собственно когнитивную, поскольку являются и средством познания, и средством хранения знаний, и б) ассоциативно-образную, благодаря которой буквальное значение слова, прежде всего в художественном произведении, обрастает новыми, нередко далеко не узуальными смыслами. В результате сопряжения этих двух функций появляется особый тип бинарного концепта – художественный. Само понятие «художественный концепт» стал использоваться в лингвопоэтике в конце XX века. Стимулом к его популяризации послужила статья Л.В. Миллер (Миллер 2000). Однако бинарный концепт как предмет самостоятельного исследования в роли средства художественного речемышления не рассматривался, хотя в нем заложен незаурядный изобразительно-выразительный потенциал (Тарасова 2010: 742). Поскольку, как пишет О.В. Беспалова, художественный концепт – «единица сознания поэта или писателя, которая получает свою репрезентацию в художественном произведении или совокупности произведений и выражает

индивидуально-авторское осмысление сущности предметов или явлений» (Беспалова 2002: 6), он служит средством формирования идиостиля писателя и прежде всего того, кого терзает дух противоречия. Именно к таковым принадлежал Леонид Андреев. Терзали его главным образом противоречия религиозно-философского характера. Они-то и определили идеостилевую доминанту писателя. Ею стала лексическая контрастность, в основе которой лежит оппозиция бытийных и культурных концептов. Она, в частности, образует тот остов, на котором держится образная архитектоника рассказа «Жизнь Василия Фивейского» (1903). Уже то, что название произведения включает в себя лексему *жизнь* в сочетании с именем собственным, придает рассказу житийную тональность. Читатель ждет максимально развернутую во времени и пространстве картину событий, в которой духовное возрождение будет неизбежно сменяться сомнением и бунтом. Такое предположение звучит почти парадоксально, ведь житийная литература – это рассказ о жизни святого, душе которого чуждо неверие, даже если к нему подталкивают испытания судьбой.

Предложение, открывающее текст, – развернутая когнитивная метафора, сцепляющая воедино концепты «Жизнь» и «Рок»: «Над... жизнью тяготел... рок». Информативный и культурологический потенциал каждого из слов настолько высок, что их уверенно можно отнести к концептам бытия, которые в сознании человека рождают определенный образ. Так, у пяти читателей из восьми концепт «Рок» ассоциируется с такими явлениями, как «неизбежность», «трагедия», «неизвестность». Особую драматичность тексту придает способ вербализации этого концепта: концентрированным употреблением слов с отрицательной коннотацией. Сочетание лексемы *рок* с образными прилагательными *суровый* и *загадочный* обескураживает читателя, настраивая его на драматический пафос всего повествования.

Л. Андреева нередко обвиняли в том, что он нарочито пугает читателя, употребляя в огромном количестве «мрачные» слова. Это замечание может показаться справедливым. Из шестнадцати слов второго предложения – десять обладают отрицательной коннотацией. Доведенное до тавтологии словосочетание *проклятый проклятием*, сцепляет первое и второе предложения текста и образует единую концептосферу «Бытие». Бинарные концепты по определению трансформируются в концептосфере текстов Леонида Андреева почти в парные. Поясним отмеченный парадокс с помощью результатов ассоциативного эксперимента.

Отличительным признаком бинарных концептов служит их репрезентация лексическими антонимами. К парным же относим концепты, репрезентирующиеся словами-синонимами. С целью выявления ассоциативного поля бинарных концептов нами был проведен эксперимент. Группе читателей из 27 человек в возрасте 16 лет до знакомства с текстом повести Л. Андреева «Жизнь Василия Фивейского»

было предложено назвать ассоциации, вызываемые концептом «Жизнь». Результат оказался таков: *смерть* (24), *судьба* (19 раз), *развитие* (12 раз), *деятельность* (11 раз), *счастье* (9 раз), *солнце* (8 раз), *рост* (7 раз). После прочтения повести результаты ассоциативного эксперимента кардинально изменились: *судьба* (21 раз), *смерть* (16 раз), *беда* (20 раз), *рок* (17 раз), *испытание* (14 раз), *смерть* (16 раз), *страх* (6 раз).

В словаре ассоциативных норм русского языка А.А. Леонтьева указано, что концепт «Жизнь» более всего вызывает ассоциаций с антонимичным ему концептом «Смерть», менее всего с концептом «Работа», который можно соотнести с таким ответом участников проводимого нами ассоциативного эксперимента, как «Деятельность». Важно отметить, что в названном словаре ассоциаций фигурируют такие атрибутивы концепта «Жизнь», как *тяжелая, хорошая, короткая, интересная, красивая*. Примечательно, что плотная интеграция, синтез, растворение друг в друге антонимичных концептов «Жизнь» и «Смерть» обусловлено их включенностью в макроконцепт «Бытие».

Рассказ Л. Андреева «В темную даль» впервые был напечатан в газете «Курьер» (25 декабря 1900, №357). В основе сюжета противопоставление нового революционного начала и устоявшейся мещанской жизни. Это история о возвращении сына в отчий дом после семилетнего отсутствия. В названии рассказа «В темную даль», где концепт «Тьма» вербализован сочетанием прилагательного *темную* с именем существительным *даль*, проявляется широкая степень обобщенности и абстрактности, а значит, и богатство информативного потенциала языковой единицы. Герой будто шагает в это лишенное света пространство, которое не имеет границ и пределов.

Контрастность «света» и «тьмы» в рассказе образуется противопоставлением уютного отцовского дома и «холодной» улицы – пристанища сына. Перед нами два мира: светлый, теплый мир дома и мрачный, бесприютный мир улицы. «Душой» дома был «комфорт» благополучных людей, отделившихся от внешнего мира, но появление человека из «тьмы» грозно напоминает о том, что в мире царит неблагополучие, от которого обитателей дома отделяют иллюзорные стены «уюта». В рассказе «В темную даль» символический контраст «света» и «тьмы» доведен до выразительного предела. Мир спокойного, светлого дома оказывается крохотным пятном в беспорядочном царстве «тьмы». Экспрессионистский стиль Л. Андреева уже дает о себе знать уже в этом рассказе. Вслед за М. Горьким он обращает внимание на социальное «дно». Однако контраст «света» и «тьмы» существует в прозе Л. Андреева не только в качестве социального контраста «богатых» и «бедных», но и как тревожное чувство общего неблагополучия в мире, перекликающееся с некрасовским ощущением «рокового пути» современной цивилизации.

В глаза бросается не только явное противопоставление «света» и «тьмы», но и их слияние в «серость». Художественная картина дискурса

окрашена в мрачные тона, или даже полутона, преимущественно серые (*пришел он в серый ноябрьский полдень...* (Андреев 1989: 161). Отрицательная коннотация серого цвета связана с неопределенностью, промежуточным состоянием между добром и злом, неуверенностью и смятением. Стущает темные краски и такая пейзажная деталь, как *плотные тучи* (Андреев 1989: 161), вставленная автором в начало текста. Появившись в *серый ноябрьский полдень*, юноша приносит в дом вместе с собой эту *серость*, вызывая у жителей дома непонятные душевные терзания, страх (это слово употреблено в рассказе 11 раз), ужас, волнение, неизвестность. Все чувства и эмоции по отношению к нему неопределенные, неясные, ужасающие, «серые», как и он сам. «Серость» в рассказе Л. Андреева оказывается намного страшнее, чем сама «тьма», в которую уходит сын, покидая благополучный дом отца.

Концентрация слов с негативной коннотацией (*смерть, страх, кошмар, ужас, злоеца даль*), связанная с преобладанием в рассказе упаднических настроений, наделяет концепт «Тьма» способностью выражать и у человека соответствующего состояния. В сочетаемости языковых репрезентантов концепта «Тьма» достаточно рельефно проявляются его образные и символистические слои. Актуализируются они, как правило, с помощью таких средств выразительности как повтор и эпитет (*темная злоеца даль*) (Андреев 1989: 172). В анализируемом рассказе они чаще всего воспринимаются как контекстуальные синонимы. Благодаря такой синонимизации в текстах рассказов Л. Андреева происходит стирание границ между концептами «Тьма», «Страх», «Неопределенность», «Смута», «Ужас». Её когнитивной основой служит коннотативное интегрирование этих концептов в макроконцепт «Свет/Тьма».

Дискурсивная природа художественного бинарного концепта «Свет/Тьма» зиждется на дуалистическом видении мира Л. Андреевым, его глубоким психологическим надломом, борьбой, которую он вел не столько с миром, сколько с собой. Утверждая идеалы праведной христианской жизни, по-своему интерпретируя библейские сюжеты, а порой и вовсе рискует утверждать, что призывы к Богу враждебны человеку, Л. Андреев прибегает к контрасту, порождающему бинарный концепт как когнитивную модель художественного познания мира. Бинарный концепт в художественном мире Л. Андреева являет собой триединую констелляцию трех смысловых линий – композиционной, образной и смыслообразующей, предопределяющую лингвопоэтическую доминанту ментальной оппозиции «Свет»/ «Тьма» – «Добро» / «Зло».

Литература

Алефиренко, Н.Ф. «Живое» слово: проблемы функциональной лексикологии: монография / Н. Ф. Алефиренко. – Москва : Флинта : Наука, 2009. – 341 с.

Беспалова, О.В. Концептосфера поэзии Н. Гумилева в ее лексикографическом представлении: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. 23 с.

Даниленко, И.А. Репрезентанты невербального кода в номинативном поле дуального концепта // Наука, образование, общество. Сер. Филологические науки. М., 2015. – N 3(5). С. 106-110.

Кожина, М.Н. Дискурсивный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций // Текст – Дискурс – Стилль: сб. науч. статей. – СПб., 2004. С. 9–33.

Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – М., 1993. Т. 52. №1. С. 3–9.

Миллер, Л.В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. 2000. № 4. С. 39–45.

Образцова, Е.В. Понятие лингвокультурного концепта в аспекте междисциплинарных исследований (Эл. ресурс) / Е. В. Образцова // <http://e-lib.gasu.ru/vmu/archive/2004/01/15.shtml>

Пименова, М.В. Особенности репрезентации концепта чувство в русской языковой картине мира // Мир человека и мир языка / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: Графика, 2003. – С. 58-120 (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 2).

Тарасова, И.А. Художественный концепт: диалог лингвистики и литературоведения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2010, серия: Лингвистика, № 4 (2). С. 742–745.

Ткаченко, И. Г., Мурка, Ю. Г. Подходы к трактовке текста и художественного концепта в современной лингвистике // Филологические науки в России и за рубежом. – СПб.: Реноме, 2012. С. 173-175.

Summary. The article deals with the nature of a binary concept, which is based on author's dualistic vision of the world. One of rhetorical means to represent this concept is the antithesis, based on the idea of polarity. Juxtaposition of concepts which indicate the writer's worldview forms an antithetic cognitive model. This model can serve as a basis for making judgments on the author's ways of reality conceptualization as well as his/her attitude towards the key issues of former times.

Key words: antithesis, opposition, concept, binary concept.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАССМОТРЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ВЕРБАЛИЗАТОРОВ КОНЦЕПТА “MUSLIM WORLD”

М.К. Козырева

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
goodluck_flowers@mail.ru

В последнее время ученые все чаще говорят о существовании «языковой картины мира». Понятие картины мира как модели мира, как смыслового моделирования мира в соответствии с логикой миропонимания и миропредставления в последнее время используется во многих науках (Брутян 1973: 10). Под картиной мира в самом общем виде понимается упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном сознании. Языковая картина мира как объект лингвистических исследований постоянно привлекает лингвистов (Потебня 1993: 3). Однако чрезвычайная многогранность этого феномена приводит к возникновению разногласий среди ученых.

Продуктивным является подход к ее пониманию как «системы ценностной ориентации, закодированной в ассоциативно-образных комплексах языковых единиц и воспроизводимой через интерпретацию этих образных основ посредством обращения к эталонам и сте-

реотипам мировосприятия лингвокультурного сообщества, что их обусловили» (Опарина 1998: 374).

Именно вопрос вербализации мира, то есть выявление путей «ословления» внеязыковой действительности, обуславливает поиск особенностей отражения восприятия окружающей среды в языковых единицах. Попытки реконструкции концептуальной и языковой картин мира, сопоставление их отдельных фрагментов сейчас являются многочисленными и чрезвычайно перспективными (Бабушкин 1996: 4; 6).

Закономерно, что и сопоставление отдельных концептов также отмечается производительностью (Стернин 2001: 58).

Таким образом, общая тенденция ряда современных исследований в области сопоставимого языкознания на детальное изучение особенностей определенных языковых и концептуальных картин мира, а также вербализации отдельных концептов является особенно важной.

Кроме того, нам кажется необходимым выявление особенностей функционирования концепта “Muslim world” в английской картине мира на примерах лексических единиц современного английского языка, которые вербализируют данный концепт. Интерес представляет особенности воспроизведения концепта в английской языковой картине мира; в лингвокогнитивном и сопоставимом аспектах, его семантические особенности.

На исследование современных подходов к изучению понятия концепта направлены сегодня многочисленные филологические исследования А. Бабушкина (1996), И. Стернина (2001), З. Поповой (2002), В. Карасика (2001).

Термин «концепт», который пришел в лингвистику, культурологию, а затем и лингвокультурологию из логики и математики, приобретает все большее распространение.

Существуют различные точки зрения на структуру концепта. Центром концепта всегда является ценность, поскольку концепт тесно связан с культурой, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип. Показателем наличия ценностного отношения является применимость оценочных предикатов. Если о каком-либо феномене носители культуры могут сказать «это хорошо» (плохо, интересно, утомительно и т.д.). этот феномен формирует в данной культуре концепт. Помимо уже названного ценностного элемента в его составе выделяются фактуальный и образный элементы.

Концепт предстает перед нами как обобщающее абстрагированное понятие, которое входит в базовые концептуальные слои психики и является строительным материалом когнитивной картины мира. Традиционное понимание концепта также не исключает рассмотрение вопроса о его национальной специфике, хотя и не предусматривает наличие в концепте ценностного компонента, составляющего основу лингвокультурного подхода к пониманию концепта, разработанного современными исследователями.

В лингвистических публикациях последних лет концепт не отождествляется с понятием. Современная наука определяет концепт и понятие как сущности разного порядка. И хотя понимание термина концепт в современной лингвистике достаточно вариативно, и сам термин не имеет однозначного определения, не вызывает споров только то положение, что концепт принадлежит сознанию и включает чувственно-волевые и образно-эмпирические характеристики (Бабушкин 1996: 56).

Таким образом, лингвокультурный концепт многомерен, что обуславливает возможность различных походов к определению его структуры. Каждый концепт – это сложный ментальный комплекс. Он содержит в себе смысловое содержание, а также оценку, отношение человека к тому или иному отражаемому объекту и другие компоненты.

Установление семантического объема лексем, которые вербализуют концепт “Muslim world”, заключается в выявлении дифференциальных понятий, которые отмечаются различными коннотативными оттенками значения.

Для анализа данных, полученных в ходе исследования вышеупомянутого концепта, была использована концепцию базовых фреймов, предложенная С. Жаботинской (Жаботинская 1973: 83).

В результате интеграции базовых фреймов возникает межфреймовая сетка, которая отображает структуру лексического значения (Жаботинская 1973: 84). Таким образом, базовые фреймы – своеобразные «строительные блоки» для ментальной репрезентации той или иной области человеческого опыта (Жаботинская 1973: 88).

Базовые фреймы могут быть использованы в качестве универсального инструментария для структурирования информации, которая стоит за отдельной лексической единицей (Жаботинская 1973: 91). Такой подход позволяет подать каждый концепт в виде структуры с ядерными и периферийными элементами.

Концепт “Muslim world” в английском языке состоит из двух концептуальных определителей: “muslim” и “world”. При этом толковый словарь английского языка так трактует понятие “muslim”: “The word is one of the 1500 most common words in English: 1. A muslim is someone who believes in Islam and lives according to its rules. N-COUNT. 2. Muslim means relating to Islam or Muslims ... Iran and other Muslim countries, ADJ” (Cambridge Dictionary).

При этом, в любом случае “muslim” так или иначе привязывается (хотя бы ассоциативно) к понятию “world”, смысловыми и концептуальными определителя которого являются разнообразные лексемы, которые служат для описания понятия “world”: “1. The world is the planet that we live on. It’s a beautiful part of the world... N-SING. 2. The world refers to all the people who live on this planet, and our societies, institutions and way of life. The world was and remains shocked...” (Cambridge Dictionary).

Трактование понятия “world” в этом же словаре имеет такие семантические границы, как: «Arab world, the western world, and the ancient world, Someone’s world, the publishing world, the animal world, the plant world, and the insect world, New World, real world, Third World, the world of good, an ideal world, a perfect world, a man of the world, a woman of the world, the world of someone...» (Cambridge Dictionary).

Из этого следует, что концепт “Muslim world” представляет собой совокупность всех тех людей на планете, чьим вероисповеданием является ислам, а также их последователей. Кроме того, отдельно выделяют понятие “Black muslim” – «Чернокожие мусульмане», как отдельные слои населения, которые борются за сегрегацию белых и темнокожих и проповедуют превосходство негритянской расы.

Таким образом, мы можем говорить о том, что трактование понятия «Muslim world» объединяет в себе понятия, которые являются описательными к указанному концепту. Если объединить концептуальные значения обоих слов, то можем прийти к выводу, что толковый словарь английского языка концепт «Muslim world» объясняет, как все, что так или иначе описывает само явление мусульманского мира»: это лексемы на обозначение быта и психологии, культуры и этнографии, предметы материального и явления духовного мира. То есть концепт «Muslim world» схематически можно изобразить так:

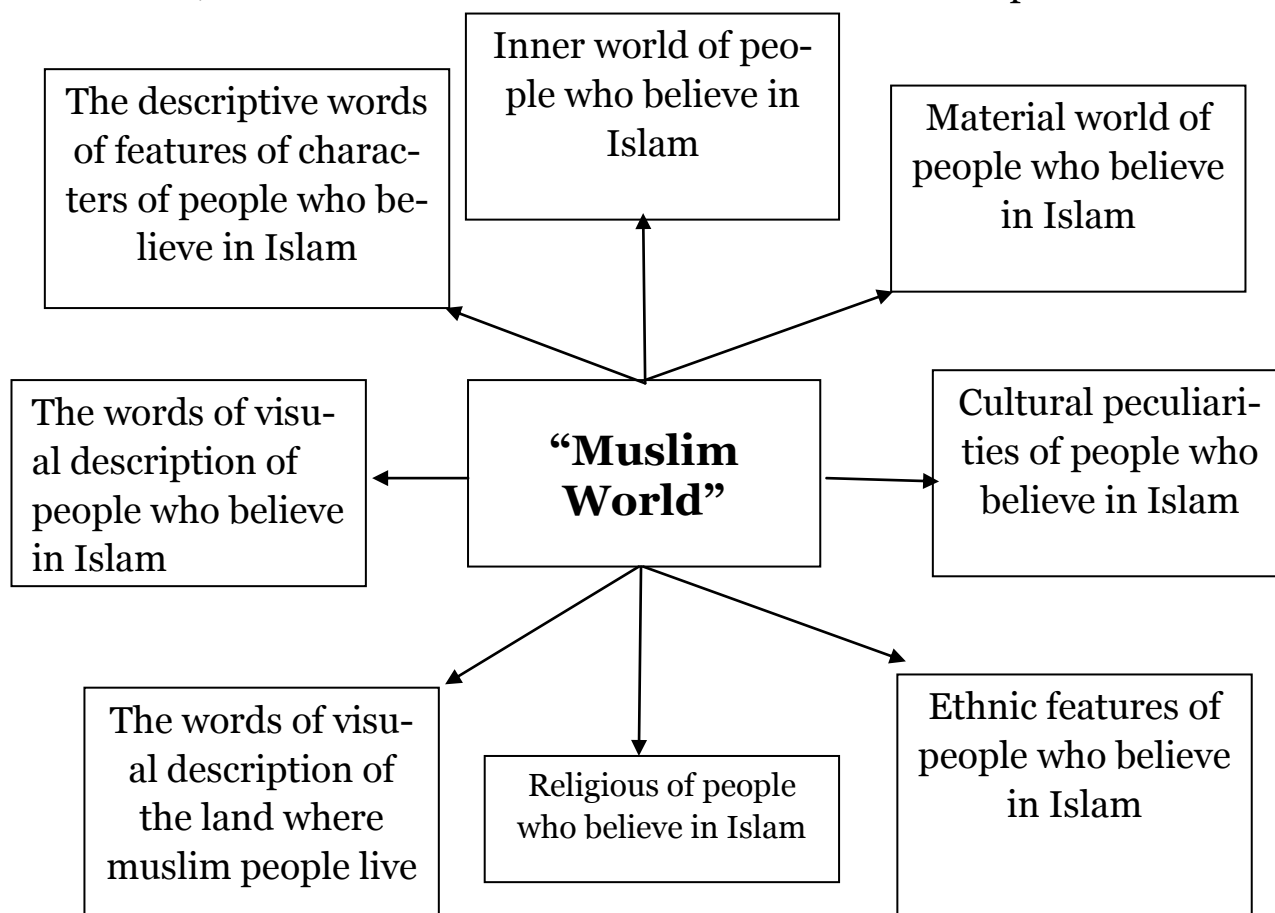

Рис. Схематическое изображение лексического наполнения концепта «Muslim world»

Отталкиваясь от такого фреймового определения понятия «Muslim world», исследуем далее его лексическое наполнение и определение. Для этого, были проанализированы основные формы описания явления «Muslim world» в устном общении на популярных среди молодёжи сайтах социальных сетей facebook и vkontakte. Анализ лексических единиц позволяет сказать о том, что данное явление имеет место быть в современном дискурсе и пользуется интересом и популярностью среди молодёжи, а также является часто-обсуждаемой темой на страницах социальных сетей.

При анализе англоязычных аутентичных публикаций были выявлены различные описательные лексические единицы, которые входят в фреймовые границы концепта «Muslim world» (таблица).

Таблица

Описательные лексемы, которые входят в фреймовые границы концепта «Muslim world» по материалам социальных сетей facebook и vkontakte

Muslim population	Мусульманское население
Islamic civilization	Исламская цивилизация
Mecca-based Muslim World League	Мусульманская мировая лига, которая базируется в Мекке
British Muslims	Мусульмане Британии
Russian Muslims	Мусульмане России
Muslim religion	Религия мусульман
Muslim communities	Мусульманские общины
cultural landscape of Muslims	Культурный ландшафт мусульман
British Islam	Ислам Британии
Islamophobia	Исламофобия
“irrational fear”(a phobia) of Islam	«иррациональный страх» (фобия) Ислама
unfounded hostility towards Muslims	Необоснованная вражда по отношению к мусульманам
Discrimination against Muslim individuals	Дискриминация мусульманской индивидуальности
the alienation of Muslim youth	Отчуждение мусульманской молодежи
Muslim woman	Мусульманская женщина
Muslim Brotherhood	Мусульманское братство
Muslim Case for Liberty	Мусульманский вариант свободы
Hijab	Хиджаб
the veil	Чадра
Prayer	Намаз

Если проанализировать особенности описательных лексем к концепту «Muslim world» в социальных сетях facebook и vkontakte, то можно отметить, что сегодня они имеют несколько смещенные акценты, поскольку речь идет об особенностях формирования отношения к мусульманам под влиянием эмоциональной нагрузки от недавних терактов в Париже, за которые ответственность на себя взяла исламская организация ИГИЛ.

Вместе с тем, довольно часто в качестве описательных используются лексемы, которые характеризуют быт мусульман, – речь идет о деталях одежды.

Таким образом, мы видим, что языковая картина мира – это зафиксированная в языке и специфичная для данного коллектива схема восприятия действительности. Современная семантика концепта «Muslim world» включает в себя практически все стороны жизнедеятельности человека, который причастен к миру мусульман, но в условиях современной геополитической ситуации, наблюдается смещение акцентов в сторону негативного восприятия мусульманского мира, что формирует негативную коннотацию концепта «Muslim world».

“Muslim world” в соответствии с принципом всеобщей связи явлений развертывает свой потенциал в современном мире и появляется возможность установления отношений между людьми, природой и обществом, а также их взаимное влияние друг на друга.

Литература

Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 1996. 104 с.

Брутян, Г.А. Язык и картина мира / Г.А. Брутян // Науч. докл. высш. шк. Философ. науки. – 1973. №1. С. 108–111.

Вежбицкая, А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / А. Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры, 2001. 272 с.

Жаботинская, С.А. Концептуальный анализ языка: Фреймовые сети / С.А. Жаботинская // Проблемы прикладной лингвистики. – Одеса: Вид-во Одес. нац. ун-ту ім. І.І.Мечникова, 2004. С. 81–92.

Карасик, В.И., Слышкин, Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. С. 75–80.

Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. 262 с.

Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. – М.: Изд-во МГУ, 1999. 341 с.

Опарина, Е.О., Сандомирская И.И. Фразеология и коллективная культурная идентичность / Е.О. Опарина, И.И. Сандомирская // Profilowanie w języku i w tekście. – Lublin, 1998. С. 373–379.

Попова, З.Д., Стернин, И.А. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: ВГУ, 2002. 314 с.

Потебня, А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. – К.: СИНТО, 1993. 192 с.

Слышкин, Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин. – М.: Academia, 2000. 128 с.

Стернин, И.А. Методика исследования структуры концепта / И.А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. С. 58–65.

Cambridge Dictionary. URL: <http://dictionary.cambridge.org/ru/>

Summary. The problem of realizing “Muslim World” in modern society is important today. The article gives some features of the concept “Muslim world”. The structure of the concept “Muslim world” is presented and described. The descriptive lexical units are identified with the help of social networks “facebook” and “vkontakte”.

Key words: Muslim World, concept, lexical items.

О НИКОЛАЕ ФЕДОРОВИЧЕ АЛЕФИРЕНКО

Доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, коллега, наставник, замечательный наш юбиляр родился 1 января 1946 г. в Славянске.

Интерес к науке пробудился у студента Николая Алефиренко в стенах Харьковского государственного университета. Филологический факультет, на котором произошло первое знакомство юноши с наукой о языке, хранил и множил традиции лингвистической школы А.А. Потебни, сложившейся ещё в XIX веке. Последователи А.А. Потебни: профессора В.П. Беседина-Невзорова, А.М. Финкель, Ф.Ф. Медведев, Ю.Ф. Тарасов, П.И. Зинченко – во многом определили научные интересы будущего учёного. Первые лингвистические опыты Николая Фёдоровича Алефиренко как раз и были связаны с исследованием экспрессивно-образных, метафорических и фразеологических средств языка. Здесь же был приобретен и первый опыт ведения научной дискуссии.

В 1987 г. в Киевском педагогическом институте Н.Ф. Алефиренко защитил кандидатскую диссертацию (по структурно-семантическим свойствам компаративных фразеологизмов), в которой уже тогда обнаружился глубокий интерес к лингвокогнитивным явлениям, поскольку компаративные структуры языка (тем более устойчивые!) служат средством вербализации сравнения как основного средства обыденного познания мира. Однако «тайной за семью печатями» оставались механизмы косвенно-производной вербализации отражаемой в сознании действительности, её «оязыковлениа». Н.Ф. Алефиренко предложил свой, авторский подход к осмыслению этой проблемы, реализовав его в докторской диссертации «Фразеомобразующее взаимодействие языковых уровней». Работа была выполнена в Полтавском педагогическом институте, где тогда работал соискатель, и защищена в Институте языкознания им. А.А. Потебни АН Украины в 1989 году. Исследование было выполнено на материале двух близкородственных языков: русского и украинского. Поскольку национально-языковая специфика близкородственных языков скрыта в глубинах языкового сознания, данная проблема продолжает оставаться ведущей на протяжении многих лет научного поиска учёного, о чём свидетельствует формулировка гранта РГНФ, поданного на конкурс в сентябре 2015 года: «Этнокультурная специфика регионального менталитета Слобожанщины». Разумеется, как руководитель исследовательских коллективов и наставник молодых учёных профессор Н.Ф. Алефиренко ставит сейчас и более широкие проблемы, такие как «Нарративно-дискурсивная парадигма межкультурной коммуникации: векторы преодоления современной кризисной турбулентности».

В 1991 году профессор Н.Ф. Алефиренко был приглашен на работу в Волгоградский государственный педагогический институт (университет). С 1992 года был председателем созданного им диссертационного совета по защите кандидатских диссертаций, а с 1994 года со-

вет получил право рассматривать докторские диссертации по специальностям: «русский язык», «теория языка» и «сравнительно-сопоставительное языкознание».

Подготовленные в Волгограде профессором Н.Ф. Алефиренко кандидаты наук работают в разных вузах России (Волгоград, Волжский, Астрахань, Борисоглебск, Михайловка, Тула) и за её пределами: в Украине, Чехии, Китае, Египте. За это время учёным было подготовлено 30 кандидатов наук. После открытия докторантуры в 1995 году прошли подготовку 14 докторантов, успешно защитивших диссертации и работающих сейчас в университетах Астрахани, Владикавказа, Волгограда, Тулы, Бешкека, Майкопа и других городов.

С 2004 года Николай Федорович Алефиренко – профессор Белгородского государственного университета. За это время при активном личном участии Николая Фёдоровича были открыты магистратура по направлению «Филологическое образование» и докторантура.

В настоящее время – научный консультант докторанта Т.Н. Скоковой, защита которой запланирована на декабрь 2015 года. С 2009-го года уже в диссертационном совете Белгородского государственного университета под научным руководством профессора Н.Ф. Алефиренко защищены докторские диссертации И.И. Чумак-Жунь, Е.А. Огневой, Н.Н. Семененко, Е.Г. Озеровой, З.Р. Аглеевой.

В стенах БелГУ завершены начатые ранее работы докторантов из Волгограда и Астрахани. Так, в 2008 году были защищены докторские диссертации: одна доцентом Астраханского университета Л.Г. Золотых в Белгородском государственном университете и три (С.В. Ракитиной, Г.В. Беляковой и Е.А. Голованевой) в Волгоградском педагогическом университете.

Под руководством профессора Н.Ф. Алефиренко подготовлено и защищено 24 докторских и 36 кандидатских диссертаций. Профессор Н.Ф. Алефиренко – действительный член Российской Академии социальных наук. Член двух диссертационных советов.

Николай Фёдорович известен в стране и как официальный оппонент, активно участвующий в защитах докторских и кандидатских диссертаций. География таких выступлений достаточно широка. Это диссертационные советы Москвы, Волгограда, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Ставрополя, Краснодар, Орла, Челябинска, Ельца, Воронежа, Саратова, Нальчика, Самары, Тамбова.

Профессор Н.Ф. Алефиренко – автор более 300 научных трудов, среди которых монографии и учебные пособия:

Теоретические вопросы фразеологии. – Харьков, 1987;

Теория языка: Введение в общее языкознание. – Волгоград, 1998;

Поэтическая энергия слова: синергетика языка, сознания и культуры. – М.: Академия, 2002;

Спорные проблемы семантики. – М.: Гнозис, 2005;

Современные проблемы науки о языке (М.: Флинта: Наука, 2005),

Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. – М.: Эллис, 2008;

Фразеология и когнитивистика: в аспекте лингвистического постмодернизма. – Белгород: Изд-во Белгородского ун-та, 2008.

Учебное пособие «Теория языка» используется филологическими факультетами многих университетов России. Книга выдержала четыре издания (2004, 2006, 2007, 2010). В настоящее время к печати подготовлено пятое издание. В 2009 году вышло второе издание книги «Современные проблемы науки о языке» (М.: Флинта: Наука). Оба учебных пособия имеют гриф УМО Министерства образования и науки РФ.

В общей сложности издано, в том числе в центральных издательствах, 12 монографий, 3 учебных пособия, словарь, более 200 статей.

Н.Ф. Алефиренко – руководитель научного направления «Когнитивно-семиологическая лингвокультурология», в рамках которого успешно разрабатываются ценностно-смысловые (культурологические) аспекты когнитивно-семиологической теории знаков вторичной номинации. Термин «семиология» приобретает здесь не синонимичный термину «семиотика» смысл. В работах профессора Н.Ф. Алефиренко и его учеников предметом семиологии является особый аспект содержания языковых знаков – дискурсивная семантика «живого», функционирующего в речи слова. Разрабатываются теоретические основы исследования этнокультурной семантики языковых знаков с целью перевода лингвокультурологии с описательно-иллюстративной (страноведческой) дисциплины в когнитивно-синергетическую, ориентированную на комплексное исследование синергетики языка, семантики, сознания и культуры. Основы данного подхода были заложены в монографии Н.Ф. Алефиренко «Поэтическая энергия слова: Синергетика языка, сознания и культуры» (М.: Academia, 2002).

Основной предмет когнитивно-семиологической теории – интериоризация в структуре вторично-номинативных единиц результатов лингвокреативного познания, вследствие чего формируются вторичные ярусы когнитивно-дискурсивного пространства семантической системы языка. Методологической базой исследования служит

а) разрабатываемый научной школой дискурсивно-синергетический подход к речевой семантике;

б) разработанный Н.Ф. Алефиренко метод когнитивно-семиологической комбинаторики как развитие фразеологической комбинаторики, заложенной ещё в докторской диссертации.

Кроме чисто теоретического, результаты исследования имеют прикладное значение. Так, разработаны фразеологические принципы словаря нового типа – когнитивно-культурологического. В 2008 году в свет вышел «Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики» (М.: Изд-во «Эллис», 2008). Соавтором словаря стала докторант Николая Фёдоровича,

ныне доктор филологических наук, заведующая кафедрой современного русского языка Астраханского государственного университета Л.Г. Золотых.

Много сил отдаёт Николай Фёдорович издательской деятельности в качестве редактора научных сборников и монографий (Астрахань, Белгород, Волгоград, Киров, Уфа) и как член редколлегий журналов: «Научные ведомости Белгородского государственного университета» и «Научный результат» (Белгород), «Язык. Словесность. Культура» (Москва), «Гуманитарные исследования» (Астрахань), а также Вестников университетов Москвы (МГОУ), Владикавказа (СОГУ), Майкопа (Адыгейский университет). Приплюсуем сюда же членство в двух редакционных советах научных изданий, аккредитованных ВАК (Волгоград, Астрахань).

Многочисленны и неоспоримы заслуги Николая Федоровича в деле укрепления международного научного сотрудничества. Николай Федорович Алефиренко – член фразеологической комиссии при Международном комитете славистов, член редколлегии рецензированного научного журнала в Чехии «Auspicia». Был научным консультантом словацких учёных, работающих над диссертациями по русскому языку А. Петриковой (Словакия, университет г. Прешев) и Н.Б. Кориной и Яна Галло (Словакия, университет г. Нитра). Работал в комиссии по присуждению региональных грантов РГНФ по Белгородской области. Руководил диссертационной работой магистранта БелГУ Ndeye Astou Mbene Sylla из Сенегала. В настоящее время – научный соруководитель кандидатской диссертации С.А. Абдальхамида (Египет, г. Каир).

Профессор Н.Ф. Алефиренко активно сотрудничает с учёными Польши (университеты Ольштына, Люблина и Щецина), Словакии (университеты г. Нитра и г. Прешев), Чехии (университеты г. Оломоуц, г. Ческе Будеёвицы и г. Градец Кралове), Болгарии (университет г. Пловдив). Автор статей по фразеологии в энциклопедическом издании «Українська мова: Енциклопедія». Киев, 2000. В 2009-2010 гг. в содружестве с проф. Л. Степановой (Оломоуцкий университет, Чехия) выполнялась исследовательская работа по Госконтракту РФ на тему «Когнитивная лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка».

Николай Федорович дважды проводил курсы повышения квалификации для преподавателей-русистов российских университетов. В 2013 году был приглашен в качестве лектора на курсы повышения квалификации лингвистов Армении (г. Ереван), в 2014 году – на курсы повышения квалификации русистов Казахстана (г. Астана).

Сформирована научная школа по когнитивной семиологии, в рамках которой Н.Ф. Алефиренко и многочисленными учениками исследуются проблемы речевой семантики языковых единиц вторичной и косвенно-производной номинации, их коммуникативно-когнитивных свойств в художественном, народно-разговорном, научном и публицистическом дискурсах. Исследования по проблемам фра-

зеологии, когнитивной семантики и лингвокультурологии ведут не только коллеги по кафедре Белгородского государственного университета, но и подготовленные профессором учёные из разных университетов России. Назовём некоторые исследования, выполненные докторантами Н.Ф. Алефиренко, входящими в состав научной школы:

1999 г. – Проблемы синтаксической идиоматики (проф. И.Н. Кайгородова);

2000 г. – Коммуникативно-прагматическая парадигма русской фразеологии (проф. Е.А. Добрыднева);

2001 г. – Номинативно-функциональное поле психических состояний в современном русском языке (проф. М.И. Лазариди);

2003 г. – Этнолингвокультурологические основы диалектной фразеологии Дона (проф. Е.В. Брысина);

2003 г. – Русская языковая личность: коды образной вербализации тезауруса (проф. Л.А. Шестак);

2007 г. – Когнитивно-дискурсивное пространство научного текста (д. филол. н. С.В. Ракитина);

2008 г. – Семантическая эволюция лексико-семантической системы русского языка (д. филол. н. Е.Б. Никифорова);

2008 г. – Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики (на материале русского языка) (д. филол. н. Л.Г. Золотых);

2009 г. – Проблемы смыслообразования знаков косвенно-производной номинации (докторант К.И. Декатова);

2009 г. – Когнитивно-дискурсивные проблемы неологии – (докторант Л.Ю. Касьянова).

В этом же направлении работают и другие исследователи, бывшие и нынешние ученики профессора Н.Ф. Алефиренко, входящие в состав научной школы. Они разрабатывают:

❖ проблемы вербализации концепта: проф. Г.В. Токарев (Тула); д. филол. н. К.И. Декатова и к. филол. н. Т.В. Гриднева (Волгоград), проф. З.Р. Аглеева (Астрахань);

❖ проблемы когнитивной структуры дискурса: проф. И.И. Чумак-Жунь, проф. Е.А. Огнева, проф. Е.Г. Озерова (Белгород), доц. И.В. Быдина и проф. Г.В. Бобровская (Волгоград);

❖ проблемы словообразовательной категоризации: д. филол. н. Г.В. Белякова (Астрахань);

❖ когнитивно-дискурсивные механизмы неологизации: (проф. Е.В. Сенько (Владикавказ) и проф. Л.Ю. Касьянова (Астрахань);

❖ проблемы языкового сознания билингов-мигрантов: к.ф.н. Йндржих Кеснер (Чехия, Градец Кралове) и Анна Петрикова (Словакия, Прешев);

❖ когнитивно-культурологические проблемы фразеологии: магистр Гу Хонфей, к. филол.н. Тянь-Цзюнь, к. филол.н. Юй Шэнбо (Китай).

Масштаб научно-исследовательской и, наставнической, преподавательской деятельности профессора Николая Федоровича Алефи-

ренко трудно переоценить. Свою любимую теорию языка этот удивительный человек преподаёт, преподносит так, что среди студентов начальных курсов уже выстраивается очередь из желающих подхватить эстафету высокого лингвистического поиска.

В соответствии с Указом Президента РФ от 16 июня 2010 года Н.Ф. Алефиренко получил государственную награду Российской Федерации «Заслуженный деятель науки РФ».

Дорогой Николай Федорович! Мы гордимся Вами, поздравляем Вас с юбилеем и желаем Вам в дальнейшем таких же убедительных и столь же ярких достижений во славу отечественной науки!

Преподаватели кафедры филологии

ОБАЯНИЕ ЛИЧНОСТИ

Авторитет профессора-юбиляра Николая Федоровича Алефиренко поддерживается не только завидной эрудицией, ответственным исполнением непростых обязанностей профессора национального исследовательского университета, не только объёмом сделанного и планируемого, о чём выше было сказано в режиме строгих и по-хорошему красноречивых цифр и фактов.

Престиж Н.Ф. Алефиренко обеспечивается, конечно же, ещё и неизменной доброжелательностью, сердечностью, интеллигентностью – всеми теми неуловимыми, но столь восхитительными качествами, которые позволяют считать, что рядом с нами работает настоящий учёный. Как обладатель богатейшей души, Николай Фёдорович всегда окружён аспирантами, магистрантами, коллегами. Здесь умение успокоить и вдохновить, и сыронизировать над самим собой, и увлекательно рассказать какую-нибудь околонаучную историю, и то самое замечательное умение понимать окружающих. А нежная забота о матери! Безграничное трудолюбие, опирающееся на позитив восприятия жизни и судьбы, есть не что иное, как прекрасный пример для подражания, а ведь дефицит таких поведенческих образцов не может не влиять на общую атмосферу в современной высшей школе.

Десять лет назад мы интервьюировали профессора Н.Ф. Алефиренко¹. Фрагменты этого интервью и сейчас не утратили своей значимости. Однако нам захотелось снова побеседовать под диктофон с Николаем Фёдоровичем и задать несколько иные вопросы, тем более что обаяние личности учёного ярче и теплее проступает именно с голоса, с интонационно окрашенного содержания ответов-откровений.

Конечно, любое интервью не может охватить всех аспектов личности и судьбы. Возьмём оппонирование. Нам иногда приходилось оппонировать на пару. Помнится, как много лет назад, когда счита-

¹ Интервью опубликовано в сб.: Слово – сознание – культура: сб. научн. трудов / Сост. Л.Г. Золотых. – М.: Флинта, 2006. – С. 19-30.

лось, что, прежде чем защищать докторскую диссертацию, нужно, как бы это помягче сказать, состариться, Николай Фёдорович поддержал своим отзывом талантливую работу 27-летней женщины, против которой в её же вузе разрастался шквал негатива. Помню, как выступил оппонентом Н.Ф. Алефиренко по не самой талантливой работе другого автора, и не только для меня это был урок великодушия. Как председателю диссертационного совета в Волгограде Николаю Фёдоровичу пришлось проводить защиту одной женщины-литературоведа, когда в зале сидела «группа поддержки», приехавшая, чтобы настроить диссертационный совет против соискательницы. Николай Фёдорович часто выступает в свободной дискуссии достаточно критично, но чтобы бросить чёрный шар – никогда. А галантность, рыцарство, умение пошутить? Профессор Г.М. Шипицына весьма точно обозначила такое качество юбиляра, как бесконфликтность. Вот почему сегодня мы сформулировали вопросы не только о науке, но и о книгах, о членах семьи, чтобы обнажить истоки благородства и обаяния этого человека.

– Николай Фёдорович! Десять лет назад Вы давали интервью, это был 2006-й год. За десять лет, на Ваш взгляд, что изменилось в науке? Больше стало терминов-творчества или, наоборот, лингвистика стали выходить на какие-то новые точки роста? Я читала название одного вашего коллективного проекта: «Этнокультурная специфика регионального мыслекода Слобожанщины».

Новая научная парадигма в лингвистике, которая сегодня набирает обороты, как мне представляется, связана с особым, новым типом научного мышления, к сожалению, ещё не получившего чёткого понятийно-терминологического определения. Читая курс истории лингвистических учений, приходится обсуждать со студентами проблему смены научных парадигм. Вспоминаем, что на смену компаративистике пришёл структурализм, затем пришло время «постструктуральной лингвистики». Спрашиваю, как бы вы назвали лингвистику XXI века? Вопрос, разумеется, непростой. Даже учёному не всегда легко ответить на этот вопрос. Приходится объяснять, почему я называю современную научную парадигму лингвистическим постмодернизмом. Этот этап в развитии лингвистической мысли характеризуется всеми признаками постмодернизма как стилю не только художественного, но и научного мышления. Для него присуща свобода мышления, лишённая стереотипов интерпретация языковых явлений. К сожалению, сегодня молодые, начинающие исследователи любят жонглировать такими новыми понятиями, как «концепт», «фрейм», «языковая картина мира», «дискурс» и т.п. Да и лингвисты старшего поколения относятся к такому положению дел снисходительно: дескать, время в лингвистике такое. Хаотичное использование терминов, конечно, расшатывает структуру любого научного построения. Ведь ещё со студенческой скамьи известно, что научный стиль характеризуется стро-

гими критериями оформления предлагаемой теории речи и достаточно моносемичным употреблением слов в их терминологических значениях.

Ну а с использованием в лингвистике понятий «концепт» и «дискурс» ещё больше недоразумений. Чуть ли не каждый исследователь пытается оправдать их нетерминологическое употребление просто: «я понимаю под этим...». Пришло время использовать новые понятия в теоретически обоснованном (а значит осмысленном) содержании. Таковыми являются суждения П. Абеяра, С.А. Аскольдова-Алексеева, Д.С. Лихачева, Ю.С. Степанова и др. Лингвистика нашего времени дрейфует, я бы сказал, под давлением турбулентности современного лингвистического мышления. Кажется, любая свобода выражения мысли должна приветствоваться. Спору нет, свобода мысли – бесценна для любого поиска истины. Но не для оформления его результатов. Тем более для лингвистики, которая многие века стремилась к точности. Достаточно вспомнить открытие фонетических законов младограмматиками, а позже и законов на других уровнях языка. Мы должны быть благодарны Ф. де Соссюру и его последователям (несмотря на их заслуженную критику) за то, что их идеи сблизили лингвистику с точными науками. Благодаря их деятельности появился не только структурализм, до сих пор вызывающий неоднозначное к себе отношение, но и машинный перевод, управление техническими устройствами с помощью устной речи, что имеет непосредственное отношение к развитию робототехнических систем, управляемых голосом. Это также лингвистическая кибернетика, информатика, в союзе с лингвистикой обеспечивающая работу информационно-поисковых систем и автоматизированных систем управления, математическая и инженерная лингвистика. Всё это мы имеем благодаря точности нашей науки. Поэтому, я полагаю, стремиться к точности, к соблюдению точных определений и корректному употреблению лингвистических терминов нас обязывает современная научная парадигма, сочетающая в себе системо- и антропоцентрические начала.

– Спасибо. Николай Фёдорович, Вы как-то сказали, я слышала: ходить в университет и учиться – это разные вещи. Вы имеете в виду, что студенты уже сейчас, первокурсники, должны больше конспектировать, самостоятельно добывать знания?

– Да! Я сегодня на лекции у первокурсников провел блиц-опрос (пять минут я выделяю, чтобы понять, как усвоен предыдущий материал и как выстраивать нынешнюю лекцию) и обнаружил, что многие студенты не заглядывали ни в конспект предыдущих лекций, ни тем более не изучали рекомендуемую учебную и научную литературу. Поэтому пришлось их припугнуть: велел сказать родителям, чтобы те не строили иллюзий, что их любимая дочь или сын **учится** в университете. Скажите своим родителям, говорю им, правду: я, дескать, «хо-

жу» в университет, каждое утро отправляюсь в университет, сижу в аудитории, как в филармонии или в театре, наблюдаю, как изоощряется преподаватель у доски, но сам не добываю знания. Я пытаюсь внушить, что учиться – это добывать и усваивать знания. И не просто читать конспект, потому что любой конспект, даже конспект хорошего лектора – это лишь путеводитель по теме. Изучать дисциплину лишь по самим же составленному конспекту прослушанной лекции, – всё равно что приехать в Египет, поселиться в гостинице и не выходя из неё приняться читать путеводитель по Египту, не посетив ни одной достопримечательности. То есть, пытаюсь внушить, что конспект – это только путеводитель, который разъясняет сложные в изучаемой теме места, помогает разобраться в противоречивых вопросах. Основная же работа по овладению профессией начинается в читальном зале библиотеки. Главное для меня – научить студента учиться, приобретать знания, погружаться в мир языкознания.

– Николай Фёдорович, Вы общаетесь с зарубежными, в основном с европейскими, учёными. Как, на Ваш взгляд, выглядят наши научные исследования, ну не белгородские, а вообще, отечественные? Отстаём мы, опережаем или идём ноздря в ноздю?

– Полагаю, что до сегодняшнего времени всё-таки российская лингвистика (не могу говорить за всю науку) – находится в авангарде научного поиска...

– Это советская школа, да?

– В целом прослушанные мною доклады можно разделить на две категории (и обе, надо заметить, занимают свою ценностную нишу): лингводидактическую и собственно лингвистическую. Лингводидактические изыскания моих уважаемых и любимых зарубежных коллег преисполнены увлекательным иллюстративным материалом. Это объясняется спецификой педагогической деятельности коллег, которых я слушаю обычно на филологических конференциях. Они занимаются преподаванием русского языка как иностранного, поэтому они сосредоточены главным образом на лингвострановедческих исследованиях. На этом фоне впечатляют исследования фразеологов, которые служат образцом единого годами выработанного подхода, сочетающего фразеологическую классику и инновации: интерес к этимологии, структурно-семантическому и коммуникативно-прагматическому анализу, фразеографическому моделированию, лингвокультурогической и сопоставительной фразеологии. Такими для меня являются в России В.М. Мокиенко, А.М. Мелерович, Н.Н. Кириллова, С.Г. Шулежкова; за рубежом – Х. Вальтер, Ж. Финк, В. Хлебда, А. К. Бирих, Л.И. Степанова и др. Во второй категории – глубокие теоретические труды тех многочисленных зарубежных учёных, которые служат непревзойдёнными образцами. Это и американские, и французские, и испанские ученые... Так, современная лингвокогнитивистика немислима без исследований Ф. Джонсон-Лэрда, Дж. Лакоффа, Р. Лангаке-

ра, Ж. Фоконье, Л. Талми. Современная лингвистическая дискурсология не могла бы развиваться без глубоких исследований европейских лингвистов (Ю. Хабермас, М. Фуко, Т.А. ван Ван Дейк, П. Серио, Т. Гивон и др.). С другой стороны, новые направления в лингвистике представлены оригинальными трудами отечественных ученых (Ю.С. Степанов, Е.Ф. Тарасов, А.А. Кибрик, З.Д. Попова, В.З. Демьянков и мн. др.). Думаю, развитие лингвистики, как и любой другой наук, не определяется географическим или государственным хронотопом. Всё – в личностном потенциале ученого.

– Спасибо. Некоторые такие вопросы, которые обычно задают, можно? Любимый цвет, любимое время года или даже месяц, любимый писатель.

– Да, понятно, что, отвечая на этот вопрос, каждый опирается на собственное мироощущение, миропонимание, мировосприятие, на личные ассоциации. Любимыми я бы назвал спокойные тона, которые не раздражают и не мешают сосредоточиться. Время года? Ну, здесь я, конечно, далёк от пушкинского восприятия осени. Для меня – весна! Потому что весна у нас не похожа на гнилую весну тёплых стран, она свежа, как осень, но всё-таки всех и вся пробуждает к новой жизни. Весной происходит реинкарнация всего живого, и в том числе и наших душ, и наших чувств. Любимыми писателями..., может быть, не любимыми, а ходовыми, читаемыми, я бы назвал тех авторов, которых сегодня издают, которых хочется знать. Это те, кто помогает нам преодолевать пространство в научных командировках – в поезде это и Б. Акунин, и Л. Улицкая. Конечно, эти произведения классику заменить не могут. Перечитывая то, что знакомо со школы, по-новому видишь глубину того смыслового содержания, которое вкладывали в свои произведения Ф. Достоевский или И. Бунин. И тогда понимаешь, почему зарубежные читатели так любят наших писателей. Потому что они позволяют себя ощутить в некотором новом нравственном и интеллектуальном измерении.

– А в детстве какие книги Вас сформировали? Это традиционный вопрос: какие три книги Вы бы взяли на необитаемый остров? Что Вы без конца перечитываете?

– Ну, я бы не сказал, что у меня было столько времени для перечитывания. Дай Бог, прочитать всё, обучаясь на филологическом факультете – тут уже не до *пере-*, а хотя бы так, *про-* (смеётся) читать успеть всё. Но всё-таки из лириков – это Ф. Тютчев. Это даже не А.С. Пушкин, не М.Ю. Лермонтов, а вот те, малоизвестные... Из прозы – И. Бунин, конечно. Не зря его постамент возведён у нашего корпуса. Кроме тех, кого я уже называл, для меня остаются непревзойдёнными Д.Н. Мамин-Сибиряк и Н.С. Лесков. Особенно Лесков... Чего стоит один лишь «Очарованный странник»!

Не случайно Д.П. Святополк-Мирский назвал Лескова «самым русским из русских писателей и который всех глубже и шире знал русский народ таким, каков он есть».

А в науке, конечно, есть тексты, которые приходится перечитывать. В науке иногда трудно остановиться, познакомившись с трудом, преисполненным нетленных идей. В этом отношении бездонный клад наследие А. А. Потебни. Может быть, в этом играет роль и субъективный фактор: я учился в Харьковском университете, и сейчас вспоминаю университет, представляю коридоры и портреты лингвистов-классиков. С одного из них строго и мудро смотрел на нас Потебня. У меня и сегодня осталось ощущение его зоркого и пытливого взгляда. Ведь многое из того, что сейчас выдают за инновации, откровения в лингвистике, было предвосхищено в его трудах. Чего бы мы ни коснулись – в той или иной степени предвосхищено А.А. Потебней. Истоки многих ныне притягательных лингвистических парадигм – и когнитивной лингвистики, и дискурсологии, и лингвофольклористики, и даже когнитивной поэтики, которую исследуют мои ученики (И.И. Чумак-Жунь, Е.Г. Озерова, М.А. Голованева), – можно найти в трудах А.А. Потебни.

– Николай Фёдорович, каковы истоки Вашего благородства? Вы когда-то говорили про дядю, в честь которого Вас назвали Николаем, он отказался от квартиры в Елизово, что на Камчатке?

– Да, это то поколение, коммунистическое поколение, советские интеллигенты, которых сейчас, я считаю, иногда незаслуженно называют потерянными поколением. Говорят, что они прожили жизнь не так, и зря, что служили власти и т.п. Но именно представители того поколения совершали поступки, которые не перестают удивлять до сих пор – это образцы, аналоги которым хочется найти в современной жизни. Если говорить о дяде, он лёгчик, генерал, окончил Ленинградскую авиационную академию, и в самом деле служил на востоке, в Хабаровске, Николаеве-на-Амуре, а закончил службу уже в Петропавловске-на-Камчатке. Там – большой аэропорт Елизово. Был он каким-то неисправимым оптимистом, преисполненным веры в коммунистические идеалы. А ведь, поверьте или согласитесь, сами идеалы были великолепны! Другое дело как они воплощались или реализовались, но сами идеалы и сегодня восхищают. Жена у него из Воронежа, рассказывала мне, что сидели-сидели они – всё в служебных квартирах. Приедут в новый аэропорт, выдадут им служебную даже не в городе, а где-то там при... А всё-таки зарплаты они получали приличные, «северные» же платили, и его супруга Клавдия Георгиевна, она, кстати, филолог, учитель русского языка и литературы, собрала деньги, приехала в Воронеж, где у неё братья-сёстры жили и на эти деньги построила квартиру в кооперативном доме. И сейчас эта квартира им служит. А если бы она не сделала этого шага, то дети его, наверное, жили бы сегодня в каком-то служебном помещении.

– Я не могу не спросить о Марии Яковлевне, Вашей матери. Не отсюда ли Ваше великодушие, интеллигент-

ность? Поясню. На кафедре не раз говорили, что Мария Яковлевна не только знает всех Ваших аспирантов и называет их всегда по имени-отчеству, но знает и про их детей, и не отпустит, не накормив украинским борщом. Такие бытовые детали близки к жанру легенды и потому не забываются.

– Да... Когда я смотрю на себя со стороны, понимаю, что меня можно воспринимать по-разному. И не только великодушным. Можно даже как жёсткого в общении с учениками руководителя, не дающего послабления. Аспирантам и докторантам со мной на самом деле работать нелегко, потому что иногда им кажется, что где-то в науке можно расслабиться. Одна моя аспирантка, не буду называть её имени, приехав из Ленинской библиотеки, произнесла: «Николай Фёдорович, я прочитала много диссертаций, которые Вы советовали и не только эти. Увы, есть гораздо слабее, а Вы до сих пор меня не выпускаете на защиту». На это я ей ответил: «Неужели Вы хотите, чтобы, прочитав вашу диссертацию, кто-то сказал своему научному руководителю, что я вот читала такую-то диссертацию – она гораздо слабее моей. Поэтому пусть лучше скажут, что Ваше исследование достойно подражания, а Вы, не беда, защититесь немного позже». Милосердие и любовь к ученикам, мне кажется, имеют ещё и другое измерение: они – не в попустительстве, а в благожелательной требовательности. К сожалению, в нашей научной жизни встречаются и сырые работы. Когда я говорю «сырые», это значит: выпущенные преждевременно. Этому всегда есть какие-то объяснения: предстоит перерегистрация диссертационных советов, хочется защититься по старым правилам. Или, скажем, предполагаемое рождение ребёнка у соискателя, хотелось бы до...! А почему не *после*? Родить здорового ребёнка, порадоваться его появлению, а потом защититься! Кажется, что месяц, или два, или три решают всё, а на самом деле наука не терпит суеты. Это надо внушить ученикам, потому что им всегда хочется быстрее. Некоторые аспиранты принесут сегодня диссертацию, и тут же спрашивают: а когда я буду защищаться? В таком случае их интересует не моё мнение о выполненной работе, а срок защиты, потому что... И дальше следует: потому что выхожу замуж, потому что мама плохо себя чувствует. Это, конечно, важные жизненные ситуации, но они не отменяют вечных потребностей и задач науки.

– Ваш внук Андрюша, помните, Вы рассказывали, какое-то место он занял по русскому языку?

– Меня иногда спрашивают, а как мои дети, внуки. Сын у меня юрист, он занимается юриспруденцией, а вот у внука Андрея на самом деле проявляются лингвистические способности, и они проявляются не какими-то блиц-вспышками. Сейчас он изучает несколько языков. Конечно, русский и украинский – школьные предметы. Затем с годовалого возраста английский, бабушка, преподаватель английского, за-

нималась с ним. Когда он был маленький, в том возрасте, когда дети создают свой, особый язык, он плохо различал разные языковые коды. Выбирал то слово, которое короче. «Где папа?» «Поехал на *car!*», «Где мама?» – «В большом *руме*», «Где бабушка?» – В маленьком *руме*» (*car* – машина; *room* – комната). А на вопрос: Как тебя зовут? – *Дрей!* И сейчас большой уже, почти юноша, а я иногда к нему обращаюсь: *Дрей! Дрей дома?* (смеётся). Английский – третий язык. С 4-го класса в школе начал изучать немецкий, а ещё вне школы ходит на курсы польского языка. Пять языков. И везде его хвалят. На олимпиаде по русскому языку, получил поощрение, отметили дипломом. Сейчас готовится к олимпиаде по немецкому. Будут отбирать детей для поездки в Германию, для погружения в языковую среду. Его туда уже готовят. Пан Петр, учитель польского языка, говорит, что Андрей уже готов учиться в каком-нибудь польском лицее. Конечно, это меня радует. Был выбор после начальной школы: трудовое, математическое обучение (Андрея очень хотели определить в математический класс, завуч долго не отпускала его из своих математических объятий) или гуманитарное. Мы же настаивали: математику он будет знать, а нет – так репетитора пригласим. Надо, чтобы он знал языки: мало ли, как жизнь повернётся. И теперь я не жалею: он круглый отличник, и по математике тоже. Так что лингвистическая ветвь в нашем роду, возможно, продолжится.

– Вы много ездили с лекциями, курсами по городам, странам. Что запечатлелось в памяти особенно ярко?

– На нашем пространстве в принципе везде одинаково: требуется трудолюбие, исполнительность и увлечённость. Это то, что приносит нам всем удовлетворение. Нас никто не заставляет этого делать, а мы идём в библиотеку, сидим там и в субботу, и в воскресенье, и в праздники. В отпуске пишем книги. Видимо, это то, что называется влечением души. Что меня больше всего впечатлило при общении с зарубежными коллегами? Везде, во всех странах лингвисты пытаются постичь какие-то новые тенденции в развитии науки о языке и считают (везде считают!), что российская наука является ведущей в этой области. Я был в Словакии, да и в Чехии, не говоря уже о евразийском пространстве. В Астане читал лекции. Все с удовольствием слушают и пытаются постичь те идеи, которые разрабатываются нашей отечественной лингвистикой. Больше всего меня приятно поразили условия, которые создаются для работы учёных в разных странах. Впечатляют условия научной и учебной работы в Казахстане, где наука и культура считаются приоритетными среди иных сферах интеллектуальной и духовной жизни. В Астане, помимо государственных, создано несколько частных университетов. Я читал лекции в Евразийском университете им. Л.Н. Гумилёва. Рядом – Казахско-Американский университет. Его еще называют Назарбаевским. Там лекции читают не только на казахском языке, но и английском. Приглашают англо-

язычных преподавателей из Америки и Англии. Зарплата в 3-4 раза выше, нежели в Евразийском университете. И студенческие кампусы, и условия для преподавателей великолепны. Есть возможность бесплатно печатать свои работы. Так, в результате своей поездки в Астану я опубликовал с профессором Ш.К. Жаркынбековой совместную монографию.

– О чём бы Вы хотели ещё рассказать в этом интервью в дополнение к уже сказанному?

– Мне бы хотелось, чтобы вы спросили меня об учениках. От общения с учениками, особенно за последнее время, остаётся ощущение главного удовольствия – от того, что в науку идут очень вдумчивые, пытливые исследователи. Это бывшие докторанты, ныне профессора Е.А. Огнева, И.И. Чумак-Жунь, Е.Г. Озерова, Т.Н. Скокова. Они перерастают своего учителя. И это особенно приятно, потому что наука так и развивается. Это не удручает, наоборот, кажется, что не зря посеял научное зерно, оно всходит и даёт новые плоды. Очень интересны работы, выполненные в русле когнитивной лингвопоэтики: Е.Г. Озеровой – по материалам прозы, И.И. Чумак-Жунь – поэзии, М.А. Голованёвой – драматургии, Т.Н. Скоковой – исследование протOVERBально-го смысла. Плодотворно работают мои ученики и в других регионах. Назову прекрасно выполненные исследования по фразеологической семантике Л.Г. Золотых, по сопоставительной идиоматике в сфере синтаксиса З.Р. Аглеевой (Астрахань), по когнитивной фразеологии К.И. Декатовой, по соционеологии Л.Ю. Касьяновой, по паремиологии Н.Н. Семененко. Работа с учениками даёт ощущение интеллектуально-эмоциональной наполняемости. Наполняется разум и душа. Это такое непередаваемое ощущение, когда видишь плоды своего труда. Я уже не говорю о кандидатах наук – К.К. Стебуновой, И.А. Ярошук, О.А. Воронковой, О.В. Куманок. Это те звёздочки, которые не перестают гореть, светиться. И хочется надеяться, на достигнутом они не остановятся. Ученики – это самое главное в научной деятельности! Они подпитывают меня жизненной энергией, проецируют новые векторы лингвистического поиска.

– Мне остаётся сердечно Вас поблагодарить, Николай Фёдорович, за весьма полезную информацию, освещающую не только Ваш интеллект, но ещё и удивительный душевный строй.

Беседовала Вера Харченко

С ЮБИЛЕЕМ ПОЗДРАВЛЕНИЯ, ДОБРЫЕ БЛАГОСЛОВЕНИЯ...

Дорогой Николай Фёдорович!

В канун самого таинственного и наполненного ожиданиями праздника примите самые искренние поздравления с наступающим Новым 2016 годом! Желаем Вам творческого вдохновения и новых перспектив развития и надеемся на продолжение добрых и успешных отношений в Новом году!

Ректор Национального исследовательского
Томского государственного университета, профессор
Э. В. Галажинский

Президент Национального исследовательского
Томского государственного университета, профессор
Г. В. Майер

Ректорат Казахского национального педагогического университета имени Абая поздравляет Заслуженного деятеля науки РФ доктора филологических наук профессора Белгородского государственного национально исследовательского университета члена-корреспондента РАН с 70-летним юбилеем.

Ваш вклад в науку и образование поднимает престиж прославленной русской науки. Ваша просветительская деятельность распространяется далеко за пределами России. Благодарность и восхищение вызывает Ваша деятельность ученого и педагога. Выход каждой Вашей книги у нас в Казахстане воспринимается с огромным интересом. Большое Вам спасибо! Желаем Вам легендарного, творческого и жизненного долголетия.

Ректор КазНПУ. им. Абая академик С.Ж. Пралиев.
25.12.2015

Уважаемый Николай Фёдорович!

Позвольте поздравить Вас с юбилеем! Это важный день для всех нас. Вы являетесь выдающимся учёным-филологом, научное поле деятельности которого трудно определить одним словом. Вы развили теорию фразеологии, разработали основы теории косвенной номинации и коннотативного значения, обозначили путь новейшего направления в лингвистике XXI века – лингвокультурологии. Ваши лексикографические проекты отличает соединение традиции и новаторства. С Вашим именем мы связываем всё новое – Вы всегда впереди!

Ваши научные работы отличает широта теоретической мысли, весомость научной аргументации, точность исследования. Компрессия

Вашего научного стиля дает возможность новому поколению исследователей погружаться в научные глубины Ваших трудов. Вы знаете цену слову, не терпите научной графомании, поскольку главное для Вас было и есть – поиск истины!

В этот день позвольте пожелать Вам здоровья, плодотворных творческих исканий, новых научных свершений.

11 января 2016 года

Ректор ТГПУ им. Л.Н. Толстого

В.А. Панин

Коллектив факультета русской филологии и документоведения

Наши поздравления Николаю Федоровичу Алефиренко

Есть люди, которые покоряют не только высокой профессиональной компетентностью, но и силой мысли, обаянием и организаторскими способностями. К такой когорте замечательных людей принадлежит Николай Федорович Алефиренко. В Томске знают и ценят его не только как выдающегося ученого, крупного специалиста в области теории языка, лингвокультурологии, когнитивной семантики, теории дискурса, но и как эрудированного человека, с которым очень интересно общаться.

Николай Федорович является одним из ведущих специалистов по лингвокультурологии и фразеологии, руководитель научной школы по когнитивной семиологии, чьи работы известны в России и за рубежом. Многие труды Николая Федоровича стали классическими, оказав благотворное влияние на развитие разных научных направлений современной лингвистики.

Его эрудиция, увлеченность и преданность лингвистике вызывают огромное уважение и покоряют, а учебные и публичные лекции неизменно вызывают большой интерес у слушателей.

Дорогой Николай Федорович! Сердечно поздравляем Вас с Юбилеем! Желаем крепкого здоровья, неиссякаемой энергии, творческого горения! Оставайтесь всегда такой же удивительной и яркой Личностью, какой мы Вас знаем и любим!

По поручению кафедры
современного русского языка и стилистики
Томского государственного университета
заведующая кафедрой
доктор филологических наук
профессор

Нина Сергеевна Болотнова

Вельмишановний Миколо Федоровичу!

Прийміть найщиріші вітання з нагоди Вашого Ювілею!

Сьогодні ми віншуємо Вас як видатного педагога, фундатора наукової школи, високодуховну людину, учителя й наставника молодих науковців.

Ви, відомий у світі учений-мовознавець, знаний педагог, як ніхто інший, розумієте сутність гармонії мови. Ви з власної волі пов'язали свою долю зі словом, вдумливо, сумлінно, з великою любов'ю досліджуєте проблеми загального мовознавства, когнітивної семантики, лінгвокультурології та фразеології. І водночас Ви – утілення гармонійної співрозмірності: між емоціями та розумом, між зовнішнім світом та внутрішнім єством, між теорією та практикою. Для нас Ви – взірць несхибного життєвого вибору, послідовної гуманістичної позиції, утіленої й примноженої тисячами філологів.

Ми горді з того, що саме Ви вивели нас у широкі наукові світи. І, як і всі Ваші чисельні аспіранти й докторанти, всякчас пам'ятаємо Вас – свого Учителя, шляхетного наставника, мудрого старшого колегу. Із вдячністю та теплотою згадуємо ті часи, коли працювали під Вашим керівництвом. Низький уклін Вам, Миколо Федоровичу, не тільки за вагомі наукові здобутки та урожайну наукову діяльність, а й за височінь Вашого духу та здатність щедро ділитися з людьми багатством своєї душі, за приязне ставлення, добрі слова, надійну підтримку. Завдяки Вам ми переконалися, що подаровані людям тепло, любов і добро роблять світ яскравішим, барвистішим, гармонічнішим, щирішим.

Бажаємо Вам, дорогий наш Учителю, успіхів, творчого горіння на лінгвістичній ниві, яскравих ідей та міцного здоров'я для втілення всіх творчих і наукових задумів, натхнення у праці, що повсякчас збагачує скарбницю лінгвістичної науки.

Нехай вічно прихильним буде до Вас Слово, якому присвятили Ви своє життя, нехай відкриває воно Вам свої нові таємниці та скарби, якими Ви не забаритеся щедро поділитися з усіма тими, хто шанує Вас і потребує вогню Ваших думок.

У день ювілею бажаємо, Миколо Федоровичу, щоб ще довго родило добірними плодами Ваше наукове дерево, щоб світло добра й любові, гармонійної погодженості огортало Вас, щоб Ви завжди зберігали енергію юності та зрілий розум науковця. Нехай усі Ваші справи, невідкладні плину часу та зміни поколінь, проростають квітами добра й любові, а Доля дарує надію, віру, добробут Вашій оселі на многії, довгії, щасливії літа.

Ювілей Ваш, Миколо Федоровичу, – то свято Вашої душі, то дарована Богом змога продовжувати розпочате, радіти спілкуванню зі світом і людьми.

Нехай Ваші мудрі справи та звершення послужать ще не одному поколінню студентів, викладачів, науковців, збагативши та озброївши їх плодами Ваших трудів на ниві філології.

Джерельного Вам здоров'я, творчої наснаги, сонячного щастя, калиноцвітних днів попереду, приємних вражень, здійснення бажань!

Хай буде невичерпною криниця Вашого життя!

Нехай пробуде з Вами довголіття,

Життєвий шлях простелиться суцвіттям,

Років прожитих щирее тепло

Ще спалахне на багаті літа!

Зі щирою подякою та любов'ю Ваші українські вихованки, кандидати філологічних наук, доценти Волочай Марія Петрівна та Корнева Людмила Михайлівна.

Полтава, Україна.

Поздравления с юбилеем пришли с разных концов мира: от Каира до Нитры, от Чанчуна до Инсбрука.

Приветственные слова, сердечные пожелания и горячие приветы получены от профессоров Г. В. Бобровской, Т. В. Гридневой, Е. Б. Никифоровой, С. В. Ракитиной, В. С. Супруна из Волгограда, от З. Р. Аглеевой и М. В. Беззубиковой из Астрахани, от Т. Г. Бочиной и В. А. Косовой из Казани, от В. А. Ефремова, Н. Н. Кирилловой, В. Ю. Прокофьевой из Санкт-Петербурга, от Е. М. Марковой и О. И. Авдеевой из Москвы, от Л. Ю. Буяновой и Л. А. Лебедевой из Краснодара, от Н. С. Болотновой и А. В. Болотнова из Томска, от Д. С. Скнарёва из Челябинска.

Тёплые поздравительные письма прислали профессора Л. О. Бутакова (Омск), О. П. Касимова (Пермь), С. В. Чернова и Л. В. Калинина (Киров), Р. Х. Хайруллина (Уфа), Е. Матюшенко (Самара), В. В. Дементьев (Саратов), Л. Рацибурская (Нижний Новгород), Л. Б. Савенкова (Ростов-на-Дону), А. В. Жуков (Великий Новгород), Е. В. Сенько и Т. Ю. Тамерьян (Владикавказ), З. Р. Хачмафова (Майкоп), В. А. Бурцев (Елец), З. Д. Попова (Воронеж), Т. Никитина и Е. Рогалёва (Псков), Л. М. Корнева (Полтава), Н. Вежинович (Ужгород), а также многолетние коллеги из дальнего зарубежья – Н. Корина (Словакия, Нитра), Й. Коростенски (Пльзень, Чехия) С. Абдельхамид (Каир, Египет), Х. Вайнбергер (Инсбрук, Австрия), С. Георгиева (Пловдив, Болгария), М. Младенова (София, Болгария), Тянь Цзюнь (Чанчунь, КНР), С. Мурата (Япония).